

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ДЕБАТЫ

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

1945–1953 гг.

МАТЕРИАЛЫ
VII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ТВЕРЬ, 4–6 ДЕКАБРЯ 2014 г.

**Советское государство
и общество в период
позднего сталинизма
1945–1953 гг.**

Седьмая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена проблемам позднего сталинизма, особого этапа в истории советского государства и общества – от победы в Великой Отечественной войне до смерти Сталина. Этот период был отмечен взаимодействием ряда противоречивых тенденций. Одни из них демонстрировали апогей сталинской системы. Другие – складывание предпосылок для ее трансформации в несталинскую авторитарную модель советского социализма. К числу первых относились усиление личной власти Сталина; проведение масштабных идеологических и репрессивных кампаний; экспансия ГУЛАГа; консервативная социально-экономическая политика. К числу вторых – реформистские ожидания советского общества, порожденные победой; кризисные явления в экономике, вызванные, прежде всего, стагнацией сельского хозяйства и социальной сферы; дестабилизация ГУЛАГа.

В конференции приняли участие специалисты из Австралии, Армении, Беларуси, Гвмании, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Литвы, России, США, Украины, Франции и др.

**История
СТАЛИНИЗМА**

**ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР**

**Совет при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества
и правам человека**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Российский государственный архив
социально-политической истории**

Президентский центр Б. Н. Ельцина

**Издательство
«Политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),

Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*),

А. А. Дроздов,

Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),

В. П. Лукин,

С. В. Мироненко,

Ю. С. Пивоваров,

А. Б. Рогинский,

Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),

А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),

О. В. Хлевнюк

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ДЕБАТЫ

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

1945–1953 гг.

МАТЕРИАЛЫ
VII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ТВЕРЬ, 4–6 ДЕКАБРЯ 2014 г.

РОССПЭН
Москва
2015

ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР

- С56 **Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. : Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М. : Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. – 719 с. : ил. – (История сталинизма. Дебаты).**

ISBN 978-5-8243-1973-6

Седьмая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена проблемам позднего сталинизма, особого этапа в истории советского государства и общества – от победы в Великой Отечественной войне до смерти Сталина. Этот период был отмечен взаимодействием ряда противоречивых тенденций. Одни из них демонстрировали апогей сталинской системы. Другие – складывание предпосылок для ее трансформации в несталинскую авторитарную модель советского социализма. К числу первых относились усиление личной власти Сталина; проведение масштабных идеологических и репрессивных кампаний; экспансия ГУЛАГа; консервативная социально-экономическая политика. К числу вторых – реформистские ожидания советского общества, порожденные победой; кризисные явления в экономике, вызванные, прежде всего, стагнацией сельского хозяйства и социальной сферы; дестабилизация ГУЛАГа.

В конференции приняли участие специалисты из Австралии, Армении, Беларуси, Германии, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Литвы, России, США, Украины, Франции и др.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

*Конференция состоялась и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)631

ISBN 978-5-8243-1973-6

© Коллектив авторов, 2015

© Политическая энциклопедия, 2015

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Т. Г. Леонтьева

ЦЕРКОВНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Поздний сталинизм – довольно сложное явление, которое вряд ли уместно рассматривать в однозначных терминах диктата и подавления. Особенно заметно это на уровне послевоенной повседневности, породившей громадное количество страждущих, в том числе и духовно. Последнее создает благоприятные условия скорее для патерналистских, нежели диктаторских оснований власти. Похоже, что Сталин, проектируя религиозную политику, среди прочего учитывал и этот момент.

Общеизвестно, что с середины 1943 г. политическое руководство СССР перешло к политике частичного возрождения религиозной жизни в стране. Как и ранее, внимание фокусировалось на Русской православной церкви (далее – РПЦ). В сентябре–октябре «большевистскими темпами» она восстановила свои статусы, утраченные в ходе репрессий: были возвращены из лагерей чудом выжившие митрополиты и епископы, созван Архиерейский собор, избран патриарх, восстановлена епархиально-приходская система. В переписке председателя Совета народных комиссаров Сталина и патриарха Алексия (с 1945 г.) была сформулирована «важнейшая задача повседневной деятельности церковей СССР – забота об укреплении и сохранении всеобщего мира»¹.

Православное священство вошло в состав союзных и международных комитетов мира. Но на деле церковь призвана была помогать государству решать идейно-экспансионистскую задачу. Так, согласно решениям Львовского собора униатского духовенства (март 1946 г.) прекратила действие Брестская уния (1596 г.), а униатство было признано средством насильственного окатоличивания украинского и белорусского народов. В июле 1948 г. в Москве состоялось Сопсовещание глав автокефальных православных церковей, имплицитно нацеленное

¹ Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1981. С. 104–105.

на то, чтобы перенести «центр православия» в Москву, где предполагался созыв Всеправославного собора². Замысел не удался, но РПЦ в известном смысле выполнила поставленную властью «политико-миссионерскую» задачу. В условиях растущего противостояния с Западом она восстановила братские связи с восточными патриархатами и церквями славянских стран, и, как считалось, воспрепятствовала «американизации христианства». После этого (с конца 1948 г.) власть утратила интерес к церкви и пошла на ограничение ее влияния³.

Возникает вопрос: как эти процессы соотносились с динамикой повседневной церковной жизни? Что происходило на уровне приходских и епархиальных сообществ, успела ли рядовая паства заметить «отеческую» заботу власти о недавно поруганной церкви? И, главное, восстанавливался ли самый дух православной культуры? В современной историографии четкого ответа на эти вопросы нет, хотя соответствующему периоду истории посвящен весьма значительный массив литературы.

Следует отметить, что оценки событий в РПЦ 40–50-х годов XX в. происходящего стали появляться «по горячим следам», но они формировались на основе этатистского подхода, что сводилось в итоге к демонстрации устойчивости и всемогущества власти, способной влиять на церковные институты, и, главное, «справедливо» регулировать вопросы веры⁴. Только в постсоветский период исследователи стали более основательно заниматься этим периодом в дискурсе «позднего сталинизма», а события 1943 г. и нескольких последующих лет оценивали как «нормализацию» и «переломный период» во взаимоотношениях государства и церкви⁵. Некоторые авторы использовали и такие характеристики, как «новый курс»⁶, «примирение» и даже «малое возрождение»⁷. Гораздо сдержаннее высказывались представители церковной историографии: так, известный историк В. Цыпин

² Васильева О. Ю. Внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви в первые послевоенные годы // Историко-религиоведческие исследования. 2014. № 1. С. 114.

³ Васильева О. Ю. Внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви. С. 145.

⁴ Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. С. 84, 101.

⁵ Васильева О. Ю. Внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви. С. 124.

⁶ Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 576–577.

⁷ Термин протоиерея А. Салтыкова: URL: <http://www.pravmir.ru/protoierej-aleksandr-saltykov-o-tom-otkuda-v-cerkvi-storonniki-stalina-i-kto-oni-takie/#ixzz3JYHRo11l>

использовал непривычный для отечественной историографии термин «конкордат», но с оговоркой о неравноправии сторон⁸.

Исследователи объясняли столь «неожиданный» поворот власти к компромиссу с РПЦ реакцией сталинского руководства на немецкие акции по открытию церквей на оккупированных территориях⁹, писали и о попытке использовать «энергию религиозной веры» для укрепления авторитета «вождя». Некоторым авторам хотелось видеть в произошедшем своего рода «воздаяние» за патриотическую деятельность РПЦ¹⁰ и, разумеется, стремление использовать церковь для укрепления позиций СССР в Восточной Европе и в противостоянии с Западом¹¹. Вряд ли возможно однозначно объяснить такой поразительный поворот власти, сделавшей шаг навстречу репрессированной православной церкви, но историки продолжают искать ответы, что умножает перечень трудов о государственно-церковных отношениях.

В действительности побудительных причин было более, чем достаточно: власть вольно или невольно прибегла к идейно-политической мимикрии. Возникает вопрос: насколько это удалось? Ответ на него может быть дан только на основе анализа повседневных религиозных практик¹² этого периода, ибо реальная глубина всякого поворота и переворота измеряется на социокультурном уровне.

В какой степени православные верующие и священнослужители (они же – советские люди), пережившие репрессии, обновленческий раскол и войну, сохранили и восстановили конфессиональную идентичность? Насколько основательно церковная жизнь стабилизировалась в институциональном отношении? Как восстанавливались и функционировали локальные церковные сообщества? Как вырабатывались новые конфессиональные практики и, что главное, что представляло собой тогдашнее массовое религиозное сознание?

⁸ Цыпин В., прот. История русской церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 302–303.

⁹ <http://www.pravmir.ru/protoierej-aleksandr-saltykov-o-tom-otkuda-v-cerkvi-storonniki-stalina-i-kto-oni-takie/#ixzz3JYHRo11>

¹⁰ Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. С. 101.

¹¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 9; Волокитина Т. В. Восприятие советской модели государственно-церковных отношений в восточно-европейских странах православной традиции после Второй мировой войны // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 163; Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. С. 101; Васильева О. Ю. Внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви. С. 124.

¹² Под термином *повседневность* подразумевается не быт, а скорее *среда*, где существовали верующие и атеисты, партработники и священники; формировались новые связи между властью и церковью; вырабатывались новые модели поведения, взгляды, образы и, наконец, массовое религиозное сознание.

В данной статье представлен один из вариантов развития событий на примере Калининской области / епархии. Трудно сказать, насколько типичной была ситуация для СССР в целом. Однако в любом случае локальный характер исследования позволяет если не прояснить некоторые вопросы, то наметить наиболее перспективный подход к ним.

Для решения поставленных задач первостепенное значение приобретают документы, отложившиеся не только в государственных (областных), но и епархиальных архивах. В последних, кроме «официальных» текстов (отчетов, смет и другой делопроизводственной информации), содержится масса писем во власть (епископу, уполномоченному по делам религий в Калининской области, в Совет по делам религиозных культов в Москву и т. п.) и прочих источников личного происхождения. Отчеты по Калининской епархии и церквям в период с 1945–1946 гг. по 1952 г., составлялись по специальной инструкции / схеме, утвержденной Св. Синодом; от составителей требовались точность, аккуратность, полнота сведений.

Анализ документов, отражающих положение дел в Калининской епархии, показывает, что на местах протекали весьма противоречивые процессы, заметно отличающиеся от «официальной» (и воспроизводимой историками) картины религиозной жизни. И хотя отчеты епархиального архиерея в Синод, как положено, начинались с констатации важности для внутрицерковной жизни таких событий, как международный день мира или 70-летие «Верховного Вождя» (писали прописными буквами), содержание повседневной религиозной жизни определялось отнюдь не этими событиями. Разумеется, сказано то, что конфессиональное пространство значительно сузилось. В Калининской области по приблизительным подсчетам осталась лишь сотая доля действующих ранее церквей и священников (до революции 1917 г. в Тверской епархии действовали 1204 церкви и 1200 священников¹³). Подсчитать количество верующих не представляется возможным, но совершенно очевидно, что в годы войны вера вернулась в советскую повседневность¹⁴.

Особенностью христианского религиозного сознания было признание того, что Сталин «вернул» веру и «принес» Победу и *подсознательно* воспринималось в духе *Преображения*. Соответственно, на повседневном уровне рядовые прихожане тяготели к восприятию

¹³ См.: Тверской епархиальный статистический сборник / сост. А. Добровольский. Тверь, 1901. С. XXIV.

¹⁴ См.: Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 67; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 124–125.

произошедшего как необратимой реанимации привычной церковной жизни. С чисто внешней стороны подобные ожидания вроде бы подтверждались.

Представления о возрождении церковной жизни были непосредственно связаны с наличием действующего храма и священника. Открытие церквей и восстановление приходов началось уже в конце 1943 г. В Калининской области (как еще в 5 областях) верующие мгновенно отреагировали на это. Уже в октябре 1943 г. ими было подано 34 ходатайства на регистрацию приходов и открытие церквей¹⁵. Процедура легализации была многоступенчатой, длительной, бюрократически сложной. Тем не менее к концу 1946 г. в Калининской области числилось 113 церквей (из них 15 городских, 95 – сельских, 3 собора), однако 11 из них бездействовали из-за отсутствия священника¹⁶.

На 1 января 1949 г. на территории области существовало 14 благочиннических округов¹⁷. Но уже в 1949 г. не было открыто ни одного храма, хотя 12 районов области оставались без действующих церквей¹⁸. Дефицит помещений не позволял проводить епархиальные съезды, столь необходимые для консолидации сообщества верующих.

Штатного духовенства к началу 1946 г. насчитывалось 122 чел., 47 % священников имели среднее образование, 1,5 % – высшее, остальные (32,3 %) – начальное¹⁹. Что представляли собой священники «нового призыва»? Анализ послужных списков показывает, что к служению приступил весьма разнообразный контингент. Взрослые настоятели, как правило, имели семинарское образование, молодые – 2–3 класса начальной школы²⁰; псаломщицами служили бывшие монахини, сведущие в особенностях богослужения старухи, реже – жены священников²¹. Кто-то возвращался на прежние места после амнистии 1943 г., перемещался из других епархий (Киевской, Московской, Новгородской, Орловской, Оренбургской, Пермской, Полтавской, Тамбовской, Ярославской), многие священники участвовали в ВОВ²². Несмотря на травмированную психику, основной

¹⁵ Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 68.

¹⁶ Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел (далее – ТЕНБ АО). Ф. 2. Д. 168. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 167. Л. 32.

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 168. Л. 107.

²⁰ Там же. Д. 167. Л. 80 об., 118; Д. 12. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 119; Д. 12. Л. 177–178; Д. 104. Л. 67; Д. 170. Л. 112 об.

²² Там же. Д. 12. Л. 20, 24, 31, 139; Ф. 1. Д. 116. Л. 121.

контингент вернулся к службе по призванию, о чем свидетельствуют характеристики настоятелей и отзывы прихожан²³.

Но все же ситуация была далека от нормы. Епархиальный епископ Арсений отмечал в своем отчете: «Низкий культурный уровень духовенства весьма вредно отражается на пастырской деятельности (нетрезвое поведение, неуставное совершение богослужений и треб). Многих священников несмотря на их компрометирующее священнический сан поведение, приходится держать на службе только потому, чтобы не оставить приход совершенно без пастыря (хотя бы и плохого)»²⁴.

Следует признать, что ортопрактический компонент веры так и не утвердился в российском православном сообществе и в дореволюционный период²⁵. Но в рассматриваемый период произошла своего рода «инверсия девиаций»: порой не верующие, а сами священники оказывались нарушителями церковной дисциплины. Так, наряду с теми, кто «благочестно и добросовестно относились к своим обязанностям», встречались пришедшие в Церковь «не ради Бога, а только для формы», хуже прихожан помнящие «уставную службу»²⁶. В некоторых случаях отмечались откровенно эпатажные выходы священников, например посещение ресторанов или «явка к епископу в пьяном виде», «сильное табакокурение», а то и вовсе: «жизнь нехристианским браком»²⁷. Вопреки неписаному правилу – сохранять контингент, случались отрешения от должности даже с запрещением в служении, понижение в чине²⁸ за беспрецедентные поступки. Так, дьякон А. В. Рабинович (Новоторжский район) был уволен за «нетрезвое поведение»²⁹, а в городе Бологое протоирей Колесникова отстранили за «антипастырскую и противцерковную деятельность»³⁰(!).

²³ ТЕНЬ АО. Ф. 1. Д. 116. Л. 285; Ф. 2. Д. 104. Л. 29.

²⁴ Там же. Ф. 2. Д. 168. Л. 41; Д. 12. Л. 20. Примечательно, что даже в только что открытых духовных учебных заведениях отмечались случаи «искушения». См.: Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания. 1944–2004. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. С. 108, 109, 112, 117, 170, 175.

²⁵ «В России была религия и религиозность, но в ежедневную жизнь как дисциплинирующее начало религия не проникала» (Струве П. Б. Национальный эрос и идея государства. Ответ кн. Е. Н. Трубецкому // *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997 (1911). С. 417).

²⁶ ТЕНЬ АО. Ф. 2. Д. 167. Л. 5, 80 об.; Д. 168., Л. 302 об.

²⁷ Там же. Д. 12. Л. 84, 113, 123, 135, 172; Д. 168. Л. 347.

²⁸ Там же. Д. 176. Л. 6 об., 9 об., 11 об., 15.

²⁹ Там же. Л. 20 об.

³⁰ Там же. Л. 15.

Не случайно в иных только созданных церковных советах возникло противостояние между настоятелями и паствой, причиной которого, как правило, становилось хищение средств³¹. Известны случаи, когда священники скрывались с места жительства, прихватив с собой церковную кассу или «недовозили» денежные средства по месту назначения³².

Между тем потребность в церковном ритуале среди населения возросла. Среди треб преобладали крещения не только младенцев, но и молодых людей обоего пола, женское исповедничество. Почти ежедневно священников вызывали на дом к больным, на отпевание покойных. 2–3 раза в год власть позволяла проводить крестные ходы, и народ собирался, поскольку подобные «мероприятия», как правило, были приурочены к церковным праздникам³³. Но венчаний, молебнов на дому было очень мало, а причастников попросту не хватало³⁴. Вместе с тем (со слов благочинных) все сказанное относилось по преимуществу к сельским практикам, а «городские жители большинство коммунисты и неверующие»³⁵.

Разрыв между предписаниями светских и духовных властей, поведением рядовых священников и потребностями паствы был довольно заметен. Однако благочинные в своих отчетах единодушно отмечали, что участие прихожан в церковной жизни ограничивалось исполнением треб, в приходские советы они входили неохотно, церковно-общественные собрания не посещали, предпочитая внебогослужебные собеседования³⁶. Жаловались они и на текучку в рядах церковных старост³⁷. Тем не менее верующие повсеместно добивались открытия храмов.

Мотивация многочисленных прошений с их стороны весьма примечательна. Зачастую это были трепетные послания, адресованные патриарху, Г. Г. Карпову, прокурору СССР, в Синод, в которых сообщалось, что старики умирают без покаяния, дети растут некрещеными, а бывшие фронтовики нуждаются в молитве³⁸. Уполномоченный по делам религий в Калининской области Василий Иванович Хевронов, озабоченным тем, чтобы не допустить «расползания религиозного дурмана», но при этом не нарушить хрупкое перемирие с

³¹ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 167. Л. 5, 6, 7.

³² Там же. Л. 9, 85; Д. 12. Л. 133.

³³ Там же. Д. 167. Л. 66.

³⁴ Там же. Л. 95, 117, 249.

³⁵ Там же. Л. 139.

³⁶ Там же. Л. 95, 117, 119 об.

³⁷ Там же. Л. 148.

³⁸ Там же. Д. 171. Л. 202, 190, 132.

церковью, вынужден был практически круглый год колесить по районам не только в период крупных церковных праздников, но и во время всевозможных кампаний: уборочной, посевной, лесозаготовок³⁹. В его отсутствие церковная жизнь замирала: никаких назначений, перемещений, регистраций не происходило. Ходатайства граждан он рассматривал так медленно, что порой просители успевали добраться до Москвы и заручиться там мнимой поддержкой в самых «высоких» кабинетах⁴⁰. Практически каждое письмо во власть сопровождалось ругательствами в адрес Хевронова: его называли «врагом веры», «холодным евреем» и требовали наказать как саботажника высочайших решений⁴¹.

Проблему дефицита храмов на местах пытались решить, внедряя новую форму служения – «по справке»: священник, получив соответствующее разрешение, мог совершать службы и исполнять требы на дому. Но уже с 1949 г. начались притеснения вполне легальных «надомников»⁴². В это же время началось наступление фининспекторов, нацеленных на снятие с регистрации действующих храмов.

Все это оборачивалось повсеместным открытием нелегальных модельных домов и появлением странствующих священников и «темных монашек»⁴³. Св. Синоду еще в апреле 1946 г. пришлось издать специальное постановление, где запрещались «самочинные требоотправления». Но в Калининской епархии их, со слов епархиального архиерея, «было множество, ...не поддающееся учету»⁴⁴. Это не удивительно: не только дефицит открытых храмов, но и непосильные налоги побуждали священников отказываться от мест⁴⁵ и служить «по требованию». Владыке приходилось угрожать непослушным священникам запрещением служения, а верующим – отлучением, но это не помогало. Примечательно, что немногие «нелегальные» священники занимались проповедничеством и лишь немногие из них вели антисоветскую пропаганду⁴⁶. В основе несанкционированного служения лежали чисто коммерческие интересы: бродячие священники получали быстрый, гарантированный и не облагаемый налогами доход.

Обнаружился и еще один характерный феномен: конкурентами рукоположенных («настоящих») клириков становились женщины,

³⁹ ТЕНЬ АО. Ф. 2. Д. 167. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Д. 171. Л. 190.

⁴¹ Там же. Л. 50, 80.

⁴² Там же. Д. 167. Л. 14.

⁴³ Там же. Д. 168. Л. 302 об.

⁴⁴ Там же. Д. 167. Л. 12.

⁴⁵ Там же. Д. 104. 12 об.

⁴⁶ Там же. Д. 171. Л. 15–15 об.; Д. 167. Л. 179 об.–180.

которые в свое время умудрились припрятать и сохранить иконы, церковную утварь. В условиях «церковной оттепели» они стали собирать на дому соседок вместе помолиться, причем отнюдь не безвозмездно. Одна такая предприимчивая старушка из Брусовского района «прославилась» на всю епархию. Будучи обладательницей чудотворной иконы святителя Николая, она устраивала службы на дому, продавала самодельные свечи, лампадное масло и, со слов односельчан, туго набивала свои карманы⁴⁷. Увещевания местных начальников не помогали, и приструнить ее попытался сам епископ⁴⁸. Однако «блаженная Дарья» на требование сдать икону отреагировала плаксиво, но жестко: отдаст икону только в «свою» приходскую церковь⁴⁹. Ее поведение раздражало односельчан, но они разделились на два враждующих лагеря: одни писали жалобы на дерзкую соседку, желая лишить ее иконы и доходов, другие – хлопотали об открытии храма и доходили (в прямом смысле) до Москвы, ссылаясь в своей аргументации на обещания самого Карпова⁵⁰.

Усилился не только ритуальный, но и магический компонент веры. В Максатихинском районе в частных руках оказалась икона скорбящей Божьей матери. В праздничные дни в соответствующее селение стекались сотни богомольцев – считалось, что здесь, кроме иконы, находится еще и «святой источник» (кстати, прямо посреди колхозного поля). Со слов недоброжелателей-доносчиков, жаждущие чуда убогие и калеки, а также присоединившиеся к ним местные колхозники (от 200 чел. до 2 тыс.) во главе с приглашенным священником по праздникам направлялись крестным ходом к святыне и служили там молебен. Примечательно, что в данном случае все доходы от «мероприятия» поступали председателю колхоза, который затем, согласно доносам, пропивал их в узком кругу⁵¹.

Жалобы на «узурпацию» икон поступали также из Старицкого района⁵². Чем заканчивались эти истории, установить, к сожалению, не удалось. Известно, что епископ, увещевая нарушителей, намекал на отлучение, но не похоже, что это возымело действие.

Столь серьезные угрозы со стороны епископата объясняются опасениями недовольства и репрессий со стороны светских властей – строгое следование церковному уставу было залогом существования приходов. Однако со своей стороны верующие наивно полагали, что

⁴⁷ ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 171. Л. 8–10.

⁴⁸ Там же. Л. 17.

⁴⁹ Там же. Л. 13–15 об.

⁵⁰ Там же. Л. 12.

⁵¹ Там же. Л. 10–10 об.

⁵² Там же. Л. 18, 24.

на местах грубо попираются их права, данные советской властью и подтвержденные Конституцией. Они также не учитывали отношения к их поведению атеистично настроенного населения, которое не ограничивалось цивилизованными формами протеста: намеренно разрушали храмы, ожидавшие регистрации – дети били стекла, взрослые подворовывали, были случаи агрессивной антирелигиозной пропаганды⁵³. Уже с 1948 г. начались точечные аресты священников, снятие с регистрации действующих храмов, хотя до открытого противостояния было еще далеко.

Наряду с этим в церковную повседневность возвращалась несколько подзабытая проблема взаимоотношений с сектантами и староверами. Первые (пашковцы, баптисты, чуриковцы, евангелисты) обнаружили и в областном центре и в двух райцентрах, вторые – почувствовали себя хозяевами положения в Ржеве (в свое время известном на всю Россию старообрядческим анклавом)⁵⁴. Случилось так, что в годы войны здесь уцелело единственное каменное здание – старообрядческая Покровская церковь – и православные нового обряда вынуждены были посещать богослужения, подчиняясь старообрядческому молитвенному обряду: творить двухперстное знамение и т. п.⁵⁵ Там, где не удавалось зарегистрировать старообрядческую общину, верующие вынужденно заходили в «чужие» храмы⁵⁶. Утоление «духовного голода» оборачивалось откровенной сменой конфессиональных координат (чаще всего переходы в старую веру). Епархиальный владыка вынужден был признать, что может потерять паству⁵⁷.

В свое время Мартин Малиа, характеризуя большевистскую власть, отмечал, что она «постоянным принуждением кроила непослушную российскую действительность по своему лекалу»⁵⁸. На деле ситуация была не столь однозначна. Действительно, среда верующих, травмированная предвоенными репрессиями и войной, изначально была весьма податливой и потому готова была принять навязываемую ей модель организации религиозной жизни (как в свое время подданные Российской империи). Однако власть в очередной раз ошиблась, ибо ориентировалась на церковь как на институт, а не на духовное сообщество верующих. Между тем это вовсе не привело к растущему отчуждению между высшей властью и верующими.

⁵³ ТЕНЬ АО. Ф. 2. Д. 171. Л. 48, 66.

⁵⁴ Там же. Д. 168. Л. 168–169.

⁵⁵ Там же. Д. 167. Л. 11.

⁵⁶ Там же. Д. 168. Л. 216, 312 об.

⁵⁷ Там же. Д. 167. Л. 11.

⁵⁸ Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Sozialism in Russia, 1917–1991*. N. Y., 1994. P. 4.

Последние, как обычно, направили свое недовольство на местных начальников.

Так или иначе, укрепление ритуального и магического компонента веры было на руку верховному «вождю», опиравшемуся не столько на марксизм-ленинизм и интернационализм, сколько на традиционные пласты массового сознания. В сущности, природа «коммунистической» власти была куда сложнее, чем казалось на первый взгляд. При этом сама религиозная вера деградировала. Насколько далеко зашел этот процесс, какие психопатологические формы он принял, еще предстоит выявить исследователям.

В любом случае верующие так и не дождались главного – свободы самоорганизации и потому вряд ли уместно описывать период позднего сталинизма для РПЦ в терминах «нормализация», «переломный период», «новый курс», «примирение», «малое возрождение». Скорее речь идет о «переплетении интересов» власти и религиозно настроенных сограждан⁵⁹.

В итоге перекодировка религиозного сознания в духе христианского *Преображения* не состоялась, хотя традиционные этатистские основания веры упрочились, несмотря на то, что прежние (в том числе дореволюционные) церковные «настроения» перекочевали в «советскую» церковь. Как и в дореволюционный период, в среде верующих уживались истинная вера и ритуал, сервильность и диссидентство, что до определенной степени микшировалось верой в «царя». Но во всем этом не оказалось места для того, чем живет подлинно верующий человек – христианской любви и благости, общей молитвы и своего храма. «Советским» верующим приходилось постоянно отстаивать свои права на свободу совести. Вместе с тем происходило выхолащивание православной веры за счет ее этатизации в форме обожествления «вождя», ставшего «выше» патриарха. Патерналистские представления о природе власти могли упрочиться за счет подспудной сакрализации фигуры Сталина. Несомненно, результаты этого имплицитно сказались на последующей российской истории.

⁵⁹ Леонтьева Т. Г. Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937–1938 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 223.

Д. Бранденбергер

О РОЛИ РКП(б) В «ЛЕНИНГРАДСКОМ ДЕЛЕ»¹

Сегодня вопрос о том, что спровоцировало так называемое «Ленинградское дело», интенсивно обсуждается в прессе, массовой литературе и научных журналах. Если раньше большинство исследователей выдвигало схематичное объяснение, рассматривая «Ленинградское дело» всего лишь как один из эпизодов послевоенной борьбы между сталинскими приближенными – в данном случае между А. А. Ждановым и его противниками в лице Г. М. Маленкова и Л. П. Берии, то теперь в научной литературе предлагается большой диапазон интерпретаций. Существует гипотеза, что причиной кровопролития в северной столице послужила личная ненависть И. В. Сталина к Ленинграду². Исследователи также пишут о постоянных разногласиях в партийном руководстве по вопросам о послевоенном экономическом развитии³. Другие утверждают, что суть процесса связана с идеологическими противоречиями⁴. Существует также точка зрения, что ленинградская партийная организация стала слишком самостоятельной во время войны и надвигающаяся угроза ее независимости подвигла Сталина к действию⁵. Некоторые иссле-

¹ Автор благодарит К. А. Болдовского и М. В. Зеленова за помощь в подготовке данной статьи.

² Демидов В. «Ленинградское дело» // Звезда. 1989. № 1. С. 144–145.

³ Conquest R. Power and Policy in the USSR. London, 1961. P. 103–111; McCagg W. Stalin Embattled, 1943–1948. Detroit, 1978. P. 134–142; Пыжиков А. В. Ленинградская группа. Путь во власть // Свободная мысль. 2001. № 3. С. 92–96; Ваксер А. З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб., 2012.

⁴ Conquest R. Power and Policy. P. 101–102; Hahn W. Postwar Soviet Politics. The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1947–1953. Ithaca, 1982. P. 124; Harris J. The Split in Stalin's Secretariat, 1939–1948. Lanham, 2008.

⁵ McCagg W. Stalin Embattled. P. 126–136; Демидов В. И., Кутузов В. А. Последний удар. Документальная повесть // «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 63–64; Константинов С. «Несостоявшиеся наследники Сталина». Способны ли были Николай Вознесенский и Алексей Кузнецов возглавить страну? // Независимая газета. 02.10.2000. С. 6; Вознесенский Л. А. Беззаконие «по закону» // Судьба людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 26–27; Шульгина Н. И. «Ленинградское дело»: Не пора ли снимать кавычки? // Экология. 2009. № 1–2. С. 281–289; Кутузов В. А. «Ленинградское

дователи развивают эту версию дальше, заявляя, что А. А. Кузнецов, П. С. Попков и их соратники даже пытались превратить руководство ленинградской партийной организации в более влиятельную группировку регионального, республиканского или всесоюзного масштаба⁶. Некоторые исследователи представляют команду Кузнецова и Попкова как группу, стремившуюся создать в Ленинграде Российскую коммунистическую партию или подобную структуру на республиканском уровне⁷. Эта версия сегодня преувеличена до предела русскими националистами, характеризующими ленинградскую группу как состоящую из представителей зарождающегося русского патриотического движения, которая якобы хотела или захватить власть, или отдалиться от СССР, чтобы освободить русский народ от сталинского режима⁸.

дело»: мифы и реалии // Судьба людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 49; Bidlack R., Lomagin N. The Leningrad Blockade, 1941–1944: A New Documentary History from the Soviet Archives. New Haven, 2012. P. 76; Амосова А. А. Преданный забвению: Политическая биография Петра Попкова. СПб., 2013; Болдовский К. А. Аппарат Ленинградской городской партийной организации и его место в системе властных отношений в СССР, 1945–1953 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 212–219. По поводу специфических ошибок Ленинградской партийной организации (т. е. фальсификации выборов, несанкционированной ярмарки, коррупции), см.: О так называемом «Ленинградском деле» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128; Кутузов В. А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 55–56; Демидов В. И., Кутузов В. А. Последний удар. С. 59–66; Шульгина Н. И. «Ленинградское дело». С. 281–289; Старков Б. А. Борьба с коррупцией и политические процессы во второй половине 1940 годов // Исторические чтения на Лубянке. 2001. М., 2002. С. 87; Tromly B. The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics, 1949–1950 // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. № 5. P. 707–729; Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 99–100; Болдовский К. А. Аппарат Ленинградской городской партийной организации. С. 212–215.

⁶ Пихоя Р. Г. Советский Союз. История власти, 1945–1991. М., 1998. С. 66; Зубкова Е. Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС (1945–1956) // Свободная мысль. 1999. № 4. С. 102–108; Жиров Е. «Во вражеской группе готовился вопрос о переносе столицы в Ленинград» // Коммерсантъ – власть. 28.09.2000. С. 55–56; Пыжиков А. В. Ленинградская группа. С. 89–104.

⁷ Хрушев Н. С. Воспоминания. Время, люди, власть. Т. 2. М., 1999. С. 21, 23–29; Кутузов В. А. Так называемое «Ленинградское дело». С. 56; Пихоя Р. Г. Советский Союз. С. 66; Константинов С. «Несостоявшиеся наследники Сталина». С. 6; Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 567; Костырченко Г. В. Маленков против Жданова: Игры сталинских фаворитов // Родина. 2000. № 9. С. 89; Brandenberger D. Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // Russian Review. 2004. Vol. 63. № 2. P. 241–255.

⁸ Кунаев С. Постскриптум I // Наш современник. 1995. № 10. С. 184–198; Платонов О. Тайная история России: XX век. М., 1996. С. 304–311; Шафаревич И. Русские в эпоху коммунизма // Москва. 1999. С. 158; Байгушев А. Русская партия внутри КПСС. М., 2005. С. 172–178; Мартиросян А. Б. Сталин после войны, 1945–1953. М., 2007. С. 64–166; Миронин С. С. Сталинский порядок. М., 2007. С. 108–132; Пруднико-

Данная статья рассматривает вопрос о том, насколько правдоподобна версия, что ленинградцы пытались создать РКП(б) во второй половине 1940-х гг. Даже если допустить, что все «Ленинградское дело» базировалось на уликах, сфабрикованных Маленковым и Берией с целью победы над соперниками, то стоит определить, почему все не свелось просто к обвинению их в коррупции, семейственности, вредительстве и контактах с иностранной разведкой – как это было при других скандалах, сотрясавших после войны авиационную промышленность и командование вооруженных сил. Зачем надо было выдвигать против ленинградского руководства столь необычное обвинение? Опираясь на архивные источники, данная статья предлагает проанализировать, что конкретно известно о так называемом проекте РКП(б) в послевоенный период.

Знаменитый сталинский тост в честь русского народа, «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза», произнесенный в 1945 г., дал понять, что партийная линия в послевоенные годы будет руссоцентристской. Имена великих русских людей прошлых веков – политических деятелей, военачальников, выдающихся представителей науки и искусства – не сходили со страниц книг и журналов, со сцены и киноэкрана⁹.

Если степень влияния «сталинского руссоцентризма» на общественное мнение описана в научной литературе, то вопрос о том, какую роль играли руссоцентристские мотивы в деятельности партийного руководства, значительно менее изучен. Например, оказывается, что в обязанности Кузнецова после его включения в состав Секретариата ЦК партии в 1946 г. входило руководство региональными партийными организациями РСФСР. Задача была не из легких и, похоже, доставляла много хлопот не только Кузнецову¹⁰, но и самому Жданову, который, согласно воспоминаниям Н. С. Хрущева, раздумывал о том, можно ли улучшить административное управление РСФСР путем создания или коммунистической партии РСФСР.

ва Е. А. 1953; Роковой год советской истории. М., 2008. С. 254–285; Рыбас С. Московские против питерских. Ленинградское дело Сталина. М., 2013; Кузнецевский В. Д. Ленинградское дело. Наивная попытка создать этнически чистое русское правительство была утоплена в крови. М., 2013.

⁹ См.: Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, 2002; Brandenberger D. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) (в печати).

¹⁰ См.: свидетельство С. Д. Воинова, адъютанта Кузнецова в Военсовете Ленинградского фронта, цит. по: Афанасьев А. Победитель // Комсомольская правда. 15.01.1988. С. 2.

или бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР¹¹. По словам Хрущева, при встрече со Ждановым в Москве после войны, он подтолкнул последнего на идею о создании бюро и предупредил его о нецелесообразности более авторитетной структуры, вроде самостоятельной российской коммунистической партии:

«ЦК не было никогда в Российской Федерации еще при Ленине... – и, может быть, это и правильно, что этого не было. Если был центральный орган такой выборный, как другие республики имеют, могло возникнуть противопоставление. Российская Федерация слишком мощная по количеству населения, значит, по промышленности, сельскому хозяйству. Потом, имелись бы два центральных комитета: был бы один ЦК – межреспубликанский, – а другой бы был ЦК Российской Федерации. Конечно, Ленин на это не пошел. Видимо, у Ленина были какие-то соображения, чтобы не создать двоецентрие и чтобы не столкнуть эти центры, чтобы была, так сказать, монолитность политического и партийного руководства»¹².

Вспоминая о том, что такое административное, хозяйственное бюро существовало временно в 1936–1937 гг., Хрущев полагал, что Жданов согласился с его точкой зрения и принялся обдумывать детали бюро ЦК по РСФСР со своими соратниками. Но по другим источникам видно, что высокопоставленные партийные соратники Жданова в лице Кузнецова, Попкова, М. И. Родионова и П. Г. Лазутина продолжали колебаться между идеей о бюро и созданием самостоятельной РКП(б) – т. е., именно тем, против чего предостерегал Хрущев. Предполагалось, что бюро или партия будут подчиняться ЦК ВКП(б) и выполнять примерно ту же роль, что и руководящие партийные органы в других республиках. Бюро или партия должны были взять на себя контроль за всей деятельностью в РСФСР с целью улучшения состояния дел в республике, снять бюрократические препоны и освободить ЦК ВКП(б) от множества рутинных административных обязанностей. Такие планы не только были призваны решить реальные проблемы, но и шли в ногу с послевоенным статусом русского народа как «старшего брата – первого среди равных».

В 1947 г. соратники Жданова решили добиваться официального признания вынашиваемых ими планов. 27 сентября Родионов письменно обратился к Сталину с предложением о создании бюро ЦК

¹¹ Memoirs of Nikita Khrushchev (Brown University, Providence, RI, USA). CD 058. Track 058A; Хрущев Н. С. Воспоминания. С. 26–27.

¹² Memoirs of Nikita Khrushchev. CD 058. Track 058A; Хрущев Н. С. Воспоминания. С. 26–27. Хрущев не уточняет, когда именно он встретился со Ждановым. По журналам записей лиц, принятых Ждановым в ЦК, они встречались после войны 18 июля, 7 сентября и 18 октября 1946 г. и 16 декабря 1947 г.; данная встреча, наверное, состоялась в 1946 г. См.: РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 76. Л. 43, 43 об., 46, 86.

по РСФСР¹³. Согласно свидетельствам бывших партийных чиновников, Родионов и Кузнецов в беседах со Сталиным высказывали также и идею создания российской компартии. Сталин воздержался от комментариев по поводу этих предложений, но не отверг их¹⁴. Не получив ответ на свое предложение о создании бюро ЦК по РСФСР, Родионов 7 января 1948 г. ходатайствовал о личной встрече со Сталиным, чтобы выяснить намерения вождя по этому вопросу¹⁵. И хотя Сталин и на эту просьбу не отреагировал, ленинградцы продолжали работу, обсуждая свои планы исключительно в узком кругу пока они ждали окончательного одобрения¹⁶. Летом 1948 г. Жданов вновь поднял этот вопрос в беседе с Хрущевым по телефону, добавив, что возникли новые обстоятельства, которые он хотел бы обсудить при личной встрече¹⁷. После внезапной смерти Жданова 31 августа Родионов 7 сентября написал докладную записку Маленкову, в которой подробно изложил свои мысли по поводу создания бюро ЦК по РСФСР, надеясь на его покровителя¹⁸.

С подачи Маленкова ходатайство Родионова, вкупе с нарушениями избирательной процедуры и несанкционированной торговой ярмаркой в Ленинграде в январе 1949 г., видимо, убедило Сталина, что ленинградцы становятся не только самонадеянными, но и дерзкими. 12 февраля Родионов, Попков, Лазутин, М. В. Макаров и, возможно, Вознесенский были вызваны к Сталину для личного выговора¹⁹. Хотя эта встреча не стенографировалась, Попков позже рассказывал, что Сталин резко осуждал его за планы формирования

¹³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 64. Л. 7–8. Письмо хранится с сопроводительным письмом А. А. Жданову; на письме имеется резолюция Сталина «Ост[авить]». Аналогичное письмо хранится в РГАСПИ со сопроводительным письмом Г. М. Попову, без резолюции Сталина. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 569. Л. 67–68, опубликовано в: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945–1953. М., 2002. С. 246–247.

¹⁴ См.: Свидетельство члена Ленинградского горисполкома Булычева, цит. по: Константинов С. «Несостоявшиеся наследники Сталина». С. 14.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 64. Л. 9.

¹⁶ Разговоры о РКП(б) или бюро ЦК по РСФСР крайне редко упоминаются в партийных архивах. Слухи касались секретарей ленинградского райкома С. Т. Иванова и М. П. Федорова (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 518. Л. 134–136), бывшего аппаратчика В. П. Волкова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 808. Л. 53–77) и секретаря ленинградского обкома А. Д. Вербицкого (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 118. Д. 808. Л. 61).

¹⁷ Хрущев Н. С. Воспоминания. С. 27.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 64. Л. 10–11.

¹⁹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008. С. 517. Многие считают, что встреча состоялась 15 февраля, хотя нет сведений о присутствии ленинградцев в этот день в кабинете Сталина или на заседании Политбюро.

РКП(б), которые вождь воспринимал как участие в групповщине. Сталин, по его рассказу, опасался, что российская компартия, в отличие от партий других союзных республик, будет представлять угрозу авторитету центрального партийного руководства. Он высмеял слова Попкова о том, что русским людям нужны «партийные защитники». По рассказу Попкова, «товарищ Сталин на Политбюро показал, куда это ведет, и что это значит». Другими словами, Сталин считал, что подобные инициативы преследуют узко российские интересы, приводят к российскому самоуправлению и посягают на национализм²⁰. 15 февраля Политбюро сместило ленинградских руководителей с их постов²¹.

Скандал продолжился неделей позже, 21–22 февраля, когда Ленинградские обком и горком собрались на объединенном пленуме. Маленков приехал в Ленинград, чтобы объяснить недовольство ЦК партии и обозначить причины смещения местных партийных руководителей. Выступления Маленкова на пленуме не стенографировались²²; к счастью, одно из его выступлений коротко охарактеризовано в воспоминаниях партийного чиновника В. В. Садовина. По рассказу Садовина, Маленков прежде всего обвинил Кузнецова и его единомышленников в том, что они планировали создать РКП(б) и разместить ее ЦК в Ленинграде – меры, которые Маленков обличил как настраивание Ленинградской партийной организации против ЦК ВКП(б), а Ленинграда – против Москвы. Хотя он также ссылался на перегибы, связанные с ярмаркой, выборами в обком и горком и прочими злоупотреблениями властью, самый большой грех ленинградских руководителей заключался в том, что «они хотели как бы противопоставить ленинградскую партийную организацию ЦК партии»²³.

В конце концов, идея о создании компартии РСФСР или бюро ЦК по РСФСР, которая тихо обсуждалась в узком кругу ленинградцев во второй половине 1940-х гг., громко зазвучала в обвинениях, погубивших этих ведущих партработников в 1949–1952 гг. Кузнецов, Родионов, Попков и Лазутин, также как другие видные ленинградцы, занимавшие посты по всему Советскому Союзу, были выгнаны с работы весной 1949 г., а осенью арестованы. Вслед за этим было подготовлено закрытое письмо ЦК ВКП(б) всем партийным организациям с разъяснениями причин массовых арестов. И хотя Сталин в

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 5. Л. 30–31.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 35–36.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 11. Л. 228. Маленков позже уничтожил рукописи своих выступлений в 1950-х гг. См.: О так называемом «Ленинградском деле». С. 133–134.

²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 5853. Л. 3–4.

последний момент остановил распространение этого сообщения, из его содержания следует, что Кузнецов, Попков и другие обвинялись в том, что они собирались создать РКП(б) с целью противостоять ЦК и нейтрализовать «антирусские» политические силы, которые ЦК якобы поддерживал внутри национальных республик²⁴.

Обвинения продолжались в 1950 г. Во время допросов обвиняемых по «Ленинградскому делу» заставили признаться не только в том, что они собирались создать РКП(б), но и в том, что новая партия должна была заниматься подрывной деятельностью против ЦК. По обвинительному заключению «Ленинградского дела» от 27 сентября 1950 г. известно, что Кузнецов рассказал следователям во время следствия: «Мы неоднократно с вражеских позиций обсуждали вопрос о необходимости создания РКП(б) и о целесообразности перевода правительства РСФСР в Ленинград». В свою очередь, Родионов признался: «Я был проникнут недовольством против ЦК ВКП(б) и советского правительства. Я придерживался враждебного убеждения, что ЦК ВКП(б) и советское правительство не проявляют якобы должного внимания и заботы в отношении РСФСР, ставя в привилегированное положение другие союзные республики, и в этой связи носился с идеей создания ЦК РКП(б)». Подтвердив такое показание, Попков добавил: «В сокровенных беседах мы клеветали на ЦК ВКП(б) и с вражеских позиций заявляли, что ЦК не защищает интересов Российской Федерации»²⁵.

Вышеупомянутые архивные документы позволяют сделать вывод, что идея о создании РКП(б) или бюро ЦК по РСФСР действительно играла определенную роль в «Ленинградском деле». Не вызывает сомнения, что обвинения в подрывной деятельности сфабрикованы и не имеют ничего общего с настоящей партийной и государственной деятельностью жертв «Ленинградского дела». То, что Сталин воспринимал как националистический заговор против ЦК, было, скорее всего, лишь наивной попыткой улучшить административное и хозяйственное управление РСФСР.

Но почему Сталин так болезненно реагировал на обвинения в попытке создать бюро ЦК по РСФСР или РКП(б)? Разве эта идея не шла в ногу с послевоенной руссоцентристской партийной линией? Откуда Маленков и Берия знали, что мало было обвинить их сопер-

²⁴ Коммерсантъ – власть. 28.09.2000. С. 56. Закрытое письмо было подготовлено Маленковым и Берией. В своих воспоминаниях Л. А. Вознесенский пишет, что Сталин лично редактировал письмо, уменьшая роль РКП(б). Данной редакции нет в опубликованном тексте письма. См.: Вознесенский Л. А. Истины ради... М., 2004. С. 212–213.

²⁵ The Dmitrii A. Volkogonov Papers (US Library of Congress, Washington, DC, USA). Reel 2, container 3, folder 14, p. 19 (подлинник хранится в ЦА ФСБ РФ).

ников в злоупотреблении властью, но и необходимо было также прийти к делу обвинения именно в противостоянии ЦК путем создания РКП(б)?

По всей видимости, Сталин довольно четко отличал руссоцентризм от русского национализма, осуждая последний как прямую угрозу партийной и советской власти. Хотя партийное руководство в этот период апеллировало к избранным элементам русского национального прошлого – героям, образам, мифам, – оно делало это в основном с целью повысить авторитет и легитимность советской власти, а также усилить мобилизационный потенциал своей пропаганды. Партийное руководство не вело политику в интересах одной лишь русской нации, не стремилось усилить ее культурную автономию и самоуправление – т. е. не преследовало целей, соответствующих классическим критериям национализма. Видимо, по этой причине в 1949–1952 гг. идея о создании РКП(б) или бюро ЦК по РСФСР с ее предполагаемой «националистической угрозой» сыграла определенную роль в гибели жертв «Ленинградского дела».

О. Л. Лейбович

СОЦИАЛЬНЫЕ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПОЗДНЮЮ СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

Эпоха *высокого сталинизма* (1946–1953) была, по верному замечанию Е. Добренко, «по-настоящему “нарядной”»¹. Даже в служебных документах, циркулирующих исключительно внутри партийного аппарата, можно было прочесть, что «счастьем советского человека является работа на благо нашей любимой Родины, работа на удовлетворение постоянно растущих потребностей наших людей – строителей коммунизма»². Миф о великой счастливой стране, населенной миллионами простых советских людей, которые «делают чудеса. Они строят такое общество, где не будет ни классов, ни противоположностей»³, заменил какую бы то ни было общественную саморефлексию.

В совершенном советском обществе история, казалось бы, остановила свой ход. Все стало вечным, незыблемым, завершенным. Сталин как-то обмолвился о возникновении какого-то «центростопа» в системе власти, блокирующего всякие изменения⁴.

Мыслящие современники также замечали эти игры со временем:

«До 1953 года мы жили в вечном сегодня, – размышлял впоследствии М. А. Лифшиц. – За этим вечным сегодня стояли грозные силы, которые не допускали мысли о том, что сегодня может иметь свою историю, что вчера оно могло быть в чем-то несовершенным, исторически относительным или вообще не равным себе. Ведь при

¹ Добренко В. Политэкономия соцреализма. М.: НЛО, 2007. С. 106.

² Зав. отдела художественной литературы и искусства обкома КПСС Наумова – секретарю Молотовского обкома КПСС тов. Прасс Ф. М. Справка о работе Молотовского отделения Союза советских писателей. 1953. Без даты // ПермГАНИ (Пермский государственный архив новейшей истории). Ф. 105. Оп. 20. Д. 200. Л. 4.

³ Доклад т. Дойкова. 11.06.1950 // ПермГАНИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 37. Л. 87.

⁴ См.: Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: из записок адмирала / сост., ред. прим. к. и. н. Р. В. Кузнецова. М.: Фонд памяти Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова (admiral.centro.ru), 1997. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/kuznetsov_ng3/01.html

таком допущении можно было бы найти в себе какие-нибудь критические доводы и по отношению [к] более конкретному и реальному сегодняшнему дню. Поэтому нужно было иметь плохую память. Резкие изменения курса жизни стирали одно поверх другого, как записи на магнитной пленке, а пленка оставалась одной и той же. Внешность была такова, как будто все от века было одинаково и малейшие попытки внести какую-нибудь конкретность в это непрерывное присутствие, *presence*, казалось, режут ухо»⁵.

Образ земного рая, в котором «счастье сделалось воздухом нашей Родины»⁶, был идеологической конструкцией, не пережившей ее создателя. Впрочем, отдельные ее элементы сохранялись в культурной памяти советских граждан в течение нескольких поколений.

Для историков, знающих исход «нарядной эпохи», было важно обнаружить ферменты будущего в обществе, в котором, казалось бы, ничего не происходило. Н. Верт, Е. Ю. Зубкова, В. А. Козлов, О. Лейбович, Р. Пихоя исследовали сложные взаимоотношения между властью и населением, сдвиги в коллективном сознании, распространение девиантных практик, обусловивших в конечном счете последующие изменения во внутренней политике в послесталинское десятилетие⁷. Генезис политической реформы в недрах центрального аппарата в послевоенные годы был главной темой монографического описания в книге О. А. Хлевнюка и Й. Горлицкого⁸.

И если конфликты по социальной / властной вертикали в 1946–1953 гг. стали предметом исторического изучения, то противоречия по горизонтали между различными категориями населения остаются не исследованными по самым разным основаниям. Первое касается характера источников: документов личного происхождения сохранилось немного, преимущественно в архивах отложились материалы служебного делопроизводства. Властная риторика «выдавливала» сюжеты, не вписывающиеся в принятую картину советского мира, в маргиналии: «отдельные недостатки», «отрицательные проявления», «буржуазные предрассудки», «язвы, унаследованные и занесенные к

⁵ Лифшиц М. *Varia*. М.: Grundrisse, 2010. С. 138.

⁶ Катаев В. За Великого Сталина // *Огонек*. 1953. № 1. С. 1.

⁷ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / пер. с фр. А. И. Пигалева. М.: РОССПЭН, 2010; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999; Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Изд. третье, испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2009; Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: Изд-во ПГУ – ЗУУНЦ, 1993; Пихоя Р. Советский союз. История власти. 1945–1991. Сибирский хронограф, 2000.

⁸ Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.

нам от капиталистического мира»⁹ и т. п. «Лень, это не просто слово, или фраза, а как один из пережитков капитализма, унаследованный некоторой частью нашей молодежи, – говорил один из выступающих на партийном собрании сотрудников УМВД Молотовской области, – который, как груз неимоверной тяжести, давит на плечи учащихся и не дает возможности им двигаться вперед»¹⁰. На этом языке представить социальные проблемы общества было невозможно, а для того чтобы извлечь из этих канцелярских оборотов историческую информацию, приходится производить многоходовые интерпретационные комбинации. И здесь встает вопрос о выборе объяснительной теории, аутентичной изучаемой проблеме.

Представляется целесообразным обратиться к социологической концепции социального конфликта в версии, представленной Л. Козером. Социальный конфликт, в его представлении, «это борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников. <...> Социальный конфликт отнюдь не представляет собой только негативный фактор, ведущий к разрыву и распаду, он может выполнять ряд определяющих функций в группах и межличностных отношениях. Он может, например, служить определению групповых границ...»¹¹ Конфликт, если он снимает возникшие напряжения, может выполнять «функции стабилизации и интеграции системы отношений. <...> Гибкое общество выигрывает от конфликтных ситуаций, потому что подобное поведение гарантирует его выживание в изменяющихся условиях. В жестких системах такой механизм отсутствует»¹². В понятийном аппарате, представленном Л. Козером, присутствует термин «напряженность», с его помощью он описывает генезис конфликтных ситуаций. Напряженность в отношениях между членами группы, или различными сообществами – это обязательная предпосылка конфликта, или его самая первая исходная форма, для которой характерна «заблокированная враждебность», а конфликтные темы не артикулированы в достаточной мере ее участниками.

При анализе социальных отношений в обществе высокого сталинизма использование категории социальной напряженности представляется продуктивным. Это позволяет понять содержание и фор-

⁹ Доклад т. Дойкова, Л. 87.

¹⁰ Протокол № 4 открытого партийного собрания парторганизации Управления МВД 31.01.1952 // ПермГАНИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

¹¹ Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 32.

¹² Там же. С. 181–182.

мы конфликтных ситуаций, избыливающих в собраниях счастливых людей, строящих коммунизм.

Попытаемся дать дефиницию социальной напряженности, применимую для изучения советской действительности на рубеже 1940–1950-х гг. Это тупиковая форма конфликта между социальными сообществами и внутри них, при которой:

а) противоречия проявляются в виде смутных ощущений недовольства, несправедливости, нарушения социального порядка, но также в актах насилия, агрессивных высказываниях, апелляциях к верховной власти;

б) участники конфликта внутренне разобщены, они не способны создать сколько-нибудь прочных объединений по интересам;

в) отсутствует аутентичный язык для обсуждения темы;

г) конфликт разворачивается спонтанно на периферии по отношению к сердцевине противоречий, его породивших;

д) высшей стадией социальной напряженности является бунт, представлявший собой, по образному выражению А. В. Козлова, «слоеный пирог причин, мотивов, программ и моделей поведения, которые в принципе не имеют “векторной”, однолинейной интерпретации»¹³.

Концепт социальной напряженности соответствует природе общественной связи, соединяющей различные по своему типу сообщества, группировки, территориальные общины, этнические образования, складывающиеся корпорации, трудовые коллективы в единое целое. Эта связь поддерживалась силой партийно-государственного аппарата, а выражалась в символическом единении, воплощенном в двоичных образах вождя / советского человека. Для описания достоинств Сталина даже в Польской Народной Республике использовалось более 20 различных метафор, эпитетов, гипербол, в которых «инженер наших мечтаний» соседствовал с «великим гуманистом», а «человек, который выиграл все битвы», – со «счастливым детством и надеждой на спокойную старость»¹⁴. Для характеристики советского человека было достаточно указать на его «высокие моральные качества»¹⁵.

Назвать эту механическую связь гражданским обществом модерна представляется некорректным. Общество начинается с формирования публичной сферы, в которой люди проявляют «способность к

¹³ Козлов В. А. Массовые беспорядки... С. 18.

¹⁴ Świętochowska E. “...ból nasz wielki po wielkim Stalinie” // Biuletyn IPN. Pamięć. Pl. 2013. № 3 (12). P. 24.

¹⁵ Циркуляр № 18/1045с 21 апреля 1947 г. Всем органам цензуры. Об усилении политико-идеологического контроля над произведениями печати // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 3.

социальной самоорганизации и воздействию на государство»¹⁶. Советские люди такой возможности были лишены. Речь идет скорее о большом социальном агрегате, принудительно объединявшем разобщенных индивидов по трудовым коллективам в соответствии с их обязанностями по исполнению разнообразных государственных повинностей. «Самой реальной формой работы по отношению к личности, – писал А. С. Макаренко, – является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию, добровольно»¹⁷. Коллектив отличало от социальной группы отсутствие защитных функций для его членов.

Итак, на одном полюсе социальной жизни обнаруживаем коллективизированного, т. е. подконтрольного и поднадзорного индивида; на другом – большое государство. Опосредующим звеном между ними были кланы, организованные на основе патрон-клиентских отношений, т. е. жестко, иерархично, неравноправно¹⁸. Клановая организация, как и иные формы институализирующихся социальных связей, рассматривались властью как ненужное и вредное звено в системе управления, подлежащее устранению. Возникающие тут и там по конкретным поводам горизонтальные социальные связи отличались непрочностью, нацеленностью на решение вполне конкретных задач, как правило, связанных с доступом к необходимым жизненным ресурсам. Для власти они были проявлением «групповщины», «семейственности», «артельности», их участников безжалостно преследовали.

Иначе говоря, в социальном агрегате, называемом официально социалистическим обществом, не сложились достаточные предпосылки для генезиса институализированных реалистических конфликтов (Л. Козер), в которых социальные группы соперничают друг с другом, выдвигают сбалансированные требования, находят союзников, добиваются выгодного для них компромисса и пр. Отдельные индивиды испытывают фрустрацию и враждебность, проявляют агрессию по отношению друг к другу, или к отдельным учреждениям. Когда эти чувства принимают массовый характер, «расползаются» по территории, создают общее настроение глухого недовольства, частых столкновений людей за доступ к необходимым материальным и сим-

¹⁶ Calhoun C. Civil Society / Public Sphere: History of the Concept // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. N. J. Smelser, P. B. Baltes. Amsterdam; N. Y.; Tokyo, 2001. P. 1897.

¹⁷ Макаренко А. С. О воспитании молодежи. М.: Трудрезервиздат, 1951. С. 81–82.

¹⁸ См.: Шушкова Н. В. Социология современного патернализма. Вашингтон: Рус-ГенПроект, 2010. С. 22.

волическим ресурсам, обид по поводу несбывшихся надежд, взаимного недоверия между этническими общностями и пр., тогда можно говорить о напряженности как социальном явлении, т. е. тупиковой, «слепой» форме социального конфликта, не способной привести к решению действительных социальных проблем, его породивших.

Предложим гипотезу. Источник социальной напряженности нужно искать в интенсивных процессах социальной дифференциации, обусловленных общественными сдвигами в годы войны. Война укрепила ранговую систему социальной организации в обществе, дополнив неравенство продовольственных пайков, денежных выплат, иных распределяемых материальных благ – одежды, обуви, дров и пр. их символической презентацией: погонями, мундирами, представительскими автомобилями и пр. Новую ситуацию Сталин проецировал в будущее, когда писал о «сохранении несущественных различий... между умственным и физическим трудом», «хотя бы потому, что условия работы руководящего состава предприятий не одинаковы с условиями работы рабочих»¹⁹.

Колхозник Алимпий Ананьевич Булычев видел ту же действительность иначе: «Много ездит к нам неработи, а толку нет, сели на крестьянскую шею и всех вас не обработаешь», за что и был осужден Молотовским областным судом 30 июля 1951 г. к семи годам лишения свободы²⁰.

Портреты Сталина в золоченом мундире генералиссимуса и отражали, и одновременно конструировали новую реальность, отменявшую прежние столь же символические практики уравнительности. В коллективном сознании советских людей возникал когнитивный диссонанс между идеологической традицией грядущего уничтожения классов и зримым, не скрываемым социальным неравенством.

Журналист областной газеты «Звезда» Михаил Данилкин писал Сталину:

«И сознаюсь откровенно: мне, как бывшему комсомольцу, уже успевшему нажить седины, особенно не нравится изображение Сталина в форме Генералиссимуса – очень уж он аккуратненький, пестрый, лубочный. <...> Не слишком ли большое значение придаете Вы, сын сапожника, этой аккуратной, пестрой, щегольской форме? Вы – заслуженный военачальник, и вряд ли кто может это оспаривать. Но Вам все-таки куда больше подходит прежний костюм – простой,

¹⁹ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 69–70.

²⁰ Протокол № 8 и выписки из него заседания Молотовской областной комиссии по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Заключение по делам. 09.07.54 г. // ГАПК Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 756. Л. 13.

строгий, без галунов и обилия красных полос. <...> Подходит еще и потому, что он не выделяет Вас из среды людей труда – их одежда не только не криклива, но пока и не богата. <...> И вряд ли увлечение погонями, лампасами и прочей позолоченной и посеребренной канителью, охватившее за последнее время нашу страну, можно признать за серьезное историческое достижение»²¹.

Совершающаяся на глазах трансформация советских номенклатурных работников в особую корпорацию с закрепленными статусными привилегиями не была остановлена ни политическими кампаниями, ни угрозами против «партийных вельмож», прозвучавшими с трибуны XIX съезда партии²².

Именно эта корпорация с ее неумеренными аппетитами была наиболее раздражающим фактором в глазах людей в «небогатой одежде».

Формы проявления социальной напряженности также были обусловлены военным опытом, точнее образцами поведения, сложившимися и на театре боевых действий, и в тылу. Речь идет в первую очередь о катастрофическом падении цены человеческой жизни.

«К врачам обращались, отвечают: “Умирайте, похороним, не вы одни умрете, на фронте тысячи погибли”», – рассказала о своем посещении местной больницы работница оборонного завода из г. Лысьва Молотовской области²³.

Стали более жестокими преступления против личности. В докладе прокурора Кизеллага своему руководству среди эпизодов преступного поведения упоминается и такой:

«Солдаты того же 11 дивизиона Востриков и Крючковой, прибыв в пос. Створ на учебные сборы проводников собак и пользуясь бесконтрольностью командования ВСО, не сдали имевшееся у них оружие системы “наган”, ушли в поселок. В пос. Створ купили вино, пригласили двух женщин, ушли с ними в лес, использовали их и там же расстреляли обоих»²⁴.

²¹ Данилкин М. Разговор с И. В. Сталиным. Октябрь 1951 // Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Политический мир Михаила Данилкина. Пермь: ЗУУНЦ, 1998. С. 124–125. Заметим, что сталинская презентация расходилась с бытовыми деталями. Юная доктор кремлевской больницы, поднимавшаяся вместе со Сталиным в лифте, увидела заштопанный рукав шинели и рассказала об этом мужу. См.: Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992. С. 7.

²² XIX съезд ВКП(б). Речь т. Поскребышева // Правда. 13.10.1952.

²³ Докладная записка об упаднических настроениях среди отдельных лиц, рабочих завода и учащихся ФЗО г. Лысьва 31.07.1945 // ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 26. Д. 399. Л. 32.

²⁴ Козлов – Вавилову. Представление. 05.06.1953 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 158. Л. 12.

Преступники не щадили и младенцев. В донесении секретарю Молотовского обкома работник МВД описывает «несчастный случай»: у начальника технического бюро Александровского машиностроительного завода «вырезали семью с целью ограбления. Взято ряд вещей и деньги. Убито двое детей, одному 1 год, а второму – 9 лет и тяжело ранена жена NN, которая сейчас находится в больнице в тяжелом состоянии и надежды на выздоровление нет»²⁵.

Здесь речь шла об исключительных случаях, однако вооруженные ограбления, пальба на улицах, частные реквизиции, производимые военнослужащими, даже облавы на обидчиков – все это вместе взятое составляет обыденную хронику социальной жизни и на окраинах областного центра, и в рабочих поселках, и деревнях на периферии.

«За последнее время участились случаи бесчинств со стороны военнослужащих 14 стрелковой бригады, дислоцируемой в Бершетских лагерях. Установлен ряд фактов, когда военнослужащие указанного соединения устраивали нападения на отдельных жителей поселка Юг Верхне-Муллинского района и других прилегающих к лагерям населенных пунктов, врываются со взломом окон и дверей в квартиры местного населения и похищали их имущество. При попытке жителей к задержанию мародеров, последними применялось огнестрельное оружие», – докладывал партийный работник в Молотовский обком²⁶.

Секретарь райкома ВКП(б) добавил:

«Пресечь вышеизложенные действия военнослужащих своими силами мы не в состоянии. Наши неоднократные обращения к командованию Бершетского гарнизона о прекращении этих безобразий, ни к чему не привели»²⁷.

Сдвиги в образцах поведения проявлялись и в формах бытового насилия по отношению к детям и женщинам. Последнее в партийных документах маркировалось устойчивыми словосочетаниями: «нетактичное поведение», «аморальный поступок», «грубое нарушение». NN «совершил новый аморальный поступок. Будучи в гостях у знакомого и находясь в сильном опьянении, он устроил дебош, избил гр-ку Изм-ву, чем допустил грубое нарушение, граничащее с уголов-

²⁵ Власов – Хмелевскому. Срочное донесение. 19.08.1946 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 161. Л. 39.

²⁶ Семенов – Тесля. О бесчинствах, чинимых в пос. Юг Верхне-Муллинского района военнослужащими 14 отдельной стрелковой бригады. 15.06.1946 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 161. Л. 22.

²⁷ Попов – Хмелевскому. 05.06.1946 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 161. Л. 21.

ным преступлением», за что и был наказан переводом из членов партии в кандидаты²⁸.

Беспомощный человек превратился в обузу, от него было целесообразно и нравственно избавиться. «В личной беседе с тов. Егоровой выяснилось, что развод с мужем она и он требовали правильно, т. к. муж т. Егоровой серьезно болен»²⁹.

Опыт войны воспроизводился в лексике производственных стычек и профессиональных разногласий, перенасыщенной угрозами, инвективами, пропагандистскими и агитационными оборотами той поры: «враги», «сволочи», «фашисты» и пр.

Темы социальной напряженности определялись условиями повседневного существования – прежде всего, упомянутой уже борьбой за ресурсы, иногда в самой примитивной форме, за распределение «талонов» и «бирок», по которым выдавали на предприятиях и учреждениях необходимую мануфактуру. В борьбе за доступ к предметам одежды и обуви пускались в дело и клановые связи, и символические статусы, и должностные возможности. «Мне один секретарь парторганизации говорит, что он получил всего 21 бирку, а, мол, начальник цеха – 34. Что же тогда получили рабочие? Очевидно, 90 % всех бирок осталось у руководящих работников, они до рабочих не дошли, – рассказывал пленуму Молотовского обкома его секретарь. – И рабочие меньше ропщут, чем наши партийные работники. Уж они слишком повышенно заботятся о своей собственной персоне, тогда как они обязаны заботиться о массах, которыми они руководят»³⁰.

Постоянные склоки и драки в разного рода учреждениях – от таких маргинальных, как областная коллегия адвокатов до сугубо важных, как областное Управление МГБ, имеют более сложные основания. Здесь и борьба за должности между новичками с более высоким образованием и ветеранами, не слишком грамотными, но зато испытанными, и воспроизводство больших политических кампаний в замкнутом пространстве тесных кабинетов и запущенных залах заседаний, и реакция на плотный контроль за домашним и уличным поведением, наконец, бытовая неустроенность. Семейные и коммунальные ссоры зачастую продолжались на заседаниях партийного бюро. Начальство сверху донизу зачастую вело себя разнузданно: дралось, крыло матом подчиненных, покушалось на их жен.

²⁸ Протокол № 3 заседания Бюро Ленинского райкома КПСС. 21.07.1953 // ПермГАНИ. Ф. 78. Оп. 14. Д. 40. Л. 88.

²⁹ Ножкин – Мельник. 04.04.1953 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. Л. 132–133.

³⁰ Стенограмма 21-го Пленума обкома ВКП(б)... Т. 1. 15.07.1946 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 9. Л. 128.

«Коменданты общежитий, люди, во-первых, низкого культурного уровня, циники и вульгарники по своей деятельности и приемам», – докладывал секретарю обкома областной прокурор³¹. Сотрудник МВД жаловался на начальника райотдела, который «в пьяном виде напал на мою жену и склонял на половую связь. После чего Г-ов начинает как мне подчиненному мстить в работе, дает знать, что отдать ему свою жену. <...> В чем и прошу Вас, как отца, оказать помощь»³².

Обострились и национальные проблемы, в том числе на самом низовом уровне. Письмо татарских подростков, мобилизованных в ремесленное училище в г. Молотов, дает неподдельную картину нравов рабочей слободы:

«Вы нас посылали сюда учиться, а мы живем хуже заключенных. Питания не хватает, среди 200 русских мы только 26 татары. Русские мальчишки нас со словами “татарские сволочи” бьют, ежедневно по 3–4 мальчика бьют. Воспитатели над нами смеются, издеваются, что татары – они на полу спят, без ложек едят. <...> Тов. Ибраев, просим Вас, пожалуйста, верните нас в свой район»³³.

Демаркационные полосы между фронтовиками и тыловиками, «учетниками» и полноправными гражданами, местными и репатриантами, верующими и атеистами, нацменами и жителями коренной национальности разрывали складывающуюся социальную ткань и на уровне страны, и на уровне территориальных общностей.

Если попытаться суммировать формы и виды социальной напряженности, свойственные эпохе высокого сталинизма, то перед нами предстанет множество людей, воюющих друг с другом, обменивающихся оскорблениями на языке власти и, стало быть, усвоившие ее взгляд на мир; недовольные собственным положением, недоверчиво относящиеся к ближним и дальним, разобщенные по этническому признаку, реализующие практики, не совместимые с установленными властями правилами. Одновременно они демонстрируют лояльность к идеализированному социальному порядку, персонифицированному в образе Сталина, в том числе как защитника от произвола больших и малых начальников. Конфликт по поводу усилившегося социального неравенства распадается на мириады личных, клановых, или межинституциональных столкновений по самым различным ничтожным поводам. Они не могут быть сконцентрированы на главной теме: нет ни языка для ее обсуждения, ни публичного пространства, где такой язык может быть выработан, ни возможностей объединить-

³¹ Куляпин – Хмелевскому. 15.01.1948 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 171. Л. 6.

³² Гаряшин – Хмелевскому. 26.06.1946 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 161. Л. 33.

³³ Турумов – Ибраеву <заместителю пред. Бардымского райисполкома>. Привет из Закамска. 11.02.1952 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 18. Д. 205. Л. 204.

ся помимо партийно-государственных структур. Социальная напряженность такого рода может вызвать «синдром беспокойства» во властных кругах «перед лицом все еще непокорного общества в условиях часто неэффективной кадровой политики и многообразия форм сопротивления»³⁴, но не решить вызвавшую ее проблему. Впрочем, для наследников Сталина, лишившихся мощной фигуры прикрытия, симптомы общественного недовольства оказались достаточными, чтобы изменить вектор социальной политики.

³⁴ Верт Н. Террор и беспорядок... С. 342.

Е. В. Кодин

ПОЗДНИЙ СТАЛИНИЗМ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МЮНХЕНСКОГО ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР: 1950–1972 гг.)¹

После победного шествия по поверженной фашистами Европе в 1944–1945 гг. сталинизм, безусловно, укрепил свои позиции. Особенно идеологические. Идеологический диктат внутри страны не позволял говорить о проблемах, тем более системных. Акцент делался в первую очередь на успехах.

Британским и французским научным центрам, в которых в довоенные годы активно изучалась Россия и Советский Союз, было все еще не до научных оценок послевоенного сталинизма.

В США будущие советологические центры при университетах еще только организационно оформились (в 1946 г. в Колумбийском и Стэнфордском университетах, в 1948 г. – в Гарварде).

Первым большим послевоенным научным проектом по изучению Советского Союза стал «Гарвардский проект»². Группа американских ученых под эгидой Гарвардского университета провела в 1950–1951 гг. большой социологический опрос бывших советских граждан, отказавшихся от репатриации на родину и проживавших в лагерях для перемещенных лиц (*du-nu – displaced persons*) на территории Германии в районе Мюнхена.

Кто оказал им организационно-техническую помощь в проведении так называемых полевых работ? Сотрудники Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР, созданного как раз накануне приезда гарвардских ученых.

Датой основания Мюнхенского института по изучению СССР считается 8 июля 1950 г. В этот день в суде первой инстанции г. Мюнхена был зарегистрирован устав института.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Минобрнауки России тематического плана научных исследований, проект № 33.2471.2014/К.

² Кодин Е. В. «Гарвардский проект». М., 2003.

У истоков создания института стояла группа из восьми советских послевоенных эмигрантов-невозвращенцев: Б. А. Яковлев (Н. А. Троицкий), А. А. Авторханов (А. А. Кунта), М. А. Алдан (А. Г. Нерянин), К. Ф. Штеппа (К. Ф. Лагодин, Громов), В. П. Марченко, А. П. Филиппов, К. Г. Криптон, Ю. П. Ниман.

Первые пять лет институт возглавлял Б. А. Яковлев, который до этого являлся руководителем Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР). В 1955 г. он переехал в США. Умер в Америке в 2011 г. в возрасте 107 лет³.

Институт прекратил свою деятельность 30 июня 1972 г. по решению общего собрания о его ликвидации. То есть действовал институт полных 22 года. И именно Мюнхенский институт претендовал на то, чтобы его считали настоящим европейским центром советологии, раскрывающим глаза Западу на реальную опасность со стороны Советского Союза.

Более чем за два десятилетия Мюнхенским институтом была проведена большая работа по изучению Советского Союза. В каталоге публикаций института – 70 наименований книг, изданных обычным типографским способом; 94 ротапринтных издания; 15 книг, вышедших в крупных европейских и американских издательствах, но под грифом института.

Институтом было проведено 16 научных конференций по Советскому Союзу.

Мюнхенский институт имел несколько своих серийных периодических изданий. Среди них: «Вестник института по изучению истории и культуры СССР»; информационный бюллетень «Анализ текущих событий в Советском Союзе»; журналы на английском языке «Studies on the Soviet Union», «Belorussian Review», «The East Turkic Review» и некоторые другие.

Какую же оценку послевоенного сталинизма находим мы во всем многообразии научной продукции Мюнхенского института? Из всего многогранного спектра направлений в оценках послевоенного сталинизма выделим главные, условно разделив их на три блока: идеология, экономика и внешняя политика.

Итак, идеология. Свое практическое выражение она находила в первую очередь в исторической науке. И потому именно на историю обрушился первый и самый сильный шквал критики со стороны совсем недавно созданного Мюнхенского института.

Уже в январе 1951 г. Мюнхенский институт провел свою первую конференцию научных работников.

³ Троицкий Н. А. Ты, мое столетие... М., 2006.

Большой доклад на тему «Положение исторической науки в СССР» был сделан А. А. Авторхановым. Докладчик заключал: «Историки в СССР могут заниматься подлинным изучением истории... только досоветской России. Поэтому они, собственно, и бегут в архаику и средневековье. Что же касается истории так называемого "советского общества", то оно фальсифицируется в угоду господствующей клике в таких формах и масштабах, что тут вообще не приходится говорить о какой-либо науке»⁴.

А археолог с мировым именем профессор М. А. Миллер был еще более категоричен: историческая наука в СССР деградирует; это уже не история, а политическая пропаганда; это фальсификация, а не наука; гуманитарных наук в Советском Союзе нет, они зашли в тупик, они исполняют и будут исполнять побочную функцию политической пропаганды, но не науки⁵.

Через год профессор Миллер добавил резкости в свои оценки. Наука в СССР централизована, унифицирована и подчинена партии. Работа ведется в условиях террора и под наблюдением органов НКВД. Исследование материала и его интерпретация в значительной степени сводятся к фальсификации, подтасовке и одностороннему подбору фактов для обоснования заранее выдвинутых партией директивных положений. В результате наука превратилась в средство пропаганды и в связи с этим стала насквозь лживой, а следовательно, утратила значение науки⁶.

Ему вторит Ю. И. Мишалов, бывший член-корреспондент Украинского научно-исследовательского института педагогики в Харькове. При этом он говорит об идеологическом диктате уже не в рамках одной отдельно взятой исторической науки, а включает в это все сферы научного знания в Советском Союзе. Иллюстрируются выводы примерами из языкознания.

«Старое языкознание, – заключает Мишалов, – было признано буржуазным, псевдонаучным и должно было быть заменено новым языкознанием, основанным на марксистско-ленинской методологии. А так как такого языкознания еще не существовало, то пользовались старыми учебниками, а на долю профессоров и преподавателей выпало задание: осветить эту науку светом марксизма. И каждый делал это как умел.

⁴ Материалы Конференции научных работников (эмигрантов), состоявшейся в Мюнхене 11–14 января 1951 г. Вып. III. Мюнхен, 1951. С. 52.

⁵ Там же. С. 74.

⁶ СССР сегодня и завтра: Труды конференции Института по изучению истории и культуры СССР, состоявшейся 15–17 августа 1953 г. в Мюнхене. Мюнхен, 1953. С. 126.

Но вот академик Н. Марр создал марксистскую теорию языкознания и подчинил развитие языка закону скачкообразного перехода количества в качество, установил классовый характер языковых категорий и доказал отсутствие расизма в развитии языков. Эта теория Марра в языкознании, уложенная в прокрустово ложе диалектического материализма и названная "новым учением о языке", просуществовала до 1950 года, когда Сталин выпустил свои исследования по языкознанию и упразднил теорию Марра. После этого началась перестройка языкознания на основе гениальных указаний диктатора»⁷.

Аналогичные выводы делает и доктор Е. Х. Занкевич, но уже по всей «большой» Академии наук: «В настоящее время Академия наук СССР, несмотря на ее гигантский внешний рост, находится на пути к идейному упадку и тупику. Выход из этого критического состояния только один: реорганизовать "советизированную" Академию на новых началах – на принципе полной свободы научного исследования и научной мысли, на принципе независимости науки и духовной жизни в целом от порабощения их государственной властью, политикой и принудительным казенным мировоззрением»⁸.

Обобщение получается одно: в Советском Союзе в науке полный идеологический диктат. А значит – это не наука.

Далее вставал вопрос о невозможности и неспособности развития самой марксистской идеологии.

Послевоенный период показал, дает оценку доктор Р. Врага, что марксизм-ленинизм в СССР зашел в тупик. Учение Ленина стало «своеобразной теорией перманентной экспансии, опирающейся на непрерывно усиливающееся, все более централизованное государство... Эмпирическая доктрина марксизма-ленинизма, основанная на волюнтаризме, не подлежит никакой эволюции, никакому ревизионизму. Она приводит к постоянно углубляющемуся кризису, ко все усиливающимся противоречиям во всех областях жизни»⁹.

В этом отношении в марксизме ничего не изменилось и после смерти Сталина. Таковым было единодушное мнение сотрудников института в докладах на специальной научной конференции в Нью-Йорке в марте 1953 г., которая так и называлась: «Итоги XIX съезда Коммунистической партии СССР и смерть И. Сталина».

Можно ли ожидать изменений в Советском Союзе после Сталина?

⁷ Мишалов Ю. О подготовке и условиях работы преподавателей советской школы. Мюнхен, 1955. С. 147.

⁸ Занкевич Е. Х. К истории советизации Российской академии наук. Мюнхен, 1957. С. 72–73.

⁹ IX Конференция Института по изучению СССР (Мюнхен, 26–27 июля 1957 г.). 40 лет советской власти. Мюнхен, 1957. С. 24–25.

Нет, нельзя. Так утверждает профессор К. Ф. Штеппа в докладе «Сталин и идеологическая борьба в партии ко времени XIX съезда»: «Ничего нового от сталинских диадохов (преемники Александра Македонского, развалившие империю. – Е. К.) не приходится ждать, ибо диадохи ни на что новое не способны. Маленков и Берия, это – безличные и “безродные” сталинисты, не имеющие за собой никаких традиций, никаких личных заслуг, не обладающие никаким личным авторитетом, опирающиеся исключительно на один только аппарат устрашения. Они будут во всем следовать сталинской линии, но доведут ее до ее последних выводов, не останавливаясь там, где, может быть, остановился бы Сталин»¹⁰.

Непререкаемый авторитет среди послевоенных эмигрантов Б. И. Николаевский характеризует начало 1950-х гг. как «новый этап советской диктатуры». И дает ему следующую оценку: «Теперь мы имеем дело с вполне сформировавшейся тоталитарной деспотией на коммунистической основе, которая в качестве очередной своей задачи сознательно поставила военную борьбу за господство над миром»¹¹. И никакие мирные инициативы Маленкова не должны были никого вводить в заблуждение. Советский Союз – агрессор по своей сути.

Именно об этом должны были со всей беспристрастностью свидетельствовать цифры экономических показателей в развитии народного хозяйства СССР.

«Милитаризация и подготовка к внешней агрессии – вот главная цель всей экономической политики послевоенного сталинизма», – утверждает профессор Л. В. Васильев. Экономическая политика коммунистической партии Советского Союза подчинила все мероприятия в области промышленного производства, капитального строительства, развития сельского хозяйства и финансов одной самодовлеющей цели – усилению производства средств производства (тяжелой промышленности) и максимальному увеличению вооружений, т. е. милитаризации экономики¹².

В подтверждение этих выводов приводятся и соответствующие данные статистики. Так, например, ассигнования из бюджета только по статье «расходы на оборону» возросли с 1928 по 1952 г. в 142 раза. Но при этом нет даже упоминания о том, что в указанный временной промежуток попадает Вторая мировая война с колоссальными расходами всех воюющих государств включая СССР. Наверное, по той причине, что это просто показывало бы объективную неизбеж-

¹⁰ Материалы Конференции Института, состоявшейся в Нью-Йорке (США) 20–22 марта 1953 г. Мюнхен, 1953. С. 21.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Там же. С. 38.

ность многократного увеличения военных расходов, но при этом существенно снижало эмоциональное воздействие цифры «в 142 раза».

Очень большое внимание в докладах и публикациях сотрудников института уделяется все возрастающей диспропорции в экономике Советского Союза в послевоенный период, что должно было свидетельствовать о ее продолжающейся милитаризации. Так, профессор П. Л. Кованьковский обращает внимание на то, что в 1952 г. доля группы А (средств производства) составила уже 73 % всей промышленной продукции СССР, а доля группы Б (средства потребления) сократилась с 67 % до 27 %¹³. И платят за такую милитаризацию экономики, продолжает он, простые советские люди. Каким образом? Через косвенное налогообложение. Только налог с оборота, т. е. налог с продаж, составил в 1952 г. почти 57 % всей доходной части бюджета СССР¹⁴. А это и есть деньги населения, взятые через магазин.

«Если кратко и точно охарактеризовать советскую промышленность, – заключает П. Л. Кованьковский, – то можно определить ее направление и ее окончательную цель как попытку построить в бедной стране крупную тяжелую индустрию за счет истощения своего народа»¹⁵. А выделение на военные расходы 65 % бюджета 1952 г. – это ярчайшее свидетельство активной подготовки Советского Союза к военной агрессии в Европе (а затем и дальше).

Такого рода «страшилками» о неизбежной военной агрессии со стороны Советского Союза Мюнхенский институт будет пугать европейцев и американцев на протяжении всего периода своей деятельности. В целом же оценка экономического состояния СССР начала 1950-х гг. сводилась к следующему.

И после смерти Сталина сдвигов в экономике в положительную сторону не произошло. Экономическое развитие, дойдя до известного предела, «вдруг затормозилось и уперлось в какую-то непреодолимую стену» (проф. В. С. Мерцалов)¹⁶. И Маленков вряд ли мог что-то сделать в этом вопросе, поскольку изначально от коммунизма нельзя ждать, чтобы он изменил свою сущность. Следовательно, нельзя ждать и эффективности его хозяйственной системы.

Более развернуто, но о том же пишет профессор Н. М. Васильев. Советское хозяйство не стоит накануне краха. Это не так. Развитие есть. «Террористическая система» и «механизм угнетения» могут еще давать и дают какие-то *количественные* успехи. Однако «тот эконо-

¹³ Кованьковский П. Л. Финансы СССР после Второй мировой войны. Мюнхен, 1954. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 61.

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ СССР сегодня и завтра. С. 71, 90.

мический строй, ...несмотря на долгий срок своего существования, не смог и никогда не сможет привести страну не только к процветанию, но и к сколько-нибудь удовлетворительному обеспечению даже самых обычных потребностей населения, так как является искусственно созданным и искусственно поддерживаемым образованием»¹⁷.

В аналогичном ключе даются оценки и по другим направлениям в изучении Советского Союза.

Но можем ли мы *сегодня* считать такие оценки объективными? И являются ли сами эти выводы достаточно научными, чтобы принимать именно их за истину, или это лишь желание сотрудников института продекларировать свое собственное антисоветское настроение?

Директор института Б. А. Яковлев, конечно, нисколько не сомневался именно в первом. Он утверждал, что Мюнхенский институт «сделался крупнейшим из когда-либо существовавших в эмиграции научным и издательским учреждением. При нем сосредоточились всесторонние исследования советской системы, он стал центром идейного противостояния советизму»¹⁸.

Но есть и противоположные оценки. Так, например, американский исследователь Чарльз О'Коннелл считает, что уже «изначальной целью научной продукции института была не наука». Книги и статьи писались сотрудниками института в антисоветском духе, и это совершалось «под академическим прикрытием»¹⁹. Почему они это делали? Во-первых, потому что многие из них вовсе и не были учеными. Во-вторых, потому что они занимались этим для того, чтобы просто выжить. А поскольку антисоветская деятельность прошла у них через всю войну, то включиться в знакомую сферу им было не очень сложно.

Не следует сбрасывать со счета и тот факт, что с самого начала своей деятельности Мюнхенский институт финансировался ЦРУ через Американский комитет освобождения от большевизма и мюнхенское отделение радио «Свобода»²⁰. И ничего просоветского в его «продукции», естественно, быть не могло.

¹⁷ IX Конференция Института по изучению СССР. С. 138–142.

¹⁸ Троицкий Н. А. Путь «второй волны» и будущее России // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов / сост. В. С. Карпов, А. В. Попов, Н. А. Троицкий; под общ. ред. А. В. Попова. М., 1997. С. 38.

¹⁹ O'Connell T. Charles. The Munich Institute for the Study of the USSR: Origin and Social Composition. University of Pittsburgh: The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Dec. 1990. № 808. P. 31.

²⁰ В 1951 г. в США был создан Американский комитет освобождения народов России (штаб-квартира находилась в Нью-Йорке). Под его эгидой в 1952 г. будет основана радиостанция «Освобождение». Вскоре Комитет будет переименован в «Американский комитет освобождения от большевизма» (1953 г.). В 1962 г. радиостанция

Существенным было и другое обстоятельство: сотрудники института или находились в постоянном ожидании положительного решения по их эмиграционным заявкам на переезд в США, Канаду и другие страны, или уже обрели «новую родину». Демонстрировать свое неприятие Советского Союза в такой ситуации было общим правилом.

Отсюда и серьезные методологические недостатки всей научной работы института, на которые в середине 1950-х гг. директору института указывал Б. И. Николаевский. Он отмечал, что работы авторов «особенно слабы в области обобщения выводов. Новая эмиграция в изгнании пришла, конечно, со вполне определенным отрицательным выводом о советском строе, но она не принесла никаких положительных концепций даже в плоскости понимания движущих сил развития советского общества... Воспоминания 15-летней давности мало пригодны для объяснения современности. Их можно привлекать для контроля и пояснения, но на них строить анализ уже нельзя»²¹.

К чести директора института Б. А. Яковлева, он сам попросил других известных ученых из разных стран дать оценку научной деятельности института. «Экспертами» стали Раймонд Бауэр (Гарвард), Александр Далин (Колумбийский университет), Р. Дж. Кернер (Калифорнийский университет) и другие.

Обобщенные Б. А. Яковлевым замечания свелись к довольно большому перечню не совсем лестных выводов по качеству научных исследований института. Приведем основные:

- работы доказывают гипотезу, в которой автор уверен еще до начала исследования, что определяет подбор материала и выводы;

- большинство авторов не знакомы с трудами западных исследователей, отсюда: 1) исследования мало добавляют к тому, что известно Западу; 2) ошибочные выводы западных исследователей остаются без критики; 3) часто работе мешает слепой антибольшевизм, политические или национальные тенденции; 4) иногда пропаганда подменяет исследование; 5) отсутствие желания понять и положительные стороны, хотя бы в плоскости отдельных элементов развития советского общества; 6) привычка в ряде случаев мыслить советскими категориями...²²

Другими словами, директор института признает, что далеко не все в научной продукции Мюнхенского института есть объективное на-

«Освобождение» будет переименована в «Радио Свобода», и Американский комитет станет называться «Комитетом Радио Свобода».

²¹ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 501. Л. 33–34.

²² Там же. Д. 90. Л. 7–9.

учное знание. В том числе, конечно, и в части, касающейся послевоенного сталинизма.

В итоге мы можем констатировать следующее.

Послевоенный идеологический диктат внутри Советского Союза не давал возможности объективной оценки положения дел в стране со стороны советских ученых.

Слепой антисоветизм сотрудников Мюнхенского института и жизнь за счет американских дотаций приводили к другой необъективной крайности в оценках послевоенного сталинизма.

Концептуально и методологически оформившаяся к этому времени тоталитарная «школа» американской советологии работала в начальный период холодной войны в первую очередь на поддержание образа врага, а не на получение объективного исторического знания.

Все это не позволило беспристрастно оценить послевоенный сталинизм ни первым, ни вторым, ни третьим.

А. Т. Бикбов

ПАРАДОКСЫ ИМПЕРАТИВНОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ В 1943–1953 гг.

Наиболее простая схема исторического обобщения – событийная хронология, основанная на допущении, что последующее выводится из предшествующего и кардинальным образом им определено. Генезисологический метод, который практикуется в исторических и социальных исследованиях с 1960-х гг., опрокидывает эту посылку. Все чаще речь уже не идет о том, чтобы объяснять настоящее прошлым, но о том, чтобы отыскивать в прошлом сборочные элементы нового состояния, при том, что настоящее иначе определяет их связь, порядок и смысл. При такой реконструкции и без того трудно объяснимые исторические прерывности, как и вся привычная периодизация, предстают совсем в проблемном свете. Однако растущая сложность картины – лишь отражение сложности тех социальных структур, которые служат предметом исторического описания.

Сказанное в полной мере применимо к интерпретации позднесталинского периода, который часто предстает «самым темным часом перед рассветом» – последним пиком репрессий перед отказом от физического уничтожения несогласных, временем жестких запретов перед либерализацией общественной дискуссии, моментом глухой политической изоляции незадолго до решительного поворота к открытому международному состязанию и сотрудничеству. Тем большего внимания требуют факты, которые плохо вписываются в общую схему. К числу по-прежнему неразрешимых относится вопрос об интернационализации советского порядка. Была ли она взрывообразной с середины – конца 1950-х или кумулятивной – уже с середины 1940-х гг.?

В пользу первой модели свидетельствует целый ряд исследований, которые на материале научных контактов и научной политики, вероятно, наиболее досконально описывают изменения, происходящие с середины 1950-х гг.¹ Предшествующий период характеризу-

¹ См., напр., эталонный в этом отношении текст: Прозуменщиков М. Ю. ЦК КПСС и советская наука на рубеже эпох (1952–1953) // За «железным занавесом». Мифы и

ется рядом событий, которые невозможно интерпретировать иначе, чем в терминах политической изоляции: всесоюзные научные совещания, объявляющие поход против космополитизма, буржуазного идеализма и низкопоклонства перед Западом, свертывание международных научных связей, запрет на издание советских академических журналов на английском языке и т. д. Все это позволяет исследователям с полным основанием характеризовать конец 1940 – начало 1950-х гг. как период жестких ограничений на международную деятельность².

Однако функционируют ли практики контроля исключительно рестриктивно, ведут ли они к простому сокращению международных контактов и, более широко, к линейной де-интернационализации советских институтов? В изданных архивных источниках, открытых публикациях того периода, доступных для анализа свидетельствах практики мы находим множество признаков, указывающих на обратное. В рамках усиливающегося контроля за идейной чистотой рядов профессиональная и социальная ценность международного опыта лишь возрастает. Не исключено, что репрессивный контроль становится своего рода неуклюжим, а порой убийственным страховочным механизмом в ходе интернационализации, которой невозможно избежать в условиях послевоенного СССР. Далее я рассмотрю некоторые парадоксы этой ситуации, углубившись в уже плотно описанную область, научную политику, и более подробно описав в качестве центрального случая «царицу наук» сталинского периода – философию.

Неявные контуры «философского фронта»

В 1930–1950-е гг. философия наделяется крайне важной политической функцией: управление образом единого будущего – функцией, которую сегодня все чаще выполняет история как дисциплина, призванная управлять общим и единым прошлым. Тесно переплетенный комплекс интеллектуальных свобод и крайне травматичных ограничений, которые образуют феномен советской философии, обязан именно этому ее политическому назначению. Статус центральной и координирующей дисциплины, которую приписывают философии партийные деятели и научные функционеры, подтверждается

реалии советской науки / под ред. М. Хайнеманна и Э. И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

² Документы Политбюро ЦК как источник по истории Академии наук // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКБ(б)–КПСС. 1922–1991. Т. 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 19.

тем, что именно с нее начинается волна «закручивания гаек» и пропагандистских кампаний в науке, которые используются или только задумываются (в зависимости от дисциплины) в качестве стартовой площадки для послевоенного идейного контроля и аппаратных чисток. Номинально первое подобное совещание проходит в январе 1947 г., в форме обсуждения книги Георгия Александрова «История западноевропейской философии», за которым в июне 1947 г. проводится повторное, более серьезное по своим административным последствиям. Однако начало кампании партийного воспитания положено уже в 1944 г., когда осужден III том «Истории философии» (1943), посвященный немецкой идеалистической традиции. С тома снята едва присужденная Сталинская премия, он изымается из оборота, а саму историю немецкой философии специальное постановление ЦК ВКП(б) предписывает излагать иначе, в свете исторического торжества марксистско-ленинского подхода³.

Господствующая модель при описании гуманитарного знания послевоенного сталинского периода и даже десятилетия 1960-х вводит жесткое бинарное деление на эмансипаторное движение «снизу» и жесткое партийное давление «сверху»⁴. Первый взгляд на состояние дисциплины по текущим публикациям и мемуарным источникам обеспечивает такой модели полное доверие. Движение «снизу» выражается здесь в запросе на историко-философское знание, прежде всего на домарксистскую философию, которая уже в первой половине 1940-х гг. обеспечивает исследователям «творческую самостоятельность и научный подход к предмету»⁵. Согласно той же модели этот запрос подвергается регулярной партийной цензуре, переориентирующей философов на борьбу против буржуазных течений и утверждение марксистско-ленинской методологии. Заглавия статей 1948 г. из едва созданного (1947) дисциплинарного журнала

³ Эпизоды осуждения III тома «Истории философии» и дискуссия 1947 г. весьма подробно описаны в ряде исследовательских и мемуарных источников. Одними из первых были статьи: Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александрова. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1; Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 3.

⁴ Эта модель обширно представлена в самоописании дисциплины, с первых публикаций, где ее официальная советская история подвергнута радикальному пересмотру (Огурцов А. Подавление философии // Суровая драма народа. М.: Изд-во политической литературы, 1989), до более поздних мемуарных сборников (Философия не кончается. Из истории отечественной философии. XX век / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 1998) и недавних работ, которые претендуют на обобщающий характер (Мотрошилова Н. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и Западная мысль. М.: Академический проект, 2012).

⁵ Юбилей профессора В. В. Соколова (интервью В. Кузнецова) // Вестник Московского ун-та. Серия 7 «Философия». 2000. № 4. С. 16.

«Вопросы философии» дают возможность оценить результирующий вектор таких взаимодействий: «Поход международной реакции против «Манифеста Коммунистической партии», «Современный физический идеализм в США и Англии на службе реакции и поповщины», «Против низкопоклонства перед буржуазной философией», «За большевистскую партийность в вопросах психологии», «За мичуринскую биологию» или «Против буржуазного объективизма и космополитизма».

Сам журнал создается по следам обличительных дискуссий 1947 г., которые проходят под лозунгом «укрепления философского фронта». Эту «линию», помимо звенящих заглавий, ярко обозначает специфическая поэтика текстов, которые распадаются на два типа почти без каких-либо промежуточных форм: хвалебные публикации о «великих» советских или российских мыслителях и статьи, изобличающие «заблуждения» и «измышления», связанные с «буржуазным» идеализмом или объективизмом. В рамках второго жанра все зарубежные философы не коммунисты наделяются характеристиками, подобными следующим: «фашиствующий Сартр», «пособник американской реакции и буржуазный аморалист Джон Дьюи», «человеконенавистническая философия Гуссерля»⁶. Грамматика философских публикаций середины 1940 – начала 1950-х гг. строится на разборе любых теоретических суждений как прямой проекции столкновений между пролетариатом и буржуазией. Согласно мемуарной литературе и устным интервью 1990–2010-х гг., это делает тональность любой философской дискуссии «дурной», а атмосферу в дисциплине – «тяжелой».

Даже если делать поправку на то, что обличенный в 1947 г. Г. Александров принадлежит к числу высших партийных руководителей, кажется, что факты говорят в пользу простой схемы, разделяющей философию (и не только) на творческий интеллектуальный «низ» и темный, репрессивный партийный «верх». Необъяснимым в границах такой схемы остается только одно обстоятельство: почему изоляционистский доктринальный контроль и партийная цензура не вводятся на более ранних этапах кулуарного обсуждения, а функционируют в публичном и догоняющем режиме? Тот же вопрос можно переформулировать иначе: для чего создается научный философский журнал при наличии партийных и более прямолинейно «идейных», и почему утверждение марксизма как «революционного переворота в философии» требует выхода специализированных изданий по истории философии, неизбежно знакомящих с немарксистскими источ-

⁶ Примеры из разных статей «Вопросов философии» 1948 г.

никами? Попытка всерьез ответить на эти вопросы ведет к критическому пересмотру первоначальной схемы.

С начала 1940-х гг., а в первой версии, возможно, уже с конца 1930-х, обращение к интеллектуальным образцам, господствующим на международной сцене, институционализируется как один из приоритетов философской работы. Вслед за началом публикации многотомной «Истории философии», план которой разрабатывается и утверждается в 1938–1940, в середине 1940-х гг. издаются статьи и монографии по истории зарубежной философии, а в 1946 г. по постановлению Иосифа Сталина при Совете министров учреждается Издательство иностранной литературы. В 1950 г. в нем готовится открывший серию «Философское наследие» однотомник Декарта (под редакцией В. Соколова), чьи тексты не публиковались на русском языке с 1914 г. В том же 1946 г. в Институте философии АН СССР принимается решение о «необходимости систематической работы по философии, психологии и логике за рубежом», а также о работе по «критике идеалистических направлений». Вслед за этим создается сектор социологии, для изучения идеологического наследия русской социологии и критики современных идеалистических теорий в социологии⁷. Наконец, среди мотивов учреждения журнала «Вопросы философии», помимо «объединения философов всех республик» и обеспечения «идейного уровня», фигурирует необходимость публикации результатов «работы по изучению и критике современной буржуазной философии и социологии» и наличие «нескольких статей и критических обзоров», подготовленных по этим темам⁸. Иными словами, в конце 1940-х гг. знакомство философов с зарубежными образцами сопутствует определению «философского фронта» уже как императив, не требующий дальнейших обоснований.

По свидетельству философов, учившихся на философском факультете МГУ в начале 1950-х гг., «студенты, ...слышавшие со всех сторон фразу о возникновении марксизма как революционным перевороте в философии, изучали историю философии в течение всех пяти лет своего обучения, т. е. девять семестров»⁹. Сколь ни парадоксально это прозвучит, число часов на историю зарубежной

⁷ In the Institute of Philosophy, U.S.S.R. Academy of Sciences Meeting of the Administrative Board of the Institute of Philosophy (October 29, 1946) // Synthese. 1947. Vol. 6. № 1/2. P. 71. Следует обратить особое внимание на совместную институционализацию двух тематических линий: не только истории зарубежной философии, но и дореволюционной русской мысли. В планах издания учебника по истории философии 1938 г. уже значился том по русской философии, который так и не был выпущен.

⁸ Об издании журнала «Вопросы философии». 21.07.1947 // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКБ(б)–КПСС. С. 359.

⁹ Юбилей профессора В. В. Соколова... С. 18.

философии начинает сокращаться именно в «оттепельный» период 1960-х гг. Не менее симптоматичны тематические сдвиги второй половины 1940-х гг., которые утверждают общность ряда вопросов и проблем для советской и домарксистской философии. В 1946 г. упомянутый В. Соколов защищает диссертацию «Проблема необходимости и свободы в домарксистской философии Нового времени и в марксизме-ленинизме». Схожим образом выстраиваются темы ряда других текстов, претендующих на интеллектуальную автономию¹⁰.

Такая работа требует изощренных риторических маневров и сопряжена с карьерными рисками. А история образцовой публикации о философе-«идеалисте» неизбежно включает задержки и идеологическую корректуру. Особенно, если она посвящена такому философу как Гегель, которому А. Жданов прямо адресует обличительные речи в дискуссии 1947 г. По свидетельству историка философии Т. Ойзермана, при его попытке опубликовать статью о Гегеле в конце 1940-х гг., «эту статью послали в ЦК... и там полгода продержали, какие-то предложили поправки, и все-таки разрешили напечатать... Потому что соавтор мой был профессор Светлов, заместитель министра высшего образования»¹¹. Напряжения, возникающие вокруг фигуры Гегеля, имеют принципиальный для дисциплины характер, поскольку на абсолютно легитимном языке партийной ортодоксии позволяют противопоставить две «внутренних» линии: Сталина – Жданова, которые оценивали Гегеля как идеалистического врага марксизма, и Маркса – Ленина с их высокой оценкой значения гегелевской философии. Игра на подобных противоречиях между «отцами-основателями» составляет важный ресурс в утверждении истории философии как пространства интеллектуальной автономии. Согласно позднему свидетельству историка философии В. Кузнецова, «способ устранения антиисторического острия формулы о марксизме как революционном перевороте в философии... состоял в том, чтобы, декларируя полнейшее согласие с этой формулой и даже выступая по-

¹⁰ Автономистские позиции авторов конца 1940 – начала 1950-х гг. могут выражаться в весьма умеренных (по современным меркам), но оттого не менее значимых формах. Так, в отличие от большинства текстов, публикуемых в «Вопросах философии», которые содержат обязательные указания на «ошибки» не марксистских философов и почти всегда открываются анализом общественно-политической ситуации и буржуазной реакции в странах Запада, статья В. Соколова, посвященная Декарту (Вопросы философии. 1950. № 2), почти полностью избавлена от указаний на идеалистические заблуждения последнего, как и на напряженную борьбу пролетариата против буржуазии.

¹¹ Интервью автора с Т. Ойзерманом, совместно с В. Гусейновой и Е. Тамбасовым, июль 2014.

рой ее красноречивыми пропагандистами, интерпретировать ее так, чтобы оставались в силе все высказывания Энгельса и Ленина о необходимости для марксистов постоянно и глубоко изучать историю философии»¹². Речь идет не о 1970–1980-х гг., а все еще об исходе сталинского периода.

Сама подобная игра оказывалась возможной только потому, что в институциональное основание дисциплины была уже заложена важность рецепции зарубежного опыта и идейной борьбы на территории противника. При этом, если партийная ортодоксия в философии могла утверждаться через критику немарксистских источников, для чего было необходимо овладение ими, то доступ к истории зарубежной философии в целом ряде показательных случаев обеспечивался либо высоким партийным положением авторов, либо упреждающей лояльностью принципам диалектического материализма. Упомянутый Г. Александров в конце 1940-х гг. является главой Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК. Заведующий кафедрой зарубежной философии в МГУ, В. Светлов – заместителем министра высшего образования. Философы, чья неприкосновенность не гарантирована высшим административным положением, оплачивают ее доктринальной работой. В своих интервью Т. Ойзерман указывает, что преподавал в основном диалектический материализм, его первая монография была посвящена одной из наиболее «идейных» тем в философии того периода¹³. В. Соколов в 1952–1954 гг. был командирован от факультета в КНДР для чтения курсов по диалектическому и историческому материализму¹⁴. Именно такая демонстрация партийной дисциплины снабжает философов лицензией на представление также домарксистских авторов и текстов. Принципиально схожую модель: доступ к зарубежным публикациям и контактам при условии партийной лояльности или партийной карьеры, – можно наблюдать десятилетием позже, при институционализации другой научной дисциплины, социологии¹⁵.

В итоге кампании по ужесточению партийной дисциплины в философии предстают вторичным эффектом – дисциплинированием по итогам интернационализации, которая исходно опирается на партийную лояльность исполнителей. Именно так Г. Александров

¹² Юбилей профессора В. В. Соколова... С. 12.

¹³ Ойзерман Т. Возникновение марксизма – революционный переворот в философии. М., 1948.

¹⁴ Соколов В. В. Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 49–50.

¹⁵ Подробнее см.: Бикбов А. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: ВШЭ, 2014. Гл. VIII.

оказывается обладателем двойного статуса: одним из ключевых проводников домарксистской истории философии, но одновременно партийным иерархом, который визирует записки ЦК об ограничениях на использование иностранной литературы¹⁶ и запрете издания журналов Академии наук на иностранных языках¹⁷. Философ Т. Ойзерман, который продолжает институционализировать историю зарубежной философии, параллельно выполняет работу партийного виртуоза, публикуя тексты о революционной роли марксизма и ловушках империалистической реакции. Такие смещения и смешения между партийной и интеллектуальной работой в философии 1943–1953 гг. имеют системный характер. Они слишком глубоко укоренены в архитектуре философских институций, чтобы сегодня можно было одним упорядочивающим жестом вернуться к упрощенной схеме творческого философского «низа» и репрессивного партийного «верха».

Альтернативы интернационализации

Является ли исключительным опыт, который разделяют участники «главной» дисциплины позднесталинского периода? Как показывают архивные публикации, модель распространяется на управление всей наукой и, возможно, не только ею. В десятилетие 1943–1953 гг. интернационализация, безусловно, носит дозированный и прагматичный характер. В области прямых международных контактов она захватывает, прежде всего, естественные и технические науки, а также медицину. В этих дисциплинах международные связи отнюдь не прерываются, как принято считать, в 1946–1947 гг. Напротив, в некоторых случаях они уплотняются. Если говорить о сфере гуманитарного знания конца 1940 – начала 1950-х гг., то дисциплинами, где происходит интернационализация, становятся история, и прежде всего ее разделы, связанные со славянским миром, а также языкознание и этнография. Что касается социального знания в узком дисциплинарном смысле, т. е. прежде всего социологии, ее учреждение отсрочивается до периода масштабных политических реформ. Здесь крайне красноречивы решения об участии советских делегаций во

¹⁶ О выписке и использовании иностранной литературы (Извлечения). 14.09.1946 // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКБ(б)–КПСС. С. 334–335.

¹⁷ О журналах Академии наук СССР «Доклады Академии наук СССР», «Физико-химический журнал», «Журнал по физике», издающихся на иностранных языках. 16.07.1947 // Там же. С. 356–357.

Всемирных социологических конгрессах: в 1953 г. ЦК отклоняет первое предложение об отправке советской делегации и признает ее целесообразность только в 1956 г.¹⁸

В целом, чтобы выявить ограниченные контуры интернационализации, необходимо покинуть пределы одной дисциплины и зафиксировать ее мерцающие, неоднородные формы конца 1940-х гг. в разных областях. Как позволяют судить опубликованные архивные источники¹⁹, в 1944 г. ЦК ВКП(б) рассматривает единственный вопрос в сфере международных обменов Академии наук: о приглашении зарубежных ученых в СССР на празднование 220-летия Академии наук. В 1945 г. подобное обсуждение также единично: 30 октября положительно решается вопрос об отправке историко-архивной экспедиции в Балканские страны. В 1946 г. таких решений уже 10: тематика и география обменов преимущественно располагается на традиционной западноевропейской оси. Советские астрономы едут в Копенгаген, физики, химики и рентгенологи – в Лондон, медики, биологи и специалисты по прикладной механике – во Францию, в СССР приглашают западноевропейских химиков и почвоведов. Кроме этого, делегацию медиков и индологов направляют в Дели, на конгресс Индийской ассоциации ученых. В том же году принимается одно рестриктивное решение: ограничен круг организаций, которые вправе выписывать иностранную литературу. В 1947 г. ЦК рассматривает семь записок, положительно связанных с вопросами международных контактов, включая разрешение на обмен книгами АН СССР с учреждениями Германии, Японии, Италии, Австрии, Венгрии (29 января). Двумя рестриктивными решениями отклоняются кандидатуры в АН СССР нескольких американских ученых (10 июня) и запрещена публикация журналов АН СССР на иностранных языках, поскольку те «предоставляют органам иностранной разведки в готовом виде результаты достижений советской науки» (16 июля 1947 г.).

В решениях ЦК 1947–1949 гг. объективируются два парадигматических для позднесталинского периода мотива. Во-первых, с агоническим западноевропейским направлением академических связей начинает конкурировать восточноевропейское, точнее, «общеславянское». Оно институционализируется через обмены академическими делегациями, исследовательские экспедиции, попытки организовать конгресс ученых-славяноведов. Институционализация обосновыва-

¹⁸ По запискам и решениям в сб.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС...

¹⁹ Там же.

ется, среди прочего, отсылкой к активности тематических отделений и центров в зарубежных странах, включая западные. Но в данном случае к этому не сводится. Организация «общеславянской» научной коммуникации – прямой перевод в академические термины тех внешнеполитических задач по созданию восточного блока, в котором Москве отводится роль руководящего центра. Эта логика представлена не только в пространстве научных обменов, но и в интеллектуальном пространстве дисциплины-координатора. В «Вопросах философии», наряду с заметным местом, которое отводится почти в каждом номере для статей о русской философии и философии народов СССР, регулярно публикуются также тексты о философии в Польше и других восточноевропейских странах. Можно утверждать, что в научной политике послевоенных лет реализуется проект альтернативной, восточной интернационализации. Подобно тому, как до успеха атомного проекта ЦК интересуется мобилизационный потенциал Православной церкви²⁰, практическую конкуренцию все более отвлеченной идее мировой социалистической революции составляет умеренный панславизм.

Во-вторых, международные научные контакты систематически раскодируются в терминах противостояния двух систем и активно используются как сцена политической схватки. Это иллюстрируют примеры, представляющие оба направления интернационализации. Так, в 1948 г. советские историки откомандированы на конгресс в Варшаву для участия в «острой борьбе между польскими историками-марксистами и историками, стоящими на буржуазных позициях»²¹. В том же году советским участникам астрономического конгресса в Цюрихе предписано добиваться «самостоятельного вхождения астрономических учреждений Академий наук Украины, Грузии, Армянской, Казахской и Узбекской ССР в Международный астрономический союз», а также «возражать против приема в МАС национальных астрономических комитетов Австрии, Германии и Японии в связи с отсутствием мирных договоров с этими странами»²². Таким образом, уже в конце 1940-х гг. кристаллизуется эталонная формула

²⁰ Доклад Т. Леонтьевой «Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении» на Международной конференции «Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.». Тверь, 4 декабря 2014 г.

²¹ О командировании в Варшаву советских историков на VII Съезд польских историков. 18.09.1948 // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКБ(б)–КПСС... С. 384.

²² О составе советской делегации ученых на Съезд Международного астрономического союза. 07.08.1948 // Там же. С. 376.

политического использования международных научных конгрессов и съездов, которая в полной мере реализуется в следующий период при учреждении новых гуманитарных дисциплин, включая социологию. В ее случае (во второй половине 1950-х гг.) основными мотивами участия в международных дискуссиях становятся доказательство «преимуществ социалистического образа жизни» и предотвращение «распространения клеветнической информации в отношении СССР»²³.

Наряду с академическими функционируют иные каналы международной коммуникации. При крайнем, на первый взгляд, изоляционизме в философской дисциплине они играют решающую роль. Именно «усиление борьбы на идейном фронте» обеспечивает некоторым философам доступ на международные площадки, где, наряду с презентацией марксистско-ленинского подхода, те получают возможность коммуникации по недоктринальным, т. е. историко-философским темам. Согласно устным воспоминаниям Т. Ойзермана, «году в 46–47-м были сессии ЮНЕСКО, где проходили философские семинары... Я выступал там три или четыре раза. И имел возможность также побывать в Парижском университете, Пуатье и еще в одном... Мы всегда получали приглашения. Не персонально – приглашения шли на философский факультет. Потом, когда я побывал раз, два, три на этих заседаниях в Париже, уже и персональные приглашения высылали. Охотников участвовать в семинарах было не так много, поскольку активно французским и английским языком очень мало кто владел». Он же добавляет: «На философские симпозиумы и философские конгрессы [в Германию] ...я ездил, начиная с 47 года. И там, естественно, выступал с докладом»²⁴.

Таким образом, усиление контроля в партийно-послушной науке середины 1940 – начала 1950-х гг. уже не выглядит линейным выражением самоизоляции СССР. Парадокс состоит в том, что именно в этот момент происходит институционализация историко-философского знания и начинается практическая интернационализация философской компетентности. Именно это дает основу для последующей поляризации всей профессии, не характерной ни для 1920–1930-х, ни, все еще, для 1940-х гг.: противостояния полюсов догматического диамата-истмата и истории философии. Активностью на

²³ Записка АП СССР о создании Советской социологической ассоциации. 26.12.1957 // Социология и власть / отв. ред. Л. Н. Москвичев. Сб. 1. 1953–1968. М.: Academia, 1997. С. 38.

²⁴ Интервью автора с Т. Ойзерманом.

втором полюсе обязаны своей репутацией «молодые философы» следующего поколения, такие как Э. Ильенков и М. Мамардашвили. Они принадлежат к числу студентов-философов конца сталинского периода, которые вступают в профессию к концу 1950-х гг. и уже в эталонной форме транслируют те установки на новую профессиональную компетентность, что в конце 1940-х гг. кристаллизуются в зыбких дисциплинарных смещениях и смешениях.

Гипотеза императивной интернационализации

Теперь можно вернуться к исходному вопросу: почему в этот период императивы интеллектуальной изоляции и партийная цензура функционируют публично, а не кулуарно, и не в упредительном, а в догоняющем режиме? Ответом на него будет гипотеза, которая позволяет включить указанные контртенденции в объяснительную схему, отказавшись от волюнтаристских толкований интернационализации.

Можно полагать, что по окончании Второй мировой войны, а возможно, уже в ее ходе, интернационализация СССР становится императивной, т. е. в некотором отношении вынужденной и в любом случае обязательной. Страна-победитель получает беспрецедентный статус влиятельного международного игрока, чье участие в альянсах и организациях сопряжено с растущими программными требованиями. Недостаточно просто декларировать позицию, необходимо участвовать в систематическом диалоге, подтверждая позицию техническим превосходством и лидерством в доктринальной полемике. Успех атомного проекта лишь закрепляет это положение. Обосновательная часть академических решений ЦК в 1940 – начале 1950-х гг. предельно ясно отсылает к этой состязательности: во-первых, научная кооперация необходима для осведомленности о технических достижениях стран Запада, во-вторых, для побед в идейной борьбе на международной сцене между марксистско-ленинской теорией и буржуазной идеалистической.

Таким образом, ограниченная интернационализация философии, как и других дисциплин, достаточно рано, т. е. еще до «оттепели», вписана в попытки закрепить новое положение СССР на международной сцене. В свою очередь, «низовой» запрос на историю философии может институционально реализоваться в дисциплине только как ответ на эти вызовы состязательной интернационализации. Партийные дискуссии и учреждение собственного дисциплинарного журнала «Вопросы философии» призваны выполнить в этих условиях корректирующую функцию. Они редуцируют двусмысленность и интеллектуальные девиации, вызванные высокими напряжениями

ми и противоречиями, которые несет в себе использование ученых в международной политической борьбе. Со структурной точки зрения волна кампаний по осуждению «идеализма», «объективизма», «вейсманизма», «низкопоклонства» предстает уже не пароксизмом одной тиранической воли, а инструментом репрессивного управления издержками в модели императивной интернационализации.

СТАЛИНСКАЯ КОМАНДА ПРИ СТАЛИНЕ И БЕЗ НЕГО, 1952–1953 гг.

«Сталинская команда» – группа самых близких соратников Сталина / членов Политбюро, сформировавшаяся во второй половине 1920-х гг. в борьбе с фракциями, работавших вместе со Сталиным в течение почти 30 лет и просуществовавшая как «коллективное руководство» вплоть до 1957 г.

Основными членами группы являлись Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Киров, Микоян, Куйбышев, Рудзутак, Калинин, Андреев. Из них: Киров умер в 1934 г., Куйбышев – в 1935 г., Орджоникидзе – в 1937 г., и Рудзутак (став жертвой репрессий) – в 1938 г. Состав пополнялся Ждановым, Хрущевым, Берией, и Маленковым, входящими в команду во второй половине 30-х годов.

Почему «команда», а не «окружение» или «круг»? По словарному определению, команда означает «небольшое число людей с взаимодополняющими навыками, людей, которые собраны для совместного решения задач, [для которых] они поддерживают взаимную ответственность». Сталинская команда собиралась регулярно для совместного обсуждения важных политических и государственных вопросов. Ее члены имели различные специализации / административные ответственности (кто-то управлял тяжелой промышленностью, кто-то военными делами, кто-то Ленинградом или Украиной и т. д.). Они считались взаимно ответственными при принятии решений Политбюро.

Формально команда (Политбюро) состояла из равных членов. Но, на самом деле, было не так: Сталин был первым, хозяином, и этот факт был неоспорим; причем дистанция между ним и остальными членами постоянно увеличивалась. Сталин был не только капитаном команды, он был и тренером, т. е. он один фактически имел право выбирать и выгонять (желательно, с согласием и пониманием других членов команды, но необязательно).

Если власть все-таки сосредоточилась в руках Сталина, чем же интересно существование при нем команды? Во-первых, тем, что команда у него была (у Гитлера, у Муссолини не было), и что она сохранялась так долго. В большой политике, 30 лет – неслыханно долгий

срок существования любой команды, не говоря уже об исключительно опасных и неустойчивых условиях сталинской эпохи.

Во-вторых, тем, что команда пережила Сталина и сумела удачно провести опасный переход в «коллективное руководство» после его смерти. Такого сравнительно спокойного политического перехода никто не ожидал, в том числе и сама команда и, наверно, ее покойный капитан, который любил предупреждать соратников, что «вы без меня пропадете». Однако они *не пропали после его смерти*. И даже сразу запустили длинный перечень сверхважных политических и социальных реформ, как будто бы готовились к этому все долгие годы работы при Сталине. Как же это было возможно? Думается, это еще неисследованная загадка, решение которой имеет большое значение для нашего понимания истории сталинского и послесталинского периода.

Решение находится, наверно, отчасти в разворачивании политических и внутрикомандных отношений наверху в послевоенный период. Известно, что Сталин стал с большим подозрением относиться к Молотову, Микояну и Ворошилову, подозревая их в шпионаже и т. д. Создавалось впечатление, что он собирался их удалить из команды, только (по своему обыкновению) предпочитал это делать не одним ударом, а постепенно, «дозировано», чтобы другие члены команды свыкались и не возражали, даже мысленно. А в этот раз как будто не получалось, команда не свыкалась. Сталин хотел, чтобы опасные члены не присутствовали на показе кинолент в Кремле и т. д., а они все-таки приходили, проинформированные заранее о встречах остальными членами команды. Он хотел их устранить из работы Президиума ЦК путем создания Бюро Президиума, в состав которого они не включались, но это тоже не получалось. С течением времени, может быть, Сталин достиг бы цели, и ему удалось бы их изгнать. Но времени у него не осталось: в марте 1953 г. его не стало. Он даже не успел умереть, как 5 марта команда встретилась в Кремле и распределила между собой должности в новом правительстве.

Судя по скорости изменений политического курса после смерти Сталина, его бывшая команда – теперь коллективное руководство – уже более или менее знала основные принципы будущих реформ и между собой о них договаривалась. Как это могло случиться, при строгих условиях позднего сталинизма, остается еще одной загадкой. Ответы в архивах пока не найдены, и мемуары также мало освещают происходившее. Но первая инициатива в области реформ (освобождение осужденных по «делу врачей») проявилась уже через несколько дней после смерти Сталина, и другие мероприятия (амнистии осужденных в ГУЛАГе, реформы в сферах госбезопасности и национальной политики, улучшение производства товаров ширпотреба, уменьшение давления на крестьян, попытки разрядки отношений с Западом и

т. д.) следовали непрерывным потоком в 1953–1954 гг. Трудно представить, что такой серьезный и последовательный переворот в государственной политике осуществлялся без каких-либо предварительных обсуждений и согласований внутри команды.

Не все члены команды оказались ревнителями коллективного руководства. Берия, наверно, стремился к единовластию, но команда этого не допустила. Вторым претендентом, более удачливым, был Хрущев, которому удалось победить остальных членов команды и заклеить большинство из них ярлыком «антипартийной группы» в 1957 г. А в команде в целом, как показывает опыт 1953–1957 гг., дух коллективизма оказался довольно развитым, в том числе у Молотова и Маленкова. Принимая во внимание еще стиль руководства при Брежневе, можно спросить: не является ли не только принцип единовластия, но и принцип сопровождающего коллективного руководства свойственным советской политической системе?

I. ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Е. Н. Савенко

ПОСЛЕВОЕННОЕ ОБЩЕСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕПОДЦЕНЗУРНЫХ ТЕКСТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ)

Духовная атмосфера послевоенных лет – противоречивое явление. Радость и гордость за Победу сочетались с разочарованием в окружающих реалиях. Надежды населения на существенное улучшение материального положения и смягчение политического режима после окончания войны не оправдались. Мирная повседневная жизнь оказалась достаточно сложной, что обусловило рост критических настроений в обществе.

Косвенным подтверждением указанного явления служит повышение в первые послевоенные годы удельного веса судебных дел об «антисоветской агитации и пропаганде». Доля преступлений по ст. 58–10, в общем количестве «спецдел» Томского областного суда, выросла с 60 % во втором полугодии 1945 г. до 71 % в первом полугодии 1946 г.¹ Из 314 уголовных дел, рассмотренных Новосибирским областным судом в конце 1945 – начале 1946 г., 143 дела (48 %) касались так называемых контрреволюционных преступлений. В основном (более 90 %) это были преступления, проходившие по статье 58–10 ч. I и II. Аналогичная тенденция прослеживается и при изучении деятельности судебных органов других административно-территориальных образований Сибири. В 1948 г. удельный вес дел об «антисоветской агитации и пропаганде» в общей массе дел, касающихся контрреволюционных преступлений, по сравнению с военным периодом вырос в Красноярском крае с 70 до 76 %³, в Иркутской области – с 68 до 76,3 %⁴.

¹ ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 139. Л. 2, 19.

² ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 9. Д. 25. Л. 16–16 об.

³ Подсчитано по материалам: ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 20. Л. 58; Д. 23. Л. 53; Д. 25. Л. 75; Д. 29. Л. 44, 89, 120, 138; Д. 32. Л. 8; Д. 36. Л. 2, 10; Д. 37. Л. 2, 8; Д. 38. Л. 1, 6а; Оп. 2. Д. 2. Л. 4, 14; Д. 3. Л. 33, 56.

⁴ Казарин В. Н. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел и дел «о контрреволюционных преступлениях» в годы Вели-

В той или иной степени недовольство проявляли все слои населения. Но процентное соотношение представителей различных социальных групп в общем количестве осужденных за контрреволюционные преступления на протяжении послевоенного восьмилетия варьировалось. В 1946 г. около 52 % всех осужденных за государственные правонарушения в Новосибирской области были спецпереселенцами, 25,6 % – рабочими, 11,2 % – служащими, 5,4 % – крестьянами. Остальные 6 % приходились на долю крестьян – единоличников и кустарей⁵. В 1949 г. состав осужденных по «спецделам» несколько изменился. Из характеристики лиц, подвергшихся судебному наказанию за контрреволюционные преступления, исчезло понятие «спецпереселенец». Можно предположить, что особое внимание к спецконтингенту было наиболее актуально до середины 1940-х гг. – в годы наибольшей концентрации этой группы лиц в регионе. После принятия в 1945 г. постановления «О правовом положении спецпереселенцев» и постепенного снятия их с учета спецпоселения выделение этой группы лиц в отдельную категорию, вероятно, утратило значение. Данные об осужденных «контрреволюционерах» из числа спецпереселенцев в зависимости от экономической сферы их деятельности попадали в другие графы. В 1949 г. состав осужденных в Новосибирской области за контрреволюционные преступления выглядел следующим образом: рабочие составляли более 43,3 %, служащие – 20 %, колхозники – 10 %, так называемые кустари – 1,7 %, «нетрудящиеся элементы» – около 25 %⁶. В 1952 г. социальная структура привлеченных к уголовной ответственности Новосибирским областным судом по «спецделам» вновь изменилась: 39,2 % осужденных составляли колхозники, 28,8 %, – рабочие, 19,2 %, – служащие, 12,8 % – неработающие лица⁷.

Основная часть преступлений, проходивших по статье 58–10, была связана с «устной пропагандой» – разговорами довольно вольного характера. Однако немало дел относилось и к изготовлению различного рода письменных документов. Эти неподцензурные тексты (личные письма, дневники, самодеятельные стихи, листовки) являются ценными историческими источниками, дающими представление о болевых точках советского общества в послевоенные годы.

Наиболее острой проблемой, волновавшей широкие слои населения, было тяжелое материальное положение. Только в августе 1945 г.

кой Отечественной войны и в послевоенные годы // Сибирская ссылка. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16). С. 456, 474.

⁵ ГАНУ. Ф. 1027. Оп. 9. Д. 25. Л. 19–19 об.

⁶ Там же. Д. 45. Л. 37–37 об.

⁷ Там же. Д. 62. Л. 87 об.

в ходе перлюстрации частной переписки военной цензурой Наркомата государственной безопасности было выявлено 135 писем с жалобами рабочих завода № 174 Омска⁸ на неудовлетворительные материально-бытовые условия. Отрывки из некоторых посланий ярко характеризуют бытовые проблемы трудящихся: «условия жизни на заводе жуткие, люди бегут с завода», «кончилась война, а улучшения никакого нет, работаем 12 часов, питание неважное», «живу неважно, настанет осень, а я хожу босый, даже копейки нет хлеба выкупить. Хлеба дают 700 г, а заработок плохой, остаюсь каждый месяц должен»⁹.

Не менее тяжелым было материальное положение сельских тружеников. В сентябре 1945 г. житель Томской области, бывший фронтовик-разведчик Николай Фонов так описал в личном дневнике впечатления о колхозной жизни: «Взгляните на колхозника, блюстителю и творцы закона, что он есть теперь? Что осталось от него? – Воздух, да один воздух. – Сколько он работает? – Столько, сколько выдерживают его изнуренные силы. – Что ест он? – То, что дает ему приусадебный участок: картофель, но не хлеб, хлеб – роскошь для него»¹⁰. В июле 1946 г. органы госбезопасности по Алтайскому краю зафиксировали 480 писем от семей военнослужащих с сообщениями о непосильных налогах. Жительница села Ельцовка Оспищева А. П. писала: «Живем плохо, ни обувь, ни одеть, помощи, у нас очень большие налоги на мясо, молоко и деньгами 1000 руб.» Колхозница Зайцева из села Кривое сообщала сыну: «Жизнь наша все хуже становится, забрали у нас корову за неуплату молокопоставки»¹¹. Картина крайнего обнищания алтайской деревни предстает из анонимного письма, написанного демобилизованным воином, вернувшимся в родные места в феврале 1947 г. Желая проинформировать И. В. Сталина о действительном положении сельских районов Сибири, автор письма писал: «Колхозники в основном питаются картофелем, а многие и картофеля не имеют, питаются пищевыми отбросами и питают надежду на весну, когда нарастет зеленая трава, тогда будут питаться травой»¹².

В обществе, прежде всего у бывших фронтовиков, зрело раздражение за нищенское, «недостойное победителей» существование. В декабре 1945 г. житель Бийска, участник войны, описывая свое

⁸ Ленинградский танковый завод, перебазируемый в Омск в марте 1942 г.

⁹ Советская жизнь. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2003. С. 277–288.

¹⁰ Листы из изъятого при обыске дневника Н. Фонова // Мартиролог – Фонов Николай Федорович – Мемориальный музей. URL: <http://nkvd.tomsk.ru/research/passional/foinov-nikolaj-fedorovich/>

¹¹ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. IV. 1945–1965. Барнаул, 2004. С. 112–113.

¹² Советская жизнь. 1945–1953. С. 232.

бедственное положение, писал родственнику следующее: «Разве для этого пролита наша кровь на полях битв?»¹³. Эти настроения передавались и молодежи. В 1950 г. пятеро старшеклассников из Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области выпустили листовку, содержащую следующие слова: «Слушай, рабочий! Стоит сказать, что разве мы живем сейчас той жизнью, за которую боролись и умирали наши деды, отцы и братья? Мы работаем – а получаем жалкие гроши, да и те зажимают... Почитай и подумай о своей жизни...»¹⁴

Вину за сложившуюся ситуацию авторы многих неподцензурных текстов нередко возлагали на руководство страны. В анонимном письме от 24 февраля 1947 г. бывший фронтовик – сибиряк с Алтая, констатирующий, что «население поставлено на почву голодного вымирания», объяснял причины сложившейся ситуации бюрократизацией системы управления. «Сейчас образовано областей и районов столько, сколько грибов в бору, а в них служб и ведомств больше, чем нужно, а в них сотрудников больше, чем нужно, это на местах называют приближением руководства к массам. <...> Такое приближение руководства к населению и отраслям привело к тому, что 50 % населения занято не производительным трудом. <...> Все сводится к тому, что «один с сошкой, а семеро с ложкой»¹⁵. В январе 1947 г. в личном дневнике двадцатилетнего жителя Кулунды, инвалида Великой Отечественной войны Григория Бордуна появилась следующая запись: «Правительство пьет народную кровь. Неужели она им не горька эта народная кровь». Некоторые дневниковые записи носили еще более радикальный характер. В сентябре 1945 г. первокурсник Томского государственного университета Николай Фонов, бывший разведчик, награжденный медалью «За отвагу», писал в своем дневнике: «Дети – будущие строители коммунизма, “смена отцов”, они голодны. Это уродливые рахитики, не видевшие настоящей, человеческой пищи. Я хотел бы, чтобы они были не строителями, а могильщиками этого порядка»¹⁶.

Причинами протестных настроений были не только тяжелые материально-бытовые условия. Изучение документальных источников послевоенных лет позволяет говорить о расширении диапазона инакомыслия. Негодование вызывали отсутствие демократических свобод и жесткий идеологический диктат в различных сферах жиз-

¹³ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. С. 105.

¹⁴ Солженицын А. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 5: Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956, ч. 3 и 4. М., 2000. С. 297; Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.): Справочник. М., 2014. С. 335.

¹⁵ Советская жизнь. 1945–1953. С. 233–234.

¹⁶ «Чудесное средневековье» // Свободный курс. 1996. 17–24 окт. № 42. С. 12.

ни. Пример тому – запись из дневника уже упоминавшегося ранее Григория Бордуна. В ноябре 1946 г. прошедший войну юноша писал: «Как тяжело! Ужасно. Везде бичи, везде железные неволи, немощные слезы, “законов гибельный позор”. На этом этапе развития вернуть рабство, возродить угнетение, социальное неравенство, все то, что клеймилось целые тысячелетия назад. Как душно, как невыносимо!» Спустя месяц в дневнике появляется еще более резкая запись: «Пожалуй, что нигде нет такой страны, где бы человек был более беспомощным, нежели в проклятом Союзе. <...> Вот она Родина! Советский простой человек – это раб, собственность Отчизны, раб своих вышестоящих начальников. Чудесное средневековье!»¹⁷ /

Бесправное положение человека было лейтмотивом аллегорической поэмы «Свет и мрак», которую в 1948 г. написал в Енисейске ссыльный еврей польского происхождения Л. Ш. Пекаш. Приведем перевод отрывка текста, дающий представление о содержании произведения: «Пятый закон гласил: все граждане имеют равные права и равные обязанности. Но существовали только обязанности работать и подчиняться всем законам самодержавца, обязанность молчать, глядя на все творимые беззакония и издевательства. Обязанность улыбаться, когда сердце разрывается от боли. Обязанность говорить “да”, когда сердце говорит “нет”. Одним словом, существовали обязанности одна труднее другой, под бременем которых сгибались измученные, голодные мужчины и женщины<...> Прав не существовало. В этом смысле все были равны: все бесправны, все закрепощены и одинаково зависимы». Несмотря на иносказательное описание «царства зла», сотрудники органов безопасности увидели прямые аналогии с Советским государством, обвинили автора в клевете «на советскую действительность» и искажении «сущности законов социалистического государства»¹⁸.

Одним из «объектов посягательств», согласно сводкам органов госбезопасности, была советская избирательная система. В личном дневнике ранее уже упоминавшегося Григория Бордуна присутствует запись от 24 декабря 1946 г.: «Гады, такой незначительный факт, как выборы в состав избирательной комиссии, превратили в средство эксплуатации под маркой морального подъема. Заставляют объявлять стахановские вахты в честь этой гадкой авантюры и выдвигают туда людей, подчас вовсе не имеющих никакого образования. Это насмешка и издевательство над народом»¹⁹. Преподаватель Якутского

¹⁷ Листы из изъятых при обыске дневника Н. Фонова // Мартиролог – Фонов Николай Федорович – Мемориальный музей.

¹⁸ «Чудесное средневековье». С. 12.

¹⁹ Произведение было написано на идише и в ходе следствия переведено на русский язык.

техникума электросвязи Яков Кершенгольц, осужденный в марте 1953 г. на 25 лет ИТЛ за изготовление и распространение листовок, в одной из них писал: «Хочу пару слов сказать о сегодняшней лавочке – “выборах”. Ведь не народ выдвинул этих кандидатов в депутаты, а обком партии, выдвигает народ – смехотворство»²⁰.

Серьезное недовольство вызывало ущемление декларируемой Конституцией СССР свободы слова и печати, ужесточение цензурного гнета. 20 января 1947 г. Григорий Бордун писал в дневнике: «Искусство опошлено, оно стало служить интересам не народа, не широких масс, а кучке авантюристов, которые забрали власть в свои руки, которые задавили, зажали все, что было хорошего в искусстве, в народе». Спустя десять месяцев (в ноябре 1947 г.) в дневнике появляется запись следующего содержания: «Еще раз прочитал самую реакционную часть речи Ленина²¹ и удивляюсь, как вообще Зоценко печатали. Литература партийна, литераторы партийны, издательства подчинены партийному контролю. Писать разрешается всем, но печататься – шиш. Идиллия. Проклятье!»²²

Неоднозначно воспринимало население региона проводимые в конце 1940 – начале 1950-х гг. идеологические компании, прямо или косвенно направленные против евреев. С одной стороны, в информационных сообщениях местных партийных органов в Москву сообщалось о поступающих от трудящихся предложениях снять всех евреев с руководящих постов, выслать всех евреев в Палестину и т. д. С другой стороны, часть сибиряков негативно реагировала на борьбу с космополитизмом, в значительной степени имевшую антисемитский характер. Новосибирский инженер И. Б. Фейгин, арестованный весной 1953 г. за написание анонимных писем «антисоветского характера», в одном из своих посланий следующим образом оценивал последствия этой компании: «Главные виновники зажима русских тружеников, конечно жида: Рубинович, Шульман. Так из караса делается парося. Так уничтожается репутация, втаптываются в грязь талантливые и усердные работы»²³.

Неподцензурные тексты послевоенных лет свидетельствуют, что характерным явлением послевоенного времени стала десакрализация власти. Письма уже упоминавшегося ранее новосибирца И. Б. Фейгина содержат следующие высказывания: «Сколько людей, репутаций, здоровья и жизней загублено теми, кто называет себя коммунистами, советскими руководителями и партийными работни-

²⁰ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 10439. Л. 35.

²¹ Там же. Оп. 32. Д. 1640. Л. 91.

²² «Чудесное средневековье». С. 12.

²³ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 38590. Л. 3.

ками», «у меня создалось глубокое убеждение в безыдейности и беспринципности всех или большинства обкомовских работников».

Следует отметить, что объектом критических оценок становились не только партийные функционеры, но и коммунистические лидеры, имена которых ранее обожествлялись. В личных дневниках многих сибиряков, осужденных во второй половине 1940-х гг., встречаются достаточно критические мнения об Иосифе Сталине. В дневнике Николая Фонова летом 1945 г. появляется следующая запись: «Радио до хрипоты кричит о славе Сталина. <...> Каждое слово, произнесенное им, подхватывается, сотый раз перетолковывается, в нем находят мысли гения, величайшего из величайших, легендарного, легендарного полководца. Это так приелось. <...> Не русский ли народ – причина торжества гения?»²⁴

Более резкие, уничижительные оценки «вождю народов» встречаются в дневнике Григория Бордуна. Фиксируя свое впечатление от пропагандистской компании по поводу одного из выступлений Сталина в декабре 1946 г., он пишет следующее: «Как смешно и до чего низко и лицемерно! В глазах этих лжецов, чинуш, продажных душ этот нравственный идиот – кумир. Нет, у меня скорее слепой щенок будет кумиром, нежели этот разбойник с большой дороги. Только, кажется, слишком велика честь для него – сравнивать его с разбойником. Разбойник имеет понятие о нравственности, этикете, а этот вообще потерял всяческий облик». Спустя год появляется следующая запись: «От всей души желаю, чтобы Сталину раскроили череп, будь он проклят»²⁵. Примечательно, что «ареола святости» лишается не только правящая верхушка власти. У некоторых членов общества появляются крамольные сомнения по поводу основателя советского государства В. И. Ленина. Пример тому – дневниковые записи Бордуна: «Конечно, Ленин хотел хорошего для народа, но безмозглые дураки, авантюристы, аферисты – его последователи в кавычках – так опошили его учение, его цели, что назойливо напрашивается вопрос: “Да полно! Был ли Ленин таковым, как его малюют?”» (17 декабря 1946); «Советские прихвостни сумели опоганить память вождя пролетариата. Впрочем, я и сам благодаря этим гадам не верю, что Ленин был таким как его малюют» (20 января 1947).

Критическая оценка окружающих реалий порой порождала мысли не только о порочности существующей государственной системы, но и необходимости борьбы за ее преобразование. Подобные взгляды

²⁴ Имеется в виду статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература».

²⁵ «Чудесное средневековье». С. 12.

проявлялись по-разному. Один из примеров таких мнений – отрывок из стихотворения Г. Бордуна:

Если песни свободно не льются
И унылые лица везде,
Если совесть и честь продаются,
Если люди в жестокой нужде,
Если плачут голодные дети,
Если жизнь их гнетет матерей,
Если правды не видно на свете
И закрытых есть много дверей,
Если рты всем жестоко зажаты,
Друг народа объявлен врагом,
Значит близко уж час расплаты,
Значит, сыплются искры кругом²⁶.

Описывая остроту социального напряжения в послевоенном обществе, автор стихотворения вместе с тем осознавал, что в настоящее время народ не способен на активное сопротивление режиму. Дневниковая запись, сделанная в декабре 1946 г., гласит: «Н. говорит, что сейчас можно сделать переворот. <...> Это невозможно, потому что народ устал после войны, устал от налогов, замучен неурожаями, многие помнят еще Октябрьскую революцию, запуганы, не сплочены, никому и ничему не доверяют, не видят достаточно сильной партии, которая смогла бы обеспечить победу и в дальнейшем – лучшую жизнь, неграмотны, слишком много штрейкбрехеров»²⁷.

Документальные источники свидетельствуют, что недовольство послевоенными реалиями выливалось в пассивные формы сопротивления. Распространенными стали невыходы на работу, побеги с предприятий²⁸. Насколько масштабными были эти проявления протеста, можно судить по письмам эвакуированных рабочих: «Люди бегут с завода пачками, особенно ленинградцы. За последнее время убежало около 400 человек»; «В Омске остается два ленинградских завода, на них сейчас творится хаос: рабочие два дня не выходили на работу, и бегут, кто как сможет»; «Завод закрепляют здесь, в Сибири, все бегут, как могут. Уже сбежало 800 человек». Среди сельских жителей было распространено самовольное оставление колхозов как способ выживания. Сообщая о бедственном положении земляков, житель деревни

²⁶ Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). Красноярск, 2003. С. 69.

²⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 38790. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 6.

Малиновки Красноярского края в феврале 1951 г. писал: «Колхозники разбегаются, кто куда может, остаются только многосемейные»²⁹.

В целом неподцензурные тексты свидетельствуют, что первые послевоенные годы (1945–1953) характеризуются острой социальной напряженностью в советском обществе, обусловленной жестким экономическим и политическим давлением со стороны власти. Результатом указанного явления стала постепенная ломка советского мировоззрения. В социуме начали подспудно происходить процессы, оказавшие влияние на будущее обновление общественного сознания.

²⁹ Листы из изъятого при обыске дневника Н. Фонова // Мартиролог – Фонов Николай Федорович – Мемориальный музей.

Ж. У. Кыдыралина

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ В КАЗАХСТАНЕ

Послевоенное советское общество представляло собой сложный социально-психологический феномен и являлось воплощением противоречий своей эпохи с ее победами и успехами, трагедиями и тяжкими разочарованиями. Одна из особенностей массового сознания в СССР после окончания Великой Отечественной войны связана с появлением феномена *послевоенный человек*. Поток новой информации, впечатлений, усиленный в конце войны контрастом между жизнью в Советском Союзе и в Европе, с которым столкнулись миллионы возвратившихся на родину советских солдат и офицеров, прикосновение к иным культурным ценностям привели к тому, что с войны вернулся далеко не тот человек, что ушел на нее. Фронтовики несли в себе потенциальный заряд свободы, обостренное чувство справедливости и надежду на улучшение жизни. Однако оптимистические ожидания, сохранившиеся после победы, в короткие сроки были подорваны условиями повсеместной нищеты и разрухи, сохранившейся карточной системой, введенной в начале войны. И все же демократический импульс после войны не пропал, а стал слагаемым критического отношения к внутренним порядкам.

Рассекреченные архивы дают сегодня достаточно материала, в подтверждение того, что советское общество, зажатое идеологическим прессингом системы, далеко не представляло собой идейного монолита. Документы органов государственной безопасности, несмотря на их идеологическую заданность и избирательный характер информации, в целом показательны для характеристики состояния массового сознания послевоенного времени. В спецсообщении КГБ Казахской ССР секретарю ЦК КП Казахстана № 4/8-4181 от 26 июля 1947 г. содержатся отрицательные высказывания среди части демобилизованных из Советской Армии и инвалидов Отечественной войны:

«К., инструктор Ленинского горрайкома КП(б) Казахстана, демобилизованный из Советской Армии, казах, до войны студент пединститута:

“Во время войны я побывал во Франции, Чехословакии и прямо могу сказать, пусть меня за это посадят, что в Америке и Западной Европе действительно настоящая демократия, свобода слова и печати. У нас же попробуй высказаться, как тебя сразу посадят и дадут 15 лет. У нас формальная демократия, и народ ничего не решает”.

К., преподаватель, демобилизованный из Советской Армии, в армии старший лейтенант, до Отечественной войны – директор школы, русский, член КП(б) Казахстана:

“Гитлеровский режим действительно был тоталитарный, но наш еще хуже. Гитлер в Германии хоть не мешал жить своим немцам, а мы-то и жизни не видим. ...Мы победили, а не знаем, как свести концы с концами. Наш демократизм такой, что, как сказал свое мнение, так и смотри, что тебе покажут такую свободу слова, что не увидишь своих родных. Я пришел к выводу, что у нас все искусственно. Я член партии, учитель, по своей специальности должен разъяснять народу мероприятия Советского правительства. А как я буду разъяснять, когда я сам в них не верю? <...> Придется пойти чернорабочим”...»¹

Критичность взглядов части граждан по отношению к правящей политической системе обнаруживали высказывания при выборах в Верховный Совет СССР в 1946 г. В спецсообщении органа госбезопасности секретарю ЦК КП Казахстана № 453 от 15 января 1947 г. содержатся сигналы об «отрицательных проявлениях» среди городского и сельского населения СССР, связанных с выборами в Верховный Совет Казахской ССР. Вот, к примеру, высказывание одного агитатора по выборам в Верховный Совет Казахской ССР, беспартийного, инженера М.: «Меня назначили агитатором. Вот сейчас ходи и доказывай добрым людям, что стенка черная, когда она на самом деле белая. Удивительные все-таки “они” (коммунисты) люди, неужели они думают, что после той экзекуции, которая творится над народом уже 29 лет, кто-нибудь посмеет протестовать против того, что его насильно заставляют делать.

У нас все делается в добровольно-принудительном порядке. <...> Вот и избираем мы тоже добровольно, какой бюллетень дадут в руки, такой, даже не прочитав, с трепетом духовным и опускаешь в ящик, боясь уже голову повернуть, чтобы плохо не подумали по этому поводу. Не понимаю, зачем агитаторам ходить, людей беспокоить, ведь все равно, если дадут бюллетень, то бросим его в ящик».

¹ Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (далее – Спецгосархив КНБ РК). Ф. 9. Оп. 5. Арх. № 4. Л. 100, 101.

В документе приведены и другие примеры. Так, К., заведующий складом, беспартийный, отметил: «В сталинской конституции говорится о свободе слова, печати, собраний и т. д., а попробуйте скажите о неправильном руководстве, законах и политике. Что с вами могут сделать? Также и при выборах в Верховный Совет не имеете права выставлять свою кандидатуру и выбрать себе другое правительство из рабочих и крестьян, которое лучше знает вашу жизнь. Списки кандидатов дают сами коммунисты сверху, а кто будет голосовать против выдвинутых кандидатов – за это ему грозит арест и расстрел. Вот вам какие свобода слова, печати и свободные выборы. Народы стонут от таких законов и руководства и все же говорят, что в России все хорошо. Это говорят из-за страха перед наказаниями и смертью».

З., разговаривая со своим знакомым о предстоящих выборах, сказал: «Часть избирателей совсем не знает кандидатов, а голосует лишь бы отбыть повинность. А попробуй не пойдешь на выборы, сейчас же начнут допытываться, как и почему. Не любовь к власти, а боязнь – вот чем объясняется энтузиазм избирателей»².

Содержащиеся в этой простонародной критике советской выборной системы сталинского периода идейно-психологические конструкции о трудностях существования в подобном мире выявляют силу внутреннего неприятия рядовыми гражданами декларативных обещаний власти.

Противоречивой была также *религиозная сфера* советского общества в послевоенный период. Рост религиозных настроений продолжался и после войны. Начало религиозного возрождения было связано с восстановлением церковных институтов в военные и первые послевоенные годы, когда власть использовала религиозно-патриотическое чувство в целях консолидации общества. Уже к 1948 г. в Казахстане официально функционировало 29 мечетей³. В 1944–1946 гг. были даны разрешения на проведение съездов мусульман; достигнуто объединение евангельских христиан и баптистов в единый союз; организовывались и возобновляли свою деятельность религиозные центры старообрядцев-белокриничников, католиков Армяно-григорианской церкви. Создавались необходимые предпосылки для образования религиозных центров у буддистов, иудеев, старообрядцев-беспоповцев, лютеран и т. д. Такая политика Советов по делам религиозных культов во многом объяснялась патриотической пози-

² Спецгосархив КНБ РК. Ф. 9. Оп. 5. Арх. № 4. Л. 107–109.

³ «По существу изложенного прошу Ваших указаний». Документы о деятельности Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. 1944–1946 гг. // Исторический архив. 2006. № 2. С. 93.

цией духовенства и верующих упомянутых церквей и религиозных организаций.

И, наоборот, отношение к религиозным объединениям, которые, по мнению властей, не занимали в годы войны патриотических позиций, было настороженным, их деятельность подвергалась существенным ограничениям и даже запрету. К ним относились адвентисты, апокалипсисты, духоборы, малеванцы, методисты, молокане, краснодраконовцы, «новый Израиль», пятидесятники, сатанисты, «свидетели Иеговы», скопцы, хлысты и др. Все вышеперечисленные организации находились под непрерывным контролем органов государственной безопасности.

Однако в 1948–1949 гг. властям фактически удалось внешне прекратить процесс оживления религиозности. С конца 40 – начала 50-х годов вновь стали закрываться отдельные мечети. Тем не менее внутренне этот процесс невозможно было остановить. Новый этап религиозного возрождения отличался своей нелегальностью, что было связано с нередким участием в нем партийных и советских работников. В сообщениях спецоргана партийному руководству республики приводились факты невыхода на работу колхозников и участия некоторых коммунистов в религиозном празднике «Ураза-айт». В справке от 20 октября 1946 г. отмечается, что моления «Айт-намаз» посетило 32 500 верующих, причем основную массу составляли мужчины и женщины преклонного возраста, но присутствовало и незначительное количество молодежи в возрасте от 20 до 25 лет, инвалиды войны и даже отдельные коммунисты⁴.

Другие примеры, упоминаемые в документах, еще более символичны: несмотря на запреты, соблюдение поста «Ураза» было важнее, чем работа в колхозах им. Сталина и Молотова. Так, в колхозе «Октябрь» Енбекши-Казахского района Южно-Казахстанской области в 1946 г. в день праздника «Ураза-айт» верующая часть колхозников не выходила на полевые работы, ввиду чего два комбайна «Сталинец» простояли весь день. В колхозе им. Молотова того же района в первый день праздника «Ураза-айт», 28 августа 1946 г., все колхозники не вышли на полевые работы, а 29 и 30 августа не выходили около 50 % колхозников⁵.

В одной из докладных записок КГБ КазССР в ЦК КП республики за 1949 г. указывались факты «феодално-байских и религиозных пережитков»: «устройство различного рода “тоев” (пиров) по старым обычаям, на проведение которых расходуется большое количество

⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.

⁵ Спецгосархив КНБ РК. Ф. 9. Оп. 5. Арх. № 4. Л. 70.

скота, возрождение различных феодальных обычаев и обрядов (многоженство, аменгерство, калым и т. д.) и отправление религиозных обрядов молодежью, интеллигенцией и даже комсомольцами и членами партии». В документах приводятся следующие примеры. Той в честь рождения сына проводился по старому казахскому обычаю, с применением «шашу» (дарение подарков) и продолжался два дня. Все работы в колхозе были прекращены. Той сопровождался играми «кокпар», байгой (национальные конные спортивные соревнования) и айтысом (состязания песенников).

На тое по случаю рождения сына отец купил 20 м мануфактуры и каждому участнику тоя раздал по 20–25 см. Той сопровождался исполнением различных «феодально-байских обрядов» (преподнесение бараньих голов аксакалам-авторитетам) и устройством спортивных игр и борьбы (палуан-курес и др.). На другой той в честь рода «Кушук» в самый разгар полевых работ выехало 25 колхозников.

В колхозе Южно-Казахстанской области по случаю «Курбан-айта» на моление в мечеть прибыли председатель колхоза, член ВКП(б), заведующий фермой, бригадир колхоза, парторг колхоза. Указанные лица, увидев подъехавшего к мечети секретаря райкома партии, попросили верующих «укрыть» их в мечети и закрыть ее на замок. После того как секретарь райкома партии отъехал от мечети, все находившиеся в ней коммунисты под руководством муллы приняли участие в молении⁶.

Данные факты подтверждают, что после войны советское правительство безуспешно пыталось искоренить среди верующих мусульманские традиции и привить новые обряды и обычаи. Религиозные чувства верующих и их духовное сопротивление оказались сильнее.

В документах указываются и другие встречавшиеся парадоксы и социальные противоречия. Так, упоминаются факты, когда «некоторые работники партийных, советских и земельных органов, исходя из частнособственнических стремлений, развивали крупные личные хозяйства с большим количеством скота, который содержался за счет колхозов. <...> Председатель сельсовета Южно-Казахстанской области имеет 60 баранов, двух коров, трех лошадей, для ухода за скотом содержит двух наемных рабочих»⁷.

Следует остановиться еще на одном социальном феномене послевоенного времени. Речь идет о *молодежной фронде*, являвшейся одним из проявлений ментального сопротивления сталинизму в молодежной среде. Почти сразу же после окончания войны, не находя отклика на свои запросы в академической и формальной атмосфере

⁶ Там же. Л. 72, 96.

⁷ Спецгосархив КНБ РК. Ф. 9. Оп. 5. Арх. № 26. Л. 63, 64.

учебных заведений и в массовых молодежных организациях, учащиеся и студенты стали создавать кружки и группы для целей самообразования и просто общения с единомышленниками. Как правило, политического направления неформальные кружки не носили, зачастую приобретая характер игры. Однако для системы потенциальную опасность представляли группы, создаваемые в национальных республиках и выражавшие идеи сохранения национальных традиций, языка и культуры родного народа. Подобные действия, не вписывавшиеся в рамки классовой и интернациональной идеологии, расценивались системой как националистические. Например, в документе спецоргана упоминается, что в 1951 г. в Казахстане были привлечены к уголовной ответственности участники «националистической» группировки «ЕСЕП» (Елін с йетін ерлер партиясы – Партия героев, любящих Родину). В источнике отмечается, что «в Алма-Ате Исков Б., Нарешев А., Темиров и др. (всего 7 человек) обрабатывали молодежь в “националистическом духе”, восхваляли и идеализировали байских авторитетов, в извращенной форме истолковывали национальную политику Советского государства»⁸.

Нельзя не отметить и повседневную жизнь *депортированного* накануне и в годы войны в Казахстан *населения* в послевоенный период. После войны до 1957 г. спецпереселенцы продолжали находиться на режиме спецпоселений и работать на предприятиях, на которых трудились в период войны. Несмотря на пережитые унижения и трудности в условиях насильственного переселения, депортированные народы вместе со всей страной добросовестно выполняли работу на объектах, за которыми были закреплены. Они приняли активное участие в освоении промышленного потенциала принявшей их республики. Немало бывших переселенцев разных национальностей добились значительных успехов в своей профессии и были удостоены высоких правительственных наград и званий⁹. В трудовом героизме и энтузиазме, коллективном сотворчестве рождалось и духовное родство, испытывалась дружба народов одной страны. Опыт старших поколений, их выживания в неимоверных условиях, стойкого преодоления трудностей заслуживает уважения и поучителен для современности.

Вместе с тем, несмотря на усилия идеологической машины, межнациональные отношения при советском строе всегда оставались зоной «потенциальной опасности». В национальном сознании наро-

⁸ Специальная библиотека КНБ РК. Инв. № 1386. Обзорная справка о проявлениях казахского национализма.

⁹ Кыдыралина Ж. У. Депортированные в Казахстан народы: история и современность. Алматы: Гылым, 1999. С. 130, 131.

дов оживлялись и пласты исторических воспоминаний о негативном опыте взаимодействия между этническими группами, нациями и имперским центром, порожденные переселенческой политикой старого и нового режимов. Десятилетиями эта межэтническая напряженность сдерживалась социалистическим казарменным государством. Способствовала тому и официальная пропаганда, призывавшая советские народы консолидироваться перед лицом внешнего врага. В послевоенный период имели место отдельные факты межэтнических конфликтов, хотя и носившие все больше социально-бытовую окраску, как, например, волнения в Усть-Каменогорске в 1950 г., но они быстро подавлялись и тщательно скрывались от внимания широкой общественности. По материалам прокуратуры Казахской ССР, 27 июня 1950 г. в Усть-Каменогорске возникли массовые беспорядки на почве национальной розни между русскими, прибывавшими с мая 1950 г. для работы в тресте «Алтайсвинецстрой», и местными спецпоселенцами-чеченцами. В результате беспорядков было убито два и ранено 27 человек. Среди прибывших из г. Брянска рабочих были лица, неоднократно судимые за уголовные преступления, которые занимались пьянством и игрой в карты. Зачинщики и участники драки были осуждены¹⁰.

После войны свое продолжение получила также политика подавления инакомыслия в среде *творческой интеллигенции*. Это было показателем правовой незащищенности советских людей и узаконенного произвола административно-командной системы. Практически сразу после окончания войны власть предприняла целый ряд мер, призванных оказать дисциплинирующее воздействие на интеллектуальную часть общества. В течение 1946–1948 гг. появился ряд партийных решений, касающихся деятелей культуры, которые немедленно выносились на «всенародное обсуждение». В 1951–1954 гг. возобновились репрессии против видных деятелей науки и культуры. Начало было положено VIII Пленумом ЦК КП(б) Казахстана 16–17 октября 1951 г. «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в партийных организациях республики».

Репрессии проходили в форме обвинений авторов в национализме, идеализации феодально-байского прошлого в изучении до-революционной истории Казахстана. Были арестованы и обвинены в буржуазном национализме историки Е. Бекмаханов, Б. Сулейменов. Драма идей, продемонстрированная в раскритикованных и отвергнутых системой трудах, была вместе с тем и драмой творческих людей, писателей, исследователей, поставленных в жесткие условия.

¹⁰ Архив президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 14. Д. 259. Л. 158–160.

В 1951 г. Бекмаханов обвинялся в том, что «пользуясь своим положением профессора, доктора исторических наук, заведующего кафедрой крупнейшего в Казахстане учебного заведения – КазГУ и с. н. с. Академии наук Казахской ССР, ...восхвалял и пропагандировал в своих трудах реакционных ханов, султанов, баев, акынов». В документах содержатся также «признания» Бекмаханова виновным себя в пропаганде «буржуазно-националистической идеологии» и «извращении» вопросов истории Казахстана¹¹. Представители научно-творческой интеллигенции внешне покорялись, «подписывали» и «признавали», но внутренне отрекались. Продолжалось ментальное сопротивление системе со стороны национальной творческой интеллигенции.

В искусстве и литературе все должно было соответствовать принципам социалистического реализма, отклонение от них подвергалось обструкции режима. Так, отношение к великому историческому творению кыргызского народа героическому эпосу «Манас» было в духе времени, как к апологии феодально-байской эпохи. Судьба эпоса решалась осенью 1952 г. на конференции в Кыргызском филиале Академии наук СССР, на которой выступавшие ораторы один за другим крушили эпос, усматривая в нем пропаганду идей пантюркизма. Как вспоминал известный казахский поэт и общественный деятель Мурат Шаханов, почетный участник конференции Мухтар Ауэзов поднялся на защиту эпоса: «Возможно, в “Манасе” и есть добрые слова о баях и другой знати. Но ведь это поистине бесценная сокровищница истории целого народа, его героики, традиций, духовного наследия и великой культуры, передающаяся от поколения к поколению, из уст в уста языком чистейшей поэзии, все более развиваясь и обогащаясь со временем. Вырвать из жизни кыргызского народа “Манас” – то же самое, что отрезать язык всему народу»¹². Такое поведение было достаточно смелым, если заметить, что в тисках системы редким свойством национальной интеллигенции было умение сохранить себя для того, чтобы, не выходя за установленные политико-идеологические рамки, оставаться вдумчивыми и верными хранителями духовно-культурного достояния народа. В этом плане выдающийся казахский писатель Мухтар Ауэзов, а также первый казахский академик-геолог Каныш Сатпаев были великолепными тактиками...

Такой была ткань повседневной жизни послевоенного поколения, отражающая противоречивые тенденции сталинской эпохи. В палитре общественных идей и взглядов были различимы ожидания либеральной трансформации режима.

¹¹ Спецгосархив КНБ РК. Ф. 9. Оп. 100. Арх. №. 1. Л. 4, 44.

¹² Айтматов Ч., Шаханов М. Плач охотника над пропастью (исповедь на исходе века). Алматы: Рауан, 1996. С. 267.

Г. Н. Яковлева

СТАЛИН И ПОБЕДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ БССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

Уже 9 мая 1945 г. газета «Правда» назвала победу над Германией «нашей великой сталинской Победой». Была учреждена медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» со сталинским профилем на ней. Тем самым имя Сталина неразрывно связывалось с победой. Все последующие сороковые годы газеты 9 мая публиковали на первой странице огромный портрет Сталина-генералиссимуса как символ победы над врагом. Но в 1945 г. еще публиковались портреты лидеров «Большой тройки», фотографии выдающихся советских военачальников и полководцев-союзников – Д. Эйзенхауэра, Г. Александера, Б. Монтгомери. Среди населения был чрезвычайно высок авторитет маршалов и генералов Красной армии. Однако нужные акценты в восприятии войны, победы и ее творцов стали расставляться сразу же после разгрома нацизма.

Очень распространенной формой политико-пропагандистской работы по формированию нужных властям общественных настроений были тогда многочисленные письма, телеграммы, митинги и другие формы якобы народного волеизъявления, на деле – организуемые партаппаратом на местах. Летом 1945 г. в связи с первой годовщиной освобождения БССР началась республиканская кампания по подписанию благодарственного письма Сталину от лица белорусского народа. Только в Полоцкой области было проведено более 4000 собраний и бесед, письмо подписали 187 156 человек. Многие из них солидаризировались с бывшим командиром партизанского отряда Киселевым, который сказал: «Мы подписываем письмо тому, кому мы обязаны всем, что у нас есть – жизнью, счастьем и свободой»¹.

Газеты были полны публикаций официальных писем и телеграмм Сталину с выражением ему любви и благодарности за победу в

¹ Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). Ф. 10060-п. Оп. 1. Л. 21. Л. 145.

войне. Показательны названия газетных статей 1946 г.: «Сталин – наша сила, наше знамя», «С именем вождя мы победили», «Где Сталин – там победа».

Использовался любой информационный повод для воспитания народа в духе преклонения перед военным гением вождя. По всей республике были организованы митинги, посвященные назначению Сталина наркомом Вооруженных сил СССР (при переименовании Наркомата обороны в Наркомат Вооруженных сил). На Минском хлебозаводе «Автомат» рабочие поддержали выступление своего коллеги, который сказал: «Сталин – наш спаситель, Сталин – наше счастье и радость, с его именем мы победили»².

Особую роль в возвеличении роли Сталина в войне сыграли выборы в Верховный Совет СССР в начале 1946 г. В речи Сталина перед избирателями в Москве 9 февраля 1946 г. были расставлены все нужные акценты в оценке хода войны. Победа в войне интерпретировалась им как доказательство превосходства социалистического строя и правильности проведенных ранее преобразований в стране. Ни о каких серьезных изменениях, которых ждал народ-победитель, не могло быть и речи. Хотя Сталин тогда еще сказал, что «мы вместе с союзниками оказались победителями».

Само выдвижение Сталина кандидатом в депутаты превратилось в массовое славословие в его адрес. Участники предвыборного собрания одного из избирательных округов Витебска в телеграмме Сталину писали: «У чалавечай мове мала слоў для таго, каб выказаць Вам, родны і любімы таварыш Сталін нашу шчырую удзячнасць, пачуцці нашай найглыбейшай павагі і любві да Вас за тое, што Вы выратавалі нашу Айчыну і забяспечылі нам перамогу над ворагамі Радзімы»³. В официальном общественном мнении Сталин стал спасителем Отечества и народа, вдохновителем и организатором победы над врагом. А в приветственном письме Сталину, принятом на торжественном заседании в местном театре по случаю 28-ой годовщины Красной армии, генералиссимус уже стал тем, кто воплотил в себе «волю, разум, сердце советского народа и большевистской партии». Утверждалось, что «сталинская военная стратегия получила законное признание во всем мире»⁴. Интересно, что буквы заголовка письма «Вождю народов СССР, Генералиссимусу Советского Союза товарищу Сталину» становились все больше и больше, как бы наглядно возвышая одного Сталина над всеми остальными, показывая степень благоговения перед ним.

² Советская Белоруссия. 1.03.1946. С. 1.

³ Віцебскі рабочы. 1946. 9 студзеня. С. 1.

⁴ Віцебскі рабочы. 1946. 26 лютага. С. 1.

Очередной виток пропагандистских мероприятий вокруг роли Сталина в войне был связан с празднованием 9 мая 1946 г. первой годовщины победы СССР над Германией. Многочисленные газетные публикации и радиопередачи как-бы впечатывали в массовое сознание представление о Сталине-полководце и его выдающейся роли в войне. Утверждалось, что под руководством Сталина были разгромлены немцы под Москвой, в ноябре 1942 г., выполняя гениальный сталинский план, РККА перешла в наступление и положила начало коренному перелому в ходе войны. О просчетах политиков и военачальников, в том числе Сталина, компенсированных героизмом и жертвенностью бойцов Красной армии, ничего не говорилось.

Особенностью республиканского пропагандистского дискурса о войне стало формирование представления о всенародном участии белорусов в партизанском движении и о БССР как о республике-партизанке. 22 октября 1944 г. был создан первый среди республиканских Музей истории Великой Отечественной войны и начался сбор материалов по истории партизанского движения в республике. В марте 1946 г. в него было доставлено Красное знамя, которое было первым водружено над зданием оперного театра при освобождении Минска 3 июля 1944 г. 3 июля становится одной из наиболее значимых памятных дат.

В январе 1946 г. председатель СНК БССР и секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко отметил, что по призыву тов. Сталина весь белорусский народ поднялся на беспрецедентную в истории партизанскую борьбу, а 300 тыс. белорусских партизан уничтожили более полу-миллиона немецких солдат и офицеров. Всенародным партизанское движение было еще и потому, что белорусское население днем и ночью помогало и всячески способствовало партизанам⁵. Белорусское руководство заявляло о всенародном характере партизанской борьбы и морально-политическом единстве белорусского народа, как бы подразумевая, что все, без исключения, население республики либо было «народными мстителями», либо сочувствовало им. Во многом так и было. Но, и это сейчас уже не является секретом, были и те, кто вполне искренне мог ненавидеть нацизм, не разделяя при этом коммунистическую идеологию. Действовала, хотя и близко несравнимая по количеству с советским партизанским движением, «белорусская партизанка».

В первые годы после войны местная и республиканская пресса публиковала, с одной стороны, информацию о тяжелых последствиях нацистской оккупации республики в 1941–1944 гг., с другой стороны,

⁵ Віцебскі рабочы. 1946. 31 студзеня. С. 1.

многочисленные воспоминания партизан и подпольщиков о борьбе с оккупантами. А. Федосюк, возглавившая отдел по работе среди женщин при ЦК КП(б)Б, 8 марта 1946 г. в газете «Советская Белоруссия» отметила, что свыше 50 тыс. женщин насчитывалось в рядах партизан республики, более 5 тыс. партизанок награждено орденами и медалями, 4 белорусские партизанки удостоились почетного звания Героя Советского Союза. Публиковались статьи о белорусских женщинах, участвовавших в партизанском и подпольном движении: Е. Г. Мазаник, Е. И. Синькевич, Р. И. Шершневой, А. И. Степановой, А. И. Масловской, Н. В. Троян, А. Н. Захаровой и других⁶. По мере восстановления областных краеведческих музеев в них создавались экспозиции, посвященные партизанскому и подпольному движению, роли КПБ в их организации. Важное место отводилось и истории реализации «5-го сталинского удара» по освобождению Беларуси в 1944 г.

Можно согласиться с мнением тех, кто считает, что события войны, трагический опыт оккупации и героическое сопротивление значительной части населения БССР врагу, дали богатый материал для разработки национальной белорусской мифологии, для утверждения в массовом сознании коллективной идентичности и исторической памяти, позволили создать «полноценный национальный пантеон героев» и соответственно мифологию о «республике-партизанке»⁷.

Партийно-пропагандистский аппарат формировал в БССР официально-государственные оценки войны и роли Сталина в ней. И монументальная фигура одинокого и величественного Сталина на фотографиях, плакатах, картинах наглядно подтверждала пропагандируемое устно и письменно абсолютно уникальное место и роль вождя в истории войны и жизни страны. На уровне республиканском принципиально важным было для местного руководства сконцентрировать внимание на утверждении решающей роли КП(б)Б в организации сопротивления врагу.

Е. Ю. Зубкова отмечает: «В советских условиях манипулировать общественным мнением было относительно легко, поскольку практически все каналы информации находились под контролем властей. Но это касалось главным образом каналов официальных – периодической печати, радио, работы агитаторов и пропагандистов. Между тем общественное мнение – в этом его особенность – формируется не только под воздействием официальной информации, но и с помощью средств неформальной коммуникации, прежде всего различных слу-

⁶ Советская Белоруссия. 08.03.1946. С. 3.

⁷ Богдан С. БССР и белорусский национализм // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2009. № 1–2. С. 119.

хов и домыслов»⁸. А они, в свою очередь, появляются на фоне самых насущных для людей проблем.

Белорусское общество, как и все советское в целом, распадалось на ряд социумов (региональных и социальных), отличавшихся известной общностью жизненного опыта, интересов и представлений. Социально-политический контекст, в котором реализовывалась политика властей, имел свою специфику в разных частях БССР. Сложной была ситуация в западных областях республики. Здесь определенная часть населения не смирилась с включением этих территорий в состав СССР, не приняла советскую власть и преобразования на социалистический лад. Именно на этом уровне в наибольшей степени существовали настроения, проявлявшиеся в форме суждений, слухов и частных высказываний. Интересно, что нелицеприятные для власти высказывания и желания людей интерпретировались в партийных документах как слухи.

В 1945 г. в западных областях БССР наблюдались случаи убийства тех, кто подписал упоминавшееся выше благодарственное письмо Сталину⁹. Распространялись слухи о том, что подписание письма является обманом, что на самом деле, это либо запись в колхозы, либо «голосование за то, чтобы районы остались в Советах, а не отошли к Польше». Часть крестьян отказывалась приходить на собрания и подписывать письмо. Крестьянка Браславского района Полоцкой области выразила свое мнение так: «Сталин и Советы кушают корки от хлеба, в Советах умирают с голоду, мою семью уморили в Сибири. Что ж благодарить товарища Сталина, послать ему палку, а не благодарность, поджечь бензином и уничтожить вас всех и Советы»¹⁰.

На западе республики одни благодарили Сталина за полученную землю, избавление от голода, за возможность для детей получить образование, а самим голосовать на выборах. Другие использовали бюллетени в ходе выборов как возможность донести до власти свое мнение и писали на них: «Плохо жить без хлеба», «Долой колхозы, спасите нас от них»¹¹. В Докшицком районе крестьянка в своем выступлении сказала: «Проклятые фашисты население нашей деревни загнали в д. Засулье Плисского района. Поместили нас в сарай, обложили соломой и обставили пулеметами, намерившись всех уничтожить. За день мучений молодежь от страха и горя поседела, только

⁸ Зубкова Е. Ю. Общественные настроения в послевоенной России, 1945–1953 гг. URL: <http://www.dissercat.com/content/obshchestvennye-nastroeniya-v-poslevoenno-rossii-1945-1953-gg#ixzz3KFKNaD4L>

⁹ ГАВГ. Ф. 10060-п. Оп. 1. Д. 21. Л. 145.

¹⁰ Там же, Л. 148.

¹¹ ГАВГ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 121. Л. 81.

молниеносное наступление Красной армии сохранило нам жизнь». И призвала не допускать к голосованию тех, кто «помогал немцам терзать наш народ»¹². Крестьянка из Плисского района говорила: «Пусть лучше я буду вдовой погибшего героя, чем женой живого дезертира»¹³.

Повсеместно были распространены антиколхозные настроения, разочарование от несбывшихся надежд на их роспуск или хотя бы реорганизацию. В Голубовском сельсовете Дриссенского района Полоцкой области репатриированная говорила по этому поводу: «Если бы я знала, что не распустят колхозы, я бы не поехала из Германии»¹⁴. Демобилизованные из Красной армии высказывали суждения, что колхозы – это временное явление, они будут скоро распущены на некоторое время, а потом вновь будут создаваться, но уже по другому принципу¹⁵. Дриссенскому райкому КП(б)Б в эти населенные пункты пришлось послать лучших агитаторов для проведения разъяснительной работы.

Ксендзы в Западной Беларуси призывали местных католиков не признавать советскую власть, новых границ, не ходить на выборы в Верховный Совет. В Браславском районе вывешивались самодельные польские флаги с антисоветскими лозунгами. В одной деревне группа женщин в 100 человек пела «польский реакционный гимн», а ксендз г. Браслава призывал верующих сплотиться вокруг польского знамени и иметь в виду, что «мы живем временно под властью этих безбожников»¹⁶.

Первый секретарь ЦК КПБ Б. Н. Гусаров, обосновывая необходимость ужесточения политики по отношению к костелу, докладывал А. А. Жданову, что «ксендзы ...запугивают население приближением войны, уверяя, что скоро придут в Россию англо-саксы, при режиме которых в почете будет поляк, а не белорус. Поляков и католиков, – утверждают они, – никто не тронет, наоборот, поляки будут пользоваться всевозможными привилегиями, а белорусов будут преследовать как советских граждан. Ксендзы распространяют также слухи о том, что западные области Белоруссии опять перейдут к Польше и что органы советской власти, уходя из Западной Белоруссии, высылат всех белорусов и православных в Сибирь и на Урал»¹⁷.

¹² ГАВт. Ф. 10060-п. Оп. 1. Д. 21. Л. 234.

¹³ Там же. Л. 79.

¹⁴ Там же. Л. 234.

¹⁵ Там же. Л. 233.

¹⁶ Там же. Л. 84, 86, 92.

¹⁷ Польша – Беларусь (1921–1953): Сб. документов и материалов / сост. А. Н. Вабишевич [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2012. С. 371.

В связи с изменением границ БССР и Польши в сентябре 1944 г. правительство БССР и Польский комитет национального освобождения заключили соглашение, которое регулировало вопросы взаимного переселения населения. Эвакуация населения проходила довольно сложно как на территории Польши, так и БССР. Власти БССР на местах считали, что часто в соседнюю страну хотели уехать не поляки, а те, кто имел проблемы с законом, репрессированные советской властью, те, кто служил у немцев. «Многие записывались и подавали заявление для переселения в Польшу с тем, чтобы не платить денежных и натуральных налогов, не быть мобилизованными для работ в промышленности и на строительство, а также уклониться от мобилизации в Красную армию»¹⁸. Попытки ограничить выезд в Польшу вызывали протесты, жалобы, стихийные выступления. Несогласие с невозможностью выехать в Польшу фиксировалось и на бюллетенях при выборах в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г.

На западе республики сохранялись вооруженные формирования УПА, националистические белорусские группы, которые действовали против местных органов, нападая на сельсоветы, грабя и убивая представителей власти, учителей школ, простых крестьян. Местные власти, подвергавшиеся угрозам и прямому террору, часто прятались, по выражению секретаря Лидского райкома партии Гродненской области, «в кусты, как зайцы»¹⁹. Несмотря на то, что Армия Крайовая была распущена, постаковские формирования продолжали вести здесь вооруженную антисоветскую борьбу до начала 50-х годов. Окончательно антисоветские польские формирования на территории БССР были ликвидированы только к маю 1953 г.

В 1944–1946 гг. на территории Западной Беларуси создавались группировки и организации оппозиционно настроенной молодежи. Весной 1946 г. в Слониме возникла подпольная организация, которая установила связь с патриотическими группами в Барановичском учительском институте и на Брестском железнодорожном узле. Главной задачей этой организации была защита национальных прав и свобод, борьба за сохранение и развитие белорусской культуры, языка, пропаганда своего видения истории. В конце 1946 г. такие группы стали действовать в Жировичском сельхозтехникуме, Ганцевичском педучилище. В июне–августе 1947 г. члены этих организаций были арестованы. В начале 1946 г. в Глубокском педучилище возникла организация «Союз белорусских патриотов», к которой присоединилась группа из Постаковского педучилища. В это же время в Минске, а также в Молодечненской и Пинской областях действовала организа-

¹⁸ ГАВт. Ф. 10060-п. Оп. 1. Д. 21. Л. 84.

¹⁹ Польша – Беларусь (1921–1953): Сб. документов и материалов... С. 367.

ция «Свободная Беларусь». В феврале 1947 г. эти организации были раскрыты, а их члены осуждены на сроки заключения от 5 до 25 лет.

В восточных районах республики были свои трудности, связанные с войной и ее последствиями. Разрушения и человеческие потери здесь из-за длительных и ожесточенных боевых действий и антипартизанских акций немцев были гораздо тяжелее, чем в западных областях. Из-за боевых действий здесь фактически не было посева озимых осенью 1944 г. и «сева яровых весной 1945 г., т. к. не было семян, тягла, сельхозинвентаря». Проливные дожди усугубили положение, и к началу зимы население фактически голодало. В большинстве колхозов на трудодни не распределялись никакие продукты. Люди начали пухнуть от голода, дети терять сознание на уроках. Появилось «хождение по миру для добычи куса хлеба»²⁰. Началось массовое перемещение жителей восточных областей в Прибалтику. Руководство Освейского района сообщало в Полоцк, что «даже самые честные колхозники, честно проработав год, бригадиры колхозов, счетоводы, работники животноводческих ферм бросают работу и уходят в Латвию. Есть случаи ухода даже председателей колхозов»²¹. Ситуация стала улучшаться по мере восстановления разрушенных районов БССР.

Социологический словарь определяет общественное мнение как «мнение, заключающее в себе скрытое или явное, вербальное или невербальное отношение различных социальных общностей, групп и индивидов к проблемам, событиям и фактам действительности в конкретной социальной или социально-политической ситуации». На индивидуальном уровне война не давала забыть о себе на каждом шагу. Общая радость от победы сочеталась с переживанием личных потерь. Огромное количество женщин в одиночку поднимало детей. С ужесточением брачно-семейного законодательства в 1944 г. появилась проблема «матерей-одиночек» и «безмужних жен». Начало выплат пособий многодетным и одиноким матерям в соответствии с Указом от 08.07.1944 г. породило особый вид дел о разводах. Суды столкнулись с практикой возбуждения дел о разводах теми женщинами, чьи мужья пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны и которые воспитывали детей одни, не получая от государства никакой помощи. Не имея никаких сведений о мужьях, будучи ни вдовами, ни мужними женами, они вынуждены были это делать, чтобы иметь возможность получать пособие на детей как матери-одиночки.

В. М. Молотов в выступлении 9 мая 1945 г. сказал, что правительство выполнит свой долг перед инвалидами войны. Была разработа-

²⁰ ГАВт. Ф. 10060-п. Оп. 1. Д. 21. Л. 267.

²¹ Там же. Л. 300.

на система мероприятий по адаптации инвалидов войны к мирной жизни. В 1946 г. П. К. Пономаренко упомянул об ущербе народному хозяйству республики в 75 млрд рублей, назвал количество партизан и ущерб, нанесенный ими немцам, но не упомянул о количестве белорусов, погибших на войне, или о другой страшной арифметике – о числе инвалидов среди фронтовиков республики. А ведь их насчитывалось около 80 тыс.²² До 1951 г. в поездах, на вокзалах и рынках можно было встретить просящих милостыню искалеченных на войне бывших фронтовиков. Мизерная пенсия по инвалидности и проблемы с устройством на работу, нехватка интернатов для инвалидов, трудности в протезировании (тысячи людей без конечностей), тяжелые условия существования даже у тех, кто проживал в семьях, толкали бывших фронтовиков к попрошайничеству. Наличие самого явления характеризовало уровень экономических и социальных потрясений, которые вызвала война. К тому же не всегда чиновники на местах, руководители предприятий добросовестно выполняли свои обязанности по отношению к инвалидам. Наблюдались случаи нежелания брать их на работу, невнимательного отношения к их нуждам, повсеместный бюрократизм и т. д.

Очередной всплеск политико-пропагандистских мероприятий по формированию нужного власти образа Сталина и его роли в войне наблюдался в республике в 1949 г. Празднование 30-летия БССР, 10-летия воссоединения Западной Беларуси, 5-летия освобождения территории республики от нацистских захватчиков сопровождалось прославлением Сталина как военного гения, вождя, отца и учителя белорусского народа. На XIX съезде КП(б)Б первый раздел отчетного доклада ЦК КПБ был посвящен показу значения республиканской парторганизации в развертывании партизанской войны, которую направлял по пути победы тов. Сталин²³.

2 января 1949 г. в честь 30-летия БССР в Минске был заложен памятный знак на нынешней площади Победы в честь будущего памятника воинам Советской армии и партизанам, которые погибли в борьбе за освобождение советской Беларуси в 1941–1944 гг. Председатель Президиума ВС БССР В. И. Козлов призвал белорусский народ помнить подвиги и жертвы соотечественников. В начале 1949 г. более 100 000 партизан были награждены орденами и медалями. Появились мемуары участников белорусского партизанского движения, вышла в свет книга, сначала ставшая настольной, а в 1953 г. после

²² Стрельченко Е. Л. Социальная адаптация инвалидов Великой Отечественной войны в БССР (1943–1956 гг.). URL: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/pauka/izdania/tif/7/Strelchenko_EL.pdf

²³ Віцебскі рабочы. 1949. 18 лютага. С. 2.

ареста Л. Берии исчезнувшая в спецхране – «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков», «автором» которой был глава МВД БССР Л. Цанава.

Появились новые акценты в том, как надо воспринимать роль Сталина в войне. Если в 1945–1946 гг. газеты были полны статей, писем, телеграмм, где упор делался на Сталина – спасителя государства, народа и Отечества, то теперь в средствах печати утверждается идея гениального сталинского предвидения хода войны и навязывается мысль о том, что он никогда не ошибался! Местные и республиканские газеты перепечатывали передовицы газеты «Правда», где утверждалась вдохновляющая и организующая роль выступления вождя 3 июля 1941 г. Речь уже оценивалась как «классический образец гениального предвидения»²⁴.

Работал в нужном направлении и созданный в эти годы разветвленный пропагандистский аппарат. На политзанятиях изучались события Великой Отечественной войны. Акцент делался на изучение выступлений Сталина 3 июля 1941 г. и 7 ноября 1941 г. В методических рекомендациях 1949 г., опубликованных в местной печати, руководителям занятий советовали предостеречь слушателей от увлечения «воспоминаниями», потому что это могло увести в сторону от узловых вопросов занятий. Требовалось обращать особое внимание на огромном значении тактики активной обороны, которую, по указанию товарища Сталина, армия осуществляла в первый период войны. Речь Сталина 3 июля 1941 г. стала оцениваться в категориях гениальности, вождь уже не только наметил в ней программу борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков, но и гениально предвидел дальнейший ход войны. Говоря о событиях 1942 г., пропагандист должен был объяснить слушателям, почему немецкие войска, несмотря на разгром под Москвой, смогли начать наступление летом 1942 г. Ни о каких личных ошибках Главнокомандующего речь идти не могла. Требовалось акцентировать внимание на том, что немецкое наступление стало возможным из-за того, что правительства США и Англии не выполнили своих союзнических обязательств об открытии второго фронта в Европе. Поэтому немецкое командование сняло с запада все свои резервы и бросило их на восток. Именно это и должно было объяснить главную причину той трагедии, которую пережила Красная армия летом 1942 г.²⁵

В мифологизации роли Сталина в войне сыграло свою роль и кино. Белорусский сценарист А. Мовзон, описывая работу над фильмом

²⁴ Віцебскі рабочы. 1949. 5 ліпеня. С. 2.

²⁵ Башылаў Н. Як весці заняткі па тэме «Вялікая Айчынная вайна Савецкага Саюза // Віцебскі рабочы. 1949. 18 студзеня. С. 3–4.

«Константин Заслонов», отмечал, что при написании сценария ему надо было подчеркнуть огромное влияние речи Сталина от 3 июля 1941 г. на личность К. Заслонова, который умом и сердцем, сразу и до конца проникся мыслями Сталина. «Сердцем, головой, душой сопротивления немецким ордам был Сталин, была партия», и по сценарию фильм должен был начинаться с того, что Заслонов пишет письмо в ЦК КП(б)Б, в котором просит разрешения создать партизанский отряд. По словам Мовзона, не уклоняясь в детектив и отрицая «господин-случай», ему в фильме надо было показать руководящую роль партии и Сталина в войне, превосходство советского человека с его глубоким внутренним миром над человеком капиталистического запада. Образы фашистов в фильме создавались автором под воздействием оценок и характеристик, данных им Сталиным все в той же речи 3 июля²⁶.

Заместитель председателя Совета министров БССР П. А. Абрахимов в статье «Великий праздник белорусского народа» отметил, что в освобождении территории БССР участвовали все народы страны, но особо подчеркнул, что в трудную минуту на помощь белорусам пришел старший брат – великий русский народ. А великий друг белорусского народа И. В. Сталин послал освобождать Беларусь дивизии, закаленные в боях за Москву, Сталинград, Курск и Орел²⁷. В статье генерал-майора А. Ковалевского утверждалось, что немцы якобы обладали превосходством в количестве танков и авиации в начальный период войны. Сталин гениально предвидел весь ход войны, разработал и руководил всеми крупнейшими операциями Великой Отечественной войны. Именно Сталин понял, что ключ победы над врагом находится в районе Сталинграда, именно он предупредил командование войск на Орловско-Курском направлении, что немцы могут начать наступление в период с 3 по 6 июля 1943 г. Автор статьи уже утверждал, что Сталин не только призвал к созданию партизанских отрядов, не только оказывал им постоянную помощь, но и руководил деятельностью партизанских отрядов и соединений. Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции упоминались только в контексте сознательного затягивания ими открытия второго фронта в расчете на то, что СССР будет разбит²⁸.

В начале 1950 г. «Советская Белоруссия» напечатала рецензию на фильм «Падение Берлина», в котором предстал канонизированный образ Сталина и конца войны. В ней говорилось: «“Падение Берлина” – эпопея о народе-богатыре и его великом и мудром вожде, яр-

²⁶ Маўзон А. Як ствараўся сцэнарыі і фільм “Канстанцін Заслонаў” // Віцебскі рабочы. 1949. 29 жніўня. С. 3.

²⁷ Віцебскі рабочы. 1949. 5 ліпеня. С. 2.

²⁸ Віцебскі рабочы. 1949. 18 снежня. С. 2.

кое и правдивое повествование о Великой Отечественной войне... В фильме убедительно, с большой художественной силой раскрыты единство, духовная слитность вождя и народа... Великий Сталин живет во всех делах и думах нашего народа. В его облике воплощено все самое дорогое, все самое родное и близкое для советских людей»²⁹. М. Исаковский в «Слове товарищу Сталину» выразил квинтэссенцию официального отношения к вождю: «Спасибо Вам, что в годы испытаний // Вы помогли нам устоять в борьбе. // Мы так Вам верили, товарищ Сталин, // Как, может быть, не верили себе...»

Таким образом, печать, кино, пропагандистский аппарат ВКП(б)–КПБ способствовали тому, что официальное восприятие войны стало героически-триумфаторским и пафосно-победным. Эйфория победы – не самое лучшее время для анализа ошибок и разговора об уроках войны. Победа народа в войне стала сталинской победой. Сталин из вдохновителя победы в 1945 г. превратился в гениального и никогда не ошибавшегося провидца всех побед в 1949 г. Подобный взгляд на вождя ретранслировался и самими людьми.

В массовом сознании белорусов преобладал государственный патриотизм, ибо система ценностей советского строя разделялась большинством населения республики. Утвердилось представление о морально-политическом единстве партии и народа, всенародном участии белорусов в отпоре врагу и БССР как республике-партизанке. Создавались элементы национальной картины войны. Что повлияло на формирование белорусской национальной идентичности и исторической памяти народа? То, что партизанами были многие белорусские руководители, обеспечивало консенсус между властью и народом. Однако белорусское общество 1940-х гг. не было монолитным. Мир мнений и суждений был многолик. В западных районах БССР были протестные антисталинские настроения, связанные с неприятием советизации. Последние очаги вооруженного сопротивления были подавлены здесь только в 1953–1954 гг. На индивидуальном уровне радость победы сочеталась у многих белорусов с личным трагическим опытом страданий и потерь, борьбы за выживание в сложных условиях послевоенной повседневности.

²⁹ Падение Берлина // Советская Белоруссия. 28.01.1950, С. 2.

Н. Д. Васильева

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАРОДОВ АРКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЯКУТИИ)

Политика в области переустройства духовной жизни народов арктического региона, как известно, в первые десятилетия советской власти проводилась с учетом особенностей традиционного образа жизни. Прежде всего, положительным моментом стало выделение их в особую группу. Был предпринят ряд серьезных мер по вовлечению в процесс модернизации хозяйства коренных народов, повышению их уровня жизни, улучшению бытовых условий, развитию письменности и литературы ранее бесписьменных народов. Предпринимались усилия по медико-санитарному, социально-культурному обслуживанию, были сделаны первые шаги по школьному строительству и ликвидации неграмотности. Организация общественного самоуправления и суда были максимально приближены к их традиционной системе.

Вместе с тем данный процесс нельзя оценивать однозначно. В ходе своего становления и особенно в последующем развитии традиционная культура северных народов понесла значительные потери. Одной из главных черт этих десятилетий, как известно, была гипертрофия критического отношения к духовной культуре прошлого, резкое их противопоставление. Период начиная с конца 1930 г. и последующие десятилетия был наиболее сложным для сохранения национального ядра культуры. Огосударствление всех сторон общественной жизни сопровождалось формированием жесткой централизованной системы управления в сфере культуры.

Известный этнограф И. С. Гурвич, работая во время войны в Оленекской школе, в течение 1941–1946 гг. проводил систематический сбор этнографического материала жителей Оленекского и Анабарского районов. Им был собран разнообразный материал по традиционной культуре населения этих районов, которые были впо-

следствии обобщены и опубликованы в разных изданиях, в т. ч. и монографии¹.

Судя по наблюдениям исследователя, в этот период сохранялись практически «полно» охотничьи обряды и обычаи, т. к. имели большой удельный вес в хозяйстве. В своей статье «Охотничьи обычаи и обряды у населения Оленекского района» он делает обстоятельное и детальное описание обрядов «по отношению к диким оленям и лосям», ритуал снятия шкуры и разделки туши оленя и лося, захоронения их черепных и трубчатых костей, обряд очищения «Чычыпкан», а также обряды и поверья, посвященные духу-покровителю охоты – Эһэкээн, только на основе полевых материалов. Кроме того, приводит много поверий, различных запретов и представлений, связанных с охотничьими обрядами и три заклинания-алгыса с русским переводом, посвященные духу-огня, Чычыпкаану и Эһэкээну. Собственно, им сделана детальная, причем наполненная смысловой нагрузкой (верования) реконструкция этих традиционных охотничьих обрядов и обычаев. Все это дает нам возможность утверждать, что охотничьи обряды и обычаи в те годы сохранялись и соблюдались. К тому же автор и сам это часто подчеркивает. Еще один немаловажный момент. В примечании он пишет: «Во время моей поездки в колхоз им. Чкалова (Куэх-Булун) летом 1943 г. мое внимание было привлечено высушенной тушкой песка, повешенной на высокое дерево перед домом завхоза. *После некоторых попыток уклониться от прямого ответа, завхоз со смущением заявил, что кто-то из его друзей повесил песка на дерево, чтобы зверька не осквернили собаки* (выделено мною. – Н. В.)». Данный факт, говорит о том, что не всегда информаторы были откровенны. Это и понятно, т. к. мы знаем, что в эти годы запрещались, по крайней мере осуждались подобные действия, связанные с традиционными обрядами. Тем более это было должностное лицо.

В 1951 г. с апреля по октябрь и в 1952 г. с июня по октябрь И. С. Гурвич, уже будучи сотрудником Института языка, литературы и истории СО РАН, вместе с лаборантом-переводчиком проводил экспедиционные этнографические исследования в Абыйском, Момском и Аллаиховском, Нижне-Колымском и Среднеколымском районах. Целью экспедиции было изучение современного этнического состава, быта и культуры коренного населения северо-востока ЯАССР. Им представлено два подробных отчета, хранящихся в Архиве ЯНЦ СО РАН г. Якутска. По своим масштабам экспедиция охватила практически все поселения районов и провела исследования

¹ Гурвич И. С. Охотничьи обычаи и обряды у населения Оленекского района // Сб. материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948. С. 74–74; Его же. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977. С. 201–214.

всех этнических групп. Но вызывает удивление то, что в этих отчетах почти отсутствуют материалы по бытованию традиционных обрядов. Автор констатирует об отмирании традиционной культуры в связи с повышением «культурного уровня» и некоторые сохраняющиеся элементы обрядов: «Отошло в область прошлого шаманство, знахарство, местные способы лечения болезней... Сложная свадебная обрядность, имевшая ряд отрицательных сторон у эвенов, чукчей, так же, как и у якутов, исчезла. Основные моменты современной свадьбы: домашнее, часто семейное торжество и регистрация брака в сельсовете... В семейных обычаях, связанных с рождением и смертью, произошли значительные изменения. Эти моменты потеряли религиозный характер, кое-что из прошлого сохраняется, например на платье ребенка чукчи, эвены еще нередко нашивают амулеты, именуемые русскими "детским другом". Послед якутки и эвенки завертывают в тряпку и вешают на деревья. Рождение ребенка отмечается домашним торжеством. В похоронах сохранилось много из старых обычаев, но чукчи теперь не производят массового забоя оленей для отправки их с покойником на тот свет. Изменились и формы надмогильных памятников. Над могилами передовых людей воздвигается обелиск с пятиконечной звездой и надписью... Общесоветские праздники отмечаются торжественными заседаниями с вечерами. Вечеринки обычно устраиваются на дому у кого-нибудь из колхозников. Общеколхозные вечера с угощениями устраиваются ко Дню оленевода. В этот день устраиваются бега на оленях, состязания по борьбе. Массовые чукотские игры, танцы устраиваются при сборе оленеводов при корпорализации, на общих собраниях и т. д.»²

О сохранении в погребальных обрядах многих традиционных элементов пишут и А. В. Смоляк и З. П. Соколова: «В настоящее время (имеются в виду 80-е годы. — *Н. В.*) захоронения в гробах в земле преобладают у всех народов Севера, тем не менее в погребальных обрядах сохраняются много традиционных элементов. Такого рода обряды выполняются без широкой огласки, поэтому посторонний наблюдатель, даже присутствуя на похоронах, может не заметить этих деталей»³.

Большие изменения, как пишет И. С. Гурвич, произошли и в жизни русских старожилов и якутов: «Из быта колымчан исчезли такие черты, поражавшие наблюдателей, как набожность, невежество, пренебрежительное отношение к обитателям тундры, мелочное торгаше-

² Гурвич И. С. Охотничьи обычаи и обряды у населения Оленекского района. С. 74–95; Его же. Культура северных якутов-оленьеводов. С. 201–214.

³ Смоляк А. В., Соколова З. П. Традиционные и новые праздники и обряды у народов Севера / Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1984. С. 94.

ство... Исчезли свадебные обряды. Но свадебные и святочные песни население еще помнит. Старики поют на вечеринках старинные обрядовые, исторические и любовные песни. Молодежь лучше знает советские песни, чем песни прошлого... Исчезла вера во всевозможные порчи, перестали справляться церковные праздники... Стены украшают картинками, портретами вождей, плакатами...»⁴

Общеизвестно, что центральным традиционным праздником якутов являлся Ысыах, в основе которого лежала «система ритуалов, символизирующих творение, обновление, восстановление жизни. Этот летний праздник был религиозным родовым молением Небу, Земле, Воде. На нем совершались бескровные жертвоприношения, кропление кумысом, посвященное верховным божествам, отпускали на волю жертвенное животное (лошадь белой масти) – *ытык*, чтобы божества *айыы* и *духи-иччи* приносили и в будущем богатство и удачу якутскому роду. После обряда кропления устраивали ритуальную трапезу, ритуальные игры, гадания, конные скачки и исполняли обрядовый танец *осуохай*. Ысыах был связан с идеей первотворения Вселенной и Человека... Следует отметить объединительную роль Ысыаха. После долгой продолжительной зимы якуты встречались на празднике, где могли общаться друг с другом... На празднике произносились алгысы – благопожелания, в которых человеку желали здоровья»⁵, благополучия и процветания.

Нами обнаружены материалы о проведении праздника Ысыах в 1945 и 1946 гг. В 1945 г. в связи с победой в ВОВ этот праздник стали проводить по указанию и под руководством правительства (обкома партии) на севере Якутии, там, где ранее не проводили. В центральных улусах, конечно, он проводился. Так, впервые Ысыах был проведен в Усть-Янском районе. Из докладной записки от 9 июля 1945 г. секретаря Усть-Янского РК ВКП(б) видно, что национальный праздник Ысыах проводили впервые в колхозе «Тропа молодежи» Селеняхского наслега по причине наличия крупного рогатого скота и лошадей только в двух колхозах. Ранее из национальных праздников проводили только День оленевода. Место Ысыаха украсили флагами, лозунгами, цветами и деревьями, а также портретами вождей и правительства. Ысыах открылся докладом секретаря РК Болтунова С. И., затем был концерт, праздничная трапеза, где были приготовлены национальные блюда и кумыс. Была выпущена специальная газета и боевой листок о производственных достижениях сельчан⁶.

⁴ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 73–74.

⁵ Народ саха от века к веку: Очерки истории. Новосибирск, 2003. С. 80.

⁶ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС(Я)). Ф. 3. Оп. 1. Д. 90. Л. 6.

Впервые, как следует из докладной записки секретаря райкома, также проводили Ысыах в Томпонском районе, т. к. до этого проводили эвенский национальный праздник «һэбдьээкэ». Проводили праздник по традиционному сценарию в четырех колхозах. Во время Ысыаха было прочитано 16 докладов (на четыре колхоза по четыре доклада), 10 бесед, 13 чтений, подготовлено 14 диаграмм и 7 стенгазет⁷.

Из информации секретаря Тимптонского РК ВКП(б) М. Большакова: Ысыах был проведен в колхозах «Новая жизнь» п. Чульман и «Токарикан» п. Золотинка. Место Ысыаха украсили лозунгами, выпустили два боевых листка, было проведено две беседы. В п. Чульман на Ысыахе доклад читали на эвенском языке по теме «Текущий момент и национальный праздник ысыах», в п. Золотинка доклада не было прочитано. Концерт был поставлен на эвенско-якутском языке, а также пьеса «Ровно в 1 час». Праздник завершился национальными видами спорта, играми, танцами⁸.

В мае 1945 г. в газете «Кыым» вышла статья «Ааспыт сыллааы ыһыах уоппутугтан» («Из опыта проведения прошлогоднего ысыаха») заместителя начальника Управления по делам искусств при СНК ЯАССР А. Д. Макарова. Он на примере проведения праздника в Мегино-Кангаласском районе в 1944 г., предложил использовать их опыт. Сценарий ысыаха был построен на традиционных обрядах и в плане оформления, и в плане ритуалов – открытие, исполнение алгыса-заклинания (здесь автор не пишет, кому посвящался алгыс – божествам ли, духам природы ли, но, по крайней мере, алгыс заканчивался традиционно прославлением «Уруй айхал буоллун!» – обрядом кропления кумысом, который завершается алгысом-обращением к тов. Сталину и установкой перед его портретом чорона с кумысом). Далее – угощение кумысом, совместная трапеза, национальные виды соревнований, игры, концерт, осуохай и т. п. На закрытие ысыаха звучит гимн Советского союза. В конце статьи А. Д. Макаров отмечает, что недостатками этого ысыаха является недостаточно широко проведенная массово-политическая работа: доклады, лекции, выпуск боевых листов, чтения и др. И предлагает обязательно учесть эти недостатки в будущем.

Однако заведующий ОППА (Отдел политической пропаганды и агитации) Сунтарского РК ВКП(б) С. Т. Николаев в докладной в ОК ВКП(б) написал: «У нас ысыах проводился и ранее по традиционной советской схеме – агитация, кинокартины, беседы, читки газет... В оформлении и в процессе проведения ысыаха не было ничего излишнего и мистически религиозного. Например, заклинание (алгыс)

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ НА РС(Я). Ф. 3. Оп. 61. Д. 90. Л. 33.

с коленопреклонением, впрыскивание кумыса, “поднятия тоста” за “всевышнего” и т. д., которые были рекомендованы в статье заместителя начальника Управления по делам искусств при СНК ЯАССР т. Макарова... Надо отметить, что т. Макаров этой статьей вместо помощи хотел нарушить порядок организации ысыаха»⁹.

15 июня 1946 г. обкомом ВКП(б) была разослана районным комитетам телеграмма, в которой говорилось: «В прошлом году отдельные колхозы Ысыахи открывали исполнением давно отживших старинных церемоний зпт различных обрядов религиозного характера тчк При проведении предстоящих ысыахов подобные явления не должны быть допущены тчк Ысыахи должны быть организованы как праздник советского крестьянства зпт обогащены идейно-выдержанными современными формами народного творчества тчк Рекомендуем Ысыахи открывать кратким митингом зпт выступлением председателя Совета или колхоза тчк Митинг организовать рапорт колхозов производственных показателях зпт готовности сеноуборке зпт прием письма обязательства тов. Сталину тчк После митинга приступить кумысопитию массовым мероприятием тчк Места Ысыахов необходимо празднично оформить тчк плакатами лозунгами фотовыставками зпт призывающими производительно трудиться зпт поднять продуктивность животноводства зпт организованно приступить сеноуборке зпт обеспечить уход посевами т. д. Видном месте вывесить доски показателей работ колхозов также доску передовиков тчк Итоги Ысыахов представьте обкомпарт первому июля»¹⁰.

В 1946 г. обкомом ВКП(б) было принято постановление «О проведении праздника Ысыах». В нем говорилось: «Бюро обкома отметило, что проводимый ежегодно праздник Ысыах имеет исключительно важное значение в деле мобилизации трудящихся на выполнение задач, стоящих перед народным хозяйством республики, укрепления колхозного строя и дальнейшего развития национального искусства и культуры народа...»¹¹ Обком рекомендовал провести до 23 июня колхозные и межколхозные ысыахи, объединив не более 2–3 колхозов с привлечением максимального количества колхозников. Вместе с тем бюро обкома отметило нецелесообразность проведения в этом году районных ысыахов. Районным комитетам и исполкомам было предписано перед ысыахом мобилизовать колхозников на успешное проведение весеннего сева, в дни ысыахов подвести итоги социалистического соревнования. Бюро обкома ВКП(б) обязал провести следующие мероприятия: «До 1 июня 1946 г. создать колхозные и меж-

⁹ НА РС(Я). Ф. 3. Оп. 61. Д. 90. Л. 8.

¹⁰ Там же. Д. 163. Л. 7.

¹¹ Социалистическая Якутия. 26.05.1946.

колхозные комиссии по подготовке к ысыаху: утвердить сроки... при этом установить продолжительность не более 1–2 дней, выработать распорядок проведения ысыахов, обновить и еще более усовершенствовать прошлогодние места ысыахов – тусулгэ; обеспечить широкое и активное участие; организовать в колхозах дойку кобылиц; на всех ысыахах организовать показ лучших достижений... популяризировать методы работы передовиков... конские состязания»¹². Также бюро обкома обязало районные комитеты обеспечить хорошую масово-политическую работу на празднике ысыах докладчиков, агитаторов, беседчиков, чтецов, предоставив им необходимые материалы.

Еще в 1936 г. правительство ЯАССР объявило 1 ноября Днем оленевода. С тех пор этот день в местах проживания коренных малочисленных народов Севера ежегодно отмечался как праздник. Как и ысыах, этот обряд сохранил некоторые традиционные элементы, так сказать, «внешнюю» форму, и превратился, по сути, в торжественное ежегодное массовое гуляние с «подведением итогов работы оленеводческих бригад и принятием новых задач на производстве».

Таким образом, в условиях советской модернизации традиционная культура пережила не только процессы упрощения и фрагментации, но и «вторичной» эстетизации, осуществленной через механизмы включения ее символов и форм в контекст советского варианта массовой культуры.

Безусловно, целенаправленная деятельность, предпринимаемые мероприятия способствовали изменению образа жизни народов региона. На фоне общего повышения уровня жизни происходит интернационализация типов поселений и жилища при сохранении отдельных традиционных элементов, в некоторой степени – европеизация одежды, распространение новой советской обрядности.

И все же духовная культура при внешнем восприятии советского мировоззрения, атеизма оставалась консервативной. На уровне повседневности продолжала доминировать, хотя и в трансформированном виде, традиционная ценностно-нормативная система и связанные с нею обряды и обычаи. Это относится и к таким традиционным праздникам, как Ысыах, День оленевода. Собственно изменились только благословляемые и прославляемые «божества и духи-покровители». Как считают этнопсихологи, таким образом люди «адаптируются к окружающему контексту посредством манипуляции символами, и результативность этого процесса зависит главным образом от мотивационной силы традиционных мифов и способности их создателей приспособить старую символику к новым ситуациям».

¹² Там же.

Можно сказать, что у большинства населения традиционная и «советская» картины мира «со своими божествами» стали практически синонимами.

Вместе с тем следует заметить, ввиду того, что социокультурные изменения сильнее всего воздействуют на подростковый и молодежный менталитет, данный процесс привел к прерыванию духовной преемственности поколений. И именно это впоследствии, особенно с середины 50-х годов, в связи с интенсивным индустриальным освоением Севера и расширением инокультурного окружения способствовало утере традиционной культуры.

О. Ю. Никонова

КРИЗИС ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОМ ЧЕЛЯБИНСКЕ И ПРОБЛЕМА ГОЛОДА В 1946–1947 гг.

С момента выхода первой обобщающей работы, посвященной голоду 1946–1947 гг. в СССР, прошло почти 10 лет, однако назвать эту тему всесторонне изученной по-прежнему сложно¹. Появились исследования, уточняющие локальное измерение событий 1946–1947 гг.², история голода стала составной частью трудов, посвященных послевоенному периоду³, однако объемная историографическая картина пока не создана. Нет сборника документов и детальных исследований⁴, в которые были бы интегрированы все советские регионы с учетом особенностей, причин и последствий голодомора и такие важные аспекты темы, как демографическое измерение событий, внешнеполитические факторы голода, внутригосударственная и международная помощь. Сохраняется некоторый историографический «перекос» в сторону изучения событий голода в сельской местности, что связано с тем, что именно деревня пострадала от него наиболее сильно⁵.

¹ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 10.

² См. историографический обзор новейших исследований истории голода 1946–1947 гг.: Хисамутдинова Р. Р. Голод 1946–1947 годов в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 2000-е годы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6 (2). С. 331–336.

³ См. историографический обзор в: Кузнецова Н. В. Отечественная историография об экономических и социальных проблемах послевоенного восстановления и развития страны в 1945–1953 гг. // Вестник ВолГУ. 2005. Сер. 4. Вып. 10. С. 141–153.

⁴ Наиболее активно данная тема разрабатывается украинскими исследователями, по материалам голода в Украине издан сборник документов. См.: Веселова О. М. До теми голоду 1946–1947 рр. в історіографії 80-х років ХХ – початку ХХІ ст. URL: <http://histans.com/JournALL/xxx/13/15.pdf> (дата обращения: 09.02.2015); Голод в Україні 1946–1947: Документи і матеріали / відповідальний редактор В. А. Смолій, упорядники: О. М. Веселова (головний упорядник), Т. Т. Гриценко та ін. К.; Н.-Й.: Вид-во М. П. Коць, 1996.

⁵ Зима В. Ф. Голод в СССР... С. 179.

Между тем в начале 2000-х гг. отечественные и зарубежные исследователи обратили внимание на сюжеты, связанные с послевоенным голодом в городах⁶. Американский историк Д. Фильцер сравнил послевоенный голодомор с атомным взрывом, эпицентр которого располагался на Украине и в Молдавии, а «ударная волна» распространилась вплоть до отдаленных районов Российской Федерации. Очевидно, что изучение событий 1946–1947 гг. в городах может приблизить нас к пониманию причин масштабности послевоенного голода⁷ и его демографических последствий, позволит выявить специфику распространения голода в различных регионах Советского Союза, а также будет способствовать более гибкому анализу городской жизни первого послевоенного десятилетия.

В оборонных индустриальных центрах, подобных Челябинску, голод был вызван целым комплексом факторов, среди которых были как последствия неблагоприятных природных условий, так и проблемы, вызванные политическими решениями. Окончание Великой Отечественной войны привело к ухудшению социально-экономической ситуации в промышленных городах тыловых регионов⁸. Непосредственной причиной голода в городах стало снижение продовольственного потребления, вызванное конверсионными планами, рестриктивной политикой советского правительства и другими экономическими мероприятиями в области регулирования торговли и снабжения продуктами питания. Этот факт, впервые подчеркнутый Д. Фильцером⁹, должен учитываться в дискуссии о причинах голода, которая вращается главным образом вокруг вопроса о том, что оказалось более «весомым» – природный фактор (засуха) или жесткая заготовительная политика государства в 1946–1947 гг. – и берет в расчет явления, характерные преимущественно для сельской местности. Размышляя о голоде, М. Элман упоминает, что горожане

⁶ См., напр.: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 59–77; Filtzer D. The Hazards of urban life in late Stalinist Russia. Health, hygiene and living standards, 1943–1953. Cambridge, 2010; Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011. С. 64–108.

⁷ По данным В. Ф. Зимы, голод охватил около 100 млн человек, оказавшись более масштабным, чем голодомор 1932–1933 гг. См.: Хисамутдинова Р. Р. Голод 1946–1947 годов... С. 333.

⁸ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество... С. 36–37, 55–57, 59; Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2006. С. 203–204.

⁹ Filtzer D. The 1947 Food Crisis and Its Aftermath: Worker and Peasant Consumption in Non-Famine Regions of the RSFSR // A Dream Deferred: New Studies in Russian and Soviet Labour History / Filtzer D., Goldman W., Kessler G., Pirani S. (eds.). N. Y.; Berlin, 2008. P. 343–383.

(в первую очередь наемные работники) относились к «привилегированной» группе населения, обладавшей доступом к государственному обеспечению, и поэтому пострадали меньше¹⁰. Однако этот тезис не учитывает, что с окончанием войны был принят целый ряд правительственных постановлений, упразднявших или существенно ограничивавших формы и каналы оказания государственной поддержки. К тому же первый удар по доходам горожан нанесла демобилизация промышленности.

В результате реализации постановления ГКО от 26 мая 1945 г. «О мерах по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения» в промышленном секторе возник дисбаланс: выпуск военной продукции быстро сокращался, а гражданское производство росло очень медленно¹¹. Поспешность и непродуманность планов конверсии негативно сказывались и на предприятиях уральского региона¹². По данным Челябинского горкома ВКП(б), в 1945 г. выпуск продукции военного назначения десятью оборонными заводами, работавшими в городе, сократился на 57 % по сравнению с предыдущим годом. Переход на производство мирной продукции сопровождался «коренной ломкой установившегося технологического процесса и старых хозяйственных связей»¹³. Сокращение военного производства немедленно отозвалось на положении рабочих. «Лишние» рабочие руки перебрасывались на более низкооплачиваемые вспомогательные работы или простаивали. Многие подростки, пришедшие на завод во время войны и освоившие одну операцию, проходили переобучение. Вернувшись на завод, они какое-то время «набивали руку» и не выполняли план. На совещании в горкоме ВКП(б), проходившем в феврале 1946 г., директора некоторых предприятий сообщали о сокращении заработной платы на 35–50 % и называли причины – переход на восьмичасовой рабочий день и отсутствие стабильной занятости¹⁴. Динамика усредненных показателей оплаты труда рабочих и инженеров на Кировском заводе (ЧТЗ) в Челябинске, где валовой выпуск продукции к концу 1945 г. сократился по

¹⁰ Эллман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 198.

¹¹ На это впервые указал советский историк Чадаев Я. Е. в работе «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны» (М., 1965, см. гл. VI).

¹² Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны... С. 201–202.

¹³ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 72. Л. 10–11.

¹⁴ Там же, Д. 70.

сравнению с июнем этого же года на 65,7 %, наглядно представлена в таблице 1¹⁵.

Таблица 1

Средняя заработная плата рабочих и ИТР на ЧТЗ – Кировском заводе во второй половине 1945 – январе 1946 г., руб.

Категория	Июнь 1945 г.	Июль 1945 г.	Октябрь 1945 г.	Декабрь 1945 г.	Январь 1946 г.
Рабочие	781	774	655	724	580
Инженеры	1435	1448	1463	1756	1539

Заработная плата вспомогательных и низкоквалифицированных рабочих на челябинских заводах была ниже средней по Кировскому заводу и составляла в начале 1946 г. 220–480 руб.¹⁶

Исследователи послевоенного общества отмечают, что конверсия оборонных производств особенно сильно ударила по наиболее уязвимым категориям рабочих – наряду с низкооплачиваемыми работниками предприятий ими были молодые рабочие и подростки¹⁷. Челябинские заводы не стали исключением. 70 воспитанников детских домов, работавших на предприятии № 62, выпускавшем снаряды, во второй половине 1945 г. не только не получали заработную плату, но и оказались должниками предприятия. На Челябинском ферросплавном заводе молодые рабочие, окончившие школу ФЗО и работавшие плотниками, столярами и штукатурами по 4-му разряду получали тарифную ставку 252 руб. в месяц, при этом вычеты на налоги, оплату общежития и питания в столовой составляли от 150 до 170 руб.¹⁸

Снижение заработной платы вело к падению покупательной способности горожан. К тому же в декабре 1945 – январе 1946 г. в Челябинске были отмечены серьезные проблемы со снабжением хлебом. В торговой сети образовался дефицит в 220 т, в магазинах и ОРСах появились очереди. На заседании бюро горкома ВКП(б) положение в городе было названо «тяжелым» и принято решение создать пятидневный неснижаемый запас муки на хлебопекарных предприятиях, 30-процентный переходящий запас печеного хлеба на заводах, отремонтировать аварийные хлебопекарни и обеспечить их углем¹⁹.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 68. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 70. Л. 3; Д. 72. Л. 18.

¹⁷ Кузнецова Н. В. Динамика цен и заработной платы в Нижнем Поволжье в условиях продовольственного кризиса 1946–1947 годов // Вестник ВолГУ. Сер. 4 История. 2012. № 1 (21). С. 63; Фильдер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм... С. 160–211.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 68. Л. 64–65; Д. 72. Л. 19 и др.

¹⁹ Там же. Д. 2. Л. 11–3.

Осенью этого же года в городе стали ощущать последствия неурожая и ограничительной политики государства²⁰. Хотя область и не была затронута засухой напрямую, в областном центре в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и правительства «Об экономии в расходовании хлеба» от 27 сентября 1946 г. была прекращена продажа хлеба, крупы и муки по дополнительным видам питания (литер Б, сухой паек, 2-е горячее и др.). Режим экономии принес результаты: оказались нераспроданными 80 т муки и 30 т крупы. Специальная комиссия начала проверки правильности выдачи карточек. В течение первой декады октября было изъято 12 674 карточки и аннулировано 4 880 иждивенческих карточек, не предъявленных к регистрации. 25 предприятий и организаций было снято со снабжения, т. к. они находились за чертой города. 3 139 человек на челябинских предприятиях были «понижены» в категории снабжения.

В результате ограничения доступа к государственному обеспечению цифры по экономии резко подросли. Если в сентябре 1946 г. объем сэкономленной муки составлял 80 т, то в октябре и ноябре он вырос до 433,8 т и 355 т соответственно²¹. С октября 1946 г. Челябинский горисполком стал утверждать лимиты хлебных карточек для каждого предприятия и учреждения города. К нарушителям, директорам хлебопекарных предприятий, допускаявших перебои снабжения, обещали применять жесткие меры наказания вплоть до уголовного преследования.

В 1946 г. в функционирование системы продовольственного снабжения вмешались события, связанные с отменой карточной системы. Одним из подготовительных мероприятий стало сближение коммерческих и пайковых цен. В информационном сообщении для Челябинского обкома ВКП(б), составленном по горячим следам постановления Совета министров СССР о повышении пайковых цен от 16 сентября 1946 г., говорилось, что в городе быстро распространялись панические настроения. В коммерческих магазинах, особенно в отделах хлебобулочных изделий, толпились люди: «Большие очереди за булочками, которые до снижения цен стоили 7 рублей, теперь 5 рублей 50 копеек». Ажиотаж создал благоприятные условия для спекуляций: «Спекулянты снижение цен в особторгах используют в целях наживы. Получая по несколько раз булочки, здесь же перепродают их тем, кто не имеет времени стоять в очереди»²². Информаторы сообщали о реакции горожан, подслушанной и подсмотренной в

²⁰ Подробнее о ситуации осени 1946 г. и мероприятиях правительства см.: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество... С. 69–74.

²¹ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 10. Л. 107–109; Д. 81. Л. 16.

²² Там же. Л. 81.

магазинах и общественном транспорте. Челябинцы считали, что им «объявили голодовку», что «хлеб ушел за границу», а повышение цен «не оправдывается прибавкой к зарплате». Глава большой семьи из 9 человек, в которой было всего два работающих, проклинал «властителей»: «осталось с сумой по куски идти». Студентки в трамвае жаловались, что им и раньше не хватало денег на обеды в столовой, а после повышения цен они не знают, где будут питаться²³. Информационные справки о заводских собраниях по поводу повышения цен цитируют более сдержанные эмоционально высказывания рабочих, которые, очевидно, опасались выражаться также резко, как горожане на улицах. Однако и в них прочитывается плохо скрываемое беспокойство за будущее своей семьи. Так, электросварщик электродного завода Соловьев, который заявил, что он спокойно принял новые цены, затем добавил: «Плохо одно, что не уродилась картофель на огороде». Грузчик одного из цехов ЧГРЭС, у которого в семье было 6 иждивенцев, наглядно представил свой семейный бюджет собравшимся: при заработке в 800 руб. он должен был на заем, подоходный налог, хлеб, мясо и сахар потратить 811 руб., оплата квартиры, завтраков детей-школьников, масла и круп, мыла и профсоюзных взносов, поход семьи в баню требовали еще 511 руб. Приработок в 300 руб. уже не покрывал эти расходы, и глава семейства резюмировал – «как жить сейчас, не знаю?!!!»²⁴

Серьезные изменения системы продовольственного снабжения проводились в обстановке, когда саму систему лихорадило. И это касалось не только одного из важнейших продуктов питания – хлеба, но и других видов продовольствия. Согласно официальным данным, процент «отоваривания карточек трудящихся по основным видам продуктов питания» в Челябинске был низким. В 1946 г. торговые организации Челябинска (и в том числе заводские ОРСы) отоварили выделенные государством фонды для нормированного распределения продуктов в следующих относительных показателях: по мясопродуктам – на 95,6 %, по животным жирам – 95,8 %, по растительным жирам – 85,6 %, по рыбопродуктам – 93,6 %, сахару – 99,8 %, кондитерским изделиям – 95 %, молочным продуктам – 63,1 %. По признанию руководителей челябинской торговли, в 1946 г. продовольственные карточки трудящихся были «недоотоварены». Заспецифической бюрократической лексикой – картина ухудшающегося снабжения. В четвертом квартале 1946 г. обладатели карточек получили на 5 % меньше мясных продуктов, чем в первом, на 13 % меньше

²³ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 10. Л. 81–81 об.

²⁴ Там же. Д. 10. Л. 83–83 об.

жиров и на 1,4 % меньше сахара и кондитерских изделий²⁵. В «резко неудовлетворительном» состоянии находилось снабжение нормированными продуктами младенцев, беременных и кормящих матерей (таблица 2). Этот факт указывает на одну из причин высокой детской смертности в городе и области в голодные годы.

Таблица 2²⁶

Снабжение продовольствием детских социально-бытовых учреждений, кормящих матерей и беременных женщин в 1946 г., % к годовому фонду

	Молочные кухни	Кормящие матери и беременные женщины
Жиры	86,1	76,7
Сахар	90,6	88,3
Крупы и мука	83,3	65,3
Молоко	77,4	66,2

В исследованиях, посвященных теме продовольственного снабжения и голода 1946–1947 гг. в других регионах СССР, указывается, что снижение коммерческих и рыночных цен на продукты, которое действительно произошло после 16 сентября 1946 г., а также введение надбавок к заработной плате низко- и среднеоплачиваемым категориям рабочих, не смогли затормозить ухудшение ситуации с потреблением. Этот вывод можно распространить и на Челябинск. Динамика падения рыночных цен на продукты и показатели увеличения продаж продовольственных товаров в коммерческих магазинах не являются убедительными доказательствами положительного эффекта правительственных мероприятий. Они приводятся в информационных материалах Челябинского горкома без указаний категории покупателей и не позволяют определить группы горожан, за счет которых происходил рост потребления продовольствия.

На важный аспект, повлиявший на положение рабочих Челябинска и Челябинской области, обращает внимание М. Н. Потемкина. На местных предприятиях работало значительное число эвакуированных, репатриированных и мобилизованных. В годы войны эти категории получали второе горячее питание, на которое выделялись дополнительные бескарточные продовольственные фонды. Когда в четвертом квартале 1946 г. правительство отменило эти фонды, вышеуказанные группы рабочих оказались более уязвимыми для голода. По указанию Потемкиной, на Златоустовском заводе, где такой особый контингент составлял 70 % всех работников предприятия,

²⁵ Там же. Д. 79. Л. 95–97.

²⁶ Там же. Д. 79. Л. 98.

«к январю 1947 г. 10 % были больны дистрофией, еще 20 % находились в преддистрофическом состоянии»²⁷.

Причины распространения голода на промышленные центры, такие как Челябинск, нужно также искать и в недостатках, хаосе и злоупотреблениях, царивших в системе продовольственного снабжения в 1946–1947 гг. Окончание войны и подготовка карточной реформы дестабилизировали механизм, настроенный на нормированное распределение. Подсобные хозяйства, сыгравшие важную роль в продовольственном обеспечении рабочих и инженеров города в годы войны, в мирное время оказались под угрозой²⁸. По мнению Челябинского горкома ВКП(б), многие директора заводов считали, что «война кончена, пусть теперь занимаются овощами и картофелем колхозы и совхозы, им это положено по закону»²⁹. В результате повсеместно наблюдалось сокращение посевных площадей. Еще в 1945 г. доля картофеля и овощей из подсобных хозяйств, поступивших в сеть предприятий общественного питания, составила 81,3 % и 76 % всего объема соответственно³⁰. А в сентябре 1946 г. в город было завезено от установленного обкомом партии плана всего 1,8 % картофеля и 10 % овощей. Целый ряд заводов города (№ 62, 78, абразивный и ферросплавный) еще не приступали к копке картофеля, а ОРС Кировского завода убрал только 4,9 % урожая³¹.

В годы войны важным источником поддержки существования работников предприятий были общественные столовые. Одним из следствий повышения пайковых цен стал отказ части рабочих от общественного питания. На кирпичном заводе «Строитель» из 60 человек, прикрепленных к столовой, 23 не выкупили свои завтраки и обеды. На заводе № 200 в столовой «почти никто не завтракает и не обедает, за исключением отдельных лиц, одиночек», продано «лишь $\frac{1}{5}$ обедов против обычного». На заводе № 78 из трех столовых закрыли две из-за сокращения числа «столующихся». Заведующая столовыми пообещала, что будут готовить овощные блюда более низкой стоимости³².

Продовольственный кризис 1946–1947 гг., последствия которого ощущались в большинстве регионов СССР до конца 1948 г., был

²⁷ Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны... С. 201.

²⁸ В Челябинске за 1941–1945 гг. было создано 250 подсобных хозяйств с посевной площадью около 50 тыс. га. Многие предприятия имели животноводческие хозяйства. См.: ОГАЧО. Д. 77. Л. 45.

²⁹ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 77. Л. 40.

³⁰ Там же. Д. 77. Л. 38.

³¹ Там же. Д. 10. Л. 17 об.–18.

³² Там же. Д. 79. Л. 1–4.

вызван в тыловых промышленных центрах конверсионной перестройкой промышленности и рестриктивной политикой государства. Снижение норм продуктового потребления и калорийности питания наложилось на крайнее истощение организма за годы войны, что стало причиной высокой смертности от дистрофии и сопутствующих голоду заболеваний. Рассмотрение голода 1946–1947 гг. в контексте пролонгированного голодного существования значительной части советских граждан на протяжении десятилетия (1938–1948 гг.), которое предлагает Д. Фильцер, является обоснованной интерпретационной моделью. Она помогает объяснить масштабные последствия кризиса продовольственного снабжения в индустриальных городах тыловых регионов СССР³³.

³³ Подробнее об этом см.: Filtzer D. The Hazards of urban life... P. 163–226.

ДЕФИЦИТ ТОВАРОВ ПОВСЕДНЕВНОГО СПРОСА И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ В БЛОКАДНОМ И ПОСЛЕВОЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Хотя до войны положение в Ленинграде было лучше, чем в других городах, исключая столицу, ленинградцам, как и большинству обычных советских людей не хватало многих товаров широкого потребления. «Одевались почти одинаково скромно, в магазинах был очень небольшой выбор товаров», – вспоминая довоенный Ленинград В. Г. Григорьев¹. «Для того чтобы купить костюм или брюки, – свидетельствует И. К. Трофимов, – надо было в Андреевском рынке (там была мастерская “Ленодежда”) неделю стоять отмечаться»².

Горожанам приходилось прибегать к разным способам преодоления дефицита. По воспоминаниям Марии Макаровой, ее мать на швейной машинке шила рубашки для домашних³. «Покупка новой одежды для любого члена семьи становилась событием, – пишет в мемуарах Л. С. Разумовский. – В основном носильные вещи перешивались из старых»⁴. «К окончанию десятилетки мне сшили новое платье и костюм – ходить на занятия в университет, – вспоминала О. Гречина. – Костюм был сшит из старой шерстяной портьеры, которую покрасили в черный цвет»⁵. Она же свидетельствует: «Хуже всего было с обувью. Почти накануне войны мы с мамой всю ночь простояли в очереди в обувной магазин, и утром удалось достать кожаные туфельки за 9 рублей на небольшом каблучке. Это были мои

¹ Григорьев В. Г. 270 дней и ночей. Ленинград. Блокада. 1941–1942 гг.: Воспоминания и размышления и кое-что из истории. Л., 2010. С. 5.

² Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области (воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий). СПб., 2005. С. 49.

³ Макарова М. Ленинградский рок // Соловьева В., Талалаев А., Иванова О. Солдатские вдовы. СПб., 2000. С. 9.

⁴ Разумовский Л. С. Дети блокады // Нева. 1999. № 1. С. 10.

⁵ Гречина О. Спасаясь спасая. Ч. II. Сказка о гороховом дереве (1942–1944 гг.) // Нева. 1994. № 2. С. 236.

первые собственные новые туфли. До этого приходилось донашивать чье-нибудь старое»⁶.

С началом войны ситуация усложнилась – надо было помогать армии. В соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1941 г., исполкома Ленгорсовета и Бюро горкома ВКП(б) 10 сентября 1941 г. в городе был организован сбор вещей для фронта. «Мы собрали в районе больше 140 тыс. экземпляров разных вещей, – вспоминал в октябре 1944 г. председатель Исполкома Дзержинского райсовета Н. М. Горбунов»⁷. Согласно сведениям городской комиссии по сбору теплых вещей для Красной армии до конца 1941 г. в Ленинграде было собрано: 1790 шуб и полушубков, 4433 пальто и курток, 15 240 фуфак, 14 121 брюки, 34 409 пар носков, 66 091 варежек, перчаток, рукавиц, 456 теплых сапог (бурок), 963 башлыка, 1615 шинелей, 25 131 шапка, 4049 валенок, 30 655 рубашек и кальсон, 21 433 свитера, 18 000 шарфов и много других вещей⁸.

Введенная в городе 18 июля 1941 г. карточная система распространилась не только на продукты питания, но и на промышленные товары. Однако горожане не могли рассчитывать на то, что прежде производилось в Ленинграде. С начала войны резко сократился выпуск товаров для населения, промышленность перешла на выпуск оборонной продукции. Кроме того, вскоре на предприятиях были исчерпаны запасы сырья, сократилось поступление электроэнергии, резко уменьшилось количество работников⁹. В результате с октября 1941 г. поступление промышленных товаров в магазины города резко сократилось, а в первом квартале 1942 г. почти полностью прекратилось¹⁰.

«Рано похолодало, – записала 2 октября 1941 г. студентка медицинского института З. С. Седельникова. – Искала бесполезно в магазинах что-нибудь теплое из одежды, но не нашла даже чулок и перчаток»¹¹. «В ДЛТ (универмаг Дом ленинградской торговли. – В. П.) с трудом истратила 10 р. на не очень нужные вещи. Ничего нужного нет. Не говоря уже об обуви, трикотаже, мануфактуре, но исчезли чайные чашки, все тарелки, нельзя купить столовую ложку», –

⁶ Там же.

⁷ Оборона Ленинграда 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 437.

⁸ 900 героических дней: Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 79, 80.

⁹ Там же. С. 188.

¹⁰ Торговля Ленинграда в период войны: Материалы к Ученому совету института, посвященному 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Ленингр. ин-т сов. торговли им. Ф. Энгельса. Л., 1985. С. 13.

¹¹ Седельникова З. С. 279 дней войны. Блокадный дневник. Волгоград, 1995. С. 27.

записала 22 ноября 1941 г. в дневнике И. Д. Зеленская¹². «Прохожу вдоль Гостиного Двора. Темно, – свидетельствует 25 ноября 1941 г. в дневнике А. И. Августынюк. – Большинство магазинов закрыто, так как нечем торговать. Открытые торгуют запонками, лентами, веревкой, щетками, губной помадой, канцелярскими принадлежностями и прочим, не имеющим значения для поддержания жизни»¹³. «Купил маме в подарок на день рождения полдюжины столовых ложек алюминиевых, – записал в дневнике 5 января 1942 г. шестнадцатилетний Володя Николаев. – Она очень рада подарку. Во-первых, у нас их не было, во-вторых, это очень дефицитный товар»¹⁴. Странной, недальновидной представлялась в этих условиях покупка двух жизнелюбивых ленинградок: «На днях мы с мамой зашли в Выборгский универмаг посмотреть, что там есть, – записала в дневнике 10 октября 1941 г. Г. К. Зимницкая. – Увидели купальные костюмы из черного сатина с голубой отделкой и с кокетливыми резиночками на боках трусиков и на лифчике. Купили себе по купальнику. Продащица смотрела на нас с мамой, как на чокнутых или знающих великую тайну конца войны. Нет, ничего мы не знаем, просто хотим дожить до мирных дней»¹⁵.

В январе–марте 1942 г. чрезвычайное напряжение сложилось в торговле нормируемыми промышленными товарами (текстиль, обувь, готовое платье, белье, чулочно-носочные изделия, трикотаж и т. д.) при небывалом спросе на них, – говорилось в отчете отдела торговли Ленгорисполкома¹⁶. В том же документе отмечалось, что с апреля по октябрь 1942 г. происходила нормализация торговли промышленными товарами¹⁷. Последняя оценка состояния дел в торговле товарами широкого потребления представляется излишне оптимистичной. В объяснительной записке к отчету Ленинградского областного управления легкой промышленности указывалось, что в течение 1942 г. гражданская продукция производилась в очень незна-

¹² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб.). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 36. Л. 34 об.

¹³ Там же. Д. 2. Л. 9.

¹⁴ Дневник Володи Николаева. URL: http://3es.ru/journal/index.php?ELEMENT_ID=114 (дата обращения: 07.04.2013).

¹⁵ Зимницкая Г. К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев: Дневники и воспоминания / сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2012. С. 19.

¹⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб.). Ф. 7082. Оп. 2. Д. 297. Л. 11.

¹⁷ Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 268.

чительных количествах лишь из имеющихся остатков материалов¹⁸. В основном такую продукцию изготавливала швейная фабрика индивидуальных заказов, которая выпустила до 20 тыс. изделий, причем 5 тыс. было изготовлено из материала заказчика¹⁹.

О непростой ситуации в торговле свидетельствуют и горожане. Подлинную радость вызвало у Р. Н. Лысиковой приобретение обуви в мае 1942 г.: «Оказалось, несмотря на страшную зиму, я все-таки выросла... Носить нечего. ...В спортивном магазине покупаю парусиновые туфли на шнурках с резиновой обсоюзкой. Счастливая еду домой. Начался обстрел. Бьют по Невскому»²⁰. О. Гречина, вспоминала об осени 1942 г.: «Магазины давно уже не торгуют ничем промтоварным, и вообще – безнадежность полная!»²¹

Важную роль в преодолении острейшего дефицита вещей повседневного спроса играла стихийная торговля, массовые обменные операции. «На рынках развивается “меновая” торговля. Меняют высокие мужские сапоги на полкило хлеба. А. В. променяла новые брюки, отрез материи на платье и новую мужскую рубашку на 500 гр. хлеба, 500 гр. гороху и 200 гр. белой муки», – записала в дневнике 20 ноября 1941 г. М. С. Коноплева²². «Наступил декабрь и вместе с ним жестокие морозы, – вспоминает Р. Н. Лысикова. – Маме удалось что-то обменять на старые подшитые валенки для меня. В очередях стоять стало легче»²³.

Обострившийся во время войны и блокады дефицит вещей определял их ценность и востребованность. Блокадники удивлялись доступности прежде абсолютно дефицитных вещей. «Рынки завалены прекрасными вещами: материя высокого качества, отрезы на костюмы и пальто, дорогие платья, меха, – свидетельствует в дневнике в середине ноября 1941 г. Е. А. Скрябина. – Только за подобные вещи можно получить хлеб и постное масло»²⁴.

Широкое распространение натурального обмена сопровождалось складыванием своеобразных и немислимых в иное время стоимостных эквивалентов. По данным Управления НКВД по Ленинград-

¹⁸ 900 героических дней: Сб. документов и материалов о героической борьбе... С. 188.

¹⁹ Там же. С. 189.

²⁰ Лысикова Р. Н. Воспоминания о блокаде. СПб., 2013. С. 34.

²¹ Гречина О. Спасаясь спасая. Ч. II. Сказка о гороховом дереве (1942–1944 гг.). С. 208.

²² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 368. Ед. хр. 1. Л. 177.

²³ Лысикова Р. Н. Воспоминания о блокаде. С. 13.

²⁴ Скрябина Е. А. Страницы жизни. М., 1994. С. 128.

ской области, в конце декабря 1941 г. рыночный курс обмена вещей на продукты питания в осажденном городе выглядел таким образом: за дамское кроличье манто можно было выручить пуд картофеля, за карманные часы – полтора килограмма хлеба, валенки с галошами можно было обменивать на четыре килограмма жмыха, а русские сапоги – на три килограмма хлеба²⁵. В начале января 1942 г., согласно информационной сводке оргинструкторского отдела горкома ВКП(б), за триста грамм хлеба спекулянты получали хорошее зимнее пальто²⁶. «Однажды я шла через Кузнечный рынок, – вспоминает Л. В. Васильева. – Там было все. Какая-то женщина просила за новую беличью шубу полкило хлеба. На нее смотрели как на сумасшедшую – много просила. За массивное обручальное кольцо крохи просили»²⁷. «Вещи стоили мизерно дешево, – вспоминает детдомовец блокадного времени. – Туфли с калошами – два тонких кусочка хлеба, карманные швейцарские часы фирмы “Буре” со светящимся циферблатом – одну буханку хлеба»²⁸.

Одни блокадники стремились обменять свои вещи на хлеб, другим, напротив, были необходимы одежда и обувь. Дефицит последних был настолько острым, что в условиях смертельного голода, некоторые горожане готовы были не пожалеть продовольственных карточек. Когда во время пожара, случившегося в декабре 1941 г. в общежитии, у студентки Веры Гудиной прогорело пальто, ей, как она вспоминает «пришлось купить за буханку хлеба пальто эвакуированной жены у одного студента. ...В результате полмесяца я жила по норме иждивенца на 125 граммов в день. ...Непонятно, как мой организм мог выдержать все это»²⁹.

Впрочем, были в блокированном городе и те, кто выменивал одежду и обувь не для того, чтобы не замерзнуть. «Я... помню, – вспоминал Д. С. Лихачев, – как Василий Леонидович (Комарович) посоветовал нам менять женские вещи. Он сказал: “Жура наконец поняла, какое положение: она разрешила променять свои модельные туфли”. Жура – это его дочь, она училась уже в Театральном институте. ...Модные женские вещи – единственное, что можно было обменивать: продукты были только у подавальщиц, продавщиц, поварих»³⁰.

²⁵ Леиниград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда... С. 411.

²⁶ Там же. С. 414–415.

²⁷ Боль памяти блокадной: Сб. воспоминаний жителей и защитников блокадного Ленинграда / сост. Л. Л. Петрова. М., 2000. С. 103.

²⁸ Котов С. Детские дома блокадного Ленинграда. СПб., 2002. С. 169.

²⁹ Блокада и мы: Сб. воспоминаний. Киров, 2008. С. 101.

³⁰ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1999. С. 466.

Большинство же обычных блокадников нужда и холод заставляли в условиях голода менять на обувь и одежду даже хлеб. Работавшая в госпитале О. Н. Мельниковская записала в дневнике 16 декабря 1941 г.: «Пришлось купить за 700 граммов хлеба валенки, за 250 – варежки»³¹. «Купил себе хорошее пальто за 1500 р. + 5 кило хлеба», – записал 2 октября 1942 г. в дневнике инженер И. А. Савинков³². «Я приобрела сапоги за 800 гр.; другие купила за 140 рублей», – записала в дневнике 11 марта 1943 г. Л. В. Шапорина³³.

В 1943 г. в городе быстро рос спрос на все группы товаров широкого потребления. Одни горожане хотели купить какую-либо обувь, во что-то одеться. В продаже появилась деревянная обувь, ватники³⁴. Другие стремились удовлетворить более тонкие эстетические потребности в качественной обуви, цветном трикотаже и т. д.

После прорыва блокады у ленинградцев появилось больше возможностей. «По промтоварным карточкам можно купить бумажные и трикотажные изделия, штучное белье, нитки и т. д., – записал в дневнике 24 октября 1943 г. Н. П. Горшков. – Кроме того, хозяйственные предметы: эмалированные котелки, ложки и прочее. Во многих товарах ощущается недостаток: трудно достать обувь, но все же простая обувь есть»³⁵.

Особенно недоставало в Ленинграде женской обуви. Об этом еще в августе 1942 г. написали в Ленгорисполком 22 блокадницы, просящие изменить порядок торговли обувью³⁶. Нехватка женской обуви объяснялась тем, что мужчины встали на защиту города и страны, они же, прежде всего, умирали в блокированном городе.

В послеблокадном Ленинграде остро не хватало также детской обуви. «Мне разрешили ходить, и я ходила босиком, т. к. нет туфель», – записала в дневнике в июле 1944 г. двенадцатилетняя Т. В. Рудыковская³⁷. В справке, подготовленной в Исполкоме Ленгорсовета в сентябре 1944 г., отмечалось, что «значительное количество школьников не имеют обуви и приходят в школу босыми или в

³¹ Мельниковская О. Н. [Из блокадного дневника] // «Мы знаем, что значит война...»: Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / сост. Т. Н. Жуковская, И. Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 593.

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 61 об.

³³ Шапорина Л. В. Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 396.

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 2307. Оп. 1. Д. 14. Л. 14.

³⁵ Блокадный дневник Горшкова Н. П. // Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. С. 211, 212.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 150. Л. 18.

³⁷ Рудыковская Т. В. Бег времени: стихи, проза, блокадный дневник. СПб., 2007. С. 117.

тапочках»³⁸. Проблема состояла в том, что численность горожан росла значительно быстрее, чем количество товаров, которое им могла предложить торговля. Так, при росте населения города в 1944 г. на 79 % реализация промтоваров возросла всего на 24,2 %³⁹.

Часть горожан жили в крайней нужде. Так, согласно докладной записке заведующего Ленгорздравотделом Ф. И. Машанского, у жителей Пушкина – пригорода Ленинграда, возвратившихся в мае 1944 г. из немецкого плена, не было посуды для приготовления пищи, нательного и постельного белья. Значительной части пушкинцев, одетых в тряпье, не было доступно мыло⁴⁰.

После возвращения из эвакуации в родной Ленинград, как вспоминает Л. А. Кучинская, «бабушка шила нам одежду из разных вещей, в основном из мужских брюк и пиджаков, и других вещей. Все шло в работу. Все было комбинированное: серое с синим, черное со вставками. Кстати, появилось даже название “военная мода”. Хуже было с обувью. На рынке покупали резиновые боты. Шили теплые вставки из тряпок и считали, что все прекрасно»⁴¹.

Во время и после войны в Ленинграде оказалось немало детей без родителей. На 1 июня 1945 г. в городе было 25 детских домов, в которых находилось 2977 детей⁴². В детских домах не хватало посуды, совсем не было ножей и вилок. В то же время у детдомовцев было достаточно белья, верхней одежды и обуви, поскольку, помимо планового государственного снабжения, ленинградские дети получили значительное количество американских и шведских подарков⁴³.

Не сохранилось свидетельств о дефиците в послевоенном Ленинграде мужской обуви. Однако среди возвратившихся в Ленинград, проходивших лечение мужчин-фронтовиков было немало инвалидов, которым остро не хватало специальной обуви и протезов. Те, которыми пользовались инвалиды, были неудобны и некачественны. Из-за неумения пользоваться протезами, плохой их подгонки, инвалиды нередко получали травмы⁴⁴.

³⁸ От войны к миру: Ленинград. 1944–1945: Сб. документов / отв. ред. Н. Б. Лебедева; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2013. С. 83.

³⁹ Твердюкова Е. Д. Торговля в Ленинграде после снятия блокады (1944–1945 гг.) // Россия. Век двадцатый: Сб. статей к 95-летию доктора исторических наук В. М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 101.

⁴⁰ От войны к миру: Ленинград. 1944–1945: Сб. документов. С. 74, 75.

⁴¹ Кучинская Л. А. Как мы жили, как выжили... СПб., 2006. С. 44.

⁴² От войны к миру: Ленинград. 1944–1945: Сб. документов. С. 171.

⁴³ Там же. С. 172.

⁴⁴ Там же. С. 178.

После войны быстро растущему населению Ленинграда не хватало практически всех товаров широкого потребления. По признанию городских властей горожане «испытывали острую нужду во всем, начиная от обуви, одежды и кончая расческой, иглой, шпилькой». Согласно официальным оценкам, 300 тыс. ленинградских семей понесли материальный ущерб от немецкого нашествия⁴⁵.

Негативно воздействовали на ситуацию валовые плановые показатели результативности деятельности предприятий. Руководители заводов и фабрик стремились в первую очередь производить «выгодные» изделия, игнорируя производство необходимых населению товаров широкого потребления. Особой проблемой, которой пренебрегали многие руководители промышленных предприятий и торгующих организаций, было низкое качество выпускавших товаров.

Власти города хотели добиться «быстрого и крутого поворота» в увеличении выпуска товаров широкого потребления, улучшения их качества, а жители города должны были «на деле почувствовать, что война окончена»⁴⁶. Между тем ситуация оставалась крайне непростой. По свидетельству секретаря горкома Я. Ф. Капустина, в октябре 1945 г. к нему на прием записалось 100 чел., перед которыми в качестве неразрешимой стояла проблема одежды и обуви⁴⁷. Одновременно в августе 1945 г. городская власть была озабочена тем, чтобы «коренным образом улучшить работу ленинградского Дома моделей», поскольку «работа по моделированию верхней одежды, а также белья, головных уборов, обуви и кожгалантерейных изделий приобретает в настоящее время чрезвычайно важное значение»⁴⁸.

Нехватка товаров повседневного спроса в Ленинграде приобрела во время войны и блокады особую остроту. В условиях смертельного голода многие блокадники меняли свои вещи на хлеб, другие продукты питания или суррогаты. Одновременно, спасаясь от холода, горожане подчас были вынуждены менять свои продовольственные карточки и хлеб на одежду и обувь.

В пережившем войну и ужасающую блокаду городе не хватало элементарных бытовых предметов. Одновременно спрос на товары широкого потребления в послевоенном Ленинграде был очень разнообразным. Потребности одних ленинградцев исчерпывались мылом, посудой практически любой одеждой и обувью. Притязания других распространялись на мебель, модную одежду и модельную обувь. Более требовательны были женщины, которых в городе было значи-

⁴⁵ Там же. С. 190.

⁴⁶ Там же. С. 192.

⁴⁷ Там же. С. 238.

⁴⁸ Там же. С. 209.

тельно больше мужчин. Ленинградки стремились преобразиться после войны.

Власти города пытались удовлетворить потребности разных категорий покупателей. Однако в силу неэффективности производства и торговли справляться с нехваткой товаров повседневного спроса люди в значительной мере должны были самостоятельно. Для приобретения необходимых вещей ленинградцы использовали возможности карточного снабжения, традиционные формы апелляции к власти за помощью, сочетая их с посещением рынков, толкучек, накоплением водки в качестве «валюты» для приобретения необходимых вещей, обращением к спекулянтам и т. д. Немало горожан могли рассчитывать лишь на имевшиеся у них старые вещи, подручные материалы, свои навыки и умения в преодолении привычных тягот. Постепенно многие ленинградцы забывали идеализированное ужасом блокады прошлое, в котором «мало значили... всякие вещи, без которых вполне счастливо жили мы до войны»⁴⁹.

⁴⁹ Гречина О. Спасаясь спасая. Ч. II. Сказка о гороховом дереве (1942–1944 гг.). С. 236.

В. Н. Круглов

КРИЗИС ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ В СССР И НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ, 1951–1955 гг.

XIX съезд ВКП(б), прошедший в октябре 1952 г., стал важнейшим событием политической жизни СССР тех лет. Этот форум должен был продемонстрировать мощь и прочное положение партии, народную любовь к ее лидеру, привлечь максимально широкое внимание к «эпохальным и судьбоносным победам» в социально-экономической сфере. Однако он имел совсем не те последствия, на которые рассчитывало руководство страны, приведя в скором времени к серьезным сдвигам в проводившейся доселе политике.

Для населения СССР наиболее сильный резонанс имело выступление Г. М. Маленкова, зачитавшего отчетный доклад ЦК партии съезду. В нем он, среди прочего, утверждал, что «зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьезной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно»¹. Это заявление было внесено в текст доклада лично И. В. Сталиным, который придавал ему важное политическое значение². Однако оно, по иронии судьбы, имело следствием нарастание недовольства населения, возмущенного расхождением громкой декларации и реальной обстановки на местах. Выдержки из писем, в большом количестве поступавших по окончании съезда в центральные партийные и советские органы, весьма красноречивы:

«Мы решили зерновую проблему, но почему же тогда мы не имеем свободной, бесперебойной продажи хлеба в районах не Московской области, а хотя бы в городах Владимирской, Рязанской и Ивановской областей?» (г. Орехово-Зуево Московской обл.); «В городе очень неблагоприятно обстоит дело с продовольственным обеспечением населения. В магазинах нет никаких продовольственных продуктов,

¹ Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б) // Правда. 06.10.1952.

² Пыжиков А. В. Последние месяцы диктатора (1952–1953 годы) // Отечественная история. 2002. № 2. С. 154.

кроме вин, водки, консервов и дорогих сортов конфет. Белый хлеб и хлебобулочные изделия совершенно отсутствуют. Сахара нет, круп нет, жиров и колбасных изделий тоже нет, а иногда даже трудно достать черного хлеба» (г. Бежецк Калининской обл.). «Выпекают черный хлеб и то некачественный, кушать такой хлеб, особенно больным людям, невозможно, кроме этого, не хватает в магазинах, а белого хлеба вовсе нет» (Нежинский район Черниговской обл.). «Сил больше нет молчать о том тяжелом положении, в котором живут наши советские люди. Есть нечего. Магазины пусты... Дети вот уже 8 месяцев не видят сахара, масла. Один хлеб... Ни овощей, ни круп – ничего» (г. Новочеркасск Ростовской обл.). «Особо тяжелое положение сложилось... с торговлей мясом, колбасными изделиями, животным маслом, сахаром, сельдями, сыром, крупой и макаронными изделиями» (Ярославская обл.). «Давно хлеба нет, масла нет, колбасы нет» (г. Рязань). «На Урале... продовольственный [вопрос] также острый: мяса мало, колбасы не хватает». «Когда наконец прекратятся перебои с хлебом, которые уже начались в Киеве. Жутко смотреть на мечущихся “счастливых” колхозников, которые мчатся в город, чтобы получить хлеба». «Дальше терпеть нельзя: молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а муку не продаем»³.

Особенностью ситуации конца 1952 – первой половины 1953 г. стало то, что все чаще жители СССР выражали свое недовольство ситуацией открыто. Весьма красноречива следующая статистика: только за март–сентябрь 1953 г. было возбуждено более 200 уголовных дел по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде», в которых обвиняемым инкриминировались «злостная клевета» и «антисоветские разговоры»⁴. Вот некоторые выдержки из обвинительных заключений: «говорил, что все живут плохо»; «ругал положение трудящихся в СССР»; «критиковал жизнь в СССР»; «говорил о тяжелой жизни советских людей, плохом снабжении продуктами»; «колхозники голодают, государство у них все забирает»; «в колхозах жить плохо, раньше совсем другая жизнь была, сейчас нужно стоять за хлебом в очереди, в колхозах умирают с голоду»; «жизнь тяжелая, всюду очереди, хлеба и масла нет».

Постоянными сопутствующими сюжетами были воспоминания о том, что «до революции было лучше», предчувствия войны, причем в

³ Круглов В. Н. «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник 2013. М., 2014. С. 412–416.

⁴ См.: 58/10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991: Аннотированный каталог. М., 1999. С. 12–212.

духе довольно невыгодном для власти («скоро будет война с Америкой, и она разобьет СССР»; «американцы и англичане все равно сломят голову коммунистам»; один из осужденных говорил, что, «если будет война, то он на фронт не пойдет, а перестреляет всех начальников»), споры с пропагандой («критиковал жизнь трудящихся в СССР, хвалил жизнь в капиталистических странах»; «хвалил жизнь в США и фашистской Германии»; «говорил, что американские рабочие живут лучше советских»; «в газетах пишут неправду, рабочие живут хуже, чем американские»).

Новой чертой стали открытые поношения «вождя», радость от вестей о его болезни и смерти. Граждане подвергались осуждению за то, что «был весел в траурные дни», за высказывания вроде: «Ну и пусть умрет. Хлеб подешевеет»; «в магазинах ничего нет, а в Кремле там сидят, все жрут и никак не нажрут, ну и пусть себе жрут»; «Умер, так ему и надо... Он обещал нам после войны хорошую жизнь, а что он нам дал... У нас в колхозах народ живет плохо, хлеба почти совсем не дают, колхозники ходят голодные»; за «резкое суждение в адрес Сталина, действиями которого недовольна значительная часть населения страны». Многие напрямую увязывали смерть лидера компартии и улучшение условий жизни, в т. ч. продовольственного снабжения: пока жив Сталин, «хорошей жизни ждать народам нельзя»; «жизнь теперь будет лучше, будем хлеб белый кушать»; «слава богу, вождь умер, колхозы распустят, жить будет легче, будем водку пить».

В связи с этим можно говорить, что «рейтинг» власти и ее лидера заметно пошатнулся среди значительной части населения: бросается в глаза и широкий территориальный охват, и вовлеченность представителей самых разных профессий. Явно сказывался эффект отложенных ожиданий: хотя резкого улучшения жизни после победы в войне не произошло, люди были готовы терпеть тяготы «восстановительного периода». Однако с каждым годом объяснять и оправдывать стагнацию социальной сферы оказывалось все сложнее. Как результат, власть предпочла обходить щекотливый вопрос молчанием или, уповая на мощь пропаганды, рисовать картины изобилия и процветания. Отклики указывали на то, что этот курс себя явно не оправдывал.

Исследование реакции населения на трудности продовольственного обеспечения представляет интерес не только само по себе. Выражение недовольства положением в стране, проявлявшееся во все более и более откровенных высказываниях граждан, и его корреляция с действиями власти (и даже заявлениями ее представителей) выявляют интересную черту советского политического режима. А именно: несмотря на стремление к тотальному господству и максимальному подавлению любых внесистемных проявлений общественной активности, режим все же не мог игнорировать мнения и настроения. Можно говорить о существовании в рассматриваемый период обрат-

ной связи между властью и населением (во всяком случае наиболее активной его частью).

Эта связь была своеобразной. Главной особенностью являлась ее неявность, скрытость. Свободное обсуждение насущных проблем и трудностей в СМИ отсутствовало в принципе, ибо продовольственное обеспечение относилось к темам, имевшим важное политическое и идеологическое значение. Другая особенность заключалась в стремлении подавить распространение нежелательных суждений, причем подавить в первую очередь силовым путем. Это не означало, что власть отказывалась от действий в «болевой точке», однако прежде того должна была накопиться своего рода критическая масса сигналов с мест. Кроме того, состояние проблемной отрасли должно было стать угрожающим.

Положение в сельском хозяйстве было именно таково. Деревня почти официально считалась внутренней колонией, обязанной уплачивать, по словам Сталина, «нечто вроде дани» городу и промышленности. После войны наблюдалось неуклонное ужесточение курса, что особенно ярко видно на примере налоговой политики – как для колхозов, так и в отношении колхозников: упразднялись льготы, замораживались закупочные цены, повышались натуральный и денежный налоги и т. д.

Сельское население крайне враждебно реагировало на этот курс, однако, не имея возможностей и средств для активного сопротивления, нашло выход в сопротивлении пассивном. Оно проявлялось по-разному: это и жалобы во властные структуры, и фактический отказ от работы в колхозах (минимума трудодней в первой половине 1950-х гг. не вырабатывали 15–20 % колхозников⁵), и хищения имущества и запасов в них. Усилилось бегство в города: за 1946–1953 гг. деревню покинули около 8 млн чел., в РСФСР отмечалось постоянное сокращение сельского населения⁶. Обострилась проблема нищенства и бродяжничества (в июле 1951 г. даже вышел секретный указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами»).

В городе недовольство имело схожий вид: падение производственной дисциплины, рост хищений «социалистической собственности», распространение пьянства, хулиганства и прочих девиаций. Обычно эти явления не рассматриваются в качестве индикаторов общественных настроений – однако отношение к проводимой политике не обязательно должно выражаться прямо, поведение граждан

⁵ Советская жизнь. 1945–1953 гг. М., 2003. С. 266.

⁶ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1999. С. 333.

не менее важно. В чем-то проявления неблагополучия даже более показательны, лучше отражают состояние социума.

Впрочем, ориентировалась власть, в первую очередь, все же на открытые выступления. «Сигналы с мест» были довольно разнообразны. К ним относятся, прежде всего, письма и обращения граждан в партийные и советские органы, редакции газет и т. д.; порой на основании некоторых из них проводились проверки посредством комиссий и инспекций ЦК ВКП(б)–КПСС. Результаты этих проверок давали материал для выступлений представителей советского руководства на партийных и советских форумах (пленумы ЦК, сессии Верховного Совета), кадровых «оргвыводов», а также создавали в верхах обобщенное представление о положении дел в рассматриваемой сфере. Важную информацию «снизу» властные структуры получали в ходе идеологических кампаний, богатых на различного рода обращения: письма, анонимки и т. п. Наконец, своеобразным источником сведений о настроениях населения являлись уголовные дела по обвинению в «антисоветской агитации», в материалах которых, среди прочего, фиксировались и крамольные высказывания их фигурантов о положении дел в стране).

Однако исследуемый период примечателен именно тем, что недовольство населения, принимавшее столь разные формы, не просто «дошло» до партийных верхов – оно стало предметом все более откровенного обсуждения и в итоге целой серии мер по «экстренному реагированию» на проблему. Подобное подчеркнутое внимание к нуждам граждан ранее было нехарактерно для власти. Достаточно вспомнить первые послевоенные годы: сохранение законодательства военных лет, действовавшего в промышленности и транспорте (что вызвало серию волнений на предприятиях во второй половине 1945 г. и массовое бегство рабочих в места довоенного проживания⁷), фактический отказ от помощи населению во время голода 1946–1948 гг., наконец, поддержание колхозной системы и ужесточение политики в отношении сельского населения (вопреки ожиданиям роспуска колхозов в качестве «награды» крестьянству за победу в войне).

В связи с этим можно сказать, что рост недовольства в 1952–1953 гг. представлял собой продолжение, «второй раунд» протестов середины 1940-х гг. – причем очевидна радикализация настроений. Последнего не было после войны, когда в тяготах и проблемах граждане были склонны винить власти на местах, отдельных нерадивых

⁷ См.: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011.

руководителей. Теперь же бросались в глаза эмоциональный накал и массовость высказываний антисистемного характера. Нарастание культа личности Сталина естественным образом выводило под удар недовольства именно его как олицетворение системы. Некоторые исследователи считают, что к моменту его смерти «советское общество было на грани кризиса», «находилось накануне социального взрыва» и даже что «продолжать линию покойного вождя без существенных корректировок – это был путь заведомого политического самоубийства»⁸.

В верхах осознали, что положение стало опасным – однако это осознание довольно долгое время не воплощалось в конкретные действия. Главным препятствием был Сталин, всячески противившийся любым корректировкам проводимой социально-экономической линии. Лишь его уход открыл путь к переменам – хотя из-за отсутствия механизма передачи власти предстоял этап довольно ожесточенной борьбы в верхах, прежде чем возобладал какой-либо определенный курс. В этих условиях кризис в социальной сфере, а главное – «простые и эффективные» варианты его разрешения становились неоценимым источником политического капитала и, как следствие, потенциального лидерства в партии и государстве.

В 1953–1954 гг. были заявлены две реформаторские линии: главы правительства Г. М. Маленкова (ее можно назвать интенсивной: она предполагала курс на ускоренное развитие отраслей «группы Б» – товаров для населения, а также серьезные послабления и помощь колхозам и личным хозяйствам колхозников) и главы партии Н. С. Хрущева (экстенсивная: предполагались распахка целинных земель в азиатской части СССР с целью увеличения посевных площадей, массовое внедрение новых сельскохозяйственных культур типа кукурузы и т. д.). Обе линии обрели своих сторонников: первая – среди колхозников, вторая – среди партаппаратчиков, которые увидели в «целинной эпопее» возможности для, с одной стороны, развертывания очередной пропагандистской кампании, а с другой – для собственного карьерного роста). Однако особенность советской политической системы заключалась в том, что в аппаратных играх позиция партийного аппарата являлась гораздо более весомой, нежели настроения жителей страны. И именно благодаря этому Хрущев сумел организовать смещение Маленкова с поста главы правительства.

⁸ См.: Наумов В. П. К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4; Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999; Земсков В. Н. Политические репрессии в СССР: реальные масштабы и спекулятивные построения // Политическое просвещение. 2013. № 6.

Впрочем, не следует преувеличивать противоречия между двумя «программами развития СССР», как это порой делается в научной и довольно часто – в публицистической литературе. Обе линии имели общий, по сути – популистский характер: в их основе лежало стремление в максимально короткие сроки разрешить проблемы, сопровождавшие социальную сферу на протяжении десятилетий, проблемы, которые, по мнению ряда исследователей, запрограммированы самой природой социалистического строя. Стремление «быстро наполнить прилавки магазинов дешевым и качественным товаром» или продуктами отличалось от, к примеру, серии громких кампаний позднесталинского времени лишь скромностью (хотя и насущностью) целей – и было столь же несбыточно. Хотя надо отметить, что именно тогда, в 1953–1954 гг., впервые актуализирована линия, которая станет господствующей в декларациях власти с середины 1960-х гг.: обеспечение потребительского изобилия, фактически – формирование «социального государства»⁹.

Проблема, впрочем, заключалась в том, что на деле ни Маленков, ни Хрущев не были готовы поступиться основой основ «народного хозяйства» – ориентацией на преимущественное развитие тяжелой промышленности и ВПК. Хотя покушение на приоритет «группы А» явилось одним из главных обвинений против премьер-министра на пленуме ЦК в январе 1955 г., к тому времени провал курса на ускоренное развитие «группы Б» стал очевиден – во многом из-за плачевного состояния сельского хозяйства, которое не было в состоянии обеспечить предприятия достаточным количеством сырья. Справедливости ради, не принесла моментального успеха и распашка целины: в 1954 г. большой урожай не сумели как следует собрать и сохранить, годом позже новые аграрные районы постигла сильная засуха. Так что ни один из двух лидеров страны не мог похвалиться достижением поставленной цели.

Интересно, что, несмотря на большой шум вокруг целины, именно Маленков оставался в глазах многих лидером, который «за народ» – об этом говорит обсуждение решений пленума на местах. «Ряд высказываний отдельных лиц из числа беспартийного населения сводится к тому, что когда во главе Правительства стоял т. Маленков, в магазинах было больше продуктов и товаров, а после освобождения его... продуктов и товаров стало меньше» (Великолукский обком). «Многие полагают, что мероприятия партии и правительства по вопросам сельского хозяйства и улучшения материального благосостояния советского народа якобы проводились по инициативе тов.

⁹ См.: Иванова Г. М. На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). М., 2011.

Маленкова» (Новгородский обком). «Среди отдельной части населения, особенно в очередях за продуктами, ведутся разговоры о том, что т. Маленков снят за то, что хотел создать в стране изобилие товаров народного потребления и что это не нравилось другим руководителям партии и правительства» (Саратовский обком). «Председатель колхоза “Путь к коммунизму” т. Осипов... доложил активу о частушке, которую поет молодежь колхоза: “Наш товарищ Маленков дал нам ситца и блинков”» (Тамбовский обком). В сводке по РСФСР в числе «наиболее характерных» приводились такие вопросы: «Остаются ли в силе постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о мерах дальнейшего развития советской торговли, расширения производства промышленных и продовольственных товаров и улучшения их качества?» (принятое по инициативе экс-премьера) и «будет ли в ближайшее время упорядочено положение со снабжением городского населения?»¹⁰

Этот последний вопрос волновал все большее количество населения. Фактически за два года с момента смены первого лица заметных подвижек не произошло – при том, что пропаганда все так же рисовала картины «неуклонного повышения жизненного уровня». Эта проблема несоответствия реальности и ее отображения в СМИ постоянно всплывает в письмах граждан и обращениях трудовых коллективов. «Нам одно непонятно, слышать ежедневно по радио и в газетах рапорты о выполнении и перевыполнении плана всеми колхозами и совхозами в 2–3 раза больше, чем в прошлом году, а в магазинах становится все хуже в 3–2 раза, чем в прошлом году, куда это все девается и сколько можно терпеть такое положение» (Магнитогорский металлургический комбинат); «Почему так получается: раньше говорили, что у нас в стране зерновая проблема разрешена, а теперь говорят, что зерна не хватает?» (Брянская обл.). «Каждый день по радио, на страницах газет “Правды” и других слышишь: выполнили, перевыполнили, сдали сверх плана и т. д., слышишь даже слова о “изобилии” и в то же время видишь своими глазами это “изобилие” в магазинах, испытываешь эту “прекрасную” жизнь на собственной шкуре...» (Уфа). «Ежедневно нам, трудящимся, приходится читать так называемую коммунистическую болтовню... о “хорошей”, “счастливой” жизни в СССР... Великая сельскохозяйственная держава, а не может прокормить свое население – позор!.. Настроение у народа ужасное» (Ростов-на-Дону)¹¹.

Единоличное лидерство Хрущева, таким образом, начиналось в обстановке явного кризиса доверия к власти и проводимой ею поли-

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 16. С. 14–170.

¹¹ Там же. Д. 22. Л. 100–101; Д. 26. Л. 34–36, 38–42, 43–49; Д. 27. Л. 149.

тике. При всей прочности режима его глава не чувствовал уверенности. Он явно испытывал то, что можно называть «комплексом беспокойства» — боязнь реального или мнимого социального беспорядка, источником которой, как представляется, была сама коммунистическая идеология с ее трактовкой событий 1917 г. как «восстания обнищавших масс». Страх перед схожим развитием событий вынуждал на демонстративные широкомасштабные шаги, призванные, с одной стороны, отвлечь внимание общества от трудностей повседневной жизни, а с другой — так или иначе выправить ситуацию. Доклад на XX съезде КПСС о роли и личности Сталина, разработка социального законодательства, реформа управления «народным хозяйством», жилищная программа и многое другое — все это, будучи, прежде всего, отражением стремления «повысить личный рейтинг» и упрочить положение системы, в то же время придавало ей динамизм — пусть кратковременный, но имевший весьма далеко идущие последствия не только для карьеры Хрущева, но и для будущего СССР в целом.

ГОРОД ПО-СОВЕТСКИ: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ДИСЦИПЛИНИРУЮЩАЯ ИНСТАНЦИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА¹

В паре / оппозиции «советское государство и общество», первому досталось гораздо больше внимания от историков и политологов, нежели второму. Изначально сталинизм и в отечественных, и в зарубежных исследованиях воспринимался как феномен политический («извращение ленинской идеологии» либо «разновидность политического режима под названием тоталитаризм»), причем в духе системного подхода или структурного функционализма. Отсюда вытекает и основная логика социальной истории сталинизма – общество под таким углом зрения предстает пассивным объектом, над которым тоталитарное государство вершит насилие, проводит эксперименты либо манипуляции (в зависимости от позиций исследователя). Это не удивительно, учитывая что в 1960-е гг., когда социальная история сталинизма начинала складываться, в социальных науках доминировала теория модернизации и системный подход, в рамках которого было принято считать, что общество есть нечто самоочевидное, состоящее из эксплицитно заданных элементов, например социальных групп или классов, взаимодействующих по универсальным законам.

Сегодня, учитывая результаты, получаемые с помощью иных методологических подходов (например – микроистории, истории повседневности, дискурс-анализа или теории практик), такой однозначный подход не кажется релевантным. Для более глубокого понимания общества (и тем более общества, находящегося в процессе становления / перехода / травмы, каким, по-видимому, оно и было в рассматриваемый период) мы все же обязаны, во-первых, учитывать, что конкретные социальные группы не возникают сами по себе, как некие «объективные» явления социальной природы, но являются результатом конструирования со стороны разных социальных субъек-

¹ Материал подготовлен в рамках проекта № 034-ф Программы стратегического развития ПГГПУ.

тов, а во-вторых, их обозначения и границы появляются в результате дискурсивных и повседневных практик многих людей.

Отталкиваясь от этих постулатов, сформулированных в том числе в трудах П. Бурдьё и его многочисленных последователей, попробуем взглянуть на послевоенное городское общество как на процесс. В этой статье выдвигается и предпринимается попытка доказать тезис о том, что именно в послевоенную сталинскую эпоху усилиями государства, с одной стороны, и в результате повседневных практик населения – с другой, складывается новая структура советского общества, с остатками которой (пусть и видоизмененной) мы имеем дело до сих пор. И доказательство этого тезиса будет развернуто на примере города Молотова / Перми.

Современный российский город по большей части есть продукт индустриализации и миграционных процессов 30–40-х годов. Именно в этот период города привлекают многочисленное население, расширяют территории, приобретают свое нынешнее районирование. Немаловажно, как и из кого формировались города, в частности – города Урала. Помимо потока рабочей силы из сельской местности в областные центры, типичного для периода индустриализации любой страны, рост советских городов во многом обеспечивался за счет людей, вынужденно покидавших свои прежние места обитания. Как пишет П. Полян, «принудительные миграции такого масштаба... определенно повлияли на макропропорции населения страны, в общем и целом способствуя сдвигу центра тяжести населения СССР в восточном и юго-восточном направлениях»². Бегство от раскулачивания и голода 1932–1933 гг.³, образовательная миграция молодежи, привлечение рабочей силы на стройки первых пятилеток, приток лиц, освободившихся после заключения, направление на работу по партийной или государственной линии, распределение после окончания вузов и техникумов, массовая эвакуация в годы войны, насильственные депортации до, во время и после войны⁴, принудительная мобилизация в годы войны и на оборонные предприятия, демобилизация военнослужащих после Великой Отечественной, в ходе которой часть фронтовиков выбрали для себя новые места жительства в городах – таков далеко не полный перечень миграционных потоков, в большей или меньшей степени повлиявших на пополнение и формирование городского населения.

² Полян П. Насильственные миграции и география населения // Мир России. 1999. № 4. С. 111.

³ Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. С. 197–246.

⁴ Полян П. Насильственные миграции... С. 114.

Разумеется, качественно это были неравнозначные городские приобретения. Так, если распределение или эвакуация, как правило, приводили в город более образованную и урбанизированную публику, то приток крестьян, бывших заключенных, беглых спецпоселенцев и т. п. привносил в город совсем иные элементы. Однако назвать их маргиналами, в духе классической социологии, тоже было бы неточно. Этот термин подразумевает как минимум существование неких «правильных» групп, от которых маргиналы и маргинальные группы отходят, т. е. – устойчивую социальную структуру. В ситуации, когда все общество не стабилизировано, маргиналами можно назвать всех, включая номенклатуру, а значит – никого. Этим советский город и отличался от любых других городов эпохи модернизации и индустриализации.

Классические теории города (например, Э. Берджесса и Р. Парка) подразумевают, что мигранты, прибывающие в город, после некоторого периода дезорганизации и адаптации неминуемо осваивают городской образ жизни, ориентируясь на урбанизированные группы населения⁵. Однако как раз этого и не могло произойти в советском городе 1940-х гг. – носители урбанистической культуры на протяжении предыдущих десятилетий исчезли как социальное явление по вполне понятным причинам. О дезориентации и девиации послевоенного советского городского населения пишут многие историки, в том числе и на страницах этого сборника (статьи О. Лейбовича, А. Кимерлинг, А. Глушаева и др.). Тем острее перед властью встает проблема структурирования нового советского общества.

Несомненно, советские политики были озабочены проблемой конструирования нового советского общества еще с дореволюционных времен, как показывает Н. Верт⁶. Менялись только задачи такого конструирования⁷. И уже в 1930-х гг., наряду с дискурсом мобилизации пролетариата и крестьянства, все чаще начинает звучать и иной дискурс, направленный на стабилизацию общества, приведение его в нормативное состояние, понимаемое, разумеется, в терминах новой идеологии. Это проявляется в различных сферах, начиная с частичной реабилитации быта, рассуждений о новой советской (именно советской, а не пролетарской) морали и заканчивая новыми трактовками социальной структуры. Что характерно, этот дискурс будет постепенно крепнуть и приобретать особое значение на протяжении

⁵ McKenzie R. D., Park R. E., Burgess E. W. *The City*. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

⁶ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН. С. 24–25.

⁷ Бикбов А. Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

всего рассматриваемого периода, хотя о полной «нормализации» советского общества можно будет говорить только в 60–70-х годах.

Экономя время и место, ограничимся указанием на две важные темы, имеющие прямое отношение с социальной стратификации, а именно – на официальную классификацию социальных классов и подклассов, применяемых в данный период, и на связанный с этим дискурс о советской интеллигенции.

Если посмотреть на статистические сборники советской поры, отражающие как данные переписи населения СССР 1926, 1937, 1939 и 1959 гг., так и работу статистических органов, то мы обратим внимание, что начиная с середины 1930-х по 1980-е гг. официальная социальная классификация существенно упрощается по отношению к середине 1920-х, и подгоняется под провозглашенный идеал (Сталин: «Наше общество состоит исключительно из рабочих, крестьян и интеллигенции, а все другие слои общества исчезли с лица советской земли»⁸). Подгоняется не сразу, ввиду сопротивления как специалистов-статистиков⁹, так и самой реальности, однако уже в 1939 г. все многообразие социальных позиций сведено к 7 категориям: рабочие города и села, служащие города и села, колхозники, кооперированные кустари, некооперированные кустари, крестьяне-единоличники, нетрудящиеся (всего 7 категорий)¹⁰. В послевоенных статистических сборниках (например, в 1956 г.) эта классификация была сведена к еще более простому набору: рабочие и служащие (объединенные в одну категорию), колхозные крестьяне и кооперированные кустари, крестьяне-единоличники и некооперированные трудящиеся кустари и ремесленники (5 категорий)¹¹.

Стоит обратить внимание на то, что в этих статистических классификациях отсутствует важная часть цитируемой выше сталинской формулы советского общества – интеллигенция. Она растворена в других, более «объективных» классовых категориях, типа «служащие», хотя, как мы помним, в качестве «категории практики» она постоянно фигурировала в других частях официального дискурса (в постановлениях, речах, газетных статьях, в названиях политических компаний и т. д.). Причину такого игнорирования интеллигенции в качестве самостоятельной статистической (а значит, в натуралисти-

⁸ Сталин И. В. Доклад на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов. М., 1936. С. 10.

⁹ Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. С. 73–74.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 95.

¹¹ Народное хозяйство СССР: Статистический сб. М.: Государственное статистическое изд-во, 1956.

ческом мышлении ортодоксальных марксистов, реальной) единицы следует искать в том определении, которое дают интеллигенции другие важные с точки зрения кодификации властного дискурса источники – официальные словари и программные статьи и выступления вождей.

Обратимся к Большой советской энциклопедии в трех ее изданиях (1926–1947, 1949–1958 и 1969–1978). Все они фиксируют официальную понятийную сетку, кодифицирующую и определяющую официальный дискурс советского общества трех периодов – сталинского, хрущевского и брежневского. И позволяют проследить изменение содержания понятия интеллигенции в соответствии с эпохой и новой расстановкой социальных сил.

Так, в первом издании (том со статьей об интеллигенции выходит в 1937 г.), статья начинается не с определения, как обычно, а с указания, что это сложное понятие, имеющее разные толкования – как «умственного пролетариата», и даже как самостоятельного класса работников умственного труда, хотя итоговое определение остается ленинским – прослойка, обслуживающая господствующий класс. Далее, в процессе различения старой, «буржуазной» и новой, пролетарской интеллигенции (что характерно для всех трех энциклопедий), акцент в первом издании делается на необходимости разгрома вредителей из числа «буржуазной» интеллигенции, на *начавшемся* переходе ее на сторону советской власти и необходимости воспитывать собственную интеллигенцию¹². Таким образом, первое издание трактует интеллигенцию (в особенности старую, дореволюционную) амбивалентно, со смещением в отрицательную сторону. Интеллигенция как прослойка не обладает онтологией класса, более того, «ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции (Сталин И. Вопросы ленинизма. 10-е изд. С. 457)»¹³ откуда и появляются дворянская, буржуазная, пролетарская и крестьянская интеллигенция.

В выступлениях и статьях Сталина суть отношения к интеллигенции можно проследить еще более точно. Так, в середине 1920-х гг. в обращениях к работникам умственного труда он вообще избегает названия «интеллигенция», предпочитая маркировать их как «новый комсостав» и использовать простое перечисление: «Медики и экономисты, кооператоры и педагоги, горняки и статистики, техники и химики, сельскохозяйственники и путейцы, ветеринары и лесники, электрики и механики – это все будущие командующие по постро-

¹² Интеллигенция // Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 27. М., 1937. С. 607–620.

¹³ Там же.

ению нового общества, по постройке социалистического хозяйства и социалистической культуры. ...Преимущество нового комсостава состоит в том, что он призван строить не для эксплуатации трудящихся в интересах кучки богатеев, а для освобождения трудящихся, против кучки эксплуататоров»¹⁴. Последняя фраза, содержащая лексическую конструкцию «не для... кучки богатеев, а для освобождения трудящихся» – прямая калька с определения интеллигенции. Даже учителей, классических представителей интеллигенции в дореволюционном понимании, он так не называет, хотя и использует метафору связующего звена, близкого к «прослойке»: «Стать одним из звеньев, связующих крестьянские массы с рабочим классом, – вот главная задача сельского учителя, если он действительно хочет служить делу своего народа, делу его свободы и независимости»¹⁵. Причем в этой речи подчеркивается, что это невозможно *без руководства со стороны пролетариата*. А если в это период в речах Сталина и появляется собственно слово «интеллигенция», то лишь в уничижительном смысле: «В этом суть, а не в пустых lamentациях *перетрусившего интеллигента* (выделено мною. – О. Л.), с перепугу болтающего о том, что Демьяна хотят якобы “изолировать”, что Демьяна “не будут больше печатать” и т. п.»¹⁶.

Во втором издании БЭС 18-й том со статьей об интеллигенции выходит в 1953 г., в январе. Здесь определение уже предстает устоявшимся, ритуализированным (пользуюсь характеристиками поздних советских понятий А. Бикбова), а именно как «социальная прослойка, состоящая из людей, занимающихся умственным трудом»¹⁷. При этом вновь подчеркивается, что интеллигенция политически несамостоятельна (так как не класс), но зато подчеркивается ставший распространенным после войны мотив цивилизующей (*нормализующей*) роли интеллигенции. «Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и сделаем это со временем», – цитирует автор статьи Сталина, указывающего, по его мнению, «историческую перспективу *духовного* (выделено мною. – О. Л.) пути всего советского народа». В этой статье уже мало упоминаний о вредительстве и неприятии интеллигенций революции, но больше

¹⁴ Сталин И. В. К первой всесоюзной конференции пролетарского студенчества // Правда. 16.04.1925. № 87.

¹⁵ Сталин И. В. Учительскому съезду // Учительская газета. 10.01.1925. № 2.

¹⁶ Сталин И. В. Письмо Д. Бедному // Сталин И. В. Соч. Т. 18. Тверь: Союз, 2006. С. 31–35.

¹⁷ Интеллигенция // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 18. М., 1953. С. 270–273.

пафоса и лозунгов о единстве общества и его светлых перспективах, в духе общего идеологического посыла послевоенной эпохи.

Таким образом, официальный дискурс об интеллигенции (прослеженный, замечу, только по одному типу источников), между 1930-ми и 1960-ми гг. существенно меняется, что отражает изменения и в политических практиках. Такая перемена акцентов свидетельствует о попытке найти в *культуре* (понимаемой, разумеется, как сборник шедевров, причем желательно имеющих национальную символическую нагрузку) тот нормативный код, ту репрезентативную культуру, которая сцепит общество.

Разумеется, тенденция к нормализации общества через культуру можно увидеть еще в 1930-е гг., например, в консервативном повороте в среднем образовании, приближающем советскую школу к дореволюционной гимназии, в увеличении численности вузов и техникумов, требованиями к интеллигенции воспитывать массы и т. д., вплоть до введения платы за старшие классы (вполне логичный социальный фильтр при создании новой социальной группы, призванной играть роль нормализатора социальных дисфункций. Однако в полной мере такая политика могла быть реализована только в послевоенные годы, когда миграции становятся более или менее естественными, а проблемы элементарного повседневного поведения (причем как рядовых горожан, так и руководящих работников) – наиболее острыми. Сталинское «сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными» могло подразумевать, прежде всего, внедрение культуры и образования в жизнь номенклатуры, что и нашло свое отражение в приравнивании руководящих работников к интеллигенции чуть позже, в 1960-х гг. (см.: Советская историческая энциклопедия. Т. 6. 1965)¹⁸. Но это означает и обратный процесс – признание советской интеллигенции (по крайней мере – значительной ее части) близкой к номенклатуре, а иногда и ее частью. Выполняя ряд признаваемых властью важными экономических, политических и идеологических функций, представители советской интеллигенции постепенно оказывались на весьма значимых постах в официальной властной иерархии, руководя газетами, издательствами, учебными заведениями, больницами, академическими институтами и предприятиями (например – главные инженеры), наконец – становясь экспертами при власти¹⁹.

Но складывание определенного властного дискурса социальной структуры еще не означает его воплощения в том же виде. Как счита-

¹⁸ Интеллигенция // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965. С. 119.

¹⁹ Бикбов А. Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

ет М. де Серто, стратегии, применяемые властью для формирования социальных практик, всегда наталкиваются на тактики подчиненных и корректируются ими, так что итоговая социальная и языковая реальность несет в себе элементы, обязанные как сильным (доминирующим), так слабым (подавляемым)²⁰.

Во-первых, претензия на статус интеллигента подразумевала не только согласие на пакт с номенклатурой «в деле воспитания советского человека», но и определенный альтернативный образ «культурной» жизни, конструируемый в соответствии с доступными образцами. Для Урала, кстати, немаловажную роль в формировании «интеллигентного» стиля жизни играли и редкие, но довольно заметные на общем фоне столичные (эвакуированные, ссыльные) приезжие, многие из которых становились учителями, музыкантами, преподавателями вузов. Социологические исследования, проводимые автором, показывают, что в исторической памяти современной «интеллигенции» эти персонажи занимают существенное место²¹.

Во-вторых, новая роль интеллигенции делала этот статус привлекательным для «простых» советских людей. Ориентируясь, с одной стороны, на властные призывы к культуре, а с другой – на прагматическую пользу от образования, дававшего шанс выбраться из барачков и нищеты, многие выходцы заводских поселков начинают сами (и через образование своих детей) конструировать этот новый стиль жизни, маркируя его как «культурный», выстраивая его. Хотя, подчеркну, говорить о советской интеллигенции как о полноценной социальной группе даже времен застоя я бы не стал – скорее, мы видим перед собой некое сообщество, объединенное набором стилистических черт, общими ритуалами, манерой потребления – имевшихся образцов и социальных ресурсов явно не хватило на формирование полноценной социальной группы.

В-третьих, с легитимацией «советской интеллигенции» у номенклатуры возникает «запасной» вариант карьеры как в личной жизненной конструкции (перемещение между руководящими и экспертными позициями в социальном пространстве), так и в семейных стратегиях, когда дети готовятся одновременно и к карьере в партийно-государственном аппарате, и в сфере интеллигентских профессий (академический мир, здравоохранение, журналистика, адвокатура, свободные профессии). И, следовательно, освоение нового «интели-

²⁰ Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2013. С. 107–111.

²¹ Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой. Пермь: ПГГПУ, 2013. С. 133.

гентского» стиля поведения постепенно становится условием такой предполагаемой мобильности.

Эти тактики хорошо иллюстрируют истории двух людей той эпохи – одна, реконструированная в книге Н. Козловой «Советские люди» в главе «Победитель: живущий в языке плаката», и другая – в книге О. Л. Лейбовича и А. С. Кимерлинг «Письмо товарищу Сталину». Обе воссозданы по эго-документам – дневнику, письмам, заметкам. Персонаж первой – Н. А. Рибковский, классический партийный и профсоюзный работник. Как пишет Козлова, «между нашим героем и партий можно установить знак равенства»²². Но вместе с политическим и экономическим капиталом он осваивает и культурный, который неотличим от интеллигентского – ценность посещений театра, чтения книг, ношения приличной одежды, занятия гимнастикой, даже грамотного языка и богатого словарного запаса.

Герой второй истории – М. Т. Данилкин, похож в своей судьбе на Н. А. Рибковского многим – происхождением (разумеется, оба из низов), конструкцией жизненного пути (перемещение по вертикальной лестнице и по горизонтали – переезд в город), принадлежностью к руководящим работникам. Но если Рибковский это достижение сохраняет, то Данилкин в силу ряда обстоятельств его утрачивает, сперва перемещаясь на журналистскую работу, а затем и вообще выпадая из быстро меняющегося контекста социальной жизни. Самое интересное для меня в сюжете о последнем – его окололитературные опусы «Глазами классиков (Сны наяву)»²³. В них можно увидеть пример наивного, но этим и показательного самоконструирования идентичности «интеллигента», хотя и без употребления этого слова. «Глазами классиков» представляют собой ряд фельетонов или сатирических рассказов, объединенных общей канвой: к редактору издательства (еще одна фигура номенклатурного интеллигента) приходят друг за другом А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, Д. И. Писарев, Н. В. Гоголь, Н. Г. Чернышевский и В. К. Белинский. Разумеется, каждому из них редактор отказывает, ссылаясь на недостатки текста (очевидно, здесь отражается обида Данилкина на упреки в его адрес по поводу невысокой грамотности), излишнюю критику действительности, отсутствие известности (!). Примечательны как самоотождествление Данилкина с образцами высокой русской литературы (в версии тех лет), так и апелляция к смешанному комплексу ценностей, часть которых восходит к этосу дореволюционной интеллигенции (честь, правда, служение народу), а часть – к новой

²² Козлова Н. Советские люди... С. 274.

²³ Лейбович О. Л., Кимерлинг А. С. Письмо товарищу Сталину. Политический мир Михаила Данилкина: Исторический очерк. Пермь: ЗУУНЦ, 1998. С. 132–170.

советской идеологии (верность партии, Ленину и Сталину, строительство нового мира, прямота и бесхитростность). Это и есть тот шаблон, который будет так или иначе потом воспроизводится в более поздних, талантливых и профессиональных текстах интеллигенции последующих советских эпох.

А. С. Кимерлинг

ПО ТУ СТОРОНУ ЛОЗУНГОВ: ПРАКТИКИ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ К ПОЛИТИЧЕСКИМ КАМПАНИЯМ В 1945–1953 гг.

В урне для голосования во время выборов в Верховный Совет СССР 1950 г. было обнаружено письмо, написанное дома с особым старанием: «Работница завода т. Пермякова Елена на одной стороне листа, обрамленного цветами, пишет: Александру Ивановичу Печисшеву, Николаю Михайловичу Швернику. “Поздравляю Вас с кандидатом в депутаты в Верховный Совет СССР”. На второй стороне листа нарисована эмблема сердца, на которой изображены граница, пограничник с собакой и вверху самолет. Ниже следует надпись: “Да здравствует наша Родина! Да здравствует наш вождь и учитель любимый т. Сталин!”»¹

Политические кампании были неотъемлемым элементом управления Советского Союза. Чаще всего кампании в работах историков появляются либо как фон (предпосылка) описываемых событий, либо как следствие воздействия каких-то факторов. В работах Г. В. Костырченко, С. Э. Шноля², В. Н. Сойфера³, Л. Максименкова, В. Д. Есакова и Е. С. Левиной⁴ подробно, с использованием архивных материалов восстанавливаются события той или иной кампании, ее этапы, особенности реализации, последствия. Отдельно стоит отметить труды тех исследователей, которые начали исследование реализации кампаний на местах на основании региональных архивов, например, коллективная монография «Включен в операцию»⁶ (авто-

¹ Информация Нытвенского РК ВКП(б) о подготовке и проведении выборов в Верховный Совет СССР 16.03.1950 г. // ПермГИАИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 254. Л. 3.

² Шноль С. Э. Герои и злодеи советской науки. М.: КРОН–ПРЕСС, 1997.

³ Сойфер В. Н. Сталин и мошенники в науке. М.: Добросвет; КДУ, 2012.

⁴ Максименков Л. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М.: Юридическая книга, 1997.

⁵ Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести». М.: Наука, 2005.

⁶ «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / отв. ред. О. Лейбович. М.: РОССПЭН, 2009.

ры – О. Лейбович, А. Кабацков, А. Кимерлинг, А. Казанков, А. Колдушко, В. Шабалин, и др.), главы из монографии Е. Зубковой⁷, статьи О. Лейбовича⁸, диссертация В. А. Гиждова⁹, работы С. Б. Ульяновой¹⁰, С. Н. Ушаковой¹¹, Е. С. Гениной¹². В данном исследовании автор стремится уйти от рассмотрения механизма управления, реализованного в политических кампаниях, по схеме «сигнал – ответ», усматривая в

⁷ Зубкова Е. «Все на выборы!»: советская демократия в восприятии современников / Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневности. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. С. 111–119; «Суды чести» – новая форма воспитания интеллигенции // Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневности. С. 187–192.

⁸ Лейбович О. Л. Разорение дома Париных. Молотовские медики в политической кампании 1947 // Лейбович О. В городе М. М.: РОССПЭН, 2008. С. 37–72.

⁹ Гиждов В. А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (на примере Саратовской и Куйбышевской областей): Дис. ... к. и. н. Саратов, 2004.

¹⁰ Ульянова С. Б. «То на боку, то на скаку»: массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской / ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2006.

¹¹ Ушакова С. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 2013.

¹² Генина Е. С. Кампании по борьбе с космополитизмом в Сибири 1949–1953. Кемерово, ГОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т», 2009.

низовых практиках элементы «своеволия» (А. Людке) или тактик (де Серто). Это дает возможность понять политические кампании как процесс, конструируемый не только сверху, но и снизу: организаторами этих кампаний на уровне региона, населенного пункта, отдельного предприятия, а также непосредственно рядовыми гражданами.

Все политические кампании разворачивались по единой схеме. Можно выделить и в мобилизационных, и в репрессивных кампаниях одинаковые этапы: 1) идеологический посыл через центральную, а затем и местную прессу; 2) организационный этап; 3) мобилизация масс; 4) реализация целей и задач кампании; 5) отчет об успехах.

Инициаторы политических кампаний находились в столице, а местные руководители должны были воплощать кампании в жизнь и приводить составляющие ее ритуалы в действие на местах. Областные, районные и городские газеты перепечатывали передовицы «Правды» и «Известий». Обкомы, райкомы и горкомы проводили собрания по поводу кампаний, готовили агитаторов для выборов. Только среди медицинских работников Прикамья по поводу начала «дела врачей» состоялось 147 митингов, где приняли участие 4 409 человек. В городе Молотов начали собственное «дело врачей», в котором основным действующим лицом был главный врач областной клинической больницы, но со значительной задержкой. В Молотовской и Свердловской областях не обнаружено арестов в связи с кампанией, а снятый с должности и исключенный из партии главврач не покидал своего поста. Кампанию постоянно сопровождала волокита и отговорки.

Директор Березниковского азотно-тукового завода А. Т. Семченко в ответ на обвинение в «политической близорукости» (принял на должность главного архитектора инженера с судимостью по 58 ст.) с раздражением объяснял, что он это делал, делает и будет делать впредь, поскольку других работников в его распоряжении нет. Отправили инженера в ссылку, однако, на его место А. Т. Семченко назначил другого репрессированного¹³. Профессора Молотовского фармацевтического института С. М. Арановского напрямую предложили отстранить от работы, но директор института согласился его уволить только в конце учебного года¹⁴.

Судя по всему, руководителями двигали как рациональные мотивы хозяйственного характера (трудно было найти другие квалифицированные кадры), так и самосохранение. Прежний опыт показывал,

¹³ ПермГИА. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 154.

¹⁴ Письмо директору Молотовского фармацевтического института тов. Н. Н. Калугину из Министерства здравоохранения РСФСР. 07.03.1953 // ПермГИА. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 118.

что один выданный на расправу человек, тянет за собой множество других, и руководители находятся в первых рядах. Так что, даже при получении прямого приказа оставалась возможность затормозить кампанию репрессивного характера.

Анализируя массовые собрания в ходе политических кампаний, выясняется, что граждане, в свою очередь, практиковали разные стратегии адаптации к кампаниям. Выступавших на массовых собраниях можно разделить на три категории.

1. «Активисты». Они полностью поддерживали власть и участвовали в ритуале. Они повторяли риторику газет, выступали на собраниях, писали письма, выражая согласие с политикой власти. Причем следует отметить, что они могут про себя думать все что угодно, главное, что на деле они лояльны власти и активно включаются в действия кампании.

2. «Лукавые» или «активисты с личным интересом». Они участвуют в кампании не бескорыстно. Они ждут, что их действия помогут им в решении повседневных проблем. Их слова свидетельствуют об их стремлении реально повлиять на ситуацию.

3. «Уклонисты». Часть из них всеми силами избегает участия в ритуале. Другая часть выражает свое отрицательное отношение к ритуалу в скрытой или открытой форме.

4. «Конформисты». Это масса людей, которые приходили на выборы и голосовали как надо, но без проявлений активности. В репрессивных кампаниях они молча посещали собрания и митинги, «создавали толпу».

Проявление каждого варианта реакции людей на действия власти можно обнаружить и в репрессивном, и в мобилизационном типе политических кампаний. Однако поведение «конформистов» не требует специального описания.

«Активисты». Типичным для репрессивных кампаний можно считать высказывание заслуженного артиста РСФСР Гефта (Малый оперный театр Ленинграда): «Коллектив театра должен осудить композиторов, "протаскивающих" формализм в свои произведения»¹⁵, и композитора Чулаки: «Постановление наносит решительный удар по формализму, сыгравшему столь пагубную роль в развитии советского музыкального искусства. Постановление мобилизует всех советских композиторов на создание подлинно-прекрасных, подлинно-народных, глубоко содержательных произведений, достойных нашей

¹⁵ Отчет об откликах трудящихся Ленинграда на постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели». Секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Полков секретарю ЦК ВКП(б) Суслову М. А. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 636. Л. 160–161.

великой эпохи»¹⁶. В данном случае собрания были организованы по поводу кампании против художественной интеллигенции. По «делу врачей» встречались и более жесткие высказывания в поддержку: «Требуем (для “врачей-вредителей”. – А. К.), высшей меры наказания – смертной казни через повешение»¹⁷, «их нужно умертвить ими же придуманными средствами, т. е. путем губительного лечения, да так, чтоб они мучились как можно дольше»¹⁸, «необходимо уничтожить как бешеных собак»¹⁹. Некоторые утверждали, что согласились бы уничтожить врагов собственными руками: «Мне всего 19 лет, но так велико мое возмущение, что если б мне поручили убить этих зверей в человеческом платье, то я могла бы это сделать, и у меня не дрогнул бы ни один мускул»²⁰. Эта категория легко повторяла властную риторику, а потом начинала избегать в повседневной жизни врачей-евреев. Областной детский врач Вера Горелик вспоминает, как после сообщения по радио об аресте кремлевских врачей к ней на прием никто не пришел, хотя обычно были очереди. Некоторые при встрече переходили на другую сторону улицы²¹.

В рамках мобилизационной кампании (выборы) активист мог прийти на избирательный участок задолго до его открытия (голосование начиналось в 6 утра). Бывали случаи (их отчеты фиксировали особо тщательно), что избиратели оказывались возле двери участка даже в 2 часа ночи²². Люди приходили семьями, коллективами, с друзьями и гармошкой. Имя того, кто голосовал первым, вносилось в отчеты (это всегда был достойный человек с заранее подготовленной речью, так что можно предположить, что его роль была запланированной). Опуская бюллетень в урну, он говорил шаблонные слова, иногда с личностной окраской.

Порой в избирательных урнах оказывались письма с благодарностями советскому правительству, коммунистической партии и лично И. Сталину «за их заботу об укреплении Родины и улучшении жизни народа». Такая поддержка ритуала свидетельствовала о погруженности в советский миф. Тяжелые жилищные условия, отсутствие те-

¹⁶ Отчет об откликах трудящихся Ленинграда на постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 636. Л. 162.

¹⁷ Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953 // ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. С. 25.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ Там же.

²¹ Горелик В. «...Терпением изумляющий народ» // Знамя. 1997. № 3. С. 183.

²² Напр.: Информация о проведении организационной и массово-политической работы в период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР в Уснинском районе. 22.03.1950 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 254. Л. 24.

плой одежды и обуви казались чем-то временным гражданину великой страны, победившей в войне и построившей особую демократию.

«Лукавые» — это активисты, которые не только поддерживали властную риторику, но и проявляли инициативу, находили недостатки в своем окружении. Некоторых из них можно даже заподозрить в корыстном использовании риторики кампании для реализации собственных интересов. На собрании студент Ленинградской консерватории говорил: «Постановление ЦК правильное и мудрое. В свете указаний ЦК особое значение приобретает правильное воспитание в консерватории молодых кадров композиторов и музыковедов. ЦК ВКП(б) отметил отрыв советских композиторов и музыкальных критиков от широких масс слушателей... ЦК ВКП(б) отметил также отсутствие критики и самокритики в музыкальной среде. Это относится и к нашей консерватории. Боязнь критики сказалась, например, в том, что недавнее обсуждение научных записок, посвященных советской музыке, проводилось в узком кругу. Студентов не только ни пригласили, но и не допустили на обсуждение. Между тем участие студентов могло бы быть полезным для развертывания критики»²³. В данном выступлении можно наблюдать хитрое переплетение риторики кампании и попытки оказать практическое, полезное для себя, влияние на руководство консерватории, допустить студентов к важным обсуждениям.

Избиратели такого типа не хотели идти голосовать просто из лояльности, они хотели что-то получить взамен. Или хотя бы повлиять на то, чтоб кандидат реально делал что-то для своих избирателей. В селе Покча агитатор знакомила избирателей с жизнью и деятельностью кандидата в Верховный Совет РСФСР секретаря Молотовского обкома ВКП(б) Кузьмы Хмелевского. Почти дослушав до конца, один из слушателей не выдержал и сказал: «Я голосовать не пойду, так как меня не кормят хлебом, в прошлом году я голосовал за какого-то плута и он не хочет кормить хлебом», автобиография Хмелевского натолкнула его на дальнейшие высказывания: «Видишь, он вошел в партию, так теперь сам обедает в закрытых столовых и получает пайки в закрытых магазинах и на нас обращать внимание не будет»²⁴. Очевидно, что подобные высказывания расценивались как антисоветские, и докладная по их поводу отправилась в МГБ. Далее в документе следует описание проблемы с хлебом и приводится часто

²³ Отчет об откликах трудящихся Ленинграда на постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 636. Л. 163–164.

²⁴ Информационная докладная. О ходе подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР по Чердынскому району по состоянию на 1 февраля 1947 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 192. Л. 10–11.

повторяемое на собраниях высказывание: «Раз нас правительство не кормит и не хочет кормить, мы в день выборов на избирательный участок не пойдем и голосовать не будем»²⁵.

Еще одна разновидность «лукавого» избирателя встречалась особенно редко. Он, действуя строго по Конституции, решил выдвинуть собственную кандидатуру в качестве кандидата в депутаты. В Молотовской области в Афонанском колхозе Крохалевского сельсовета Юсьвинского района председатель колхоза выставил «дикую»²⁶ (не согласованную с партией) кандидатуру на выборы в Верховный Совет СССР. Он собрал «свой актив» и выдвинул на собрании избирателей в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета СССР свою сестру (в информации отмечается, что она была дочерью кулака-торговца, ее исключили из партии за сокрытие социального положения). Больше никого он не выдвигал, он не выдвинул даже Сталина, Молотова и других. Как ни парадоксально, но у него все получилось. Кандидатуру сестры собрание одобрило. Конечно, сразу вмешался райком ВКП(б), на место выехал один из секретарей. Дело было скандальным. Решение собрания было отменено через четыре дня, и были выдвинуты правильные кандидатуры – Сталин, Молотов, Шверник и Радостева. В данном случае невозможно узнать, по какой причине председатель колхоза не понял с самого начала, что кандидатуры депутатов не могут выдвигаться по собственной воле, почему он проигнорировал ритуальность выборов. Но, разумеется, поплатился за свое «своеволие». Председатель колхоза был быстро снят с должности, и вместе с сестрой обвинен в уголовном преступлении (присвоении государственного и колхозного имущества). Такое поведение поразило своей «наглостью» и абсурдностью даже тех, кто писал отчет. Факт, конечно, был единичным на выборах столь высокого уровня. Хотя в книге Е. Зубковой описан аналогичный случай, когда в Краснодарском крае выдвинули несогласованную кандидатуру местного героя Советского Союза²⁷.

Через надписи на бюллетенях некоторые избиратели надеялись донести до власти свои нужды и надежды. Некоторые избиратели полагали, что бюллетень как письмо будет доставлен прямо кандидату, и писали длинные надписи с личными просьбами: «Голосую за Вас как за достойного сына русского народа, стража советских зако-

²⁵ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 192. Л. 11.

²⁶ Информационный отчет об организационной и агитационно-пропагандистской работе на избирательных участках по выборам в Верховный Совет СССР от Юсьвинского райкома ВКП(б) // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 429. Л. 72.

²⁷ Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. С. 113.

нов. Я. Кетов Георгий Георгиевич, работаю на заводе имени Сталина гор. Молотов с 1933 г., вначале с ученика ФЗУ по специальности формовщика 5 разряда и далее бригадиром и мастером. Всю войну я проработал на заводе имени Сталина мастером. У меня плохое бытовое положение, я живу с семьей 4 человека на частной квартире. Завод мне квартиры не дает, все обещает. Это уже длится в течение 6-ти лет. Я потерял всякую надежду получить квартиру в заводе или жакте, поэтому прошу Вас дать указание директору завода им. Сталина тов. Солдатову, чтобы без бюрократии мне выдали квартиру в домах завода. Адрес: г. Молотов, ул. ...»²⁸ Видимо, этот избиратель серьезно надеялся на особый эффект от такого действия в день выборов. По этому же поводу избиратель из г. Березники требовал решения вопроса с квартирой «только сегодня (в день выборов. – А. К.), иначе он голосовать не будет»²⁹.

«Уклонисты» – это люди, не участвующие в ритуалах кампании либо участвующие не «в такт». Именно они обычно выражали сомнения в правильности риторики кампании или даже спорили с ней. Преподаватель Ленинградской консерватории и композитор Финкельштейн И. Б. говорил: «Как это правительство берется регулировать вкусы масс. Ведь музыка, непонятная массам сегодня, может стать понятной через 50 или 100 лет. Нельзя закрывать пути для новаторства»³⁰. Или другое высказывание артиста оркестра Малого оперного театра: «Я не понимаю, почему набросились именно на оперу Мурадели, я сам ее репетировал и играл несколько раз и прямо скажу, что из всех советских музыкальных произведений для театра, музыка оперы “Великая дружба” самая лучшая»³¹. В этой категории встречаются и особенно наивные выступающие, они переносят ситуацию на себя: «Я пишу оперу и не знаю, как быть дальше. По-моему в опере Мурадели “Великая дружба” нет никакого формализма. Я пишу с тем, чтобы можно было петь. Что же и меня тоже будут считать формалистом?»³²

В мобилизационных кампаниях такой тип избирателей автор одного анонимного письма назвал «союзом недовольных». Одна из

²⁸ Содержание надписей избирателей на бюллетенях. Ленинский район, город Молотов. 12.03.1950 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 254. Л. 214.

²⁹ Информация № 3 О ходе голосования в Верховный Совет СССР по Молотовской области 12.03.1950. (по состоянию на 6 часов вечера) // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 254. Л. 258.

³⁰ Отчет об откликах трудящихся Ленинграда на постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 636. Л. 166.

³¹ Там же. Л. 167.

³² Там же. Л. 167.

разновидностей таких недовольных – это люди, не явившиеся на избирательный участок. В Молотовской области в 1947 г. не голосовали по отчетам 0,16 % до 2,02 %, только в городе Молотове в 1947 г. оказалось 4,27 %. Эти цифры показывают тех, кто, как говорят, «голосовали ногами». Другая часть этой категории избирателей пришла на выборы и проголосовала «против», испортила бюллетени или забрала их с собой, не бросив в урну.

Выборы в местные советы были чуть более разнообразными по результатам, хотя официальные проценты проголосовавших такие же. 21 декабря 1947 г. три сельских округа забаллотировали своих кандидатов, проголосовав «против» большинством голосов. В выборах в сельсоветы участвовало немного людей. Первый проигравший выборы кандидат имел «за» 27 голосов и «против» – 32. Второй: «за» 9 голосов, «против» – 42. Третий: «за» 33 голоса, «против» – 35³³. Почти поровну. Все трое были действующими председателями сельсоветов. На выборах в сельские советы, помимо трех проигравших кандидатов, были кандидаты с 33 и 35 % «против».

Случаи сопротивления выборам можно условно разделить на молчаливые и словесные. Среди молчаливых, например такие – было опущено в урну «удостоверение на право голосования» в Куединском районе, в Ныробском районе в урне оказался чистый лист бумаги³⁴. Отдельные граждане скрывались из дома рано утром, чтобы не пойти на избирательный участок. «На участке № 129 (город Молотов) избиратель Рыбакова категорически отказалась пойти голосовать. С этой целью в 6 часов утра ушла из квартиры, закрыв ее, и до сих пор не явилась»³⁵. В Чердынском районе умудрились сбежать из дома сразу два глухонемых пожилых избирателя³⁶. Далее в отчете того же Чердынского райкома ВКП(б) как достижение приводится факт, что на выборы в Верховный Совет РСФСР не явились только семь человек, а в предыдущие выборы в Верховный Совет СССР их было 25 человек.

В редких случаях звучат причины отказа от голосования. Отчет Молотовского обкома ВКП(б) сообщает: «Девять человек отказались от голосования, к ним относятся в Кунгурском районе – три

³³ Информация об итогах выборов в местные Советы депутатов трудящихся Молотовской области // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 185. Л. 69.

³⁴ Информация Молотовского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) «Об итогах выборов в Верховный Совет РСФСР по Молотовской области» 14.02.1947 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 176. Л. 33.

³⁵ Информация № 5. О ходе выборов в местные Советы депутатов трудящихся 21 декабря 1947 г. по г. Молотов // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 185. Л. 22.

³⁶ Докладная записка. О итогах организационно-пропагандистской и агит-массовой работы в Чердынском районе в связи с выборами в Верховный Совет РСФСР // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 190. Л. 27.

бывших монахини, объяснившие отказ от голосования религиозными убеждениями. В городе Березники – плотник Севуралтяжстроя Стрельник А. В., бывший деникинский офицер, отбывший 15-летнее заключение по статье 58 Уголовного Кодекса, из-за обиды на советскую власть. Рабочий Лысьвенского завода Ермаков Е. А., 1926 года рождения, три домохозяйки в Чердынском районе и одна домохозяйка в Пермско-Ильинском районе отказались сообщить причины отказа от голосования. 377 бюллетеней оказались полученными, но не опущенными в избирательные урны»³⁷.

Словесные формы несогласия – это разнообразные надписи на бюллетенях, высказывания на предвыборных собраниях, а также анонимные письма, оказавшиеся в урне для голосования.

Анонимные письма в урне для голосования – редкое явление. Одно удалось найти целиком в материалах архива. Оно было обнаружено в Коми-Пермяцком округе. Тот, кто его писал, не питал иллюзий относительно советского режима: «Если идейный коммунист – то все равно доведет пермяков до гроба. Хлеб забрали под метелку по 5 р. центнер, а сейчас продают мякину по 113 р. центнер – это самая бессовестная наглая спекуляция на глазах голодающего народа... В сентябре школы открывают, а в ноябре закрывают, и гонят голых ребятишек, гонят рыть картошку из мерзлой и грязной земли, а в декабре хлебушко косят! Заготавливают миллионы к/м лесу, а не могут обеспечить единственную в городе баню и электростанцию дровами, школы без дров, ребятишки нагие, босые, голодные колеют, как тараканы, в школах, отсюда грипп и другие эпидемии на лицо. В деревне ребятишек вот уже 5 месяцев хлебом не кормят, а на словах коммунисты – как на гусях, за 30 лет научились красиво говорить, на деле ведут народ к физическому вымиранию...»³⁸ В Докладной записке по Нытвенскому району сказано о еще двух таких письмах. С 31-го участка записка совсем короткая, но содержательная: «Долой паразитов, обременяющих народ налогами, займами, алиментами. Да здравствует американская и английская демократия. Кто портит бюллетени, тот в союзе недовольных, скоро все услышат про этот союз. С. Н. (Союз недовольных)»³⁹. Разумеется, и эти письма стали поводом для разбирательства МГБ.

³⁷ Информация Молотовского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) «Об итогах выборов в Верховный Совет РСФСР по Молотовской области» 14.02.1947 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 176. Л. 32.

³⁸ Анонимное письмо из Информации об итогах выборов в Верховный Совет РСФСР по Коми-Пермяцкому округу. 12.02.1947 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 192. Л. 57.

³⁹ Справка о проведении выборов в Верховный Совет РСФСР по Нытвенскому району // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 193. Л. 92.

На бюллетенях некоторые избиратели критиковали власть и коммунистов: «Горсовет свел город почти на последнее место, не достоин!», «Даешь большую торговлю, долой колхозы»⁴⁰, «Сытый голодному не разумеет, преимущественное положение руководителей делает их господами буржуазии, а за них я не голосую»⁴¹, «Мы кровопийцев не выбираем, от них и так уж... (далее неразборчиво)»⁴², «Мы не голосуем голодные, нам не надо коммунистов»⁴³, «Было бы хорошо, если бы бог переменял большевиков»⁴⁴.

Та небольшая группа людей, которые голосовали «против», выпала из советского мифа. Они не только четко осознавали реальность, но и понимали, кто на эту реальность действительно влияет. Выборы они тоже воспринимали без прикрас пропаганды. Эта категория граждан, ничего не боясь, высказывала свое мнение на собраниях, организованных агитаторами. Например, «избиратель Гавронский... о порядке выдвижения кандидатов в депутаты сказал: "При выборах в царскую думу сами выбирали, кого хотели, которые защищали наши рабочие интересы, а сейчас кого назначают, за того и голосуем". Избиратель Угринов... заявил: "Голосовать я не пойду, была старая буржуазия, а сейчас новая, никакой разницы"»⁴⁵.

Надписи на бюллетенях тоже свидетельствуют о здравом понимании реальности советских выборов: «Зачем устроена вся эта игра, ложь? Если масса и не голосует, то все равно парторганы протянут того, кого хотят. Все это ширма»; «Липовая демократия. В нашей стране не выборы, а комедия, разыгранная голодному зрителю. Не хочу голодом голосовать»⁴⁶.

⁴⁰ Докладная записка об итогах по выборам в Верховный Совет РСФСР по Нытвенскому району // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 190. Л. 89.

⁴¹ По Ленинскому району г. Молотова отрицательные надписи на бюллетенях // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 190. Л. 87в.

⁴² Докладная записка. О итогах организационно-пропагандистской и агит-массовой работы в Чердынском районе в связи с выборами в Верховный Совет РСФСР // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 190. Л. 31.

⁴³ Докладная записка об итогах по выборам в Верховный Совет РСФСР по Нытвенскому району // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 190. Л. 90.

⁴⁴ Информация Кунгурского горкома ВКП(б) о надписях, сделанных на бюллетенях в день выборов 9 февраля 1947 г. по избирательным участкам города Кунгура // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 190. Л. 80.

⁴⁵ Информация. О подготовке и проведении выборов в Верховный Совет СССР в Соликамске. 18.03.1950. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 254. Л. 168.

⁴⁶ По Ленинскому району г. Молотова отрицательные надписи на бюллетенях // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 190. Л. 87в.

Таким образом, и руководители, и граждане адаптируют для себя мобилизационные и репрессивные политические кампании, выстраивают собственные стратегии поведения. Эти стратегии позволяют как получить от кампании выгоду, так и участвовать в ней с минимальными потерями для себя.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА: ИЗ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ КОЛХОЗОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ, 1946–1953 гг.

Категория «стратегия выживания», пришедшая к нам из зарубежной историографии, сегодня широко используется в исследованиях отечественных историков, особенно применительно к эпохе сталинизма¹. По отношению к колхозному крестьянству в 1930-е гг. различные стратегии российских крестьян, взятые ими на вооружение, чтобы «справиться с последствиями удара», нанесенного коллективизацией, основательно рассмотрены в исследовании Ш. Фицпатрик (она называет их «стратегиями сопротивления»)².

В настоящей статье на основе протоколов общих собраний и заседаний правлений колхозов, а также собраний сельских партийных организаций рассматриваются формы поведения и стратегии выживания крестьян-переселенцев в специфических социально-поли-

¹ Ср.: Макарова Н. Н. Проблемы отклоняющегося поведения в новых индустриальных центрах и стратегия выживания населения в 1930-е гг. (по материалам Магнитогорска). URL: <http://mkonf.irifan.ru/papers.php?id=127> (дата обращения: 10.11.2013); Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003; Игнатова Н. М. «Бывшие кулаки»: Стратегия выживания в условиях ссылки в 1930–40-е гг. // Репрессии 1930-х годов в Мордовии и их последствия. Саранск, 2004. С. 126–139; Лончинская Л. Я. Стратегии выживания населения тыла в годы Великой Отечественной войны // Из истории Южного Урала и российских регионов. Б. м., 2004. Вып. 2. С. 473–479; Чернякова И. А. Местное крестьянское сообщество в Карелии XIX века в борьбе за выживание: стратегия или интуиция? // Российская история. 2009. № 3. С. 216–226; Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. / ред.-сост. Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина. Ростов-на-Дону, 2009; Федотова А. Ю. Стратегии выживания населения в условиях голода: теоретические основы проблемы (на примере голода 1921–1923 гг. в России) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2010. № 2. С. 23–26; и др.

² Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 10–14.

тических условиях на землях бывшей Восточной Пруссии в первые послевоенные годы. При этом под «стратегией выживания» понимается совокупность путей, способов и форм приспособления крестьян-переселенцев к условиям жизни и труда в период образования и становления колхозов, обеспечивающих выживание семьи колхозника. Стратегии выживания ранжированы по степени их эффективности в достижении этой главной цели.

В этом смысле самой радикальной и наиболее эффективной стратегией для калининградских крестьян стал *уход из колхоза*. Формально крестьянин мог подать заявление о выходе из колхоза (в ходу были другие выражения – «об отпуске», «об исключении безвозвратно»). Мотивы выхода не отличались разнообразием, чаще всего заявители указывали на свое бедственное положение. Заявление рассматривалось правлением и почти всегда отклонялось, редкие случаи положительного решения сопровождались дополнительной оговоркой о необходимости его согласования с райисполкомом или райкомом партии. Впрочем, некоторые председатели единолично выдавали односельчанам «справки на выезд» (возможные корыстные мотивы при этом никогда не обнаруживались, но всем известна была такса за такого рода услугу – 100 рублей³). Однако гораздо распространеннее была практика самовольного ухода из колхоза.

Показательно, что практически никаких мер к «дезертирам» не применялось. Правление колхоза им. Горького неоднократно передавало районным властям списки беглецов, однако «ничего сделано не было»⁴. Предпринимались попытки организовать розыски самостоятельно. Так, руководство сельхозартели «Трудовое знамя» снарядило целую экспедицию в погоню за колхозником Лемешковым с целью взыскать компенсацию «за разломанный дом» и «отнять полученную в колхозе телку», а самого его привлечь к суду, но поймать беглеца не удалось⁵.

О массовом характере ухода колхозников свидетельствуют списки выбывших, которые сохранились в протоколах колхозных собраний. Так, в артели им. Калинина при списочном составе на начало 1952 г. в 227 чел., числились выбывшими за два предшествующих года 117 чел., в том числе около двух третей самовольно. Из них за пределы области отправились всего 11 человек, остальные перебра-

³ Государственный архив новейшей истории Калининградской области (ГАНИКО). Ф. 440. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–50 об.

⁴ Там же. Ф. 1175. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁵ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. 851. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.

лись на постоянное жительство в города, пошли работать в леспромысловые, мелиорацию или воинские части⁶.

Для тех, кто не решался навсегда порвать с колхозом, нередко стратегией выживания становилось *отходничество*. Последнее регулировалось постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 марта 1933 г., разрешавшим крестьянам временный отход «на основе специального, зарегистрированного в правлении колхоза, договора с хозорганами»⁷. Отходничество стало массовым уже в период организации первых колхозов осенью–зимой 1946 г., когда повсеместно на «отхожие заработки» сроком на 2–3 месяца отпускали по одному трудоспособному из семьи. Мотивы отходничества всегда были одними и теми же: «у меня в семье нечем жить», «нет хлеба», «нет ни у кого в доме одежды и обуви»⁸. Такие просьбы почти всегда удовлетворялись (в период с поздней осени до ранней весны). При этом даже не упоминалось о каких-то предварительных «договорах с хозорганами», которые по закону только и давали право на отход.

Отходничество вымывало из колхозов самые активные и работоспособные кадры. На собрании в колхозе им. Ворошилова всех их называли «лжеколхозниками», при этом отмечалось, что в город уходят главы семей «зарабатывать длинный рубль, а в колхозе оставляют нетрудоспособных членов семьи для того, чтобы иметь дом, приусадебный участок, выпас и т. д.»⁹. Члены сельхозартелей отправлялись на заработки в город и самовольно, иногда на день-два, чтобы «заработать себе пообедать», или на две-три недели – «подработать денег и немного приодеться»¹⁰. В колхозе им. Ленина было в порядке вещей, что «колхозники бегали на работу в соседний 6-й совхоз», где платили живые деньги, и даже «председатель посылал туда свою жену»¹¹.

Вопрос о возвращении отходников бесконечно обсуждался в колхозах на общих и партийных собраниях, выступающие требовали вернуть всех – «как самовольно ушедших, так и отпущенных правлением», а то «мы все отпускаем и отпускаем», а «колхоз задыхается из-за отсутствия мужской рабочей силы»¹². Приехавший в колхоз им. Калинина разбираться с отходниками председатель райисполкома тов. Калюжный объявил на собрании: «Нам известно, что колхоз-

⁶ ГАКО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 16. Л. 57–57 об.

⁷ О порядке отходничества из колхозов // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1933. № 21. С. 116.

⁸ ГАНИКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1. Л. 153.

⁹ ГАКО. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10. Л. 84.

¹⁰ Там же. Ф. 961. Оп. 5. Д. 15. Л. 2, 5.

¹¹ ГАНИКО. Ф. 606. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 об.

¹² ГАКО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3. Л. 7 об.; ГАНИКО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–19.

ники завтра собираются в город, но мы принимаем меры к этому, поставили инспекторов на дороге и будем ссаживать с машин. Поэтому никто в город не поедет»¹³. Все эти строгости ничуть не уменьшили масштабы отходничества. Более того, само оно все чаще становилось промежуточной ступенькой к совершению следующего шага – окончательного ухода из колхоза в город.

Обе рассмотренные выше стратегии так или иначе означали разрыв с колхозной жизнью, смену социального статуса. Как же выживали те, кто не хотел или был не в состоянии пойти на такой решительный шаг и выбирал пассивную стратегию?

Пассивное сопротивление строилось, прежде всего, с опорой на личное хозяйство, собственное подворье. В протоколах деревенских собраний колхозное и районное начальство без конца упрекало односельчан, что они «оккупировались своим хозяйством», «наплевали на колхозные работы», «работают только на своем огороде», «сидят на своем приусадебном участке»¹⁴. Вот типичная жалоба бригадира колхоза «Путь Ленина»: «Есть случаи, и не один: расставишь людей и лошадей на работу, думаешь, они работают. Приходишь в поле – лошадей нет, смотришь – пашут на своих усадьбах»¹⁵.

На собрании в колхозе им. Калинина мораль колхозникам прочел представитель райкома Чудинов: «Здесь некоторые товарищи ставят свое хозяйство выше колхозного. Эти товарищи за счет колхоза раздувают свое хозяйство. Это совсем неправильно. Нужно будет бороться с этими горе-колхозниками, нужно строго пресекать лодырей и рвачей». Протокол собрания зафиксировал реплики с мест на эти обличительные речи: «пусть коммунисты работают», «мы проживем с огородов»¹⁶.

Право заниматься личным хозяйством крестьянам приходилось отстаивать в тяжелой борьбе с колхозной системой. Она начиналась с конфликтов вокруг размеров «личной усадьбы». В соответствии с постановлением правительства за каждой переселенческой семьей закреплялся приусадебный участок в размере 0,5 га. Крестьяне всеми правдами и неправдами старались увеличить площадь своего участка. Протоколы колхозных собраний полны разбирательств о «массовых захватах колхозниками общественных земель», «самовольной прирезке своих усадеб», «переносе изгородей за установленные колушки». В устранении нарушений в этой сфере деятельное участие

¹³ ГАКО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 об.

¹⁴ ГАКО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 1. Л. 22; Ф. 961. Оп. 5. Д. 13. Л. 7; Ф. 1001. Оп. 1. Д. 8. Л. 28 об.; ГАНИКО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 2. Л. 123.

¹⁵ ГАНИКО. Ф. 439. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

¹⁶ ГАКО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 16. Л. 67–68.

принимали районные прокуроры. В колхозах создавались «комиссии по перемериванию» приусадебных участков, которые неизменно выявляли превышение установленных норм, составлявшие в среднем от 10 до 30 соток, но иногда доходившие и до 1 га¹⁷.

Второй линией борьбы для крестьянина был вопрос о допустимом количестве скота в личном хозяйстве, которое определялось написанными под копирку уставами колхозов, устанавливавшими следующие ограничения на подворье: 1 корова с двумя приплодами, 1 свиноматка с приплодом, «овец и коз вместе до 10 шт., пчелосемей до 20 улей и неограниченное количество кроликов и птицы»¹⁸. Массовые нарушения в этой сфере касались почти исключительно численности крупного рогатого скота. Проверки прокуратуры, инициированные, как правило, бдительными односельчанами, повсеместно выявляли так называемую двухкоровность. Нарушителям предлагалось «в трехдневный срок по одной корове ликвидировать», в противном случае «скот будет изъят и сдан на колхозную ферму»¹⁹.

В числе других нарушений устава, связанных с содержанием скота, была неправомерная заготовка сена. Сначала колхозники должны были косить сено для колхозного стада, а затем для себя. В действительности последовательность была обратной. Крестьяне старались использовать каждый погожий день, чтобы запастись кормами на зиму. Косили в основном на опушках леса, вдоль дорог и канав, но «иногда залезали в сенокосные угодья колхоза»²⁰. Чтобы остановить самовольный сенокос, в колхозе им. Сталина правление постановило «взыскивать за каждую сотку луга 10 кг хлеба или передавать дело в нарсуд»²¹. В колхозе им. Молотова в январе 1953 г., когда заготовленный для общего стада корм кончился, правление образовало «комиссию по обмеру стогов сена колхозников», у которых были выявлены и отобраны «излишки»²².

Следует коснуться еще одной деликатной темы, связанной с хищениями колхозного имущества. Рядовые члены тащили из колхоза все, что только можно было: скотники – родившийся приплод, птичники – яйца, пасечники – мед, все тащили сено и комбикорм, личный

¹⁷ ГАКО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 8. Л. 13; Ф. 1003. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; Д. 6. Л. 32; ГАНИКО. Ф. 409. Оп. 6. Д. 15. Л. 23; Ф. 442. Оп. 1. Д. 1. Л. 30; Ф. 1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 30 об.; Ф. 1372. Оп. 1. Д. 2. Л. 65, 68.

¹⁸ ГАКО. Ф. 961. Оп. 5. Д. 1. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 30.

²⁰ ГАНИКО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 30 об.

²¹ ГАКО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

²² Там же. Ф. 912. Оп. 1. Д. 1. Л. 30 об. – 31.

скот травил колхозные посеы и т. д.²³ В колхозе им. Черняховского «после дойки каждая доярка несет домой 2–3 литра молока... Они решили, что свои семьи можно кормить колхозным молоком, и большинство из них продали своих коров»²⁴. Застигнутая на месте преступления, одна из колхозниц в сельхозартели им. Шверника в свое оправдание заявила, что «этот клок сена взяла без всякого умысла», и многозначительно добавила, что «коммунисты тащат, а нам и вовсе можно воровать»²⁵.

С целью предотвращения расхищения колхозной собственности во многих поселках решено было организовать «ночную охрану», «бригадные патрули» и даже «круглосуточный караул». А председатель колхоза им. Сталина в местечке Рудау Ф. Бородин, видя, что во вверенном ему хозяйстве уже почти ничего не остается, решился на отчаянный шаг. Все колхозное имущество он провозгласил социалистической собственностью! В протоколе общего собрания так и записали: «Объявить колхозной социалистической собственностью все не переданные колхозникам дома, холодные постройки, деревья разных пород, а также... кусты, лесонасаждения по всем дорогам, телеграфные и телефонные столбы, провода, находящиеся на территории колхоза»²⁶.

Представители районного начальства, на собраниях без устали обличавшие лень, нерадивость и разгильдяйство колхозников, иногда «проговаривались» и косвенно признавали, что речь идет не о «врожденных» качествах русского крестьянства. Так, на собрании в колхозе «Невский» уполномоченный Лазарев поделился следующим наблюдением: «Лодырь, который не работает [в колхозе], он всегда живет лучше, и дом у него в порядке, и сена накопил больше»²⁷. Это высказывание собственно и раскрывает главный механизм выживания колхозного крестьянства. Будучи уверенным, что полученный от труда в колхозе доход ни в коей мере не может обеспечить необходимые для жизни средства, крестьянин сосредотачивался на личном хозяйстве, всеми способами экономя свои силы за счет уклонения или минимального участия в общественном производстве.

Вопрос о дисциплине и невыходе на работу обсуждался едва ли не на каждом общем собрании колхозников. Вот несколько типич-

²³ ГАКО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 1. Л. 19; Ф. 748. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10 об.; Ф. 813. Оп. 1. Д. 6. Л. 14; Д. 25. Л. 5 об.; Ф. 1014. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 об.; ГАНИКО. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 1. Л. 56 и др.

²⁴ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 24. Л. 37.

²⁵ ГАКО. Ф. 971. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

²⁶ Там же. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

²⁷ Там же. Ф. 535. Оп. 3. Д. 2. Л. 60.

ных высказываний из протоколов колхоза им. Сталина. Бригадир 1-й бригады Кротов: «Люди на работу не хотят идти, каждый день половина бригады уходит в город, и все заявляют, что нечего кушать, что нет хлеба». Бригадир 2-й бригады Катков: «У меня бригада состоит из 64 человек трудоспособных, пускай, из них 30 чел. в штате, а остальные в настоящее время ничем не занимаются, а именно они занимаются своим личным хозяйством и не хотят мои наряды выполнять». Бригадир 3-й бригады Соловьев: «Я обошел всю свою бригаду и докладываю о том, что корм подвозить некому. Есть мужики, но они не хотят выходить на работу, не знаю, по какой причине»²⁸.

Регламент работы колхозников ежегодно утверждался общим собранием. Обычно он предусматривал рабочее время в период сельхозработ с 6.00 и до 22.00 с перерывом на обед в 2–3 часа. На самом деле, бригады жаловались, что «по утрам надо собирать людей по 3–4 часа». Не помогали ни звонки, ни колокольный звон, ни стучание в рельсу, которыми оглашались колхозные дворы с восходом солнца. Регламент повсеместно не соблюдался. По словам одного из районных уполномоченных, «колхозник сколько захочет, столько и работает»²⁹. В колхозе «Победа» председатель жаловался: «На работу выходят в 11 часов дня, работая до 12 часов дня, после чего делают перерыв на обед до 5-ти часов вечера и в 7 часов вечера заканчивают работу. И выходит, что люди работают в сутки лишь 3–4 часа»³⁰.

Оставляла желать лучшего и интенсивность труда, начальство все время упрекало колхозников за «итальянку», что «они придут на работу и стоят»³¹. В колхозе им. Ворошилова «в 9 часов утра люди еле-еле раскочуются, уйдут на работу в поле, там сидят, и были случаи, что лягут спать»³². К этому добавлялась и бестолковая организация. Колхозница Белькова на отчетном собрании предъявила руководству следующие претензии: «Я выхожу на работу ежедневно, но от этого толку мало. Бригадир Олейников плохо учитывает трудодни и плохо дает наряды. Имелись такие случаи, что за день меняют по три работы: сначала говорят, запрягай на навоз, с навоза – запрягай на солому, с соломы – иди на сортировку зерна. И день проходишь, и ничего не сделаешь, и не заработаешь трудодень. Я вдова, трое детей,

²⁸ ГАНИКО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 2. Л. 20, 42 об., 43.

²⁹ ГАКО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.; Д. 6. Л. 11; Ф. 685. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.; Ф. 813. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 5 об.; Ф. 1031. Оп. 1. Д. 4. Л. 62; ГАНИКО. Ф. 1175. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

³⁰ ГАКО. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

³¹ Там же. Ф. 813. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

³² Там же. Ф. 851. Оп. 6. Д. 1. Л. 11.

приходится меньшую девочку таскать за собой, а ясли правление не открывает»³³.

Проблема нежелания колхозников трудиться в общественном хозяйстве хорошо осознавалась и на государственном уровне. Еще в 1939 г. был введен обязательный минимум трудодней. В Калининградской области он составлял 120 трудодней в год на каждого трудоспособного колхозника. Все не выполнившие эту норму без уважительной причины считались выбывшими из колхоза, лишались приусадебного участка и на срок до 6 месяцев карались исправительно-трудовыми работами в колхозе с удержанием до 25 % заработанных трудодней в пользу колхоза³⁴.

Колхозных «лодырей» должны были отслеживать и привлекать к ответственности органы прокуратуры. Из отчетов районных прокуроров видно, что ежемесячно у них скапливались дела на несколько сотен колхозников, но только часть из них передавалась в суд. Последние принимали такие дела лишь время от времени, как можно понять, для проведения показательных судебных процессов с выездом на места. Во всяком случае, в делах районных прокуроров встречаются ремарки о прекращении судами приема дел этой категории «до особого распоряжения начальника Управления юстиции»³⁵. Вот почему общее число осужденных по этому постановлению было сравнительно невелико: в 1948 г. по всей области таких набралось только 400 чел. В том же году в Гусевском районе установлено 583 нарушителя, а осуждено из них только 17 чел.³⁶ В целом эта мера оказалась не слишком действенной, т. к. многие крестьяне, как говорилось на собрании в колхозе «Муромец», «вырабатывали минимум и на этом бросали, а работать дальше могли бы»³⁷. А на собрании в колхозе «Победа» один из выступавших заметил на этот счет: «По табелю видно, что всех колхозников будут судить за невыработку трудодней»³⁸.

Как видно из приведенных фактов, колхозники-переселенцы, поставленные на грань выживания во вновь образованных калининградских колхозах, имели на выбор три базовых стратегии выживания: а) уход из колхоза в город, «на производство»; б) отходничество, которое давало не просто дополнительный заработок, но, по сути, обеспечивало семье крестьянина основной источник дохода и во мно-

³³ Там же. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 16. Л. 63.

³⁴ О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. М., 1942. № 4. С. 61.

³⁵ ГАКО. Ф. 651. Оп. 1. Д. 9. Л. 67.

³⁶ Там же. Ф. 231. Оп. 7. Д. 28. Л. 168.

³⁷ Там же. Ф. 745. Оп. 3. Д. 6. Л. 3.

³⁸ Там же. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.

гих случаях становилось лишь промежуточным шагом к его полному разрыву с сельхозартелью; в) опора на личное хозяйство («хозяйственное обрастание»), что одновременно требовало минимизации трудового участия крестьянина в коллективном производстве и нередко сопровождалось попытками использования общеколхозных ресурсов в личных целях.

При всей необычности ситуации внедрения социалистического коллективного хозяйствования на «трофейной» немецкой территории и дополнительных сложностях, связанных с переселенческим характером создаваемых сельхозартелей, калининградские колхозы в главном были неотъемлемой частью всей колхозной системы СССР. Более того, пороки колхозного строя в экстремальных условиях в разрушенном войной крае обозначились гораздо отчетливее.

РАЗВИТИЕ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Начиная с середины XX столетия процессы индустриализации, урбанизации стремительно изменили демографический, социально-экономический, культурный облик Рязанской области. Война нанесла значительный урон стране, ее последствия на протяжении длительного времени оказывали негативное влияние на последующее развитие. Огромные потери среди мужского населения сказались на демографической ситуации следующих десятилетий. Из 558 тыс. человек трудоспособного населения в рязанской деревне к 1945 г. осталось 380 тыс. человек. Сельское хозяйство, которое являлось тогда основой экономики региона, во время войны понесло огромные потери. Только за период временной оккупации ряда районов был нанесен ущерб, исчисляемый в 180 млн руб.¹ В 1945 г. производство промышленной продукции составило только 74 % от уровня 1940 г. В послевоенные годы ресурсы государства использовались в первую очередь для нужд промышленности и обороны. На нужды сельского хозяйства планировалось направить не более 7 % общего объема ассигнований. В 1946 г. страну поразила сильная засуха, повлекшая за собой неурожай и голод.

В марте 1946 г. сессия Верховного Совета СССР приняла закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства. Перед тружениками сельского хозяйства Рязанской области была поставлена задача: обеспечить рост посевных площадей на 12,8 %, восстановить довоенный уровень продукции растениеводства и животноводства и превысить его за пять лет на 27 %². Засуха 1946 г. привела к неурожаю в стране. Спасаясь от голода, сельское население бежало

¹ История Рязанского края. 1778–2007 / под ред. П. В. Акульшина. Рязань, 2007. С. 276.

² Очерки истории Рязанской организации КПСС. М., 1974. С. 370.

из центральных областей, в том числе из Рязанской³. После засухи 1946 г. была предпринята попытка выйти из хозяйственного кризиса. В феврале 1947 г. пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». В ходе сельхоз работ 1947 г. использовался лозунг: «На уборку вышли – в бой пошли!» Посевные площади были расширены дополнительно сверх плана до 50 тыс. пудов зерна. Свыше 50 тружеников сельского хозяйства были удостоены правительственных наград.

Одной из социально-экономических проблем, препятствующих развитию области, являлось то, что сельские населенные пункты не были электрифицированы. В начале 1950-х гг. только 15 % получали электроэнергию. План электрификации рязанского села был утвержден областным руководством в марте 1945 г. На электрификацию села за пять лет было выделено более 30 млн руб. Всего за этот период было построено 194 мелкие электростанции. Благодаря этому получили электроэнергию около 550 колхозов.

Рязанская область в течение многих лет не выполняла планов развития сельского хозяйства и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Больше всего колхозов с минимальной выдачей зерна на трудодни находилось в Рязанской области. В 176 колхозах вообще не выдавали зерно на трудодни⁴. Удручающая картина была по распределению денежных доходов: на один трудодень выдача денег составляла 0,32 копейки. В 1947 г. не были выполнены планы сева, валового сбора зерна и развития общественного животноводства. Сказались последствия войны и засухи. Расширяющаяся промышленность и строительство в городах остро нуждались в рабочей силе и рекрутировали ее в деревне. В связи с этим происходила миграция сельской молодежи в города. В 1950 г. трудоспособное население колхозов составляло немногим более половины уровня 1940 г.

Ситуация в рязанской деревне стала предметом обсуждения в ЦК ВКП(б). Дважды в течение 1948 г. заслушивали отчеты Рязанского обкома партии по руководству сельским хозяйством. 14 апреля 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе Рязанского обкома ВКП(б) в области руководства сельским хозяйством». Работу признали неудовлетворительной. Первый секретарь обкома партии А. И. Марфин, который возглавлял местную партийную организацию с осени 1943 г., покинул эту должность. Сменивший его С. И. Малов руководил регионом всего семь месяцев. Как отмечал заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских

³ Зима В. Ф. Тупики аграрной политики // СССР и холодная война / под ред. В. С. Лельчука, Е. И. Пивовара. М., 1995. С. 145.

⁴ Агарев А. Ф. Уроки власти. Рязань, 2006. С. 9.

органов ЦК ВКП(б) П. И. Дедов, прибывший на пленум Рязанского обкома ВКП(б), «многое надо сделать, чтобы превратить Рязанскую область в цветущую область»⁵. Сталин, получив очередную сводку о состоянии дел в стране, постучал пальцем по карте там, где находилась Рязанская область, и сказал: «До каких пор мы будем терпеть эту провальную яму под Москвой? Послать туда кадрового секретаря»⁶. В ноябре 1948 г. первым секретарем обкома стал присланный из центра кадровый партийный работник Алексей Николаевич Ларионов. Его незаурядная личность оказала значительное влияние на последующее развитие Рязанской области.

Биография А. Н. Ларионова была типичной для советской государственной и политической элиты. Он родился в 1907 г. в семье крестьян в д. Грибаниха Онежского района Архангельской области. Прошел серьезную школу комсомольской и партийной работы. Возглавлял партийную организацию Ярославской области. Являлся заместителем начальника Управления кадров ЦК ВКП(б). Стратегия развития Рязанской области, выработанная в столице и проводимая с 1949 г. в жизнь Ларионовым, соответствовала общим тенденциям развития страны. Приоритет отдавался тяжелой промышленности. Областной центр должен был превратиться в индустриальный город. Ларионов говорил: «Рязань – это особый город, особая область. Это – химия, радиотехника, станкостроение. Рязань – это город вузов, научных учреждений, лабораторий, конструкторских бюро. Рязань – это город науки, техники и высокого уровня культуры»⁷. Однако успехи пришли не сразу. В 1950 г. план по надоям молока область выполнила на 60 %. Она отставала в производстве продукции животноводства. В 1952 г. удой молока на одну корову в колхозах области были получены на 70 кг меньше, чем в 1940 г.⁸ В 1953 г. Рязанская область получила только 87 % зерна по сравнению с предыдущим годом⁹.

В годы послевоенной пятилетки на территории области развернулось строительство предприятий, имеющих большое народнохозяйственное значение, определяющих технический прогресс. Начало индустриализации и благоустройства Рязани положил январь 1949 г., когда на городской партийной конференции было решено превратить ее в индустриальный центр. В марте этого года состоялся пленум горкома партии, посвященный вопросам дальнейшего развития хозяй-

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Агарев А. Ф. Трагическая авантюра. Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области 1937–1970 гг.: Документы, события, факты. Рязань, 2010. С. 152.

⁷ Акулышин П. В. История родного города. Рязань, 2007. С. 224.

⁸ Очерки истории Рязанской организации КПСС. С. 381.

⁹ Советская жизнь, 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 115.

ства и благоустройства Рязани. В довоенный период индустриализация не затронула Рязанскую область. Регион являлся поставщиком сельскохозяйственной продукции и человеческих ресурсов для столицы и главных промышленных районов страны. В 1946 г. в Рязани началось строительство станкостроительного завода. На этот же год приходится создание завода счетно-аналитических машин, который в 1949 г. стал производить суммирующую десятиклавишную счетную машину. Появились заводы по производству строительных материалов, предприятия легкой, пищевой, местной промышленности. Были сданы в эксплуатацию металлоштамповочный завод, изготавливавший хозяйственную посуду, макаронная фабрика. Электrolамповый завод освоил производство лампофар. Завод «Рязсельмаш» стал производить картофелеуборочные агрегаты, лесопосадочные машины, лесные сеялки. В 1953 г. Истинский машиностроительный завод изготовил первые мотовозы. Начало 1950-х гг. для Рязани стало периодом наиболее бурного роста индустрии. В развитие промышленности Рязанской области было вложено около 1 млрд руб.¹⁰ Рязанские предприятия освоили производство нескольких видов новой продукции: сельскохозяйственных машин, шахтного оборудования, обуви. В целом за четвертую пятилетку валовая продукция промышленности превысила уровень 1940 г. на 23 %.

После окончания Великой Отечественной войны в области развернулось движение в помощь школе. За первые пять послевоенных лет было построено и введено в действие 66 школ почти на 4,5 тыс. ученических мест. Для молодежи, оторванной от учебы фронтом или ушедшей в годы войны на производство, были открыты вечерние школы рабочей и сельской молодежи. К 1947 г. в области было 20 школ рабочей молодежи и 130 школ сельской молодежи, в которых обучалось более 5,5 тыс. человек. В октябре 1949 г. в Рязани был открыт памятник И. П. Павлову. При его открытии академик С. И. Вавилов сказал: «Мы уверены, что и родина Ивана Петровича Павлова – Рязань будет все в большей мере принимать участие в общем научном и культурном творчестве Советской страны, активно внося свой вклад в гигантское дело построения нового общества, творимое всем советским народом»¹¹. До войны в Рязани был один институт – педагогический, в 1949 г. открывается Рязанский сельскохозяйственный институт им. П. А. Костычева, затем в 1950 г. – медицинский

¹⁰ Города и районы Рязанской области: Историко-краеведческие очерки / сост. С. Д. Цуканова. Рязань, 1990. С. 73.

¹¹ Попов И. П. Очерки истории культуры Рязанского края (XV–XX вв.). Рязань, 1994. С. 180, 182.

им. И. П. Павлова, в 1952 г. – Рязанский радиотехнический институт. В 1950–1951 гг. количество студентов вузов достигло 6500 человек¹².

Послевоенное общество представляло собой сложный социально-психологический феномен. Отношение населения к политике государства в области финансов – снижению и повышению цен, денежной реформе, государственным займам – является важным моментом для понимания особенностей повседневной жизни людей, а также системы взаимоотношений между властью и обществом. Так, с помощью ценовой политики власть пыталась манипулировать общественным мнением, формируя соответствующие общественные настроения. В сентябре 1946 г. постановлением Совета министров СССР были повышены цены на товары, приобретаемые по карточкам. Одновременно на 10–20 % были снижены цены на товары, реализуемые в системе коммерческой торговли. Население области положительно отреагировало на эту меру. Так, рабочий рязанской фабрики «Победа Октября» Колодов заявил: «Три года воевал на фронте против немецких захватчиков, видел разрушения, причиненные немцами нашим городам, деревням, промышленности и колхозам. На восстановление и развитие хозяйства потребуется много средств и сил. Мы, рабочие одобряем решение о повышении пайковых цен и благодарим правительство и партию за повышение заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим»¹³. Гораздо труднее было добиться общественной поддержки при проведении различных мероприятий, сопровождавшихся потерей части средств. В связи с ростом затрат на вооружение безудержно росло налоговое бремя, что вызывало недовольство граждан. Средства массовой информации активно внедряли в массовое сознание представление о необходимости совместными усилиями и жертвами компенсировать расходы на войну. Так оправдывалась жесткая налоговая политика. В письмах колхозников Рязанской области, задержанных военной цензурой МГБ в июне 1946 г., содержались такие суждения: «Налоги в этом году требуют вдвое больше, чем в прошлом»¹⁴. В мае 1946 г. крестьянка села Елатьма Рязанского района Шестакова говорила: «В деревне жить стало очень трудно – замучили налоги, налоги увеличили вдвое; с коровы – 280 литров молока. А где брать, сама не знаю». Аналогичные суждения высказывала крестьянка Касимовского района Л. Наумкина, указывая, что «жизнь в деревне стала очень тяжелой: из колхоза ничего не дают, а с нас требуют 290 литров молока, мясо, яйца,

¹² Очерки истории Рязанской организации КПСС. С. 379.

¹³ Советская жизнь. 1945–1953. С. 140.

¹⁴ Пыжиков А. В., Данилов А. А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С. 145.

шерсть. У нас из семьи три человека погибло на фронте, а на это не обращают внимание»¹⁵.

В декабре 1947 г. была проведена денежная реформа, которая повысила роль государства в экономической жизни страны. Реформа значительно снизила уровень народного потребления. В течение года товары придерживались, а после обмена денег их выбросили на рынок, но уже по новым ценам. Накануне проведения реформы министр внутренних дел С. С. Круглов сообщал Сталину о повышении спроса на продовольственные товары среди населения. «В Рязани универсам при обороте 7 млн руб. в месяц, только за последние два дня выручил денег 1 млн 500 тыс. руб.», – писал он¹⁶. Начальник УВД Рязанской области сообщал, что распространение слухов об обмене денег активно пошло после возвращения с совещания из Москвы торговых и финансовых работников Рязанской области. В области в короткие сроки было подготовлено 480 обменных пункта на базе банковских учреждений, проинструктировано более 1700 человек, принимавших участие в работе обменных пунктов¹⁷. Газета «Сталинское знамя» писала в те дни: «Появился новый советский рубль. Торжественно и чинно передавали люди из рук в руки весело хрустящую бумажку. Ее рассматривали со всех сторон. – Пусть посмотрят продажные американские борзописцы на наши прилавки и ассигнации! – воскликнул пожилой гражданин, глядя сквозь очки на новый дензнак»¹⁸. В январе 1948 г. зав. отделом агитационно-массовой работы ЦК ВКП(б) сообщал А. А. Жданову о том, что партийные организации ряда областей, в том числе и Рязанской, никакого внимания не уделяют политическому воспитанию работников прилавка, решающим успех дела¹⁹.

В послевоенное время упрочилось положение Русской православной церкви. В 1948 г. в Рязанской области действовало 85 храмов, за два года рост составил 8 храмов. Уполномоченный по делам РПЦ в Рязанской области И. С. Денисов указывал, что во втором квартале 1946 г. имело место 590 посещений с ходатайством об открытии церквей²⁰. В августе 1947 г. он, не дожидаясь решения центральных органов власти, принял решение об открытии храма в селе Инякино. Донесения тех лет отражают впечатляющую картину активизации церковной жизни. В письме в «Правду» жительница Рязани В. П. Михеева

¹⁵ Советская жизнь. 1945–1953. С. 229–231.

¹⁶ Денежная реформа в СССР 1947 года: Документы и материалы /сост. Л. Н. Дوبرохотов, В. И. Колодежный, В. С. Пушкарев, В. Н. Шепелев. М., 2010. С. 378.

¹⁷ Рязанская банковская энциклопедия. Рязань, 2010. С. 81.

¹⁸ Сталинское знамя. 17.12.1947.

¹⁹ Денежная реформа в СССР 1947 года. С. 399.

²⁰ Советская жизнь. 1945–1953. С. 647.

писала: «Вся Рязань ходит в церковь святить пасху и куличи, старики и старухи, молодежь»²¹. В 1953 г. во время пасхального богослужения число верующих было так велико, что для освещения куличей пришлось соорудить около 20 столов²². Советская власть в собственных интересах и в зависимости от ситуации шла на уступки церкви, но по большому счету ее пропагандистская машина не утратила своей антиклерикальной направленности. С 1 января 1947 г. прямые сборы церкви на патриотические нужды были запрещены. Государство попыталось наверстать недополученные доходы через продажу священникам и приходам облигаций госзаймов. В 1949 г. сумма подписки церковей Рязанской епархии на 4-й государственный заем восстановления народного хозяйства составила 28 800 руб.²³

Советское общество, вышедшее из войны, было охвачено противоречивыми настроениями, полюсы которых определяли эйфория победы и невиданная ранее величина утрат. Мобилизационная система конца 1940 – начала 1950-х гг. подчинила все ресурсы, в том числе и человеческие, при этом общество проявило в очередной раз способность к самосохранению.

8

12

13

1

1

1

1

1

1

1

1

1

1

1

1

1

1

1

1

²¹ Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века). Рязань, 2007. С. 50.

²² Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-3251. Оп. 33. Д. 115. Л. 111.

²³ Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века). С. 59.

СОВЕТСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛИТВЕ: РЫЧАГИ ИНДОКТРИНАЦИИ ОБЩЕСТВА, 1944–1953 гг.

С установлением сталинского режима в оккупированной Литве начались социальные и экономические реформы, сопровождаемые репрессиями и масштабной пропагандой советского образа жизни, советских ценностей. Была сделана ставка на тот стандарт политической культуры, который сложился в СССР за предыдущие десятилетия, включая корректировки принесенные войной. Притом перестройка социального и экономического уклада страны должна была быть воплощена быстро, чтобы показать Литву (как и всю Прибалтику) советской, подтвердить легитимность «возвращения освобожденных территорий» в состав Советского Союза.

Глядя из Москвы, в 1944 г. Прибалтика была воспринята как регион, «возвращенный в семью республик СССР», т. е. советский с 1940–1941 гг. Это предопределило политику, грубые формы управления «на собственной территории». В реальности регион совсем не был советским, и это породило, с одной стороны, естественное сопротивление, с другой – появился феномен, когда на официальном уровне, публично дела показывались такими, какими они должны были быть, но далеко не были в действительности. Разница между настоящим и показным создала громадные «ножницы» между населением и властью. С первых дней советского режима жители Литвы очутились в двойственном мире – об одном мире писали газеты и говорилось по радио, в другом происходила реальная жизнь.

Перелом в сторону чисто советских стандартов был сделан в 1948–1949 гг., когда началась сплошная коллективизация (несмотря на то, что после войны безземельные крестьяне получали землю) и национализация, создание и пополнение комсомольских и др. организаций путем административного нажима, преследование религии и пр. Цель данной работы – анализ использования в процессе советизации Литвы некоторых составляющих послевоенной мобилизации советского общества, определение пробелов в индоктринации населения Литвы, а также последствий ускоренной советизации. Более подроб-

ного внимания заслуживают те эпизоды данного процесса, которые явно усложняли положение новой литовской политической элиты, заставляли ее лавировать, такие как внедрение культа личности Сталина и новое положение православия. Оба эти явления после войны стали инструментами в руках центральной власти, использовались для укрепления авторитета режима. Они могут быть примером того, что власти в центре, в Москве, были намерены в короткий срок навязать в ново-оккупированном регионе всесоюзный стандарт самовыражения, и не учитывали даже очевидного культурного отличия.

Как литовские коммунисты и население восприняли внедрение культа личности Сталина и как они встретили привилегированное положение православия в католической Литве? Оба эти элемента советской действительности были крайне неудобны для политической элиты Литовской ССР, она все же не могла игнорировать массовых настроений и не учитывать исторических и культурных границ.

Кульм личности Сталина показался в Литве не сразу и без особого энтузиазма. Взгляд литовских коммунистов на проявления культа нетрудно проследить по публикациям органа КП(б) Литвы газеты «Тiesa» – пока в годы войны она издавалась в Москве, все текло в русле местной политической культуры, но когда редакция перебралась в Вильнюс, риторика стала сдержаннее. Первые лица советской Литвы – первый секретарь ЦК ЛКП(б) Антанас Снечкус и председатель Совета министров Мечисловас Гедвилас – в своих послевоенных текстах старались подчеркивать преимущества советской системы в «возрожденной Литве», имя Сталина в них появлялось редко и напоследок, как обязательное, в заключительных абзацах¹. Упоминание проявлений культа Сталина явно избегалось в литературе, предназначенной для литовцев, проживающих в эмиграции и лагерях для беженцев войны в Германии, Австрии. До 1948 г. в них находилось около 30 тыс. литовцев, к ним посылались эмиссары с миссией возвращения людей в «освобожденную» Родину, издавались брошюры и газета эксклюзивного качества. Интересно, что для лиц, оказавшихся за рубежом, политический фасад «новой» Литвы рисовался текстами и фотографиями отнюдь не Сталина или даже А. Снечкуса, а общественности, знакомых с предвоенных лет левых интеллигентов Ю. Палецкиса, М. Гедвиласа².

Такая казуистическая позиция была обусловлена несколькими причинами. Имя Сталина не могло вызывать положительных эмо-

¹ Sniečkus A. Lietuva kovoje prieš vokiškuosius okupantus. Maskva, 1944; Sniečkus A., Gedvilas M. Lietuvių tauta kovoje už laimingą ateitį. Vilnius, 1947.

² См.: Tėvynės balsas. Vilnius, 1947–1953; Bimba A., Prisikėlusį Lietuvą. Brooklyn, 1946; Tarybų Lietuva paveiksluose. Toronto, 1950.

ций у населения Литвы, оно ассоциировалось с довоенным образом большевизма – с колхозной нищетой и голодом, массовыми репрессиями, разрушением церквей. Воздержаться от чрезмерной адорации Сталина заставлял результат своеобразного плебисцита – предпринятая летом 1945 г. попытка ЦК ЛКП(б) продемонстрировать лояльность Сталину, послав ему «благодарность всех трудящихся литовцев» в связи с 5-й годовщиной «принятия Литвы в семью братских республик СССР», провалилась. Несмотря на «индивидуальное воздействие» и аресты, принудительная акция сбора подписей населения под текстом «благодарности» закончилась признанием, что она «оскорбила имя вождя нашей партии и народов»³.

С другой стороны, ЛКП(б) была маргинальной, не литовской партией (например, в 1947 г. литовцы среди ее членов составляли 18 % в 1953 г. – 38 %⁴), ей не хватало своих идеологов, образованных лиц, способных взяться за темы сталинского «учения» по-литовски. Пропаганда этого «учения» в Литве осуществлялась изданием переводов с русского языка брошюр небольшого объема, лекций, стенограмм. Такие издания объемом 20–30 страниц абсолютно преобладали до 1957 г., представляя собой некий стандарт знаний для нужд малообразованных агитаторов и пропагандистов. Об отношении более широкой общественности Литвы к открывшемуся пространству советской литературы говорит тот факт, что тиражи оставались на прилавках или складах (к 1948 г. непроданных книг тут накопилось на 15 млн руб.⁵).

Однако с приближением 70-летия Сталина (в конце 1949 г.) ситуация менялась – весь советский и просоветский мир с новой силой включился в эскалацию его культа. Когда в хоре восхвалений стали звучать голоса глав всех союзных республик и народных демократий, небольшие брошюры издали и Снечкус с Палецкисом (между прочим, только в 1950 г, наверняка дождавшись первых шаблонов)⁶. Палецкис старался возвысить преимущества советского строя, восхваляя сталинскую Конституцию, и только в самом конце брошюры публиковал собственные стихи «гиганту эпохи» – Сталину. Тем вре-

³ Pocius M. Vieningas lietuvių tautos atsakas J. Stalinui // Genocidas ir rezistencija. Vilnius, 1998. № 1 (3). С. 115–120; Tininis V. Sniečkus. 33 metai valdžioje. Vilnius, 2000. С. 78, 80.

⁴ Tininis V. Political Bodies of the Soviet Union in Lithuania and their Criminal Activities. Vilnius, 2008. С. 96.

⁵ Докладная записка отдела издательств Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М. Суслову, 1948.06.14 // Советская национальная политика: идеология и практика 1945–1953; Сб. док. М., 2013. С. 78.

⁶ Sniečkus A. Didysis lietuvių tautos draugas. Vilnius, 1950; Paleckis J. Po Stalino Konstitucijos saule. Vilnius, 1950.

менем почти каждый параграф короткой брошюры (всего 8 листов, под заглавием «Великий друг литовского народа») Снечкуса начинался словами благодарности «великому», «дорогому товарищу», «вождю», «вдохновителю», «освободителю». Аналогичные эпитеты появились и в риторике академических кругов Литвы⁷. В периодике появилось множество стихов литовских поэтов, только в изобразительном искусстве Сталин все еще глядел с полотен союзных художников⁸. В 1948–1949 гг. в Литве появились первые памятники Сталину, его бюсты. «Главный» памятник на площади Вильнюсского железнодорожного вокзала был воздвигнут летом 1950 г. (одна из копий работ знаменитого московского скульптора Николая Томского⁹). Несколько памятников диктатору в этот период было воздвигнуто в других городах Литвы – в Каунасе, Зарасае, Клайпеде, Шяуляе. Они тоже были копиями эталонов уже воздвигнутых в СССР¹⁰.

То, что в СССР прижилось за почти три десятилетия советской власти, в Литве адаптировалось поспешно и поверхностно. Здесь не было дискуссий о будущем страны, этапа идеологического укрепления системы, внимания к более натуральному («местному») развитию политического и социального уклада. Хотя первые послевоенные годы прошли в некотором смятении и ожидании, в СССР не существовало альтернативных моделей общественного строя и мировоззрения. Население, в том числе потенциальные адепты нового режима, должны были подстроиться к элементам системы, спущенным сверху, и не могли ни показать, ни почувствовать себя творцами «новой Литвы».

Для идеологической индоктринации не хватало ни времени, ни аутентичного литовского содержания. Ежедневно слыша и читая похвалы советской власти и «великому Сталину» за приобретенную свободу, колхозный строй и пр., население не находило в публичном пространстве ответов на вопросы о принудительной советизации, судьбе репрессированных, т. е. на те вопросы, которые были известны и актуальны для каждой семьи. Нетрудно догадаться, о чем думали люди, читая в газетах, что колхозники Литвы украшают свои дома

⁷ Lietuvos TSR Mokslų Akademijos žinyras. VII sesija, skirta J.V. Stalino 70-mečiui. Vilnius, 1950.

⁸ Josifo Visarionovičiaus Stalino 70 metų amžiaus sukaikčiai paminėti [Каталог юбилейной выставки в Вильнюсском государственном музее]. Vilnius, 1949.

⁹ Naujosios Vilniaus skulptūros // Tėvynės balsas. 1950. № 49. С. 1.

¹⁰ Antanavičiūtė R., Stalininis "penkmetis": Vilniaus viešųjų erdvių įprasminimo darbai 1947–1952 m. // Menotyra. 2009. Т. 16. № 3/4. С. 164, 161. В послевоенные годы за «тему» Сталина взялся всего один скульптор Пятрас Вайвада, создавший его бюст.

портретами Сталина¹¹, создают и поют песни о «заботе товарища Сталина Литвой, как при его руководстве процвела наша республика»¹². В народе, разумеется, распространялся антисоветский фольклор, слухи о будущем¹³. Миф о «гениальном вожде и учителе всех времен» был совершенно чужд для политической культуры Литвы и не мог выполнить свою функцию мобилизации населения. Как и в целом общесоюзное содержание пропаганды того периода – постулаты о «зажиточной жизни», дружбе народов или героическом сопротивлении немецким оккупантам во время Второй мировой войны – было далеко от реального опыта жителей Литвы.

Поспешное внедрение культа личности более чем наглядно демонстрирует разрыв между событиями повседневной жизни и пропагандой, искусственность последней, – система как бы пропустила этап последовательной индоктринации общества Литвы, вообразила ее одоратором Сталина и всего сталинского, советского. Вскоре это проявилось живучестью литовского «буржуазного» национализма, укрепленного таким мобилизационным фактором, как католицизм.

Другой пример размежевания пропаганды с реальными обстоятельствами и пониманием адекватных рычагов индоктринации были попытки союзной власти укрепить Православную церковь в Литве и использовать ее для снижения влияния католицизма. В послевоенные годы союзные инстанции моделировали схему снижения влияния враждебной Католической церкви, пытаясь заполнить образовавшееся пространство надежной «государственной» Православной церковью. Эта схема была довольно простой: тесно связанный с ликвидированной буржуазной политической и социальной системой, а следовательно, «скомпрометировавшийся» католицизм должен был уступить место освободившемуся, наконец, из-под его «гнета» православию.

Классический марксизм-ленинизм утверждал, что при социализме религия – «опиум для народа» – отмирает. Но в Литве очень скоро стали отмирать только католическая вера и другие «мелкие»

¹¹ Ten, kur šeimininkavo Merkys // Tėvynės balsas. 1949. № 14. С. 3; Daina, pasklidusi po kraštą // Там же.

¹² Didysis Stalinas lietuvių liaudies dainose // Tiesa. Vilnius, 1953. № 70. С. 2. Такие псевдоявления народной «сталинофилии» были механически адаптированы из других регионов СССР. Сотрудники сектора фольклора Института литовского языка и литературы обязаны были найти советский и партизанский фольклор, записывая как таковой подходящие стихи поэтов-любителей и фальсифицируя песни участников литовской резистенции (шире: Aleksynas K. “Tarybinės tautosakos” paieškos 1945–1947 metais // Tautosakos darbai. Vilnius, 1992. № 1 (8). С. 109–118).

¹³ Там же; Kerbelytė B. Komunistiniai vadai ir žmonių būseną Lietuvoje užrašytuose anekdotuose // Tautosakos darbai. Vilnius, 2009. № 38. С. 260–269.

вероисповедания. Тем временем православие стало укреплять свою структуру при явном участии союзной советской власти. Два действующих при СНК Литовской ССР уполномоченных (один по делам Русской православной церкви и другой – по делам всех других конфессий) получали разные директивы. В результате до начала антирелигиозной кампании, инициированной Н. Хрущевым в конце 50-х годов, Православная церковь в Литве не испытала больших преследований. Напротив, воспользовавшись благоприятными постановлениями союзного правительства и материальной помощью Московской патриархии, она восстановила свою структуру. В 1946 г. в Вильнюс торжественно были возвращены мощи трех православных святых и воссоздано святое место (мощи пребывали в России с 1915 г., выставлялись в антирелигиозных целях, несмотря на многократные просьбы дипломатов Литовской Республики и владыки Литовской православной епархии вернуть их), открыта в Вильнюсе духовная семинария, были отремонтированы церкви и монастыри, пострадавшие во время войны (женский монастырь вместе с церковью возродились из руин). Появились миссионерские проекты создать в Литве православное братство, архиепископ Корнилий и уполномоченный РПЦ при СНК ЛССР договорились осенью 1946 г. в одной из вильнюсских церквей проводить богослужение на литовском языке. Такого опыта Православная церковь в Литве еще не имела. Спешно был сделан перевод православной литургии, велись поиски священника, который мог бы отправлять богослужения и читать проповеди по-литовски¹⁴. Представители советской власти хлопотали по возврату православных церквей, которые в 20–40-е годы в Литве и Польше перешли в руки католиков; не было недостатка в священниках – они были назначены в храмы, которые посещали всего несколько десятков верующих (например, в Мариямполе – 37, Алитусе – 52, Побене – 89)¹⁵ и пр.

Все это происходило на фоне уничтожения других конфессий, в частности Католической церкви – католики до 1949 г. лишились всех мужских и женских монастырей, 3 из 4 духовных семинарий, десятками закрывались костелы, особенно в городах (особое место занял Вильнюс, где до 1960 г. было закрыто $\frac{3}{4}$ костелов, но сохранились все православные церкви; это стало преобразовать облик столицы Литвы – на одной из улиц старого города, кстати, названной именем

¹⁴ Информационный отчет уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Литовской ССР А. Линева за III–IV кварталы 1946 г. // Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ). Ф. R 238. Оп. 2. Д. 4. Л. 25.

¹⁵ Сведения о действующих храмах и причтах Литовской православной епархии за 1945 г. // ЦГАЛ. Ф. R 238. Оп. 3. Д. 7. Л. 9.

М. Горького, можно было посетить три действующих православных храма и один костел, пройдя мимо четырех закрытых костелов, в том числе кафедрального).

Все же союзный Совет по делам Русской православной церкви должен был отказаться от вынашиваемых планов. Даже при его поддержке Православная церковь была не в состоянии соперничать в Литве по силе влияния с католицизмом. Сеть православных церквей была редкой – всего 44 прихода и 60 храмов. Священники и православные были русскоязычными, влияния на широкую общественность Литвы в отсутствие каких бы то ни было популярных, периодических изданий они иметь не могли. С другой стороны, проводя очень радикальную политику по уничтожению структуры Католической церкви, руководство Литовской ССР отнюдь не собиралось своими «успехами» делиться с какой-нибудь конфессией. Оно, по сути, блокировало усилия по укреплению православия, инициированные союзной властью, в своей религиозной политике руководствовалось опытом КПСС не послевоенных, а 20–30-х годов. Целью руководства Литвы было максимально ограничить влияние католицизма, дискредитировать его. Между тем протектирование православия не приносило ему никакой политической пользы, напротив, вызывало недовольство общественности и нежелательные вопросы¹⁶.

Осенью 1948 г. властям Литовской ССР, видимо, удалось убедить союзное правительство отказаться от потенциала Православной церкви в борьбе с влиянием католицизма. Одним из главных результатов этого периода следует считать утверждение благоприятного политического образа этой церкви. Ответственные должностные лица Литвы не скрывали мнения, что Православная церковь «менее вредна» для государственных интересов, нежели католическая.

* * *

В послевоенный период советский режим не слишком вникал в культурные особенности вновь оккупированной Литвы. Властям в Москве хотелось верить, что такая маленькая территория без промедления перестроится в советскую социалистическую республику. Первая годовщина советской власти в 1945 г. с соответствующими торжествами отмечалась как 5-я, хотя в секретной переписке признавалось, что в половине сельской местности Литвы органов советской

¹⁶ Подробнее: Laukaitytė R. Stačiatikių Bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje. Vilnius, 2003. С. 111–148.

власти вообще еще не существует¹⁷. Этот пробел между действительным и желаемым, показным на официальном уровне, или игнорирование действительности во имя пропаганды, возмещался репрессивными мероприятиями, устрашением, бюрократической перепиской, но тем самым позволил населению в некоторой степени избежать настоящей последовательной индоктринации.

Не позволив местному просоветскому активу укрепить какие-либо значимые национальные особенности в облике ЛССР – такие как общественные организации местного происхождения, сохранение существующей структуры и авторитета католицизма, свободы вероисповедания, собственности на землю и пр., советский режим лишился более мощных рычагов влияния на население через близкую ему среду. Даже высокопоставленные лица новой политической элиты Литвы в самом начале советской оккупации представляли себе большую преемственность элементов самостоятельности страны (от суверенного законодательства до прежнего гимна или цветов национального флага, баланс приезжих и национальных «кадров» и т. д.).

Как следствие пренебрежения национальной спецификой, социальная база советского режима, когда почти каждая семья была задета репрессиями, была узкой и условной. Пропагандистский пафос помог пройти мимо этой проблемы, но не навсегда – советский идеологический нажим не вытеснил «буржуазного национального» менталитета, и последующие поколения без труда осознали принадлежность к собственной нации, вплоть до потребности возвращения более приемлемой формы государственности.

¹⁷ Докладная записка комиссии ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову, 1945.08.03 // Советская национальная политика: идеология и практика. 1945–1953. С. 593.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СТАЛИНСКОЙ ЛИТВЕ: МЕЖДУ «СОВЕТСКИМ» И «НАЦИОНАЛЬНЫМ»

Доярка – депутат Верховного совета СССР – возвращается с сессии в Москве. Родные ее спрашивают: «Ну, как все прошло, какие новые указания партии и правительства?» – «Да все по-прежнему. Вот, только все кричали, что отныне Пасха будет праздноваться осенью»¹.

(Анекдот сталинской эпохи)

В современной литовской историографии эпоха сталинизма в основном все еще исследуется через призму оккупации, делая акцент на *hard* советизации – терроре, репрессиях, ссылках и, особенно, на радикальной социоэкономической трансформации послевоенного литовского общества. Эти тенденции заметны и в пока единственном синтезе истории советского периода². Тем временем основные аспекты *soft* советизации или сталинской культурной политики (т. е. так называемый духовный геноцид) остаются изучены лишь частично³. Поэтому в данной статье я попытаюсь больше внимания уделить вопросам, связанным с легитимацией нового режима в глазах местного населения и, особенно, «переинтерпретации» литовской истории в свете коммунистической идеологии. Каково было соотношение «советского» и «национального» в новой культурной политике⁴ и как ее

¹ Игра слов: лозунг «Да здравствует великая Родина!» звучит похоже на литовское «Velykos rudenį» (Пасха осенью).

² Lietuva 1940–1990. Okupuotos Lietuvos istorija. [Литва в 1940–1990 гг. История оккупированной Литвы]. Vilnius, LGGRTC, 2005.

³ О нынешнем состоянии литовской историографии, исследующей советский период, см.: Чепайтене Р. Восприятие советской эпохи в современной Литве // Прошлый век 1: Сб. науч. тр. (редкол.: А. И. Миллер гл. ред., и др.). М., 2013. С. 241–276.

⁴ К решению проблем, связанных со сферой культурной политики, приступили сразу же после изгнания немецких войск с территории республики. См.: Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах помощи Литовской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительной работы» 01.11.1944 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 460. Л. 8–11. Источник опубликован: Таннберг Т. Политика Москвы

воспринимали приезжие представители властей и литовские коммунисты и интеллигенты? Делала ли новая власть какие-либо уступки местным в этой сфере, особенно относительно важной ее составляющей – политики памяти? И наоборот, какие сюжеты, события, личности, места и объекты истории Литвы стали использоваться для нужд советской идеологии, зачем и почему именно они были выбраны, и помогло ли это целям индоктринации литовского общества?

«Переинтерпретация» истории Литвы в свете советской идеологии

Отношение к СССР в межвоенной Литовской республике, особенно в последние мирные годы, было в основном позитивным⁵. Геополитическая ситуация того времени не оставляла литовской политической элите и общественности выбора – Польша воспринималась как заклятый враг, в 1920 г. захвативший историческую столицу Литвы Вильнюс и окружающие территории, а Германия, после прихода к власти нацистов, становилась все более агрессивной и в 1938 г. отобрала у Литвы Клайпедский край. Таким образом, накануне войны из крупных соседних государств только СССР виделась Литве другом и партнером, что она как бы и подтвердила, после передела Польши 10 октября 1939 г. возвратив Литве Вильнюс и Вильнюсский край. Вновь приобретенная столица вскоре станет своеобразным «Троянским конем», при помощи которого Советский Союз на территорию Литвы введет свои войска (в народе эти события сразу были осознаны и выражены в виде известного слогана: *Vilnius mūsų, o mes rusų*; рус. *Вильнюс – наш, а мы стали принадлежать русским*). А через год, 15 июня 1940 г., последовала и первая советская оккупация, протянувшаяся до июня 1941 г., когда страну захватили нацистские войска.

Сам факт оккупации и насильственной инкорпорации независимой Литовской республики в состав СССР на протяжении всего советского периода всячески скрывался и затушевывался официальным нарративом о «братской помощи Красной армии при возврате исторической столицы», «спонтанно в Литве возникшей социалистической революции», которой удалось свергнуть авторитарный режим президента А. Сметоны, действительно тогда имевшего мало сторон-

в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956): Исследования и документы. М.: РОССПЭН, 2010. С. 207–210.

⁵ См. подробнее: Каспаравичюс А., Лауринавичюс Ч. Рецепция России / Советского союза в межвоенной Литве // Образ Другого. Страны Балтии и Советской Союз перед Второй мировой войной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 212–136.

ников, и, особенно, тезисом о «добровольном вступлении Балтийских стран в дружественную советскую семью». Таким образом, марксистская лексика, использующая миф о «революционном положении 1940 г., возникшем в результате обострившейся классовой борьбы», не только позволила ввести в заблуждение массы граждан, которые не понимали, что же на самом деле происходит, но и делегитимировать бывший политический строй, как и сам литовский суверенитет, а после войны – и людей, которые боролись за его восстановление, окрестив их «буржуазными националистами» или просто «бандитами» (имеется в виду наиболее массовое, организованное и кровавое антисоветское вооруженное сопротивление из всех, которые спонтанно возникали на вновь приобретенных территориях СССР, продолжавшихся с 1944 по 1954 г. Официальный советский нарратив его однозначно интерпретировал как «братоубийственную гражданскую войну», жестко борясь с альтернативными версиями интерпретации страшных послевоенных лет⁶).

Утвердившаяся официальная версия событий 1939–1940 гг., использующая смысловой и терминологический арсенал из мировоззрения сталинизма, позднее стала фундаментом для интерпретации и легитимации смены политического режима и государственного строя Литвы, превращенной в одну из тогдашних 16 союзных республик советской империи, и сохранилась непоколебимой до самого распада СССР. Как и в других случаях «на местах», создаваемой советской версии национальной истории союзных республик в Литве тоже были нужны исторические прецеденты и доказательства якобы органического склонения литовского народа к идеям социализма. Таким прецедентом, прежде всего, стал эпизод существования Литовско-Белорусской советской социалистической республики или, в сокращении, Литбела, которая в действительности просуществовала короткий исторический промежуток – с 1918 по 1919 г., но этот факт послужил основой для тезиса о «*восстановлении советской власти*» в Литве в 1940 г. Важно заметить, что на основе этого мифа, как и на выдвинутых и широко распространяемых фактах о преследовании литовских коммунистов-подпольщиков межвоенным авторитарным режимом, в глазах местного населения свою легитимацию будет строить и литовская советская номенклатура, представители которой не хотели в народе быть воспринятыми лишь как ставленники оккупационных властей, послушно исполняющие приказы завоевателей,

⁶ Этой интерпретации придерживается и, наверное, самый известный литовский фильм советского времени – «Никто не хотел умирать» режиссера Витаутаса Жалаквичюса, 1965 г.

взамен на привилегии и ограниченную власть⁷. Хотя практики увековечивания памяти представителей «национальной социалистической традиции», включая и литовских коммунистов, проживавших в довоенном СССР и погибших во время сталинских репрессий (таких как, например, командарм Иеронимас Уборевичюс или комкор Витаутас Путна, расстрелянные в 1937 г. по делу маршала М. Тухачевского), стали наиболее заметны в эпоху Л. Брежнева⁸, когда любой городок не обходился без поиска и выдвижения собственного «местного героя» – коммуниста или комсомольца, но идеологическое обоснование для «изобретения этой традиции» складывалось именно в сталинский период.

Тем временем историки, вместе с другими местными интеллектуалами, были призваны обосновать и убедительно доказать неизбежность исторических законов марксизма. Но до войны начатая и с началом второй советской оккупации в 1945 г. возобновленная программа переписывания истории Литвы в русле советского «великого нарратива» столкнулась и с немалыми трудностями. Дело в том, что, в контексте радикальных изменений «политики прошлого» тогдашних 16 союзных республик, Литва была в своем роде особенным случаем. В отличие от других она имела даже два источника суверенитета: 1) средневековое государство Великое княжество Литовское (ВКЛ) – по типу строения – многокультурная империя, по форме

⁷ Характерно, что в постсоветское время в попытках новой легитимации бывших представителей советской номенклатуры ставится акцент на якобы тогда самостоятельной роли литовских коммунистов, исполнявших скорее роль «буфера» между внешней чужой силой и местным населением, чем марионеток центра – коллаборантов. Эту мысль в заголовке своих мемуаров наиболее четко выразил бывший первый секретарь компартии Литвы Альгирдас Бразаускас, в 1993 г. избранный первым президентом Независимой Литвы: «И тогда работали ради Литвы» (Brazauskas A. *Ir tuomet dirbome Lietuvai: faktai, atsiminimai, komentarai*. Vilnius, 2007).

⁸ Например, лишь в Вильнюсе за период 1944–1990 гг. было воздвигнуто около 20 мемориальных памятников, бюстов или скульптурных групп, посвященных лицам и событиям, напрямую или символически связанным с советским режимом и «великим идеологическим нарративом» (памятники и мемориальные доски В. Ленину, Ф. Дзержинскому, который в молодости жил в Вильнюсе), «местной социалистической традицией» (В. Мицкявичюсу-Капсукасу и другим создателям Литбела), первой советской оккупации (литовским писателям, которые из Москвы в 1940 г. привезли «сталинское солнце» П. Цвирке, С. Нерис, Л. Гире) и, особенно, «освобождению Литвы и ее столицы от фашистских захватчиков» (генералу И. Черняховскому, другим советским полководцам и солдатам Красной армии). Но в основном идеологический ландшафт города складывался скорее в хрущевско-брежневское время и, в отличие от Киева, и особенно Минска, остался довольно скромным и фрагментарным. См. сравнительный анализ этих городов: Ластовский А., Балочкайте Р., Казакевич А. Память о Второй мировой войне в городском ландшафте Восточной Европы. URL: http://www.geschichtswerkstatt-europa.org/media/projekte/total%20report_rus.pdf

правления – аристократическая республика; 2) межвоенное унитарное национальное государство, до переворота 1926 г. – демократическая республика, после *coup d'état* – управляемая авторитарным режимом президента А. Сметоны. Как известно, остальные союзные республики, наверное за исключением самой РСФСР, имели либо средневековую (Киевская Русь, Грузия, Армения, среднеазиатские государства), либо модерную, как Латвия и Эстония, суверенность. Таким образом, идентичность Литвы в межвоенное время (как, кстати, и сейчас), строилась на двух фундаментах государственной традиции, на что указывают и слова *Акта о провозглашении независимости* от 16 февраля 1918 г., гласящие «о *воссоздании* литовского государства», как и межвоенная / нынешняя государственная символика – средневековый герб *Витис* или, как его называют сограждане ВКЛ белорусы – *Погоня*, и в 1918 г. принятый республиканский триколор.

Надо сказать, что в межвоенный период литовским историкам удалось создать самостоятельное сообщество (около 60 человек, более или менее профессионально занятых исследованиями, свыше 20 в Литве и в Западной Европе защищенных диссертаций⁹) и достичь достаточного уровня профессионализма в своих академических исследованиях. Синтез «История Литвы» под редакцией Адольфаса Шапоки, вышедший в свет в 1936 г., стал своеобразной вершиной трудов этого сообщества и основой национального исторического нарратива. Его соавторам удалось «найти литовцев в истории Литвы» (программный лозунг, выдвинутый Шапокой еще в 1932 г., собственно обосновавший этнолингвистическую перспективу интерпретации прошлого страны). Поэтому решение опровергнуть уже сложившееся, научно обоснованное и при помощи системы массового просвещения и государственной пропаганды распространенное видение национальной истории, оперируя идеологическими постулатами импортной «сталинской науки» о смене социоэкономических формаций в связи с «переинтерпретацией» политической истории (отрицание либо уменьшение роли Литвы как исторического субъекта) стало довольно болезненной и трудной задачей как для оставшихся профессиональных литовских историков (больше чем половина всего их сообщества эмигрировала на Запад еще во время войны), так и для самих идеологических надсмотрщиков «правильного направления развития» исторической науки ЛитССР.

Если в межвоенное время профессиональные историки воспринимали себя как «пахарей исторического поля», за основную методоло-

⁹ Valdas Selenis. Lietuvos istorikų bendrija 1918–1944 m.: kolektyvinės biografijos tyrimas [Сообщество историков Литвы в 1918–1944 гг.: исследование коллективной биографии]. Vilnius: VPU, 2007.

гию принимая историзм ранкианского типа, то советские историки вынуждены были, прежде всего, стать «бойцами идеологического фронта», сражающимися за дело партии и советского государства, что неизбежно превратило историческую науку в придаток политики и в средство создания нового политического и общественного порядка. Вышеупомянутая сложность и многогранность истории Литвы и ее государственной традиции стала настоящей головомолкой для тех, кто должен был бы дать указания историкам, как «идеологически правильно» понимать и оценивать события прошлого. Для этого был создан многослойный аппарат контроля и цензуры, от лично первого секретаря Компартии ЛитССР А. Снечкуса¹⁰ до руководств Института истории партии и Института истории Литвы, кафедр истории в вузах и т. д.

Некоторые историки, включая даже убежденных коммунистов – бывших подпольщиков, которые не сумели «должным образом» переориентироваться и не научились играть по новым правилам, подверглись репрессиям, публичному унижению (как это случилось с Бронюсом Дундулисом, в 1940 г. защитившимся в Парижской Сорбонне, западный диплом которого не признали и заставили переписать диссертацию о походе Наполеона на марксистско-ленинский лад), лишились возможности продолжить научную деятельность (такая участь постигла известного историка Стасиса Матулайтиса), либо сами отстранились от науки. Все остальные столкнулись с очень ощутимым давлением и ограничениями академических свобод, в результате чего перешли к поискам частных стратегий выживания при тоталитарном режиме, иногда спасаясь попытками «внутренней эмиграции» в идеологически менее значимые темы и исторические периоды¹¹.

Вся советская интерпретация мирового прошлого, как известно, делилась на события «до» и «после» 1917 г., львиную долю внимания уделяя именно послереволюционному периоду. Например, в Литве за период 1948–1972 гг. были защищены 146 кандидатских

¹⁰ Например, в 1951 г., после решений VI Съезда ЦК Компартии Литвы об усилении исследований культурного наследия литовского народа, А. Снечкус написал секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову письмо с просьбой о финансовой и кадровой поддержке в улучшении положения в исторических исследованиях и в переводах трудов В. Ленина и И. Сталина на литовский язык (LKP(b) pirmojo sekretoriaus A. Sniečkaus raštas VKP(b) CK sekretoriui G. Malenkovui dėl lietuvių tautos istorinių tyrimų sovietizavimo, 1951 m. liepos 13 d. Lietuvos kultūra sovietinės ideologijos nelaisvėje 1940–1990. Dokumentų rinkinys [Литовская культура в плену советской идеологии, 1940–1990 гг.: Сб. документов]. Vilnius, LGGRTC, 2005. P. 158–160).

¹¹ Подробнее об этом писал Ауримас Шведас: Švedas A. In the Captivity of the Matrix. Soviet Lithuanian Historiography 1944–1985. Amsterdam; N. Y., Rodopi, 2014.

диссертаций по истории, из которых 111 были посвящены периоду «строения социализма в республике» (такие данные приводит исследовавший советскую литовскую историографию Ауримас Шведас). Требовалось историю республики показать через призму смены социально-экономических формаций, в которых якобы постоянно обостряется классовая борьба, а политический аспект, напрямую связанный с вопросами государственности, затушевывался. В новой интерпретации прошлого Литву в основном считали несамостоятельным объектом истории, все время раздираемым между Западом и Востоком, неспособным решать свою судьбу. Характерная черта интерпретации литовской истории сталинского периода – активный поиск и акцентирование тех исторических процессов и событий, которые стали бы якобы свидетельством «вечной дружбы» русского и литовского народов, первому в этих отношениях отводя лидирующую роль¹². Складывалось парадоксальное положение, когда даже царский период и в «Северо-Западном крае» проводимые репрессии против местного населения интерпретировались в позитивном ключе.

Присущий сталинской исторической конъюнктуре москвоцентризм настоятельно требовал от историков показать, что «свет и прогресс» на эти земли приходит исключительно с Востока, но этому «благу» все время мешала ориентированная на Запад (прежде всего, на Польшу) литовская политическая элита – князья и знать. Постулат о «вечной дружбе русского и литовского народов», который выковал и обосновал главный идеологический надзиратель литовских историков проф. Ю. Жюжда, долголетний директор Института истории Литвы (1948–1970), принуждал их находить фактические подтверждения этому тезису, хотя ВКЛ была скорее геополитическим и идеологическим конкурентом и противником Москвы, что всегда чувствовали обе стороны. Поэтому идеологически непредвзятые исследования средневековой истории стали невозможными. К историкам-медиевистам идеологи и цензоры относились с особым вниманием и с априорным подозрением, боясь в их трудах усмотреть проявления завуалированного «национализма» или нежелательной «романтизации прошлого». Но этих угроз, конечно, не могли избежать и исследователи других исторических периодов, особенно – по понятным причинам – межвоенного, поэтому 23 года независимости, еще живые в коллективной памяти, либо откровенно демонизировались, либо игнорировались в исторической литературе и публици-

¹² Подробнее: Laurinavičius Č. The Role of History in the Relationship between Lithuania and Russia // Lithuanian Annual Strategic Review 2005. Vilnius, 2006. P. 109–127.

стике, довольствуясь повторением утвердившихся идеологических стереотипов.

Но если историки, как уже упоминалось, довольно быстро научились играть по новым правилам и не переходить за «красные линии» дозволенного, то угроза обвинений в «идеализации феодального периода», вследствие специфики работы, стала постоянно висеть над головами специалистов в это время как раз создаваемой системы охраны культурного наследия, особенно в отношении начатых работ реставрации средневековых замков и дворцов¹³. Правда, самый известный и громкий скандал с «выявлением национализма» в сфере охраны культурного наследия в Литве вспыхнул уже после смерти И. Сталина, когда (вследствие начавшейся хрущевской кампании «борьбы с архитектурными излишествами») в 1960 г. в реставрации Тракайского замка узрели не только мнимое «преклонение перед феодальным прошлым», но и «необоснованное растрачивание госсредств»¹⁴, из-за чего были уволены несколько руководящих кадров охраны культурного наследия, а финансовые вложения в реставрационные работы республики были значительно сокращены на целое десятилетие, примерно до 1972 г.

Несмотря на вышеприведенные примеры, в зависимости от политической конъюнктуры, из дальнего прошлого «мятежной республики» иногда могли быть востребованы сюжеты, персоналии и объекты, иллюстрирующие якобы «антизападный характер» политики ВКЛ, как, например, победоносная битва с немецким Орденом Крестоносцев объединенного войска Польского королевства и ВКЛ под Грюнвальдом / Жальгирисом, состоявшаяся в 1410 г.¹⁵ Память об этом ре-

¹³ Надо отметить, что межвоенная Литовская республика довольно мало внимания уделяла этой области, поэтому после постановления Совета министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры», когда началось создание республиканских организаций исследования и охраны культурного наследия, в ЛитССР в 1950 г. тоже были созданы Специальные научно-реставрационные промышленные мастерские (СНРПМ). СНРПМ свою деятельность начали с исследования, консервации и реставрации архитектурно наиболее ценных католических костелов и замков, которые пострадали во время войны, а уже в 1956–1958 гг. подготовили проект реконструкции Вильнюсского старого города, – один из первых проектов такого рода и масштаба в СССР.

¹⁴ Скандал в основном был вызван статьей Н. Коновалова и Ю. Пономаренко, опубликованной в московских «Известиях», в которой предъявлялись вышеупомянутые упреки, чуть не стоившие поста самому первому секретарю компартии Литвы А. Снечкусу, затем успешно оправдавшемуся перед Москвой. См.: Коновалов Н., Пономаренко Ю. Время ли восстанавливать замки? // Известия. 1960. № 300. С. 4.

¹⁵ См. подробнее: Petrauskas R. Grunwaldu życie pósmiertne od XV do XX w. w historiografii i tradycji litewskiej, białoruskiej i sowieckiej // Wojna, pamięć, tożsamość. O bitwach i mitach bitewnych, pod red. Jana M. Piskorskiego, Warszawa, 2012. S. 147–164.

гионально значимом историческом событии стала вновь актуальной во время войны. Новая его интерпретация, в особенности подчеркивающая роль трех смоленских полков, т. е. *российского* участия (при этом удобно забывалось, что Смоленск в те времена принадлежал ВКЛ, а не Московскому государству), в свете тогдашних актуальностей позволила провести ценностные параллели между битвами с немцами в средневековье и во время Второй мировой войны. В 1942 г. в Москве даже была издана книжка Людаса Гиры «Литва Грюнвальда», на обложке которой напрямую противопоставляются средневековое и нынешнее противостояние с германцами¹⁶. Внимание к древним временам считалось не таким идеологически подозрительным и нежеланным, если этнографы либо энтузиасты древности проявляли интерес к исследованию язычества, которое, в отличие от католичества, воспринималось как менее опасное. Значимо и то, что интересы межвоенных и советских историков своеобразно совпадали и в антипольской ориентации. Все-таки помимо того, что исследования «эпохи феодализма» всячески ограничивались по тематике и свободе оценки, были и другие ограничения – история, культура и искусство ВКЛ оставались поделены по республикам, на территории которых они когда-то существовали, и не могли исследоваться интегрально, объединив усилия литовских, белорусских, украинских, русских и польских ученых, что стало возможным лишь после распада СССР¹⁷.

Для исследователей генезиса и развития капитализма в Литве тоже существовали серьезные ограничения. Процессы социоэкономического развития тут не могли быть более ранними или «прогрессивными» чем в России, хотя географически и цивилизационно именно так и было. Так что, избегая идеологически опасных тем и периодов, историки часто концентрировали внимание на поиске истоков местной социалистической традиции, на истории ЛКП(б) и пр., что в итоге отразилось на уровне их профессионализма.

Надо заметить, что в итоге такого идеологического прессинга сложилось довольно парадоксальное положение. Если не жесткие идеологические рамки, то историки – профессионалы высокой квалификации – могли бы вписать события и процессы литовского прошлого в тогдашнюю идеологическую схему социоэкономических формаций намного убедительней и детально, чем это было сделано по принуж-

¹⁶ Petrauskas R. Žalgirio mūšis ir istorinė tradicija [Битва под Жальгирис и историческая традиция] // Naujasis židinys, 2010, nr. 7/8. P. 224–229.

¹⁷ Например, недавно изданный «Путеводитель по Великому Княжеству Литовскому», описывает объекты, находящиеся на территории шести нынешних независимых государств – Литвы, Белоруссии, Украины, Польши, Латвии и России: Vadovas po Lietuvos Didžiąją Kunigaikštystę (sud. A. Paliušytė, I. Vaišvilaitė). Vilnius, LKTI, 2012.

дению, на что указывают и позднее, в контексте десталинизации, последовавшие попытки творчески интерпретировать и применять достижения марксистской мысли в трудах известных историков Ю. Юргиниса или Э. Гудавичуса.

Все вышеуказанные трудности приспособления истории Литвы к жестким идеологическим рамкам, которые, как известно, не были стабильны, а могли незначительно меняться в зависимости от политической конъюнктуры, привели к тому, что первая *История Литвы* «в сталинском стиле» под редакцией упомянутого Ю. Жюгжды вышла в свет лишь в 1957 г., т. е. уже после смерти И. Сталина, потому что ее пришлось переписывать неизвестное число раз (всего в итоге вышли 4 тома этого масштабного творения, последний – в 1975 г.). Но, несмотря на радикальное переписывание прошлого страны в москвоцентристской парадигме, что имело мало общего с исторической истиной, все-таки и в этом синтезе не удалось убедительно втиснуть литовскую историю в модель социоэкономических формаций.

Выводы

Обобщая, можно выделить несколько основных «идеологических грехов», в которых обвинялись, либо с которыми рисковали столкнуться профессиональные историки:

1) *«коленопоклонство перед Западом»* (в нашем случае – и перед диаспорой. Имеется в виду нежелание очернять Запад, искажая истинное положение вещей, как и неохота восхвалять Москву и советский строй. Хотя эта идеологически-методологическая «ошибка» историкам инкриминировалась не так часто, по сравнению с другими гуманитариями);

2) *буржуазный объективизм* (пресечение попыток уходить в узкие темы и сюжеты, избегая идеологического ангажирования – т. е. «внутренняя эмиграция»);

3) *возвышение, идеализация феодального прошлого* (это отражалось не только в попытках объективно оценить ВКЛ, но и, особенно, в системе отбора и охраны объектов культурного наследия);

4) *«единое течение»* (опираясь на ленинское учение о «двух культурах», пресекались любые попытки позитивно оценить вклад «буржуазных» деятелей в создание национальной культуры, избегая классового и идеологического их осуждения (особенно это касалось деятелей национального возрождения конца XIX – начала XX в. – «отцов основателей» современной литовской государственности и культуры). Сам концепт «нации» всячески устранился и заменялся политически менее опасной «народностью»);

5) *национализм* (крайняя форма идеологического осуждения, хотя само внутреннее содержание этого понятия могло оставаться неясным и размытым и быть применимым инструментально, по обстоятельствам).

В узком кругу идеологически дозволенного вынуждены были уместаться не только советские историки, но и сами их «наставники» и «контролеры». Это создавало угнетающую атмосферу, от которой пришлось освобождаться много лет после начала десталинизации (даже последняя «История советской Литвы», первый и единственный том, которой был опубликован в 1985 г., еще была полна идеологических схем и клише, выкованных в эпоху сталинизма. В ней тоже акцент ставился на настоящем и будущем, а прошлое в основном должно служить лишь как средство легитимации советской власти в Литве. Таким образом, за весь советский период «правильной» интерпретации истории отводилось повышенное идеологическое внимание, а в сталинское время сложившиеся рамки официального советского нарратива, в котором беспристрастным и объективным исследованиям национальной истории отводилась лишь незначительная доля, как и сами «правила игры исторического сообщества» остались неизменными до самого распада СССР.

А. Н. Кабацков

ЖИЗНЕННЫЙ МИР СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО В ПОЗДНЮЮ СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ (ПО ДНЕВНИКУ А. ДМИТРИЕВА 1946–1953 гг.)

«В феврале месяце происходили выборы в Верховный Совет СССР. Это было 10 февраля 1946 г. Вся эта комедия с выборами закончилась в один день. И пусть меня считают кем хотят, но я недоволен такими выборами. Это фактически не выборы, а только лишь сообщение народу, что в депутаты назначены такие-то и такие-то лица, как, например, у нас в городе – секретарь обкома ВКП(б) Гусаров и секретарь ВЦСПС Шверник.

Правда, эти выборы помогли народу лишь только в том, что в наших магазинах ОРСа всем отоварили жиры за прошлые месяца... ржаной мукой»¹, – высказывался о выборах 1946 г. рабочий авиамоторного завода им. Сталина в г. Молотове² Александр Дмитриев. Откровенная и, одновременно, аполитичная оценка событий выборов была оставлена им в личном дневнике 22 апреля 1946 г. Запись была сделана спустя два месяца после выборов отнюдь не случайно.

Александр Дмитриев вел дневниковые записи скрупулезно и регулярно. В конце 1945 – начале 1946 г. жизненные обстоятельства вынудили его сделать паузу в записях: «Очень большой перерыв в писании дневника был вызван большими неприятностями в жизни. В основном причиной этому был квартирный вопрос»³. И вот, в марте–апреле 1946 г. он восполняет пробелы, рассказывая о тех значимых событиях, которые с ним произошли в начале 1946 г. Выборы 10 февраля – это памятная дата, которая позволяет ему вспомнить

¹ Запись от 22 апреля 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955]: Документальная публикация / научн. рук. О. Л. Лейбович. [Электронное издание.] Пермь: ПермГАНИ, 2014.

² Город Молотов в 1940–1957 гг. – наименование города Перми. Пермь – крупный административный и промышленный центр Западного Урала. Авиамоторный завод – завод № 19, затем завод им. Сталина, завод им. Свердлова, ныне Пермский моторостроительный комплекс «Пермские моторы».

³ Запись от 26 марта 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

о более важных, с его точки зрения, коллизиях жизни: «Может быть, через несколько лет этот дневник попадет кому-нибудь в руки, и он посмеется над этой записью и скажет, что этого не могло быть. Но я еще раз пишу, что жиры действительно отоварили мукой»⁴.

«Дневник рабочего», который здесь и далее широко цитируется, – это опубликованная Пермским государственным архивом новейшей истории (ПермГАНИ) часть личных дневников рабочего завода им. Сталина Александра Ивановича Дмитриева (фонд № 6330)⁵. На протяжении нескольких десятилетий рабочий авиамоторного завода г. Молотова вел записи в личном дневнике, в которых касался самых разнообразных тем: от частных, семейных до общегосударственных, политических.

Александр Дмитриев ответственно относился к ведению дневника. Иногда жизненные ситуации делали затруднительным регулярные записи. Он старательно пояснял причину подобных перерывов: «Долго не писал потому, что жил два месяца в Москве. Вернее, под Москвой на ст. Щербинка Курской ж. д.»⁶ Когда командировочные разъезды стали частью его повседневной жизни, он приспособился вести записи в специальных тетрадках, дополняющих основной дневник информацией о том, что происходило с ним вдали от дома. После окончания периода командировок Дмитриев даже подсчитал свои переезды:

«Окончательно подсчитал, сколько я проехал с 27/XI 48 г. по 22/VI 50 г. Получаются такие цифры:

- а) по железной дороге – 43 204 км;
 - б) по воде на пароходе – 3 538 км;
 - в) по воздуху на самолете – 2 254 км;
 - г) по морю на теплоходе – 343 км;
- Всего – 49 339 км»⁷.

Деля записи, Александр Иванович откровенно рассказывал о том, что с ним происходило на работе и в быту, пытался рассуждать о мотивах своих поступков, иногда высказывал *moralité*: «Вчера на толкучке убили часов в 10 утра прямо в киоске скупщика вещей –

⁴ Запись от 22 апреля 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

⁵ В настоящий момент опубликована только часть дневников А. И. Дмитриева, охватывающая период с 1946 по 1955 г. Формат публикации – электронное издание, позволил рабочей группе в составе О. Л. Лейбовича (научн. рук.), А. С. Кимерлинг, Т. В. Бурнышевой, А. Г. Васильевой, М. А. Зайцевой, О. Д. Затопляевой, И. В. Папуловой, С. А. Пономарева (директор ПермГАНИ), И. Ю. Федотовой подготовить к публикации уникальные записи, дополнив их Приложением с поясняющими документами и фотоскопками газетных публикаций той эпохи.

⁶ Запись от 30 января 1949 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

⁷ Запись от 7 июля 1950 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

еврея. Забрали у него около 8-ми тысяч рублей денег и скрылись. По рассказам, это были двое в военной форме, но задержать их не успели. А тот еврей через некоторое время умер. Вот из-за проклятых денег лишился жизни человек. Жалко. Хотя он и еврей!»⁸

На основании дневниковых записей Дмитриева предполагается провести реконструкцию жизненного мира уральского рабочего в послевоенные годы в соответствии с феноменологической концепцией (А. Шюц). Феноменологическая теория побуждает исследователей развернуться от анализа «объективных» структур социального мира к человеку как конструктору социального мира, чьи деяния, чувства и мысли лежат в основе социальной системы – общества⁹. В понимании А. Шюца: «Жизненный мир есть... действительность, которую мы изменяем с помощью своих поступков и которая в свою очередь меняет наши поступки. Можно сказать, что наша естественная установка в отношении мира повседневной жизни определяются лишь прагматическим мотивом»¹⁰. Жизненный мир – это освоенная, понятная и наполненная очевидными смыслами повседневность, которую конструирует человек в процессе деятельности. Она наиндивидуальна, т. к. опирается на коллективные формы сосуществования людей и, одновременно, наполнена смысловым содержанием, т. к. ориентирует людей в процессе принятия ими поведенческих решений. Опираясь этими понятными и доступными смысловыми конструкциями, отдельный индивид участвует в жизнедеятельности различных сообществ и социокультурных институтов.

В дневниковых записях А. Дмитриева ярко выделяется сюжетная и пространственная доминанта – это события, так или иначе, связанные с заводским пространством: заводом и заводским поселком. Данное пространство выглядит для Дмитриева безопасным, понятным и естественным для принятия решений и общения с людьми, принадлежащими, так же как и он сам, к заводскому миру.

Заводской мир – это не только производственные отношения. Это мир насыщенных межличностных социальных связей, функционирующих поверх производственных норм и практик. Взаимные обязательства оказываются прочнее и значимее трудовых регламентов. Дмитриев иногда делает записи в дневнике на вполне бытовые темы, но их обыденность скрывает неотрефлексированное ощущение наше-

⁸ Запись 9 мая 1948 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

⁹ См.: Шюц А. Социальный мир и теория социального действия // Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 99–102.

¹⁰ Цит. по: Аббелль Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 2000. С. 86.

го героя, что в описываемой им ситуации происходит соприкосновение двух нормативных миров: «В субботу я был у Яшки в гостях на именинах. Это была, пожалуй, последняя сильная пьянка. Таких пьянок больше пока несколько времени мне не видать. Гостей было мало: директор и зав. производством чайной № 1, их жены, мой товарищ Витька с аккордеоном, мы с Зиной и Шурка. <...> Ночевали там же, где попало! Утром на другой день мне надо было на работу. Еще на дорогу я выпил, и мы с Зиной ушли домой. Времени было уже много. Я все равно на работу опоздал и решил совсем не ходить»¹¹.

Повседневность диктует свои правила – праздничное событие, в данном случае именины родственника, не могут обойтись без употребления спиртных напитков. Ограничением для их распития выступает физическая выносливость участников, что утром оборачивается своей «изнанкой» – плохим самочувствием и прогулом рабочей смены. Александр Иванович в данном случае не удосужился объяснить, как он решил проблему прогула. И это умолчание выдает определенную рутинность практик разрешения подобных ситуаций, т. к. стиль и характер ведения Дмитриевым своих записей позволяет предполагать, что проблемы с начальством были бы им отмечены в дневнике.

По схожим заметкам можно восстановить практику решения проблемы с пропуском рабочей смены: необходимо было лишь по телефону договориться со сменщиком, чтобы он отработал дополнительную смену. Можно с уверенностью утверждать, что в схожих обстоятельствах, когда товарищи по цеху обращались к нему со схожими просьбами, он также мог задержаться на работе и отработать дополнительную смену. Технические средства, в данном случае телефон, лишь расширили функционирование социальной сети заводских рабочих, сложившейся в условиях производственных отношений.

Уместно предположить, что такая практика замен могла работать только при негласном признании цеховым начальством права рабочих на самостоятельное решение части производственных задач. Сомнительно, что данные возможности были доступны всем работникам завода. Неартикулированный консенсус между рабочими и начальством сложился, скорее всего, в годы войны, когда сильно возросла ценность квалифицированной рабочей силы. Знающий моторы рабочий, умеющий проводить испытания, диагностировать сбои в работе авиационного мотора и их устранять был ценным кадром, на котором держался план работы всего цеха, а иногда и завода. Поэтому руководство было вынужденно допускать существование различных

¹¹ Запись от 16 декабря 1947 г. // *Дневник рабочего* [III.1946–XII.1955].

форм неформальных договоренностей между людьми ради решения производственных задач.

Неформальные правила неоднократно проявляют себя элементом производственных отношений. Помимо горизонтальной сети отношений между рабочими, можно наблюдать элементы иерархически выстроенной системы неформальных прав и обязательств.

Александр Дмитриев без дополнительных приказов понимает, что если в период отпусков появилась срочная работа по испытаниям авиационных моторов, он не должен просить ожидаемый и, скорее всего уже предварительно согласованный с начальством, положенный ему ежегодный отпуск: «На работе опять идет “комиссионка” и уже прошла 80 часов. Думаем все, что она пройдет. Сегодня уже начали ставить новую машину для проведения 100-часового государственного испытания. Начальство опять говорит, что это “последний” мотор. Это мы каждый раз слышим, когда начинаем новое комиссионное испытание. Как только этот мотор пройдет испытание, так сразу же я могу пойти в отпуск»¹². В отпуск Дмитриев пошел на месяц позже, с 20 августа, когда работа была выполнена.

Дмитриев квалифицированный рабочий, которого начальство ценило и за опыт, и за знания. По результатам аттестации в конце 1947 г., ему присваивают звание контрольного мастера 1-й категории¹³. Достаточно высокий профессиональный статус Дмитриева подтверждается уровнем оплаты труда, который в 1946–1947 гг. составлял 1300–1600 руб. в месяц, что превышало в 2–3 раза зарплату обычного рабочего. Его квалификация признается не только в цехе, но и в других подразделениях, что позволяет ему неоднократно менять место работы внутри предприятия в зависимости от конъюнктуры в сфере оплаты труда.

Разнообразен спектр досуговых интересов А. Дмитриева. Он коллекционировал пластинки, регулярно покупал и читал книги, среди которых иногда появляются нелегитимные издания: «Библия продвигается тихо. Тяжело ее все-таки читать»¹⁴, считал обязательным для себя знакомство с новинками кинопроката. В командировке он стремился сохранять привычный распорядок жизни – обязательно отмечал в тетрадках, как провел свободное время: «Смотрел кино “Свадьба с приданым”. Купил опять много новых книг»¹⁵.

Жизненный мир А. Дмитриева формируется из очень широкого круга повседневных практик, социальные комбинации которых боль-

¹² Запись от 15 июля 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

¹³ Запись 20 декабря 1947 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

¹⁴ Запись 15 января 1952 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

¹⁵ Запись 11 января 1954 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

ше напоминают портрет рабочего эпохи развитого социализма. Александр Иванович уделяет большое внимание карьере, ответственно относится к обучению и сдаче квалификационных экзаменов, участвует в общественной деятельности – выпускает стенгазету «Крокодил», без конфликта подписывается на займы: «А я опять сегодня ночью подписался на заем “Восстановление народного хозяйства”. Дал я стране взаймы 1400 рублей... А в цехе многие ребята на заем подписывались с неохотой»¹⁶, и затем тщательно следит за возможными выигрышами по полученным облигациям.

Дмитриев ценит деньги, ведет учет доходам и расходам, заранее, за полгода и более, планирует бюджет для проведения отпуска, оценивает эффективность командировок через призму удачных покупок, позволяющих не только добыть дефицитные вещи, но и сэкономить при этом деньги. В первые послевоенные годы, ради дополнительного дохода он занимался умеренными спекуляциями на рынке, продавая и покупая пластинки, перепродавая вещи.

Семейная тема в дневнике представлена особым образом. А. Дмитриев постоянно упоминает о своей супруге, почти всегда называя ее по имени – Зиной. Уделяет повышенное внимание собственному отношению к ней: «Вечером снова с Зиной спорил и ругался. Только с большим трудом помирились»¹⁷. О сыне Борисе пишет мало и редко. Даже во время их совместной поездки на теплоходе Дмитриев больше внимания уделяет ценам на продукты и описаниям, как провели время в очередном городе во время стоянки теплохода, чем отношениям с сыном: «Город (Сталинград. – А. К.) хороший, всем понравился. На восстановлении его работают немцы-эсэсовцы, осужденные нашим военным судом. Помидоры здесь 3–4 руб. кило – спелые и вкусные. Боря весь день был со мной»¹⁸.

Намного эмоциональнее описывались отношения с родственниками: «Я дома очень зол на Шурку, и если она на днях с нами не рассчитается, то я буду с ней ругаться. И такие условия для жизни ей создам, что она надолго запомнит свою ошибочную политику. Даже дров не буду давать»¹⁹. В дневнике периодически упоминаются семейные конфликты на тему организации быта и практик проживания в общем доме: «Дома с сестрами Зины у меня еще все происходят столкновения. Я, например, пользуюсь плиткой совсем от другой ли-

¹⁶ Запись 4 мая 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

¹⁷ Запись 14 июля 1947 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

¹⁸ Запись 22 июля 1951 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

¹⁹ Запись 30 сентября 1947 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

нии, а они все время говорят, что я жгу ее через счетчик. И никак я не могу им вдолбить в головы, что счетчик я совершенно не задеваю»²⁰.

Особое место в семейной жизни занимает тема снабжения. А. Дмитриев гордится умением «достать» необходимое, в этом он видит доказательство своей смекалки, умения устроиться в жизни и использовать все доступные ему ресурсы. Про успешную заготовку картошки он вспоминает даже спустя год: «А завтра я опять собираюсь ехать на машине в деревню насчет картошки. Ведь в прошлом году я в этот день уже привез тонну из Кондратовского совхоза, а в этом году у нас ее еще несколько нет. За эти дни, а я пойду на работу только в понедельник вечером, надо обязательно ее достать, где бы ни было»²¹.

В описании семейных отношений с трудом можно обнаружить элементы приватности и частной жизни, т. к. бытовые неурядицы или достижения тесно связаны с контекстом заводской жизни – размером выплаченной в цехе зарплаты, выделенного на заводе времени для отпуска, полученной путевки в профилакторий или санаторий. Даже праздничные дни предполагают организацию досуга преимущественно в среде заводских коммуникаций – А. Дмитриев с Зиной ходят в гости к товарищам по работе.

Большинство достижений, о которых рассказывает на страницах дневника Дмитриев, так или иначе соотносимо с заводской средой. Тем не менее есть элементы социального конструирования реальности заводской слободы, которые позволяют трактовать образ заводской слободы гораздо шире, чем просто пространственно-функциональная организация жизни рабочих.

Речь идет о границах, которые конструируются А. Дмитриевым в качестве социальных барьеров, отделяющих комфортную среду социальных взаимодействий от открытых городских пространств. Повседневная жизнь послевоенного советского города представляет собой напряженную и жестокую социальную среду, в которой человеку приходилось решать непростые задачи выживания. Не все зависело от личных качеств человека. Насыщенность, принудительность социальных коммуникаций накладывали отпечаток на стиль межличностных отношений. Жестокость и насилие нормализовались в качестве фона социальных отношений, проявляя себя внезапными манифестациями: «Как-то на днях я шел с работы домой в 2 часа ночи и вот на Ирбитской улице из-за угла внезапно вышел какой-то мужчина, и у меня инстинктивно пальцы сжались в кулаки. А в голове мелькнула мысль, что мы сейчас должны с ним сцепиться, как в драке. Но он пошел своим путем, а я – своей дорогой и подумал: “Да, на свете самые

²⁰ Запись 4 ноября 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

²¹ Запись 3 октября 1947 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

хитрые, вредные, безжалостные и в то же время трусливые животные – это люди”. Объяснений к этому никаких не требуется. “Человек – это культурный зверь!”²².

Работа, завод, социальные сети межличностных обязательств и отношений нормализуют ситуацию, позволяя с некоторой отстраненностью воспринимать коллизии окружающей жизни. «На днях зарезало насмерть девушку лет так 17–19-ти. Она попала под трамвай. Вот все-таки как жизнь непостоянна. Жила, радовалась, может быть, любила и за одну минуту превратилась в труп. Ей раздробило лицо и отрезало одну ногу. В общем, всюду надо соблюдать осторожность. Иначе не заметишь сам, как будешь лежать без признаков жизни», – рассуждает на тему «смерти и жизни» наш герой, и тут же замечает: «Сейчас буду работать в ночь»²³.

Необходимость определить свое отношение к жестокости социального мира побуждает А. Дмитриева выстраивать две стратегии реагирования на возможные ситуации. Он стремится обезопасить свое физическое пространство, быть настороже и подготовиться к возможным угрозам, прежде всего физического насилия: «Я хочу заказать Сережке, чтобы он мне сделал нож кинжального типа, а то имеющийся у меня “косарь” очень велик и неудобен для ношения с собой. А мне он всегда кажется нужной вещью в случае, если кто захочет ночью где-нибудь на меня наскочить с плохими намерениями»²⁴. Одновременно происходящее в городе, во внешнем по отношению к нему пространственном мире, объект приложения усилий со стороны институтов власти: «Продолжаются твориться безобразия в городе. К хулиганству, грабёжам и убийствам добавились еще и поджоги домов. На Шпальном поселке уже сгорело несколько домов. Причем жителям заранее угрожали записками, что их дом будет сожжен. Это же большое политическое дело. Неужели наша милиция не может справиться с подобными безобразиями. Если не может, так пусть просят помощи из Москвы, что ли. Эти хулиганы дошли уже до такой стадии безнравственности, что их нужно безжалостно бить на месте преступления. Возьмется ли, наконец, за это дело обком партии, если уже МВД ничего не может сделать»²⁵.

Указанное разграничение социальных миров, в контексте которых осмысливает, оценивает и принимает решение рабочий Дмитриев, объясняет особое отношение к заводу и его социальным ресурсам со стороны жителей заводских слободок. Завод – это «свой» мир, поэто-

²² Запись 15 июня 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

²³ Запись 3 февраля 1948 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

²⁴ Запись 15 июня 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

²⁵ Запись 30 декабря 1952 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

му нет ничего криминального в том, чтобы договориться с шофером об использовании заводского грузовика для поездки за картошкой: «Шофера угостили водкой, дали 100 руб. денег, да еще вечером я купил ему 0,5 литра спирту по государственной цене. И я, и он остались довольны. Я еще и на свой пай 0,5 литра спирту купил. Сейчас мы на зиму картошкой обеспечены»²⁶.

Ухищрения и ловкость, используя которые он достигает успеха, добывает дефицитные продукты и товары, уклоняется от заводских контролеров – это предмет особой гордости нашего героя: «Правда, и я не отрицаю, что живу за счет своей хитрости. Я, например, уже мог бы быть несколько раз отдан под суд за опоздания на работу, но мне все это сходит, т. к. я это делаю так хитро, что никто даже и не замечает моих опозданий»²⁷. Арсенал хитростей разнообразен и составляет важный социальный капитал Дмитриева, позволяющий ему выживать, обеспечивать достаток семье, пользоваться уважением окружающих. За это он ценит завод, профессию, карьеру и тот конгломерат социальных отношений, которые стали основой для его социальной идентичности, конструируемой в очень непростое время.

Подведем итоги – уникальный исторический источник, который пермские ученые и архивисты сделали достоянием общественности, опубликовав «Дневник рабочего. III.1946–XII.1955», позволяет взглянуть на прошлое глазами непосредственного участника событий, человека, который действовал в контексте духа послевоенного времени. Содержание дневника позволяет говорить о том, что исторический материал, содержащийся в них, – это нечто большее, чем информация о жизни отдельной заводской слободки промышленного центра Урала. Кирилл Кобрин отмечал: «“Дневник”, пожалуй, самый “исторический” жанр. Мало того, что возник он вследствие осознания истории не только как “священной”, но и как приватной, личной; превращение его из банальных прикладных записей, из расширенной приходно-расходной книги или ренессансного органайзера в “литературный жанр” стало возможно только в процессе смены историко-культурных парадигм; иными словами, когда частный человек стал интересен не только самому себе, но и окружающим»²⁸. Записи Дмитриева с очевидностью иллюстрируют ценность таких источников.

В дневниковых записях А. Дмитриева советский мир предстает многослойным и противоречивым. Идеологический язык смешивается с бытовой речью, официальные ценности корректируются здравым смыслом, трудовые практики взаимодействуют с играми обме-

²⁶ Запись 26 октября 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

²⁷ Запись 4 мая 1946 г. // Дневник рабочего [III.1946–XII.1955].

²⁸ Кобрин К. Похвала дневнику // НЛЮ. 2003. № 61. С. 289.

на, мифы, производимые советской пропагандой, накладываются на патриархальные традиции. Все это вместе взятое позволяет отойти от плоского и одномерного изображения коллективного сознания советских рабочих поздней сталинской эпохи и понять социальную среду послевоенного города, в котором впервые за годы советской власти появились «обжитые» социальными группами жизненные пространства. А значит, советское общество приобрело структурную глубину и социальную устойчивость, что, возможно, и позволило ему воспроизводить себя еще несколько десятилетий.

II. ПОЛИТИКА, КОНТРОЛЬ И СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

М. В. Зеленев

РОЛЬ А. А. ЖДАНОВА В РЕФОРМЕ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ ЦК ВКП(б) И ИХ АППАРАТА В 1946 г.: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

По свидетельству Г. В. Шумейко, в 1939 г. влияние Л. М. Кагановича в аппарате ЦК было снижено, пересмотр работы аппарата поручался Жданову и Маленкову¹. В состав Секретариата ЦК вошли И. В. Сталин, А. А. Андреев, Жданов и Маленков. В годы войны аппарат ЦК претерпел изменения, связанные с его ориентацией на управление промышленностью в экстремальных условиях. После войны возникла объективная необходимость «демилитаризации» аппарата ЦК, обновления его структуры и кадрового состава. Структура, штатное расписание и кадры аппарата послевоенного периода исследованы². Проблема заключается в том, что влияние секретарей ЦК ВКП(б) на рабочий аппарат ЦК ВКП(б) остается малоизученной. Какую роль сыграл в этом Жданов?

Объект исследования в данной статье – роль секретаря ЦК Жданова в реформах аппарата ЦК, т. е. стереотипное поведение (политическое, административное) Жданова в рамках (не в рамках) своих должностных обязанностей секретаря ЦК, описание действий и позиции Жданова только в отношении реформы партийных структур.

¹ Шумейко Г. В. Из летописи Старой площади. Исторический опыт. М., 1996. С. 51, 121.

² См.: Зеленев М. В. Аппарат ЦК ВКП(б)–КПСС в 1939–1948 гг.: общая характеристика // Актуальные проблемы отечественной истории и современной модернизации России: [Сб. статей памяти профессора В. Б. Макарова] / отв. ред. А. А. Халин. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2010. С. 79–93; Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946, июле 1948 и октябре 1952: структура, кадры и функции. Источники для изучения // Modern history of Russia. 2011. № 1. С. 97–116. URL: http://history.spbu.ru/userfiles/Zelenov_01.pdf; Он же: Источниковедческие проблемы делопроизводства ЦК ВКП(б) в 1946–1952 гг. и некоторые варианты их решения (привлечение финансовой отчетности) // Актуальные проблемы социальной коммуникации: Материалы Первой международной научно-практической конференции. Нижегородский государственный технический ун-т им. Р. Е. Алексеева. Н. Новгород, 2010. С. 368–370.

В статье не описываются многочисленные записи Жданова по реформированию идеологической сферы и репрессиях в культуре.

История послевоенной политической борьбы в партийной элите давно привлекает внимание исследователей³. На сегодняшний день в историографии (Г. Костырченко⁴, Р. Пихоя⁵, О. Хлевнюк, Й. Горлицкий⁶ и др.) прослеживается линия противостояния Г. М. Маленкова (в союзе с Л. П. Берия) и А. А. Жданова (в союзе с А. А. Кузнецовым) в борьбе за власть⁷. И действительно, И. В. Сталин приближал к себе то одного, то другого. Мое сомнение о наличии единой «ленинградской группы» в ЦК поддержал В. А. Кутузов, подчеркнувший начавшееся еще в годы войны противостояние между Ждановым и Кузнецовым⁸. Историки, изучающие состояние политической элиты в 1946 г., опираются, прежде всего, на постановления Политбюро, интерпретируя текст протоколов и реконструируя по ним картину взаимоотношений различных группировок в ЦК. Однако этот источник почти не помогает при изучении роли Жданова в реформе руководящих органов ЦК. Представляется необходимым расширение круга документов за счет источников личного происхождения.

³ См.: Жуков Ю. Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 годах // Вопросы истории, 1995. № 1. С. 23–39; Пыжиков А. В. Ленинградская группа. Путь во власть (1946–1949) // Свободная мысль. 2001. № 3. С. 89–104.

⁴ Костырченко Г. Маленков против Жданова. Игры сталинских фаворитов // Родина. 2000. № 9. С. 85–92.

⁵ Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть: сорок лет после войны, 1945–1985. М., 2007.

⁶ Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

⁷ «Возвращение Жданова в ближайшее окружение Сталина означало возвращение к довоенному балансу сил, усилению конкуренции в Политбюро, прежде всего между «ленинградцами» и тандемом Маленков–Берия» (Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Указ. соч.). «Эти деятели претендовали на негласную роль второго человека в стране и упорно друг друга подсиживали. В начале 1946 г. верх начал одерживать вроде Жданов, добившийся даже удаления Маленкова на несколько месяцев из Москвы. Тому вменили ошибки в управлении авиапромышленностью и чуть ли не развал военно-воздушных сил. Жданов вернул себе полномочия главного идеолога и частично – через Кузнецова – поставил под свой контроль кадры и спецслужбы. Но Маленков вскоре переиграл соперника, раздув дело о ленинградских журналах и писателях, заодно заронив у вождя подозрения в отношении ленинградских и московских властей. Суслов должен был выяснить, кто говорил вождю правду, а кто ради собственной карьеры лукавил». (Огрызко В. Охранители и либералы: в затянувшемся поиске компромисса: вмешательство старой площади, или Тайные роли Михаила Суслова // Литературная Россия. 20.06.2014. № 25).

⁸ В. А. Кутузов А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Modern history of Russia. 2012. № 1. С. 193–203; Кутузов В. А. Загадочная смерть А. А. Жданова // Modern history of Russia. 2013. № 1. С. 164–177.

В РГАСПИ хранятся записные книжки Жданова (с датированными и недатированными записями)⁹, его блокноты (в некоторых случаях сохранились только вырванные из блокнота листы)¹⁰ и журналы приема посетителей в Москве, Ленинграде и Финляндии¹¹, которые не привлекались исследователями ранее, хотя представляют огромный интерес, поскольку в силу природы их создания несут аутентичную информацию о роли Жданова в аппарате ЦК. Привлекаемые источники приоткрывают для исследователей незнакомый им пласт информации о функционировании аппарата ЦК и места в этом функционировании Жданова. Это дает возможность перейти из области интерпретации постановлений Политбюро и воспоминаний к изучению конкретных событий и объема полномочий не только Жданова, но и других секретарей ЦК.

По сути, данная статья – попытка привлечь исследователей к этим обделенным их вниманием источникам.

После отпуска, связанного с инсультом, Сталин вернулся в Кремль 17 декабря 1945 г. и до конца года из всех членов и кандидатов Политбюро он встретился только (судя по журналу посещений в Кремле) с Микояном, Маленковым, Берией, затем Молотовым, и напоследок – с вызванным решением Политбюро 29 декабря из Финляндии¹² – Ждановым 30 декабря 1945 г. Из семи членов Оргбюро, кроме Маленкова и Жданова, не был принят никто. Кроме них, в Секретариат входил проигнорированный Андреев и сам Сталин.

Одна из записных книжек Жданова содержит недатированную запись, сделанную (наше предположение¹³) во время приема у Сталина 30 декабря 1945 г., на которой присутствовали заместители председателя СНК СССР Г. М. Маленков и Л. П. Берия, председатель Верховного Совета РСФСР Жданов и помощник народного комиссара иностранных дел СССР В. Н. Павлов. Все они были связаны с реализацией внешнеполитической линии, на заседании обсуждался один внешнеполитический вопрос. Но для нас главное, что первый вопрос,

⁹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179 и др.

¹⁰ Там же. Д. 180 и др.

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 75 и др.

¹² Кутузов В. А. Жданов и Союзная Контрольная Комиссия в Финляндии // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.: Сб. статей / под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Городецкой. СПб., 2006. С. 395–407.

¹³ Следующие встречи Жданова со Сталиным проходили 6, 13, 23 и 25 января 1946 г. в составе большой группы партийцев, так что обсуждение описываемых вопросов в большой группе маловероятно. Встреча 24 января проходила в составе: Молотов, Маленков, Берия, Жданов. Если бы привлекаемая нами запись была сделана в этот день, то возникает вопрос – почему нет следов первой встречи со Сталиным? Следующая же запись в записной книжке Жданова датируется 26 января 1946 г.

который был затронут, определил события Пленума ЦК 18 марта 1946 г. и оформленную на нем кадровую реформу руководящих органов ЦК ВКП(б).

«Андреев. Пусть будет с[екрета]рем. Каганович. Жданов. Маленков». Первая же проблема возникает на первой странице записной книжки, поскольку «Маленков» представляется вписанным позднее над «Андреев», «Пусть будет секретарем» написано рядом с фамилией Андреева, но позднее и может относиться не к Андрееву, а к Маленкову или Кагановичу. Далее следует продолжение кадрового вопроса: «С[екрета]рь МК Попов. Кузнецов А. А.

Кадры.

Маленков. Республиканские ЦК.

Патоличев¹⁴. Андрианов¹⁵. Жаворонков¹⁶, Родионов¹⁷.

По РСФСР[:] Косыгин¹⁸. Пронин¹⁹.

Косыгин был бы хорошим *Замом*.

Курсы учебы. Освежить себя хотя бы на 3–4 месяца»²⁰.

Это значит, что Сталин, предполагая провести реформу политической системы государства, не захотел отдавать ее в руки только Маленкова и Берии, но привлек и Жданова. С ними Сталин определил будущее Оргбюро и Секретариата, как и будущие кадровые перестановки в советских органах. Нельзя исключать, что возникла некая договоренность о распределении действий по подготовке будущего Пленума между Маленковым и Ждановым. Вполне вероятно, что Жданову поручалось направить свое внимание на работу советских органов – правительства, ВС СССР, внешней политики, на идеологическую сферу (записные книжки и блокноты Жданова наполнены записями о журналах, кинофильмах и т. п.), а Маленкову – на реформу аппарата ЦК, его подразделений. Журнал встреч Жданова отражает его активность в январе и феврале 1946 г.: он встречался с

¹⁴ Н. С. Патоличев 18.03.1946 стал членом Оргбюро ЦК ВКП(б).

¹⁵ В. М. Андрианов 18.03.1946 стал членом Оргбюро ЦК ВКП(б).

¹⁶ В. Г. Жаворонков до 19.04.1946 был 1-м секретарем Куйбышевского областного комитета ВКП(б), назначен инспектором ЦК.

¹⁷ М. И. Родионов 18.03.1946 стал членом Оргбюро ЦК ВКП(б).

¹⁸ А. Н. Косыгин до 23.03.1946 был председателем СНК РСФСР, а с 20.03.1946 – заместителем председателя Бюро СМ СССР (а с 18.03.1946 – кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б)).

¹⁹ В. П. Пронин до 23.03.1946 был 1-м заместителем председателя СМ РСФСР, а с 23.03.1946 стал заместителем председателя СМ РСФСР.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. [Записная книжка № 3]. Л. 3–4. Далее идет запись, посвященная внешнеполитическим проблемам, что объясняет присутствие В. Н. Павлова.

секретарем ЦК А. А. Андреевым, будущим секретарем ЦК А. А. Кузнецовым, работниками прокуратуры. Запись 7 февраля «Об отделах внешней политики и военных отделах в ЦК»²¹ могла быть связана со встречами 4 и 13 февраля с Л. С. Барановым из Бюро международной информации. 21 и 22 февраля Жданов провел большие совещания с работниками УПА ЦК. 6 марта 1946 г. Жданов, Молотов, Берия, М. Г. Багиров, Маленков, Микоян были на приеме у Сталина. В записной книжке Жданова остались записи об этой встрече, на которой решались вопросы реформы ВС СССР, составе его постоянных и временных комиссий, его структуре и функционировании²².

Намеченные в декабре 1945 – январе 1946 г. изменения в кадровом составе руководящих органов ЦК были оформлены на Пленуме 18 марта 1946 г.: был выбран новый состав Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Только три человека – Сталин, Жданов и Маленков вошли во все высшие органы партии – Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК. В Секретариате остались Сталин, Жданов и Маленков, выпал А. А. Андреев, но появились первые секретари Московского (Г. М. Попов) и Ленинградского (А. А. Кузнецов) комитетов партии. Тогда же был обсужден и состав нового правительства – Совета министров СССР с реорганизацией его аппарата.

18 марта Сталин встречался только со Ждановым и Маленковым (вероятно, уже после Пленума ЦК, с 22.50 до 23.10.). Записная книжка Жданова содержит краткую запись: «18/III. Корниец²³. Ломако²⁴». На следующей странице написано: «О сессии. От группы делегатов. Мы согласны в целом. Президиум от группы делегатов»²⁵.

После Пленума 18 марта деятельность Жданова заметно оживилась: он почти ежедневно принимает у себя секретарей обкомов и союзных республик, работников ВС СССР, работников УПА ЦК, ЦК КП(б) Финляндии и т. д.

Деятельность Маленкова также активизировалась: впервые стали собираться на заседания Оргбюро и Секретариат ЦК (с 21 марта по 6 апреля было проведено 9 заседаний!).

Пока Жданов занимался вопросами ВС РСФСР и СССР, Маленков подготовил проект реформы руководящих органов ЦК ВКП(б). 13 апреля 1946 г. на заседании Политбюро по докладу Маленкова

²¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. [Записная книжка № 3.] Л. 26.

²² Там же. Л. 38–41.

²³ Л. Р. Корниец – 1-й заместитель председателя СНК – СМ Украинской ССР. С ним Жданов встречался 21 марта.

²⁴ Вероятно, П. Ф. Ломако – народный комиссар цветной металлургии СССР.

²⁵ Там же. Л. 43 об. – 44. Первая сессия Верховного Совета СССР состоялась 12–19 марта 1946 г. Седьмая сессия ВС РСФСР проходила 20–25.6.1946 г.

впервые после 1922 г. функции Секретариата были изменены²⁶: на него возложено «распределение руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров» (а не «текущая работа организационно-исполнительного характера»). Председательствование на заседаниях Секретариата поручалось А. А. Кузнецову, назначенному вместо Маленкова начальником Управления кадров. Заведующим ОВП назначен М. А. Суслов, заведующим Оргинстром – Н. С. Патоличев, первый секретарь Челябинского обкома партии. Одновременно с этим производственные отделы – сельскохозяйственный и транспортный – были ликвидированы²⁷. И сразу, уже с апреля, кадровый состав аппарата стал стремительно меняться: увольнялись заведующие секторами, инструкторы, часть сотрудников направлялась на учебу в ВППШ или АОН при ЦК ВКП(б).

Жданов не был отлучен от трансформации аппарата ЦК – он был занят той ее частью, которая была связана с идеологической сферой. Еще до реформы аппарата, 22 марта 1946 г. Александров направил Жданову проект постановления ЦК «Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций...», на котором сохранилась помета «Послано т. Маленкову Г. М.»²⁸ 18 апреля Жданов провел в Кремле крупное совещание УПА ЦК по реорганизации идеологической работы, 21–22 апреля – совещание УПА ЦК по работе кино.

22 апреля 1946 г. Жданов и Александров направили Сталину, Маленкову, Кузнецову и Попову (каждому в отдельности) «Предложения о мероприятиях по улучшению руководства агитпропработой и по укреплению аппарата управления пропаганды ЦК ВКП(б)»²⁹. В проект «Предложений» Жданов вписал: «3. Установить, что Секретарь ЦК тов. Жданов осуществляет руководство партийными и советскими организациями в области пропаганды и агитации как через аппарат Управления пропаганды ЦК, так и непосредственно <через> путем общения и связи с соответствующими партийными и советскими руководителями (Министр кинематографии, председатель Комитета по делам искусств, председатель Союза Советских писателей,

²⁶ В 1922 г. в Уставе партии определение, что ЦК организует «для политической работы – Политическое бюро, для общего руководства организационной работой – Организационное бюро, для текущей работы организационно-исполнительного характера – Секретариат» (см.: XVIII съезд: Стенографический отчет. М., 1939. С. 681). Эта же формула была повторена в Уставе 1939 г.

²⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева и др. М., 2002. С. 32–33 (далее – ПБ и СМ).

²⁸ РГАСНИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 24. Л. 14. Сопроводительное письмо.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Л. 449. Л. 1–30. (Сопроводительное письмо Кузнецову и проект). Ф. 77. Оп. 3. Д. 24. Л. 15–20 – черновик и чистовики сопроводительных писем: направляем «на Ваше рассмотрение», Л. 20–49 – проект с приложениями.

Председатель Радиокomiteта и т. д.) и рассмотрения вопросов, вносимых ими в ЦК ВКП(б)»³⁰.

22 апреля Жданов (а также Молотов, Берия, Маленков, Микоян) встречался со Сталиным. Сохранилась запись об этой встрече, которая, как представляется, стала переломной в процессе реформирования как аппарата, так и руководящих ЦК: «22/IV О Герасимове как Заме Большакова³¹. Сличить Лозунги»³². Далее на следующей странице записной книжки тема кадров идеологии меняется на тему кадров аппарата ЦК в целом. Дважды обведены фамилии: «Задонченко»³³. Игнатьев³⁴. Трижды подчеркнуто «Патоличев»³⁵. Далее: «Гусаров»³⁶ *послабее*. Родионов³⁷ был бы *хорош* в Оргинстре. Александров.

Тогда заново подготовить». После отчеркивания тема вновь поднимается на более высокий уровень:

«ОБ.

С-т готовит для ОБ и ПБ.

Парторганизации наверху. Оставить печать. Функции С-та и ОБ соответственно изменить. С-т готовит, а ОБ отвечает за то, что подлежит ОБ и контролирует выполнение решений ОБ и ПБ. С-т постоянно действующий, а ОБ заседающий. То, что решили, надо отменить. На ОБ поочередно председательствовать?»³⁸

Далее возникает (боковая?) тема: «Сопоставить наш договор с англо...ским»³⁹. Никакого участия в управлении. В конце года сдают».

³⁰ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 24. Л. 44. Рукопись карандашом на листке из блокнота.

³¹ В 1944 г. С. А. Герасимов был назначен заместителем председателя Комитета кинематографии И. Большакова по военной хронике. В 1944–1945 гг. возглавлял Центральную студию документальных фильмов. Снят с обоих постов решением Оргбюро по инициативе Маленкова за ошибки в кинофильме, посвященном Берлинской конференции руководителей Трех держав. См. записку Маленкова об этом Сталину 3 октября 1945 г. URL: <http://www.world-war.ru/voennoe-kino-v-sovetskom-kinematografe-foto/> (публикация Н. Пивоварова). Вероятно, это один из сюжетов недовольства работой Маленкова.

³² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 62 об.

³³ С. Б. Задонченко до 25.04.1946 был 1-м секретарем Кемеровского областного комитета ВКП(б). С 01.05.1946 оформлен инспектором ЦК ВКП(б).

³⁴ С. Д. Игнатьев до апреля 1946 г. был 1-м секретарем Башкирского обкома. С апреля 1946 – зам. нач. Управления по проверке парторганов ЦК (*Примеч. автора*).

³⁵ Н. С. Патоличев с 13 апреля – зав. Организационно-инструкторским отделом ЦК. 6 мая будет избран вместо Маленкова секретарем ЦК ВКП(б).

³⁶ Вероятно, Н. И. Гусаров до 19.04.1946 1-й секретарь Пермского – Молотовского областного комитета, потом – инспектор Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б).

³⁷ С 23.03.1946 он был председателем СМ РСФСР.

³⁸ Там же. Л. 64 об. – 65 об.

³⁹ Слово читается нечетко.

И разговор вновь возвращается к реформе Секретариата и Оргбюро ЦК: «Создать бюро ЦК. Назначить Маленкова. Положение *составить*».

С[екрета]рей – 3.

Патоличева.

Несколько бюро для отдаленных районов.

Украине и Белоруссии помочь кадрами»⁴⁰.

Судьба Маленкова после высказанного Сталиным приговора его партийной реформе («То, что решили, надо отменить») была решена. Судя по дальнейшему ходу изменений функций руководящих органов ЦК, Сталину не понравилось, что Секретариат был ограничен только «распределением кадров», вместо того чтобы быть полноценным рабочим органом. Одновременно трудно представить, что предложения Маленкова были утверждены на Политбюро без одобрения Сталина. Любой ответ с решением этого ребуса не выйдет за рамки вольных интерпретаций. Реформа аппарата ЦК была поручена Жданову. Поданные 22 апреля Сталиным идеи о реформе руководящих органов ЦК будут оформлены Ждановым почти дословно в виде постановления Политбюро 2 августа 1946 г.

Жданов подробно излагает план реформирования руководящих органов ЦК (и их аппарата). Эти записи датированы им 3 мая. В журнале посещений Сталина встречи со Ждановым в этот период не зафиксированы, но это не значит, что встреч не было⁴¹. 3 мая Жданов встречался с одним только Кузнецовым, вполне вероятно, что эти мысли зафиксированы им на этой встрече:

«О КПК.

О бюро ЦК. [...]

Отдел <работы местных парторганов и инспектора> проверки парторганов инспектор-контролер. [...]

В аппарате ЦК.

Вместе с Ал[екса]ндровым. Гл. направление⁴² поставить печать и парт. органы на ноги.

Оргинстр. превращаем в Управление по проверке партийных органов.

Андрианов? Гусаров. Жаворонков. Задионченко. Игнатьев. Борков. Калашников.

⁴⁰ Там же. Л. 66.

⁴¹ Вероятно, журналы посещений Сталина на «ближней даче» сохранились и будут доступны исследователям.

⁴² Далее под строкой вписано два слова (неразборчиво).

Заставить <парт> школу партийную пройти. *Переподготовка. Работать* и посещать школу. Сюда на переподготовку. Без теоретич. подковки партработник ничто⁴³. [...]

ОБ заседающий Секретариат подготавливает хоть два раза в день подготавливает [(а решает ОБ)] и следит за выполнением решения. Орган подготавливающий.

Закрывать на распределении нельзя. ОБ вызывает людей проверять Республики и области.

Сначала на ОБ... Жданов потом очередно.

СТ.

ОБ проверяет работу республиканских органов областных и краевых. Гласная забота.

Директивный орган по партработе ОБ. Более или менее регулярно перед ОБ обязательно СТ. Д. б. план.

СТ через Управление будет проверку осуществлять.

ОБ директивный орган по партийным и парт.-орг. вопросам.

СТ постоянно действующий подготавливающий и выполняющий Планы по Управлению на С-те <на ОБ > по ОБ.

Отдел внешней политики. Кого-либо другого знающего языки»⁴⁴.

Это – более подробное изложение тех мыслей, которые высказал Сталин 22 апреля.

В воскресенье 5 мая Жданов ни с кем не встречался, Сталин встречался с Берией, Микояном и Маленковым... Может быть, записи Жданова отражают его собственные размышления о судьбе аппарата ЦК, а может быть, это результат встречи со Сталиным – любой ответ будет в области интерпретаций. Суть в том, что в начале мая Жданов активно разрабатывает вопросы реформы руководящих органов ЦК в духе сталинских указаний:

«5/V. Старшие и младшие инспектора. [...] Задача партии создать условия, при которых парткомы были бы независимы и самостоятельны для осуществления контроля над гос. аппаратом»⁴⁵. [...]

Уточнить задания и определить *сроки*:

Задания:

- 1) О реорганизации оргинстра.
- 2) О положении ОБ и СТ [...]
- 5) О плане ОБ 10-го»⁴⁶.

⁴³ «Ничто» вписано позднее.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. [Записная книжка № 2.] Л. 3–11, 12 об. – 15 об.

⁴⁵ Нельзя исключить, что усиление партийного контроля над государственными структурами являлось основным мотивом Сталина при смене политики реформирования партаппарата.

⁴⁶ Там же. Л. 17–19.

6 мая 1946 г. опросом Пленум ЦК вывел Маленкова из состава Секретариата ЦК (и избрал секретарем Патоличева). Жданов продолжает активно прорабатывать направления партийной реформы и начинает ее реализовывать. Если де-юре подготовленное Маленковым постановление Политбюро 13 апреля не было отменено, то оно перестало действовать де-факто.

Реализация сталинского плана началась уже 7 мая: Жданов стал выполнять функции председательствования на Секретариате и Оргбюро. Журнал посетителей секретаря ЦК Жданова фиксирует одновременное присутствие на приеме у Жданова всех секретарей ЦК (Патоличева, Кузнецова, Попова), а также руководителей подразделений (управлений и отделов) ЦК или руководителей государственных структур. Все (кроме одного) протоколы Оргбюро и Секретариата ЦК после 20 апреля до конца ноября 1946 г. подписаны Ждановым. Его почти ежедневные оперативные заседания в кабинете можно называть «минисекретариатом».

10 мая Жданов встречался с секретарями ЦК Патоличевым, Кузнецовым, Поповым. В записной книжке Жданов фиксирует: «План 10/V. [...] Повестку Ста ОБ? Затребовать план ОБ»⁴⁷.

Принять: [...]

Вечером 7 ч. Совещание по внешнему отделу.

Созвать 11 или 13-го по внешней пропаганде»⁴⁸.

Итак, с 22 апреля, особенно с начала мая, Жданов реализует сталинские идеи по реформе руководящих органов ЦК и аппарата ЦК. Чем же были заняты другие секретари ЦК?

11 мая 1946 г. Патоличев обратился к Жданову с просьбой внести на обсуждение Секретариата ЦК кандидатуры инспекторов ЦК⁴⁹. 13 мая (первоначальная дата – 10 мая) Патоличев направил Жданову «на утверждение Секретариата ЦК» структуру планируемого Управления по проверке партийных органов⁵⁰. 8 июня 1946 г. Патоличев направил секретарям ЦК Жданову и Попову одновременно план работы будущего Управления по проверке партийных органов⁵¹, им же вторично – 26 июня⁵², только Жданову 29 июля (с просьбой внести на утверждение секретариата)⁵³, и уже итоговый исправленный вариант

⁴⁷ План работы Оргбюро на июнь, июль, август обсуждался на заседании Оргбюро 18 мая 1946 г.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. [Записная книжка № 2.] Л. 20.

⁴⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 448. Л. 4. (Сопроводительное письмо.)

⁵⁰ Там же. Д. 448. Л. 107, 108–113. (Сопроводительное письмо и проект.)

⁵¹ Там же. Д. 448. Л. 142–156, 40–55.

⁵² Там же. Д. 448. Л. 129–141, 27–39.

⁵³ Там же. Д. 448. Л. 114–128.

(структуру и план работы нового Управления) – только Кузнецову 6 августа⁵⁴.

Кузнецов стал принимать посетителей регулярно с 22 мая (с этой даты ведется его журнал посетителей). 24 мая он собрал на совещание сотрудников Управления кадров, и в дальнейшем встречался в основном с ними, а также с секретарями обкомов, облисполкомов, руководителями министерств, он проводил совещания комиссий, созданных решениями руководящих органов ЦК.

Деятельность Попова как секретаря ЦК в привлеченных источниках не отражена. Вероятно, указание Сталина о трех секретарях («С[екрета]рей – 3») было реализовано как указание о трех работающих секретарях, о трех секретариатах секретарей. В одном из источников указано, что в составе техсекретариата Оргбюро в конце 1947 г. было три секретариата: Жданова (7 человек), Кузнецова (4 человека) и Суслова (3 человека). Поскольку Суслов сменил Патоличева, то можно предположить, что был секретариат Патоличева (и журнал его посещений). Одновременно можно предположить, что секретариат Попова не был организован.

Определение нового статуса и функций Секретариата было завершено постановлением Политбюро 2 августа 1946 г.⁵⁵ Проект постановления был подготовлен Ждановым на основе высказанных 22 апреля Сталиным указаний и направлен Сталину всеми секретарями ЦК – Ждановым, Кузнецовым, Патоличевым, Поповым. Оргбюро было названо «директивным органом ЦК ВКП(б) по партийной и партийно-организационной работе». Секретариат определен «постоянно действующим рабочим органом ЦК. Главной задачей Секретариата ЦК является подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению Оргбюро, и проверка исполнения решений Политбюро и Оргбюро ЦК. Секретариат организует через соответствующие управления и отделы ЦК исполнение решений ЦК. Секретариат ведет также работу по распределению руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров». Однако этим Секретариат занимался и ранее, вероятно, это первое озвученное в постановлении Политбюро признание функции С-та ЦК. А вот далее следует впервые же резкое понижение его статуса: «В соответствии с изложенным характером работы Секретариат не имеет регулярных заседаний и собирается по мере необходимости. Секретариат ЦК не имеет своего плана работы, а руководствуется планом работы ОБ и решениями Политбюро». Отдел школ был включен в состав УПА. ОМИ официально был пре-

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 448. Л. 94–106.

⁵⁵ ПБ и СМ. С. 34–36.

образован в ОВП. Оргинструкторский отдел был реорганизован в Управление по проверке партийных органов (Н. С. Патоличев).

Руководство отделами ЦК в августе–ноябре 1946 г. находилось в руках Жданова, который возглавлял как Оргбюро, так и Секретариат ЦК⁵⁶.

Задачи Секретариата и Оргбюро были определены тем же постановлением 2 августа: «Укрепление наших местных парторганов» и «улучшение работы печати, в первую очередь газет». Жданов тот час же занялся и тем и другим. В сохранившихся набросках планируемых изменений, датированных 4 августа, значится: «Ответорганизаторы не оправдали себя»⁵⁷. 14 августа Секретариат утвердил структуру Управления по проверке партийных органов и план его работы на 3 месяца, а 10 сентября 1946 г. Секретариат провел первые кадровые назначения. Появилась новая должность «инспектор ЦК», и вместо ответственных организаторов – информаторы, «инспектор Управления», увеличилось количество инструкторов. Записи 4 августа содержат развернутую программу реформы не только отдела культуры, выделения отдела журналов из отдела печати, но и работы с редакторами: проведение с ними еженедельных совещаний, организацию отчетов газет на Секретариате, создание районных школ для работников печати и т. п.⁵⁸ Теперь Александров вместе с Патоличевым направляли Жданову предложения по журналам⁵⁹.

29 ноября 1946 г. Жданов провел последнюю встречу в своем кабинете (накануне он записал в блокноте «О Бюро ЦК»⁶⁰) и... председательствование на Оргбюро и Секретариате ЦК перешло на время его отпуска до января 1947 г. к Кузнецову.

Итак, 30 декабря 1945 г. реформа руководящих органов ЦК и их аппарата была поручена Маленкову, который вызвал недовольство Сталина. С 22 апреля 1946 г. проведение реформы и разработка ее деталей поручалась Жданову. Она была проведена в точном соответствии с указаниями Сталина, и до конца ноября 1946 г. Жданов председательствовал на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК, фактически возглавляя аппарат ЦК ВКП(б).

Записи, которые делал Жданов в своих книжечках и блокнотах, не всегда совпадают с датами (зарегистрированными в кремлевском

⁵⁶ Я ошибочно считал, что Оргбюро возглавлял Маленков и власть осталась у него (см. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946, июле 1948 и октябре 1952...). Но он был там после 20 апреля только несколько раз: 17 и 26 июля, 9 и 28 августа, 14 и 28 декабря.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 168. Л. 104.

⁵⁸ Там же. Л. 105–108.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 449. Л. 31 и далее.

⁶⁰ Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. [Записная книжка № 1.] Л. 12.

журнале посещений) его встреч со Сталиным. Поэтому утверждать, что Жданов в них записывал только указания вождя, а не свои собственные размышления, не корректно. Поскольку записные книжки позволяют датировать возникновение политических идей и проследить их реализацию и развитие, перед исследователями стоит задача последовательного анализа этих записей (после их расшифровки и датировки). Журналы посещений дают возможность увидеть, чем был заполнен трудовой день Жданова как секретаря ЦК, т. е. определить его роль в системе аппарата ЦК ВКП(б). Анализ круга встреч (и круга проблем, которые приходилось решать Жданову) также может стать самостоятельной исследовательской задачей.

Если мы сможем проследить, какая часть записей является плодом самостоятельного политического анализа Жданова, а какая – итогом встреч со Сталиным, то это даст возможность более точно определить политическую роль Жданова в партийной (и в целом – политической) системе СССР. Привлеченные источники дают возможность сказать, что с весны 1946 г., определенно с 22 апреля, Жданов стоял выше всех остальных секретарей ЦК (поэтому в определенной степени мог определять деятельность Кузнецова). Но была ли единая «ленинградская группа», и какова степень политической самостоятельности Кузнецова на основании привлеченных источников, сказать нельзя.

Н. Ю. Пивоваров

ПОСЛЕДНЕЕ СТАЛИНСКОЕ БЮРО: СТРУКТУРА И КАДРОВЫЙ СОСТАВ БЮРО ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС (ОКТАБРЬ 1952 – МАРТ 1953 г.)

На XIX съезде в устав партии были внесены существенные изменения. ВКП(б) получила новое наименование – КПСС, а в связи с формальным объединением Политбюро и Оргбюро ЦК создан новый орган – Президиум ЦК. По числу членов он был заметно больше Политбюро, избранного на XVIII съезде ВКП(б). Так, по сравнению с девятью членами и двумя кандидатами в члены старого Политбюро, новый Президиум включал 25 членов и 11 кандидатов в члены. Поэтому почти сразу возникла потребность в более оперативном органе. Так было образовано Бюро Президиума ЦК – высший орган государственной власти, которым непосредственно руководил И. В. Сталин. Изучение Бюро ЦК позволяет точнее оценить пределы последних сталинских репрессий в отношении ближайших соратников вождя и понять основу будущего «коллективного» руководства, сформированного после смерти диктатора.

Исследователи рассматривали историю Бюро ЦК достаточно фрагментарно¹, что, видимо, объясняется относительно коротким периодом его деятельности. Однако именно анализ структуры и кадровых перестановок в Бюро ЦК позволяет понять, как именно функционировала политическая система в последние месяцы жизни И. В. Сталина. Статья основана на документах, хранившихся в Архи-

¹ Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 90–104; Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998; Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000; Фурсенко А. А. И. В. Сталин: последние годы жизни и смерть // Исторические записки. 2000. № 3. С. 178–206; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Зеленев М. В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946, в июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 97–116; Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; и др.

ве Президента и лишь сравнительно недавно переданных в Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)², а также воспоминаниях ближайших соратников Сталина³.

Состав Президиума был утвержден довольно оперативно – на пленуме ЦК 16 октября, т. е. спустя два дня после окончания работы XIX съезда⁴. Такой краткий срок между работой съезда и пленума говорит о том, что процедура согласования фигур, вошедших в состав Президиума ЦК, была сведена, вопреки практике, к минимуму⁵. Н. С. Хрущев в своих мемуарах утверждал: «Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и с кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю»⁶. И. В. Сталин, к еще большему удивлению не только участников пленума, но ближайших соратников, озвучил предложение о создании дополнительного руководящего органа партии – Бюро Президиума ЦК КПСС. Это был неуставной орган, упоминание о котором не попало даже в прессу. А. И. Микоян вспоминал, что если о составе Президиума ЦК Сталин проинформировал соратников накануне пленума, то он совсем не обсуждал с ними вопроса о Бюро⁷.

В новый орган вошли девять человек – И. В. Сталин, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев. Бюро численно на-

² Часть наиболее ценных и информационно насыщенных материалов была опубликована в сборнике документов «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1954–1953» / сост. О. В. Хлевнюк и др.

³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991; Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999; Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть (воспоминания в 4-х книгах). М., 1999. Кн. 2.

⁴ Членами Президиума ЦК КПСС были избраны: И. В. Сталин, В. М. Андрианов, А. Б. Аристов, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, С. Д. Игнатьев, Л. М. Каганович, Д. С. Коротченко, В. В. Кузнецов, О. В. Куусинен, Г. М. Маленков, В. А. Малышев, А. И. Микоян, Л. Г. Мельников, Н. А. Михайлов, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, П. К. Пономаренко, М. З. Сабуров, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, Д. И. Чесноков, Н. М. Шверник, М. Ф. Шкирятов; кандидатами в члены Президиума ЦК стали: Л. И. Брежнев, А. Я. Вышинский, А. Г. Зверев, Н. Г. Игнатов, И. Г. Кабанов, А. Н. Косыгин, Н. С. Патолитчев, Н. М. Пегов, А. М. Пузанов, И. Ф. Тевосян и П. Ф. Юдин.

⁵ Сохранился лишь черновой проект постановления о составе Президиума ЦК, составленный А. Н. Поскребышевым. Так, из состава членов Президиума был вычеркнут П. Ф. Юдин, а вместо него добавлен О. В. Куусинен. В кандидаты членов Президиума ЦК были добавлены А. Г. Зверев, И. Г. Кабанов, А. Н. Косыгин, И. Ф. Тевосян и П. Ф. Юдин (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 1; Политбюро и Совет министров СССР. М., 2002. С. 89).

⁶ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. С. 267.

⁷ Микоян А. И. Так было. С. 572–574.

поминало старое Политбюро⁸. Однако в новый руководящий орган не попали самые преданные соратники Сталина – В. М. Молотов и А. И. Микоян. На пленуме вождь подверг их жесткой критике. Он обвинил Молотова в антиленинских позициях, а Микояна – в троцкистских⁹. На первом расширенном заседании Президиума ЦК 18 октября 1952 г. опала на них продолжилась. Так, Молотов был освобожден от наблюдения за работой МИДа, а Микоян – Министерства внешней торговли и Министерства торговли СССР¹⁰. Все эти функции перешли к созданной на том же заседании постоянной Комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК во главе с Г. М. Маленковым¹¹.

Постановление «Об упорядочивании архивов МИДа и Минвнешторга СССР», утвержденное на первом заседании Бюро Президиума 27 октября¹², стало еще одним свидетельством утраты доверия И. В. Сталина к В. М. Молотову и А. И. Микояну. Наиболее секретные документы, включая подлинники договоров и соглашений с разными странами, изымались из ведомственных архивов и передавались на хранение в архив ЦК. На том же заседании Бюро Президиума Микоян потерял пост председателя постоянной Комиссии по внешней торговле¹³, а сама Комиссия была ликвидирована. Ее функции перешли к маленковской Комиссии по внешним делам¹⁴.

Впрочем, опала для В. М. Молотова и А. И. Микояна имела разные последствия. Например, Молотов решением Президиума ЦК от 18 октября назначен членом постоянной Комиссии по внешним

⁸ В черновом списке членов Бюро Президиума К. Е. Ворошилов и М. Г. Первухин были вписаны А. Н. Поскребышевым (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 1; Политбюро и Совет министров СССР. С. 89).

⁹ Фурсенко А. А. И. В. Сталин... С. 192.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 14. Л. 2; Политбюро и Совет Министров СССР. С. 90.

¹¹ В подлинном протоколе заседания Президиума ЦК, напротив пункта об отстранении В. М. Молотова от наблюдения за МИДом, простым карандашом вписана фраза: «Передав это дело постоянной Комиссии по внешним делам» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 17. Л. 3). Аналогичная фраза («передав дело наблюдения Минвнешторга постоянной Комиссии по внешним делам») была также вписана карандашом напротив пункта о А. И. Микояне (Там же).

¹² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1. Л. 7.

¹³ Постоянная Комиссия Политбюро по вопросам внешней торговли была образована в январе 1950 г. В ее состав входили А. И. Микоян, М. А. Меньшиков, Л. М. Каганович и М. З. Сабуров, а с декабря 1951 г., в связи с отстранением от руководства Минвнешторга М. А. Меньшикова, в комиссию вместо него был введен новый министр – П. Н. Кумыкин (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 9. Л. 151, 153; Политбюро и Совет министров СССР. С. 79).

¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1. Л. 12; Политбюро и Совет министров СССР... С. 98. Примечательно, что в подлинном протоколе пункт о ликвидации Комиссии по внешней торговле (в протоколе – «Комиссии по торговле») был вписан И. В. Сталиным синим карандашом (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 52).

делам¹⁵, а 27 октября постановлением Бюро ЦК включен в состав Бюро Президиума Совета министров СССР¹⁶; также решением Бюро на него возложили наблюдение за всеми видами транспорта, Министерством связи и Комиссией ЦК по связям с иностранными компартиями¹⁷. Основное его внимание было направленно на курирование работы комиссии В. Г. Григорьяна¹⁸. Безусловно, уровень вопросов, которыми Молотов теперь занимался, был значительно ниже и явно не соответствовал его профессиональным качествам. Например, он отвечал за проведение месячников советско-китайской или советско-польской дружбы, приглашение музыкальных коллективов из ГДР, отправку профсоюзной делегации в Италию и т. д. Вместе с тем в картотеке аппарата ЦК за конец 1952 – начало 1953 г. сохранился ряд карточек с надписями Г. М. Маленкова: «Посоветоваться с Молотовым», «Направить Молотову», «т. Молотову». Характерно, что на самих документах такие надписи отсутствуют. Маленков как глава постоянной Комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК был далек от внешнеполитических дел и нуждался, по крайней мере на первых порах, в таком опытном советнике.

А. И. Микоян также не оказался за «бортом власти» полностью, хотя и был серьезно потеснен. На него по решению Бюро Президиума от 27 октября возлагалось наблюдение за работой министерств пищевой, мясомолочной и рыбной промышленности¹⁹. Кризис живот-

¹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 14. Л. 2; Политбюро и Совет министров СССР. С. 90.

¹⁶ Там же. Д. 1. Л. 11; Политбюро и Совет министров СССР. С. 97.

¹⁷ Там же; Политбюро и Совет министров СССР. С. 98. Комиссия ЦК по связям с иностранными компартиями была образована вместо Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), функционировавшей с апреля 1949 г. Председателем ее тогда был назначен В. Г. Григорьян, а курированием работы занимался В. М. Молотов (подробнее об этом см: Политбюро и Совет министров СССР... С. 75). В подлинных протоколах заседания Бюро ЦК И. В. Сталина и М. Г. Маленкова сохранились карандашные правки. В варианте Сталина карандашом было зачеркнуто слово «постоянная» напротив Комиссии по связям с иностранными компартиями (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 12). Маленков внес более развернутые правки. Он предложил переименовать Внешнеполитическую комиссию ЦК сначала в «Комиссию ЦК по связям с братскими иностранными компартиями», затем в более официальную «Комиссию ЦК по связям с иностранными компартиями» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 52). Возглавил новую комиссию В. Г. Григорьян.

¹⁸ Характерно, что вплоть до 13 ноября 1952 г. на перечне проектов Комиссии стояли подписи не только В. М. Молотова, но и всех членов Бюро Президиума ЦК. Скорее всего, после перераспределения обязанностей членов Бюро Президиума ЦК и Бюро Президиума Совета министров 10 ноября, эта практика прекратилась, и Комиссия ЦК по связям с иностранными компартиями была полностью отдана на «откуп» В. М. Молотову.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1. Л. 12; Политбюро и Совет министров СССР. С. 93. Позже 3 ноября постановлением Совета министров СССР из ведения Бюро пищевой

новодства, усугубившийся в последний год жизни И. В. Сталина²⁰, и нараставший поток официальных сообщений с мест о продовольственных трудностях и перебоях в снабжении²¹ ставили Микояна в опасное, почти «расстрельное» положение. Причем Микоян фактически потерял возможность повлиять на решение сельскохозяйственных и продовольственных проблем. На заседании Президиума ЦК 3 декабря он даже написал И. В. Сталину записку с просьбой дать слово по вопросу о животноводстве²². В своих воспоминаниях Микоян так рассказывал об этом выступлении: «Сталин был очень удивлен – он не ожидал услышать о таком положении в сельском хозяйстве. Мое выступление, казалось, произвело на него впечатление. [...] Сталин сказал, что в этом вопросе необходимо разобраться, изучить его и дать предложения как исправить, и тут же продиктовал состав комиссии во главе с Хрущевым, включив в нее и меня»²³. Но с включением в состав комиссии Г. М. Маленкова и Л. П. Берии вопрос о животноводстве приобрел уже политическое значение, а участие Микояна было нивелировано.

промышленности и торговли, возглавлял которое А. И. Микоян, были изъяты вопросы организации и деятельности Министерства торговли и Центросоюза (Политбюро и Совет министров СССР. С. 98–99).

²⁰ В записке Комиссии по животноводству от 14 февраля 1953 г. сообщалось, что в 1952 г. в колхозах пало 3,4 млн (8 % от общей численности) голов крупного рогатого скота, из них 1,4 млн голов телят; 13,2 млн (12 %) овец и коз, из них 5 млн голов ягнят и козлят; 6,1 млн (14 %) свиней, из них 4,5 млн поросят. В ряде областей падеж скота по своей численности превысил мясopоставки, сдаваемые колхозами государству.

²¹ За время существования Бюро Президиума рассмотрены и приняты постановления о выделении дополнительного продовольствия: Узбекистану (27 ноября), Таджикистану (24 января) Карело-Финляндии (30 января), Башкирии (9 января), Дагестану (21 февраля), Краснодарскому (29 ноября) и Алтайскому крайкомам (7 февраля), Рязанской, Калининской (22 ноября), Воронежской (27 ноября), Калининградской, Калужской, Марийской (30 ноября), Ростовской (6 декабря), Сахалинской (8 декабря), Куйбышевской (11 декабря), Одесской (16 декабря), Горьковской (17 декабря), Мурманской (6 и 29 декабря), Свердловской (17 января), Тамбовской, Смоленской (21 января), Орловской (5 февраля), Великолукской, Брянской, Томской, Удмуртской (13 февраля), Иркутской, Омской (26 февраля), Архангельской (28 февраля) областям, г. Новосибирску (13 февраля).

²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 18. Л. 10.

²³ Микоян А. И. Так было. С. 577. По подлинным протоколам состав комиссии по животноводству был утвержден не 3 декабря, как утверждал Микоян, а только 11 декабря на Бюро Президиума. Первоначально председателем ее намечался М. З. Сабуров. Н. С. Хрущев, как и А. И. Микоян, были вписаны в состав комиссии Г. М. Маленковым. Он же вычеркнул из ее обязанностей следующие положения: «Комиссии особое внимание обратить на повышение заинтересованности колхозов и колхозников в развитии животноводства, имея в виду, чтобы колхозники так же, как и по зерну, получали продукцию и денежные доходы от общественного животноводства на трудодни и чтобы общественное животноводство стало доходной отраслью хозяйства колхозов» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 4. Л. 221).

Таким образом, И. В. Сталин подверг двух своих ближайших соратников довольно мягким репрессиям и не стал обострять ситуацию, доводя дело до физической расправы. А. И. Микоян считал, что он планировал это сделать в будущем. В своих воспоминаниях он утверждал: «За месяц или полтора до смерти Сталина Хрущев или Маленков мне рассказывали, что в беседах с ними Сталин, говоря о Молотове и обо мне, высказывался в том плане, что якобы мы чуть ли не американские или английские шпионы. [...] За две-три недели до смерти Сталина один из товарищей рассказывал, что Сталин, продолжая нападки на Молотова и на меня, поговаривал о скором созыве Пленума, где намерен провести решение о выводе нас из состава Президиума ЦК и членов ЦК. По практике прошлого стало ясно, что Сталин хочет расправиться с нами, и речь идет не только о политическом, но и о физическом уничтожении»²⁴. В. М. Молотов также заявлял, что «поживи он (Сталин. — *Н. П.*) годик-другой, и я бы не уцелел»²⁵. Ряд исследователей склоняются к аналогичной точке зрения²⁶.

Однако точные мотивы вождя до сих пор остаются загадкой. Но несомненно то, что Сталин как бы приучал свое ближнее окружение к мысли о падении В. М. Молотова и А. И. Микояна. Так, Молотов вспоминал: «В 1953 году Сталин меня к себе уже не приглашал не только на узкие заседания, но и в товарищескую среду — где-нибудь так вечерок провести, в кино пойти — меня перестали приглашать»²⁷. Об этом же заявлял Микоян²⁸. Однако по сравнению с 1930-ми гг., соратники диктатора избрали иную модель поведения. Особенно ярко это было видно в их отношении к Молотову и Микояну. Несмотря на то, что они были подвергнуты жесткой критике Сталиным и не вошли в состав Бюро Президиума ЦК, другие члены не отвернулись от них полностью. Ослабив с ними неформальные связи, но не обрывав их полностью, как это было бы в 1930-е гг., члены Бюро ЦК поддерживали с ними активные деловые контакты. Поэтому они были приглашены к умирающему Сталину как полноправные соратники вождя.

В результате кадровых перестановок состав Бюро Президиума ЦК оказался неровным. В нем присутствовали как явные лидеры на пост преемника И. В. Сталина, так и члены, не претендовавшие на этот пост. К последним можно отнести заместителей председателя Совета министров СССР М. Г. Первухина и К. Е. Ворошилова, а

²⁴ Микоян А. И. Так было. С. 579–580.

²⁵ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 279.

²⁶ См.: Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. С. 261.

²⁷ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 249.

²⁸ Микоян А. И. Так было. С. 579.

также председателя Госплана СССР М. З. Сабурова. Первухин и Ворошилов заменили в Бюро ЦК В. М. Молотова и А. И. Микояна, а Сабуров получил место трагически погибшего Н. А. Вознесенского. При этом Ворошилов не принимал даже реального участия в работе высших партийных органов, т. к. с 21 октября он находился в двухмесячном отпуске²⁹.

Фактически, кроме Сталина, управление в Бюро Президиума ЦК находилось в руках «пятерки» – Л. П. Берия, Н. А. Булганина, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева. Но уже в ноябре на заседании Бюро ЦК были приняты решения, разграничившие сферы влияния ближайших соратников вождя. Так, Маленков был освобожден от работы заместителя председателя СМ СССР и члена Бюро Президиума и Президиума СМ СССР для того, чтобы «сосредоточиться на работе в ЦК КПСС и постоянной Комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК КПСС». Аналогичные постановления были приняты в отношении Н. А. Булганина, возглавившего Комиссию по вопросам обороны при Президиуме ЦК, и Н. С. Хрущева, освобожденного для «сосредоточения работы» в ЦК КПСС и Московской партийной организации³⁰. Наконец, все на том же заседании было решено, что в случае отсутствия Сталина на заседаниях Бюро и Президиума ЦК его замещал «триумvirат» – Маленков, Булганин и Хрущев. Они же занимались рассмотрением текущих вопросов.

Однако, при внимательном изучении подлинных протоколов Бюро ЦК и материалов к ним, отчетливо видно следующие – все вопросы, какими бы малозначительными они не являлись, проходили через Г. М. Маленкова. Даже на подлинных протоколах заседаний Бюро ЦК, принятых голосованием³¹, присутствовала правка только Сталина и Маленкова. Часть постановлений Бюро ЦК, принятых опросом, особенно по кадровым вопросам, визировалась сначала Маленковым и лишь потом другими членами. Причем подписи некоторых из них по тем или иным причинам могли отсутствовать (например, на такого рода документах довольно часто не было подписей Н. С. Хрущева и М. З. Сабурова). Подавляющая часть постановлений выходила от имени Секретариата ЦК³². Но и в этом случае контроль

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1. Л. 13.

³⁰ Там же. Д. 2. Л. 16; Политбюро и Совет министров СССР. С. 99–100.

³¹ Подробнее о проблемах археографии и источниковедения протоколов Бюро Президиума см.: Афиани В. Ю. Протоколы Бюро Президиума и Президиума ЦК КПСС. 1950–1960 гг.; проблемы источниковедения и археографии советского периода // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 275–288.

³² На октябрьском пленуме в состав Секретариата оказались избраны – И. В. Сталин, А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, Г. М. Маленков, Н. А. Михайлов,

по всем вопросам со стороны Маленкова был не меньше. Так, по решению Бюро Президиума от 17 ноября в случае отсутствия Сталина председательствование в Секретариате возлагалось на Г. М. Маленкова, Н. М. Пегова и М. А. Суслова³³. Фактически это означало усиление роли Маленкова, тем более что Секретариат по решению XIX съезда заметно увеличил свои функции и приобрел важное политическое значение в структуре высших партийных органов. Через него проходили и согласовывались все (за редким исключением) решения, которые утверждались Бюро ЦК. О возросшей роли Секретариата свидетельствует факт увеличения общего объема принятых постановлений³⁴. Очевидно, что именно в аппарате ЦК стал формироваться первый центр будущей системы коллективного руководства, главой которого стал Маленков.

Одновременно стал формироваться другой центр послесталинской системы коллективного руководства. 10 ноября на заседании Бюро ЦК был решен вопрос о председателе Бюро Президиума Совета министров СССР³⁵. В случае отсутствия И. В. Сталина председательствование возлагалось поочередно на Л. П. Берия, М. Г. Первухина и М. З. Сабурова³⁶. Таким образом, в Совете министров произошло усиление роли Берии. Он стал неформальным лидером в Совете и возглавил другой центр власти. При этом фактически оттесненным оказался Л. М. Каганович. Формально он не подвергся критике со стороны вождя, как В. М. Молотов и А. И. Микоян, но так же стал

Н. М. Пегов, П. К. Пономаренко, М. А. Суслов и Н. С. Хрущев (Политбюро и Совет министров СССР. С. 89). Позже было принято постановление о распределении обязанностей среди секретарей. Так, на Н. М. Пегова возлагалось руководство за работой единого органа по работе с кадрами, на А. Б. Аристову – наблюдение за обкомами, крайкомами и ЦК компартий и республик, на Н. А. Михайлова – руководство в области пропаганды и агитации, на Л. И. Брежнева – наблюдение за работой Главного политического управления военного министерства и военно-морского министерства, а М. А. Суслов, Н. Г. Игнатов и П. К. Пономаренко должны были выезжать на места по заданиям Секретариата (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 14. Л. 3; Политбюро и Совет министров СССР. С. 90–91).

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 3. Л. 16; Политбюро и Совет министров СССР... С. 100. Примечательно, что в подлинном постановлении Бюро ЦК по данному вопросу отсутствует подпись Н. С. Хрущева, несмотря на то, что он являлся членом не только Бюро, но и Секретариата (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 3. Л. 105).

³⁴ Так, с октября 1952 по март 1953 г. Секретариат утвердил только опросом почти 2,5 тыс. постановлений. Для сравнения: Бюро Президиума за то же время приняло около 1,1 тыс. постановлений.

³⁵ В состав Бюро Президиума Совета министров СССР по решению Бюро Президиума ЦК от 27 октября входили: И. В. Сталин, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, В. А. Малышев, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров и Н. С. Хрущев (Политбюро и Совет министров СССР. С. 97).

³⁶ Политбюро и Совет министров СССР. С. 100.

терять свой политический вес. Об этом говорит и тот факт, что Каганович был освобожден от руководства Госснаба, а на его место назначен И. Г. Кабанов. За ним осталось лишь наблюдение за Госснабом³⁷. Видимых скандалов, которые спровоцировали бы его отстранение, не было. Здесь работала уже традиционная сталинская схема выдвижения молодых руководителей на места старых³⁸. Одновременно с понижением Кагановича наблюдалось усиление политически молодого В. А. Малышева – члена Президиума ЦК и министра судостроительной промышленности. Постановлением Совета министров от 5 ноября он был назначен председателем Бюро по машиностроению и электропромышленности, отвечавшем за Министерство автомобильной и тракторной промышленности и Министерство транспортного машиностроения³⁹. Скорее всего, именно он должен был возглавить новый образованный 27 октября 1952 г. промышленно-транспортный отдел ЦК. Это был огромный и слабоуправляемый бюрократический монстр, объединивший четыре отдела ЦК – тяжелой промышленности, легкой промышленности, машиностроения и транспортный. Он включал 10 подотделов и 33 сектора. Поэтому уже через полтора месяца после смерти Сталина 22 апреля решением Секретариата ЦК отдел был реорганизован.

В послевоенный период центральные органы власти оставались послушным орудием в руках И. В. Сталина. Стареющий вождь вплоть до последних дней жизни проводил структурные и кадровые перестановки, за которыми стоял целый комплекс очевидных и неявных причин. Однако история Бюро ЦК демонстрирует нам один из поворотных этапов в развитии советской политической системы. Благодаря ему, наряду с Бюро Президиума Совета министров СССР, была заложена основа будущего коллективного руководства, где соблюдалось равноправие членов и не существовало одного «хозяина». И хотя борьба за власть довольно скоро вспыхнула после смерти Сталина, единоличная диктатура перестала быть формой правления вплоть до краха СССР.

³⁷ РГНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 14. Л. 2; Политбюро и Совет министров СССР. С. 90.

³⁸ См.: Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир.

³⁹ Политбюро и Совет министров СССР. С. 99.

ФРОНТОВИКИ И «ШКОЛЬНИКИ» В ПОСЛЕВОЕННЫХ ВУЗАХ

С 1943–1944 гг. в советские вузы начали поступать непосредственные участники боевых действий на фронтах Второй мировой войны, которых в СССР именовали фронтовиками. Поскольку демобилизация фронтовиков затянулась, то они составляли заметный процент среди учащихся в вузах (студентов и особенно аспирантов) вплоть до середины 1950-х гг.

Например, среди студентов, поступивших в МВТУ в 1947–1949 гг., фронтовики составляли 10–12 %¹. В МГУ на 1946 г. – 34,4 % от категории абитуриентов, поступивших без сдачи экзаменов, – по результатам собеседования². На истфаке МГУ в 1945–1947 гг. – соответственно 20, 29 и 15 % от числа принятых³. В МГИМО в 1947 г. фронтовики были «едва ли не третью» студентов первого курса⁴.

В дальнейшем многие фронтовики, получившие высшее образование в послевоенных вузах, сделали хорошие, и даже блестящие карьеры. После 1965 г., когда советская массовая пропаганда начала формировать в СССР культ Великой Отечественной войны, фронтовики на 20 лет стали в государстве фактически привилегированной социальной группой⁵.

¹ Волчкевич И. Сословие вольных людей: книга о Бауманском и Бауманцах. Т. 2. Признание школы. М.: Рубежи XXI, 2009. С. 18.

² Таковые составляли более 50 % от числа студентов первого курса 1946 г. Это не исключает того факта, что фронтовики могли поступать и в качестве абитуриентов других категорий (набор из национальных республик, сдавшие экзамены, восстановившиеся и переведенные). Рассчитано по: Ягодкина Е. Студенчество исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (1943–1953 гг.): Историковедческое исследование: Дис. ... к. и. н. М., 2009. С. 187.

³ Там же. С. 84.

⁴ Боровик Г. Он всегда будет с нами // Дипломат Юлий Воронцов. Сб. воспоминаний / сост. В. Казимиров. М.: Международные отношения, 2009. С. 53.

⁵ Подробнее см.: Tumarkin N. The living & the dead: the rise and fall of the cult of World War II in Russia. N. Y.: Basic Books, 1994; Edele Mark. Soviet veterans of the

В рамках данной статьи автор намерен рассмотреть истоки данного культа, а также другие существенные политические последствия нахождения фронтовиков в стенах послевоенных вузов. Главный фокус статьи направлен на изучение их взаимоотношений со «школьниками» – т. е. студентами, не имевшими фронтового опыта и, как правило, пришедшими в вузы сразу после окончания средних школ.

Данный текст основан на материалах проекта по изучению работников аппарата ЦК КПСС 1953–1985 гг., которым автор статьи занимается с 2007 г. Проект основан на сборе «глубоких» интервью и мемуаров бывших ответственных сотрудников аппарата ЦК КПСС⁶. Он позволил аккумулировать 212 подробных биографий. Они были систематизированы с помощью таблиц – позволяющих изучать как массив в целом, так и ситуацию в различных группах отделов аппарата ЦК КПСС⁷. Большинство респондентов и мемуаристов учились в вузах в послевоенный период, что видно по нижеследующей таблице.

Высшее образование сотрудников аппарата ЦК КПСС по дате поступления в вуз

Годы \ Отделы	Идеологические	Международные	Отраслевые	Функциональные	Всего
Ранее 1934		1	1	2	4
1934–1937		2	2	3	7
1938–1941	7	3	1	3	14
1942–1945	6	8	6	2	22

Seconds World War: a popular movement in an authoritarian society. 1941–1991. Oxford University Press, 2008.

⁶ Исследование выполнялось при поддержке Gerda Henkel Stiftung (2006–2008) и Deutsche Forschung Gemeinschaft (2009–2012). В 2007–2014 гг. он выполнялся в Исследовательском центре по изучению Восточной Европы при Бременском университете (Германия).

⁷ См. предыдущие публикации в рамках данного проекта: Митрохин Н. Back-office Михаила Суслова: Отдел пропаганды ЦК КПСС в конце 1960–1985-х годах // *Cahiers du Monde Russe*. 2014. № 54/3–4. Р. 409–440; Он же: Элита «закрытого общества»: МГИМО, международные отделы аппарата ЦК КПСС и просопография их сотрудников // *Ab Imperio*, 2013. № 4. С. 145–185; Он же: Личные связи в аппарате ЦК КПСС // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 3. С. 166–175. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/m13.html>; Он же: Личная память о «репрессиях» у работников аппарата ЦК КПСС 1960–1980-х гг. и ее политические последствия / История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 60–83; Он же: Революция как семейная история: из интервью и мемуаров работников аппарата ЦК КПСС 1960–1980-х годов // *Антропология революции: Сб. статей*. М.: НЛО, 2009. С. 435–476. Часть фрагментов интервью также публиковала в различных номерах журнала «Неприкосновенный запас» в 2007–2012 гг.

Годы \ Отделы	Идеологи- ческие	Междуна- родные	Отраслевые	Функцио- нальные	Всего
1946–1949	15	13	17	14	59
1950–1953	17	4	10	7	38
1954–1957	7	8	12	8	35
1958–1961	2	3	11	5	21
1962–1965	1	3	3	3	10
1966–1969	0	1	0	0	1
Не имеет выше- го образования	0	0	0	1	1
Итого	55	46	63	48	212

Из таблицы в частности следует, что 113 человек (это 53,3 % от изучаемого биографического массива) поступили в вузы в 1938–1953 гг., а следовательно, либо могли быть фронтовиками, либо учиться вместе с ними. Судя по нижеследующей таблице, фронтовики составляли 19,8 % от всего биографического массива. Однако на дневных отделениях вузов в анализируемый период училось несколько меньше – 16,5 % от всего массива.

Из числа попавших в рассматриваемый биографический массив фронтовиков подавляющее большинство были в действующей армии младшими офицерами, воевали на передовой (Г. Арбатов, А. Балмашнов, Ю. Бернов, В. Блинов, Л. Вознесенский, П. Волобуев, А. Гуськов, Л. Делюсин, В. Долгих, С. Карнаухов, К. Меркулов, Ф. Моргун, Ю. Северин, Ю. Складаров, А. Сухарев, В. Суходеев, С. Хромов, А. Черняев, Г. Шахназаров, В. Шиманский, С. Шпилевой, А. Яковлев) или даже в составе диверсионных групп в тылу врага (Р. Аблова, Д. Кузнецов). Как правило, они были награждены орденами и медалями. Например, высшей советской наградой – звания «Герой Советского Союза» были удостоены за свои подвиги на поле брани сразу три человека, попавшие в наш массив, – Б. Кривцов, Б. Рунов, А. Ушаков⁸, а будущий заместитель заведующего Отделом пропаганды Ю. Складаров был знаменосцем на Параде Победы в Москве в 1945 г. в составе сводного батальона 4-го Украинского фронта. Многие из фронтовиков перенесли тяжелые ранения.

⁸ Они были не единственными Героями Советского Союза среди сотрудников аппарата ЦК КПСС. Например, несколько десятилетий заведующим сектором стран Латинской Америки Международного отдела был другой фронтовик с такой наградой – Михаил Кудачкин (выпускник МГИМО), сотрудником Оборонного отдела в 1963–1965 гг. был еще один Герой – Макар Бабилов.

Фронтвики в аппарате ЦК КПСС, включая учебу в вузах

Годы \ Отделы	Идеологические	Международные	Отраслевые	Функциональные	Всего
Получившие образование до войны, но прошедшие фронт		1		1	2
Фронтвики, пришедшие на учебу после 1942 г.; в т. ч. по году поступления	10	11	8	11	40
1943	2	0	0	0	2
1944	1	2	1	0	4
1945	2	2	3	1	8
1946	3	3	2	2	10
1947	1	2	1	2	6
1948	0	2	1	1	4
1949	1	0	0	0	1
Заочники после 1949 г.*	0	0	0	5	5
Из них – вернувшиеся доучиваться, включая поступление в иные, чем до войны вузы	3	3	1	2	9
Всего по массиву	55	46	63	48	212

* Начиная с 1951 г. заметна тенденция поступления в заочные вузы (или заочные отделения обычных вузов) фронтвиков, уже занимающих небольшие административные посты. Поскольку они не могли оказывать влияния на «школьников», то они выведены за пределы статистики. Аналогичным образом не учтены профессиональные военные, с фронтовым опытом, окончившие военные вузы.

Среди поступающих в послевоенные вузы фронтвиков (как среди и наших информантов) было достаточно бывших студентов, призванных или пошедших добровольцами в армию в 1939–1941 гг. Однако, судя по нашему массиву, три четверти из них были призваны в армию сразу после окончания средней школы или военного училища. Уровень их знаний, с учетом нескольких лет проведенных на фронте был невысок⁹, но они по закону имели серьезные льготы.

Сотрудник Отдела науки аппарата ЦК КПСС¹⁰ Дмитрий Кузнецов о своем поступлении в МГИМО:

«Для нас, участников войны, были льготы. Там надо было из 25 набрать 23, это для всех, кто школу окончил, а нам, участникам

⁹ См., например: Ягодкина Е. Указ. соч. С. 185.

¹⁰ Далее названия отделов будет писаться без уточнения, что это отделы аппарата ЦК КПСС.

войны, была скидка – мы за 5 экзаменов должны были набрать не меньше 18»¹¹.

Вместе с тем фронтовики имели ценный для советской образовательной системы опыт социализации и общественной деятельности. Подавляющее большинство из тех, кто впоследствии попадет в аппарат ЦК КПСС, на фронте вступили в партию, были там или сразу после демобилизации стали комсомольскими и партийными активистами. Демобилизованных (в том числе по ранению) фронтовиков – членов партии и комсомола, в 1942–1947 гг., активно привлекали на низовые идеологические должности в гражданских учреждениях. «Предметом интереса они были для парткомов и партбюро, с одной стороны, и девчонок – с другой», – замечает по этому поводу сотрудник Международного отдела, фронтовик Анатолий Черняев¹².

Монополия фронтовиков в идеологической сфере послевоенных вузов

Для партийных организаций вузов это было очень выгодно. Зачисляя на первый курс члена партии или бывшего комсорга полка, партком вуза повышал соответствующий процент отчетности, кроме того, появлялась возможность выбора между проверенными делом кадрами в процессе формирования партийных и комсомольских комитетов. Партийные студенты могли быть направлены в руководство комсомольскими организациями¹³. Кроме того, партийные студенты, как правило, бывшие новообращенными зелотами, преисполненными горения и энтузиазма, могли быть использованы в идеологических кампаниях, которые власть проводила в вузах. В частности, будучи носителями фронтового опыта, менталитета победителей, они не имели особого пиетета по отношению к своим не воевавшим преподавателям. В том числе и к тем из них, кто был членами партии, поскольку члены партии «со стажем» нередко имели за плечами груз разнообразных идеологических «ошибок»¹⁴.

¹¹ Интервью Н. Митрохина с Д. Кузнецовым. М., 29.09. 2011. Электронный файл с аудиозаписью интервью и компьютерная расшифровка аудиозаписи. Электронный архив автора. (Здесь и далее при ссылках на аналогичные источники будет указываться только «Интервью с ...». Аналогично рассказывает о поступлении в Одесское высшее мореходное училище «школьник» – инструктор Отдела легкой и пищевой промышленности Андрей Рухляда. См.: Интервью с А. Рухлядой.

¹² Черняев А. Моя жизнь и мое время. М.: Международные отношения, 1995. С. 200.

¹³ См., напр., интервью с завсектором Отдела науки Степаном Хромовым, который, вернувшись на истфак МГУ, выступал в подобном качестве.

¹⁴ См., напр.: Черняев А. Указ. соч. С. 204–208.

Заведующий сектором Отдела административных органов Иван Потапов, который получал высшее образование в Военно-политической академии им. Ленина, уже в тридцатилетнем возрасте (1948–1952), будучи опытным политработником, вспоминает об этом так:

«Не очень жаловали мы преподавателей, которые вели занятия в назидательном тоне, тем более если речь шла о практической работе в войсках, а сами они, как говорится, дальше Садового кольца не служили. Свое отношение к данной методе мы высказывали на партийных собраниях, которые, обычно, проходили активно, очень самокритично, и, в то же время, позволяли предъявить претензии руководству»¹⁵.

Однако активным участием в идеологических кампаниях второй половины 1940 – начала 1950-х гг. социальная роль фронтовиков в вузах не ограничивалась. Разумеется, они сполна воспользовались открывшимися перед ними возможностями. Под их контроль на годы полностью попали партийные и комсомольские организации вузов. И если комсомольские организации благодаря своему молодежному составу к началу–середине 1950-х гг. в целом (и особенно на факультетском уровне) уже формировались из людей, не имевших военного опыта, то партийные организации вузов оставались под контролем фронтовиков и десятилетиями позже.

Доходило до того, что во второй половине 1940-х гг. факультеты вполне мирных вузов превращались в гражданский аналог военных училищ – с армейской иерархией, жесткой дисциплиной, мелочными требованиями к студентам, воспроизводящие дух казармы.

Например, «секретарем партбюро [истфака МГУ] на 1 курсе в 1947 г. был выбран [будущий идейный “ревизионист”, сотрудник журналов “Вопросы истории” и “Проблемы мира и социализма”, ИНИОНа, специалист по истории эмиграции первой волны] Л[ео-нид] К[онстантинович] Шкаренков, потому что он был капитаном, старшим по званию среди студентов курса – бывших фронтовиков. ...Очень многие фронтовики стали руководить факультетскими и курсовыми кружками. ...На историческом факультете действовали военные кружки стрелков, автоматчиков, пулеметчиков, снайперов, боевого оружия, военных переводчиков, радио и мотокружки. ...Студенты, особенно фронтовики, очень часто были инициаторами новых форм учебной работы. Так, студенты исторического факультета 1944 г. поступления стали распределять свою учебную нагрузку с помощью планов индивидуальной работы. В 1946 г. на историческом факультете стали практиковать массовое составление индивидуаль-

¹⁵ Смысл жизни / под. ред. Н. А. Гребенкина, В. В. Кажарского, И. Г. Панина. М.: Красная звезда, 2010. С. 47.

ных планов, по которым можно было контролировать самостоятельную работу студентов. Эта инициатива была поддержана парткомом МГУ, и составление индивидуальных планов в дальнейшем стало обязательным. Особенно большое значение индивидуальным планам придавали в 1947–1949 гг. для воспитания навыков самостоятельной работы на первых курсах. Некоторым студентам, особенно фронтовикам, которые после длительного перерыва вновь приступили к учебе, план очень помогал. Большинство же студентов относились к нему как к формальности. Но отписаться не всегда удавалось. Планы проверяли сначала комсорги, профорги и парторги группы, потом члены курсовых бюро этих общественных организаций. Студенты 1947 г. поступления вспоминают, как их планы сначала проверял комсорг, а потом в углу плана каждого комсомольца секретарь комсомольского бюро курса, которым был тогда [будущий профессор кафедры истории КПСС, проректор МГУ по международным связям 1970–1980-е гг., фронтовик] В[ладимир] И[ванович] Тропин, писал “утверждаю”. Очень часто первоначальный вариант индивидуального плана возвращали на доработку и переделку»¹⁶.

Таким образом, доминирование фронтовиков в системе партийных и комсомольских органов вузов в послевоенный период, групповая активность и взаимодоверие, личный авторитет и жестокость, с которой они использовали добытые ими полномочия, – породили целый ряд существенных кратко- и долгосрочных политических последствий.

Фронтовики и «школьники»: рациональность против идеализма

В данном параграфе речь пойдет о нескольких из них, связанных с взаимоотношениями фронтовиков с другой важной категорией послевоенного студенчества – «школьниками» – студентами, которые непосредственного участия в боевых действиях не принимали, иных официальных заслуг (например, медалей за труд в тылу) не имели, и в вузы пришли преимущественно прямо со школьной скамьи¹⁷.

¹⁶ Ягодкина Е. Указ. соч. С. 195–196, 211, 222–223.

¹⁷ Факт разделения на «фронтовиков» и «пацанов» – “вчерашних школьников” – отмечается в Куйбышевском политехническом институте уже на 1943 г., правда, автор не отмечает каких-либо конфликтов между группами (Панов Н. Записки самарского ректора. О себе, об университете, об инженерах. Изд. 2-е. М.: Русская книга, 2004. С. 65).

Как уже было сказано выше, большинство из будущих работников ЦК КПСС в вузах были активными комсомольскими и партийными функционерами – членами и секретарями соответствующих курсовых, факультетских и университетских бюро. Однако при общности коллективной биографии к 1960-м гг. политические взгляды этих студентов оказались различными. В рамках советского дискурса они оказались распределены в диапазоне от «сталинистов» до «ревизионистов» («сторонников социализма с человеческим лицом»). Несмотря на значимость такого фактора, как социальный бэкграунд, именно в период учебы в вузе оформлялся политический водораздел в доселе практически гомогенной с идейной точки зрения среде советских школьников второй половины 1930–1940-х гг.

Одной из причин формирования тех или иных политических позиций стало стремление фронтовиков не только контролировать идеологические посты в вузах, но и пропускать в комсомольские бюро (не говоря уже о партийных комитетах) тех бывших «школьников», кто был близок к ним по мировоззрению и коммуникативным практикам. Многих из них они агитировали побыстрее вступать в партию, чтобы приобщиться к активу и обеспечить себе будущее¹⁸.

Соответственно те «школьники», кто не вошел в комсомольское руководство факультета, нередко подвергались со стороны фронтовиков и их единомышленников идеологическим проработкам, потенциально ведущим к их исключению из вузов, а то и аресту. Многие «школьники», которые подобным проработкам не подвергались, но потенциально могли стать их жертвой, сохранили о фронтовиках при университетской власти крайне негативные воспоминания.

Было бы слишком просто объяснить описанную выше ситуацию тем, что фронтовики во время войны под воздействием пропаганды стали «сталинистами» или даже тем, что многие из них на фронте были политработниками, военными журналистами или «внештатными» политическими активистами, и именно это обусловило в итоге их желание и возможность поступить в вузы. Скорее можно говорить о конфликте жизненного и мировоззренческого опыта, стремительно приобретенного в условиях повседневного выживания на передовой (или около нее)¹⁹.

Сотрудник Отдела пропаганды Александр Яковлев, отвечая уже в 1993 г. на вопрос о степени влиянии своего фронтового опыта на характер, сформулировал это так:

¹⁸ См., напр., интервью с А. Рухлядой.

¹⁹ О том же в частности прямо пишет «нефронтовик», зам. зав. Международного отдела Карен Брутенц. См.: Брутенц К. Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998. С. 57.

«Я быстро, резко повзрослел. Когда я пришел с фронта, мне не было и 21 года, но я чувствовал себя намного старше. И долго я не был адекватен своему возрасту, в невоевавших ровесниках мне многое казалось смешным... Лет десять я был старше самого себя и лишь потом начал чувствовать себя на столько лет, сколько было»²⁰.

Зав. сектором Сельхозотдела Евгений Куракин, на фронте – младший лейтенант пехоты, ушедший на войну сразу после 10 класса в 17 лет, провоевавший год и демобилизованный после тяжелого ранения в 1944 г., хорошо иллюстрирует тезис о соотношении опыта воевавших и не воевавших студентов: «Я уходил (на войну. – Н. М.) зеленым мальчишкой, а вернулся мужчиной, который не раз видел смерть в лицо. Было мне 20 лет, но на ребят 17–18 лет, которые учились со мной в [Челябинском механико-машиностроительном] институте, смотрел, как на пацанов»²¹.

Аналогичен был взгляд и из обратной перспективы. Студент (и будущий профессор) философского факультета МГУ начала 1950-х гг. Алексей Павлов вспоминает:

«Было нас, “школьников”, на курсе примерно половина состава, остальные были фронтовики, которые смотрели на нас, семнадцатилетних, как на неоперившихся птенцов. Разница между нами в 4–6 лет воспринималась как разница между поколениями»²².

Приобретенный фронтовиками опыт включал в себя понимание необходимости рационального построения карьеры для получения скорейшего доступа к ресурсам, ответственности за порученное дело (или взятые на себя обязательства), а также, конечно, умение потреблять алкоголь и добиваться желаемого от женщин.

Елена Ягодкина, описывая послевоенных студентов истфака МГУ, замечает:

«Если среди многих студентов, пришедших со школьной скамьи, особенно среди медалистов, часты были колебания, на какой факультет поступать, то фронтовики чаще всего целенаправленно выбирали не только факультет, но и определенную кафедру. Они знали, что им нужно, поэтому учились очень серьезно»²³.

Вооруженные подобным опытом люди конфликтовали фактически со своим довоенным прошлым – с идеалистическими литературоцентричными моделями поведения, прививаемого «школьникам»

²⁰ Александр Яковлев. Избранные интервью: 1992–2005 / сост. А. А. Яковлев. М.: МФД, 2009. С. 87.

²¹ Куракин Е. Беседы в заповедном краю. Челябинск, 2000. С. 106.

²² Павлов А. С Юрием Левадой я учился на одном курсе... // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / сост. Т. В. Левада. М., 2010. С. 38.

²³ Ягодкина Е. Указ. соч. С. 186.

в рамках элитных советских школ (обеспечивающих возможность поступления в вузы, особенно престижные), с их требованиями правдоискательства и честности, стремлением избежать жизненной «грязи» и асексуальностью. Подобные взгляды когда-то в полной степени разделяли и фронтовики, но война их во многом «отменила».

Не удивительно, что среди участников десятков антисоветских групп студентов и старших школьников, раскрытых МГБ–КГБ во второй половине 1940–1950-е гг., практически не было фронтовиков. Они, как будет показано ниже, были нередко достаточно критично настроены к власти, но хорошо понимали, что подобными методами (домашними кружками самообразования или устройением подпольных организаций, борющихся за «истинный ленинизм») существующую политическую систему «сломать» невозможно.

Поэтому фронтовики, заняв в послевоенных вузах «ответственные» идеологические посты занимались селекцией «школьников», привлекая тех, кто восхищался их военным опытом, и дискриминируя, а то и откровенно преследуя тех, кто был настроен к ним равнодушно²⁴. Поклонники были нужны фронтовикам не только как преданные слушатели их фронтовых рассказов, но и как источник различных благ («сгонять ли их за водкой», подкормиться ли посылками от их родителей или познакомиться с их бывшими одноклассницами)²⁵.

Консультант Отдела соцстран, сын офицера, прошедший все свое детство в воинских гарнизонах, Александр Бовин так описывает свою учебу на юридическом факультете Ростовского университета, куда он поступил в 1948 г.

«Половину мужского наличия нашего курса составляли фронтовики. Даже один Герой Советского Союза. Фронтовики были старостами групп. Действовала курсовая партийная организация. Это создавало особую атмосферу. Дисциплина, внутренняя подтянутость, неприятие расхлябанности. Чувство ответственности за то, что делаешь (или – не делаешь). Не всем это нравилось. Но у меня не возникало протеста. Наверное, сказывалось отцовское воспитание, влияние армейской среды. Тем более что атмосфера первых послевоенных лет на факультете вполне сосуществовала с атмосферой обычной, классической студенческой жизни. Правда, не всегда мирно.

²⁴ См., напр., свидетельства проинтервьюированных мною студентов философского факультета МГУ начала 1950-х Г. Гусева, Р. Косолапова (оба стали сотрудниками идеологических отделов ЦК), В. Гараджи (директор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС).

²⁵ См., напр., интервью с завотделом культуры Воронежского обкома, главы издательства АОН при ЦК КПСС Е. Тимофеевым, учившемся на историко-филологическом факультете Воронежского университета.

Уже на первом курсе сложилась компания: три фронтовика – Саша Гужин, Коля Сазонов, Жора Прозоровский и я в качестве объекта воспитания. Воспитание шло по разным линиям. После каждой стипендии мы отправлялись в заведение “Красный мак” и пили пиво. ...На эту ритуальную линию накладывалась другая, содержательная, – разговоры “за жизнь”. Они говорили, я слушал. За пять лет “жизнь” была пройдена вдоль и поперек. Горький опыт войны и несладкий опыт мира. Но обязательно – с надеждой!

Друзья мои были коммунисты. И уже где-то со второго курса стали мне втолковывать, что пора подумать о вступлении в партию. И я думал. Не в рассуждении карьеры – кто в 19 лет думает о карьере? А потому, что среди людей, которые меня окружали, с которыми мне приходилось сталкиваться, коммунисты выделялись в лучшую сторону. Были, если угодно, примером. Не все, конечно. Но – многие. И потом нельзя, разумеется, не учитывать всю совокупность мифов советской эпохи, внутри которой я формировался. ...На третьем курсе приняли кандидатом в члены ВКП(б). Отметили... в том же “Красном маке”»²⁶.

Тандемы

Подобное наставничество и студенческая дружба давали неожиданно долгосрочные результаты. В частности, из них вырастали тандемы «фронтовиков» с почитавшими их пожизненно «школьниками».

Например, среди идейных «ревизионистов» подобными тандемами были: студент, аспирант и преподаватель истфака МГУ фронтовик Анатолий Черняев и его студент «школьник» Александр Вебер (сотрудники Международного отдела в 1960–1980-е гг.), студенты философского факультета МГУ фронтовик Евгений Плимак (в будущем «либеральный» парторг Института истории АН СССР 1960-х гг.) и «школьник» Юрий Карякин (сотрудник журнала ЦК КПСС «Проблемы мира и социализма» в 1960-е гг., специалист по философии Достоевского и популярный перестроечный публицист) или другой представитель философского факультета МГУ – известный философ, фронтовик Александр Зиновьев и многочисленный круг его последователей²⁷.

²⁶ Бовин А. XX век как жизнь: Воспоминания. М.: Захаров, 2003. Цит. по электронной версии.

²⁷ См. интервью с бывшим студентом истфака МГУ, работником аппарата ЦК КПСС А. Вебером; Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М.: Международные отношения, 1995; Плимак Е. На войне и после войны. Записки ветерана. М.: Весь мир, 2005; Зиновьев А. Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005.

Такие тандемы позволяли укреплять идеологические убеждения участников этих групп – условно «школьники» с симпатиями к государству в руках «фронтовиков-сталинистов» становились окончательными «сталинистами», а в руках «антисталинистов» – переходили на сторону «ревизионистов».

Здесь уместно продолжить цитирование Бовина:

«Весной 1952 года пришло время переходить из кандидатов в члены партии. Но тут плавное течение событий было прервано. Один из рекомендуемых – Саша Гужин – предложил поговорить. Отправились на набережную Дона. Сели на лавку.

– Я уверен, что ты будешь хорошим коммунистом. И я хочу тебе сказать, что наша партия серьезно больна, – так начался разговор. Вернее, продолжавшийся больше часа монолог Гужина. Если говорить привычными теперь словами, это было разоблачение культа личности Сталина. Сокращенный доклад Хрущева XX съезду КПСС, только произнесенный за четыре года до съезда. Тут было все: и фальсифицированные процессы “врагов народа”, и выселение народов, и отступление до Волги, и отсутствие внутрипартийной демократии, и нетерпимость к любым проявлениям духовной независимости, свободы. Все, в общем...

Можно сказать, что я обалдел, слушая Гужина. ...Какие-то обрывки, фрагменты, детали того, о чем мне говорилось на берегу Дона, и раньше доходили до меня в разное время и в разных упаковках. Но мальчишеская голова, заполненная совершенно другими проблемами, отталкивала все эти тайные шепоты, не задумывалась над ними. Теперь мне шел уже 22-й год. Теперь я уже начал думать. И шепоты, сказанные громко, объединенные в систему, привели меня в состояние, близкое к обалдению. Я задал несколько вопросов, мы встали и пошли. Гужин, конечно, рисковал. Но верил мне и не ошибся»²⁸.

О том же в интервью рассказывал заведующий группой консультантов Отдела соцстран и известный публицист эпохи перестройки Федор Бурлацкий:

«Когда я пришел в институт юридический в Алма-Ате, там появилось поколение первое военных, которые вернулись из армии. И я создал первую очень забавную группу голопулых, которая настроена была очень критично к порядку в стране. Потому что они повидали Восточную Европу, вернулись оттуда, увидели эти превосходные дома крестьянские богатые, дороги хорошие, обстановку, нравы и так далее. Вот против этого поколения, собственно, Сталин, спохватившись, и нанес удар по космополитизму. Не столько против евреев, а

²⁸ Бовин А. XX век как жизнь: Воспоминания. Цит. по электронной версии.

против этих настроений молодых офицеров и солдат, которые вернулись с очень критичными настроениями, что у них лучше, чем у нас, другие порядки, другая жизнь, более нормальная. А меня как отличника и одаренного мальчика, избрали, и мы изрядно выпивали.

– *А избрали председателем или кем?*

Ф. БУРЛАЦКИЙ: Да, как это называлось – ну, просто руководитель “Союза голопупых”. Собирались, денег не было, одна общая чаша, куда наливался спирт и какие-то другие ингредиенты. Пива могли налить, смесь такая адская. И тянули через соломку. А на занятиях я развлекал их всякими рассказами»²⁹.

Далее Бурлацкий рассказал, как фронтовики помогли ему остаться в вузе, когда его пытались исключить за политический и личный конфликт с секретарем парткома вуза, который был преподавателем.

Аналогичным образом шло формирование тандемов и мини-групп с просталинскими и русско-националистическими взглядами.

Инструктор Отдела пропаганды, умеренный русский националист Владимир Еременко, учившийся в 1948–1953 гг. на филологическом факультете Сталинградского педагогического института, так описал это в мемуарах:

«Попад в студенческую среду, где были в основном горожане, а если и были люди из села, то дети учителей, врачей и начальства (сам он, впрочем, был в тот момент сыном снабженца городской электростанции и вырос в полусельском пригороде Сталинграда. – Н. М.), я долго не мог вписаться в их компанию и водил дружбу с фронтовиками, парнями и девицами грубыми, но прямыми и открытыми. С ними мне было легче»³⁰.

Инструктор Отдела культуры, активист неформальной «Русской партии» и сын антисталински настроенного первого секретаря сельского райкома партии Геннадий Гусев в интервью говорил о тех же мотивах:

«Самое главное, что, по-моему, окончательно дооформило, достроило мою душу и мое духовное обличье, назовем так, это моя дружба с фронтовиками. Я, птенец средней школы, 18-летний, попадаю в МГУ, и я сразу прикипел сердцем к ребятам, которые прошли войну. Плюс 6–7 лет послевоенных в армии. Они себя называли “сталинский призыв”. В 1945 г. почти всех, кто до 1925 г. рождения включительно, демобилизовали, а 1926 г., поскольку они только зацепились за войну в 1943–1944, их оставили до 1951 г. служить. В 1946 г. – фултонская речь Черчилля, и армию надо было держать по-прежнему, палец на

²⁹ Интервью с Ф. Бурлацким.

³⁰ Еременко В. Отче... XX век: Семейный роман. М.: Литературная Россия, 2004. С. 230.

курке, а граница на замке. ...Это был 1956 год. В феврале состоялся знаменитый доклад Хрущева. И [главный друг-фронтовик Владимир] Фролов и я в одночасье превратились в консерваторов. Из ...реакционера и антисталиниста, который отказывал товарищу Сталину в теоретической потенции и в огромных теоретических способностях, [я] превратился в сталиниста, который: "Ребята, ну нельзя же забывать о том, кто выиграл войну. Нельзя же забывать, как Сталин после гражданской войны – Ленина там было всего-навсего на два чиха, 1920, 1921 год и все – собрал Россию, гигантскую империю"»³¹.

При этом надо отметить, что тандем фронтовик – «школьник» в долгосрочной (на десятилетия) перспективе нередко оказывалась крепче, чем отношения фронтовиков, учившихся на одном курсе. Упомянутые выше Гусев с Фроловым поехали вместе по распределению в Краснодарский край, где Фролов быстро начал успешную партийную карьеру, а Гусев – комсомольскую³². Секретарь ЦК КПСС, фронтовик Владимир Долгих, с института друживший со «школьником» Борисом Грайвером, начиная со студенческой практики постоянно работал с ним вместе. В 1958 г. Грайвер сменил пошедшего на повышение Долгих на посту главного инженера Красноярского аффинажного завода³³.

Другим аспектом отношений в тандеме стало то, что «школьники» интенсивно перенимали у фронтовиков навыки руководящей работы.

Инструктор Отдела строительства Леонид Ромашкин так вспоминал о своем старшем друге по МИИТ, фронтовике Сергее Войтовиче, отношения с которым он поддерживал и десятилетия спустя:

«Он был секретарь факультетского бюро комсомола. Мы вообще думали, что он пойдет по партийной линии, потому что техника как-то... [ему не давалась.] Он стал замминистра транспортного строительства потом все-таки. ...Я помню, он меня первый раз на факультетском собрании попросил выступить. Я говорю: "Сереж, никак я". Я был стеснительный. Он говорит: "Не бойся, представь, что там ста-

³¹ Интервью с Г. Гусевым.

³² Дружба и интенсивная переписка продолжались до смерти Фролова. Интервью с Г. Гусевым.

³³ Дружба осталась, но карьерные пути на этом разошлись, возможно (по моим предположениям), потому что для еврея Грайвера эта должность была потолком возможного карьерного роста. См.: Нуждин Л. Указ. соч. С. 41–42. Аналогичную историю своей студенческой дружбы с фронтовиком и председателем совета общежития Петром Переверзневым (основанной на восхищении его фронтовыми подвигами), ставшим после совместного распределения на завод его начальником, рассказывает «школьник» Валентин Кондратьев, ставший в итоге зав. сектором Орготдела. См. интервью с В. Кондратьевым.

до баранов, а ты – пастух”. Деревенский парень. А потом, когда меня захотели в партком избрать, было собрание министерское, и мне секретарь говорит: “Ты выступи”. А там все-таки министр на собрании сидит, замы. Ведь надо что-то. Я что-то набросал, пришел к Сереже, он говорит: “Давай почитаем”. Прочел и говорит: “Все так, только давай преподнесем, обыграем это с партийных заходов. Все правильно ты говоришь”. Вот обыграли мы, выступили. Потом мне секретарь говорит: “Министр спросил, кто это”. Я был тогда начальником отдела, он меня видел пять раз, может быть, у себя»³⁴.

От самоутверждения фронтовиков к формированию «молодежной группы»

В целом обожание фронтовиков в стенах вузов вчерашними «школьниками» (и уж тем более «школьницами») дало первым уверенность не только в обладании особым типом социального опыта, который при необходимости мог бы быть и предъявлен, но и в своем особом политическом праве. Для фронтовиков, ушедших на фронт со школьной или институтской скамьи, – война стала их первой «взрослой» социализацией. Не имея возможности сравнить ее с мирным взрослым прошлым, они были склонны именно ее воспринимать как норму, более того, «мерило» всего (в первую очередь человеческих отношений). Тем самым априори она становилась самым главным событием в жизни, а участие в ней выделяло человека из числа других и по определению придавало ему особый статус³⁵.

Сотрудник Отдела пропаганды, один из «прорабов перестройки» Александр Яковлев: «У меня до сих пор не очень укладывается, что [министр обороны СССР Дмитрий] Язов влип в эту историю (ГКЧП. – Н. М.). Это, наверно, идет от фронтовой нашей корпоративности. Ведь Язов – мой сосед по фронту. Мы же в тех же частях в одно и то же время служили под Ленинградом: я – в морской пехоте, он – в пехотной дивизии...»³⁶

Именно среди бывших «лейтенантов»-фронтовиков, т. е. младшего офицерского состава, демобилизовавшегося во второй половине

³⁴ Интервью с Л. Ромашкиным.

³⁵ Автор теста гимна фронтовиков эпохи правления Леонида Брежнева – песни «День Победы» Владимир Харитонов также был старшим партнером в тандеме со «школьником» (будущим завсектором Отдела информации Вольфом Седых-Чеканниковым) во время своей учебы в МГИМО. Подробнее см.: Седых В. На круги своя. М.: Фонд им. Сытина; Зарницы. 2006. С. 58–68.

³⁶ Александр Яковлев. Избранные интервью: 1992–2005. / Сост. А. А. Яковлев. М.: МФД, 2009. С. 39.

1940-х гг., получивших университетское образование, бывших функционерами сначала университетских, а потом региональных комсомольских и партийных организаций в 1960-е гг., вызревает идея «поколения», которому пора прийти к вершине власти.

Группа, которая нам сейчас известна как «комсомольская», «молодежная» или «группа Шелепина», не просто приняла активное участие в популяризации памяти о войне в середине 1960-х гг. (мне приходилось писать об этом в книге «Русская партия...»)³⁷, но и оставила множество документальных свидетельств о своих надеждах «проулить» (1960-е гг.), и о своих разочарованиях в возможности этого, и в «брежневщине» в целом (1970-е гг.)³⁸.

Вот что, например, пишет исследователь истории Бауманского училища Леонид Волчкевич о высокопоставленном участнике «группы Шелепина», сотруднике ЦК КПСС в 1960–1961 гг., затем первом секретаре московского горкома Николае Егорычеве, который в послевоенные годы, вернувшись с фронта в стены вуза, стал комсоргом ЦК ВЛКСМ по МВТУ:

«Худошавый, неторопливый, всегда аккуратно одетый, с орденской планкой на груди, он умел быть немногословным и при этом убедительным в суждениях и решениях, все реже по фронтовому авторитету и все чаще – по таланту “инженера человеческих душ”. ...В 1950 г. он стал во главе партийной организации МВТУ в возрасте 30 лет, не имея даже инженерного диплома! ...Его партийное восхождение было стремительным. Уже в 1954 г. он становится секретарем Бауманского райкома партии, вскоре – первым секретарем райкома. В 1962 г. он – руководитель крупнейшей партийной организации страны... Нельзя не отметить, что всюду, где работал Н. Г. Егорычев, он стремился воспитывать и оставлять в качестве “наследников” и продолжателей дела молодую талантливую смену. Так, в МВТУ секретарем комитета комсомола стал Вадим Тищенко, совсем молодой (1929 г. р.), который далее сменил Н. Е. Егорычева и в качестве секретаря партийного комитета МВТУ. ...Тищенко и далее пошел “по стопам” своего учителя: был секретарем Бауманского райкома

³⁷ Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР 1953–1985 гг. М.: НЛО, 2003. С. 113–116.

³⁸ См., напр., практически идентичные выписки из дневниковых записей начала 1970-х гг. типичных «шелепинцев»: бывшего сотрудника Орготдела Георга Мясникова и бывшего сотрудника Сельхозотдела Бориса Рунова: Мясников Г. Страницы из дневника, 1964–1992. М., 2008. С. 120–121, 128–129, 138, 153, 180, 189–190; Рунов Б. Вспоминая прошлое, думаю о будущем. Записки нетипичного чиновника. М.: ФГНУ «Росинформпротех», 2003. С. 105, 118.

партии, далее зав. отделом Московского горкома КПСС, где первым секретарем был Егорычев»³⁹.

Далее автор описывает, что Тищенко пострадал при разгроме «группы Шелепина», получив «тупиковую» должность заместителя председателя Госкомитета по профтехобразованию. Другой выдвиженец Егорычева – Борис Пастухов, также бывший студент МВТУ, заместитель секретаря комитета комсомола вуза, в 1958 г. сразу после получения диплома становится вторым, затем первым секретарем Бауманского райкома комсомола. Далее он делает впечатляющую карьеру и в 1977 г. становится первым секретарем ЦК ВЛКСМ. В своих мемуарах Пастухов также поет оду поколению людей, прошедших войну, которые «в силу своих личных дарований и достоинств, прежде всего бескорыстия, снискали в народе искреннее уважение... они были неизмеримо выше людей, которых приближал к себе Брежнев»⁴⁰. Дружбу с Егорычевым Пастухов сохранил до последнего дня жизни покойного, и даже заходил к нему в последний вечер его жизни, благо жил на этаж выше⁴¹. В данный клан входил и близкий друг детства Пастухова – Валерий Беянинов, который под кураторством Пастухова сначала окончил школу с золотой медалью, потом поступил в МВТУ и в результате досрочно до поста парторга вуза и заместителя ректора⁴².

В итоге младшая по возрасту часть этого поколения советских политиков стала активными участниками и соавторами перестройки (как, например, члены Политбюро Егор Лигачев и Александр Яковлев, заведомо пропаганды ЦК КПСС перестроечного периода Юрий Воронов, советник Горбачева по международным вопросам Анатолий Черняев или бывший сотрудник Отдела соцстран, академик Георгий Арбатов) наряду с кругом своих обожателей из числа воспитанных ими в университетских стенах «школьников».

О тех, кто не был «обожателем»

Совсем по иному вспоминают фронтовиков те «школьники», которые были ими отвергнуты, подверглись дискриминации или вступили с ними в конфликт. Благо поводов к тому они давали достаточно – можно вспомнить активное участие «фронтовиков» в борьбе с космополитизмом. В этом отношении весьма показательны мемуары известной правозащитницы Людмилы Алексеевой и из-

³⁹ Волчкевич И. Указ. соч. С. 20.

⁴⁰ Пастухов Б. Друзей моих прекрасные черты. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 41.

⁴¹ Там же. С. 36.

⁴² Там же. С. 49.

вестного социолога Владимира Шляпентоха⁴³. С точки зрения будущих диссидентов ответственность за продвижение во власть таких, «беспринципных» (с точки зрения их, идеалистически настроенных «школьников»), людей, как партийные фронтовики, лежала на господствующей политической системе.

Однако негативное мнение о фронтовиках было не только у будущих диссидентов. В некоторых ситуациях комсомольцы-«школьники» отделяли свое сообщество от фронтовиков. Например, учившийся с 1948 г. в МЭИ зам. зав. Отдела машиностроения Валерий Пименов говорит о разделе «актива» на факультете на находящийся под контролем фронтовиков партком и состоящий из «школьников» комитет комсомола. Кстати, помимо самого Пименова (не участвовавшего в факультетских выборных органах), еще несколько членов комитета комсомола МЭИ того времени позднее оказались сотрудниками ЦК:

«– Фронтовики у вас были на курсе?»

В. ПИМЕНОВ: Да, много было. У нас на первых курсах процентов 20, наверно, было фронтовиков. Но из них больше половины отсеялись. Им вообще невоготу было, первые курсы фронтовики еле-еле.

– А как с ними складывались отношения, с теми, кто остался?»

В. ПИМЕНОВ: Ну, как – шелкнут по затылку они тебе, и стой перед ними. Они старшие, нами командовали. Мы огрызались, но в меру.

– Но компаниями вы вместе общались или они друг с другом, а вы младше?»

В. ПИМЕНОВ: Нет, компаний особенно с фронтовиками нет. У них все-таки свои интересы, свои подходы»⁴⁴.

Супруга и бывшая однокурсница зав. сектора Отдела пропаганды Бориса Александровского Людмила Сытина в интервью вспоминала, что в годы учебы (1948–1953) на экономическом факультете МГУ ее не воевавший будущий супруг, будучи к моменту поступления в вуз членом партии (одним из очень немногих среди студентов своего курса), вместе с другими «продвинутыми парнями» (в числе которых были будущие академики Евгений Примаков и Степан Ситарян) занимался исключительно изданием стенгазеты, максимально обособившись тем самым от партбюро факультета, где преобладали фронтовики⁴⁵.

⁴³ Алексеева Л., Гольдберг П. Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006; Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003.

⁴⁴ Интервью с В. Пименовым.

⁴⁵ Интервью с Л. Сытиной.

Таким образом, можно констатировать, что процесс сегрегации «фронтовиками» «школьников» в рамках студенческого квазисамоуправления и идеологических кампаний фактически раскол советских университетски образованных гуманитариев 1920 – начала 1930-х гг. рождения на несколько групп. Если до поступления в престижные вузы будущие студенты имели во многом общий социальный и идеологический бэкграунд, а в вузах получили формально одинаковое образование, то на выходе, среди советских интеллектуалов одного поколения сложились не только полярные друг другу сообщества «партийных» и будущих «диссидентов», но и образовался принципиальный раскол среди самих «партийных» на «сталинистов» и «ревизионистов». Естественно, что численно и «партийные» и «диссиденты» представляли абсолютное меньшинство среди выпускников гуманитарных факультетов ведущих вузов, но именно они были теми полюсами, на которые ориентировался колеблющийся в своих идеологических предпочтениях и конкретных действиях обширный круг академической и научно-технической интеллигенции и отчасти чиновничества⁴⁶.

А именно кипение идеологических страстей среди выпускников ведущих московских и ленинградских вузов 1940–1950-х гг., составляющих социально однородную партийно-чиновниче-медиа-академическую среду обеих столиц, во многом определяло политический и культурный процесс в СССР 1960 – начала 1990-х гг.

⁴⁶ Подробнее об этом см., в частности, следующие публикации автора: Митрохин Н. Из двух бесед с Александром Моисеевичем Пятигорским // Новое литературное обозрение. 2010. № 1(101). URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1717/1727/>; Он же. Заметки о советской социологии (по прочтению книги Бориса Фирсова) // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 3 (98). URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/199/>; Он же. Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели (Рецензия) // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/re23.html>

А. А. Фокин

СТАЛИНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ КАК БАЗА ДЛЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ПОЗДНЕМ СССР¹

Период с 1945 по 1953 г. часто обозначают как «поздний сталинизм», тем самым подчеркивая противоречивость времени. С одной стороны, сохраняются характерные черты предвоенной политической системы и, можно сказать, доводятся до апогея: личная власть Сталина достигает пика, вновь разворачиваются идеологические кампании по поиску внутренних врагов и т. д. С другой стороны, многие граждане ждали перемен и ослабления режима, происходит поиск новых механизмов взаимодействия власти и общества.

Одним из институтов советской политической системы, обеспечивавшим вертикальную коммуникацию, были Советы различного уровня. После прихода большевиков к власти именно система Советов становится ядром государственной власти. Так, вначале Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, а затем Верховный Совет СССР признавались высшими органами государственной власти, далее шли Советы более низкого уровня, которые решали вопросы на уровне республик, областей, городов и поселков.

Тема выборов имеет определенную историографическую традицию, но нельзя сказать, что она активно разрабатывается. Многие историки советского периода воспринимают выборы как фикцию, призванную прикрывать господство правящей элиты. В силу этого изучение выборов – это изучение фантома и не позволяет узнать ничего нового о советской системе. Те исследователи, которые все-таки обращаются к теме выборов, прежде всего изучают формальные аспекты². Изучение советского избирательного процесса позволит

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК – 1509.2014.6) «Взаимоотношение власти и общества в СССР 1960–1970 гг.».

² Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011; Журавлев В. П., Фортунатов В. В. Избирательное законодательство и

выявить важные элементы политической риторики того времени и определить особенности публичной политики СССР.

В первые годы советской власти избирательный процесс был построен по классовому принципу, и в нем присутствовали явные элементы контроля над ходом голосования, например, вместо тайного волеизъявления практиковали открытое, что позволяло сразу определить людей с позицией, не согласующейся с линией партии и государства. Еще одной особенностью раннесоветской избирательной системы является ее пропорциональный характер, по сути, большевики копировали многие элементы выборов в дореволюционную Думу, ибо необходимо было в крестьянской стране установить диктатуру пролетариата и обеспечить представительство рабочих в органах власти. Поэтому устанавливалось соотношение 1 к 5 между голосами рабочих и крестьян.

С принятием Конституции 1936 г. ситуация меняется, избирательное право лишается принципов дискриминации и, согласно статье 135, «все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав». Выборы становились прямыми, равными и тайными, что должно было продемонстрировать исчезновение классовых противоречий в советском обществе. Важно, что принципы, выработанные в сталинской политической системе и закрепленные в Конституции 1936 г., являлись нормативной базой до 1977 г., когда была принята новая Конститу-

выборы в 1937–1987 гг. URL: http://www.rcoit.ru/elect_history/detail.php?ID=17084 (дата обращения: 14.12.2013); Подосинников А. Ю., Коровин В. В. Опыт проведения избирательных кампаний в СССР во второй половине XX века (на примере организации выборов депутатов Верховного Совета от Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2012. № 1–2. С. 236–240; Бушева А. А., Слезин А. А. Представление современников о механизме выборов в Верховный Совет СССР после Великой Отечественной войны // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2011. Т. 17. № 4. С. 1126–1130; Салагунов Д. Ю. Советская избирательная система конца 1930-х годов: конституционный фасад и правоприменительная практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 78–80; Мотрович В. П. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г. // Документ. Архив. История. Современность. 2009. Т. 10. С. 372–381; Меликова Н. М. Исторический опыт функционирования советской избирательной системы, 1936–1985 гг.: Дис. ... к. и. н. М., 2001; Кимерлинг А. «Кто портит бюллетени, тот в союзе недовольных». Протестное поведение поздней сталинской эпохи // Отечественные записки. 2013. № 1(52). С. 326–334.

ция СССР. В этом контексте необходимо вспомнить проект Конституции 1964 г., подготовленный в рамках стремления Н. С. Хрущева реформировать советскую систему.

Сопоставляя эти три конституционные документа, можно выявить особенности законодательного оформления избирательной системы. Сразу можно заметить, что статьи, посвященные выборам, поднимаются ближе к началу документа. В 1936 г. это статьи со 134 по 142, в 1964 г. — 105–121, в 1977 г. — 95–102. Отличием проекта 1964 г. является тот факт, что там соответствующий раздел обозначен как «Выборы в Народные Советы», тогда как в Конституциях 1936 и 1977 гг. — «Избирательная система». В Конституции 1936 г. нормативная база проведения выборов и деятельности депутатов была объединена в одну главу, в дальнейшем происходит разделение на два отдельных раздела. В целом, это вполне закономерный процесс развития законодательства и формализации процессуальных аспектов. Первые статьи, посвященные основным принципам советской избирательной системы, в трех документах практически не отличаются друг от друга, исходя из чего можно сделать вывод: сталинская политическая риторика оказалась универсальной и воспроизводилась в последующие исторические периоды. В Конституции 1937 г. возраст кандидата начинается с 23 лет, в проекте этот пункт не указан, а в Конституции 1977 г. человек получает право избираться с 21 года. В свою очередь при работе с разного рода обращениями граждан можно встретить предложения об увеличении возрастного ценза, дабы депутатами становились люди, имеющие жизненный опыт. Особенностью проекта 1964 г. является норма об обновлении состава депутатов на одну треть, что вписывается в хрущевскую доктрину правовой ротации кадров. Положения о выборах в СССР и РСФСР практически полностью дублируют друг друга. В них прописаны порядок формирования списков избирателей, избирательных округов и комиссий, порядок выдвижения кандидатов, порядок голосования, принципы определения результатов выборов.

Помимо Конституции, регулировавшей основные аспекты избирательной кампании, правовой базой выборов были Положения о выборах, первоначально принимавшиеся каждый раз перед проведением выборов. Но в 1950 г. принимаются Положения о выборах в Верховный Совет СССР (1950), а также Положения о выборах в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР (1950). Эти положения с определенными дополнениями оставались основными нормативными актами, определяющими проведение выборов. Поскольку нормы Конституции 1936 г. воспроизводились в дальнейшем, можно сказать, что фактически избирательное законодательство позднесоветского периода является продуктом сталинской системы.

Закономерным является вопрос о том, почему на фоне существенной трансформации Советского Союза во времена Хрущева и Брежневa сталинское законодательство продолжало быть актуальным и востребованным. Причина, скорее всего, заключается в соединении нескольких тенденций политической культуры Советского Союза. Бюрократическая машина обладала значительной инерцией, и поэтому принятие новых документов требовало больших человеческих и временных усилий, например, принятие Конституции было отложено на 13 лет после отставки Н. С. Хрущева, и все это время Конституционная комиссия продолжала работать. С другой стороны, это может быть связано с особенностью политической культуры советского периода, в которой реальные практики были важнее нормативных положений. Негласные установки, устные распоряжения вышестоящих начальников – все это могло корректировать и сглаживать устаревшее законодательство.

Если анализировать непосредственно постановления 1950 г., то существенной разницы между нормами для СССР и РСФСР не отмечается, и оба Положения практически идентичны. Первая глава, посвященная избирательной системе, в целом отсылает нас к соответствующим статьям Конституции 1936 г.

Вторая глава регламентирует составление списков избирателей. Статья 18 подразумевала, что за 30 дней до выборов исполнительный комитет Советов, на который возлагалась обязанность по составлению списков, должен был опубликовать для всеобщего обозрения перечень избирателей. Это делалось для того, чтобы граждане могли сверить свои данные, и в случае ошибки была возможность внести изменения.

Третья глава определяла принципы формирования избирательных округов. Поскольку Верховный Совет СССР был двухпалатным, то выборы проходили в Совет Союза, куда выбирался один депутат от 300 тыс. населения и в Совет Национальностей. Избирательные округа в последний определялись следующей нормой: 25 округов в каждой союзной республике, 11 округов в каждой автономной республике, 5 округов в каждой автономной области и один избирательный округ в каждом национальном округе. В силу того что автономные республики и округа находились почти исключительно в РСФСР, то представители этой республики получали большинство мест в Совете Национальностей. Территориальный принцип формирования Совета Национальностей был призван обеспечить квоты немногочисленным народам наравне с крупными этносами.

Четвертая глава была посвящена избирательным округам, средняя численность такого участка должна была составлять 1500–3000 человек, но допускались участки и с числом избирателей в 25 человек (на судах во время плавания).

Следующая, пятая глава регламентировала работу избирательных комиссий. Интересно, что Центральная избирательная комиссия, в отличие от современного положения, была не постоянным, а временным органом, который образовывался не позднее, чем за 50 дней до выборов.

Шестая глава была посвящена порядку выставления кандидатов в депутаты. Право выдвигать кандидатов предоставлялось общественным организациям и обществам трудящихся: коммунистическим партийным организациям, профессиональным союзам, кооперативным организациям, организациям молодежи и культурным обществам, равно как общим собраниям рабочих и служащих по предприятиям и учреждениям, военнослужащих по воинским частям, общим собраниям крестьян по колхозам, селам и волостям, рабочих и служащих совхозов — по совхозам. Важным аспектом является то, что в нормативных документах нигде не закреплена безальтернативность выборов в Советы. Наоборот, избирательные комиссии обязаны были зарегистрировать всех кандидатов. А статья 105 напрямую говорит о возможности перебаллотировки двух кандидатов в случае, если никто из них не набрал большинства голосов. Но в этом плане как раз проявляется принцип главенства практики над юридической нормой: обычно на собрании трудового коллектива выдвигалось два кандидата, один из которых, а это скорее всего был представитель партийно-государственной элиты, снимал свою кандидатуру с выборов, оставляя только одну фамилию в бюллетене. Например, секретаря ЦК КПСС Долгих В. И. и директора Челябинского трубопрокатного завода Осадчего Я. П., или члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел Громыко А. А. и первого секретаря Челябинского горкома партии Дмитриева В. И., или генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева Л. И. и шлифовщицу четвертого цеха Копейского машиностроительного завода им. С. М. Кирова Пермякову А. Г.³ В большинстве случаев более значимые кандидаты выбирали один из избирательных округов, по которому проходили в Верховный Совет, а в остальных проходили местные кандидаты.

Седьмая глава регламентировала порядок голосования. Избирательные участки начинали свою работу в 6 утра и заканчивали в 12 ночи, значительное число граждан стремилось прийти к открытию избирательного участка и проголосовать первыми, также зачастую участки прекращали свою работу до 12 часов, поскольку явка составляла 100 %. Участки должны были быть оборудованы специальными кабинками для сохранения тайны волеизъявления, но поскольку в

³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1864а. Л. 3—174.

бюллетене необходимо было делать пометки только в случае, если ты голосуешь против, то люди, использовавшие эти кабинки, вызывали подозрение.

Последняя, восьмая глава описывала, как следует проводить подсчет голосов. Наиболее интересными являются статьи 105 и 106. В первой отмечается, что для победы кандидат должен набрать абсолютное большинство голосов, а во второй указывается, что если на выборах проголосует менее половины зарегистрированных избирателей, то выборы признаются несостоявшимися. Все это позволяет говорить о направленности советского законодательства на достижение максимальной легитимности выборов. Они должны быть настоящим волеизъявлением народа, дабы продемонстрировать и единение советских граждан, и их политическую позицию по отношению к кандидатам от блока коммунистов и беспартийных. Так, на выборах в Моссовет (1969) не приняло участие 585 избирателей, что от общего количества жителей столицы составляет мизерный процент, но это уже был повод для замечания со стороны вышестоящих органов.

Голосование не было формальностью: даже если человек прошел внутренний отбор через властные инстанции, получил одобрение на собрании, это еще не гарантировало его избрание. Приведу отрывок из аналитической записки ЦК КПСС по итогам выборов РСФСР (1969): «Вместе с тем итоги выборов показывают, что по 116 избирательным округам баллотировавшиеся кандидаты в депутаты не получили абсолютного большинства голосов и не избраны депутатами, в том числе в райсоветы по 2 округам, горсоветы по 2 округам, в поселковые советы по 3 округам и в сельсоветы по 109 округам. Среди забаллотированных: 1 – зампреда райисполкома, 32 председателя и 4 секретаря исполкомов сельских Советов, 3 председателя исполкомов поселковых Советов, 28 колхозников, 22 служащих, 19 рабочих, 2 военнослужащих, 3 освобожденных секретаря первичных парторганизаций, 1 освобожденный председатель райкома совхоза, 1 домохозяйка. В Коми АССР забаллотирован председатель Бугаевского сельисполкома Дуркин Я. М. Населению сельсовета были известны факты нарушения финансовой дисциплины, а также использования на ремонт своего дома стройматериалов, принадлежащих сельсовету. На собрании в Козловском сельсовете Хабаровского края при выдвижении кандидатом в депутаты сельского Совета председателя сельисполкома Кудрина А. А. избиратели критиковали его за грубое отношение к населению. Однако Кудрин А. А. был зарегистрирован кандидатом. На выборах из 19 избирателей “за” проголосовали 4 человека. Алтайскому крайисполкому было известно, что председатель Шиловского сельсовета Баспаликов И. А. не справ-

ляется с работой. Однако он был выставлен кандидатом в депутаты. Из 39 голосов, 22 «против»⁴.

Такой результат, хотя и рассматривался как ЧП, был формой легального протеста. Вину прежде всего возлагали на местных руководителей, которые недостаточно ответственно подошли к выбору кандидатуры и тем самым вызвали негативную реакцию избирателей. В документах ЦК КПСС отмечается, что «отдельные горкомы и райкомы партии, первичные парторганизации невнимательно отнеслись к подбору отдельных кандидатов, заблаговременно не выяснив отношение коллектива к рекомендуемым товарищам. Вместе с тем это свидетельство возросшей требовательности избирателей к деятельности депутатов»⁵. Это позволяет говорить о выборах не только как о формальности и проверке на лояльность, но и как о механизме укрепления доверия между властью и населением.

П. Штомпка называет пять макросоциетальных обстоятельств, которые благоприятствуют появлению «культуры доверия»: 1) нормативная согласованность; 2) стабильность социального порядка; 3) прозрачность социальной организации; 4) ощущение понятности окружающего мира; 5) подотчетность других людей и институтов⁶. Анализируя ситуацию в позднем СССР, следует признать, что происходит усиление «культуры доверия». Даже понятие застоя, которое закрепилось за брежневским периодом, связано с теми элементами, которые выделяет П. Штомпка. Стабильность социального порядка позволяет людям доверять как окружающим, так и системе.

Выборы в СССР обеспечивали нормативную согласованность, поскольку опирались на сложившиеся правовые и моральные нормы; обеспечивали стабильность социального порядка через постоянство и предсказуемость процесса голосования; прозрачность социальной организации заключалась в публичном характере выборов и функции депутатов как народных представителей; в свою очередь, это обеспечивало подотчетность, и в итоге у населения формировалось представление о понятности окружающего мира. Исходя из этого, можно говорить о том, что одной из скрытых функций электорального процесса в СССР было поддержание или рост доверия к существующей системе. В. Дж. Патцельт, размышляя о выборах в современных диктатурах, выделяет четыре основные функции: «демократическая «функция легитимизации», через которую выражается публичная поддержка правительства; «манипуляция имиджем», с помощью ко-

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 14. Л. 113.

⁵ Там же. Д. 23. Л. 35.

⁶ Фреик Н. В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки // Социс. 2006. № 1. С. 15.

торой строится демократический фасад; “фальсификация предпочтений”, т. е. попытка создать общепринятую веру в то, что все поддерживают режим; и, наконец, “функция согласования / распределения удобств”, с помощью которой обещания разделить трофеи становятся более надежными / внушающими доверие»⁷.

Советские выборы стремились сочетать в себе как широкие демократические элементы (не случайно в советских СМИ подчеркивалась разница между подлинной демократией в СССР и фальшивой на Западе), так и предсказуемость и стабильность. Выборы позволяли создать устойчивые связи между властью и населением, основанные на принципах взаимной лояльности и компромисса. Представляется, что значительная часть населения была согласна с особенностями советских выборов, взамен получая социальную, экономическую и политическую стабильность. Власть была вынуждена доверять гражданам, подразумевая, что они по умолчанию лояльны по отношению к существующей системе, а граждане доверяли власти, обеспечивающей стабильный и приемлемый уровень жизни. Разрушение этого взаимного доверия и стало одним из факторов краха советской системы.

⁷ Patzelt W. J. Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations // Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011. P. 126–145.

А. К. Байбурин

ПАСПОРТНЫЙ РЕЖИМ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Понятие режима – одно из ключевых не только для паспортной системы, но и для советского государства в целом. Простое перечисление связанных с этим термином сочетаний может занять довольно много места – это не только паспортный режим и различные режимные территории, но и режимные предприятия, лагерный режим, режимы секретности и даже режим дня в пионерских лагерях. Исходно нейтральное слово, обозначающее государственный строй, обрело в СССР дополнительные коннотации и стало обозначать особый (чаще всего принудительный) порядок, характер которого описывался в специальных инструкциях¹.

В пределах паспортной системы существовали свои особенности применения термина *режим*. Паспортный режим определялся как совокупность мер по поддержанию и упрочению того порядка, который устанавливался паспортной инструкцией для паспортизированной территории страны². Отсюда следует, что он действовал на всей паспортизированной территории, однако не все паспортизированные местности считались режимными. Понятие «режимной местности» следующим образом определяется в Инструкции по паспортной работе 1935 г., которую подписал Г. Ягода: «Местности, в которых паспортизация проводится по особой инструкции, т. е. местности, в которых паспорта выдаются не всем гражданам, называются режимными местностями. Местности, в которых паспорта выдаются всем без исключения гражданам, называются нережимными

¹ См. подробнее: Кондратьева Т. С. Введение // Режимные люди в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. С. 10–22.

² Вот как он определялся, например, в «Инструкции о порядке применения Положения о паспортах, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 21 окт. 1953 г.»: «Паспортный режим – совокупность мероприятий, направленных на проведение в жизнь Положения о паспортах и борьбу с его нарушениями» (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 168).

местностями»³. Можно сказать, что на всей паспортизированной территории действовал паспортный режим, но в режимных местностях применялись особые его разновидности. В таком случае более корректно говорить не об одном, а о нескольких паспортных режимах.

При паспортизации 1932–1933 гг. к территориям особого паспортного режима были отнесены Москва и Ленинград со 100-километровой зоной вокруг них, а также Харьков с 50-километровой зоной⁴. Уже через несколько месяцев после начала паспортизации такой же статус получили еще 25 городов (Киев, Одесса, Минск, Ростов-на-Дону и др.), а также населенные пункты в пределах стокилометровой западноевропейской пограничной полосы СССР.

В Положении о паспортах 1940 г. и в Инструкции по применению этого Положения было введено существенное новшество – дифференциация режимных зон по степени «экономической, политической и оборонной значимости» и, соответственно, строгости надзора. Они были разделены на две категории. К первой категории были отнесены запретные зоны и пограничная полоса вдоль всей границы, г. Москва и Московская область, г. Ленинград и 100-километровая полоса, г. Киев и 50-километровая полоса, гг. Баку, Белосток, Гродно, Львов, Севастополь и Севастопольский укрепрайон, г. Мурманск, Сочи и Сочинский район, г. Гагры и Минераловодская группа курортов. Ко второй категории – свыше 70 городов и районов: «гг.: Анжеро-Сунженск, Алма-Ата, Ашхабад, Аккерман, Брянск, Батуми, Барановичи, Брест, Воронеж, Винница, Вилейка, Грозный, Горький, Дзержинск...»⁵ и др.

В режимных местностях 1-й категории запрещалось проживание судившимся за контрреволюционные и уголовные преступления...; перебежчикам из-за границы; лицам без гражданства; лицам, прибывшим на работу без приглашения предприятий и учреждений; лицам, не занятым общественно-полезным трудом, за исключением инвалидов, пенсионеров и иждивенцев, а также лицам, судившимся за хулиганство. В режимных местностях 2-й категории запрещалось проживание судившимся за контрреволюционные и уголовные преступления⁶. Таким образом, характер паспортного режима опреде-

³ Инструкция по применению Положения о паспортах, изданная во исполнение Постановления СНК СССР от 10/IX 1940 г. за № 1667 // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 79.

⁴ Всего в процессе паспортизации (чистки) столиц население Москвы уменьшилось на 578 тыс., а Ленинграда – на 300 тыс. человек. В последующем ежегодно из режимных местностей выселялось до 500 тыс. чел.

⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Ед. хр. 233, Т. 1, Л. 158.

⁶ Записка Л. П. Берия и А. Я. Вышинского В. М. Молотову 31 авг. 1940 г. // Старая площадь. Вестник Архива президента Российской Федерации. № 6. 1997. С. 109.

лся запретом проживания на данной территории тех или иных категорий граждан – чем строже режим, тем больше ограничений.

По тому же Положению 1940 г. территория простого паспортного режима тоже существенно расширилась: теперь в нее были включены районные центры и населенные пункты, в которых были расположены машинно-тракторные станции (МТС). Кроме того, в режимную зону были включены территории, «присоединенные» к СССР в 1939–1940 гг. (бывшие Бессарабия и Северная Буковина).

Пик роста режимной территории пришелся на 1953 г. К этому времени режимные зоны охватывали более 300 городов и районов. Кроме того, к ним относилась пограничная полоса вдоль всей границы страны. Ширина этой полосы колебалась от 15 до 200 км, а на Дальнем Востоке она доходила до 500 км. Закарпатская, Калининградская, Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края, а также Чукотка и Камчатка были полностью объявлены режимными местностями⁷. К этому времени начинают появляться и «закрытые» города, принадлежавшие Министерству обороны и Министерству среднего машиностроения (Минатом)⁸.

Если нанести режимные местности на карту, то мы получим своего рода географию паспортных режимов, в которой все население распределено по территориям, в каждой из которых действовали свои правила. По степени «чистоты» они разделялись следующим образом:

- 1) пограничные зоны (пропускной режим);
- 2) закрытые города со своим режимом;
- 3) режимные местности 1-й категории (крупнейшие города и особые зоны отдыха);
- 4) режимные местности 2-й категории (в основном – областные центры);
- 5) зоны простого паспортного режима («нережимные территории»);
- 6) непаспортизированная территория («серая» зона с сельским населением и со всеми теми, кому запрещено проживание даже на нережимной паспортизированной территории).

Режимная география оставалась неприкосновенной даже во время войны, о чем свидетельствует приказ НКВД от 30 сентября 1941 г., за-

⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Ед. хр. 233. Т. 3. Б/п.

⁸ Их официальное название – Закрытые территориально-административные образования (ЗАТО). Учреждались в послевоенные годы закрытыми указами Президента Верховного Совета. См. о них Г. М. Лаппо, П. М. Полян. Закрытые города // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 43–48.

прещающий прописку граждан из прифронтовой полосы прибывающих «неорганизованным порядком» в областные центры местностей, объявленных на военном положении и в режимные города первой категории. Любопытно, что и здесь вводилась своего рода иерархия, теперь уже беженцев. Их запрещалось прописывать в режимных городах первой категории «за исключением лиц, эвакуированных из Москвы и Ленинграда, которые прописываются во всех местностях, кроме пограничной полосы»⁹.

35 режимных городов находились во временной оккупации¹⁰. Немцы не меняли паспорта, а ставили свои отметки. По сведениям НКВД, в захваченных городах пропало множество паспортных бланков, следовательно, нужно было ожидать волну подделок. В 1942 г. в штаты паспортных отделов милиции были введены должности инспекторов-экспертов, которые должны были заниматься исследованием подделок и проверкой хранения бланков паспортов. На бывших оккупированных территориях уже с 1943 г. началась перерегистрация паспортов. На остальной территории особое внимание предписывалось уделять поддержанию паспортного режима.

Поддержание паспортного режима с самого начала объявляется основной задачей милиции, которая, собственно, для этого и была создана. В Инструкции 1935 г. дается такое разъяснение: «Поддержание паспортного режима заключается в:

- недопущении проживания без паспортов и без прописки;
- недопущении приема на работу или службу без паспортов;
- очистке режимных местностей от уголовных, кулацких и иных антиобщественных элементов, а также от лиц, не связанных с производством;

- во взятии в нережимных местностях всего кулацкого, уголовного и иного антиобщественного элемента на особый учет»¹¹. В последующих Инструкциях «кулацкие элементы» исчезнут, но суть поддержания паспортного режима останется прежней – это комплекс мер по обеспечению социальной однородности на тех территориях, где такая однородность предусмотрена. В войну и в послевоенные годы предписывалось основное внимание уделять проверке документов, на чем остановлюсь подробнее¹².

⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 96.

¹⁰ Там же. Т. 2. Л. 292.

¹¹ Там же. Д. 137. Л. 75.

¹² Собственно проверка (не только документов, но и «личности») начинается уже при оформлении паспорта. Если предъявленные документы или личность вызывают сомнение, производится тщательная проверка (в течение 10 дней). «О производимой проверке получателю паспорта не должно быть известно». Инструкция о порядке при-

Проверка документов – хорошо известная советскому человеку процедура, предполагающая как минимум наличие паспорта. Однако лишь в 30-е годы существовало эксплицитно выраженное требование иметь при себе паспорт. В «Положении о паспортах» 1932 г. (п. 11) говорится следующее: «Лица, обязанные иметь паспорта и оказавшиеся без паспортов или временных удостоверений, подвергаются в административном порядке штрафу в размере до ста рублей. Граждане, прибывшие из других местностей без паспорта или временного удостоверения и не выбравшие [так!] в течение установленного инструкцией срока паспорта или временного удостоверения[,] подвергаются штрафу в размере до 100 рублей и удалению распоряжением органов милиции»¹³. По словам Ягоды, «человек без паспорта – всегда подозрительный»¹⁴. Однако в последующих Положениях требования иметь при себе паспорт нет. Наши информанты чаще всего говорили, что в советское время паспорта с собой не носили. К тому же известна практика изъятия и хранения паспортов в отделах кадров предприятий, отмененная лишь в 1948 г. Тем не менее паспорта проверяли и, если его при себе не было, следовало разбирательство в отделении милиции.

Видение этой процедуры проверяемым и проверяющим существенно различались. С точки зрения гражданина, проверяющий должен установить соответствие содержащихся в паспорте сведений с «оригиналом» (т. е. с ним самим) как это делается, например, сейчас при прохождении паспортного контроля на границе. Гражданин старается принять выражение лица, близкое паспортной фотографии и вообще, что называется, «соответствовать» своему паспортному образу. Однако далеко не все сведения можно проверить на месте проверки. Нельзя проверить: имя, место и дату рождения, социальное положение, национальность, собственноручность подписи и т. д. Легче перечислить то, что можно. Наверное, можно установить соответствие фотографии, но фотография была очень маленькая и человек на ней нередко с трудом узнавал самого себя. Можно установить приблизительный возраст, но только приблизительный. Пожалуй, и все. Вероятно, это вполне сознавалось оперативными службами, поэтому проверялось не соответствие, а именно паспорт.

По Инструкции 1940 г., которая действовала до 1953 г., «при проверке паспортов обращать внимание:

менения Положения о паспортах, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 21 окт. 1953 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 130 об.

¹³ См., напр.: Правда. 28.12.1932. № 358. С. 2.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Л. 133.

а) прописан ли паспорт в данной местности и не истек ли срок прописки;

б) нет ли в графе 8 паспорта записи ограничений, запрещающих проживание в данной местности (при проверке в режимной местности); (например, мог быть штамп «Разрешено проживать только в пределах ... области»);

в) не поврежден ли паспорт или его текст (залит, сильно загрязнен, порван и т. д.), нет ли дефектов в оформлении паспорта (отсутствие подписей лиц, выдавших паспорт, печати РКМ, фотокарточки владельца, ее крепления рельефным штампом РКМ, наличие подчисток, исправлений, перечеркиваний и т. д.);

г) сделаны ли в паспорте отметки о приеме на работу или службу (у работающих);

д) имеется ли в паспорте подпись его владельца;

е) соответствует ли серия и номер паспорта месту его выдачи (присвоенные республикам, краям и областям серии);

ж) не повреждена ли защитная сетка на паспорте;

з) не вызывает ли сомнения печать органа РКМ, штамп о прописке и рельефный штамп крепления фотокарточки»¹⁵.

Если исходить из этой и последующих инструкций, то получается, что из двух частей, которые при проверке должны соответствовать друг другу (сведения о личности и сама личность), последняя не очень интересовала проверяющего. Все его внимание должно было быть сосредоточено на документе. Причем только два пункта касаются информации, содержащейся в паспорте (о прописке – соответствует ли она данной местности и не истек ли ее срок; и нет ли в графе 8 записи ограничений на проживание в данной местности). Все остальные положения Инструкции касаются состояния документа. Даже фотография интересует не на предмет соответствия оригиналу, а исключительно «ее крепление рельефным штампом». Редкий случай, когда название процедуры («проверка паспорта») полностью соответствовало ее характеру.

Итак, проверить многие сведения на месте проверки не только невозможно, но и не требуется. Проверка документа идет до малейшего подозрения, а в случае его возникновения гражданин приглашался в отделение для того, чтобы «разобраться». В отделении велось более тщательное изучение паспорта. Проверялись соответствие записей в паспорте данным о владельце, подпись, фотография, печати, штампы. Особенно тщательно – испачканные и поврежденные страницы.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 166 об. – 167.

Во всех случаях, когда возникали сомнения в подлинности, следовало направлять паспорт на исследование в Научно-техническое отделение Оперативного отдела милиции, где, в частности, устанавливалось:

- соответствует ли серия и номер паспорта месту его выдачи (это можно было установить только по соответствующим журналам с полным перечнем серий и номеров);

- соответствует ли текст (в том числе оттисков печати и штампов) сведениям, даваемом о себе предъявителем паспорта (такое соответствие можно было установить, только запросив то отделение милиции, где паспорт был выдан и хранится форма № 1; естественно, в таком случае проверка могла затянуться);

- соответствует ли подпись владельца подписям этого же лица на других документах (обычно других документов с подписями у гражданина не оказывалось, и в таких случаях его просили несколько раз расписаться для установления тождественности);

- соответствует ли фотографическая карточка, наклеенная на паспорт, внешнему виду предъявителя паспорта;

- нет ли признаков переклейки фотографической карточки владельца паспорта – несовпадение оттисков печатей на карточке с оттисками на странице паспорта, поддельность оттисков печати на фотокарточке и т. д.;

- нет ли на паспорте поддельных оттисков штампов о прописке, о приеме и увольнении с работы¹⁶.

За время войны и в послевоенные годы было выпущено более 20 оперативно-методических ориентировок под названием «Осмотр и исследование паспортов». В этих ориентировках предписывалось особое внимание обращать на то, нет ли в паспорте повреждений защитной сетки и исправлений в следующих графах: первой – «Имя, отчество, фамилия»; второй – «Время и место рождения»; третьей – «Национальность»; в графе 6 – «Отношение к военной службе» и в графе 8 – «На основании каких документов выдан паспорт»¹⁷.

Подделки в первой графе (Имя, отчество и фамилия) считались наиболее распространенными, поскольку они давали надежду скрыть нежелательные подробности биографии, не говоря уже об украденных паспортах. Изменения могли быть столь разнообразными, что никаких рецептов по их выявлению не предлагалось, кроме того, что подделывались чаще всего фамилии, к которым дописывалось другое окончание. Более кардинально эти сведения менялись в связи с подделкой в графе «национальность» (см. ниже).

¹⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 406–406 об.

¹⁷ Там же. Л. 407–409.

По приводимым в ориентировках данным, подделки года рождения совершались чаще всего с целью уклонения от военной службы или трудовой мобилизации. Здесь нужно иметь в виду, что в этой графе до 1940 г. указывался только год рождения (месяц и день не указывались), но и с введением полной даты подделывалась она довольно легко. Еще проще подделывались сведения в графе об отношении к военной службе. Чаще всего это делалось путем дописки к слову «Военнообязанный» отрицания «не».

Не менее распространено было изменение национальности владельца паспорта. Как известно, в 1938 г. была кардинально изменена процедура определения национальности. Если прежде национальность записывалась со слов владельца паспорта, то отныне она должна определяться по национальности родителей. Сделано это было для того, чтобы поляки, немцы, а затем и представители других национальностей не могли приписать себе национальность, не соответствующую национальности родителей. Эта графа стала своего рода стигмой для всех народов, репрессированных по национальному признаку (калмыки, чеченцы, крымские татары и др.). Естественно ее старались подделать. Сделать это гораздо сложнее, чем приписать «не», тем не менее на это шли. По данным ориентировок, делали это самым примитивным образом, подчищая прежнюю запись. Видимо, страх подвергнуться репрессии по национальному признаку был сильнее возможного обнаружения подделки. Чаще всего переделывали, например, «немец», «немка» на «русский», «русская». Более изощренными считались подделки, в которых на месте подчищенного слова «немец» или «калмык» было написано «еврей», «белорус» или какая-то другая «неопасная» национальность. Причем подделки в графе «Национальность» часто сопровождались изменениями фамилии, имени и отчества, поскольку о национальности нередко судили именно по фамилии, имени и отчеству.

В графе 8 (на основании каких документов выдан паспорт) трудно что-либо подделать, если в ней есть запись «Выдан на основании статьи 38 (39) Положения о паспортах», но в таком случае была возможна замена листков другого паспорта. Такая запись означала одно – владелец паспорта был осужден по тем статьям, которые исключают проживание в режимных местностях.

Подделки в этих графах подтверждаются и материалами ежегодных докладов о работе Паспортного отдела Главного управления милиции. Например, в докладе «О работе Паспортного отдела Главного управления милиции за 1943 г.» говорится: «В результате проверок было выявлено 5428 чел., проживающих по поддельным или чужим паспортам. Это относится главным образом к лицам, которые пытались скрыть возраст с целью уклонения от мобилизации, скрыть

свою национальность (немцы и др.), или скрыть ограничения, занесенные в паспорт»¹⁸.

По окончании войны актуальность подделки возраста снизилась, но все еще оставался страх перед графой национальность и записями ограничений на проживание в режимных местностях. Подделки вообще очень показательны, поскольку имеют диагностический характер и довольно четко указывают на болевые точки того времени, которые сходятся в паспортах многих советских граждан: стигматизация по национальной принадлежности и запрет на проживание в режимных территориях тем, кто был осужден или даже без судимости не имел права.

С переходом к мирной жизни паспортный режим не ослабевал. Скорее, наоборот. Достаточно сказать, что пик выселения из режимных местностей пришелся не на 30-е годы, а на послевоенный 1947 г., когда было выселено с режимных территорий 513 693 чел. О смягчении режимов речь зашла только в мае 1953 г., когда появилась записка Л. П. Берии¹⁹ о необходимости радикального уменьшения количества режимных местностей, которые «тормозят экономическое развитие», и даже вышел соответствующий приказ Министерства внутренних дел за его подписью²⁰. Однако действие приказа было остановлено (сам Берия был арестован), режимные территории были вновь расширены, а паспортный режим в очередной раз усилен.

18

19

20

21

22

23

24

25

26

¹⁸ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1408. Л. 4.

¹⁹ Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей 13 мая 1953 г. // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие материалы / сост. В. П. Наумов, Ю. В. Сигачев. М., 1999. С. 43–46 (док. № 14).

²⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Б/п.

А. Г. Тепляков

СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ И РАЗВЕДЧИКИ НА РАНДЕВУ С ЗАГРАНИЦЕЙ, 1945–1953 гг.

Мир советских колоний за рубежом, инфильтрованных агентурой спецслужб, – малоизвестная тема, в особенности применительно к гораздо хуже фундированному открытыми источниками послевоенному периоду. Здесь можно отметить вклад Н. В. Петрова, рассмотревшего огромную роль чекистов в советизации подконтрольных европейских стран¹. После 1945 г. численность дипломатических и специальных работников за границей значительно увеличилась, однако качество отправляемого персонала по-прежнему являлось огромной проблемой, сказывавшейся и на политической лояльности, и служебной эффективности. Изучение заграничной части советской номенклатуры на основе сплошного просмотра архива Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б)–КПСС позволяет не только наблюдать интенсивное проникновение сотрудников спецслужб в представительства СССР за рубежом, но также увидеть широкий спектр претензий власти к укрывавшимся под дипломатической личиной разведчикам и контрразведчикам.

Среди апелляционных дел в фонде КПК при ЦК ВКП(б)–КПСС (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2, 3) второй половины 1940 – первой половины 1950-х гг. много тех, которые касались проступков номенклатурных лиц. Немалая часть наказанных в партийном отношении заграничных работников была осуждена по разнообразным статьям Уголовного кодекса. Часть получила уголовное наказание за «антисоветскую деятельность», часть – за служебные преступления, часть – отозвана по причинам политическим и бытовым.

Плотная слежка МГБ за разведчиками и дипломатами приводила к частым случаям осуждения их по ст. 58 УК. Так, второй секретарь посольства СССР в Турции азербайджанец К. Гасанов в декабре 1947 г. был арестован МГБ за то, что «способствовал своей жене, про-

¹ Петров Н. В. По сценарию Сталина. Роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011.

живавшей с ним в г. Анкаре, в измене родине», и осужден на 10 лет ИТЛ². В 1950 г. была проведена чистка разведчиков в Иране. Бывший сотрудник ОГПУ Н. Н. Денисов, консул в Ширазе и советник посольства СССР в Иране, в апреле 1950 г. был арестован и осужден за АСА на 10 лет ИТЛ по показаниям коллег (вице-консула, военного атташе), обвинявших его в антисоветской клевете и восхвалении порядков и условий жизни в Англии и США. Но передопрошенные в 1954 г. эти же свидетели по делу заявили, что со стороны Денисова антисоветских разговоров не было³. Выпускник, преподаватель и секретарь парткома Московского ИФЛИ Д. С. Комиссаров с февраля 1949 г. находился «в спецкомандировке» 1-м секретарем посольства СССР в Иране, где «не оправдал... доверия и в 1950 г. был отозван» и арестован МГБ по обвинению в измене родине. Его жена, Юлия Панышева, была арестована 7 апреля 1950 г. по обвинению в передаче иностранцам секретных сведений, но осуждена в марте 1952 г. на срок предварительного заключения, что говорило о крайней шаткости обвинения даже по меркам сталинской эпохи⁴.

Из-за холодной войны с союзниками надолго оказался в тюрьме военный разведчик М. И. Костринский – замначальника отдела внешних сношений Наркомата ВМФ СССР. Его арестовали в январе 1948 г. по обвинению в преступной связи с английскими разведчиками в бытность работы в Великобритании в 1936–1939 гг. секретарем советского военно-морского атташе, а также в том, что, работая в 1942–1946 гг. в отделе внешних сношений НК ВМФ, систематически сообщал американцам и англичанам секретные сведения, и осудили на 25 лет заключения. В годы войны Костринский действительно передал союзникам более 1000 гидрографических карт Белого, Северного, Балтийского и Черного морей, поскольку англо-американские корабли часто базировались на советских морских базах, но к 1948 г. это уже стало составом преступления. Реабилитировали офицера только в августе 1954 г. и вскоре восстановили в партии⁵.

В. Н. Храмелашвили, выпускник Тбилисского института иностранных языков, знавший английский, немецкий и французский, в 1941–1942 гг. находился на оперативной работе в НКВД Дагестана, с 1944 г. был помощником министра иностранных дел Грузии. С ноября 1947 г. он работал сначала вторым, а затем первым секретарем посольства СССР в Великобритании и «был привлеченным сотрудником лондонской резидентуры Комитета информации». В ноябре

² РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1594. Л. 97.

³ Там же. Д. 1824. Л. 44; Оп. 3. Д. 467. Л. 207–212.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1819. Л. 72; Оп. 3. Д. 490. Л. 37.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 559. Л. 12–16.

1951 г. Храмелашвили отозвали в СССР и 10 декабря арестовали по подозрению в измене. Вины он не признал, а доказательств измены следствием добыто не было, в связи с чем 30 марта 1953 г. разведчик был реабилитирован. Л. П. Берия зачислил его в резерв назначения: 2-го Главного управления МВД СССР на должность помощника начальника сектора. В июне 1953 г. Храмелашвили вызывался к Берии, которому затем написал благодарственное письмо с выражением желания работать в области дипломатии и разведки: «Для меня не может быть большей чести, чем Ваше доверие. Эту честь я буду беречь больше своей жизни». После этого письма Храмелашвили был снова вызван к Берии и назначен старшим инспектором контрольной инспекции при министре МВД СССР с предоставлением квартиры в Москве. Но уже через месяц после ареста Берии его уволили из МВД. Храмелашвили характеризовался как хорошо подготовленный дипломат со значительными связями в журналистских, политических и дипломатических кругах Лондона, но факт контактов с Берией привел к тому, что 29 октября 1954 г. КПК постановил отложить рассмотрение его апелляции на исключение из КПСС после ареста⁶. Впоследствии Храмелашвили работал в системе Академии наук СССР.

Дело военного атташе в Финляндии С. Ф. Токарева, арестованного в мае 1950 г., включало обвинения в преступной связи с иностранцами, антисоветской агитации, служебных злоупотреблениях и халатном отношении к хранению секретных документов. Генерал скупал в Финляндии и отправлял в Ленинград жене – через офицеров разведотдела Ленинградского военного округа – меха, шубы, отрезы, продовольствие. Но поводом к аресту генерала послужили не эти обыденные для номенклатуры излишества, а то, что в начале 1950 г. Токарев, живший в хельсинкской гостинице, получил агентурное донесение и забыл его в номере. Минут через 15–20 генерал за ним вернулся. О своем проступке он не сообщил в ГРУ, мотивируя незначительностью происшествия (донесение было в конверте и зашифровано) и боязнью быть привлеченным к ответственности. Однако о крайне недолгой генеральской рассеянности узнали органы МГБ, державшие под колпаком и главу резидентуры военной разведки. В итоге Токарев получил 7 лет заключения за злоупотребление служебным положением⁷.

Военный атташе в Канаде полковник Н. И. Заботин был осужден на 10 лет за то, что задержал откомандирование шифровальщика С. Гузенко, который 6 сентября 1945 г., «выкрыв три агентурных дела

⁶ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 534. Л. 192–193.

⁷ Там же. Д. 431. Л. 21–30.

секретных сотрудников и 25 совершенно секретных документов, вместе с женой и ребенком перешел к канадским властям». Этот эпизод давно известен исследователям⁸, но интересно, что Заботина амнистировали и 29 января 1954 г. вернули в армию, отказав при этом в восстановлении в рядах КПСС⁹.

Бытовые излишества не всегда ставили крест на карьере. Работник НКВД Ф. Д. Садыков в 1946–1947 гг. находился в Иране «по спецзаданию» и за счет оперативных средств нанял себе пятикомнатную квартиру, двух домработниц и слугу, выпивал, уничтожил часть оперативных документов и даже «отказался от встречи с работником, специально приехавшим из СССР... по его делам». В итоге Садыков был отозван, переведен в резерв МГБ СССР и в марте 1948 г. исключен в КПК из партии, после чего работал в горной отрасли Азербайджанской ССР. Известный своим активным участием в Большом терроре В. А. Боярский, являясь советником МГБ СССР в Чехословакии с июля 1950 по ноябрь 1951 г., допускал излишества в расходовании средств на бытовое обслуживание себя и своего аппарата, за что был переведен на службу в МГБ Литвы и в феврале 1952 г. в КПК получил выговор, снятый менее чем через полтора года¹⁰.

Часть обвинений в недостойном поведении носила смешанный характер. Так, сотрудник МГБ СССР Я. Л. Хайкин, работавший в 1946 г. в Маньчжурии под «крышей» начальника общего отдела Мукденского отделения Китайско-Чаньчунской железной дороги, не выполнил своего спецзадания; напротив, вместе с руководством отделения дороги он присваивал крупные суммы государственных средств, пьянствовал, сожительствовал с японками и т. д. Мало того, что Хайкин обменял 300 американских долларов на 19 тыс. рублей, так на таможне у него и матери было изъято 25 тыс. рублей, зашитых в белье и брюках, а также альбом с вырезками из белоэмигрантских газет, где были и «карикатуры на руководителей нашей партии». За все эти грехи в августе 1947 г. чекист был исключен из партии¹¹.

Недопустимым являлось и участие в религиозных обрядах. Иосиф Сергеевич Петров, коммунист с 1944 г., в феврале 1946 г. был направлен МГБ СССР в Синьцзян под «крышей» начальника связи авиакомпания «Хамиата». Вместе с ним выехали в Китай жена и дочь; в пути дочь умерла и была похоронена в Алма-Ате с приглашением священника. За этот проступок Петров уже в мае был отозван

⁸ См.: Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 323–324.

⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1480. Л. 42; Оп. 3. Д. 351. Л. 66–69.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1452. Л. 136, 136 об.; Оп. 3. Д. 176. Л. 182.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 1281. Л. 54.

МГБ в СССР и недолгое время работал в 1-м Главном управлении МГБ СССР, откуда был уволен после исключения в июле 1946 г. «за совершение религиозного обряда»¹².

Очень часто подводила спецработников привычка пьянствовать. В 1947 г. были откомандированы на родину помощники военных атташе в Афганистане и Швеции В. А. Суворов и А. М. Таустоб, скомпрометированные пьяными скандалами, но если первый был изгнан из разведки, то Таустоб, показавший себя «хорошим и способным работником», остался в кадрах ГРУ¹³. Сотрудник Комитета информации П. И. Чернонёбов, чекист с 1919 г., в августе 1947 г. был послан на ответственную секретную работу в Китай. В Шанхае он «неудовлетворительно руководил резидентурой, вследствие чего последняя не выполняла поставленных перед нею задач. Вопреки запрещению центра, установил связи с одним из местных коммерсантов “Дачником”, подозревавшимся в связях с иностранными разведками, и пьянствовал с ним. Кроме того, пьянствовал со своими подчиненными, чем скомпрометировал себя перед всеми сотрудниками советской колонии». За это в январе 1949 г. Чернонёбов был отстранен от работы, отозван и в 1950 г. уволен на пенсию. Вину он признал, однако партком 1-го Главного управления (разведка) КГБ в письме в КПК от 4 августа 1954 г. указывал, что проступки Чернонёбова «за истекший период никакого влияния на оперативную работу управления не оказали»; в итоге строгий партийный выговор с пенсионера КГБ сняли¹⁴.

До 1956 г. СССР имел консульские отношения с ЮАС–ЮАР. Под «крышей» советского генконсульства в Южно-Африканском Союзе находилась разведывательная сеть, которая в 1949–1953 гг. возглавлялась полковником МГБ А. А. Хрипуновым, ветераном госбезопасности. В апреле 1953 г. его отозвали и вывели за штат. А вскоре сотрудники генконсульства обвинили Хрипунова в том, что он злоупотреблял спиртным, втянул в пьянство подчиненных, что разложило дисциплину в консульстве и привело к многочисленным «аморальным поступкам». Мало того, Хрипунов не только разрешил жене и сыну прокатиться на рикше, но вдобавок это постыдное зрелище не погнушался запечатлеть на фотопленку... КПК в июле 1954 г. исключил Хрипунова из партии за недостойное поведение и даже поставил вопрос о пересмотре его высокой военной пенсии¹⁵.

Заведующий консульским отделом посольства в Лондоне опытный чекист А. Веревкин летом 1952 г. был отозван на родину и ис-

¹² РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1080. Л. 21; Д. 1101. Л. 69.

¹³ Там же. Д. 1447. Л. 84–84 об.; Д. 1267. Л. 24; Д. 1482. Л. 211.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 512. Л. 84–85.

¹⁵ Там же. Д. 467. Л. 59–62.

ключен из КПСС за аморальное поведение, выразившееся в связях с проститутками. Любопытным товарищам из КПК Веревкин честно рассказал о вполне доступных расценках, практикуемых лондонскими жрицами свободной любви в столице Альбиона: «В Гайд-парке я платил десять шиллингов или фунт, а в комнате – от одного фунта до двух». Каясь изо всех сил, Веревкин признавался: «Мне было поручено расследовать аналогичный случай связи с женщинами легкого поведения повара посольства Егорова и истопника посольства Сальникова. Я провел это расследование и по заданию из Москвы организовал их отправку в Союз. Когда я выполнял это указание, я испытал острое чувство угрызания совести. Мне было очень и очень стыдно». Хотя Веревкин во всем признался, из МГБ его уволили¹⁶.

Некоторым чекистам советскими оккупационными властями предъявлялись претензии за излишнее рвение при арестах местного населения. Генерал М. И. Белкин, являвшийся заместителем начальника ПГУ МГБ СССР и начальником Управления контрразведки МГБ СССР Центральной группы войск (Австрия, Венгрия), в характеристике от 30 ноября 1948 г., подписанной главкомом Центральной группы войск Курасовым и его замом по политчасти Прониным, критиковался за то, что «в некоторых случаях задержания и аресты иностранцев производятся без тщательно продуманного и разработанного плана, что дает лишний повод для выступлений реакционной прессы против Советских оккупационных войск»¹⁷.

Разведчиков нередко обвиняли в провоцировании коллег, болтливости, нарушении правил провоза ценностей. Вице-консул в Познани А. М. Михайлов в 1947 г. пьяным открыл стрельбу по собаке возле здания консульства, а на дипломатическом приеме заявил одному из руководителей Познаньского воеводства: «Я вас давно знаю, я еще в 1939 г. наблюдал за Вами». Проверяющие инстанции отметили: «Это неуместное заявление насторожило поляков и поставило в неудобное положение консула». Помощник военного атташе при посольстве СССР в Польше майор Кириченко сообщал, что в разговорах с ним Михайлов критиковал советскую действительность и восхвалял высокий уровень жизни на Западе, заявлял, что голод 1946 г. – результат «якобы неправильного руководства деревней со стороны партии... старался дать понять, что имеет отношение к органам государственной безопасности». По словам Кириченко, «все эти фразы он применял скорее для “изучения” моей идеологической устойчивости...». Михайлов в 1948 г. получил выговор и, убранный с дипломатическо-

¹⁶ Там же. Д. 53. Л. 191–195.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 1846. Л. 56–57.

чекистской службы, затем работал в Министерстве машиностроения СССР¹⁸.

Сравнительно легко отделался военный разведчик Г. А. Вартанов, работавший под видом корреспондента ТАСС в Уругвае и Аргентине. В августе 1948 г. он был исключен из ВКП(б) за невыполнение заданий руководства, нарушение конспирации и скандалы с женой: «Находясь в нетрезвом виде, имел разговор с военным атташе по оперативным вопросам в присутствии своей жены... В 1946 г., возвращаясь на автомашине с именин местного богача, Вартанов сшиб одного гражданина. Собравшаяся... толпа разбила стекла автомашины, а на следующий день в ряде уругвайских газет было помещено сообщение об этом происшествии». Переведенный в резерв Министерства Вооруженных сил СССР, Вартанов несколько недель спустя в КПК при ЦК ВКП(б) был восстановлен со строгим выговором¹⁹.

Карьера другого военного разведчика оказалась под вопросом из-за фирменной бдительности органов МГБ. Только что принятый в ГРУ Г. В. Подопригора с июня 1946 г. по июль 1947 г. работал в Швеции под «крышей» представителя «Интуриста». В марте 1947 г. он посетил ночной клуб, где познакомился с женщинами и после возлияний отправился к ним на квартиру, так что в гостиницу явился только к половине третьего ночи, объяснив выпивку «служебной необходимостью». Разведчики пытались выручить своего подопечного, но отследившие его отлучку сотрудники МГБ оказались сильнее и, похоже, сделали Подопригору невыездным. Руководитель разведчика полковник Н. И. Никитушев отмечал, что Подопригора «за время работы в ГРУ, включая и зарубежную командировку... успешно выполнял поставленные задания. С иностранцами вел себя умело и с достоинством. Ему разрешалось проводить знакомства с иностранцами, организовывать встречи с ними с целью их изучения, а также посещать рестораны, кино, театры. Решив поехать с датчанками на квартиру, имел, видимо, цель выяснить их поведение и положение... действовал [здесь] неумело и неосторожно». Начальник 2-го Управления Комитета информации полковник И. И. Агаянц также указывал, что по работе в ГРУ молодой разведчик характеризовался положительно. Однако в июле 1948 г. Подопригора для острастки был в КПК исключен из ВКП(б), но уже в октябре восстановлен со строгим выговором, который был снят только в 1952 г., в бытность работы во 2-м Главном (разведывательном) управлении Генштаба²⁰.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1374. Л. 86, 86 об.; Оп. 3. Д. 329. Л. 47.

¹⁹ Там же. Д. 1407. Л. 47.

²⁰ Там же. Д. 1407. Л. 62; Д. 1852. Л. 118.

Нельзя не видеть, что значительная часть претензий к разведчикам носила абсолютно надуманный характер и явно имела своей причиной какие-то внутренние конфликты. Видный разведчик Н. Н. Ершов учился в Массачусетском технологическом институте США в 1938–1940 гг., одновременно находясь в распоряжении резидентуры Г. Б. Овакимяна²¹. Чекисты обвиняли его в нарушении правил поведения за рубежом и нелояльности к органам НКВД: «В период пребывания за рубежом Ершов вступил в интимную связь с двумя женщинами, одна из них иностранка, а другая – работник наших специальных органов, с которой Ершов был связан по спецработе. Кроме того, Ершов стремился уйти из органов НКВД, добиваясь получения руководящего поста в советских учреждениях за границей, мотивируя это своей склонностью к крупной хозяйственной работе и наличием советского и иностранного высшего образования. В силу этого недостаточно проявлял инициативу в выполнении спецработы». Летом 1945 г. КПК утвердила строгий выговор для Ершова, к тому времени работавшего в 1-м (разведывательном) Управлении НКГБ СССР, но, несмотря на партийное взыскание, год спустя чекист был повышен до начальника 3-го отделения 3-го отдела 1-го Управления НКГБ и считался одним из лучших начальников отделений в отделе²².

С апреля 1943 по август 1947 г. вторым секретарем советской миссии на Кубе был военный разведчик П. Ф. Кузнецов (по загранпаспорту В. П. Ястребов). Вся его вина заключалась в том, что на приеме у чилийского посла он потчевал, как бармен, гостей хозяйскими спиртными напитками, вызвав их неудовольствие, а также познакомился с неким бразильским графом, который «громко произносил непристойности о женщинах». Будучи парторгом миссии, Кузнецов запустил партийную работу и не проводил собрания. Эти «свои ошибки» он объяснял в КПК тем, что «имел еще специальное задание». Однако его уволили из ГРУ, а в январе 1948 г. в КПК при ЦК ВКП(б) подполковник получил строгий выговор²³.

Таким образом, апелляционные материалы КПК при ЦК партии дают большой пласт уникальной информации о целом ряде малоизвестных бойцов невидимого фронта (внешней разведки НКГБ–МГБ, военной разведки Генштаба Советской армии и Комитета информации при Совете министров СССР), игравших существенную роль и в добыче государственных секретов, и в продвижении советской политики через различные официальные и неофициальные структуры.

²¹ Очерки истории советской внешней разведки. Т. III. 1933–1941 годы. М., 1997. С. 177.

²² РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 942. Л. 3, 37; Д. 1055. Л. 84.

²³ Там же. Д. 1323. Л. 74; Д. 1549. Л. 75–76.

Если эффективные работники спецслужб действительно самоотверженно добывали значительные объемы информации, важной для государственных интересов, то большинство их коллег демонстрировали имитацию деятельности, занимались грубой слежкой за своими и доносами, нарушали конспирацию, злоупотребляли служебным положением и демонстрировали широкий спектр моральных девиаций. Заметная часть разведчиков стала в послевоенные годы жертвами политических репрессий. Предлагаемый материал позволяет увидеть черты коллективного портрета наиболее закрытой и элитарной части послевоенного чиновничества. Следует отметить, что негативные элементы кадровой политики (семейственность, блат, рассмотрение заграничной работы как награды за лояльность) остаются актуальными для отечественной разведки и сегодня, демонстрируя преемственность с традиционной системой кормлений.

В. В. Кондрашин

«НОМЕНКЛАТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ПЕНЗЕНСКОМ ОБКОМЕ ВКП(б) В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В современной литературе, посвященной позднему сталинизму, не нашел отражение в должной мере очень важный факт – формирование в его недрах нового поколения номенклатуры, отличающейся по своему социальному облику от партийных и хозяйственных работников 1930–1940-х гг. И речь идет не просто о новом поколении и закономерной смене предшественников, а о переходе власти в СССР на рубеже 1950–1960-х гг. в руки управленцев нового типа – прагматиков-технократов, ориентированных на решение не только глобальных проблем государства, но и узко региональных, связанных с обустройством своей малой родины. В это время происходит не поощрявшаяся в годы жизни И. В. Сталина так называемая коренизация кадров, т. е. формирование большей части региональной партийно-хозяйственной номенклатуры из числа местных жителей. По сравнению со сталинским периодом эту номенклатуру отличает не только этот признак, но и более высокий образовательный уровень, значительный опыт общественной и хозяйственной работы до назначения на номенклатурную должность среднего и высшего звена в своем регионе. Также для нового поколения номенклатуры была характерна отсутствовавшая при Сталине кадровая стабильность. Ее представители, как правило, работали на своих должностях долго, как минимум до пенсии. Они управляли страной вплоть до горбачевской перестройки. Именно на них лежит главная ответственность за системный кризис экономики в 1980-е гг. и распад страны.

Исходя из вышеизложенного, анализ послевоенного поколения управленческой номенклатуры СССР, сформировавшейся в период позднего сталинизма, представляет несомненный научный интерес. И одной из попыток ее анализа является настоящая статья. В данном случае пойдет речь, прежде всего, о региональных кадрах уровня среднего и высшего звена, будет представлен региональный подход к проблеме на материалах одного из регионов бывшего СССР – Пензенской области.

В центре внимания – изменения в кадровом составе Пензенского обкома партии, облисполкома и других учреждений в послевоенный период, до начала 1960-х гг., периода кадровой стабилизации в регионе, формирования на период до начала перестройки управленческой номенклатуры «брежневского застоя».

В контексте заявленной проблемы обращение к данному региону актуально потому, что в 1950–1970-е гг. Пензенская область превратилась в один из центров военно-промышленного, ракетно-ядерного комплекса СССР, где изготовлялись ядерные боеголовки, различная аппаратура для космоса, мощное оборудование для нефтегазовой отрасли. В этот период в Пензе были созданы многочисленные крупные отраслевые научно-исследовательские институты закрытого типа для обслуживания потребностей ВПК. Поэтому в настоящей статье анализируется управленческая номенклатура особых регионов бывшего СССР, существенно отличавшихся по параметрам социально-экономического развития от других – центров ВПК и наукоемких технологий, связанных с ним. Пензенская область принадлежала к их числу и являлась одним из научно-индустриальных центров СССР, сохранившим стабильность и динамичность развития фактически до начала горбачевской перестройки. Следовательно, наши выводы относятся только к подобного рода регионам, и мы не претендуем на их универсальность и бесспорность в общесоюзном масштабе.

Обращение к данной теме стало возможным благодаря участию автора статьи в международном проекте по послевоенной истории России, организованном профессором Манчестерского университета Й. Горлицким и О. В. Хлевнюком. В результате был собран материал о партийно-хозяйственной номенклатуре Пензенской области в послевоенный период. В частности, в Государственном архиве Пензенской области (ГАПО) были изучены все личные дела партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников, занимавших основные номенклатурные должности в регионе в период с 1944 по 1971 г. Именно они и составляют основную источниковую базу статьи. Их дополняют другие важные источники, прежде всего ранее недоступные исследователям документы фонда «Особого сектора» Пензенского обкома КПСС, где оказалась сосредоточена переписка его аппарата с ЦК партии в указанный период. Еще одним источником исследования стали опубликованные в местной краеведческой литературе и записанные автором статьи в ходе личных встреч воспоминания ветеранов, представителей партийно-хозяйственной номенклатуры Пензенской области послевоенного времени. Но этот источник не является основным, он лишь дополняет и уточняет полученные сведения в результате изучения документов ГАПО.

Проведенный анализ охарактеризованной выше источниковой базы позволил восстановить основные факты биографии 216 работников Пензенского обкома и горкома партии, Пензенского облисполкома и горисполкома, Пензенского обкома и горкома ВЛКСМ, обкома и горкома профсоюзов, а также других учреждений с 1944 по 1971 г.

Хронологические рамки выбраны не случайно. Они позволяют увидеть динамику изменений социального облика пензенской номенклатуры в рассматриваемый период и доказать выдвинутый в статье тезис о «номенклатурной революции» в начале 1960-х гг., замене сталинской управленческой элиты новой.

Количественные показатели основного источника статьи – личных дел пензенских управленцев, выглядят следующим образом. По аппарату Пензенского областного и городского комитетов КПСС изучены личные дела: четырех первых секретарей обкома партии (ОК); двадцати трех секретарей ОК; пятидесяти восьми заведующих и заместителей заведующих отделами и секторами ОК; четырех председателей областной партийной комиссии; одиннадцати секретарей Пензенского горкома КПСС. По аппарату Пензенского областного и городского исполкомов Советов изучены личные дела шести председателей облисполкома, семи заместителей председателя облисполкома, четырех председателей Пензенского горисполкома и двух секретарей горисполкома. Кроме того, изучены личные дела секретарей обкома ВЛКСМ, председателей Пензенского областного совета профсоюзов.

Результатом анализа личных дел номенклатуры и дополнительных источников стало составление специальных развернутых таблиц: «Региональная элита Пензенской области (1944–1971 гг.)», «Основная номенклатура Пензенского обкома партии (1944–1971 гг.)» и «Основные биографические сведения пензенской региональной номенклатуры (1945–1971 гг.)». Их объем составляет несколько десятков страниц, поэтому в настоящей статье даются лишь извлечения из этих таблиц, показывающие методику обработки собранной информации о персоналиях, представленных в данных таблицах, а также ссылки на источники этих таблиц в полном объеме.

Из таблицы «Региональная элита Пензенской области (1944–1971 гг.)»

Годы	Первые секретари ОК партии	Вторые секретари ОК	Секретари ОК	Секретари Пензенского ГК партии	Председатели облисполкома	Зам. пред. облисполкома	Председатели Пензенского горисполкома	Руководители правоохранит. органов	Руководители ВЛКСМ и профсоюзов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1946	Морщинин К. А.	Скляров М. П.	Абрамов Я. И. Черненко К. У. по пропаганде и агитации Торбенков по торговле Кочетов В. Т. по кадрам (до 30.10.46) Прохоров Н. И. по кадрам (25–26.12.46)	Морщинин К. А. первый секретарь Смирнов Н. К. Киселев А. И. (24.10.46) Черятников зам. секретаря Атанов С. Ф. зам. секретаря ГК по транспорту (24.0.46) Евстигнеев секретарь ГК по кадрам	Захаров М. И.	Орлов И. первый заместитель председателя	Павлов Н. Д.	Савушкин И. С. прокурор области	Тимонин А. секретарь ОК ВЛКСМ Христофоров Н. В. секретарь ОК ВЛКСМ по кадрам (до 6.08.46) Болдин В. И. первый секретарь ГК ВЛКСМ
1947	Морщинин К. А.	Скляров М. П.	Абрамов Я. И. Черненко К. У. по пропаганде и агитации Прохоров Н. И. по кадрам	Морщинин К. А. первый секретарь Смирнов Н. К. Аристов зам. секретаря ГК по торговле и общественному питанию Атанов С. Ф. зам. секретаря ГК по транспорту (до 2.01.48)	Захаров М. И.	Орлов И. первый заместитель председателя	Смирнов П. Г.	Савушкин И. С. облпрокурор Хорьков начальник УМВД Пензенской области	Болдин В. И. секретарь ОК ВЛКСМ

Из таблицы «Основная номенклатура Пензенского обкома партии (1944–1971 гг.)»

	Секретари ОК, их заместители и помощники	Отделы, секторы промышленности, транспорта, строительства и т. п.	Отделы, секторы сельского хозяйства	Отделы и секторы идеологического направления	Отделы и секторы партийных, профсоюзных, комсомольских органов	Отделы и секторы партийного хозяйства, учета, статистики	Партийная комиссия
1	2	3	4	5	6	7	8
1946	Морщинин К. А. (1) Скляров М. (2) Абрамов Я. И. Черненко К. У. по пропаганде и агитации Торбенков по торговле Кочетов В. Т. по кадрам (до 30.10.46) Прохоров Н. И. по кадрам (25–26.12.46) Труфанов заместитель секретаря ОК Яковлев В. И. помощник второго секретаря ОК	Овчинников В. Г. зам. секретаря по оборонной промышленности Бесперстов С. В. зав. сектором кадров промышленности, транспорта и связи Гаген Н. П. военный отдел	Кулаков Ф. Д. зав. сельхозотделом Казанцев (зам.)	Колчин Б. А. зав. отделом школ	Ерохов Я. Н. зав. Оргинструкторским отделом Гаврюшов (зам.) Веселер А. Ю. (зам.) (до 23.07.46) Ладиков К. И. зам. зав. отделом кадров Барышников Ф. И. зав. сектором кадров Саломатин К. И. зав. сектором учета кадров Лифиренко зав. сектором сельхозкадров Никитин зав. сектором партийно-комсомольских кадров	Суркова А. Г. зав. сектором партстатистики и единого партбилета	Прокофьев уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Пензенской области Жуков И. И. зам. уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Пензенской области Малышев С. контролер при Уполномоченном КПК при ЦК ВКП(б) по Пензенской области Михайлов секретарь партколлегии при Пензенском ОК Соболев В. И. член партколлегии при Пензенском ОК Мальцева помощник члена партколлегии при Пензенском ОК

Из таблицы «Основные биографические сведения пензенской региональной номенклатуры (1945–1971 гг.)»

Ф. И.О.	Время работы в ОК и высших органах управления области	Год и место рождения (в современных границах)	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Работа на производстве	Служба в армии	Работа в ВЛКСМ	Время вступления в партию
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Агафонов М. А.	ОК (1946–1956)	1903 г., с. Грязнуха Петровского района Саратовской области	русский	из крестьян-бедняков	Губсовпартшкола Кооперативный техникум (инструктор по кооперации) Учительский институт (педагог)	работал	не служил	не работал	1927 г.
Акимов Ю. А.	ГК, ОК (1951–1985)	1919 г., г. Балаково Самарской области	русский	из рабочих	Московский авиационный институт Харьковский авиационный институт (инженер-технолог по самолетостроению)	работал	не служил	не работал	1945 г.
Алексеев А. И.	ОК, обл. совпроф (1955–1990)	1925 г., с. Шнаево Городищенского района Пензенской области	русский	из крестьян	Пензенский педагогический институт имени В. Г. Белинского (учитель истории)	работал	служил	работал	1946 г.
Анохин Ф. М.	Облсполком (1944–1945)	1906 г., с. Новоникольское Токаревского района Тамбовской области	русский	из крестьян-батраков	Начальная школа, двухгодичная вечерняя школа	работал	не служил	не работал	1930 г.

Источники всех таблиц: Государственный архив Пензенской области. Ф.148. Оп. 2 о/к. Д. 61; 212; 321; 536; 711; 799; 854; 888; 927; 1181; 1313; 1332; 1532; 1535; 1598; 1724; 1801; 1883; 2372; 2378; 2494; 2547; 2624; 2670; 2742; 2815; 2905; 2907; 2919; 3071; 3133; 3212; 3268; 3412; 3500; 3720; 3736; 3747; 3833; 3927; 3941; 3952; 3965; 3982; 4071; 4190; 4251; 4342; 4424; 4551; 4562; 4618; 4721; 4761; 4842; 4854; 5033; 5078; 5090; 5258; 5481; 5509; 5540; 5707; 5878; 5908; 5942; 6110; 6315; 6405; 6472; 6503; 6514; 6543; 6561; 6623; 6711; 6848; 6866; 6890; 6904; 6953; 7093; 7156; 7400; 7479; 7569; 7588; 7618; 7624; 7635; 7636. 7641; 7689; 7709; 7711; 7725; 7743; 7757; 7812; 7818; 7945; 7982; 8018; 8023/а; 8179; 8240; 8342; 8379; 8461; 8464; 8626; 8627; 8678; 8724; Сталинское знамя. 8.02.1946; 22.02.1950; 12.02.1954; Пензенская правда. 8.02.1959; 17.05.; 18.07.1966; 22.01.1967; 26.05.1971; 25.11.1972; 26.01.1980; Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 164, 165, 177, 280–281, 320; 367, 368, 683; 732, 735, 736, Живые памятники эпохи. Воспоминания знаменитых пензяков, записанные Леонидом Темновым. Пенза, 2001. С. 5–10, 25–31, 44–48, 60–65; Лакодин Д. Специальное конструкторское бюро турбонагнетателей и 40 лет в дизелестроении. Пенза, 2004; Евневич Т., История пензенских профсоюзов (к 100-летию создания). Пенза, 2004; Лакодин В. Финансы – это главный рычаг стабилизации общества. Из истории финансовых органов Пензенской области. Пенза, 2002; Пензенский автотранспорт: история, события, люди: Исторический очерк. Пенза, 1996; Щербаков А. «Это мой взгляд...» О друзьях и товарищах. Пенза, 2003.

Полученные данные в результате изучения личных дел управленцев и других источников, в том числе частично представленные в таблицах, дают все основания для вывода о свершившейся «номенклатурной революции» в структурах региональной власти в начале 1960-х гг. Об этом свидетельствует среднестатистический портрет управленца этого времени, существенно отличавшийся от социального облика управленца сталинской эпохи.

В начале 1960-х гг. в Пензенской области приходит к управлению регионом команда нового первого секретаря ОК КПСС Л. Б. Ермина. Основной ее костяк был сформирован еще во второй половине 1950-х гг. В то же время большая часть попавших при Ермине в обком партии работников уже в период позднего сталинизма начинали свою карьеру на производстве, в комсомоле, профсоюзах, заканчивали обучение в местных вузах: индустриальном и педагогическом институтах.

Команда Ермина значительно отличается по своему качественно-му составу от предшественников. Из изученных документов следует, что ее представители были значительно моложе номенклатурных работников конца 1940 – первой половины 1950-х гг. Их средний возраст равнялся 37 годам, по сравнению с 57-ю годами представителей «сталинской номенклатуры». Если говорить о высшем партийно-хозяйственном звене управленцев, то с начала 1961 г. областью управляют люди в основной массе своей моложе или чуть старше 40 лет (первый секретарь ОК Л. Б. Ермин – 38, второй секретарь ОК Г. В. Мясников – 35, секретари ОК Ю. А. Акимов – 42, Ю. А. Виноградов – 35, Огарев В. Ф. – 37, Селиванов П. Д. – 40, председатели обл-исполкома В. К. Дорошенко – 33, Н. П. Мальшаков – 37, председатель горисполкома А. Е. Щербаков – 37). 70 % работников аппарата Ермина родилось в 1920-е гг.

Вторым качественным отличием номенклатуры Ермина является факт преобладания в ней уроженцев Пензенской области. Их стало 44 %, по сравнению с 15 % в 1940–1950-е гг., т. е. почти в три раза больше.

Еще одним изменением было увеличение в руководящих органах выходцев из служащих и рабочих (соответственно 21 и 30 %, по сравнению с 28 и 15 % в сталинское время).

Но самое большое изменение произошло в образовательном уровне управленцев. В командах предшественников Ермина первых секретарей ОК К. А. Морщинина, И. К. Лебедева и С. М. Бутузова только 32 % работников имели специальное высшее профессиональное образование (в данном случае речь не идет о многочисленных партийных курсах). При Ермине ситуация выглядела принципиально иной. Высшее образование получили 86 % работников. Причем совершенно новым явлением было получение значительной частью номенклатурных работников региона высшего уровня научных степеней (Л. Б. Ермин – кандидат экономических наук, секретарь ОК по сельскому хозяйству; В. Ф. Огарев – кандидат сельскохозяйственных наук, секретарь ОК по пропаганде и агитации; П. Д. Селиванов – кандидат философских наук, зав. сектором химического машиностроения, зав. отделом легкой и пищевой промышленности ОК; А. С. Глущенко – кандидат экономических наук, зав. отделом строительства ОК; Д. К. Перминов – кандидат технических наук, зав. отделами пропаганды и агитации ОК; Ю. А. Милехин – кандидат философских наук, И. Д. Троценко – кандидат экономических и юридических наук, зав. отделом науки и учебных заведений ОК; Л. И. Крутова – кандидат экономических наук и т. д.).

Члены команды Ермина отличались от своих предшественников и такими показателями, как служба в Вооруженных силах и участие в Великой Отечественной войне. В аппарате первых секретарей обкома сталинского периода Морщинина и Лебедева 60 % работников не служили в армии, и лишь 15 % воевали на фронтах Великой Отечественной войны.

В аппарате ОК при Ермине работало 30 % фронтовиков. Наряду с самим первым секретарем, участниками Великой Отечественной войны были секретари ОК КПСС В. Ф. Огарев и П. Д. Селиванов, председатель облисполкома Н. П. Мальшаков, секретарь облисполкома М. Т. Белозубов, зам. зав. отделом строительства и зав. сектором учета руководящих кадров ОК В. П. Коронатов, зав. отделом организационно-партийной работы ОК Ф. М. Куликов, редактор областной партийной газеты «Пензенская правда» В. И. Лысов, председатель Пензенского городского народного контроля А. В. Мартынов, зав. финансово-хозяйственным отделом ОК В. В. Шушканов.

Члены команды Ермина, по сравнению с предшественниками, в подавляющей своей массе стали коммунистами в военное лихолетье и в первое послевоенное десятилетие, причем половина участников войны из аппарата ОК вступили в партию на фронте, в том числе Л. Б. Ермин, В. Ф. Огарев, Н. П. Мальшаков, В. П. Коронатов, Ф. М. Куликов, М. Т. Белозубов и др.

Еще одним отличием номенклатуры Ермина был комсомольский опыт работы у 44 % процентов управленцев. В сталинский период лишь 25 % работников аппарата областной партийной организации и советских органов прошли «школу комсомола».

В то же время наряду с отличиями были и общие показатели в социальном облике региональной номенклатуры сталинского и послесталинского времени. И в первом и во втором случае, несмотря на многонациональный состав Пензенской области, подавляющее большинство партийных, советских, комсомольских и профсоюзных работников оставались русскими.

Также общим был практический опыт работы на производстве, в учреждениях образования, здравоохранения и культуры. До Ермина трудовой стаж имели 89 % руководящих кадров, при Ермине – 88 %.

Основываясь на приведенных фактах, можно следующим образом охарактеризовать социальный облик нового поколения пензенской региональной номенклатуры, пришедшей на смену «сталинской». В большинстве своем это были уроженцы Пензенской области, люди 30–40 лет, выходцы из рабоче-крестьянской среды, с высшим, как правило, техническим образованием, тяжелой военной молодостью, примерно одна треть – участники Великой Отечественной войны, около половины – бывшие комсомольские работники. По своему качественному составу и потенциалу они явно превосходили своих предшественников. Это были молодые, образованные, энергичные люди. Они пришли на смену первому поколению советских людей эпохи революции, Гражданской войны, сталинских преобразований и заменяли сформировавшуюся в это время номенклатуру.

И это было не случайно, а вполне закономерно. Для осуществления советского ядерного проекта и соревнования на равных с США в военной сфере в годы холодной войны у СССР должны были быть не только огромные материальные ресурсы, которые его руководство решительно и без оглядки на социальные издержки бросало в топку гонки вооружений, но и соответствующий потенциал в виде научно-технической интеллигенции и управленцев, способных организовать производство самой передовой военной техники. И он был. Его взрастила сталинская система, деятельность которой в магистральном направлении укрепления военно-промышленного комплекса СССР продолжилась и после смерти диктатора, пока страна не надорвалась.

А. Б. Коновалов

СИСТЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА: ИНСТИТУТЫ, ТРАДИЦИИ, ПРАКТИКИ, 1945–1953 гг.

С окончанием Великой Отечественной войны возникла потребность в изменении прежней системы взаимоотношений между Центром и регионами. Делегирование в годы войны значительных полномочий первым секретарям крайкомов, обкомов и ЦК компартий союзных республик, свертывание внутрипартийных процедур по проведению конференций и пленумов с регулярными докладами и отчетами руководителей вынуждало аппарат ЦК ВКП(б) к расширению сети контрольно-надзорных институтов. С началом мирного времени в партии имелось два канала получения информации о состоянии работы в местных партийных организациях – по линии Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) и через сеть уполномоченных Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), которые работали далеко не в каждом регионе¹.

Таким образом, акцент во взаимоотношениях ЦК ВКП(б) и региональных партийных организациях делался именно на контроле, а не на надзоре: сотрудники аппарата ЦК занимались учетом проводимых мероприятий и проверкой выполнения решений Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б). Требовалось обеспечить непрерывное наблюдение за деятельностью местных партийных организаций, направленное на предупреждение, выявление и пресечение нарушений партийных директив. Сложившаяся практика работы Органи-

¹ По состоянию на апрель 1947 г. уполномоченные КПК работали в 61 области, крае и республике, в том числе в 50 областях РСФСР, в 4 областях Украинской ССР и в 7 союзных республиках – Азербайджанской, Белорусской, Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской. См.: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М., 2004. С. 24.

зационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б), система партийной информации нуждалась в очевидном реформировании.

2 августа 1946 г. было принято постановление Политбюро о функциях Оргбюро и Секретариата и реорганизации аппарата ЦК ВКП(б). Главным направлением работы объявлялось укрепление местных парторганов. В документе особо отмечалось, что «дело контроля за работой местных партийных органов оказалось рассредоточенным между управлениями и отделами ЦК ВКП(б) и приводило к тому, что ЦК ВКП(б) не имел полной картины положения на местах»². Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) реорганизовывался в Управление по проверке партийных органов.

В его структуре учреждался институт инспекторов, обладавших достаточным опытом руководящей партийной работы и «способных проверить работу обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик и дать на месте необходимые указания». Первоначально инспекторы ЦК ВКП(б) не закреплялись за отдельными областями, краями и республиками, а проводили работу по обследованию партийных органов по поручениям ЦК ВКП(б)³.

Очевидно, что группа инспекторов имела весьма высокий статус в структуре аппарата ЦК ВКП(б). Несмотря на формальное включение инспекторов в состав Управления по проверке партийных органов, возложенные на них обязанности свидетельствовали о прямом подчинении руководству Оргбюро и Секретариата ЦК партии. О большом значении группы инспекторов говорило и то, что ее первоначальный состав был утвержден в количестве трех человек. Ими стали опытные функционеры Н. И. Гусаров (первый секретарь Пермского обкома ВКП(б) в 1938–1946 гг.), В. Г. Жаворонков (первый секретарь Куйбышевского обкома и горкома ВКП(б) в 1943–1946 гг.), С. Б. Задионченко (первый секретарь Кемеровского обкома и горкома ВКП(б) в 1943–1946 гг.).

Центр тяжести работы по проверке местных партийных организаций переносился на Оргбюро: особо оговаривалось, что его главной задачей являлась «проверка работы местных партийных организаций, заслушивание на заседаниях Оргбюро отчетов обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик и принятие необходимых мер по улучшению местных парторганов»⁴.

² ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 15.

³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева и др. М.: РОССПЭН, 2002. С. 35.

⁴ Постановление Политбюро о функциях Оргбюро и Секретариата и реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 34.

14 августа 1946 г. вышло постановление Секретариата ЦК ВКП(б) о структуре Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) и плане его работы на июнь–август 1946 г. Смысл функционирования новой структуры виделся в необходимости установления неослабного контроля за деятельностью партийных организаций в регионах, а также в усилении роли партийных органов в системе управления. Именно об этом свидетельствует фрагмент постановления: «Управление должно сосредоточить внимание на инспектировании работы обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, на контроле и проверке выполнения местными партийными органами директив ЦК ВКП(б). Эту работу необходимо проводить в соответствии с указаниями товарища Сталина о необходимости укрепления партийных организаций, обеспечения их независимости и самостоятельности»⁵. Партийным организациям надлежало осуществлять неослабный контроль за деятельностью хозяйственных и государственных органов, смело критиковать их недостатки, выполняя роль политических руководителей и организаторов масс.

Такие нововведения представлялись достаточными для упорядочения деятельности партийных органов на местах. Между тем уже в первые месяцы работы в новых условиях оказалось затруднительно наладить систематическое наблюдение за работой первых секретарей региональных парткомов. Выезды инспекторов ЦК на места проводились в основном «по сигналам», в то время как многие партийные руководители регионов нарушали принципы «внутрипартийной демократии», злоупотребляли имевшимися полномочиями. Спонтанный характер проверок надлежало заменить систематическим наблюдением.

24 марта 1947 г. было принято новое постановление Политбюро ЦК ВКП(б), регулировавшее деятельность группы инспекторов ЦК партии. Документ гласил: «Для улучшения работ по проверке и инспектированию местных парторганов и обеспечения в этих целях дифференцированного подхода к изучению и оценке состояния партийной работы по каждой союзной республике в отдельности, что является необходимым условием правильного инспектирования, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Иметь на каждую союзную республику постоянного инспектора ЦК ВКП(б).

2. Иметь инспекторов ЦК ВКП(б) по группам краев и областей РСФСР, связанных между собой территориально и экономически.

⁵ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 17.

3. Поручить Секретариату ЦК ВКП(б) в пятидневный срок рассмотреть и внести предложения в осуществление настоящего постановления»⁶. Таким образом, складывались предпосылки для формирования целой системы надзора за деятельностью руководителей краевых и областных партийных организаций.

Спустя 5 дней, 29 марта 1947 г., Оргбюро ЦК ВКП(б) установило группы областей РСФСР, имевшие своего постоянного инспектора. Так, например, Сибирь поделили на две группы: районов областей Западной Сибири (Алтайский край и области – Новосибирская, Омская, Томская, Кемеровская, Тюменская, Курганская) и Восточной Сибири (Красноярский край, области – Иркутская, Читинская и Тувинская автономная; АССР – Бурят-Монгольская и Якутская)⁷. Такое разделение учитывало как экономическое районирование, так и исторически сложившуюся систему взаимосвязей между регионами.

Стоит признать, что расширение инспекторской группы в количественном отношении негативно сказалось на их должностном статусе. Анализ документов позволяет утверждать, что мнения инспекторов не всегда принимались во внимание. Так, 19 марта 1948 г. заместитель начальника Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) Н. М. Пегов доложил секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о фактах принижения роли инспекторов. Текст записки Пегова гласил: «За последнее время установлены факты, когда отделы ЦК при подготовке вопросов, связанных с работой местных парторганизаций, обходят инспекторов ЦК ВКП(б) и даже не ставят их в известность о проектах постановлений, которые вносятся в Секретариат или Оргбюро ЦК. В связи с этим инспекторы ЦК ВКП(б) во многих случаях оказываются неосведомленными о решениях, принятых Центральным комитетом по вопросам работы тех областей, к которым прикреплены инспекторы. Чтобы устранить эту ненормальность, считаем необходимым установить решением Секретариата порядок, при котором все подготавливаемые отделами ЦК проекты постановлений Секретариата или Оргбюро по вопросам, касающимся областных партийных организаций, обязательно визируются соответствующим инспектором ЦК»⁸.

Н. М. Пегов защищал интересы Управления парторганов, в структуру которого входили инспекторы. С его запиской ознакомился А. А. Жданов, начертавший резолюцию «Разослать секретарям ЦК». Однако по итогам ознакомления с документом постановления Секретариата или Оргбюро решили не принимать. 5 мая 1948 г. записку

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 29.

⁷ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 23–24.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 293. Л. 3.

передали в архив с пометкой: «Ознакомлены заведующие и заместители заведующих [отраслевыми] отделами. Установлено, что в практической работе отделы установят деловую связь с инспекторами ЦК ВКП(б)».

Очевидно, что к этому времени влияние этой должностной группы на принятие решений Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК снизилось. Включение в состав инспекторов ЦК бывших первых секретарей крайкомов и обкомов стало рассматриваться в качестве возможности получения опыта работы в ЦК ВКП(б) для дальнейшего должностного роста в ранге руководителей более крупных региональных партийных организаций.

В период 1945–1947 гг. контроль за деятельностью первых секретарей крайкомов и обкомов также осуществляли и уполномоченные Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), которые появились еще в 1939 г.⁹ Их функционал регулировался нормами Устава ВКП(б) и сводился к проверке исполнения решений ЦК ВКП(б) местными парторганизациями, выполнению отдельных поручений ЦК и информированию о фактах нарушений директив парторганизациями и отдельными членами партии. В записке М. Ф. Шкирятова И. В. Сталину и А. А. Жданову, подготовленной в мае 1946 г., отмечалось, что уполномоченные Комиссии осуществляют на месте постоянный контроль, помогают вскрывать недостатки «в деле выполнения постановлений ЦК и, кроме того, кое в чем удерживают местных руководителей от неправильных действий»¹⁰. На деле уполномоченные стремились довести до центрального партийного руководства информацию как о злоупотреблениях партийных работников на местах, так и о недостатках в руководстве промышленностью и сельским хозяйством. Шкирятов приводил примеры эффективной работы уполномоченных, называя темы записок, поступивших из регионов: о сращивании и задабривании работников Приморского крайкома ВКП(б) хозяйственниками; о злоупотреблении служебным положением отдельных руководящих работников в Астраханской, Куйбышевской, Саратовской областях, о фактах бытового разложения первого секретаря Кустанайского обкома партии; о бюрократическом отношении руководителей Краснодарского облисполкома к рассмотрению жалоб и заявлений¹¹.

Открытое вмешательство уполномоченных в деятельность местных партийных организаций раздражало некоторых первых секретарей крайкомов и обкомов. Однако представители партийного кон-

⁹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 25.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 462. Л. 43.

¹¹ Там же.

троля решали задачи, которые перед ними ставились в ЦК партии. Всякого рода недовольство, которое выражали региональные лидеры, уполномоченными всерьез не воспринималось. Более того, создание препятствий для проверок рассматривалось руководителями Комиссии А. А. Андреевым и М. Ф. Шкирятовым как «проявление саботажа».

С другой стороны, первые секретари нередко выражали несогласие с итогами проверок и информировали Комиссию партийного контроля о неудовлетворительной работе уполномоченных. Впрочем, институт уполномоченных КПК при ЦК ВКП(б) в послевоенные годы действовал недолго. М. Ф. Шкирятов совместно с А. А. Андреевым и Г. А. Борковым 12 апреля 1947 г. подписал записку на имя А. А. Жданова, где указывал, что в связи с созданием в ЦК ВКП(б) Управления по проверке партийных органов дальнейшее существование уполномоченных КПК в областях, краях и республиках не имело смысла¹².

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 апреля 1947 г. дальнейшее существование этого контрольного института признали нецелесообразным¹³. Упразднение института уполномоченных ни в коей мере не ослабило контроля аппарата ЦК за деятельностью региональных парторганизаций и их лидеров. Появилась возможность проведения комплексных плановых проверок деятельности парторганизаций, в то время как сигналы уполномоченных отвлекали работников ЦК на изучение множества частных проблем.

10 июля 1948 г. в рамках новой аппаратной реформы Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) упразднялось, на его основе образовывался Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б)¹⁴. Основной смысл преобразований состоял в передаче функций по подбору и расстановке кадров в создаваемые отраслевые и функциональные отделы. Куратором отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) становился секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков.

Тенденция к расширению контрольно-надзорной деятельности аппарата ЦК по отношению к местным партийным организациям проявила себя и в попытке создания межрегиональных бюро ЦК партии. По документам технического секретариата Оргбюро ЦК видно, что осенью 1948 г. был подготовлен проект Постановления ЦК ВКП(б) «Об организации Бюро ЦК ВКП(б) по Дальнему Востоку». На документе значится отметка о регистрации в техсекретариате

¹² ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 24.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 43.

¹⁴ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 61.

Оргбюро ЦК ВКП(б) 26 октября 1948 г. Первый пункт документа гласил: «Учитывая большую территориальную отдаленность областей Дальнего Востока от центральных органов страны и в целях усиления контроля за своевременным выполнением партийными, советскими, хозяйственными и другими организациями решений партии и правительства и оказания ими в этом непосредственной помощи, создать Бюро ЦК ВКП(б) по Хабаровскому и Приморскому краям, Сахалинской и Читинской областям, Бурят-Монгольской и Якутской АССР (Дальбюро ЦК ВКП(б))»¹⁵.

Документ содержал и конкретные персоналии, которые были подобраны в состав Дальбюро: секретарем утверждался В. П. Пронин (по всей видимости, тогдашний министр трудовых резервов СССР), его заместителем – А. В. Кудрявцев (первый секретарь Бурят-Монгольского обкома партии), членами бюро Р. К. Назаров (первый секретарь Хабаровского крайкома партии), Н. Н. Органов (первый секретарь Приморского крайкома партии), а также Д. Н. Мельник, И. А. Кузнецов, И. Е. Винокуров, Ф. А. Мамонов, С. М. Иванов, Р. Я. Малиновский, С. А. Гоглидзе.

По состоянию на конец 1948 г. было запланировано шесть «межрегиональных» бюро – Дальневосточное, Восточно-Сибирское, Западно-Сибирское, Уральское, Среднеазиатское, Северо-Кавказское¹⁶. О серьезности проекта свидетельствует не только факт подбора состава инспекторов Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б)¹⁷, но также и поиск здания для его размещения. Сохранились сведения о планируемой штатной численности Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б), которая должна была составить 44 человека. Помимо секретаря Бюро, его первого заместителя и заместителя, четырех членов Бюро требовалось подобрать 20 инспекторов, которые составили бы основу аппарата нового органа¹⁸.

Несмотря на детальную проработку этих документов, к моменту вынесения проекта на обсуждение в Политбюро от идеи организации шести межрегиональных бюро решили отказаться. Постановлением Политбюро от 28 января 1949 г. создавались три бюро ЦК ВКП(б) – Закавказское, Среднеазиатское и Дальневосточное. Документ определял их функционал следующим образом: «В целях усиления связи между ЦК ВКП(б) и парторганизациями отдаленных областей, краев и республик, обеспечения правильной информации для ЦК ВКП(б)

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 636. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 17.

¹⁸ Там же. Л. 2.

и в целях проверки исполнения решений ЦК ВКП(б) на местах»¹⁹. Также были произведены кадровые назначения: секретарем Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б) был утвержден секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов, а секретарем Среднеазиатского – секретарь ЦК КП(б) Белоруссии С. Д. Игнатьев. Также были подготовлены документы об их освобождении от ранее занимаемых должностей.

10 февраля 1949 г. Политбюро определило персональный состав Среднеазиатского и Дальневосточного бюро, утвердив также и денежное обеспечение работников. Примечательно, что заместитель секретаря бюро приравнивался к заведующему отделом ЦК ВКП(б), член бюро – к заместителю заведующего отделом ЦК ВКП(б), инспектор бюро – инспектору ЦК ВКП(б)²⁰. Эти социальные маркеры давали функционерам возможность понять всю серьезность статуса новых партийных должностей.

Также 10 февраля было утверждено и Положение о Бюро ЦК ВКП(б). В документе оговаривалось, что оно создается в целях «усиления связи между ЦК ВКП(б) и парторганизациями отдаленных областей, краев и республик, обеспечения правильной информации для ЦК ВКП(б) и проверки исполнения решений ЦК ВКП(б) на местах»²¹. Первоначально предполагалось, что на подобные бюро следовало возложить контроль за своевременным выполнением местными партийными, советскими, хозяйственными и другими организациями решений ЦК ВКП(б), относящимся к соответствующим краям, областям и республикам. Однако уже в ходе редактирования проекта возникло несколько точек зрения на функционал таких бюро. В сохранившемся в техническом секретариате Оргбюро ЦК ВКП(б) проекте документа карандашом вычеркнуты слова «советские, хозяйственные и другие» организации и оставлены только «партийные».

Контрольно-надзорный характер создаваемых партийных инстанций проявлялся и в праве проверки работы местных партийных организаций, заслушивании их отчетов, принятии мер по устранению выявленных недостатков. Члены «межрегиональных» бюро ЦК ВКП(б) имели право участвовать на заседаниях бюро обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик. Решения Бюро ЦК ВКП(б) являлись обязательными для обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик.

¹⁹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 64.

²⁰ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 36.

²¹ Там же. Проект с рукописной правкой представлен в документах техсекретариата Оргбюро ЦК ВКП(б). См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 636. Л. 1.

Впрочем, начать работу учрежденным бюро и их аппарату не было суждено. Уже 21 марта Секретариат, а 28 марта 1949 г. Политбюро отменили решение об образовании этих структур. Игнатьев был назначен уполномоченным ЦК по Узбекской ССР, в отношении Дальнего Востока решение не принималось²². Тенденция централизации контрольных функций окончательно возобладала над развитием начал по межрегиональной координации деятельности партийных организаций.

Вновь необходимость «улучшения» контрольно-надзорной деятельности возникает в конце января 1953 г. Постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов обязывался «осуществлять повседневное наблюдение за работой обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, систематически проводить обследования партийных организаций, регулярно докладывать ЦК о положении в местных партийных организациях и принимать необходимые меры по устранению недостатков в их работе»²³. В документе детально регламентировались контрольные функции, меры по улучшению работы с кадрами, соблюдению уставных требований внутрипартийной демократии.

Формализация направлений деятельности отдела не меняла сложившихся отношений между аппаратом ЦК и региональными партийными руководителями. В период позднего сталинизма первые секретари были предельно ограничены в возможности проявления каких-либо политических инициатив и самостоятельности действий.

Сложившейся традицией во взаимоотношениях партийной номенклатуры Центра и регионов стали «кадровые переброски» первых секретарей краевых и областных комитетов партии. Укрепившись еще в довоенный период, в годы войны и послевоенное время переброски по принципам «из региона в регион», «из Центра – в регион» явились распространенным методом регулирования группы региональных лидеров.

На распространенность такой практики в послевоенное время обратил внимание Е. К. Лигачев: «При Сталине местные руководящие кадры передвигали из области в область непрерывно. Буквально перебрасывали людей с места на место, не давая завершить начатое дело. Но диктовалось это не только и не столько заботой об их росте, а опасениями, как бы руководители слишком прочно не “приросли” к одному региону и не “обросли” большим числом соратников, единомышленников»²⁴.

²² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР... С. 64.

²³ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 48.

²⁴ Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992. С. 43.

Анализ постановлений Политбюро о перемещениях первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик за период с 1945 до 1953 г. показывает, что путем перебросок и горизонтальных перемещений было заменено 89 региональных руководителей, в то время как путем выдвижения (с должностей второго секретаря обкома и председателя облисполкома) было заменено 58 человек. Примечательно, что 25 новых первых секретарей были избраны после работы в должности инспектора ЦК ВКП(б)²⁵. Подобные методы расстановки кадров не только препятствовали формированию «земляческих» группировок, но и снижали мотивацию региональных руководителей к разработке долгосрочных планов социально-экономического развития территорий. Формировалась психология временщиков, цель работы которых состояла в обеспечении достижения текущих плановых показателей.

При этом решение региональных проблем осложнялось бюрократизацией порядка рассмотрения обращений краевых и областных лидеров. Большинство вопросов, которые ставили руководители краевых и областных партийных органов, решалось одновременно несколькими инстанциями. При этом секретари или руководители структурных подразделений ЦК ВКП(б) в обязательном порядке участвовали в согласовании принимаемых решений. О предложениях региональных лидеров информировались заместители председателя Совета министров СССР, курировавшие соответствующую отрасль. Наконец, просьба отправлялась руководителю ведомства, в компетенции которого находилось решение поставленного вопроса.

Таким образом, сформированная система взаимоотношений между Центром и регионами в период позднего сталинизма функционировала в рамках усиления контрольно-надзорной практики. Сложившаяся региональная политика ограничивала возможности региональных руководителей по выражению интересов вверенных им территорий. Неудачные попытки по созданию органов межрегиональной координации свидетельствуют о дальнейшем нарастании бюрократизации и иерархизации в структуре органов ВКП(б)–КПСС во второй половине 1940 – начале 1950-х гг.

²⁵ Подсчет проведен по данным хроники, размещенной в сборнике документов: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 385–405.

Г. В. Костырченко

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕГРАДАЦИИ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА (В СВЕТЕ НОВЫХ ДОКУМЕНТОВ)

На подступах

Отправным пунктом этого «дела» стала кадровая лихорадка с антисемитским подтекстом, поразившая с начала 1949 г. практически все организации и предприятия страны, и медицинские учреждения – лечебные, научные, образовательные, управленческие (от Лечсанупра Кремля, Минздрава СССР и АМН СССР до провинциальных больниц, амбулаторий, поликлиник и аптек) – не были исключением. Развиваясь по принципу домино, наибольший размах стихия чистки приобрела во 2-м Московском медицинском институте им. И. В. Сталина – крупном столичном учебном и научно-исследовательском центре здравоохранения. Тогда из него были изгнаны академик Л. С. Штерн, профессора Э. М. Гельштейн, И. И. Фейгель, А. М. Гринштейн, А. М. Геселевич. Не избежал этой участи и заведующий одной из терапевтических кафедр этого института Я. Г. Этингер – сын купца 1-й гильдии, окончивший в 1913 г. медицинский факультет Берлинского университета. Из 2-го ММИ Якова Этингера уволили под надуманным предлогом осенью 1949 г. Одновременно от его консультационных услуг отказалась пользовавшая партгосноменклатуру Кремлевская больница. Пройдет не так уж много времени, и именно эта причастность профессора к лечению высших советских сановников инициирует фабрикацию «врачебного дела», первой жертвой которого ему суждено будет стать.

«Разрабатывать» Этингера вплотную МГБ взялось с весны 1949 г., а на Лубянку его доставили 18 ноября 1950 г., предъявив обвинение в «клеветнических измышлениях» в адрес секретарей ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова и Г. М. Маленкова¹. Вопрос о «вредительском ле-

¹ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 66–67.

чений» советских руководителей первоначально следствием не затрагивался. Этингеру инкриминировали лишь «буржуазный национализм», от которого тот решительно отрекся, настаивая на обоснованности и правомерности своих, с точки зрения госбезопасности, преступных, разговоров о притеснении евреев в СССР. 5 января 1951 г. не желавшего «сознаваться» профессора перевели в Лефортовскую тюрьму, где поместили «в самую холодную и сырую камеру»². Это помогло ведущему делу сотруднику Следственной части по особо важным делам (СЧОВД) МГБ СССР подполковнику М. Д. Рюмину получить от профессора нужные показания.

Однако, не выдержав следственного прессинга, Этингер внезапно скончался 2 марта 1951 г. К тому времени Рюмин успел выжать из него «признание» о заведомо неправильном вредительском лечении А. С. Щербакова и доведении его до смерти. Эта версия выглядела настолько вздорной и надуманной, что Абакумов сразу ее решительно отверг³, видимо, предчувствуя непредсказуемые грозные последствия, которые она способна была вызвать, узнай о ней патологически подозрительный Сталин. Этим воспользовался Рюмин, который, выйдя на интриговавшего против Абакумова Маленкова и направив 2 июля 1951 г. при его содействии Сталину донос на шефа госбезопасности, добился его смещения и ареста. Под стражу Абакумова заключили на следующий день после принятия 11 июля 1951 г. постановления Политбюро «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности», предписывавшего начать следствие по «делу о террористической деятельности Этингера». Как заявил впоследствии новый руководитель госбезопасности С. Д. Игнатьев, Сталин при назначении его министром потребовал принятия «решительных мер по вскрытию группы врачей-террористов, в существовании которой он давно убежден»⁴.

Система доказательств по Рюмину

Именно с этого момента и стали обозначаться контуры той группой мистификации, о которой советская пропаганда раструбила по-

² Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2007. С. 337.

³ Абакумов лично допросил Этингера о «вредительском» лечении Щербакова и убедился, что тот «показывает чепуху», которая может завести следствие «в дебри» (Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953. С. 572).

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 46. Л. 19–21; Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 359.

том как о глобальном заговоре западных спецслужб, прибегших к врачебному терроризму, дабы обезглавить советское государство. Устранение Абакумова и назначение Рюмина начальником СЧОВД и замминистра госбезопасности стало для последнего карт-бланшем на реализацию личной инициативы (так удачно для него совпавшей с социальным заказом сталинского руководства) по переследствию дела Этингера в соответствии с версией о вредительском лечении Щербакова. Теперь Рюмину, получившему регулярный доступ к Сталину, необходимо было представить тому доказательства злонамеренных козней кремлевских врачей. Для этого в СЧОВД была создана специальная следственная группа, которая начала повальную проверку всего медицинского персонала, когда-либо работавшего в Лечебно-санитарном управлении Кремля (ЛСУК, Лечсанупр, Кремлевка). Тщательным образом стали изучаться поднятые из архива данные агентурных наблюдений, фонограммы тайного прослушивания в квартирах и служебных кабинетах врачей, истории болезней высокопоставленных пациентов.

К тому времени уже несколько месяцев проводились интенсивные допросы еще одного действующего лица этой тюремно-следственной драмы – врача С. Е. Карпай, которую как скрытую террористку арестовали 16 июля 1951 г. Несмотря на следственный прессинг, Карпай держалась мужественно и решительно отказалась подписывать сфабрикованные «признания». Эта сильная духом женщина затянула следствие и тем самым отодвинула по времени аресты других врачей, что в итоге помогло им выжить. Возникшая в результате задержка следствия вызвала у Сталина бурный приступ гнева. Призвав в начале 1952 г. Игнатьева, он стал угрожать ему, крича, что если тот «не вскрыет террористов, американских агентов среди врачей, то будет там, где Абакумов». «Я не проситель у МГБ! – Неистовствовал Сталин. – Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования... Мы вас разгоним, как баранов»⁵.

Тимашук в роли винтика

Подыскивая специалистов-медэкспертов для подтверждения реальности существования «заговора» кремлевских медиков, следствие вышло на кардиолога Кремлевской больницы Л. Ф. Тимашук, вошедшую в историю «дела врачей» или, точнее, в его мифологию с позорным клеймом главного зачинщика. «Свидетелем № 1» она стала только после того, как 11 августа 1952 г. ее допросил капитан

⁵ Петров Н. В. Репрессии в аппарате МГБ в последние годы жизни Сталина. 1951–1953 // Cahiers du Monde Russe. 2003. April–Septembre. № 44/2–3. P. 16.

И. И. Елисеев, который в СЧОВД МГБ СССР специально занимался выявлением вредительства в лечении А. А. Жданова. Именно он задал ей следующий главный вопрос, который роковым образом связал ее на всю оставшуюся жизнь с «делом врачей»: «Следствие располагает вашим заявлением, датированным 29 августа 1948 г., в котором вы делаете вывод о том, что врачи, лечившие секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, недооценивали тяжелого состояния больного. Вы уверены в правильности своих выводов?» Ответив краткое «да», она припомнила, как будучи четыре года тому назад заведующей кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы, обследовала Жданова и как, диагностировав у него инфаркт миокарда, вошла в серьезный конфликт с профессором Виноградовым и руководством Лечсанупра. Эта история заинтриговала Елисеева, ибо сулила стать крупным козырем в разоблачении кремлевских врачей-убийц. Дело в том, что вследствие постоянных стрессов и злоупотребления алкоголем Жданов давно страдал от гипертонической болезни и тяжелого атеросклероза сосудов сердечной недостаточности, которые осенью 1943 г. вызвали первый серьезный приступ. Ровно через четыре года состояние здоровья Жданова вновь резко ухудшилось. В конце 1947 г. он перенес очередной инфаркт. Прогрессируя, болезнь обострилась летом 1948 г. И поскольку врачи настаивали на продолжительном санаторном лечении Жданова, ему с 10 июля был предоставлен двухмесячный отпуск⁶. 13 июля он выехал в санаторий «Валдай» (Новгородская обл.), где соблюдал постельный режим. Тем не менее через несколько недель у него произошел сердечный приступ. Когда прилетевшие 25 июля из Москвы профессора Кремлевской больницы Виноградов, В. Х. Василенко, П. И. Егоров и врач-кардиографист С. Е. Карпай осмотрели Жданова, они констатировали острый приступ сердечной астмы, но оптимистично заверили больного, что его состояние стабилизировалось и угроза жизни миновала. Отбывая восвояси, авторитетная комиссия никак не скорректировала ранее назначенное лечение. 27 августа Жданову опять стало плохо. На следующий день в «Валдай» вновь прибыли Егоров, Виноградов и Василенко, которые на сей раз захватили с собой не Карпай (находилась в отпуске), а Тимашук. Сняв у больного электрокардиограмму и сопоставив ее с ЭКГ, сделанными до 1947 г. (указывала на незначительные изменения миокарда), Тимашук выявила свежий «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Однако Виноградов и другие профессора-консультанты, сославшись на неочевидность проявившихся клинических при-

⁶ РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1513. Л. 52; Оп. 3. Д. 1071. Л. 25.

знаков, сочли мнение Тимашук ошибочным и заставили переписать свое заключение, подогнав под следующий ранее поставленный ими диагноз: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни»⁷.

Однако, пойдя утром 29 августа в туалет, Жданов упал, потеряв сознание. Узнав об этом, Тимашук потребовала соблюдения больным постельного режима, заявив о правильном определении у него инфаркта. К тому же, страшась ответственности за совершенную ею корректировку этого диагноза, она подготовила записку о разногласиях с руководством ЛСУК и, приложив к ней кардиограмму Жданова, попросила его телохранителя майора А. М. Белова как можно быстрее доставить все это в ЦК ВКП(б) или в Кремль. Однако тот, не желая действовать в обход ведомственного начальства, предупредил, что сможет передать этот материал только генералу Власику⁸.

И хотя вопрос о возможном сотрудничестве Тимашук с госбезопасностью важен, он все же второстепенен в сравнении с тем обстоятельством, что до назначения начальником ЛСУК П. И. Егоров был главным терапевтом Ленинградского военного округа, а руководителем Кремлевки стал с подачи секретаря ЦК А. А. Кузнецова, который курировал МГБ. Не поэтому ли охранник Белов сразу по получении заявления от Тимашук ознакомил с ним Егорова, которого воспринимал как человека Кузнецова? Также любезен с Егоровым был и Абакумов. Получив эту бумагу от Власика, он, перед тем как доложить о ней 30 августа Сталину, уведомил об этом начальника Лечсанупра⁹. На следующий день Жданов умер. Письмо Тимашук так и осталось тогда без последствий. Наложив на сопроводительной записке Абакумова резолюцию «В архив», подозрительный и обычно скорый на расправу Сталин решил на сей раз не проводить расследования, хотя на то были вроде бы веские основания¹⁰. Возможно, он посчитал исходившую от рядового врача информацию малоубедительной, тем более что та опровергалась маститыми кремлевскими медиками, которые пока не утратили его доверия.

Чтобы уgomонить Тимашук, продолжавшую обвинять руководство ЛСУК в неправильном лечении и смерти Жданова, Егоров

⁷ Копия документа МГБ СССР // Архив автора.

⁸ Письма Л. Ф. Тимашук секретарю ЦК КПСС Н. М. Пегову от 17 марта 1956 г. и первому секретарю Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущеву от 22 марта 1956 г. // Источник. 1997. № 1. С. 7–10.

⁹ Копия документа МГБ (протокол допроса П. И. Егорова от 7 февраля 1953 г.) // Архив автора.

¹⁰ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Г. В. Костырченко. М., 2005. С. 430–432.

6 сентября 1948 г. собрал совещание, на котором, сославшись на заключение консилиума от 31 августа, заклеил ее как невежественного врача, назвав «чужим опасным человеком». Его поддержали Василенко, Майоров, Федоров, а также Виноградов, который особенно неприязненно относился к Тимашук, считая ее самоуверенной выскочкой и «стукачкой»¹¹. Он категорично заявил министру здравоохранения СССР Е. И. Смирнову: «Или я буду работать в Кремлевской больнице, или она». Результатом этого ультиматума стал вызов Тимашук 7 сентября в отдел кадров ЛСУК, где ей зачитали приказ о переводе в один из дальних филиалов Кремлевской поликлиники¹².

Аресты главных фигурантов

Таким образом, сведения о болезни и лечении Жданова, сообщенные Тимашук летом 1952 г. следователю Елисееву, носили объективный и квалифицированный характер. Другое дело, что исполнявшее волю Сталина МГБ превратно интерпретировало их, чтобы использовать исключительно для доказательства мифического злого умысла «врачей-вредителей». Именно с этой целью Елисеев и предъявил 11 августа Тимашук (в ходе описанной встречи) анатомический препарат сердца Жданова, осмотрев который, она предварительно высказалась в том роде, что на нем различимы около пяти рубцов от ранее перенесенных инфарктов, а также видны признаки «свежего инфаркта передней стенки и перегородки». Это мнение было подтверждено официальной экспертизой, проводившейся 29 августа 1952 г. комиссией, в которую вошли главный терапевт Минздрава СССР П. Е. Лукомский (председатель), Тимашук, С. А. Соколов, М. А. Скворцов и др. Получив от МГБ заключение этих авторитетных в его глазах специалистов, Сталин 1 сентября 1952 г. подписал постановление Политбюро об увольнении П. И. Егорова, давно подозревавшегося им в связях с «ленинградской группировкой», с должности начальника ЛСУК¹³. А уже 15 сентября были арестованы лечащий врач Жданова Майоров и патологоанатом Федоров. 28 сентября в Алуште задержали бывшего начальника ЛСУК (до 1947 г.) А. А. Бусалова. Вновь конвейер репрессий запустили 18 октября, когда на Лубянку доставили П. И. Егорова. Когда 29 октября 1952 г. Игнатьев представил Сталину обобщенную справку (по результатам допросов арестованных

¹¹ Копия документа МГБ (протокол допроса В. Н. Виноградова от 12 декабря 1952 г.) // Архив автора.

¹² «Цель была спасти жизнь больного». Письма Лидии Тимашук в свою защиту / публ. В. Б. Малкин, Л. А. Лыкова // Источник. 1997. № 1. С. 6.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 42; Оп. 44. Д. 1096. Л. 41.

врачей и медэкспертиз), в которой со всей определенностью говорилось об участии ведущих медицинских специалистов Лечсанупра во «вредительском лечении» руководителей страны, тот, преодолев последние сомнения, дал через несколько дней санкцию на арест главных «заговорщиков». Произошло это 3 ноября. Вызвав в тот день министра госбезопасности Игнатьева и его заместителей С. А. Гоглидзе и Рюмина, Сталин потребовал перейти к жестким методам допроса арестованных врачей, применив к упорствующим меры физического воздействия¹⁴. «Вы хотите быть гуманнее Ленина... – распекал он руководителей МГБ, – Дзержинский вам не ровня, он не гнушался грязной работы, а вы хотите быть, как официанты – в белых перчатках. Если вы чекисты, то снимите белые перчатки, ваша работа крестьянская, а не барская»¹⁵.

Уже 4 ноября под стражу взяли «главного врача-убийцу» В. Н. Виноградова. В последующие дни на Лубянку водворили профессоров Василенко, Вовси, Б. Б. Когана, а в декабре конвейер арестов доставил туда же профессоров Гринштейна, А. И. Фельдмана и Я. С. Темкина. С 6 ноября по указанию Рюмина в камерах Лубянки ввели многосуточное содержание узников в металлических наручниках. Причем в дневное время руки заковывались за спиной, а в ночное – спереди. Но если арестованный продолжал упорствовать, его переводили из лубянской внутренней тюрьмы, еще не имевшей тогда приспособленного для пыток помещения, в Лефортово, где подвергали экзекуции резиновыми палками. 15 ноября Игнатьев доложил Сталину, что «к Егорову, Виноградову и Василенко применены меры физического воздействия», для чего «подобраны... два работника, могущие выполнять специальные задания (применять физические наказания) отношении особо важных и особо опасных преступников»¹⁶. Чтобы впредь не тратить зря время на транспортировку узников в Лефортово, в декабре 1952 г. начальник внутренней тюрьмы А. Н. Миронов оборудовал пыточную рядом со своим кабинетом¹⁷.

Сталину мерещатся шпионаж и теракты

Однако несмотря на усиление физического давления на арестованных, следствие, как казалось Сталину, шло медленно. К тому же обладавший небогатой фантазией Рюмин не шел в «деле врачей»

¹⁴ Архив вождей. Посетители кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1997. № 1. С. 33.

¹⁵ Брент Дж., Наумов В. П. Последнее дело Сталина. М., 2004. С. 194.

¹⁶ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953. С. 522–523.

¹⁷ РГАСНИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5837. Л. 27–28.

далее основанных на вульгарном антисемитизме обвинений арестованных во вредительском лечении. Тогда как Сталин, напротив, придавал этому делу огромное политическое значение. Его не вполне адекватное к концу жизни воображение лихорадочно выстраивало всевозможные варианты злокозненных происков против его персоны с участием ближайших вероломных соратников и вездесущей агентуры иностранных разведок.

Недовольный темпами, результатами и, главное, концептуальной направленностью следствия по «делу врачей», Сталин решил избавиться от Рюмина, который, поумерив служебный пыл, начал спускать расследование на тормозах. (Видимо, опасался, что подобно Ягоде, Ежову или Абакумову вскоре окажется в известном незавидном положении мавра, сделавшего свое дело. Да и не мог не понимать, что одряхлевший Хозяин протянет недолго.) 13 ноября 1952 г. Сталин вызвал Игнатьева и, имея в виду Рюмина, потребовал срочно «убрать этого шибздика»¹⁸. Под горячую руку вождя попал и сам Игнатьев. Ведь нерешительность шефа госбезопасности давно уже раздражала Сталина, но особенно его возмущала перестраховочная манера этого вчерашнего партаппаратчика тайно информировать обо всем Маленкова и других покровителей в ЦК, которые между тем всерьез опасались, как бы репрессии против кремлевских врачей не переросли в большую номенклатурную чистку. 15 ноября Сталин подверг Игнатьева грубому разному, после которого тот надолго слег, оказавшись вроде бы в предынфарктном состоянии, хотя, думается, тут не обошлось и без притворства.

Исполняющим обязанности начальника СЧОВД стал зам. руководителя следчасти К. А. Соколов. Будучи «запачкан» тем, что находился в заместителях у Рюмина, он был временной фигурой и потому при своем назначении 13 ноября 1952 г. не был принят Сталиным. Однако в тот день последний вызвал в Кремль замминистра госбезопасности С. А. Гоглидзе. 20 ноября этого человека Берии повысили до первого замминистра и поручили не только заменить Игнатьева на время болезни, но и курирование СЧОВД, начальником которой Гоглидзе стал 2 января 1953 г. Видимо, уже 13 ноября, в ходе кремлевской встречи с верхушкой МГБ, Сталин потребовал придать «делу врачей» новую направленность: отодвинуть на второй план аспект медицинского вредительства и поставить во главу угла выявление антиправительственного шпионско-террористического заговора западных спецслужб, завербовавших «кремлевских врачей». Подняв таким образом ранг дела до международно-политического уровня,

¹⁸ Рюмин был низкорослым, как, впрочем, и Ягода, и Ежов, и как они, морально ущербным.

Сталин приказал Гоглидзе от имени «Инстанции» обязать следователей ознакомить арестованных врачей с официальным заявлением, в котором в обмен за направление собственноручных признательных показаний «на имя вождя» обещалось сохранение жизни¹⁹.

Эта подготовленная при участии Сталина и датированная 18 ноября 1952 г. декларация не произвела должного впечатления на «главного врача-вредителя» Виноградова, который категорически отказался «раскаиваться». Взбешенный его стойкостью, следователь Соколов приказал отвести престарелого профессора в кабинет начальника внутренней тюрьмы. Там несчастного повалили на пол и стали избивать резиновыми палками. Оказавшись на грани жизни и смерти, Виноградов вынужден был уступить домогательствам истязателей и подписал подготовленное «признание» в «шпионско-террористической деятельности». Таким же «острым методам» допроса подверглись Василенко, Вовси, Коган, другие арестованные врачи²⁰.

В конце ноября 1952 г. Гоглидзе подготовил 26-страничный отчет по расследованию «дела врачей» и положению дел в МГБ, который 30 числа был отправлен Сталину²¹. Уже на другой день, 1 декабря, Сталин созвал в Кремле Президиум ЦК КПСС со следующей повесткой: «А) о вредительстве в лечебном деле; б) информация о положении в МГБ СССР»²². На этом заседании Сталин пустился в рассуждения о том, что «чем больше у нас успехов, тем больше враги будут нам стараться вредить» и что «среди врачей много евреев-националистов», а «любой еврей-националист – это агент американской разведки»²³. 4 декабря 1952 г. были утверждены постановления ЦК КПСС «О положении в МГБ» и «О вредительстве в лечебном деле». В первом руководству госбезопасности вменялось среди прочего: «Поднять уровень следственной работы. Распутать до конца преступления участников террористической группы врачей Лечсанупра, найти главных виновников и организаторов проводившихся ими злодеяний». А во втором ему же предписывалось «вскрыть» не только «террористическую деятельность группы врачей, орудовавшей в Лечсанупре», но и «ее связь с американо-английской разведкой»²⁴.

¹⁹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 460.

²⁰ Копия документа МГБ (записка Л. П. Берии в ЦК КПСС от 16 марта 1953 г.) // Архив автора.

²¹ Петров Н. В. Репрессии в аппарате МГБ в последние годы жизни Сталина. 1951–1953. С. 21–22.

²² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. А. Роговая, Л. П. Кошелева и др. М., 2002. С. 433–434.

²³ Дневник В. А. Малышева // Источник. 1997. № 5. С. 140–141.

²⁴ Государственный антисемитизм в СССР. С. 463.

Тайная акция становится явной

Парализовав страхом партийно-государственные верхи и интеллигенцию (прежде всего еврейскую), Сталин ради пропагандистского зомбирования широких слоев населения решил придать «делу врачей» публичный характер.

Время «Ч» пришлось на 13 января, когда по всем СМИ прошло сообщение ТАСС о разоблачении «врачебного заговора» иностранных спецслужб против советского руководства. Поскольку оно содержало красноречивую фразу о том, что «следствие будет закончено в ближайшее время», было ясно, что тем самым Сталин инициировал подготовку общественного мнения к будущему публичному процессу. 21 января был опубликован указ Президиума Верховного совета СССР о награждении Тимашук орденом Ленина²⁵.

Между тем, выйдя 27 января 1953 г. на работу, Игнатьев заверил Сталина, что будет «настойчиво продолжать работу по выявлению и ликвидации американо-английских и иных шпионов, террористов и диверсантов из числа врачей, еврейских националистов и других врагов нашей партии и Советского государства»²⁶. И в самом деле, МГБ активно наращивало оперативно-следственную активность по «делу врачей». Вновь начались аресты кремлевских медиков, в результате чего их количество в тюрьме Лубянки существенно возросло. В январе–феврале 1953 г. под стражу взяли профессоров В. Ф. Зеленина и Э. М. Гельштейна, Я. Л. Рапопорта, Н. А. Шерешевского, М. Н. Егорова, Б. С. Преображенского, С. Е. Незлина и др. В первой половине февраля руководство СЧОВД официально сформировало групповое «дело врачей», объединив в общее производство следствие по 37 арестованным, из которых 28 были, собственно, врачи, а остальные – члены их семей, в основном жены. И хотя из подследственных врачей неевреев было чуть больше половины (13 русских, 1 украинец и 1 армянин), дело по ходу следствия приобретало все более отчетливый антисемитский характер.

Спровоцированное «делом врачей» резкое усиление в стране государственного антисемитизма привело к масштабному разрастанию слухов о том, что в самое ближайшее время власти предпримут массовое выселение евреев Москвы и других крупных городов европейской части СССР в Сибирь и на Дальний Восток. Конечно, слухи о депортации возникли не на пустом месте. Их провоцировали и массовые аресты представителей культурной и общественной элиты еврейства, и послевоенные пропагандистские кампании, имевшие явный

²⁵ Правда, 21.01.1953.

²⁶ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953. С. 566–567.

антисемитский подтекст, и, наконец, всплеск бытовой юдофобии, которая закамouflировано подогревалась сверху, особенно в последние недели жизни Сталина. Алармизм в еврейской среде многократно усиливался еще и по причине отсутствия в тоталитарном обществе возможности получить объективную и независимую информацию о происходящем, что спонтанно компенсировалось широкой циркуляцией различных толков, домыслов и легенд. Все это проецировалось на коллективное сознание советских евреев, которые, пережив холокост, были полны мрачных предчувствий, боясь его повторения.

Finita la commedia

1 марта 1953 г. Сталина разбил сильнейший инсульт, после которого он, впад в кому, уже не оправился. Смертельная болезнь вождя ввергла его ближайшее окружение в сильнейшее смятение. Памятуя поучение вождя о необходимости повышения политической бдительности в критические моменты истории, руководство МГБ выпустило 3 марта директиву «Об аресте враждебных элементов», подхлестнувшую аресты «еврейских националистов». Даже уже после смерти Сталина, 6 марта, был принят указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Михоэлса звания народного артиста СССР и ордена Ленина. В те дни в ЦК КПСС поступило коллективное письмо ряда врачей, в котором «проамериканские профессора» Лукомский, Мясников и Е. М. Тареев обвинялись в «неправильном лечении» Сталина. Авторы послания кликушествовали: «Буржуазные профессора доконали Ленина, Горького, сына Горького, Жданова, а теперь и Сталина. До каких пор это будет продолжаться? Если так пойдет дело, то они убьют и Маленкова, Берия, Молотова и др. А сколько тысяч они погубили рядовых советских граждан? К ответу преступников!»²⁷

Однако похоронив вождя, его кремлевские преемники стали избавляться от парализовавшего их страха, что непосредственным образом отразилось на «деле врачей». Когда Сталина не стало, ни о каком процессе над врачами (даже закрытом) уже не могло быть и речи. Ведь наследовавшие власть Маленков и Берия хоть и участвовали в 1951 г. в инспирировании «дела» (оно нужно было им для устранения Абакумова, после чего держалось исключительно на Сталине), но именно поэтому они нисколько не сомневались в его фальшивом характере. Видя в нем к тому же реальную угрозу общественной стабильности в стране, новые кремлевские правители хотели как можно быстрее поставить на нем крест. Инициативу в этом взял на себя

²⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1482. Л. 24–25.

Берия, который стал первым заместителем председателя Совета министров СССР и министром внутренних дел СССР. По его распоряжению 13 марта арестованным врачам было предложено подробно изложить на бумаге претензии к следствию, дав понять, что новое руководство страны не сомневается в их невиновности и они должны помочь ему вскрыть беззакония, творившиеся в МГБ. В результате все узники, ссылаясь на применение к ним физического и психологического насилия, отказались от прежних показаний, содержащих самооговоры и обвинения коллег в тяжких преступлениях. Получив в результате доказательства изначальной фальсификации «дела врачей» и его полной юридической несостоятельности, Берия утвердил 31 марта постановление о прекращении уголовного преследования всех проходивших по нему подследственных. На следующий день он проинформировал об этом Маленкова, возложив на Рюмина основную ответственность за инспирирование и фальсификацию «позорного “дела о врачах-вредителях”», а также обвинив бывшего министра госбезопасности Игнатьева в том, что тот «не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у Рюмина...». Берия настаивал на том, чтобы «всех... арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить»²⁸. Уже 3 апреля это предложение было утверждено постановлением Президиума ЦК КПСС, в котором говорилось также об отмене как «неправильного» указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении Тимашук орденом Ленина «в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами»²⁹. Вечером того же дня арестованные кремлевские врачи были выпущены на свободу. После этого советские евреи, томимые страхом перед неведомым будущим, смогли с облегчением перевести дух.

«Дело врачей» вошло в историю не только как одна из многочисленных преступных провокаций Сталина, но и как символ саморазоблачительной агонии созданного им диктаторского режима. Уже обреченный и стоявший, как и его творец, на краю могилы, он предпринимал все менее адекватные реальности шаги и пускался во все более опасные авантюры, рискуя взорвать общество изнутри. Это был апогей тотальной послевоенной чистки, которая имела значительный антиинтеллектуальный и антиеврейский крен и была усугублена параноическим изменением психики дряхлевшего Сталина. Нарастание в связи с «делом» антисемитских настроений в обществе происходило столь бурно, что уже к началу 1953 г. они достигли кри-

²⁸ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. В. П. Наумов, Ю. В. Сигачев. М., 1999. С. 21–23.

²⁹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 483–485.

тической массы и вошли в явное противоречие с государствообразующей коммунистической идеей, став реально угрожать социальной стабильности в стране. Эта юдофобская вспышка была обусловлена тем, что Сталин явно поддался соблазну использовать разборки с еврейской интеллигенцией для популистского списания на нее издержек собственного правления. Закончившаяся в целом благополучно оптимистическая трагедия кремлевских врачей, названная на Западе «делом Бейлиса атомного века», стала не только первым крупным, хотя и посмертным поражением Сталина, но и сильным ударом по созданной им бесчеловечной системе. В этой позорной истории у изжившего себя сталинского правления хватило пороку разве что на устрашающую увертюру. Его время завершилось. Начиналась новая эпоха.

В. В. Шабалин

ХУЛИГАНЫ В ПОГОНАХ: РЕГИОНАЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ПО ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ МИЛИЦЕЙСКИХ КАДРОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Переход Советского Союза к мирной жизни после победы в Великой Отечественной войне сопровождался решением огромного количества серьезных проблем. Необходимо было восстановить экономику, вернуть нормальное функционирование административных, образовательных и прочих институтов.

Одновременно верховная власть стремилась укрепить политический контроль над населением. Данный процесс хорошо описан в научной литературе такими авторами, как Е. Ю. Зубкова¹, Р. Г. Пихоя², А. А. Данилов, А. В. Пыжиков³ и др. В работах современных исследователей проанализированы как внутренние (рост критических настроений в обществе), так и внешние (холодная война) причины начала этого процесса. Показаны социальные группы, институты, территории, которые попали под идеологическое давление в первую очередь. Представление об усилении партийно-политического контроля в послевоенные годы стало общим местом, и вошло в современные учебные пособия.

В меньшей степени изучен вопрос о том, как этот процесс преломлялся на низовом уровне, в том числе в провинции. Сегодня – это одна из активно разрабатываемых тем в отечественной исторической

¹ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.

² Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М., 2007.

³ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение «сверхдержавы»: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001.

науке. Над данной проблематикой плодотворно работают такие исследователи, как О. Л. Лейбович⁴, А. С. Кимерлинг⁵, В. А. Гижов⁶.

Задача данной статьи – на примере локальной кампании, направленной на улучшение работы милиции Молотовской области, показать специфику властных практик данного периода, а также продемонстрировать, как реагировали на усиление идеологического контроля низовые региональные власти, в данном случае районные и городские комитеты ВКП(б).

Одной из серьезнейших проблем, которую пришлось решать власти во второй половине 40-х годов, было ухудшение криминогенной ситуации. Рост послевоенной преступности не был запретной темой в советское время. Информация об этом тяжелом периоде отечественной истории передавалась не только через семейные предания, но и, например, через искусство. Наверное, самый известный пример – это детективный сериал «Место встречи изменить нельзя» (1976 г.). Литературный штамп о захлестнувшей страну волне преступности, конечно, избит, но дает довольно полное представление о том, что происходило во второй половине 40-х годов.

Среди комплекса причин, которые породили эту волну преступности, помимо резкого понижения жизненного уровня, обесценивания человеческой жизни, можно назвать и неэффективную работу милиции. Кадровый состав этого важного государственного органа серьезно обновился за годы войны, что не могло не сказаться на его работе⁷. На смену ушедшим на фронт опытным милиционерам зачастую приходили совсем другие люди. Их отличал низкий профессионализм, отсутствие развитой правовой культуры. Пьянство в этой среде совсем не было редкостью, так же как и совершение преступлений⁸. Все это мешало наладить эффективную работу МВД.

⁴ Лейбович О. Л. В городе М: Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М., 2008.

⁵ Кимерлинг А. С. Молотовское эхо идеологической кампании 1946 года: местная печать разоблачает М. Зощенко и А. Ахматову // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 3. С. 188–195.

⁶ Гижов В. А. Идеологические кампании 1945–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей): Дис. ... к. и. н. Саратов, 2004.

⁷ О работе молотовской милиции в годы войны см.: Волков В. С. Милиция Прикамья в годы Великой Отечественной войны: основные направления деятельности // Вестник Пермского университета. 2009. № 3. С. 37–40.

⁸ Исследователь правоохранных органов А. Резников назвал милицию послевоенного времени «наиболее криминогенной и неблагонадежной составляющей органов внутренних дел». См.: Резников А. А. Структура и кадровая политика органов внутренних дел СССР в 1945–1953 гг.: Дис. ... к. и. н. М., 2012. С. 33.

Обозначенную проблему столичное милицейское начальство пыталось снять при помощи ведомственных директив, направленных на улучшение работы сотрудников. К решению проблемы подключались партийные органы, которые в духе времени требовали улучшения политико-воспитательной работы и инициировали соответствующие кампании. Одна из таких кампаний, которая была развернута в 1948 г., и станет предметом рассмотрения в нашей статье.

В Молотовской области ситуация с работой милиции была такой же плачевной, как везде. В 1947 г. тридцать руководящих работников ведомства были привлечены к ответственности за аморальные поступки. Двое из них судимы трибуналом⁹. Местное милицейское начальство жаловалось на малообразованность своих подчиненных. Руководитель Молотовской милиции Г. П. Скрипник в одном из выступлений зачитывал выдержку из официального документа, демонстрируя присутствующим, с кем ему приходится работать: «Паспортисту вверенного аппарата тов. Бубовой, которая в часы вечерних занятий, пригласив своего знакомого по интимным связям в прошлом Толмачева, вызванного сотрудником РО НКВД для допросов в качестве обвиняемого по уголовному делу, с которым изнутри закрылись и производила с ним любезные драмы»¹⁰.

Работу правоохранительных органов в области осложняло противостояние прокуратуры и милиции. Конфликт между их руководителями и сотрудниками, далеко выходящий за рамки официальных полномочий, привел к тому, что любой недостаток в работе тут же брался на заметку оппонентами¹¹. В феврале 1948 г., после череды столкновений, прокурор области Д. Н. Куляпин отправил в Москву объемный тридцатистраничный документ «Докладная записка о незаконных действиях органов милиции Молотовской области»¹², в котором были скрупулезно описаны нарушения, допущенные местными милиционерами. Заведующий отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) А. С. Бакакин, на чье имя был отправлен документ, мог познакомиться с подробностями незаконных действий сотрудников МВД как областного центра, так и районов области.

⁹ Отчет о работе с руководящими кадрами Управления МВД по Молотовской области за 1947 год и о выполнении решения обкома ВКП(б) от 4/11-47 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 6.

¹⁰ Протокол партийного актива области, проходившего 11.06.1946 года в городе Молотов // ПермГАНИ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

¹¹ Подробнее о конфликте см.: Лейбович О. Л. В городе М. С. 109–110.

¹² Докладная записка о незаконных действиях органов милиции Молотовской области // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 104.

Партийные органы не могли не реагировать на неблагоприятную ситуацию. Одним из средств ее исправления должна была стать рассматриваемая в статье кампания. 19 августа 1948 г. от имени первого секретаря обкома К. М. Хмелевского по области было разослано закрытое письмо «Секретарям горкомов и райкомов ВКП(б), начальникам горотделов и райотделений МВД, секретарям парторганизаций и политработникам органов МВД Молотовской области»¹³. В письме содержалось требование принять неотложные меры к наведению «большевистского порядка» в подразделениях МВД и милиции. Фактически письмо секретаря обкома дополняло и усиливало июльскую директиву № 91 министра внутренних дел С. Н. Круглова. В нашем распоряжении нет самого ведомственного документа, но, судя по отсылкам к его содержанию в отчетах руководителей местных органов милиции, в нем говорилось о необходимости улучшения работы с кадрами.

Письмо К. М. Хмелевского содержит перечень проблем, которые мешали нормальному функционированию милиции. Если дополнить этот перечень фактами из других архивных источников, то перед нами предстанет картина разложения одного из важнейших государственных институтов.

На первом месте в перечне находится «систематическое пьянство и совершение хулиганских действий»¹⁴. Употребление алкоголя населением и, в частности, сотрудниками милиции было обычным делом для рассматриваемого времени. Выпивка становилась поводом для критики и более серьезных санкций в случае, когда правоохранители под воздействием водки, начинали нарушать закон. Например, в городе Чермоз к ответственности был привлечен милиционер за то, что пытался разогнать ночную очередь у хлебного магазина, и делал он это не на трезвую голову¹⁵.

Время от времени возникали и вовсе вопиющие случаи, которым, при желании, можно было дать политическую оценку с далеко идущими последствиями. В марте 1948 г. Хмелевскому сообщили о вакханалии, в которую переросло празднование международного женского дня в одном из отдаленных районов области. Милиционеры райотдела с женами собрались в столовой сельпо, чтобы отметить праздник. Обычная пьянка за закрытыми дверями, о которой никто

¹³ Секретарям горкомов и райкомов ВКП(б), начальникам горотделов и райотделений МВД, секретарям парторганизаций и политработникам органов МВД Молотовской области // ПермГИА. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 60.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Докладная записка // ПермГИА. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 107.

из посторонних не должен был узнать, по каким-то причинам превратилась в жутковатое карнавальное действо: «С самого начала вечера принял форму разнузданного пьянства и буйства. Участниками вечера – работниками РО МВД и милиции были выбиты стекла из окон столовой, побита посуда, изломано несколько стульев и табуреток. По полу был разлит суп из котла и по скользкому от супа полу милиционер ... – член ВКП(б) и некоторые другие таскали за волосы своих жен, избив их перед этим кулаками».

Самое неприятное для областного руководства заключалось в том, что о происшествии, в котором, кстати, участвовал начальник райотдела, стало известно местным жителям: «Шум в столовой, пьяные выкрикивания и звон разбитых окон и посуды привлекли к столовой многих жителей села Черновского, которые явились свидетелями этого безобразного зрелища, высказывали возмущение безнаказанностью “блюстителей порядка” за такие буйства и бесчинства»¹⁶.

В следующем пункте в перечне милицейских грехов указано «грубое нарушение и извращение советских законов»¹⁷. В этом пункте Хмелевский фактически повторяет материал февральской записки облпрокурора, который дал развернутую картину «нарушений и извращений»: «В 1947 г. Областное Управление милиции и целый ряд этих органов на местах стали прибегать к массовым обыскам у граждан, в том числе и у ответственных номенклатурных работников Обкома ВКП(б), не имея на них в производстве возбужденных дел, и при том к таким обыскам, целью которых преследовалось что-нибудь да вообще обнаружить (вещи, продукты) и затем уже в зависимости от результатов такого обыска и начать следствие»¹⁸. Кроме того, в письме секретаря обкома, как и в прокурорском документе, были зафиксированы такие нарушения, как избиения задержанных, изъятие и присвоение вещественных доказательств, денег и других ценностей, нарушение сроков ведения следствия.

Третий блок нарушений, указанный в письме, – это «кражи, взяточничество и расхищение социалистической собственности»¹⁹. Дан-

¹⁶ Секретарю Молотовского Обкома ВКП(б) тов. Хмелевскому К. М. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 171. Л. 22–23.

¹⁷ Секретарям горкомов и райкомов ВКП(б), начальникам горотделов и райотделений МВД, секретарям парторганизаций и политработникам органов МВД Молотовской области // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 60.

¹⁸ Докладная записка о незаконных действиях органов милиции Молотовской области // ПермГАНИ. Д. 136. Оп. 14. Л. 108.

¹⁹ Секретарям горкомов и райкомов ВКП(б), начальникам горотделов и райотделений МВД, секретарям парторганизаций и политработникам органов МВД Молотовской области // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 60.

ный недуг обнаруживался как на нижних уровнях структуры МВД, так и аппарате управления. Хмелевский, упоминая аппарат управления, не привел подробности, но из других документов нам известно, например, о скандальном расследовании преступлений секретаря партийного бюро УМВД, который присваивал партвзносы и материальную помощь семьям фронтовиков²⁰.

Причины указанных недостатков, так же как и ответственные в их допущении, в письме указаны вполне в духе времени. Ответственность возлагалась, во-первых, на руководящих работников МВД, во-вторых, на политработников и секретарей парторганизаций подразделений МВД, в-третьих, на районные и городские комитеты партии. Первые «ослабили контроль за работой аппарата, не ведут решительной борьбы с фактами недисциплинированности и распушенности среди отдельных сотрудников». Вторые «терпимо относятся к аморальным поступкам и злоупотреблениям отдельных работников и не развертывают в партийных организациях большевистскую критику и самокритику недостатков в работе». Третьи «крайне слабо руководят работой парторганизаций подразделений МВД... и недостаточно пресекают факты нарушений ими партийной дисциплины»²¹.

Общим упущением всех руководителей документ называет то, что они плохо воспитывают личный состав. Указание на этот недостаток, в первую очередь, адресовалось политработникам и секретарям парторганизаций МВД, но, в то же время, – это замечание было повторено для всех перечисленных в письме категорий руководителей. На идее воспитания подчиненных в письме делался акцент.

Для наведения порядка в МВД Хмелевский требовал усилить «идейно-политическую работу» среди сотрудников милиции и воспитывать их «в духе высокой моральной устойчивости и честного отношения к порученному делу». Назвал секретарь обкома и конкретные воспитательные мероприятия, которые должны были привести к появлению морально устойчивых и ответственных стражей порядка: регулярные лекции и доклады, политическая и общеобразовательная учеба, повышение деловой квалификации. Своего рода воспитательным моментом должно было стать и обсуждение письма обкома на закрытых партийных собраниях в первичных парторганизациях подразделений МВД²².

²⁰ См.: ПермГАНИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 79.

²¹ Секретарям горкомов и райкомов ВКП(б), начальникам горотделов и райотделений МВД, секретарям парторганизаций и политработникам органов МВД Молотовской области // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 61.

²² Там же. Л. 62.

На реализацию заданий местным руководителям предоставлялись чуть больше двух месяцев, к 1 ноября 1948 г. обком должен был получить сведения о принятых мерах. Четыре отчета районных и один отчет городского комитетов ВКП(б), а также отчет политотдела Кусьинского ИТЛ, которые были выявлены в архиве, отправлены между 27 октября и 24 ноября 1948 г. Эти документы позволяют составить представление о том, какими конкретными мероприятиями отчитывались райкомы и горкомы партии.

Все рассматриваемые источники содержат информацию о том, что местные милиционеры повышали общеобразовательный уровень: учились или собирались учиться в средних вечерних и заочных школах. В частности, Березниковский горком ВКП(б) сообщал, что в 1948–1949 учебном году 72 % личного состава городского отдела МВД приступили к общеобразовательной подготовке. Этот же горком сообщал об увеличении количества докладов и лекций на политические и естественнонаучные темы²³.

Подробно в отчетах освещены мероприятия, направленные на политическое воспитание. Все партийные комитеты сообщали о работе разнообразных кружков: по изучению краткого курса истории ВКП(б), «по изучению биографии товарища Сталина», по изучению «первоисточников марксизма-ленинизма при РК ВКП(б)», по изучению истории ВКП(б).

Другими формами идейно-воспитательной работы с личным составом были: политические информации, «постоянно-действующий» семинар партийно-советского актива (Чермоз), учеба в политшколах для сержантского и рядового состава (Березники), лекции.

О проведении лекций, в частности, сообщал Березниковский горком, который, находясь в значимом индустриальном центре, скорее всего, располагал большими возможностями, чем удаленные райкомы партии, вроде того же чермозского или уинского. Согласно отчету, для милиционеров города Березники были прочитаны следующие лекции: «Диалектический и исторический материализм» (лектор горкома ВКП(б) Каган), «Борьба со злоупотреблениями по службе и аморальными поступками» (лектор председатель выездной сессии ревтрибунала капитан юстиции Сировский), «О развитии хозяйства Молотовской области» (заместитель по политчасти Сальников)²⁴.

²³ Отчет о проведенных мероприятиях по укреплению государственной и партийной дисциплины и политико-воспитательной работы среди личного состава Березниковского горотдела МВД // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 134.

²⁴ Там же. Л. 135.

Наконец, встречалась и такая удобная для отчетности форма политечебы, как самостоятельное изучение «Краткого курса истории ВКП(б)».

Первое, что бросается в глаза при изучении отчетов парткомитетов, – это неадекватность проводимых мероприятий решаемым проблемам. Ясно, что лекция о хозяйственном развитии области не может способствовать повышению раскрываемости преступлений, как изучение истории ВКП(б) вряд ли может отвратить милиционера от пристрастия к алкоголю. Однако людей, отчитывающихся перед обкомом, эти нестыковки не смущали. С мест шли реляции о положительных результатах кампании.

«Весь этот комплекс проведенных и проводимых мероприятий значительно укрепил государственную и партийную дисциплину среди сотрудников РО МВД», – писал секретарь Уинского райкома²⁵.

«Принятые меры, несомненно, улучшили государственную и партийную дисциплину среди работников РО МВД и органов милиции», – сообщали из Ныроба²⁶.

«В результате проведения этих мероприятий улучшилась работа отделов МВД и милиции. Раскрываемость преступлений увеличилась в сентябре 1948 г. с 56 % до 77 % и предупреждаемость преступлений возрасла с 20 % до 32 %», – уверял обком секретарь Березниковского горкома²⁷.

Указанные результаты можно считать волшебными, особенно учитывая, что проведенные мероприятия оставляют стойкое ощущение магических ритуалов. Что же обком? Возмущенный «первый» пишет грозные циркуляры местным комитетам, посылает в районы комиссии для проверки цифр и реального положения дел? Ничего подобного мы не видим. Есть соблазн объяснить все происходящее погруженностью участников кампании в мифологическую реальность, в рамках которой, как известно, не видны противоречия и есть место волшебству.

Действительно, в сталинском мифе, о котором пишут современные исследователи, реальность подчинялась собственным правилам. В этом мифе действовали *настоящие большевики*, которым по плечу были решения любых задач. Наведение *большевистского порядка*

²⁵ На № в-286-с от 19 августа 1948 года // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 176.

²⁶ Отчет // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 175 об.

²⁷ Отчет о проведенных мероприятиях по укреплению государственной и партийной дисциплины и политико-воспитательной работы среди личного состава Березниковского горотдела МВД // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 134.

в любом общественном институте означало повышение его эффективности. В этом смысле в рассматриваемой кампании, несомненно, присутствовал мифологический компонент и, строго говоря, не было ничего такого, с чем опытные партийные функционеры не сталкивались ранее. С их точки зрения, Хмелевский, как и полагалось партийному лидеру, требовал от подчиненных путем воспитания превратить милиционеров в тех самых *большевиков*, которые, если вольно цитировать Сталина, способны брать любые крепости. Подчиненные, в свою очередь, выполнили полагающиеся процедуры и отчитались о проделанной работе. Удивительные цифры и чудесно укрепившуюся дисциплину оставим на совести партийных секретарей, хотя и это все тоже можно списать на мифологическое восприятие реальности. Но можно ли описанную выше ситуацию объяснить только «мифологической» концепцией?

Исследования позднего сталинского времени показывают, что советские граждане вполне могли смотреть на окружающую их действительность критически и совершать действия вопреки идеологическим установкам. Война только усилила эту способность. Этот тезис относится и к номенклатуре. Именно этот слой должен был поддерживать сталинский миф, но именно среда ответственных работников дает самые яркие примеры действий, идущих вразрез с ним. Речь, в первую очередь, идет о разнообразных коррупционных практиках. Номенклатура, вопреки установкам верховной власти, незаконно повышала уровень собственного потребления, создавала неформальные ассоциации, участники которых поддерживали и прикрывали друг друга. Другой пример – прагматичные действия времен войны, когда руководители всех уровней подчинялись главной задаче – обеспечить фронт всем необходимым. И здесь им также приходилось руководствоваться не идеологией, а деловыми принципами в подборе кадров, распределении ресурсов, оказании покровительства и поддержки проштрафившихся, но полезных людей и т. п.

Все сказанное относится и к молотовской политической верхушке, которая инициировала рассматриваемую в статье кампанию. Реконструкция биографии К. М. Хмелевского²⁸ показывает, что это был руководитель-прагматик, который умел эффективно решать хозяйственные и прочие проблемы без избыточной идеологизации вопроса.

Вернемся к кампании. Представляется, что ее главной задачей отнюдь не было повышение профессионального уровня милиционеров.

²⁸ Лейбович О. Л. В городе М. С. 120–140.

Учитывая факты биографии Хмелевского, мы можем предположить, что он не мог не понимать, что решить эту задачу при помощи политечебы нельзя. Однако оставить без внимания рост преступности, так же как и плачевное состояние милиции, он, как хозяин области, тоже не мог. Тем более что благодаря сваре между Д. Н. Куляпиным и Г. П. Скрипником ко всем этим проблемам было привлечено внимание ЦК ВКП(б).

В распоряжении секретаря обкома было не очень много неполитических рычагов воздействия на МВД. Он не мог поднять сотрудникам ведомства зарплату, увеличить отпуск или применить какой-то другой материальный стимул. Все это были прерогативы центральной власти. Теоретически, секретарь мог повлиять на решение квартирного вопроса, но жилья в области, как и по всей стране, катастрофически не хватало. Им не были полностью обеспечены даже сотрудники МГБ. Самым действенным рычагом влияния на милицию, из тех, которыми располагало партийное начальство, была возможность кадровых перестановок, но с помощью этого инструмента можно было решить лишь ограниченный круг проблем. Оставалось идеологическое воздействие, тем более что оно в 1948 г. являлось главным политическим трендом.

Хмелевский не мог переломить негативное положение дел в милиции и не мог поспособствовать остановке волны преступности в области, но он мог подстраховаться на случай критики со стороны центра. Эта бюрократическая игра между обкомом и местными парткомитетами с точки зрения генеральной линии партии выглядела идеологически верно. Обком идеологически правильно оценил ситуацию и дал правильные директивы; местные политические руководители провели правильные мероприятия и получили правильные результаты. Эта демонстрация активности и явилась главной задачей областной кампании по наведению большевистского порядка в органах МВД Молотовской области.

Если наша реконструкция верна, то в представление о послевоенном укреплении политического контроля над населением и пике тоталитаризма можно внести некоторые коррективы.

Во-первых, мы видим, как импульсы власти искажались, превращались в неэффективную бюрократическую процедуру, использовались для решения аппаратных задач местной номенклатурой, а, следовательно, не могли быть реализованы в полной мере. Это означает, что усиление идеологического контроля, которым характеризуется послевоенное время, имело пределы. Различные социальные группы и институты, различные территории испытывали на себе идеологический гнет не в одинаковой степени. Как ни парадоксально, это ограничение политизации жизни накладывала сама номенклатура. (В нашем случае региональная номенклатура.)

Во-вторых, фактически власть отказывалась от реального решения повседневных проблем, с которыми регулярно сталкивались советские граждане. Те идеологические средства, которые предлагались для этого, даже в случае их реального применения, давали слишком слабый эффект.

О. Н. Калинина

СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА И СИСТЕМА ВНУТРИКОРПОРАТИВНОЙ ОХРАНИТЕЛЬНОСТИ В ПОЗДНЕСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (1946–1953 гг.)

Советская власть практически с первых лет своего становления создала особую систему внутрикорпоративной охранительности в форме партийно-государственного контроля, ставшую своего рода машиной «корпоративного правосудия» с контрольно-репрессивными функциями. Среди отечественных и зарубежных исследователей активно дискутируются вопросы относительно природы, сущности и причин зарождения и становления такого рода структур, соотношение между нормативными формами контроля и реальной их деятельностью¹. По мнению исследователей, активная эксплуатация контрольно-репрессивных акций в управленческой сфере советского партийного государства была связана, прежде всего, с тем, что аппарат имел множество изъянов, а советская номенклатура не достигала желаемой степени профессионализма².

Мы исходим из того, что создаваемая в стране система партийно-государственного «правосудия» нацеливалась на решение следующих приоритетных задач режима: наряду с мобилизацией массовых социальных групп на поддержку режима обеспечить консолидацию собственно номенклатуры (самомобилизация, укрепление внутрикорпоративной дисциплины) в чрезвычайных и экстремальных ус-

¹ См., напр.: Rigby T. *Reconceptualising the Soviet System // Development in Soviet and Post-Soviet Politics*. London, 1992; Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010; Юдин К. А. Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и ее региональные институты в период утверждения сталинской диктатуры 1934–1941 гг. (на материалах областей Верхней Волги): Автореф. дис. ... к. и. н. Иваново, 2013.

² См., напр.: Олех Г. Л. *Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование*. Новосибирск, 1995; Анфертьев И. А. ЦКК РКП(б)–ВКП(б): причины создания и объединения с наркоматом РКИ. 1920–1925 гг. (по документам РГАСПИ) // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб.* Вып. 7. Мінск, 2012. С. 49–67.

ловиях; формирование и конструирование управленческих групп разных уровней (социальная инженерия) на основе востребованных режимом социально-профессиональных и личностных характеристик («фильтрация», отбор, сбор и проверка компрометирующей информации не только в отношении коммунистов, но и беспартийных управленцев). В силу этого данные структуры играли важную роль в развертывании в стране широкомасштабной социальной инженерии, в том числе в ее типичных формах «чисток» и репрессий, которые обрушивались также и на управленческий слой – советскую номенклатуру, особенно среднего (регионального) и низового (местный городской и районный) уровней.

Данная публикация ставит своей целью выявление и анализ механизмов воздействия на управленческую корпорацию встроенных в систему власти структур номенклатурного «правосудия» в позднесталинский период. Источниковой базой послужили документы и материалы Комитета / Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б)–КПСС и отдельных региональных звеньев, в частности, партколлегии КПК при Томском обкоме партии, а также Министерства госконтроля (МГК) СССР и РСФСР.

КПК оказалась изначально в более выигрышном положении, нежели ведомство госконтроля, что во многом связано с тотальностью, универсальностью и значимостью партконтроля, который начинался фактически с момента вступления в партию, являясь важным этапом на пути политической социализации номенклатурного работника. Отбор (селекция) в номенклатуру осуществлялся на основе определенных требований к кандидату, являвшихся своеобразными социально-политическими фильтрами, при помощи которых выявлялись неподходящие работники и происходил их «отсев», где главным критерием была политическая лояльность и преданность режиму: путь был закрыт бывшим участникам антибольшевистских движений, партий и учреждений, а также социально-чуждых режиму слоев населения – «кулаков», осужденных и т. д.

Механизм партконтроля включал в себя проверки нескольких уровней. Во-первых, это превентивный фильтрационный уровень, когда осуществлялась проверка биографических данных и служебных характеристик при назначении работника на должность. В случае обнаружения каких-либо сведений, подтверждающих неблагонадежность кандидата, на него заводилось персональное дело, которое рассматривалось в соответствующей парторганизации, после чего ею же выносилось решение о партвызыскании вплоть до исключения из партии. Если вскрывались факты проступков и преступлений экономического, а также уголовного характера, то дело передавалось в прокуратуру, органы госбезопасности, ревизорские службы и т. д. Во-вторых, инициированные партийно-государственной элитой

проверки репрессивного характера, которые приводили к разрыву «чисток» на региональном и местном уровнях. В этом случае проверки шли сразу по нескольким каналам: партийному, административному и по линии госбезопасности. В-третьих, партконтролем осуществлялись проверки «сигналов» и компрометирующих сведений на работника, полученных снизу (от партактива, населения) и от других государственных структур (КСК/МГК, прокуратуры, НКВД/МВД). Ниже рассмотрим, как действовали структуры контрольно-репрессивного характера на региональном уровне в послевоенные годы.

Таблица 1

Причины исключения из партии по Томской парторганизации (1947–1952 гг.)*

Причина исключения	1947 г.		1949 г.		1952 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Бытовое разложение, пьянство, недостойное поведение	18	5,7	16	8,7	28	19,6
Несудовлетворительное руководство, безответственное отношение	21	12,8	65	35,1	24	16,8
Злоупотребление служебным положением, растраты госсредств	52	31,7	30	16,2	48	33,6
Соккрытие соц. происхождения, обман и неискренность перед партией	12	7,3	9	4,9	19	13,3
Нарушение Устава сельхозартели	–	–	1	0,5	–	–
Нарушение государственной и партийной дисциплины	61	37,1	34	18,4	22	15,4
Антигосударственная деятельность	–	–	–	–	2	1,4
Всего:	164	100	185	100	143	100

* Подсчитано по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 996. Л. 19; Д. 1192. Л. 28, 48; Д. 6732. Л. 8.

На контрольные органы, прежде всего, возлагалась функция по «отсеву» неподходящих по каким-либо причинам кадров (по политическим, деловым и прочим качествам). В силу перманентности принимавшихся жестких «фильтрационных» мер из рядов номенклатурных работников Томской области с формулировкой «за сокрытие социального происхождения» и «неискренность перед партией» ежегодно исключалась значительная часть руководящих работников – 7,3 % руководителей в 1947 г. и соответственно 13,3 % в 1953 г. (Табл. 1). «Неискренность перед партией» выражалась, как правило, в сокрытии каких-либо компрометирующих фактов из биографии (пребывание в плену, знакомство или связь с «врагами народа» и т. д.). Также, согласно статданным партколлегии КПК при

Томском обкоме, наиболее распространенными среди номенклатуры пороками являлись пьянство и аморальное поведение. Уличенные в этом управленцы исключались из партии с формулировкой «за бытовое разложение», под которым подразумевались пьянство, уход из семьи, хулиганство и т. д. Причем количество исключенных из партии и получивших партвысказание «за бытовое разложение» постоянно увеличилось – с 5,7 % в 1947 г. до 19,6 % в 1952 г. (Табл. 1).

В послевоенные годы стабильно высоким оставался показатель исключенных из партии за злоупотребление служебным положением и растрату государственных средств, т. е. за должностные, главным образом экономические преступления – 31,7 % в 1947 г. и 33,6 % в 1952 г. (Табл. 1). Примером таких дел могут служить «красноярское», «челябинское» и другие, связанные с различными злоупотреблениями служебным положением. Региональная и местная номенклатура, получившая в годы войны относительную самостоятельность, научилась обходить создаваемые «сверху» ограничения для использования имевшихся в ее распоряжении ресурсов в личных целях, проявляя при этом свою корпоративную консолидацию. Так, председатель Новгородского облисполкома П. П. Еремеев обвинялся в неправильном расходовании госсредств: «организовал» «малый буфет» с бесплатной раздачей продовольствия для шести руководящих работников облисполкома и членов их семей, а также бесплатное питание для восьми членов своей семьи и родственников. Ущерб составил 43 тыс. руб., поскольку все расходы списывались на проведение сессий облисполкома и несуществующий Дом облисполкома. Ему также вменялся обман правительства, поскольку он неправильно информировал в 1947 г. высшие инстанции, что все колхозники переселены из землянок в жилые дома (500 семей тогда еще не получили нового жилья). В результате решением партколлегии КПК от 8 октября 1949 г. Еремеев был исключен из партии, а дело передано в прокуратуру. В 1950 г. его приговорили к пяти годам лишения свободы с поражением в правах³.

Для пресечения опасных тенденций центральная власть инициировала проведение по всей стране в конце 1940 – начале 1950-х гг. масштабных кадровых перестановок в регионах. В результате одни руководители были сняты с должностей с понижением, другие отправлены на курсы переподготовки в Москву или переведены на равнозначные посты, что как минимум позволило разорвать сложившийся порочный круг патрон-клиентских отношений⁴. Так, по-

³ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 454. Л. 118–120.

⁴ Сушков А. В. Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 95.

становлениями Политбюро от 28 января 1947 г. были сняты с должности первые секретари Владимирского обкома Г. Н. Пальцев и Ивановского обкома Г. М. Капранов как не обеспечившие руководства хозяйством области⁵. В 1949–1950 гг. ЦК принял аналогичные постановления по «ульяновскому», «карельскому», «челябинскому» делам, «делу Курского обкома ВКП(б)» и т. п.

Многие тенденции, отражаемые в документах партколлегии КПК при Томском обкоме, подтверждаются также данными апелляционных дел КПК при ЦК партии. Так, по данным КПК, значительная часть номенклатуры в 1950 г. подвергалась партвзысканиям преимущественно за преступления или проступки экономического характера (растрата госсредств, присвоение денег, взяточничество, воровство и т. д.) или за превышение служебных полномочий – 43,3 %, за нарушение Устава⁶ сельхозартели – 30 %, за «недостойное поведение» (пьянство, нарушение общественного порядка, клевета, рукоприкладство, невыполнение вышестоящих директив и т. д.) – 14,8 %⁷. Еще одной важной чертой сталинского времени являлось то, что любое несоответствие «стандарту» руководящего работника жестоко каралось, и это свидетельствует о том, что основная функция КПК продолжала носить преимущественно репрессивный характер. Так, большинство апелляционных дел номенклатурных работников, рассмотренных КПК в 1950 г., имело отрицательный исход (98,4 % от всех рассмотренных нами дел). При этом значительная часть подвергшихся партвзысканию коммунистов являлись работниками районного звена – 84 % в 1950 г.⁸

Из материалов отчета «О фактах непартийного поведения среди коммунистов – руководящих кадров Новосибирской области» от 21 сентября 1947 г. поступившего в Секретариат ЦК из отдела партийной информации Управления по проверке парторганизаций ЦК ВКП(б) следует, что за семь месяцев 1947 г. только в 17 из 44 райкомов области к партийной ответственности было привлечено 369 руководителей, что составило 37,6 % от общего числа номенклатурных работников⁹. Такое положение было связано с тем, что, во-первых,

⁵ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малащенко и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 169.

⁶ По Уставу размеры личного приусадебного хозяйства (ЛПХ) ограничивались фиксированным размером приусадебного участка и количеством крупного и мелкого рогатого скота, нарушение которых приравнивалось к «разбазариванию» общественного состояния.

⁷ Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 204–408; Оп. 2. Д. 404–508; Оп. 3. Д. 350–460.

⁸ Там же.

⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 166. Л. 5.

именно на начальном этапе карьеры выявлялась «профпригодность» работника, а во-вторых, поскольку это был базовый и самый массовый слой номенклатуры, то и внимание к нему было наиболее пристальным, т. к. устойчивость всей системе придавало функционирование именно низового и среднего звеньев управления.

Особую роль в системе номенклатурного контроля играло Министерство госконтроля, созданное 14 марта 1946 г. путем реорганизации Наркомата госконтроля. МГК контролировало исполнение решений правительства во всех отраслях управления, соблюдение финансово-бюджетной дисциплины и действовало независимо от других государственных структур, выявляло недостатки, злоупотребления, привлекало виновных к судебной ответственности и накладывало дисциплинарные взыскания на виновных в неисполнении решений правительства, а также по результатам проводимых ведомством проверок и ревизий на местах¹⁰.

По результатам проверок и ревизий госконтроля принимались постановления и решения правительства, местных партийных, советских и хозяйственных органов, а также издавались приказы МГК СССР и союзных республик, по которым провинившихся руководителей привлекали к судебной ответственности либо накладывали административные или дисциплинарные взыскания. По данным отчета о работе МГК СССР за 1946 г., по результатам ревизии и проверок было издано 677 приказов, которыми налагались дисциплинарные взыскания на 1068 чел., а к судебной ответственности привлечено 190 чел., из них приговорено к расстрелу – 5, к тюремному заключению – 69, исправительно-трудовым работам – 15 чел.¹¹ Показательно то, что по данным статистики, постоянно увеличивалось также число руководящих советских работников, привлеченных МГК к дисциплинарной и судебной ответственности. Согласно статистическим данным, количество взысканий, наложенных МГК, постоянно росло: с 1158 в 1946 г. до 2200 в 1953 г., причем число лиц, привлеченных к судебной ответственности, возросло в два раза. Если в 1946 г. на руководящих советских работников было наложено 101 взыскание (8,8 %), то в 1953 г. – уже 238 (10,8 %) от общего числа привлеченных¹².

В основном номенклатурные работники, совершившие те или иные проступки, привлекались к дисциплинарной ответственности (выговор, строгий выговор, постановка на вид, снятие с должности). В случае серьезных финансовых нарушений (растрат, хищений, под-

¹⁰ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5566. Л. 7.

¹¹ Там же. Ф. Р-8300. Оп. 2. Д. 132. Л. 80.

¹² Рассчитано по: ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 2. Д. 132. Л. 80; Д. 318. Л. 11; Оп. 2а. Д. 35. Л. 177; Д. 40. Л. 154.

лога и т. д.) на провинившегося работника налагались денежные начеты для компенсации причиненного государству ущерба, количество которых также оставалось стабильно высоким. Только за 1947 г. МГК СССР было начислено 446 денежных начетов на общую сумму 793 450 руб., а в 1950 г. уже 902 начета на сумму 941 552 руб. (Табл. 2). Руководящие работники привлекались к уголовной и дисциплинарной ответственности за такие преступления и проступки, как «приписки и обман государства», «бюрократизм и волокита», «нарушение штатной и финансовой дисциплины», «невыполнение постановлений правительства», «злоупотребления служебным положением».

Таблица 2

Число и общая сумма денежных начетов, наложенных МГК СССР в 1946–1950 гг. (руб.)*

	1947	1948	1949	1950
Число денежных начетов	446	660	884	902
Общая сумма денежных начетов	793 450	943 575	975 200	941 552

* Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 2. Д. 132. Л. 80; Д. 318. Л. 11; Оп. 2а. Д. 35. Л. 177; Д. 40. Л. 154.

Одним из основных направлений деятельности МГК была борьба с хищениями и растратами, незаконным расходованием бюджетных средств, грубейшими нарушениями государственной дисциплины, выражавшимися во всевозможных приписках, подлогах и т. д. Из анализа материалов МГК можно сделать вывод, что нарушение финансовой и государственной дисциплины было характерным явлением для изучаемого периода. В частности, в Кемеровском облисполкоме на бесплатное питание руководящих работников было израсходовано в 1945 г. 12 827 руб., в т. ч. на вино, водку и пиво – 6,6 тыс. руб.; в Астраханском облисполкоме в 1945 г. на организацию вечеров и банкетов – 96 тыс. руб., из них 29,3 тыс. – на алкогольные напитки, причем только за восемь месяцев 1946 г. – 74,7 тыс. руб.¹³ Высоким был процент привлеченных к дисциплинарной ответственности за плохое руководство, злоупотребления и др. нарушения. По данным МГК СССР, в 1948 г. из 2149 работников 638 чел. были привлечены за нарушение финансовой и штатной дисциплины, 408 – за отсутствие контроля и руководства, 372 чел. – за прочие злоупотребления¹⁴.

Как правило, проведение масштабных проверок государственных и хозяйственных органов по линии МГК инициировалось специаль-

¹³ ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 2. Д. 318. Л. 84.

¹⁴ Там же. Л. 4.

ными постановлениями ЦК партии и СМ СССР. Только за 1946 г. МГК СССР было произведено 1318 ревизий и проверок, проверено 4622 объекта, предоставлено докладов о результатах проверок и ревизий в правительство – 282, издано приказов – 2504¹⁵. Но такая активная деятельность госконтроля, позволявшая выявлять массовые экономические и должностные преступления и различные нарушения практически на всех уровнях власти, не могла не встретить серьезного сопротивления партийно-советской и управленческо-хозяйственной элиты, стремившейся защитить свои узкокорыстные корпоративные интересы.

В этом отношении показательна резонансная государственная комплексная ревизия финансово-хозяйственной деятельности Совета министров Азербайджанской ССР, проводившаяся МГК СССР весной – летом 1948 г. по поручению СМ СССР. Проверка показала впечатляющую картину массовых злоупотреблений руководителей всех уровней в Азербайджанской ССР (от незаконного самоснабжения, использования служебного положения, приписки, хищений, строительство дач и пр.). В связи с выявленными в ходе ревизии фактами, Л. З. Мехлис, руководивший госконтролем в это время и лично курировавший данное дело, подготовил доклад, датированный 8 сентября 1948 г., «О крупных злоупотреблениях заместителя председателя Совета министров Азербайджанской ССР» и внес на рассмотрение в ЦК партии и СМ СССР специальное предложение о привлечении республиканского руководства к ответственности за совершенные ими преступления¹⁶. Однако азербайджанская партийно-государственная номенклатура смогла «отстоять» свою позицию в Москве, и дело «замяли», обвинив госконтролеров и руководство МГК в попытке дискредитации республиканского партийно-советского руководства.

Впоследствии постановлением СМ СССР «Об уточнении прав Министерства государственного контроля и его представителей на местах» от 26 августа 1948 г. права министерства и госконтролеров существенно урезались. Теперь все результаты проверок должны были докладываться правительству, а отстранение от должности и привлечение виновных к судебной ответственности были возможны только с разрешения СМ СССР, запрещалось производить ревизии министерств, главных управлений комитетов при союзном и республиканских правительствах и пр.¹⁷ Следует согласиться с мнением Ю. В. Рубцова, что «тем самым делу надведомственного, осуществля-

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 2а. Д. 40. Л. 57–57 об.; Оп. 2. Д. 318. Л. 8, 52, 74.

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 370. Л. 308–364.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 212. Л. 5–8.

емого от лица государственной власти, контроля (при всех ее недостатках и слабостях) был нанесен заметный ущерб... Налицо был самый настоящий реванш элиты, в предшествующие годы ощутившей карающую руку госконтроля и теперь воспользовавшейся благоприятной возможностью, чтобы если не ликвидировать его окончательно, то сделать ручным, карманным»¹⁸.

По идее, функционирование двух конкурирующих структур (партийного и государственного контроля) должно было повысить эффективность системы внутрикорпоративного контроля в целом, тем более что последняя неуклонно трансформировалась в особый охранительный механизм, обеспечивавший интересы советского партийного государства. Об этом, в частности, свидетельствует перманентный рост числа наложенных взысканий, а также исключенных из партии, снятых с должностей номенклатурных работников и пр. Однако, как видно из приведенных данных, сложившаяся система «самоочищения» номенклатурных рядов не давала желаемого качественного эффекта, поскольку негативные явления коренились в самой бюрократизированной системе управления и принципах номенклатурного отбора. В то же время следует признать, что контроль над номенклатурой в форме внутрикорпоративного «правосудия» выступал сущностным элементом, инструментом обеспечения ее относительно устойчивого функционирования.

¹⁸ Рубцов Ю. В. Ревизия Мингосконтроля СССР 1948 года в Азербайджане: реванш правящей элиты // Отечественная история. 2002. № 2. С. 161.

III. ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ

В. В. Журавлев

СТАЛИН И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ 1951 г. В СССР (К ПРОБЛЕМЕ СТАЛИНСКОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ)

Экономическая дискуссия 1951 г., собравшая практически весь состав тогдашней советской научной мысли данной отрасли, явилась итогом теоретического осмысления практики строительства социализма в СССР в условиях авторитарно-бюрократической политической системы. Причем итог этот подводился с позиций не только аналитиков, но и непосредственных участников этого далеко не однозначного процесса. Проблематика, характер и направления споров советских ученых представляют сегодня несомненный научный интерес. В том числе в плане уяснения механизмов взаимодействия трех факторов: народнохозяйственной практики, науки и идеологии общества позднего сталинизма.

Дискуссии 1951 г. предшествовала долговременная – начавшаяся еще в 20-е годы – работа над учебником политической экономии, призванным разобраться с сущностью тех процессов, которые происходили в советском обществе, в сопоставлении / противопоставлении их с явлениями, четко обозначившимися в ходе становления и упрочения капиталистического способа производства.

В итоге учебник по политической экономии социализма создавался около 30 лет (если считать с момента первого переиздания после революции «Курса политической экономии» А. А. Богданова и И. И. Степанова до выхода в свет в 1954 г. «сталинского» учебника уже после кончины его инициатора)¹.

Работа эта проходила под пристальным (и пристрастным!) вниманием И. В. Сталина. Он не только неотрывно следил за ходом этого беспрецедентного дискуссионного марафона, но и направлял его, одновременно уясняя для себя лично суть данных проблем и формулируя собственные представления по существу тех вопросов, которые, в

¹ Павлов В. А. История российской политической экономии. М., 1995. С. 144.

конце концов, и были в 1952 г. положены им в основу труда «Экономические проблемы социализма в СССР».

За упомянутые три десятилетия советская экономическая мысль претерпела кардинальные сдвиги в понимании самого предмета политической экономии. И связано это было с тем, что большинством советского научного сообщества долгое время предмет политической экономии понимался, прежде всего, как изучение капиталистического способа производства.

Данный подход был закономерным: политическая экономия как наука сложилась в исторических условиях общества, где частнособственническое меновое хозяйство играет ведущую роль. Эта отрасль человеческого знания исследует объективные законы производства, обмена, распределения и потребления продуктов, присущие именно рыночному хозяйству. Из этого следовал, казалось бы, вполне логичный, но априорный, не вытекающий из анализа народнохозяйственной практики вывод о том, что «крестьянское натуральное и коммунистическое хозяйства являются организованными и управляются человеческой волей, в них не находится материала, который могла бы изучать политэкономия...»² Исходя из этого, на рубеже 1920–1930-х гг. в вузах читалась «теория советского хозяйства», которая была нацелена на анализ производственных отношений переходного периода в СССР³. Сущностные вопросы социалистической экономики ею не рассматривались.

В первое послереволюционное десятилетие большинство партийных идеологов, таких как Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский, Л. Н. Крицман, В. В. Оболенский (Н. Осинский), считали, что исчезновение рыночных отношений автоматически приводит к тому, что политической экономии – в ее традиционном виде – просто нечего изучать в целях уяснения происходивших в стране экономических процессов. Ибо данная наука нацелена на анализ стихийных экономических процессов капиталистического общества. В новом же социуме «на место закономерностей стихийной жизни станет закономерность сознательных действий коллектива»⁴. При этом *сущность* того или иного процесса и его выражение в виде *явления* совпадают, делая экономические отношения прозрачными, предсказуемыми и регулируемыми.

² Липидус И., Островитянов К. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.; Л., 1928. С. 9.

³ Гатовский Л. О предмете и методе теории советского хозяйства // Проблемы экономики. 1930. № 1. С. 80.

⁴ Бухарин И. Политическая экономия рантье. М., 1925. С. 47.

В 1929 г. Институт Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) опубликовал замечания В. И. Ленина на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». Против фразы «конец капиталистическо-товарного общества будет и концом политической экономии» стояла помета: «Неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы в отношении $I v+m$ к $II c?$ И накопление?» Рядом с утверждением Бухарина «политическая экономия изучает товарное производство» содержалась помета: «Не только!»⁵.

Озвучивание задним числом ленинской позиции заставило научное сообщество существенно скорректировать результаты дискуссии 20-х годов. Экономист Г. Дементьев выразил несогласие с общепринятой точкой зрения. Он утверждал, что расхождение *сущности* и *видимости* присуще не только при господстве рыночных отношений. Поэтому сама логика развития науки и жизни требует создания всеобщей политической экономии⁶. Статья, опубликованная в дискуссионном порядке, не повлияла, однако, на мнение большинства. Господствовать продолжала точка зрения, что при анализе экономики социализма в центре должно стоять изучение экономической политики пролетарского государства⁷. Поэтому в 1933/34 учебном году вводится курс «Экономическая политика СССР».

И только с 1936 г., с момента выхода постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке преподавания политической экономии»⁸, начинает формироваться «марксистско-ленинская политическая экономия» как учебная и научная дисциплина. Окончательно она оформилась лишь в начале 1950-х гг.

29 января 1941 г. с учеными-экономистами встретился И. В. Сталин. Он высказал свою точку зрения по ключевым вопросам политической экономии: о предмете политической экономии, о законе стоимости при социализме, планировании, заработной плате.

Сталин предложил определение политической экономии как науки о развитии общественно-производственных, т. е. экономических отношений людей. Предмет ее – законы, управляющие производством и распределением необходимых предметов потребления как личного, так и производственного значения⁹. Эта трактовка меняла

⁵ Ленинский сборник XI. 2-е изд. М.; Л., 1931. С. 349.

⁶ Дементьев Г. Всеобщая политическая экономия // Проблемы марксизма. 1931. № 2. С. 153–169.

⁷ Вознесенский Н. А. К вопросу об экономике социализма // Большевик. 1931. № 23–24. С. 38.

⁸ Проблемы экономики. 1936. № 6. С. 39–80.

⁹ См.: «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом»: Беседы И. В. Сталина с учеными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. / публ. В. Г. Бухерт // Исторический архив. 2012. № 5. С. 3–31.

подход к решению задачи, давала основания по-новому построить курс политической экономии социализма.

Ранее – в декабре 1929 г. – Сталин, выступая на конференции аграрников-марксистов, подвел итог дискуссий о роли и месте товарно-рыночных отношений при социализме. Он подчеркнул, что экономическая теория хромает, новая практика рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода, только в борьбе с мелкобуржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма и победить классового врага. Взгляды экономистов, сомневавшихся в целесообразности форсированной индустриализации и коллективизации, чреватой нарушением естественного хода экономических процессов, были отнесены к тем теориям, которые необходимо выкорчевать, чтобы не засорили головы практикам¹⁰. Восторжествовала точка зрения, согласно которой законы товарного производства при социализме уже не действуют, государство само устанавливает цены, закон стоимости преодолен.

Но, неожиданно для многих, на встрече с учеными-экономистами в 1941 г., где пристальному обсуждению был подвергнут очередной вариант учебника политической экономии, Сталин говорит о том, что «закон стоимости не преодолен еще. Неверно, что мы командуем ценами, хотим командовать, но не получается... Если нет стоимости, тогда нечем измерять доходы. Доходы трудом не измеряются. Когда станем распределять по потребностям, тогда другое дело, а сейчас закон стоимости не преодолен»¹¹. Но закон стоимости в СССР, добавлял он, приобрел другое содержание и другую форму. Необходимость, вытекающая из закона стоимости, используется при социализме сознательно. Поэтому базой формирования цены при социализме является сознательная политика государства.

Из подтекста сталинских рассуждений вытекало, что в основе планов в СССР должны лежать не экономические законы, а приоритеты внутренней и внешней политики. Планирующий центр обязан, с точки зрения Сталина, не устанавливать пропорции развития народного хозяйства, а исходить из поставленных перед ним задач. Прежде всего, обеспечить самостоятельность социалистического хозяйства от капиталистического окружения, затем закрепить безраздельное господство социалистической системы, и только в третью очередь – не допускать диспропорций.

Вместе с тем Сталин признал наличие прибавочного продукта в социалистическом обществе, товара в советском хозяйстве, необходимость сдельной системы оплаты для рабочих, премиальной системы

¹⁰ Правда. 29.12.1929.

¹¹ «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом». С. 7.

для руководящего состава и премий для крестьян, чтобы заинтересовать их в результатах своего труда и заставить повышать квалификацию. Причем материальной заинтересованности в результатах труда Сталин отводил роль рычагов, которые должны были привести к росту производства, подчеркивая при этом, что распределение по труду еще как следует не налажено. Так что товарно-рыночные отношения теперь уже не изгонялись из социалистической экономики полностью.

В контексте трагических судеб экономистов «старой школы» и «красных профессоров», участвовавших в дебатах по проблемам плана и рынка, резким диссонансом прозвучали слова Сталина: «Если хотите на все искать ответов у Маркса, пропадете. Вы имеете такую лабораторию, как СССР, который существует больше 20 лет, а думаете, что Маркс должен был знать больше вас о социализме. Не предусмотрел, видите ли, Маркс в “Критике Готской программы”! Надо самим головой работать, а не нанизывать цитаты. Новые факты есть, новая комбинация сил, извольте головой работать»¹².

Таким образом, наметился отход от общепризнанной точки зрения на действие экономических законов при социализме. Замечания, высказанные Сталиным на встрече с учеными-экономистами, расширили рамки, в которых становилось возможным формирование политической экономии социализма.

О том, какое значение придавал Сталин этой работе, свидетельствует тот факт, что он нашел возможным и необходимым собрать экономистов даже в суровом 1942 г., продолжив подобного рода встречи уже в послевоенные годы. Все это мостило дорогу к экономической дискуссии 1951 г. Прологом к данному широкомасштабному мероприятию стала череда встреч Сталина с авторским коллективом учебника 22 февраля, 24 апреля и 30 мая 1950 г.

К беседе, которая состоялась 30 мая, Сталин попросил представить ему все главы учебника сразу, чтобы у него сложилась общая картина. Выразив свое раздражение по поводу непоследовательного использования исторического метода, «базарно-популярного» тона повествования, не всегда корректного использования исторических фактов, он подытожил: «К написанию главы о феодализме халтурно отнеслись. Привыкли так лекции читать, тяп-ляп. Там вас слушают, но никто не критикует»¹³. Подчеркнув, что к учебнику необходимо отнестись очень серьезно, т. к. он должен быть «образцом для всех» и изучать его будут во всех странах, Сталин высказал свое мнение о

¹² «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом». С. 10.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 41. Л. 15; см. также: «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом». С. 20.

том, что срок работы над учебником необходимо продлить. По крайней мере на весь год, а если потребуется, то и дольше.

3 июля срочно переделанный в русле сталинской критики проект учебника был опять разослан для отзывов историкам, экономистам, обществоведам.

10 ноября 1951 г. в клубе ЦК ВКП(б) состоялось первое заседание совещания, посвященного обсуждению проекта учебника политической экономии. На него были приглашены ведущие ученые, преподаватели политической экономии, истории, философии, экономисты-практики. В работе совещания приняли участие 263 человека, было проведено 21 пленарное заседание, на которых выступили 119 специалистов. Заседания проводились ежедневно, с 11 часов утра до 18 часов вечера, с перерывом на обед с 14 до 15 часов. На время совещания, участников освободили от текущей работы, приходившейся на часы заседаний. Кроме того, участники совещания продолжили свою работу в трех секциях по разделам учебника¹⁴. Секция «Докапиталистические способы производства» насчитывала 23 участника, «Капиталистический способ производства» – 59, «Социалистический способ производства» – 127 человек.

Направление и тон обсуждения были заданы выступлением Г. М. Маленкова, заявившего, что дискуссия должна быть полной и свободной¹⁵.

Непосредственно в дискуссии Сталин участия не принимал, но пристально следил за ее ходом. Семь дел, хранящихся в РГАСПИ, составляют сокращенные записи выступлений участников дискуссии, которые тщательно, с карандашом в руках, им были проанализированы.

В ходе подготовки сборника документов, посвященных сталинскому экономическому наследию, автором данного доклада совместно с кандидатом исторических наук, ведущим специалистом РГАСПИ Любовью Николаевной Лазаревой были предварительно опубликованы¹⁶ два обобщающих документа дискуссии – «Предложения по улучшению проекта учебника политической экономии»¹⁷ и «Справка о спорных вопросах, выявившихся в ходе дискуссии»¹⁸.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 45. Л. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Журавлев В. В., Лазарева Л. Н. «Нельзя “преобразовывать” законы». Экономическая дискуссия 1951 г. в оценке Сталина // Исторический архив. 2013. № 2. С. 45–77; № 3. С. 4–20; Журавлев В., Лазарева Л. «...Нужно поднять уровень экономических знаний». Сталинская метода создания учебника политической экономии // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1248. Л. 34–42 об.

¹⁸ Там же. Л. 56–60 об.

В первую очередь это было вызвано тем, что два этих документа, готовившиеся в основном для Сталина, содержат наибольшее количество его помет. Анализ этих помет на полях документов дает возможность отследить «процесс селекции» точек зрения советских ученых, проведенный Сталиным. Того самого отбора, отделения «зерен от плевел», результаты которого послужили основой для выработки рамок официальной научной концепции развития социализма.

«Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года», были разосланы участникам совещания в начале февраля 1952 г. В октябре того же года вышла работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», окончательно резюмирующая прошедшую дискуссию. В историографии она получила оценку, как его «политическое завещание». Фактически, подводя итоги почти 30-летнего руководства страной, он сформулировал свое видение основных экономических законов капитализма и социализма, выделил условия, необходимые для перехода к высшей фазе коммунизма.

Из сталинских помет видно, как подводились итоги дискуссий, начавшихся еще в 1920–1930-е гг., по концептуальным вопросам советской экономики¹⁹. Какое сочетание плана и рынка возможно при социализме? Как именно должен осуществляться план: ломкой рыночных отношений и сложившихся пропорций или регулированием, но не игнорированием объективных процессов? Противостоит ли общественное хозяйство товарному? Действует ли закон стоимости при социализме? Меняется ли при социализме сущность таких ка-

¹⁹ К. Маркс писал о том, что производитель будет получать от общества квитанцию, подтверждающую его количество труда, и по таким квитанциям будут распределяться предметы потребления (Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 19). После отказа от политики «военного коммунизма» советские экономисты столкнулись с важнейшими теоретическими вопросами. Что должно быть положено в основу планирования? План должен противостоять закону стоимости и рынку, опираясь на закон первоначального социалистического накопления? (Преображенский Е. Закон ценности в советском хозяйстве // Вестник Комкадемии. 1926. № 15. С. 159–169), или учитывать объективные экономические процессы? (Бухарин Н. Заметки экономиста. М., 1928). А. Ю. Айхенвальд, А. С. Мендельсон, Л. Н. Юровский допускали возможность взаимопроникновения плана и рынка. Предметом дискуссии была и другая проблема: какими методами нужно осуществлять планирование? «Телеологическое» направление предлагало построение плана, отталкиваясь от стоящих перед обществом целей, план – «отрезок партийной программы» (С. Г. Струмилин). Сторонники «генетического» направления (Н. Д. Кондратьев, В. Г. Громан) представляли план, как видение контуров будущего из прошлого и доказывали, что построение плана должно согласовываться с реальными возможностями экономического развития страны.

тегорий, как товар, цена, прибыль, деньги?»²⁰ В документе отражены и взгляды большинства ученого сообщества на теоретические вопросы политэкономии. Звучит предложение осветить в учебнике роль социалистического государства в экономической политике, которая «проистекает из самого характера социалистического способа производства, подчеркнуть, что экономические законы реализуются не стихийно, а лишь посредством созидательной деятельности трудящихся масс, планомерно организуемой и направляемой партией и социалистическим государством»²¹. Сталин занимает позицию, высказанную им на полях: «Противопоставление стихийного и объективного?»²²

По поводу экономических законов социализма ученое сообщество высказывает следующее мнение: «Необходимо обосновать, что экономические законы социализма, выражая объективную необходимость, потребности развития материальной жизни общества, внутренние присущи социалистическому способу производства, и что в отличие от экономических законов капитализма, они действуют не как стихийная сила, а как познанная необходимость»²³. На что Сталин оставляет замечание на поле: «Познанная необходимость – этого мало для социалистического народного хозяйства: осознать необходимость законов еще не значит ограничить их. Нужно сказать, что, например, закон стоимости, о деньгах и т. д. ограничивается при социализме, поскольку анархия производства заменена планированием»²⁴. В «Замечаниях по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года», данной проблеме отведена уже целая глава, в которой закон планомерного развития Сталин отнес к обеспечению пропорциональности народного хозяйства. В таком виде он и вошел в учебник.

В среде советских политэкономов не была проведена четко граница между экономическими законами и юридическими, зачастую шла подмена понятий. Например, указывается на то, что необходимо

²⁰ В 1920–1930-е гг. проходили дискуссии и по проблемам товарного производства и закона стоимости. Е. А. Преображенский считал, что товарному производству и закону стоимости нет места в социалистической экономике. Цена при социализме – это «титул на получение из котла общегосударственного хозяйства определенной суммы средств на дальнейшее производство и на определенный уровень расширенного производства» (Преображенский Е. Закон ценности в советском хозяйстве // Вестник Ком. академии. 1926. № 15. С. 159–169). Другие (Т. Д. Берин, А. А. Богданов и др.) данную точку зрения не поддерживали. Хотя уже в начале 1930-х гг. их взгляды были отнесены к «антисоветским», тем не менее отголосок данных споров виден и в дискуссии 1951 г.

²¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Л. 39.

²² Там же.

²³ Там же. Д. 1248. Л. 38 об.

²⁴ Там же.

в учебнике «осветить сущность социалистического планирования как экономического закона, всесторонне изложить методы планирования производства и распределения. Дать характеристику балансового метода планирования, осветив основные балансовые связи в народном хозяйстве (материальные балансы, баланс рабочей силы, финансовый план)»²⁵. Рядом на поле сталинская помета: «Метода (правила) руководства нар[одным] хозяйством? Плановое ведение нар[одного] хозяйства противопоставить анархии производства при капитализме»²⁶. Сталин разграничивает планирование как способ ведения хозяйства от планомерности, как экономического закона социализма. Практика хозяйствования выносится им за рамки учебника.

В ответ на то, что учебник не дает научного экономического обоснования империализма как кануна социалистической революции и не вооружает читателя знанием коренных черт и особенностей общего кризиса капитализма, т. к. «изложение ленинско-сталинской теории империализма дается в отрыве от теории социалистической революции и практики революционной борьбы пролетариата»²⁷, Сталин пишет: «Политическая экономия не история революции. Это все политические темы, а нам нужны экономические причины краха капитализма»²⁸.

Напротив предложения включить в учебник главу «Создание В. И. Лениным и И. В. Сталиным политической экономии социализма», на полях комментарий: «Это что? Исключить, как особую главу»²⁹.

Главы учебника, изначально отредактированные Сталиным, получили меньше замечаний во время дискуссии. Основные споры на дискуссии разгорелись вокруг политической экономии социализма. Из 18 листов, составляющих текст «Предложений по улучшению проекта учебника политической экономии», 8 касаются раздела «Социалистический способ производства», а также 4,5 листа в «Справке о спорных вопросах, выявившихся в ходе дискуссии по проекту учебника политической экономии».

«Справка о спорных вопросах...» предоставляет редкую возможность ознакомиться не только с позицией большинства участников обсуждения, но и с существом выявившихся дискуссионных проблем. Споры среди участников совещания вызвали такие вопросы: о характере экономических законов социализма, о товаре и законе сто-

²⁵ РГАСНИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1248. Л. 39 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 36 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 42 об.

имости в социалистическом обществе, об общественно-необходимом времени при социализме, о принципах установления цен на товары в СССР, о необходимом и прибавочном труде при социализме, о советских деньгах и их связи с золотом, о капиталистическом воспроизводстве в период общего кризиса капитализма, о возможности и неизбежности внутриимпериалистических войн в современный период, об источнике дифференциальной ренты, об основах феодального общества и о «внеэкономическом принуждении», о месте главы «Капиталы и прибавочная стоимость», о схеме раздела учебника «Социалистический способ производства». В то же время «Справка...» не освещает все проблемы, затронутые в дискуссии. Например, вопрос об основном законе социализма, вызвавший острую полемику и подробно рассмотренный в «Экономических проблемах социализма в СССР».

Пометы Сталина в «Справке...» гораздо более сжаты по сравнению с «Предложениями...». Только по разделам «О капиталистическом воспроизводстве в период общего кризиса капитализма» и «О возможности и неизбежности внутриимпериалистических войн в современный период» исписаны и верхнее и нижнее поля, оставлен развернутый комментарий, в котором Сталин доказывает, что тезисы Ленина по данным вопросам не являются устаревшими.

Характер и стиль сталинских помет на обоих документах достаточно красноречивы. На полях часто встречаются такие замечания: «Глупость», «Чепуха», «Чудаки», «Не то», а также присутствует позитивная реакция: «Так», реже «Именно», «Правильно».

Материалы, отобранные для публикации, так же как и другие документы дискуссии, дают возможность увидеть становление политической экономии социализма с точки зрения современников, в историческом контексте того времени, а не исходя из политических оценок сегодняшнего дня. Пометы на полях «Предложений по улучшению проекта учебника политической экономии» и «Справки о спорных вопросах, выявившихся в ходе дискуссии» позволяют сделать вывод о непререкаемом авторитете Сталина, наглядно иллюстрируют его видение проблем политической экономии социализма и оказанное им влияние на становление ее концепции.

Весь корпус документов экономической дискуссии 1951 г., направленных ее фактическому инициатору, хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории, в фонде И. В. Сталина. Воспроизводятся с сохранением их стилистических и терминологических особенностей. Сталинские подчеркивания в тексте выделены полужирным шрифтом. Пометы в тексте и на полях приведены в постраничных примечаниях. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Итогом сталинского анализа стали «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года»³⁰, вышедшие 1 февраля 1952 г. В этой работе Сталин сформулировал свое видение основных экономических законов капитализма и социализма, выделил условия, необходимые для перехода к высшей фазе коммунизма и фактически сформулировал основные положения политической экономии социализма.

15 февраля в Кремле состоялось совещание, на котором присутствовали члены Политбюро, авторы учебника и видные экономисты. На доработку учебника был дан еще один год. Авторы снова отправились в «изгнание», поселившись в доме отдыха ЦК партии «Нагорное» в Подмоскowie. Опять железный распорядок и рабочий день, длящийся не менее 10 часов³¹.

По мере выхода работ «Письмо Сталина А. И. Ноткину»³², позже «Об ошибках т. Ярошенко Л. Д.»³³ и «Ответ т. Саниной А. В. и Венжеру В. Г.»³⁴, они доставлялись авторскому коллективу и учитывались при внесении правок в макет учебника.

Учебник политической экономии вышел уже после смерти Сталина – в августе 1954 г. Окончательную редакцию учебника провели Островитянов К. В., Шепилов Д. Т., Леонтьев Л. А., Лаптев И. Д., Кузьминов И. И., Гатовский Л. М. На его создание ушло 18 лет, если считать с момента выхода Постановления ЦК ВКП(б) 1936 г.

В современной историографии учебник принято оценивать как каноническую версию марксизма в сталинской интерпретации. Как известно, каноны приводят к единообразию и сдерживают развитие творчества. Впрочем, дальнейшая история экономической науки в нашей стране зависела далеко не только от учебника.

Таким образом, долговременный процесс подготовки учебника по политической экономии, со всеми его очевидными минусами, но и явными плюсами, послужил беспрецедентным полигоном для выработки основ теории социалистической экономики в противостоянии ее с рыночной капиталистической экономикой. Беспрецедентность этой работы заключалась в том, что учебник писался не по готовым

³⁰ Сталин И. В. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. М., 1952 г. // Он же. Соч. М., 1997. Т. 16. С. 154–186.

³¹ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 217–218.

³² Письмо Сталина А. И. Ноткину. Сталин И. В. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. М., 1952 г. // Он же. Соч. М., 1997. Т. 16. С. 187–194.

³³ Об ошибках т. Ярошенко Л. Д. Сталин И. В. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. М., 1952 г. С. 195–215.

³⁴ Ответ т. Саниной А. В. и Венжеру В. Г. Сталин И. В. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. М., 1952 г. С. 215–223.

лекалам уже разработанной теории, а в драматической обстановке ее рождения на базе анализа просчетов и достижений экономической политики переходного периода в СССР: от военного коммунизма и нэпа до индустриализации и коллективизации.

Главным итогом этого неоднозначного процесса можно признать прорыв в понимании природы экономических законов социализма в том их виде, в каком они, во-первых, нашли свое реальное проявление в специфических условиях изолированного от остального мира советского общества и, во-вторых, свое осмысление на уровне политического руководства и научного сообщества страны. После долгих сомнений и колебаний права гражданства получила концепция, согласно которой экономические законы социализма также носят объективный характер. Их нельзя «создавать» и «преобразовывать» усилиями и волей государства. Но их необходимо познавать и стремиться использовать при достижении конкретных народнохозяйственных целей.

Прозрение это, однако, не избавило советскую экономику в последующем от хрущевского волюнтаризма. Но вместе с тем подспудно подготовило почву для «косыгинской» экономической реформы 1965 г. Конечную незавершенность этой реформы вряд ли стоит относить к просчетам теории. Она стала результатом недальновидной политической воли уже брежневского руководства, которое остереглось – по целому ряду, прежде всего политических соображений – приблизиться к грани, отделяющей советскую плановую экономику от экономики рыночной. Внутренняя убежденность Л. И. Брежнева и его команды, что можно обойтись и без этого, свидетельствовала о том, что экономический волюнтаризм, казалось бы, преодоленный в теории, так и не был искоренен на практике. Экономика во многом, как и прежде, оставалась заложницей политики.

И это «прежде» правомерно будет не только отнести к эпохе после Октября 1917 г., но и распространить на длительную историческую дистанцию, начиная, быть может, с петровских преобразований. «Ручное управление» экономическими процессами со стороны государства стало для России обоюдоострым, но незаменимым спутником в силу выпавшей на ее долю исторической судьбы страны догоняющего типа развития.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА И СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ

Идеологические кампании – традиционный способ мобилизации в сталинскую эпоху. В последнее время заметна интенсификация изучения влияния идеологических кампаний (в первую очередь к ним относятся такие, как борьба с преклонением перед «иностранными», борьба с буржуазным объективизмом, борьба с космополитизмом и ряд других) последнего сталинского десятилетия на различные отрасли духовной жизни советского общества, включая науку¹.

В методологическом плане важной представляется статья А. Б. Кожевникова, в которой он приходит к следующему выводу: «Ученые ответили на такое “приглашение” власти многообразием конфликтов, преследуя разнообразные собственные цели, изобретательно комбинируя наличные культурные и риторические ресурсы, вступая в диалог с политиками на их языке и апеллируя к ним как арбитрам. При этом правила публичного поведения и языкового дискурса были в определенной степени заданными, но сохраняли достаточное пространство для импровизации, что приводило к тому, что исход разыгрываемого “поединка” был непредсказуем, а события становились совершенно непохожими друг на друга»². Такой подход полностью оправдал себя. Внимание к специфическим условиям, сложившимся в рамках различных дисциплинарных сообществ, позволило понять причины, динамику и особенности прохождения идеологических кампаний в советской науке и культуре. Справедливо это и в отношении советских историков.

Изучение влияния идеологических кампаний на советскую историческую науку позволяет проверить известную концепцию «научного поля» П. Бурдьё, где поле – система из отдельных личностей,

¹ Напр.: Сонин А. С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011; Дружинин П. А. Идеология и филология: Ленинград, 1940-е годы. Т. 1–2. М., 2012; и др.

² Кожевников А. В. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии: 1947–1952 гг. // Вестник истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 29–30.

научных школ, институтов, которая развивается по специфическим законам власти и подчинения, а внутрикорпоративные конфликты являются обязательным элементом развития науки. Деятельность ученых в данной концепции описывается по аналогии с поведением участников рыночных отношений, борющихся за капитал. Только в среде ученых борьба идет за символический капитал (авторитет, административные посты и т. д.), позволяющий вербовать сторонников (учеников) и навязывать научному сообществу свое мнение³. В данном случае необходимо подчеркнуть, что в целом модель Бурдые применима и к советской реальности, но с учетом значительных отличий.

В СССР середины XX в. ведущие ученые воплощали компромисс между властью и учеными. Сформировалась система (правда, ее зачатки можно обнаружить еще в дореволюционное время), в которой в каждом направлении исследований существовал один лидер. В исторической науке было несколько центров притяжения: Б. Д. Греков, И. И. Минц, В. В. Струве и др. Фактически это являлось проекцией однопартийной советской политической системы. Лидеры выполняли ряд важнейших функций. Во-первых, контролирующую, поскольку их задачей было следить за состоянием вверенного им участка «исторического фронта». Во-вторых, они оказывались связующим звеном между партийными органами и сообществом ученых.

Важную роль в этих условиях играла система патронирования крупнейших историков влиятельными партфункционерами. Крупные историки нередко обращались к ним за помощью в критических ситуациях. Это позволяло не только усилить свои позиции в годы идеологических кампаний, но и нередко смягчить последствия погромов для возглавляемых ими учреждений⁴.

Специфика советской системы заключалась в том, что конкурентная борьба между учеными проходила в рамках официально навязываемой марксистской парадигмы (впрочем, ее расплывчатость оставляла определенный методологический маневр) и при активном участии контролирующих органов. В этих условиях всегда существовал соблазн, а часто и единственная возможность потеснить конкурента при помощи апелляции к властям. Черда непрекращающихся идеологических кампаний создала питательную среду для подобного рода маневров. Наиболее ярким примером является настоящий поход, который устроил А. Л. Сидоров во время кампании по борьбе с

³ Бурдые П. Поле науки // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологов Российской академии наук. М.; СПб., 2002. С. 107–140.

⁴ Подробнее см.: Тихонов В. В. Историки и советская власть в 1920–1940-е гг.: патроны и клиенты // Вестник РГГУ. Серия История России. 2014. № 19. С. 193–204.

космополитизмом (1949) против академика И. И. Минца, занимавшего ключевые позиции в изучении истории советского общества⁵.

Динамика и острота проработочных кампаний во многом определялась и конфликтогенностью среды историков. Сообщество пониживало многочисленные конфликты. Кратко их охарактеризуем. В первую очередь следует указать на негласное противостояние партийных и беспартийных. Протоколы партийной ячейки Института истории наглядно показывают, что местные коммунисты претендовали на ведущие позиции в жизни института. К этому подталкивал и их статус авангарда советской власти в академическом учреждении. Вступление в партию давало немалые социальные преференции, но одновременно накладывало массу обязательств. Например, партийный историк не мог дистанцироваться от идеологических проработок, поскольку борьба за идеологическую чистоту входила в круг его обязанностей. Партийные являлись проводниками культуры партийности в академическую среду. Зачастую они сталкивались с ее естественным сопротивлением, когда партийные нормы противоречили академическим традициям.

Приведу один пример. В 1946 г. были намечены выборы в Академию наук. Институт истории, как ведущий научно-исследовательский центр, также выдвинул своих сотрудников. На общем собрании Ученого совета, который имел полномочия выдвижения, особенно деятельными оказались беспартийные Н. В. Устюгов и С. В. Богоявленский. Именно они, по уверениям членов партбюро, оказались наиболее активны на выборах, развернув агитацию за «своих» кандидатов. Коммунисты начисто им проиграли. Более того, продвигавшиеся от партбюро кандидаты были провалены советом, поскольку почти не имели печатных трудов. Конечно, наличие печатных трудов с партийной точки зрения было не так уж и важно, в то время как академическая традиция предполагала, что в академики и члены-корреспонденты выдвигают не за партийные заслуги и общественную нагрузку, а за реальные научные достижения. А. М. Панкратова посетовала: «Нельзя было выдвигать таких товарищей, которые не имеют печатных трудов»⁶.

Совершенно естественно для научной среды, что причинами конфликтов были и научные разногласия. Классическим примером яв-

⁵ Подробнее см.: Тихонов В. В. «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И. И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // NB: Исторические исследования. Электронный журнал. 2013 № 2. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_701.html

⁶ Центральный архив города Москвы (Центральный архив общественно-политической истории Москвы). Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 66.

ляется противостояние сторонников концепции рабовладельческого характера социально-экономических отношений в Киевской Руси и Б. Д. Грековым. Оппозиция академику сформировалась в среде историков-юристов, бывших менее зависимыми от влиятельного директора Института истории АН СССР. В нее входили Серафим Владимирович Юшков (1888–1952), Борис Иванович Сыромятников (1874–1947) и Серафим Александрович Покровский (1905–?), последние двое работали в Институте государства и права АН СССР. Чувствовать себя в полной безопасности им позволяло то, что институт возглавлял А. Я. Вышинский, который, очевидно, мог защитить их от влиятельного противника⁷.

В археологической науке конфликт сфокусировался в противостояние между ленинградскими и московскими археологами. Во многом это было формой, в которую была облачена борьба за лидерство. На роль безоговорочного лидера рвался ленинградский археолог В. И. Равдоникас⁸. Для этого он обладал всеми задатками: имел академический статус, был автором пособия для вузов «Истории первобытного общества» (Л., 1947). Был он известен и за рубежом. Воспользовавшись заявлением Лысенко о существовании в науке двух школ – реакционной и прогрессивной, Равдоникас попытался доказать, что в археологии существует две школы: прогрессивная ленинградская и старомодная, реакционная московская. В ноябре 1948 г., когда проходила борьба с «буржуазным объективизмом», он выступил на Ученом совете Института истории материальной культуры⁹. Его выступление встретило довольно единодушный отпор со стороны московских археологов, что не позволило организовать полноценный погром в археологической науке. В следующем году, когда началась борьба с «безродным космополитизмом», а затем и разгром марризма, Равдоникас сам оказался под ударом¹⁰.

Особую роль катализатора идеологических кампаний играли личностные конфликты. В определенной степени личностной неприязнью было вызвано противостояние между И. И. Минцем и А. Л. Сидоровым. Последний не мог простить, что Минц не явился на слушание его персонального дела в Центральном комитете комсо-

⁷ На это намекала еще Н. А. Горская: Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 122.

⁸ О нем: Формозов А. А. К столетнему юбилею В. И. Равдоникаса // Российская археология. 1996. № 3. С. 197–201.

⁹ Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1909. Оп. 1. Д. 77.

¹⁰ Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. URL: <http://polit.ru/article/2009/08/26/alymov/> (дата обращения: 14.01.2015).

мола и не дал оправдывающих показаний. Тогда Сидорову грозило исключение из партии, а учитывая, что это был 1936 г., и реальная опасность для жизни¹¹.

Иногда конфликты приобретали и специфические, присущие конкретному учреждению черты. В Московском историко-архивном институте с конца 1930-х гг. сложилась особая форма противостояния между «архивистами», т. е. теми, кто считал, что в институте бесспорный приоритет должен отдаваться архивоведческим дисциплинам и утилитарной подготовке работников архивной сферы, и «историками», считавшими, что студенты должны получать не только прикладное знание, но и широкую общегуманитарную, естественно в первую очередь историческую, подготовку¹². Спор шел за часы, влияние на жизнь института, в конце концов, за влияние на студентов.

«Архивисты» были представлены В. В. Максаковым, И. Л. Маяковским, Г. Д. Костомаровым и М. Г. Митяевым. В «историки» попадали А. И. Андреев, Л. В. Черепнин, А. П. Новосельский и многие другие. Особенно конфликт усилился в военные годы, когда институт возглавлял П. Б. Жибарев¹³. Его заместителем по научной и учебной работе стал профессор А. И. Гуковский. «Архивисты» его неоднократно обвиняли в пренебрежительном отношении к их дисциплинам. Причем партийное бюро института взяло сторону архивистов, оказавшись в оппозиции к директору.

Конфликты оказались питательной средой. Идеологические кампании приобретали динамику и разрушительную силу, в том числе и из-за того, что слишком многие в научно-исторической среде стремились использовать их для своих целей. Важно отметить, что иногда корпорация выступала более или менее монолитно, если уровень конфликтов внутри нее был не высок. Тогда организаторы сталкивались с серьезными проблемами, а идеологические импульсы, призванные разжечь охоту на врагов, просто гасились. Примером такой ситуации может служить собрание, посвященное борьбе с космополитами в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ). На фоне аналогичного заседания в головном, московском Институте истории, где сотрудники с упоением «топили» друг друга, выискивая все новых обвиняемых, здесь все прошло гораздо спокойнее. Это выражалось в том, что собрание критиковало только тех

¹¹ Сидоров А. Л. Институт красной профессуры // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 398.

¹² Леушин М. А. Документы ВКП(б) (КПСС) как источник по истории исторической науки в СССР: 1945–1955 гг. Рукопись дис. ... к. и. н. М., 2000. С. 269, 275.

¹³ Хорхордина Т. А. Гуманитарный университет в Москве. История идеи. М., 2012. С. 60–61.

историков, которые уже были отмечены в печати. В ЛОИИ к ним относились С. Я. Лурье, О. В. Вайнштейн, Б. А. Романов, А. В. Предтеченский и С. Н. Валк и обвинялись они только в объективистских ошибках, что в условиях антикосмополитической кампании казалось не таким уж большим грехом. Новых обвиняемых никто искать не собирался¹⁴.

Специфическую роль в идеологических кампаниях сыграли персонажи, которых можно условно обозначить «маленькие люди». «Маленький человек» – фигура в сталинской политической культуре чрезвычайно важная, а главное – эффектная и эффективная¹⁵. Сигналы «маленьких людей», привычные для номенклатурных будней, стали элементом и академической жизни и борьбы. В науке к этому социальному феномену можно причислить младших научных сотрудников, выискивающих ошибки в работе своих начальников, студентов-активистов, искавших крамолу в лекциях и сочинениях профессорско-преподавательского состава, провинциальных преподавателей вузов, а также любителей-историков, которые разоблачали профессионалов. Они противопоставлялись авторитетным ученым, представителям столичной интеллектуальной элиты, обросших званиями, материальными благами, и, как следствие, потерявших бдительность и запутавшихся в паутине личных пристрастий.

К типу «маленьких людей» можно смело причислить и Ивана Ивановича Мордвишина (1910–1985?) из Иваново. Широкой научно-исторической общественности его имя стало известным в связи с разгромом книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941). Сама история обсуждения уже неоднократно освещалась в исследованиях¹⁶, поэтому останавливаться на ней нет нужды. Напомним, что книга Рубинштейна подвергалась критике еще в военное время на совещании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. Но настоящие проработки начались после публикации отчета в журнале «Вопросы

¹⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 211–212.

¹⁵ Подробнее см.: Лейбович О. Л. Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: Материалы международной научной конференции, Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 161–176; Сахаров А. Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории // Сахаров А. Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 843–848; Тихонов В. В. Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: Историографический вестник. 2011–2012. М., 2013. С. 108–124.

¹⁶ Напр.: Шахаиов А. Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки. Историографический вестник. М., 2005.

истории» об обсуждении книги на кафедре истории СССР провинциального Ивановского педагогического института.

Несмотря на противодействие многих членов редколлегии, как об этом говорит М. Н. Тихомиров в своем дневнике¹⁷, отчет о заседаниях был оперативно опубликован в первом номере. Как следует из публикации, кафедра провела два открытых заседания, на которых главным оратором выступил именно доцент И. И. Мордвишин, он же и написал отчет для журнала «Вопросы истории». В своих выступлениях Мордвишин утверждал, что Рубинштейн «допускает ошибку, когда рассматривает марксизм как продолжение буржуазной науки». Более того, «он почти о каждом из дворянских и буржуазных историков находит случай сказать доброе слово». Естественно, была найдена и антипатриотическая составляющая: «Проф. Рубинштейн исходил из неверного тезиса, что русская историческая наука якобы почти всегда до новейшего времени отставала от западноевропейской». Вывод заседавших: «Книга нуждается в серьезной переработке»¹⁸. В конце этой небольшой публикации находим дополнение от редакции, что историки всей страны приглашаются к обсуждению книги Рубинштейна. Именно после этой заметки вяло текущая полемика быстро набрала обороты.

Почему же именно обсуждение в провинциальном педагогическом институте сыграло ключевую роль в разгроме «Русской историографии»? Причин тому несколько. Во-первых, идеологами всячески подчеркивался прикладной характер даже гуманитарных наук. Поэтому учебникам придавалось особое значение. Они должны были ориентировать многочисленную армию провинциальных преподавателей на правильное обучение студентов, которые в свою очередь должны были заполнить школы по всей стране. Если же эти самые провинциальные преподаватели сигнализируют о «прорывах исторического фронта» – то это свидетельствует о вопиющем положении дел. Во-вторых, выступление провинциальных историков против известного столичного профессора – пример демократии в науке, зримое проявление критики и самокритики, коллективной ответственности советских историков за состояние своего «фронта». В-третьих, работники Ивановского педагогического института выступили в роли своеобразного третейского судьи. Критические рецензии, поступавшие на книгу от известных московских и ленинградских специалистов, могли показаться кому-то сведением счетов, а не ангажированные провинциальные историки, не впутанные в академические

¹⁷ АРАН. Ф. 693 (М. Н. Тихомиров). Оп. 6. Ед. хр. 2. Л. 4.

¹⁸ Мордвишин И. Обсуждение книги проф. Н. Л. Рубинштейна // Вопросы истории. 1948. № 1. С. 154.

игры, служили примером честного отношения к делу. Короче, целая кафедра во главе с доцентом Мордвишиным сыграла роль «маленького человека».

Лидер «ивановских погромщиков» Мордвишин после этого заслужил особую честь и был приглашен в Москву на обсуждение книги Рубинштейна, которое прошло в Министерстве образования СССР с 15 по 20 марта 1948 г. Но поездка в Москву так и не стала карьерным трамплином. Мордвишин вернулся в Иваново, где продолжил преподавание в местном пединституте. По воспоминаниям ивановского историка И. Я. Биска, еще в 1970-х гг. «Мордвишин похвастался тем, что в свое время его приглашали аж в Москву громить космополитов; в словах Мордвишина не было ни антисемитизма, ни покаяния, а одно лишь тщеславие»¹⁹. Очевидно, что вояж в Москву, где его внимательно слушали местные знаменитости, стал самым ярким эпизодом в «научной» карьере «маленького человека» Мордвишина.

Напоследок стоит хотя бы бегло очертить последствия идеологических кампаний для научного сообщества историков. Безусловно, они оказали негативное деформирующее воздействие. В проработочные мероприятия оказались вовлечены все профессиональные историки. Одни оказались гонителями, другие – жертвами. Иногда роли менялись. Это нанесло глубокую травму социальной памяти корпорации. А. Я. Гуревич, размышляя над историей советской медиевистики, метафорично назвал эти события «грехопадением»²⁰. Отголосками этой травмы стали мемуарные войны начала XXI в. среди историков-медиевистов. Стоит обратить внимание на разрыв коммуникативных связей даже между некоторыми учителями и учениками. Например, М. Н. Тихомиров даже спустя много лет не сумел простить своего ученика А. М. Сахарова за то, что тот критиковал его в ходе антикосмополитической кампании²¹. А. И. Неусыхин не смог вынести «предательства» своего ученика В. В. Дорошенко, который выступил против своего учителя²².

Но были и другие последствия. Так, благодаря тому, что кампании показали важную роль историографических исследований в контроле за исторической наукой и идеологической борьбе с буржуазной наукой, были брошены серьезные ресурсы на развитие историогра-

¹⁹ Бельшева И. С., Биск И. Я. Преследование и гибель историка Н. И. Разумовской. 1949 г. // Археографический ежегодник за 2005. М., 2007. С. 478.

²⁰ Гуревич А. Я. Грехопадение московских медиевистов: Дискуссия 1949 г. и ее последствия // Одиссей. 2007. М., 2007.

²¹ Шмидт С. О. Самый талаитливый с иашего курса // Мир Александра Каждаиа. К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 38.

²² Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 37–39.

фии как особого направления исследований. Спустя некоторое время это станет предпосылкой для расцвета историографических исследований в СССР. Самое серьезное внимание было уделено и развитию изучения истории советского общества. Для этого была создана необходимая инфраструктура и брошены серьезные ресурсы.

Было и еще одно, возможно главное, последствие. Дело в том, что многие жертвы или свидетели (например, Е. Н. Городецкий, А. М. Некрич, А. Я. Гуревич и др.) послевоенных идеологических погромов, подвергшиеся проработкам, превращались не в деморализованных жертв, а начинали, исходя из полученного опыта, по-новому оценивать окружающую реальность. Многие именно после проработок разочаровались если не в советском строе, то, во всяком случае, в сталинском режиме. Во время послевоенных кампаний советская система отчетливо показала, что для нее нет неприкосновенных, а старые заслуги не учитываются. Абсурдность обвинений по отношению к абсолютно лояльным к режиму ученым шокировала. Естественно, что прошедшие события заронили в души этих людей не только страх, но и желание изменить эту систему, сделать ее более предсказуемой и безопасной. Именно они станут опорой последовавшей относительной либерализации строя после смерти Сталина.

А. А. Чубур

ДЕРЖАВНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭТАП В ИДЕОЛОГИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В отечественной историографии археологической науки послевоенный период эпохи сталинизма освещен достаточно скупо. Труды историков советской археологии В. Ф. Генинга, А. Д. Пряхина ограничиваются 1920–1930-ми гг. Если не говорить об описании отдельных эпизодов и событий в публикациях биографического характера, то следует назвать отдельные главы монографии А. А. Формозова¹ и двух книг Л. С. Клейна². Нельзя не отметить краткое, но емкое заключение «Истории отечественной археологии» Г. С. Лебедева³ (1992). Интересна, хотя слабо выверена фактологически, написанная «по свежим следам» «Археология в СССР» профессора-эмигранта М. А. Миллера⁴. Наконец, назовем совсем свежую публикацию Сергея Алымова⁵, отчасти перекликающуюся с нашей работой. Попытаемся обозначить основные черты сходства и отличия состояния и концепций советской археологической науки периода позднего сталинизма от таковых в период сталинизма образца 1930-х гг., а также обозначить основные итоги и последствия данного этапа развития советской археологии.

Начнем с того, что и на раннем, и на позднем этапе сталинизма было неизменным правилом обязательное использование трудов классиков марксистско-ленинского учения в качестве идеологиче-

¹ Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2006.

² Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993; Клейн Л. С. История археологической мысли: в 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

³ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.

⁴ Миллер М. А. Археология в СССР / Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы (серия 1, № 12). Мюнхен, 1954.

⁵ Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3. С. 7–36.

ской базы во всех трудах по археологии. Идеологической, но далеко не обязательно методологической. Главное было наполнить свои работы обильным цитированием подходящих по тематике фраз из «нового священного писания».

Вот эпизод из жизни сектора археологии Института истории АН БССР⁶. Очередное заседание 6 декабря 1952 г. было посвящено работе аспиранта А. Г. Митрофанова о древнеславянских поселениях в Беларуси. Тон обсуждению задало высказывание В. Р. Тарасенко, бывшего не только археологом и членом сектора, но еще и партторгом института: «Необходимо писать работу на основе высказываний классиков марксизма-ленинизма, а не вставлять их после написания работы!» Обратим внимание на характерную оговорку: партторг рекомендует писать на основе высказываний, а не идей или учения классиков. И вот вслед за ним сотрудники Е. Г. Галанова, М. Я. Гринблат, Л. А. Молчанова начали «пинать» докладчика: «Мало цитат!» – «Где марксистский подход?» Единственный, кто не затронул тему идеологии на обсуждении – зав. сектором К. М. Поликарпович, научный руководитель Митрофанова. Пожилой сын священника, изучавший в семинарии катехизис и вступавший еще до войны в полемику с одним из демиургов марксистской советской археологии профессором В. И. Равдоникасом, понимал истинную цену такого «марксизма».

Л. С. Клейн нашел этому явлению меткое определение: «имитация марксизма»⁷. Однако даже при такой имитации до войны и в 1945–1953 гг. мы имеем дело с совершенно разными не только методологиями, но и идеологиями. Советскую археологию следует с осторожностью называть «марксистской», а в особенности – археологию позднесталинского периода.

Миграционизм и географический детерминизм, на которые опиралась уничтоженная палеоэтнологическая школа, к началу послевоенного периода уже в течение почти полутора десятилетий были вне сферы внимания археологов, став практически запретной темой. Доминирующей концепцией стал вульгарный эволюционизм. Основным методом исследования стала типология, ибо именно типология вещей наиболее полно отвечала концепции эволюции. Опираясь на постулаты К. Маркса и Ф. Энгельса, членивших древнейшее прошлое на стадии дикости и варварства, археологи-марксисты 1930-х гг. считали, что любое явление, фиксируемое археологией, носит исключительно стадиальный характер и развивается в рамках общеисторических закономерностей. Следовательно, нужно было лишь связать особенности материальной культуры с той или иной ступенью раз-

⁶ Архив Юдиновского краеведческого музея. Ф. 1. Д. 3/11. Л. 5–11.

⁷ Клейн Л. С. Феномен... С. 83.

вития человеческого общества. Никто даже не пытался заменить понятие «появление» иным понятием – «распространение», ибо отход от автохтонизма расценивался как переход на буржуазные позиции с вытекающими последствиями. Здесь проходит грань между методологией и идеологией: автохтонизм был созвучен доминировавшему в довоенный период пролетарскому интернационализму. Научнообразное обоснование идеологии интернационализма создавало и «яфетическое учение» академика Н. Я. Марра, оперативно принятое на вооружение археологами-марксистами. Марр считал, что язык имеет классовую природу, будучи «надстройкой» над социально-экономическими отношениями, и значит можно выделить стадии языка, связанные с марксистскими социально-экономическими формациями – доклассовым обществом, рабовладельческим строем, феодализмом, капитализмом – и их стадиями⁸. Как пишет Клейн, «в годы, когда надо было по-новому цементировать многонациональное государство, признавая в то же время права наций и национальных культур на существование, теория стадийности как нельзя лучше соответствовала государственной политике большевиков, нивелируя своеобразие народов и объясняя локальные различия не столько этническими традициями, сколько уровнем развития»⁹.

И вот, во второй половине 1940-х гг. в советской археологии становятся заметными перемены. Разворачивается постепенный отказ от стадийной схемы, возврат к зачищенной еще в начале 1930-х гг. палеоэтнологии, которую теперь стали называть «конкретно-историческим подходом». Археологи словно прозревают, вдруг обратив внимание на то, что кроме общих эволюционных закономерностей развития общества, существуют локальные культурные особенности. Возобновляются дискуссии. Как из рога изобилия повалили новые археологические культуры, к сожалению, поспешно а priori связываемые с этносами. Но, так или иначе, на смену подгонке фактов под существующие стадии и ступени приходит вдумчивое исследование источников. Географическому детерминизму возвращают права научного подхода. Остается один шаг и до реабилитации миграционизма. Неужели это ростки долгожданной либерализации в науке?

Но перемены проявляются не только в методологии, но и в историографии. Ранее имело место традиционное для археологии с социально-классовым подходом «табу» на «немарксистские» дореволюционные исследования. Они рассматривались преимущественно как простое накопление источников. В тексте и списке литературы

⁸ Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования*. 1993. № 4. С. 271–288.

⁹ Клейн Л. С. История... Т. 2. С. 20.

с трудом можно было найти несколько имен (чаще всего А. А. Спицын, В. А. Городцов, которые на деле не вполне дореволюционные, а последний даже стал даже членом ВКП(б) в конце жизни). Иной раз звучали имена графа Уварова или профессора Самоквасова, но обязательно в критическом контексте: «слуги царизма», «дворяне и помещики-угнетатели, развлекающиеся раскопками». В послевоенных трудах все чаще начинают появляться ссылки на отечественных дореволюционных авторов. И хотя традиционно подчеркивается ущербность их методологии по сравнению с «передовой советской», одновременно вводится показательное сравнение с современниками из других стран. И тут русские дореволюционные профессора, такие как Д. Я. Самоквасов, Д. Н. Анучин и другие, уже предстают перед читателем «выдающимися», с «широким университетским кругозором», а русская археологическая школа «широтой исторического подхода... уже в самом начале своего развития отличалась от французской и немецкой с их узостью»¹⁰. Советская археология стала претендовать на ведущую роль в мировом научном сообществе (знало ли мировое сообщество об этих претензиях?), причем часто не столько с опорой на реальные достижения и открытия, сколько на самопровозглашенный статус «авангарда прогрессивного человечества». Подразумевалось, что советская археология, опирающаяся на «всесильное учение», одна только знает истину. «Буржуазная наука» — т. е. любая археология вне советской территории и находящихся под кураторством ИИМК стран соцлагеря — объявлялась «буржуазной», следовательно — как минимум неполноценной, а то и ошибочной в корне. Так, к примеру, археолог М. В. Воеводский и геолог В. И. Громов подали свое видение стратиграфии палеолита как победу советской археологии над «реакционной, клерикальной» схемой Марселина Буля¹¹. Позднее выяснилось, что именно «буржуазная» схема¹² и была в целом верна, а вот позиция «советский средний палеолит — самый древний» рассыпалась спустя всего десятилетие. Если в советской археологии действительно началась либерализация, то откуда взялся у археологов этот «квасной патриотизм»?

А. А. Формозов видел глубинные причины этого явления в национальном самосознании: «Сыграли свою роль и подъем патриотизма в дни Отечественной войны, и боль за потери во время нее, и сведение

¹⁰ Борисковский П. И. Палеолит Украины: Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 40. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1953. С. 15.

¹¹ Громов В. И. Работы М. В. Воеводского и изучение истории четвертичного периода // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 31. М., 1950. С. 3–4.

¹² Boule M. Les Hommes fossiels. 3-me edition par H. V. Vallois. Paris, 1946.

счетов за унижение национального достоинства в тридцатые годы, и традиции, уходящие в XVIII–XIX века...»¹³ Все это так. Перечисленное имело место. Но имел место и не националистический, а демократический импульс войны. А государство усиливает патриотическую пропаганду, невзирая на то, что война, где она была необходима и обоснована, завершилась победой. Невольно возникает вопрос: что же все-таки первично: смена научной методологии или новая идеологическая установка?

Л. С. Клейн полагает, что дело действительно не в самосознании, и государственная идеология в данном случае первична. Причину ее смены он видит в том, что в период войны «проявилась значительная оппозиция народных масс сталинскому режиму (во власовское движение втянулись сотни тысяч), и это подвигло сталинское руководство обратиться к патриотическим чувствам и националистическим настроениям народов Советского Союза, в первую голову – русского народа»¹⁴. Однако постепенное внедрение новой идеологии «сверху» началось в СССР еще в предвоенные годы¹⁵, просто в археологию, лежащую на большей дистанции от идеологической сферы, нежели история, новая идеология проникла с некоторым запозданием. Советская многонациональная империя, начавшая внешнюю экспансию, уже не могла держаться на цементе идеи равенства автохтонных народов, освободившихся от оков царизма. Требовалась более жесткая, военная централизация: один вождь, одна направляющая и руководящая партия, один народ-объединитель. В порядке моральной компенсации параллельно воспевалась древность и самобытность «младших братьев великого русского народа». Такая смена идеологического вектора дала начало росту патриотизма и контролируемого национализма в массовом сознании уже к началу Второй мировой войны, и разделу Европы меж нацистами и сталинистами. После войны же, когда победивший бывшего союзника СССР расширился и окружил себя соцлагерем, а демократический импульс войны стал опасен для режима, державная идеология оказалась еще более востребованной. Тогда-то дошел черед до археологов. Классовый, социально-экономический, интернациональный подход в археологии, считавшийся марксистским, окончательно сменился державно-националистической версией того, что продолжало в официозе именоваться марксиз-

¹³ Формозов А. А. Русские археологи... С. 79.

¹⁴ Клейн Л. С. История... Т. 2. С. 20–21.

¹⁵ Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во БГУ, 2005; Шнирельман В. А. Этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68.

мом, но использовало марксизм уже преимущественно как декорацию, а не как методологию.

Акцент был сделан на историю славян, в первую очередь – русских (причем в русские записали и древнерусскую народность, делая тем самым украинцев и белорусов народами-производными, а не ветвями восточнославянского древа). Корни славян бесосновательно стали углублять в каменный век¹⁶. Потребовались археологические данные, подтверждающие идеологический тренд. То есть не идеология формировалась на научной основе, а научная база адаптировалась уже под новую идеологическую надстройку. Значение научного археологического обоснования державного курса для сталинской системы подчеркивает тот факт, что именно в годы позднего сталинизма археологами получено беспрецедентное число сталинских премий: с 1945 по 1952 г. были награждены девять археологов, причем Б. А. Рыбаков и Б. Д. Греков – дважды. Больше половины отмеченных трудов посвящалась либо древнерусскому народу, либо предполагаемым предкам славян¹⁷.

В рамках державного национализма развернулась кампания борьбы с норманнской теорией становления Древнерусского государства. «На протяжении двух веков существует (и усиленно поддерживается в наши дни мракобесами от науки в США) так называемая “норманистская теория” происхождения русского государства», – мечет громы и молнии в бутафорского врага Б. А. Рыбаков¹⁸. Антинорманизм, и ранее не отличавшийся научной глубиной¹⁹, теперь вовсе выродился в набор заклинаний и анафем.

¹⁶ Державин Н. С. Происхождение русского народа. М., 1944.

¹⁷ Постановление СНК СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1943–1944 годы» от 26 января 1946 года // Вестник АН СССР. 1946. № 2. С. 16–20; Постановление СМ СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1946 год» от 6 июня 1947 года // Правда. 07.06.1947; Постановление СМ СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1947 год» от 29 мая 1948 года // Правда. 30.05.1948; Постановление СМ СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки и изобретательства за 1948 год» от 8 апреля 1949 года // Правда. 09.04.1949; Постановление СМ СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки и изобретательства за 1949 год» от 3 марта 1950 года // Правда. 04.04.1950; Постановление СМ СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства за 1950 год» // Правда. 15, 16 и 17 марта 1951; Постановление СМ СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства за 1951 год» // Правда. 13 и 14 марта 1952.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Предисловие // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 4.

¹⁹ Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009.

Превознесение всего русского имело обратную сторону: требовалось отринуть все зарубежное, чуждое новой идеологии, воссоздать «железный занавес». Это выразилось в кампании борьбы с «безродным космополитизмом», которой посвящено немало исследований²⁰. Не углубляясь в тему, отметим, что она затронула археологию не в меньшей степени, чем все другие научные сферы, пострадали многие археологи в академических учреждениях (например, М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, М. Г. Рабинович) и в регионах (к примеру, уволенный директор Хакасского краеведческого музея археолог А. Н. Липский²¹ или отделившийся легким испугом горьковский палеолитовед В. Т. Илларионов²²). «Охота на космополитов» привела не только к чисткам и травле, но и к росту самоизоляции от мировой науки. Это, как и державный национализм, и сохранившийся классовый подход поставило еще одну ловушку, отмечал Г. С. Лебедев. Послевоенное поколение археологов оказалось отделено от прошлого своей науки непреодолимым «психолого-методологическим барьером», этот «насильственный разрыв традиции не мог не вызвать последовательный спад профессионального уровня, усилившийся изоляцией не только от прошлого отечественной, но и от настоящего современной мировой науки»²³.

На фоне идеологических битв велась дальнейшая централизация науки. В. И. Равдоникас, пытавшийся с помощью обвинений в адрес московских оппонентов вернуть Ленинградскому отделению ИИМК независимый статус²⁴, пошел против течения и получил сокрушительный ответный удар от замдиректора Московского отделения ИИМК С. В. Киселева, инкриминировавшего столпу довоенной марксистской археологии использование иностранной литературы,

²⁰ Сонин А. С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М.: Наука, 2011; Дубровский А. М. Историк и власть... и др.

²¹ Костякова Ю. Б. Особенности борьбы с космополитизмом в национальном регионе (по материалам прессы Хакасии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 7(13): в 3 ч. Ч. II. С. 124–130.

²² Кузнецов А. А. Борьба с космополитизмом члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского // Научное наследие С. Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии. Нижневартовск: Изд-во НГУ, 2010. С. 109–112.

²³ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. С. 432.

²⁴ Клейн Л. С. Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. СПб.; М.: ИИМК РАН, 2009. С. 390–402.

замалчивание отечественных исследований – т. е. космополитизм²⁵. Власть тут же придала Московскому отделению ИИМК официальный статус центрального звена организационной структуры археологических учреждений СССР. Сюда же, в Москву, были оперативно переведены все крупные периодические археологические издания. Так, за дымовой завесой идеологической схватки завершилась государственная централизация советской археологии, от последствий которой мы не избавились до сих пор.

Дискуссией по вопросам языкознания Сталин окончательно обозначил смену курса в гуманитарных науках. Вскоре почувствовавшие за спиной силу московские оппоненты заклеили Ленинградское отделение ИИМК как «рассадник марризма» – вульгаризаторской и антимарксистской теории. Массовое покаяние ученых, «погрязших в марристском грехе», в публикуемых статьях и монографиях напоминало церковное «*теа culpa, теа máxima culpa*», только вместо Господа славили «Отца народов». Ленинградец П. И. Борисковский в монографии «Палеолит Украины» две страницы кряду бичует себя, детально излагая, в каких прежних трудах он незаслуженно кадил Марру²⁶. Смиренно признает «ошибки марристского характера» переведенный из Ленинграда в Киев новый директор Института археологии АН УССР и учитель Борисковского – П. П. Ефименко²⁷. А вот москвич, лауреат Сталинской премии Б. А. Рыбаков в марризме не кается, взяв на себя роль судьи: он гневно клеймит сторонников Марра, считавших, «что славяне будто бы “сформировались” из различных разноразличных племен и что в результате их скрещения и родился новый славянский язык»²⁸. Заметим, что не в деталях, но по сути «марристы» в этом случае оказались правы, как показали современные исследования²⁹.

Часто период позднего сталинизма представляют «золотым веком» полевой археологии. Действительно, масштабы раскопок того времени до сих пор остаются непревзойденными. Мы обязаны констатировать беспрецедентный размах полевых исследований в 1945–1953 гг., что позволило накопить уникальную информацию, сделать

²⁵ Киселев С. В. Рец. на книгу: Равдоникас В. И. История первобытного общества. Т. II // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 28. М., 1949. С. 117–122.

²⁶ Борисковский П. И. Палеолит Украины. С. 27–28.

²⁷ Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев: Изд-во АН УССР, 1953. С. 11–13.

²⁸ Рыбаков Б. А. Предисловие. С. 4.

²⁹ Щукин М. Б. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб.: Нестор, 1997.

фундаментальные открытия. Но дьявол кроется в деталях. Полевая археология рассматриваемого периода подчинялась правилам плановой экономики. Экспедиции планировались заранее: каждое научное учреждение утверждало пятилетний план.

Противоречит сам себе А. И. Мартынов, утверждая, что, с одной стороны, «археологические исследования носили вспомогательный характер в связи с промышленным строительством», а с другой – «задача сохранения археологического наследия вообще не ставилась»³⁰. Именно вспомогательным характером раскопок и было ограничено решение этой задачи. Именно в рамках новостроечных экспедиций она решалась. Только вот исследовалась лишь малая часть памятников, уничтожаемых циклопическими стройками коммунизма. В условиях планового централизованного строительства не могло быть речи о переносе сроков пуска новых объектов промышленности или энергетики из-за неполной исследованности древностей, которым грозит разрушение. Так, ушла под воду Цимлянское «моря» недокопанная крепость Саркел, а с нею десятки археологических памятников. Ничего нового в таком отношении к древностям нет – под водохранилище ДнепроГЭС еще до войны ушло не меньше уникальных объектов, так и не дождавшихся исследователя.

Полевые работы носили жестко централизованный характер. Основная часть исследований организовывалась Институтом истории материальной культуры АН СССР и его Ленинградским отделением. Ряд экспедиций проводился учреждениями академий наук союзных республик. Участвовали в полевых исследованиях на правах самостоятельных учреждений Государственный исторический музей и Государственный Эрмитаж, крупнейшие университеты страны – Московский и Ленинградский. Местные музеи и вузы в основном играли вспомогательную роль. Наибольший масштаб и лучшее финансирование имели экспедиции, работавшие в зонах строительства гидроузлов и гидроэлектростанций – Ангарская, Верхнеобская, Волгоградская, Приднепровская. Первоочередное финансирование из бюджета Академии наук СССР получали также экспедиции, способные дать результаты в заданном партией и правительством державном ключе. Нетрудно убедиться, что основной акцент был сделан на изучение городов – как древнерусских (Великий Новгород, Владимир, Гродно, Киев, Чернигов), так и возникших на территории других народов СССР (Великий Болгар, Пенджикент, Топрак-Кала). Экспедиции, не связанные с новостройками и не ведущие исследований с идеологической нагрузкой, финансировались по остаточному принципу.

³⁰ Мартынов А. И. Археология. 5-е изд. М.: Высшая школа, 2005.

После ликвидации краеведческого движения в 1930-х гг. увлеченные энтузиасты закрепились в местных музеях и вузах и участвовали, если повезет, в академических экспедициях. В результате сложился «феномен краеведческой археологии»³¹. Местные археологи-краеведы вели локальные разведки и раскопки вне рамок новостроек, финансирование их работ осуществлялось либо из крайне скромных средств местных музеев, либо и вовсе из их собственного кармана. Так, раскопки многослойного поселения Черепеньки археологи Ф. М. Заверняев и А. К. Амброз вели вдвоем в свободное от работы время. Так же проводил свои разведки археолог из Трубчевска В. П. Левенок и др.

В археологических раскопках на стройках социализма часто основной рабочей силой служили не студенты-практиканты и не наемные рабочие, но иногда военнопленные, а чаще всего – «спецконтингент» – заключенные ГУЛАГа. К примеру, постоянную помощь рабочей силой Сталинградской экспедиции оказывал Сталинградстрой МВД СССР. В распоряжение археологов были представлены заключенные Ахтубинского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ). На раскопках городища Саркел – Белая Вежа, подлежащего затоплению по проекту Волго-Донского канала и Цимлянского гидроузла, работали около 180 заключенных из Цимлянского ИТЛ³². Участница экспедиции, археолог С. А. Плетнева вспоминала, как работавшие на раскопках женщины-зека угощали археологов воблой из своего пайка. Именно этих безвестных женщин следует благодарить вместе с добившимся создания спасательной экспедиции археологом М. И. Артамоновым и его учениками за то, что часть Саркела все же была исследована к моменту затопления.

Чтобы понять, сколь обиденным было в сталинском СССР использование рабского труда, стоит познакомиться с выдержками из заявки на проведение экспедиций, составленной 23.04.1947 г. завсектором археологии Института истории АН БССР (Минск) К. М. Поликарповичем: «В соответствии с пятилетним планом по проведению сектором археологии Института археологических исследований в БССР, сектор археологии считает необходимым и, учитывая наличие имеющихся в секторе научных сотрудников, вполне возможным проведение в 1947 году трех экспедиций <...> Общая стоимость экспедиций – 231 180 руб. Считаю нужным указать, что ввиду затрудне-

³¹ Чубур А. А. Феномен краеведческой археологии: от расстрелянных романтиков до региональных научных центров // Современная наука: тенденции развития. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: Научно-издательский центр Априори, 2012. С. 29–33.

³² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М.: Звенья, 1998.

ний с получением, в качестве рабочих для раскопок в Минске военнопленных, зарплата на рабочих-землекопов вольнонаемных исчислена из расчета по 40 руб. за человеко-день. Это увеличивает стоимость рабсилы до 90 000 руб., т. е. более чем в два раза в сравнении со стоимостью рабсилы военнопленных. Впрочем, если удастся заменить вольнонаемных рабочих заключенными, то эта стоимость должна выразиться только в сумме 33 750 руб.»³³

Опыт использования «спецконтингента» часто давал осечки: рабочий труд и бюрократическая система надежны и продуктивны только на словах. Так, Псковская экспедиция заключила летом 1947 г. договор с Управлением ИТЛ Овсище, который обязался поставлять на раскоп рабочих. Экспедиция выполнила все требования (дала транспорт, организовала ежедневное бесплатное питание), но ИТЛ срывал обязательства, выделяя вместо требуемых 40–50 человек в день лишь 10–12, не всегда трудоспособных. В иные дни рабочих перебрасывали на другие объекты. В результате экспедиция выполнила план лишь на 45 %³⁴.

Некоторым советским археологам в эти годы пришлось самим надеть робу заключенных. Сменилась идеология, но творческая свобода осталась ограниченной. Так, были объявлены коллаборантами и репрессированы провинциальные исследователи, оказавшиеся во время войны на оккупированной территории, – трубчанин В. П. Левенок, смолянка Е. А. Калитина, севастополец А. К. Тахтай, симферополец А. И. Полканов и др. Был отправлен в лагеря иркутский археолог В. И. Подгорбунский, продолжал отбывать очередной срок белорус Г. И. Горецкий, оставался за 101 км под наблюдением органов Б. А. Латынин, покинувший лагерь инвалидом³⁵.

Подводя итог, назовем главные черты советской археологии позднесталинского периода:

1. В области идеологии социально-классовый интернациональный подход к истории сменяется державно-националистическим. Наблюдается отход от раннесталинской версии марксизма образца 1930-х гг. Не меняется способ внедрения в научную среду идеологических концептов: перевод научных дискуссий в идеологические и политические рамки, затем – отторжение нелояльных специалистов.

³³ Архив Юдиновского краеведческого музея. Ф. 1. Д. 2/9. Л. 1–3.

³⁴ Филимонов А. В. К истории археологической экспедиции Института истории материальной культуры в Пскове (1945–1949 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 50 научного съезда. Псков, 2004. С. 181–193.

³⁵ Чубур А. А. Елизавета Арсеньевна Калитина // Российская археология. 2006. № 2. С. 157–161; Чубур А. А. Раскопанная наука: археологи Подесенья и политические репрессии // Вестник Брянского гос. ун-та им. академика И. Г. Петровского. 2008. № 2. С. 58–66; Формозов А. А. Русские археологи... С. 213.

2. В области методологии типологический метод и стадияльная схема теряют главенствующие позиции и сменяются «конкретно-историческим подходом». Основным направлением исследований становится не поиск общих закономерностей развития общества для разных народов и территорий, а изучение на основе археологических данных возникновения и истории конкретных этносов, в первую очередь – русского, «старшего брата» других народов советской империи.

3. В области преемственности произошел разрыв научной традиции внутри страны как в академической, так и в региональной науке, и отторжение опыта зарубежных научных школ и коллег. Это заставило советскую археологию «вариться в собственном котле» и привело к отставанию от мирового уровня.

4. В области администрирования свершилась жесткая централизация научной деятельности, что, с одной стороны, позволяло вести циклопические экспедиционные исследования, а с другой – тормозило развитие археологии в регионах и формирование региональных научных школ.

5. Полевая археология имела режим наибольшего благоприятствования за весь советский период. В районах крупных строек социализма археологам выделялись солидные средства на спасательные работы. Финансировались и отдельные академические экспедиции: приоритет отдавался исследованию древнерусских памятников, способных продемонстрировать величие и историческую роль русского народа.

6. Сохранение культурного наследия ограничивалось преимущественно исследованиями в зоне новостроек по принципу «раскопаете, сколько успеете, мертвые не должны держать живых». Множество памятников археологии погибало.

7. Перечисленные факторы в совокупности вели к снижению профессионализма научного сообщества (в том числе за счет вывода части профессионалов за его рамки), к появлению недостоверных, ложных, но идеологически верных интерпретаций археологических источников. Последствия жесткой централизации и самоизоляции советской археологии не преодолены и до настоящего времени.

Немало параллелей с рассмотренным периодом, увы, наблюдается в современной России, переживающей рецидив державной имперской идеологии с попыткой реанимации позднесталинской модели, лишенной марксистской мимикрии. Звучат требования создания единого учебника истории, единой концепции ее преподавания, появляются «социальные заказы» на историческое обоснование исконности земель так называемого русского мира. Историческая достоверность и объективность искажаются в угоду «патриотическому воспитанию». Множатся псевдоисторические, лженаучные изда-

ния. Все это влечет за собой снижение профессионализма, бегство интеллекта из страны, гибель культурно-исторического наследия. В. А. Шнирельман предлагал разработать кодекс чести антрополога и этнолога, направленный против вовлечения этих наук в сомнительные и опасные политические проекты, преследующие неблагоприятные цели³⁶. Самое время вернуться к этой идее, не забыв и об отечественной археологии.

³⁶ Шнирельман В. А. Этногенетические исследования... С. 66.

У ИСТОКОВ ЖАНРА: О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО «ШКОЛЬНОГО КИНО» В ПОЗДНЕСТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ¹

С самого начала следует оговориться: ряд категорий, за которыми тянется длинный шлейф литературоведческих и искусствоведческих смыслов вроде категории «жанр», мы собираемся использовать, исходя из социально-антропологической точки зрения, имеющей отношение скорее не к чисто эстетической составляющей описываемых явлений, а к тем их аспектам, которые касаются производства проективных реальностей, в свою очередь самым непосредственным образом связанных с социальным поведением человека. Жанр будет пониматься здесь как система ожиданий целевой аудитории, задающая основные формальные и содержательные параметры конкретного произведения искусства². С этой точки зрения любая *нормативная* поэтика – а кинофильмы, о которых ниже пойдет речь, создавались именно в рамках советской нормативной поэтики³ – представляется не только и не столько механизмом, регулирующим режимы производства и формы бытования художественных текстов, сколько инструментом для создания целевой аудитории, которая, в свою очередь, становится гарантом существования конкретных жанров. Сами жанры превращаются при этом в адаптированные к разным контекстам и/или разным сегментам аудитории модулы трансляции дис-

¹ Данная статья представляет собой переработанный и расширенный фрагмент текста, подготовленного в ходе работы по исследовательскому проекту ЦГИ РАНХиГС «Утопия и проект: развитие советской образовательной системы 1960–1980-х годов сравнительной перспективе» (2013–2014 гг.). Полная версия текста должна выйти в составе одноименного сборника в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2015 г.

² См. в связи с этим: Kurke L. The traffic of praise. Pindar and the poetics of social economy. N. Y.; London: Ithaca, 1991. P. 1 и далее. См. также: Cawelti John G. Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. Chicago; London: University of Chicago press, 1976.

³ Или, вернее, последовательности сменявших друг друга поэтик, сохранявших при этом ряд базовых характеристик.

курса «заказчика» той группы, в интересах которой создается нормативная поэтика.

Сказанное в полной мере относится к сложившимся в Советском Союзе практикам производства и потребления художественных текстов: так называемый большой стиль, время формирования которого приходится на 1930-е гг., как раз и представлял собой систему подобных практик, которая должна была (в идеале) покрывать собой все возможные способы взаимодействия советского человека с тем, что принято называть искусством.

«Большой стиль» не исчез после смерти Сталина; за два десятилетия он успел превратиться в один из базовых составных элементов коммунистического проекта и как таковой, претерпевая некоторые эволюционные изменения, просуществовал вплоть до рубежа 1990-х гг., продолжая исподволь регулировать даже такие художественные феномены, которые могут показаться не имеющими к нему никакого отношения. В этом смысле сугубо оттепельный жанр «школьного кино», возникший в самом начале 1960-х гг., несмотря на явную и принципиальную (и тщательно отрефлексированную) противопоставленность сталинскому кинематографу, связан с ним сразу на нескольких уровнях. Во-первых, будучи конститутивной частью оттепельного мобилизационного проекта, он, так или иначе, наследует всем предшествующим советским мобилизационным проектам, и демонстративная перестановка акцентов на индивидуальную эмпатию и значимость индивидуального выбора ничуть не отменяет главной, сугубо прагматической его составляющей. Во-вторых, он активно пользуется инструментарием, наработанным именно в рамках сталинского кинематографа как раннего, начала-середины 1930-х гг., так и позднего, послевоенного. Причем взаимосвязь эта имеет обратную силу: не только сталинские фильмы о школе «комментируют» «А если это любовь?» Ю. Райзмана и «Доживем до понедельника» С. Ростоцкого, но, в каком-то смысле, «Одна» Г. Козинцева и Н. Трауберга и «Сельская учительница» М. Донского становятся информативнее для современного исследователя, если он готов учитывать последующее развитие традиции, приведшее к формированию полноценного жанра.

Рождение жанра школьного кино было связано с потребностью советских властных элит в обновлении инструментария, при помощи которого они проводили в жизнь коммунистический проект и осуществляли необходимую для этого работу по созданию выгодных для себя и приемлемых для зрителя матриц, в соотнесенности с которыми последний мог выстраивать собственные проективные реальности. В этом смысле заказчиком, формирующим необходимую для возникновения жанра систему ожиданий, оказываются сразу две социальные группы: собственно советские властные (и культурные)

элиты формируют «заказ» непосредственно, решая совершенно конкретные мобилизационные задачи. Однако при этом они ориентируются на вполне определенный набор проективных реальностей, совместимый с позитивно и негативно окрашенными личностными ожиданиями «простого советского человека», который, таким образом, также принимает в формировании этого заказа самое непосредственное участие. В момент своего рождения жанр, прежде всего, был ориентирован на внедрение уже давно вошедших у советской аудитории в привычку коллективистских моделей поведения и на привычную же дискредитацию ряда непубличных микрогрупповых контекстов. Однако теперь в контексте «оттепельной» советской культуры делалось это уже не за счет демонстративно безальтернативного, как в рамках сталинского «большого стиля», навязывания единственно возможной точки зрения, но за счет более тонких стратегий, связанных с налаживанием индивидуально ориентированных эмпатийных связей и едва ли не главной отличительной чертой жанра (как и всей оттепельной культуры) стала «искренность», основанная на имитации частных режимов эмпатии.

Школа получила возможность стать жанрообразующим пространством во многом по той же причине, по которой раннеоттепельная культура достаточно оперативно «развернулась лицом к молодежи», а масштабные экономические проекты, осуществлявшиеся ранее за счет не слишком эффективного, но зато и не требующего больших затрат труда заключенных, стали объявляться ударными комсомольскими стройками. Бурный количественный рост «молодежной» литературной, кинематографической и изобразительной продукции, начавшийся буквально в первые же после XX съезда партии месяцы 1956 г.⁴, привел с некоторым запозданием, связанным, вероятнее всего, с первоначальной сугубо прагматической ориентацией

⁴ А также другие масштабные перемены в молодежной политике – вплоть до проведения Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 г. Впрочем, определенные сдвиги в государственной культурной политике в этом смысле начались даже несколько ранее XX съезда, по сути, создав соответствующий горизонт ожиданий. Так, Первая московская выставка произведений молодых художников прошла еще в 1954 г. См. об этом: Морозов А. И. Поколения молодых. Живопись советских художников 1960–1980-х годов. М.: Советский художник, 1989. С. 4 и далее. Динамику резкого увеличения общего количества и репрезентативности молодежных художественных выставок начиная с середины 1950-х гг. можно отследить по изданию: Выставки советского изобразительного искусства: Справочник. М.: Советский художник, 1975 (Т. 4; 1948–1953 гг.); 1981 (Т. 5; 1954–1958 гг.). О «помолодении» героя отечественного кино см.: Прохоров А. Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб.: Академический проект, 2007. С. 59. См. также программный № 1 журнала «Искусство кино» за 1957 г. Статистику роста кинопроизводства в СССР в середине 1950-х гг. по сравнению с предшествующей эпохой

на уже успевшую встать на ноги трудоспособную молодежь к тому, что возрастная планка целевой мобилизационной аудитории была понижена еще раз, и в «кинофильмах про школу», которые прежде снимались в контексте самых разных жанровых моделей (от сугубо «детского» до производственного кино), был отслежен самостоятельный потенциал.

Но школьное кино так и не получило бы возможности сделаться самостоятельным жанром, если бы в момент его появления на свет не сошлись воедино несколько значимых факторов и не породили уникальный по своей природе социальный заказ. Первый из них мы уже обозначили – это попытка властных элит расширить поколенческую базу для своих мобилизационных стратегий. Второй фактор носил скорее институциональный характер. В новых условиях школа оказалась крайне удобной средой, предоставлявшей возможность для постановки вопросов о соотношении приватного и публичного. Сталинскую модель, основанную на элементарном противопоставлении больших и малых величин, можно было «наложить» на любую социальную старту. Новая модель требовала усложненных, диверсифицированных сред.

Ситуация индивида, вынужденного выстраивать собственную идентичность в столкновении с социальным институтом, который включал в себя элементы как «правильной», так и «неправильной» публичности, при том что индивид одновременно интегрирован в целый спектр разноприродных микрогрупповых сред и отношений (семейных, дружеских, ситуативных, конкурентных и т. д.), предоставляла уникальные возможности для непрямого воздействия на зрительское восприятие через последовательность совершаемых персонажем выборов. В неизбежном для этой ситуации столкновении индивида с публичностью травматические аспекты четко отделялись от адаптивных. Первые замыкались на публичности «неправильной», а вторые, соответственно, на тех образах публичного, которые вписывались в систему нормативных мифов.

Другая линейка конфликтов, в которых сторонами являются индивид и разного рода микрогрупповые контексты, трактовалась вполне в духе «большого стиля»: те социальные вовлеченности, которые оказывались совместимы с принятыми режимами публичности (крепкая пионерская дружба, семья как ячейка социалистического общества), служили персонажу опорой и поддержкой, те же, что выходили за пределы таковых, представляли для него явную угрозу.

«малюкартинья» см. в: Землянухин С., Сегида М. Домашняя синематека: отечественное кино 1918–1996. М.: Дубль-Д, 1996. С. 6.

Еще один немаловажный фактор был связан с универсальностью школьного опыта. Заметим, что подавляющему большинству советских граждан именно школа и давала первый системный опыт вторичной социализации. Пропагандистское воздействие, ориентированное на взрослых и/или на молодежь, в значительной мере должно учитывать особенности целевой аудитории, связанные с ее профессиональным опытом, демографическим и этническим составом, образовательным цензом, с тем, городская это аудитория или деревенская, и т. д. Школьный же сюжет, особенно, сюжет в должной мере провокативный и, построенный на фирменной оттепельной искренности, обречен вызывать сопереживание практически у каждого зрителя.

Эмпатия, относящаяся к опыту преподавания и воспитания, будет свойственна меньшей части аудитории, если не перебрасывать от сюжета дополнительных эмпатийных мостиков к личному опыту зрителя. Эмпатия же, относящаяся к переживаниям обучаемого и воспитуемого, никаких дополнительных усилий не требует, поскольку свойственна практически всем зрителям без исключения. При таком взгляде школа превращается в модель общества как такового, а зрителю навязывается эмоциональная совместимость со вполне конкретными позициями и ролями.

Обе эти сюжетные модели, условно говоря, «учительская» и «ученическая» были заложены еще на самом раннем этапе формирования сталинского «большого стиля». Первый старт-ап в освоении того пропагандистского поля, которое впоследствии даст жанр «школьного кино», относится к 1931 г., когда были сняты сразу два фильма, которые задали два типа сюжета, связанные со школой (и – шире – с образовательным пространством вообще), ключевые для всей последующей советской кинематографической традиции. «Путевка в жизнь» Николая Экка дает сюжет возрастной инициации, при которой социально незрелый индивид, сталкиваясь с системой воспитания и преодолевая «трудности роста», превращается в «настоящего человека». «Одна» Григория Козинцева и Николая Трауберга дает сюжет инициации статусной, при которой индивид, обладающий признаками социальной зрелости и правом формировать других людей, но проявляющий при этом признаки «статусной недостаточности», в процессе воспитательной деятельности преобразуется сам, дорастая до стадии пропповского «воцарения».

И в том и в другом случае организующее зрительскую эмпатию сюжетное напряжение возникает не внутри самой воспитательной системы (образовательная функция школы в обеих этих картинах отчетливо оттеснена на задний план), а между, с одной стороны, самой этой системой, ориентированной на формирование «нового человека» и связанной с «правильной», «нашей» социальностью, и, с другой стороны, социальностью «неправильной», которая в начале тридца-

тых обозначалась как «пережитки прошлого». По большому счету, в фильмах 1931 г. по ведомству «неправильной социальности» проходят любые пространства и формы коммуникации, не имеющие прямого отношения к советской публичности: стигматизируется здесь не только уголовная среда или отсталые, контролируемые местными зайсанами и баями туземные поселения, за которыми легко угадывается родная русская деревня, но и семейное, домашнее пространство. Более того, в раннем сталинском кино именно последнее представляет собой едва ли не главную антагонистическую инстанцию (или, по крайней мере, одну из главных), которая наделяется самыми разными, но практически неизменно негативными коннотациями.

Ситуация начинает меняться после XVIII съезда ВКП(б) (март 1939 г.), с его принципиальными акцентами на внутренней стабильности и процветании, на росте благосостояния и культурного уровня советского народа. В кинематографе 1939 – начала 1941 г. прежняя коллективистская риторика начинает хотя бы отчасти уравниваться более позитивной репрезентацией частных контекстов. Сказывается данная тенденция и на тех фильмах, сюжетная основа которых так или иначе связана с образовательными и воспитательными институтами («Учитель», 1939, Сергея Герасимова; «Подкидыш», 1939, Татьяны Лукашевич; «Весенний поток», 1940, Владимира Юренева; «Брат героя», 1940, Юрия Васильчикова). Если персонажи картины живут в большом городе (как правило, в Москве), то роскошные квартиры из нескольких комнат в новых сталинских домах становятся их естественным местом обитания, и данное обстоятельство перестает в обязательном порядке содержать в себе те или иные негативные коннотации. Если действие происходит в маленьком городе или в деревне, то акцент в интерьере будет делаться на признаках зажиточности (мебель, хорошие ткани, посуда, бытовая техника и аксессуары) опять же без обязательных негативных коннотаций. Собственно, главным событием является то, что персонажи (как дети, так и взрослые) вообще получают право на личное и микрогрупповое (семейное) пространство, которого были напрочь лишены в фильмах 1931 г. Это пространство целиком и полностью проницаемо для широкой публичности (портреты, газеты, музыка, доминирующие темы разговоров), но оно есть.

Право на приватное пространство и на частную жизнь, судя по всему, было одной из значимых составляющих негласного пакта, заключенного между властью и различными стратами советской номенклатуры после окончания Великой Отечественной войны: по крайней мере по трем из четырех послевоенных фильмов на школьную тему («Красный галстук», 1946, Владимира Сухобокова и Марии Сауц; «Первоклассница», 1948, Ильи Фрэза; «Сельская учительница», 1947, Марка Донского в данном случае особняком) это

видно невооруженным глазом: те персонажи фильмов, в домашнее пространство которых мы получаем доступ, как правило, живут в условиях более чем достойных, и семейная их жизнь является нормализованной жизнью ячейки социалистического общества, которая по значимости своей если не равноценна, то уже соотносима с базовой его ячейкой, трудовым коллективом. Впрочем, связь кинематографической позднесоветской семьи с занимаемым ею домашним пространством носит характер в значительной мере условный: квартиры и комнаты даются властью, и это их качество старательно проговаривается и перепроговаривается. Человек легко и свободно перемещается из одного «домашнего пространства» в другое, и так же свободно меняет микросоциальные группы и роли: эта взаимозаменяемость и это ощущение «единой большой семьи», несомненно, унаследовано от кинематографа конца 1930-х гг. («Подкидыш», «Брат героя» и т. д.). Только теперь этому наследию несостоявшейся предвоенной «оттепели» надлежит быть встроенной в новую эстетическую реальность.

Относительно массовый выход фильмов на школьную тему в 1946–1948 гг. отчасти можно объяснить уже вошедшей к этому времени в привычку «иллюстративной» функцией советского кинематографа, оперативно реагирующего на прямые и документально оформленные «сигналы» сверху. В данном случае таким сигналом можно считать постановление СНК СССР от 20 августа 1945 г. «Об улучшении дела подготовки учителей», в котором упор делался на особую ценность квалифицированных учительских кадров в противовес сложившейся практике подготовки учителей на краткосрочных курсах, на которые принимались люди, не имевшие даже законченного среднего образования (а также связанный с ним декабрьский приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР и НКП РСФСР «О заочном обучении учителей»). Центральный положительный персонаж той же «Школьной учительницы» («из бывших», выпускница института благородных девиц) был бы совершенно непредставим в подобном фильме в 1930-е гг. Рефлексом раннесталинской традиции в данном случае можно считать разве что полное отсутствие в кадре каких бы то ни было отсылок к дореволюционной жизни героини в ее частных аспектах, которые, видимо, воспринимались бы просто как не политкорректные.

То обстоятельство, что, по большому счету, заказчик у позднесталинского кино остался только один – вплоть до того, что заказ в каком-то смысле уже носил не столько социальный, сколько индивидуальный характер – во многом определяло как художественные особенности этой традиции, так и ее функциональные характеристики. Так, четыре позднесталинских фильма про школу четко соответствуют четырем потенциально возможным пропагандистским нишам, связанным с этой темой. У нас есть фильм про учителя

(«Сельская учительница», 1947, Марка Донского), фильмы про октябрёнка («Первоклассница», 1948, Ильи Фрэза), пионера («Красный галстук», 1948, Владимира Сухобокова и Марии Сауц) и про комсомольца («Аттестат зрелости», 1954, Татьяны Лукашевич) – чего же еще. Три «детских» фильма отрабатывают один и тот же сюжет о вполне советском, но не вполне правильном ребенке, который совершает череду неправильных выборов, а затем под воздействием детского коллектива и руководящих этим коллективом мудрых старших товарищей проходит процедуру нормативизации. Природа позднесталинского кино, в идеале представлявшего собой каталог локальных (профессиональных, возрастных, ситуативных и т. д.) вариаций одной и той же модели становления и бытования Советского Человека, здесь являет себя в полной мере. Разнообразие сюжетов невозможно в силу принципиального для зрелого сталинизма настаивания на бесконфликтной природе любой «нашей» социальной среды⁵. Для позднесталинской эпохи сюжетообразующий потенциал школы как социального института и как социальной среды невелик, поскольку система не рассматривается как внутренне напряженная и в этом смысле школа почти ничем не отличается от других сред и институтов. Единственное существенное отличие, потенциально крайне выигрышное: повышенная эмоциональная и эмпатийная насыщенность «детских» сюжетов⁶, а также право персонажа-ребенка на гораздо большую по сравнению со взрослыми персонажами «амплитуду неправоты», которая при этом не будет превращать его во «врага». Молчаливо подразумеваемая социальная незрелость и без-

⁵ Есть основания полагать, что именно эти «мироощущенческие» основания, прежде всего, и обусловили столь резкое неприятие заказчиком второй серии «Большой жизни», которая как с точки зрения основного посыла, так и с точки зрения конкретных деталей мало чем отличалась от первой серии, получившей заслуженную Сталинскую премию. Антагонистическая (и даже просто относительно резкая) сюжетная напряженность, вполне уместная в 1939 г. и в полной мере отвечавшая заказу на выявление оставшихся конфликтных зон, в 1946 г. воспринималась тем же заказчиком как шокирующая неуместная. Критерием степени раздражения в данном случае является гиперреакция. Фильм не просто запретили к показу или даже смыли: потребовалось целое постановление ЦК ВКП(б) с детальным художественным анализом – честь, которой не удостоивалась, пожалуй, еще ни одна советская картина.

⁶ Особое внимание оттепельного кинематографа и оттепельной кинокритики к детской теме (в широком смысле слова) также отмечается А. Прохоровым, со ссылкой на сей раз на статью Я. Варшавского «Эстетика честности»: «Есть в выборе “детской темы” еще одно обстоятельство, особенно существенное для молодого художника: он ищет надежную естественную эмоцию, сильно действующую на человеческое сердце. “Детская тема” вызывает именно такую эмоцию». Варшавский Я. Эстетика честности: Молодые режиссеры советского кино. Л.; М.: Искусство, 1962. С. 52 (Прохоров А. Унаследованный дискурс. С. 31). Приведенная цитата в контексте «манипуляции искренностью» говорит сама за себя. Мотивация здесь совершенно сталинская.

ответственность героя в данном случае повышает «планку безопасности». Резкий взлет школьного кино в поздне-оттепельную эпоху во многом будет объясняться грамотным использованием именно этого ресурса. Наличие выраженной конфликтной базы в единственном позднесталинском «взрослом» фильме на школьную тему объясняется исключительно тем, что это фильм исторический, и здесь на современность приходится только завершающая череда сцен – как раз стерильно бесконфликтных – знаменующих собой окончательное «воцарение» персонажа Веры Марецкой⁷.

Особый интерес представляет элитарное (номенклатурное) социальное происхождение протагонистов всех без исключения «детских» позднесталинских фильмов на школьную тему (о «Сельской учительнице» в сходном контексте речь уже шла выше). По крайней мере в двух из них, в «Красном галстуке» и в «Аттестате зрелости», избалованность и заносчивость главных героев (в сочетании с несомненными талантами), собственно, и становится основой для конфликта. Ключом к интерпретации этого устойчивого сюжета может послужить незатейливо дидактический пафос принципиально «наивной» «Первоклассницы», в которой амбициозная девочка слишком рьяно принимается присваивать сугубо внешние атрибуты недоступных ее пониманию функций учительницы. Попытки, естественно, проваливаются; в качестве компенсации Марусе дозволяется проявить лидерские качества во время едва ли не обязательного в советской детской литературе бурана. Впрочем, спасает девочек во время этого бурана вся большая советская семья во главе все с той же классной руководительницей. Советский человек, сколь бы одаренным и амбициозным он ни был, прежде всего, не должен забывать о существовании руководящих инстанций, причастных высшей логике, недоступной пониманию смертных: даже если эти смертные по праву претендуют на элитный статус. А в финале фильма Маруся вместе с хором одетых в школьную форму девочек поет на сцене бодрую песню на фоне гигантского портрета Сталина, который оказывается смысловым центром всего эпизода, да и в кадре появляется гораздо

⁷ Характерно, что история в «Сельской учительнице» тоже достаточно резко распадается на «конфликтную» и «бесконфликтную» половины. Первая длится от начала времен и вплоть до окончания борьбы с кулачеством (т. е., собственно, до принятия сталинской Конституции в 1936 г.); и антагонистический конфликт, и связанная с ним система травм являются законными эндемиками этого периода. Вторая есть история социалистического СССР, в котором антагонистический конфликт может носить исключительно внешний характер, а место травмы – на наглядном пособии, как в случае с фотографией Зои Космодемьянской, которую героиня Марецкой в мобилизационных целях демонстрирует классу, получая в ответ едва ли не оттепельный эмпатийный парад детских лиц, взятых крупным планом.

чаще, чем все остальные ее участники. При этом родители девочек – как биологические, так и «публично-функциональные» – сидят в зале, а на сцене царит Вождь и Учитель, окруженный и отделенный от профанного пространства венком из девичьих белых фартучков и бантиков, которые выполняют в этой заключительной сцене фильма ту же самую роль, которую на плакатах и картинах выполняют букеты и гирлянды цветов. Претензии на исключительность, купируемые «старшими товарищами», становятся категорически нелепыми в присутствии единственного человека, исключительного по определению, по отношению к которому даже «старшие товарищи» представляют собой всего лишь восторженную аудиторию.

Вообще, та помпезная имперская уверенность в себе, которую старательно излучает позднесталинское кино, во многом строится на демонстративной имитации разнообразия, сквозь которую то и дело проглядывает жесткая унифицированная схема. И в этом отношении термин «сталинское барокко» представляется вполне уместным. Как и в искусстве барокко, основой эстетического удовольствия и, одновременно, главным содержанием транслируемого морально-этического меседжа здесь является умение зрителя совмещать собственную точку зрения с той единственно возможной позицией, взгляд из которой только и позволяет приводить все это счастливое мишурное кружение к гармонии. И эта точка зрения находится на линии зрения бога. Если исходить из этой позиции, ряд вопросов и претензий, предъявляемых со стороны, отпадает сам собой – вроде вопроса о соотношении этой системы репрезентаций с какой бы то ни было реальностью. Искусство здесь – не способ постижения действительности, как то декларирует только встающая на почву радикальной виртуализации бытия «реалистическая» эстетика; и не инструмент прямого воздействия на эту реальность, как в эстетике авангарда; оно превращается в способ настройки оптики виденья, позволяющей различать самоценные смыслы.

Отсюда не только тотальное нежелание допускать в эстетизированное пространство все недолжное, не только бесконечные и абсолютно самодостаточные каталоги «правильных вещей»: отсюда, скажем, и совершеннейшая зыбкость понятийного аппарата, описывающего человеческие отношения, – категории легко перетекают одна в другую, роли принимаются и оставляются: семейные, соседские, дружеские – и в любом случае плотно якорятся на элементах, отсылающих к сталинской «вечности». В отличие от 30-х годов, где идет планомерное и уверенное разрушение всех микрогрупповых контекстов, целью которого является социальное конструирование, здесь эти контексты учитываются в том «снятом» виде, который позволяет безболезненно и ненапряженно встроить их в единое, тотально пронцаемое для единой логики целое. В качестве примера можно

привести одну из многочисленных риторических конструкций, при помощи которых персонажи этих фильмов описывают собственное поведение. В «Красном галстуке» пионер Валерий Вишняков, оценивая совершенный им неблагоприятный поступок, произносит фразу: «Я поступил подло, не по-товарищески, не по-пионерски». Интерес в данном случае представляет не только четко выраженная иерархия контекстов – оценка личностная, моральная (подло), «закрывается» оценкой, данной с точки зрения малой группы (не по-товарищески), а та, в свою очередь, служит ступенью к еще более расширительной контекстуализации, выводящей конкретный поступок на уровень больших публичных сфер (не по-пионерски). Не менее показательно то обстоятельство, что все эти три уровня получают право сосуществовать в рамках единого высказывания, оценивающий пафос которого не различает далее больших и малых величин.

Буквально на следующий год после смерти Сталина начнут проявляться симптомы разрушения этой эстетики, возможной только при наличии персонализированного взгляда, источника всех и всяческих оценок и смыслов. Отдельные элементы системы начнут претендовать на самооценку и автономию от нее. Со временем именно эту тенденцию попытается поставить себе на службу последний успешный советский мобилизационный проект, оттепельный, с его манипулятивной попыткой переадресации ответственности за судьбы бытия на уровень отдельной личности. Школьное кино станет частью именно этого проекта, и именно в его логику будет встраивать элементы позднесталинского кинематографического дискурса.

Е. Ю. Титаренко

ОБРАЗ ДОНБАССА В СОВЕТСКОМ ПОСЛЕВОЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ, 1945–1950 гг.

Послевоенный период в Украине ознаменовался глубокими изменениями в образе жизни населения, в том числе и в культурной сфере. Пребывание населения под иноземной оккупацией с ее системой идеологического влияния, уничтожение во время войны традиционной системы культурно-просветительных учреждений обусловили ситуацию, когда наряду с восстановлением разрушенной войной экономики для власти жизненно важным стало налаживание не только механизма культурного обслуживания населения, но и создание новых художественных образов и символов. И в период войны, и в послевоенное время они были призваны выполнить как легитимизирующую функцию для власти, так и мобилизующую – для населения. Важнейшим инструментом создания этих образов, элементом формирования системы мировоззренческо-ценностных координат населения стал кинематограф. Именно кино выступало в качестве важного средства проведения досуга, знакомства с новым и доселе незнакомым образом жизни, визуализации тех образов счастливого будущего и героического прошлого, которых требовала тяжелая послевоенная повседневность. Выполняя эту функцию, кинематограф, как отмечает Ричард Тейлор, известный западный исследователь киноискусства СССР периода сталинизма и нацистской Германии, оставался «идеальным пропагандистским оружием»¹.

Исходя из этого чрезвычайно привлекательным объектом для формирования образа «героического прошлого» и «счастливого будущего» кинематографическими средствами являлся Донбасс, который традиционно считался ключевым с точки зрения реализации задач Советской власти регионом, своеобразным символом «успехов социалистического строительства».

¹ Taylor R. Film propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany. Croom Helm London, Bartnes & Noble Books, N. Y., 1979. P. 31.

Следует отметить, что попытки воссоздать образ военного Донбасса предпринимались в документальном кинематографе уже в период войны, прежде всего в широко известной работе Александра Довженко «Битва за нашу Советскую Украину». Малоисследованным, но чрезвычайно важным аспектом кинодокументалистики военного времени, апеллировавшей к Донбассу, стали съемки в населенных пунктах региона сразу же после освобождения от оккупации. Ключевую роль в этих съемках сыграли фронтовые кинооператоры. Как позволяет судить докладная записка начальника киногоруппы Юго-Западного фронта В. Ещурина начальнику Главка кинохроники Ф. Васильченко, уже в конце февраля 1943 г. перед ним была поставлена задача съемки материала для фильма «Освобождение Донбасса»², однако сведений о выходе этого фильма на киноэкраны найти не удалось. Намного больше сделали кинодокументалисты летом–осенью 1943 г. Им удалось зафиксировать вид городов, объектов промышленной и социальной инфраструктуры в условиях боевых действий, поведенческую реакцию людей, которые пережили оккупацию³. Особое внимание было уделено местам съемки мест преступлений оккупантов по отношению к местному населению. Это было своеобразным шоком как для кинооператоров, так и для жителей, которые становились свидетелями этого. Достаточно красноречивым является процесс описания эксгумации на месте казни гражданского населения в Донбассе, описанный фронтовым кинооператором В. Томбергом: «В Донбассугле я узнал, что в заброшенных старых шахтах в окрестностях Сталино обнаружено много трупов, целые кладбища, зверски замученных людей. Мне дали автомашину, и я поехал снимать. Из штрека по вертикальному стволу поднимали в большой бадье останки истерзанных пытками и расстрелянных местных жителей... Изуродованные тела осторожно укладывали на снег. Вокруг собрались городские и деревенские жители: в основном – изможденные старые женщины. Они понуро, безмолвно двигались или стояли, напряженно вглядываясь в то, что осталось от людей...»⁴

К сожалению, значительная часть материалов, снятых кинооператорами, не пережила войну, была использована без снятых резервных копий для монтажа тех или иных фильмов. И хотя далеко не все из этих материалов сохранились и стали доступными для зрителя, объекты, которые снимались, сам факт съемок на улицах освобожденных

² Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг.: Документы и свидетельства / авт.-сост. В. П. Михайлов, В. И. Фомин. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. С. 566–567.

³ Там же. С. 572.

⁴ Томберг В. Э. В тылу и на фронте. М.: Эйзенштейн-центр, 2003. С. 165–167.

населенных пунктов Донетчины (есть данные о работе кинооператоров в Сталино, Макеевке, Краматорске⁵), участие в них населения стали дополнительными аргументами в пользу того, чтобы у местного населения сформировался высокий уровень интереса и, очевидно, доверия к художественному кинематографу и кинохронике военного времени.

С освобождением региона от оккупации, завершением войны перед советской кинематографией встали новые задачи. Весомым фактором влияния на сознание населения, актуализации его патриотических чувств, учитывая способность кинематографа отвечать на потребности зрителя в сопереживании, в получении эстетического наслаждения, в отклике на определенный тип социального поведения⁶, стал ряд снятых в 1945–1948 гг. художественных лент, которые надолго стали символами военного Донбасса.

Настоящим событием в советском военном и послевоенном кинематографе стал выход на экраны фильма «Непокоренные» по мотивам одноименной повести Бориса Горбатова. Повесть впервые была опубликована на страницах газеты «Правда» в 1943 г. (газетный вариант, правда, назывался несколько иначе – «Семья Тараса»). В основу произведения легли личные впечатления автора, который входил в города Донбасса вместе с передовыми частями Красной армии. Кстати, свидетельством признания как высоких художественных достоинств повести, так и ее значительного мобилизационного потенциала стало присуждение ей в 1946 г. Государственной премии СССР. Она произвела огромное впечатление не только на общественность, но и на кинематографистов, которые воспользовались возможностью экранизации произведения⁷. Очевидно, в немалой степени этому способствовало также и то обстоятельство, что несмотря на то, что события, описанные в повести Б. Горбатова, происходят в Украине, ее главный герой Тарас апеллирует к «русской душе»⁸.

По мотивам повести кинорежиссер Марк Донской снял в 1945 г. на Киевской киностудии одноименный художественный фильм, получивший главный приз на VII Международном кинофестивале в Венеции в 1946 г.⁹

⁵ Цена кадра. С. 572–575.

⁶ Вайсфельд И. В. Кино как вид искусства. М.: Знание, 1983. С. 94.

⁷ Воспоминания о Борисе Горбатове / сост. Б. Галанов, С. Караганова. М.: Советский писатель, 1982. С. 303.

⁸ Berkhoff K. Motherland in Danger. Soviet propaganda during World War II. Garvard Univ. Press, 2012. P. 204.

⁹ Корниенко И. С. Киноискусство Советской Украины. М.: Искусство, 1975. С. 136.

Основной идеей произведения является изображение героической жизни и деятельности обычных людей – жителей Донбасса. Через жизнь одной семьи показана история самоотверженной борьбы народа за свою Родину. Так, один из главных героев – шестидесятилетний Тарас Яценко, не желающий восстанавливать завод для немцев, является инициатором саботажа на заводе. За это его и еще нескольких мастеров водят на работу под конвоем¹⁰. Еще один вопрос, поднимающийся в кинофильме, – это конфликт Тараса со своим младшим сыном Андреем, который, вернувшись из плена, ищет дома поддержку, а вместо этого прослысает изменником и предателем. Тарас не оставляет сыну выбора как идти на фронт и воевать, чтобы развеять все сомнения¹¹. Честность, отвага и патриотизм – основные черты главных героев. Именно такими советское государство хотело видеть своих граждан.

Следует отметить, что в этом фильме достаточно рельефно представлена не только тема подвига, но и страдания. В частности, в фильм режиссером Донским включен эпизод массового расстрела евреев. Съемка осуществлялась в освобожденном к тому времени Киеве, на подлинном месте нацистских злодеяний (хотя события повести происходят в Донбассе). Это было первое в истории изображение кинематографическими средствами одного из наиболее трагичных событий Второй мировой войны. Как отмечают кинокритики, «документальная ценность этих кадров, не говоря об их эмоциональной силе, исключительна»¹².

Кинофильм «Непокоренные» послужил своеобразным ориентиром в развитии темы народа в Великой Отечественной войне. Фильм в немалой степени способствовал формированию и закреплению в сознании населения в определенной мере мифологизированного образа донецкого пролетария – несокрушимого борца с фашизмом. Лента стала важным средством популяризации знаний о всенародном характере Великой Отечественной войны не только у советского, но и у зарубежного зрителя, поскольку уже в 1946 г. состоялась его премьера в США, а в течение следующих двух лет его увидели жители Германии и Франции.

Летом 1945 г. в Сталино проходили съемки художественного фильма «Это было в Донбассе». Одним из авторов сценария был писатель Б. Горбатов, режиссером фильма стал один из культовых со-

¹⁰ Горбатов Б. Непокоренные; Гончар О. Знаменосцы. М.: Художественная литература, 1965. С. 54.

¹¹ Там же. С. 116.

¹² Зоркая Н. Визуальные образы войны // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 752.

ветских кинематографистов, создатель одного из наиболее значимых довоенных советских фильмов «Большая жизнь» Л. Луков, который «так же, как и Горбатов, хорошо знает Донбасс и его замечательных людей»¹³. В фильме в духе требований того времени рассказывается о героической борьбе молодежи, которая в годы войны противостояла захватчикам в оккупированном Донбассе. Перед зрителями возникают образы волевых людей, отдающих свою жизнь за свой народ и за Родину. Например, одна из сюжетных линий кинофильма показывает самоотверженный отказ шахтеров восстанавливать взорванную шахту и работать на оккупантов, несмотря на то, что гибнет их товарищ – комсомолец Федор¹⁴.

Один из наиболее ярких и динамичных эпизодов – это расстрел матросов у ворот концентрационного лагеря. Расстрел происходит под песню матросов на глазах у сотен жителей города. С этим эпизодом связан интересный момент: жители города, помня опыт оккупации, не сразу поняли, что идут съемки фильма и чуть не набросились на актеров в немецкой форме¹⁵. Снимался фильм на киностудии имени Горького (тогда «Союздетфильм») и после выхода на широкий экран стал одним из лидеров кинопроката.

Особое место в послевоенном кинематографе, связанном с Донбассом, принадлежит Л. Лукову. Уроженец Мариуполя, он закончил рабфак и хорошо знал жизнь шахтеров. Именно фильмы о шахтерском труде – «Большая жизнь» и «Донецкие шахтеры» – принесли Лукову две Сталинские премии в 1941 и 1952 гг. Впрочем, не все фильмы Леонида Лукова были настолько успешны. Между ними была вторая серия «Большой жизни», которая была снята в 1946 г. и подвержена чрезвычайно суровой критике. Кинокартина вышла на экраны только через 12 лет.

События, показанные в фильме, отражают повседневную жизнь на одной из шахт Донбасса и в шахтерском поселке во время войны. Режиссер отразил действительность, реальное положение рабочих в первые послевоенные годы, бытовые сцены, особенности коммуникации людей в рабочей среде друг с другом. Режиссер попытался не столько и не только изобразить романтику восстановления, сколько показать тяжелые реалии послевоенного Донбасса, коснуться некоторых табуированных тем, как, например, коллаборация во время ок-

¹³ Большаков И. Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. М.: Госкиноиздат, 1950. С. 68.

¹⁴ Социалистический Донбасс. 04.08.1945.

¹⁵ Форум-обговoreния кинофильму «Це було в Донбасі». URL: <http://www.kinoteatr.ru/kino/movie/sov/8102/forum/#1124888>

купации и недостаточный уровень компетентности ряда ответственных работников на шахтах.

Однако именно стремление Л. Лукова снять фильм, максимально приближенный к повседневности, и стало причиной критических оценок фильма партийной верхушкой. Вероятно, критической оценке фильма способствовало и то, что в нем совершенно недостаточно была представлена роль Сталина¹⁶. В специальном постановлении ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. говорилось, что фильм порочный в идейно-политическом и крайне слаб в художественном отношении, он проповедует отсталость, бескультурье, невежество и не соответствует действительности. В постановлении отмечалось: «В фильме изображен лишь один незначительный эпизод первого приступа к восстановлению Донбасса, который не дает правильного представления о действительном размахе и значении проводимых советским государством восстановительных работ в Донецком бассейне. К тому же восстановление Донбасса занимает в фильме незначительное место, а главное внимание уделено примитивному изображению всякого рода личных переживаний и бытовых сцен. Поэтому содержание фильма не соответствует его названию. Более того, название фильма “Большая жизнь” звучит как насмешка над советской действительностью»¹⁷.

Из этого фильма вышла в свет известная песня «Спят курганы темные...», которая стала гимном донбасских шахтеров. Однако и эта песня, и деятельность авторов, и работа всей съемочной группы была определена следующим образом: «Для связи отдельных эпизодов в фильме служат частые выпивки, пошлые романсы, любовные приключения, ночная болтовня в постели. Введенные в фильм песни (композитор Н. Богословский, авторы текстов песен А. Фатьянов, В. Агатов) проникнуты кабацкой меланхолией и чужды советским людям. Все эти низкопробные приемы постановщиков, рассчитанные на разноплановые вкусы и особенно на вкусы отсталых людей, отодвигают на задний план основную тему фильма – восстановление Донбасса»¹⁸.

Несмотря на то что режиссер «реабилитировался» снятым в 1950 г. фильмом «Шахтеры Донбасса», искусственность многих

¹⁶ Куромія Г. Свобода і терор у Донбасі: Українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки / [пер. з англ. Г. Кьорян, В. Агеев; передм. Г. Немирі]. К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002. С. 446.

¹⁷ Культурне будівництво в Українській РСР. Найважливіші рішення Комуністичної партії і радянського уряду. Збірник документів: в 2 т. К.: Державне видавництво політичної літератури УРСР, 1961. Т. 2.: Червень 1941–1960. С.138.

¹⁸ Там же.

эпизодов, чрезмерная идеализация условий и обстоятельств послевоенного восстановления не могла не вызвать у вдумчивого зрителя-донбассовца много вопросов, которые, с одной стороны, ставили под сомнение способность кино реалистично отображать действительность, а с другой – как справедливо отмечает известный немецкий историк Таня Пентер, заставляли задуматься над причинами запрета анонсированных фильмов¹⁹.

Еще одним кинофильмом, который на долгие годы стал символом Донбасса, была картина «Молодая гвардия», вышедшая на киноэкраны в октябре 1948 г. и широко анонсированная в средствах массовой информации как фильм, «посвященный 30-летию Ленинско-Сталинского комсомола»²⁰. Тысяча пятьсот копий фильма демонстрировались во всех крупнейших городах Советского Союза. Только лишь 11 октября – в первый день демонстрации картины – ее посмотрело 175 тыс. человек в Москве, 130 тыс. человек в Ленинграде, 8,5 тыс. зрителей посетили центральный кинотеатр им. Шевченко в Сталино в этот день²¹. Буквально на следующий день ключевые советские газеты вышли с рецензиями и отзывами зрителей, которые носили восторженный характер. Некоторые издания посвятили этому фильму целые номера, помещая в них не только отзывы, но и кадры из фильма с соответствующими комментариями. Следует отметить, что в условиях дефицита документов, посвященных деятельности «Молодой гвардии», именно кадры из фильма использовались в музейно-экспозиционной работе²², создавали соответствующий визуальный фон, способствовали большей аттрактивности музейных экспозиций, посвященных подпольно-партизанскому движению в годы войны.

В прокате 1948 г. фильм занял первое место, а через год создатели «Молодой гвардии» получили почетную Сталинскую премию. Ключевой в фильме стала сцена казни молодогвардейцев, которая дает представление об особенностях восприятия населением кинематографических образов, создававшихся на местном материале. По воспоминаниям очевидцев, съемки этой сцены проводились вечером, но уже с середины дня вокруг разрушенного копра шахты собрались жители города. Люди стояли и молчали, сдерживая рыдания, а молодым актерам приходилось несколько раз делать дубли, исправлять неизбежные технические неполадки. Однако лучшим фрагментом, кото-

¹⁹ Penter T. Kohle für Stalin und Hitler. Arbeiten und Leben im Donbass 1929 bis 1953. Essen: Klartext Verlag, 2010. S. 375.

²⁰ Социалистический Донбасс. 08.10.1948.

²¹ Там же. 13.10.1948.

²² Молодая гвардия: Документы и воспоминания / сост. В. Н. Боровикова, И. И. Григоренко, В. И. Потапов. Донецк: Изд-во «Донбасс», 1970. С. 257.

рый верно передал художественный смысл этой сцены, оказался первый дубль, снятый сразу, без репетиций, в том состоянии душевного потрясения, которое сложилось в эти минуты. Он и вошел в картину. В контексте этого интересно интервью актрисы Инны Макаровой, сыгравшей роль Любы: «Мы ведь к самому материалу, к истории этих ребят относились с невероятным энтузиазмом и чистотой, – говорила она. – Это все же было. Помню, как приходили люди из соседних станиц, смотрели, как снимали сцену казни. Шурф забетонировали, лететь надо было метра два. Внизу подстелили маты. Но ребят падало много, порода торчала. Кто-то голову разбил, кто-то вывихнул руку. Четыре ночи снимали. Мы все по сцене в рваных платьях, босиком. А уже осень, холодно»²³.

Надо также сказать о том, что писалась книга по горячим следам, наскоро (по словам самого Фадеева, не претендуя на документальную точность²⁴), поэтому в фильме «Молодая гвардия» масса фактических недочетов. Как известно, прообразом предателя Стаховича стал один из молодогвардейцев Виктор Третьякевич. Позже выяснилось, что это ошибка и обвинения Третьякевича в измене безосновательны. В 1960 г. он был награжден (посмертно) орденом Отечественной войны 1-й степени «как первый комиссар Молодой гвардии». После этого внес поправки в свой фильм и Сергей Герасимов. Эпизоды со Стаховичем-Третьякевичем были вырезаны. Финал картины переозвучили – отныне диктор в числе других погибших молодогвардейцев называл и Виктора Третьякевича²⁵.

Безусловно, несмотря на отход от исторической истины, натянутость некоторых эпизодов фильма стала заметным явлением в советском послевоенном кинематографе, тем более ценным с точки зрения государственного официоза, что он восполнил «существенный пробел в романе А. Фадеева, в котором не показана роль партийного руководства»²⁶. Картина активно демонстрировалась за рубежом, прежде всего в странах социалистического лагеря, и, как подтверждают документы, способствовала росту симпатий к Советскому Союзу²⁷.

В целом следует признать, что для населения той эпохи кино выступало в качестве важного средства проведения досуга, знакомства с новым и еще неизвестным образом жизни, визуализации тех образов

²³ «Молодая Гвардия». URL: <http://www.rusfiliny.ru/content/molodaya-gvardiya>

²⁴ Народ и война: Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Н. А. Араловец, Е. Н. Бикейкин, Н. Ф. Бугай; отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сеньявский. М.: Гриф и К, 2010. С. 221.

²⁵ Миусский И. А. 100 великих отечественных кинофильмов. М.: Вече, 2007. С. 170.

²⁶ Социалистический Донбасс. 13.10.1948.

²⁷ Молодая гвардия: Документы и воспоминания. С. 255–256.

счастливого будущего и героического прошлого, в которых так нуждалась тяжелая военная и послевоенная повседневность человека. Образ Донбасса как одного из ключевых регионов индустриального могущества Советского Союза, сформированный и в определенной степени мифологизированный еще в довоенное время, активно разрабатывался пропагандистскими средствами и после войны, с учетом ее опыта в регионе.

Кинофильмы «Непокоренные», «Это было в Донбассе», «Молодая гвардия», «Большая жизнь» стали ключевыми факторами формирования в общественном сознании представления о военном, непокоренном оккупантами, и послевоенном, самоотверженно работающем Донбассе средствами кинематографического искусства.

КАМПАНИЯ БОРЬБЫ С «НИЗКОПОКЛОНСТВОМ» И «БЕЗРОДНЫМИ КОСМОПОЛИТАМИ» В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Во второй половине 1940-х гг. в СССР усилилось вмешательство партийных и государственных органов в духовную жизнь общества. Требования к творческой деятельности были изложены в различных партийных постановлениях по вопросам литературы и искусства. В условиях начавшейся холодной войны в СССР развернулась борьба против низкопоклонства перед западной культурой, за социалистическую культуру.

Указанные идеологические кампании не миновали Калининградскую область, которая была создана в 1946 г. на части бывшей Восточной Пруссии, присоединенной к Советскому Союзу по решению Потсдамской конференции. Таким образом, местное противодействие «низкопоклонству» и «безродным космополитам» вписывалось в общегосударственные мероприятия, когда, по воспоминаниям калининградцев, за хороший отзыв об иностранной музыке или фильме можно было попасть в число космополитов¹. Эта борьба имела благодатную почву, т. к. в области осталось много образцов немецкой культуры, которые у советских переселенцев вызывали одобрение. Следовательно, налицо было явное и осуждаемое преклонение перед западной культурой. В регионе, по мнению калининградского историка Ю. В. Костяшова, под космополитизмом понимали, прежде всего, положительное отношение к остаткам германской культуры и к немцам, а местная специфика проявилась в соединении борьбы против низкопоклонства с лозунгом об «изгнании прусского духа»².

В области приступили к разоблачению «низкопоклонства» в сентябре–октябре 1947 г. сначала на областном комсомольском активе,

¹ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград, 2003. С. 198.

² Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области: Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009. С. 56.

затем на собрании интеллигенции Калининграда во время обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина³.

Калининградское низкопоклонство перед германскими достижениями в быту и технике заклеямили как идейную болезнь и раболепие, граничившее с буржуазным перерождением. Таким пороком оказались охвачены разные слои населения, включая партийных, комсомольских и советских работников, подходивших без должной идеологической оценки к «мелочам буржуазного быта и буржуазных порядков»⁴, с которыми на каждом шагу сталкивались советские переселенцы. В принципе, получалось, что в Калининградской области была очень сложная, если не опасная идеологическая ситуация. Здесь получил практическое подтверждение тезис из секретного письма ЦК ВКП(б) о том, что одним из источников «раболепия и низкопоклонства является влияние на наименее устойчивую часть нашей интеллигенции капиталистического окружения»⁵. Эту мысль почти буквально, но с акцентом на калининградскую специфику в одном из выступлений воспроизвел секретарь обкома компартии по пропаганде и агитации И. П. Трифонов, подчеркнувший, что молодежь, приехавшая из разных краев СССР, «находится в окружении немецкого населения», которое отрицательно влияет на некоторых ее представителей⁶.

В местных партийных кругах старались подчеркнуть, что низкопоклонством заражено не все население области. На собраниях в 1947–1949 гг. порицались «наиболее отсталая часть нашей молодежи» или «некоторая отсталая часть интеллигенции». В полном соответствии с письмом ЦК Компартии калининградское партийное руководство утверждало, что только интеллигенция или, по крайней мере, «худшая» ее часть подвержена преклонению перед западной буржуазной культурой. В письме констатировалось, что «агенты иностранных разведок усиленно ищут слабых и уязвимых мест и находят их в среде некоторых слоев нашей интеллигенции, зараженных болезнью низкопоклонства и неверия в свои силы»⁷. В духе этих выво-

³ Книга памяти жертв политических репрессий: Калининградская область / сост. Е. И. Смирнова, В. Н. Маслов; под ред. В. Ю. Курпакова, Е. И. Смирновой. Калининград, 2007. С. 380; ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 82. Л. 29–31, 32–36, 37–42.

⁴ Там же. С. 380, 381.

⁵ Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина. 16 июля 1947 г. // Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / под. общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М., 2005. С. 126.

⁶ Государственный архив Калининградской области (далее – ГАКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 82. Л. 34.

⁷ Закрытое письмо ЦК ВКП(б)... С. 124, 126.

дов калининградское партийное руководство поставило задачу «повседневно развивать в сознании всех слоев интеллигенции чувство советской национальной гордости, советский патриотизм, бороться с низкопоклонством некоторой отсталой части интеллигенции»⁸, исключив, таким образом, рабочих и крестьян из круга потенциальных низкопоклонников.

«Отсталые» представители интеллигенции, да и не только они бичевались за то, что восхищались бытовыми удобствами немецких квартир, «восхваляли немецкие достопримечательности Калининграда», занимались приобретением «у немцев разным путем изысканной мебели, серебряной и хрустальной посуды». Некоторые советские жители новой российской области предпочитали лечиться у немецких врачей. Стремясь противостоять этой тенденции, секретарь Калининградского обкома ВКП(б) И. П. Трифонов бездоказательно заявил, что «давно уже известно все тупоумие и ограниченность немецких специалистов»⁹.

Впрочем, складывается впечатление, что это были ритуальные речи, порожденные необходимостью участвовать в идеологической кампании. Широкомасштабных преследований за такое низкопоклонство не было. Для многих калининградцев все заканчивалось публичным осуждением, хотя, конечно, некоторых увольняли с работы за дружеские отношения с немцами. Однако никто не прекратил пользоваться немецкими жилыми домами, канализацией и водопроводом, брусчатыми дорогами, садами, сельскохозяйственными угодьями; найденные посуда, орудия труда и станки не уничтожались, а применялись в быту и на производстве.

В начале 1950-х гг. к борьбе с проявлениями низкопоклонства присоединились органы советской власти. Например, на сессии Калининградского городского Совета 30 августа 1951 г., с одной стороны, утверждалось, что низкопоклонничают перед немецкими бытовыми удобствами «*некоторые* малоискушенные товарищи». С другой – признавалось, что «во *многих* квартирах висят аляповатые, пошлые немецкие олеографии мещанского и даже религиозного содержания», оставшиеся от бывшего населения этой территории. Также власти зафиксировали, что *большим* спросом пользовались продававшиеся на улицах и на рынке «какие-то раскрашенные открытки с сентиментальными надписями, изображающие целующиеся пары», клеенки с грубо нарисованными полуобнаженными женщинами. Все это посчитали порождением остатков немецкого буржуазного искус-

⁸ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 82. Л. 30.

⁹ Книга памяти жертв политических репрессий... С. 380, 381; Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области... С. 57.

ства и «тлетворного влияния мелкобуржуазного мещанства». Чтобы пресечь низкопоклонство, артефактам немецкой культуры давали убийственные характеристики – пошлятина, мещанская безвкусица, убогость и растленность, безыдейщина, дребедень, дрянь и т. п. Немецкие здания, в которых жили советские граждане, описывали как «дома казарменного типа, дома коробки, окрашенные мрачными тонами». Примечательно, что на сессии горсовета в период разоблачения космополитов «борьба с остатками буржуазной прусской культуры» не вылилась в наказание конкретных людей, т. к. слишком широко распространилось в быту использование элементов немецкой культуры. Депутаты ограничились предложением показать убогость немецкой культуры, а местным художникам посоветовали активно писать картины и вытеснять элементы немецкой культуры из жизни калининградцев¹⁰.

Вместе с тем нельзя утверждать, что борьба с космополитизмом и низкопоклонством в области ограничилась только словесными порицаниями и идеологическими заклинаниями. По воспоминаниям переселенцев в Калининградскую область, в период борьбы с космополитизмом исчезали, вероятно, арестовывались некоторые люди, сомневавшиеся в правильности огульной критики буржуазной демократии¹¹.

Население края формировалось путем переселения из российских и белорусских регионов, яркие творческие личности, которых можно было обвинить в космополитизме, еще не появились, поэтому стрелы идеологического преследования нацелили на руководителей учреждений культуры.

Пожалуй, в то время самой активно действовавшей организацией было областное концертно-эстрадное бюро (КЭБ) – предшественник Калининградской филармонии. На виду оказались директор и художественный руководитель КЭБ А. Келдыш и М. Тыкочинская. Именно их в местной печати объявили «проводниками буржуазного космополитизма в концертно-эстрадном бюро»¹², а т. к. никто другой такого ярлыка не удостоился, то их, видимо, считали наиболее яркими космополитами среди деятелей культуры области.

А. В. Келдыш оказался удобной фигурой для обвинений, т. к. в Москве в музыкальных кругах подвергся критике его родной брат Ю. В. Келдыш как «безродный космополит-музыковед», «бывший

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 74. Л. 275, 304, 311.

¹¹ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев... С. 199.

¹² Михайлов Н. Проводники буржуазного космополитизма в концертно-эстрадном бюро // Калининградская правда. 27.03.1949.

активный вожак РАПМ, формалист и космополит»¹³. Имя еще одного брата – к тому времени профессора МГУ, участника работ по созданию советской термоядерной бомбы, дважды лауреата Сталинской премии М. В. Келдыша не упоминалось. Также, к счастью, ничего не говорилось о том, что А. В. Келдыш в 1938 г. был уже осужден как французский шпион. Правда, его дело в связи с арестом Н. И. Ежова пересмотрели, обвинение переквалифицировали в антисемитизм, который свидетели опровергли. Кроме того, в Калининграде не писали об аресте и расстреле брата Михаила, историка, аспиранта МГУ¹⁴.

Художественный руководитель КЭБ М. Тыкочинская также была очень подходящей персоной для борцов с космополитизмом. Она оказалась «воспитанницей космополитов»¹⁵ профессора М. С. Пекелеса и музыковеда И. В. Нестьева, которого объявили «воинствующим формалистом, торговавшим своими “трудами” за границей»¹⁶, за опубликование книги о С. С. Прокофьеве сначала за рубежом, а не в СССР¹⁷.

В такой компании именитых музыковедов оказались калининградские «космополиты». Следовательно, получалось, что космополитизм в среде творческой интеллигенции местных корней не имел, он был или следствием родственных связей, или результатом восприятия космополитических идей до приезда в Калининград. В любом случае, по логике авторов разоблачительных статей в областной прессе, нити формализма и космополитизма тянулись в Москву.

Руководителей КЭБ критиковали за то, что в течение нескольких недель после разоблачения «антипатриотической группы театральных критиков» в газетах «Правда» и «Культура и жизнь» они не провели в бюро соответствующего собрания, т. к. боялись разоблачения собственного пособничества «безродным космополитам».

Тыкочинская, утверждалось в областной газете, «протаскивает гнилые и враждебные идейки о неполноценности великой русской

¹³ Записка главного редактора газеты «Советское искусство» В. Г. Вдовиченко Г. М. Маленкову о положении в области музыкального искусства. 17 марта 1949 г. // Сталин и космополитизм... С. 315.

¹⁴ Сведения о родственниках А. В. Келдыша см.: Келдыш В. В. Семья Келдышей. URL: http://www.keldysh.ru/memory/keldysh/vera_keldysh.htm (дата обращения: 16.01.2015).

¹⁵ Михайлов Н. Проводники буржуазного космополитизма...

¹⁶ Записка главного редактора газеты «Советское искусство»... С. 315.

¹⁷ Лобачева Н. А. Оперный театр С. С. Прокофьева на примере «Повести о настоящем человеке» и незавершенных замыслов 1940-х годов: Автореф. дис. канд. искус. URL: <http://www.disscat.com/content/opernyi-teatr-ss-prokofeva-na-primere-povestio-nastoyashchem-cheloveke-i-nezavershennykh-za#ixzz3lb1h4q9C> (дата обращения: 16.01.2015).

культуры, берет под сомнение ее самобытность, угоднически расшаркивается перед буржуазной культурой Запада». Ее позиция была определена как «гнусное низкопоклонство перед буржуазным Западом» за высказанную в лекции мысль о том, что поездка за рубеж в 1844–1845 гг. значительно расширила музыкальный кругозор А. С. Даргомыжского. Художественного руководителя КЭБ обвинили во многих трудностях становления организации – распаде концертной бригады, почти прекратившейся деятельности театра кукол. Кроме того, она игнорировала советскую оперетту, приглашала на гастроли артистов «с низкопробными, безыдейными номерами». В таком же духе действовал и Келдыш, который насаждал «на эстраде аполитичность и безыдейность», «пустые, низкопробные, а иногда и халтурные выступления приезжих гастролеров»¹⁸.

Собрание работников КЭБ состоялось 25 марта 1949 г. Автор опубликованной в «Калининградской правде» статьи об этом событии пришел к не предвещавшему ничего хорошего выводу. В газете отмечалось, что Келдыш и Тыкочинская «не сложили оружие и всеми правдами и неправдами пытаются замести следы», а их обещаниям «учесть критику и перестроиться» вряд ли можно верить¹⁹.

Через некоторое время провели еще одно заседание, посвященное деятельности директора и художественного руководителя КЭБ. К прежним обвинениям добавили стремление добиться коммерческого успеха. В очередной газетной публикации установили, что Келдыш и Тыкочинская формально подошли к исправлению ошибок. Видимо, на собрании не прозвучали традиционные покаянные речи. В результате коллеги осудили «порочную, формалистическую, низкопоклонническую практику руководства концертно-эстрадного бюро со стороны гг. Келдыш и Тыкочинской»²⁰. М. Тыкочинская вскоре была уволена, А. Келдыш назначен заместителем директора областного драматического театра²¹. Это учреждение культуры, созданное в Калининграде в 1947 г., подверглось разгромной критике в конце 1940-х гг. «Злобствующий космополитизм», правда, обнаружен не был. Однако, как установили калининградские идеологические работники, в театре шли спектакли, густо отдававшие «натурализмом, ложной, рассчитанной на дешевый эффект театральностью... и формалистическими измышлениями». У всего этого вновь были

¹⁸ Михайлов Н. Проводники буржуазного космополитизма... См. также: ГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 52. Л. 100–102.

¹⁹ Михайлов Н. Проводники буржуазного космополитизма...

²⁰ «По следам выступлений “Калининградской правды”. “Проводники космополитизма в концертно-эстрадном бюро”» // Калининградская правда. 13.05.1949.

²¹ ГАКО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

найлены московские космополитические истоки. Режиссер театра Н. Л. Сац оказалась ученицей объявленного идеалистом режиссера В. Г. Сахновского²². Ее космополитом не признали, однако клеймили за то, что она в пьесах «старательно подчеркивает черты уродства советских людей» и «с удовольствием... пользуется» оружием безродных космополитов – безыдейностью в искусстве, т. е. «наносит советскому театру “ущерб с боковых позиций”». В газете «Калининградская правда» с возмущением писали, что партийная организация при обсуждении статей об «антипартийных группах театральных критиков» не вскрыла формалистических тенденций в творческой деятельности драмтеатра²³. Через несколько дней после публикации разоблачительной статьи в областной печати Сац уволили из театра, т. к. режиссер «на протяжении двух лет работы... допустила ряд грубых ошибок и не обеспечила высокоидейного и художественного содержания в постановке пьес»²⁴.

В 1951 г. Комитет по делам искусств при Совете министров РСФСР обвинил Калининградский драмтеатр в неудовлетворительном выполнении постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров, демонстрации в основном «слабых в идейно-художественном отношении пьес» или «второстепенных классических произведений». В очередной раз были уволены руководители областного театра, но в этот раз директора А. И. Целовальникова и главного режиссера А. П. Фомина обвинили не только в неспособности обеспечить нормальную работу театра, но и в «безответственном отношении к репертуарной политике»²⁵.

В космополитизме уличили школьных учителей и вузовских преподавателей. В Калининградской области в 1949 г. выяснили, что отдельные учителя, «слепо преклоняясь» перед зарубежными авторитетами, «недооценивали и принижали» идейное наследство отечественной науки, неправильно освещали историю русского народа. К примеру, местные идеологические работники категорически отвергали утверждения учителей о внешнем влиянии на становление русской культуры, объявили буржуазными положения учебников о переносе азбуки на Русь из Болгарии, критиковали «преподнесение в интерпретации немецкой идеологии» истории становления русской государственности на основе норманнской теории. Преподавателя

²² До конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков // Литературная газета, 29.01.1949.

²³ Долин Н. За подлинное советское театральное искусство // Калининградская правда, 24.04.1949.

²⁴ ГАКО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.

²⁵ Там же. Д. 8. Л. 25–26.

Винера критиковали за то, что «преувеличивал историческую роль еврейского народа». Впрочем, не всегда учителя раскрывали приверженность космополитизму. На одном из собраний установили, что некоторые педагоги «пренебрежительно относящиеся к отечественной науке и культуре, и если не высказывают открыто своих взглядов, то умалчивают о достижениях отечественной науки»²⁶. Они, скрывавшие свою позицию, признавались не менее опасными, чем явные космополиты.

Впрочем, среди калининградских учителей преобладала позиция, высказанная в октябре 1947 г. на собрании, посвященном международному положению СССР. Преподаватель Попова заявила: «Мы... призваны насаждать русскую культуру, русскую науку в молодой Калининградской области»²⁷. Учителей-космополитов оказалось не так уж и много, однако их фамилии звучали на областных партийном и комсомольском активах, на педагогических совещаниях. Можно представить, какое потрясение пережили эти учителя. Ведь о последствиях критики они могли только догадываться. Впрочем, факты серьезных наказаний или увольнений, арестов школьных преподавателей не выявлены. Тем не менее в Калининграде по районам проходили учительские собрания, на которых разоблачались космополиты и их скрытые сторонники (например, учитель 1-й мужской гимназии Колтман попал в их число, т. к. «ни разу не выступил с докладом о великих русских математиках»); ставились задачи по борьбе с космополитами в школах; преподаватели докладывали, как они «исправляют встречающиеся в учебниках грубые извращения космополитического характера»; а разоблаченные «низкопоклонники» признавали критику правильной²⁸.

Космополиты нашлись в единственном на то время высшем учебном заведении области – Калининградском государственном педагогическом институте (КГПИ), начавшем работать с июля 1948 г. На заседании ученого совета вуза 29 января 1949 г. один из преподавателей указал на провалы в идеологической работе и воспитании студентов, среди прочего выразившиеся во всего лишь удовлетворительных оценках по основам марксизма-ленинизма, в их оторванности «в процессе изучения специальных дисциплин от основных Постановлений ЦК ВКП(б) о литературе, искусстве, театре и философии». Бичева-

²⁶ Книга памяти жертв политических репрессий... С. 381; Под знаменем борьбы с буржуазным космополитизмом. На собрании учителей Сталинградского района // Калининградская правда. 05.04.1949; ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 82. Л. 33, 42; Оп. 4. Д. 52. Л. 99.

²⁷ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 82. Л. 56.

²⁸ Под знаменем борьбы...

нию подвергся педагог А. Т. Меркулов, у которого «студенты хорошо знают западных писателей, представителей того или иного направления в литературе, а сведения о русских литераторах ограничиваются тремя строчками конспекта»²⁹.

Эти факты на заседании бюро обкома ВКП(б) 11 мая 1949 г. расценили как «серьезные извращения в преподавании литературы». Совершенно не обративший на них внимания секретарь парторганизации института А. В. Юровский был уличен в низкопоклонстве перед буржуазным Западом. В статье о А. С. Попове он «поставил под сомнение приоритет русской науки, совершив тем самым грубую политическую ошибку»³⁰. Юровскому по партийной линии объявили выговор с занесением в учетную карточку³¹.

Еще раньше, 21 марта 1949 г., бюро Калининградского обкома ВКП(б) обсудило идеологическую ситуацию в КГПИ. Никакие новые факты, свидетельствующие о масштабах распространения космополитизма в вузе, не появились, только ужесточились характеристики и политически заострились выводы. Постановление бюро обкома осудило работу преподавателя Меркулова, давно, в декабре 1948 г., уволенного из вуза. Вновь говорилось о том, что он «протаскивал разоблаченные партией реакционные взгляды апологетов буржуазии», воспитывал «студентов в духе низкопоклонства перед буржуазной культурой», заставлял их изучать буржуазную литературу. Все это связали с крупными политическими ошибками руководства института, проявившимися в низком уровне преподавания марксистского учения. Кроме того, в решении бюро обкома особо подчеркивалось, что «борьба против космополитизма, развернувшаяся в стране, не нашла отклика в институте». Также упоминались многочисленные недостатки в педагогическом институте, недостойное поведение руководства и преподавателей³².

Если разоблачения по другим космополитическим «делам» не выходили за пределы области, то данное решение бюро обкома поступило в ЦК ВКП(б). Секретариат ЦК 10 июня 1949 г. по просьбе Калининградского обкома снял Н. Г. Милютину с должности дирек-

²⁹ Книга памяти жертв политических репрессий... С. 381–382. См. также: ГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 102. Л. 16–17.

³⁰ Статья А. В. Юровского поступила в газету «Калининградская правда». В редакции увидели, что «автор допускает космополитические утверждения и принижает заслуги изобретателя радио русского ученого А. С. Попова», вычеркнули эти рассуждения и опубликовали материал 16 марта 1949 г. Бюро обкома констатировало, что редакция «допустила политическую беспринципность» (ГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 8. Л. 18).

³¹ Книга памяти жертв политических репрессий... С. 386.

³² ГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 7. Л. 168–174.

тора пединститута³³. Обвинение руководства института и одного преподавателя на основе анализа двух его лекций показывает, что кампания была раздута искусственно, нацелена на смену директора вуза и, вероятно, на эффектный отчет об успехах в борьбе с «безродными космополитами».

В 1953 г. население страны участвовало в собраниях в связи с арестом группы «врачей-вредителей». В области нередко требовали казнить докторов, которые «продались... американским поджигателям войны», или «повесить их, а фотокарточки отправить в США», «посадить... в клетки и возить по всем городам и колхозам»³⁴. В этих условиях усилились антиеврейские настроения; раздавались призывы уволить евреев с руководящих должностей и из больниц, исключить из вузов, поступить с ними, как с крымскими татарами. Коллектив Озёрской районной больницы передал в райком КПСС развернутое постановление, касавшееся в основном судьбы евреев в СССР. В решении, например, предлагалось «направить на самые тяжелые физические работы евреев для искупления своей вины», «очистить Москву и Ленинград от семей евреев и послать в степи рыть каналы»³⁵. Примечательно, что местное партийное руководство расценило эти и подобные предложения как неправильное отношение к евреям, противоречившее принципам советской национальной политики³⁶. Кампания не получила развития и после смерти Сталина была прекращена.

Таким образом, в Калининградской области во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. было организовано противодействие «низкопоклонству» перед Западом и «безродным космополитам». Вместе с тем в регионе давление на интеллигенцию оказывалось в меньшей степени, размах калининградской борьбы с космополитизмом был все же не столь масштабным, как в крупных культурных и научных центрах страны.

³³ Постановление секретариата ЦК ВКП(б) о смене руководства Калининградского государственного педагогического института. 10 июня 1949 г. // Сталин и космополитизм... С. 424.

³⁴ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 188. Л. 1, 13, 13 об., 28, 44.

³⁵ Там же. Л. 35, 54, 55, 80, 85–86; Оп. 13. Д. 79. Л. 4, 10.

³⁶ Там же. Оп. 6. Д. 188. Л. 80; Оп. 13. Д. 79. Л. 9.

Д. Я. Рахаев

ЗА ФАСАДОМ НЕРУШИМОГО ЕДИНСТВА: ДЕЛО Г. А. КОКИЕВА И УТВЕРЖДЕНИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ «ДОБРОВОЛЬНОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ» В СОВЕТСКОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ

Социальная история современного Северного Кавказа наглядно демонстрирует полный провал проекта российской политической нации. Сужение границ коллективной памяти, атрофия чувства социальной ответственности и актуализация в общественном самосознании образа внутреннего / внешнего врага – прямое следствие неоднократных идеологических интервенций российского государства.

Историческая политика федерального центра, характерная реминисценцией культурных символов позднесталинского периода, приходит в прямое противоречие с символической политикой республиканских бюрократических элит, что неминуемо ведет к политизации этничности. В частности, в историческом сознании современных кабардинцев наличествуют три взаимоисключающих постулата – о добровольном присоединении Кабарды к России в 1557 г., о военно-политическом союзе русского царя Ивана IV и кабардинского князя Темгрюка Идарова, заключенном в том же 1557 г., и, наконец, о ее завоевании царскими войсками, окончательным этапом которого считается 1822 г. Историческая память современных аварцев вмещает сюжеты о добровольном вхождении Аварского ханства в состав России в 1801 г. и покорении самодержавием имамата Шамиля в 1859 г., а ингушей – о 400-летней перманентной войне с Россией и вместе с тем о добровольном вхождении в состав Российской империи в 1770 г. Нет нужды приводить иные примеры. Степень мифологизации культурной памяти горцев Северного Кавказа прямо свидетельствует о латентном процессе распада единой советской / российской идентичности, бесплодности попыток противопоставить местному национализму ограниченность советского самосознания.

Как известно, обострение национального вопроса на фоне резкого сокращения доходной части бюджета преопределили стреми-

тельный роспуск СССР¹. В 2014 г, впервые в своей послесоветской истории, Российская Федерация столкнулась с широкомасштабным финансово-экономическим давлением Запада в условиях резкого сокращения бюджета. По-видимому, текущий кризис существенно затронет интересы региональных элит. В случае его углубления политическое пространство путинской России окажется как никогда уязвимым: велика вероятность осложнения конкурентной борьбы региональных элит их обращением к мобилизационным ресурсам местного патриотизма вплоть до агрессивного национализма, актуализации травматического прошлого.

В связи с этим особый интерес вызывает историческая политика СССР, конкретнее – опыт описания и продвижения апологетической интерпретации истории взаимоотношений местных элит и российского правительства в XVI–XIX вв.

Историк, этнограф и фольклорист Георгий (Батока) Александрович Кокиев – ключевая фигура советского кавказоведения. Проблемы этногенеза, средневековой истории народов Центрального Предкавказья, интеграции традиционных обществ Северного Кавказа в социально-политическую систему Российской империи освещены в советской исторической науке 1920–1940 гг. главным образом благодаря его трудам.

Именно Г. А. Кокиев, следуя концепции М. Н. Покровского, коренным образом реинтерпретировал образ важнейшего клиента первого российского царя Ивана IV Грозного в северокавказском регионе – кабардинского князя Темгрюка Идарова. Историографические практики Кокиева существенно дополнили официальный нарратив и тем самым оказали существенное влияние на формирование советского патриотического мифа, гармонично дополнив его элементами местного патриотизма.

Коротко говоря, к 20-м годам XX в. память о Темгрюке Идарове включала в себя следы нескольких волн интерпретаций, кардинально переписавших биографию этого средневекового правителя. Как известно, в середине XVI в. верховный князь Кабарды Темгрюк Идаров, владения которого располагались в низовьях Терека, теснимый своими соседями – шамхалом Тарковским, ногайскими мурзами и кабардинскими князьями, направил ко двору царя Ивана IV посольство с просьбой о помощи и предложением содействия в налаживании дипломатических отношений с царствами Грузии. Русский царь, заинтересованный в активизации восточной политики, откликнулся на эту просьбу: к Темгрюку было направлено войско, на

¹ Гайдар Е. Т. Гибель империи: Уроки для современной России. М., 2006.

границе его владения построена крепость Терки. Со своей стороны, кабардинский князь направил в Москву почетными аманатами двух сыновей, а дочь Гуашаней (в крещении Мария) выдал замуж за Ивана IV. С помощью русских войск Идаров на короткий период сумел укрепить свое положение в регионе. В это время, один из сыновей Темгрюка, попав в опалу, был казнен. Идаров, узнав о судьбе своего сына, фактически разрывает отношения с царем и принимает участие в походе крымского хана Девлет-Гирея II 1571 г. и знаменитом сожжении Москвы². Оставшись без союзника, Темгрюк оказывается в крайне стеснительном положении и вскоре, в сражении с ногайскими мурзами, погибает.

В XVI – начале XIX в. Идаровичи, потомки князя Темгрюка, в своих грамотах российским государям неоднократно упоминали его имя, как пример преданного служения интересам России. Инкорпорированные в русскую аристократию многочисленные и влиятельные Черкасские, выходцы из Кабарды, поддерживали эти представления. Примечательно, что в кабардинском фольклоре, сравнительно подробно сохранившем предания о делах многих кабардинских князей и воинов, в том числе и противников Идарова, имя Темгрюка нигде не встречается.

В начале XIX в. с включением Кабарды в состав России возникла объективная потребность осмысления многовекового опыта русско-кабардинских отношений. Первой попыткой такого рода явилась «История адыгейского народа» Ш. Ногмова, написанная под большим влиянием «Истории государства российского» Н. М. Карамзина.

Ногмов создает совершенно новый образ Идарова, практически никак не связанный с адыгской традицией. Интересно, что даже имя этого князя – *Темгрюк*, он меняет на *Темрюк*, вслед за Карамзиным³. Однако наиболее существенная трансформация образа Темгрюка обнаруживается в ногмовской версии военно-дипломатических отношений кабардинского князя и русского царя. Верховный князь Кабарды теперь предстает как верный союзник России, погибший в неравной борьбе с татарами⁴.

Адыгские просветители XIX – начала XX в. (С. Хан-Гирей, А. Мисостов, В. Кудашев и др.), обращавшиеся к этой теме апеллировали уже непосредственно к ногмовскому образу Темгрюка Идарова, наполняя его новыми деталями.

² Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / пер. и вступ. статья И. И. Полосина. Л., 1925. С. 106–107.

³ Подробнее см.: Рахаев Дж. Я. Образ Темгрюка Идарова и интерпретации Ш. Ногмова. Ломоносовские чтения. С. 245–247.

⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 123–125.

Октябрьский переворот 1917 г. и последовавшая Гражданская война надолго сняли с повестки дня проблемы средневековой истории Кабарды. В начале 20-х годов XX в. в контексте изучения международной жизни Северного Кавказа Идаров изредка упоминается в трудах местных историков.

Историографическая ситуация коренным образом меняется после серии статей Г. А. Кокиева, опубликованных в 1926 г. отдельной книгой – «Очерки по истории Осетии». Историк интерпретирует российско-кабардинские отношения середины XVI в. в русле методологии М. Н. Покровского:

«Во второй половине XVI в. Кабарда очутилась весьма в тяжелых условиях, созданных народами, в кольце которых она находилась... Это-то безвыходное положение заставило Кабарду обратиться... к московскому государю... с просьбой об оказании защиты от врагов... В 1557 г. из Кабарды приехал посол... бивший челом Ивану IV от имени кабардинских князей Темрюка и Тазрета, чтобы Иван IV «учинил их в холопстве». С этого времени Кабарда становится вассальной страной русского государства. Расцвет феодального строя в Кабарде можно отнести именно к этому времени. Едва ли кабардинские князья, когда-нибудь до этого или после этого играли такую большую роль, как в XVI в. при князе Темрюке...

Темрюк занял господствующее положение, опираясь на физическую и моральную помощь Московского государства, не только среди кабардинских владетельных князей, но и среди мелких народностей Кавказа, как то: ингушей, осетин, балкарцев, чеченцев и других. Темрюк обратил осетин в рабов, а на нагорную Осетию положил тяжелую дань... После князя Темрюка кабардинские князья стали видеть в осетинах своих рабов и крепостных крестьян. Бесконечная вражда и ожесточенные схватки между владетельными князьями Кабарды и осетинским народом сделались обычным явлением и тянулись до XIX в., пока и те и другие не были окончательно покорены Россией»⁵.

«Очерки...» получили высокую оценку со стороны известного московского лингвиста Н. Ф. Яковлева⁶. Однако в июне–июле 1930 г., на XVI съезде ВКП(б), принимается решение о необходимости усилить «борьбу с уклонами в национальном вопросе – с великодержавным шовинизмом и местным национализмом и примиренчеством с

⁵ Кокиев Г. А. Эпоха могущества кабардинских владетельных князей и окончательное разорение плоскостной Осетии; Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926. С. 46–49.

⁶ Яковлев Н. Ф. Рец. на кн.: Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926. Ч. 1 // Историк-марксист. 1927. Т. 5. С. 270–273.

ним»⁷. Вследствие этого в ряде центральных газет и журналов развернулась кампания по борьбе с национал-уклонистами. В частности, Н. Г. Буркин выступил с серией критических обзоров современной краеведческой литературы на Северном Кавказе⁸. Основная претензия Н. Г. Буркина к Г. А. Кокиеву – некритическое использование российской дореволюционной историографии. Рецензия Н. Г. Буркина не осталась без внимания обкомов ВКП(б) республик Северного Кавказа.

Весной 1932 г. по решению Северо-Осетинского обкома ВКП(б) «специальная бригада» проверила «всю изданную литературу Осетинским НИИ». Социальное происхождение Г. А. Кокиева явилось важнейшим аргументом для включения его «Очерков...» в список запрещенной литературы⁹. Кокиев поспешил признать свои ошибки: «Чрезвычайно большой и грубой своей ошибкой считаю... недостаточно критическое отношение с моей стороны к тем старым дореволюционным источникам, которые легли в основу "Очерков", тем более что все эти источники в подавляющем большинстве написаны либо официальными историками бывшей царской России типа Дубровина, Берже и т. д., либо непосредственными колонизаторами Кавказа типа Зубова, Дебу, Потто, Ермолова и им подобными авторами, которые являлись идеологами русского дворянства и проводниками политики военно-феодалного империализма на Кавказе...»¹⁰

Публичное покаяние Г. А. Кокиева не повлекло за собой никаких последствий: историк выказал единственно правильную с точки зрения партийных органов модель поведения. Благодаря этому, он сумел сравнительно успешно продолжить свою научно-педагогическую деятельность¹¹, а в 1939 г. защитить докторскую диссертацию по теме «Крестьянская реформа в Северной Осетии».

⁷ XVI съезд ВКП(б): Стенографич. отчет: в 2 ч. Ч. 2. М., 1931. С. 396–436.

⁸ Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской историографии. Революция и горец. 1931. № 4. С. 3–11; Он же. О великодержавных и националистических тенденциях в горской исторической литературе // Историк-марксист. 1932. № 1–2. С. 140–161.

⁹ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 17. Д. 14. Л. 29.

¹⁰ Революция и горец. 1932. № 2–3. С. 205.

¹¹ В 1931–1939 гг. Г. А. Кокиев занимает должность старшего научного сотрудника Музея народов СССР, в 1931–1933 гг. он преподает в МГУ, а 1935–1941 гг. – в МИФЛИ. В эти же годы публикуются следующие работы Кокиева: Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия ЮОНИИК. Сталинир, 1933. Вып. 1. С. 179–225; Боевые машины и заградительные стены Горной Осетии // Известия ЮОНИИК. 1933. Вып. 1. С. 277–294; Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // ИЮОНИИК. 1935. Вып. 2. С. 217–234; Материалы по истории Осетии XVIII в. // Известия СОНИИ. 1935. Т. 8; Кабардино-осетинские отношения в XVII в. // Исторические записки Института истории АН

Между тем после кончины признанного марксистского историка и общественного деятеля М. Н. Покровского советская историческая наука кардинально менялась. Радикальные положения теории Покровского, в частности, неприятие внутренней и внешней политики самодержавной России и нигилизм в отношении русских национальных традиций, утвердившиеся в советской историографии 1920–1930 гг., вступили в противоречие с актуальной задачей сталинского государства накануне Второй мировой войны – формирование и продвижение государственно-патриотической концепции отечественной и всемирной истории¹². Взгляды Покровского подверглись жесточайшей критике, а его многочисленные и влиятельные ученики репрессированы¹³.

В разгар кампании способный ученик М. Н. Покровского и признанный советский кавказовед Г. А. Кокиев также мог оказаться под ударом. По свидетельству Т. Б. Шаханова, трудившегося под руководством Кокиева в Музее народов СССР, на вопрос: «Почему Вы – профессор, доктор исторических наук, не поедете на родину? Он тихо улыбнулся и произнес: Тимурчик, малые народы – самоеды»¹⁴. Очевидно, слишком памятна для Кокиева была ситуация вокруг «Очерков...», чтобы надеяться на благополучный переезд в Орджоникидзе, но работать в Москве становилось все сложнее.

Новая сталинистская концепция российской истории вырабатывалась пока только в самых общих идеологических основаниях. Конкретизация ряда важных вопросов, как то, проблема присоединения территорий и народов к России, настоятельно требовала соответствующего теоретического обоснования и убедительной, с точки зрения

СССР. М., 1938. С. 152–208; Присоединение Грузии к России // Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 165–176; Русско-кабардинские отношения в IX–XIII вв. // Социалистическая Кабардино-Балкария. 16, 17 октября 1940; Русско-кабардинские отношения в XVI–XVII вв. // Социалистическая Кабардино-Балкария. 24, 25, 26 сентября 1940; Кабарда под гнетом султанской Турции и ее вассала – Крымского ханства // Социалистическая Кабардино-Балкария. 27.11.1940; Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними народами // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940. № 285–287; Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям И. Штедера / док. подготовил к изданию и снабдил введением Г. Кокиев. Орджоникидзе, 1940; Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940; Классовая структура кабардинского феодального общества в середине XIX в. // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. № 22–24.

¹² Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950 гг.). Брянск, 2005.

¹³ Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.

¹⁴ Шаханов Т. Б. Записки краеведа: Воспоминания, очерки, статьи, эссе. Нальчик, 2004.

высших партийных органов, апробации. Конкретно-исторический материал проблемы присоединения предопределил многообразие советских историографических практик 1920–1930-х гг. и поддерживал амбивалентность интерпретаций вплоть до середины 1940-х гг.

Так, к примеру, И. Г. Викторов в юбилейном сборнике «Северная Осетия» пишет буквально следующее:

«Осетия была окончательно завоевана царизмом в конце первой половины XIX в. С целью закрепления царского правительства в Осетии, великодержавные и националистические историки создали легенду о ее якобы “добровольном” присоединении к царской России потому, что Осетии якобы угрожали “звери” кабардинцы, что русские феодалы являлись якобы избавителями Осетии от кабардинского ига. Историческая правда говорит совершенно другое: в борьбе против царизма кабардинский и осетинский народы помогали друг другу. Завоевание Осетии Россией не принесло ей избавления от чужого ига, а, наоборот, установило его в виде господства русских помещиков и царской бюрократии...

Мотивы легенды о добровольном присоединении Осетии совершенно ясны. Царизм действовал по принципу древних римских рабовладельцев – *divide et impera* – разделяй и властвуй... Царизм старался вбить клин между народами Кавказа, старался раздуть вражду между ними с целью ограбления и подчинения тех и других... Легенда о “добровольном” присоединении Осетии к царской России является сплошной выдумкой и клеветой на осетинский народ. Осетинский народ весьма упорно отстаивал свою независимость. Каждый шаг территории Осетии царским войскам приходилась брать с бою»¹⁵.

Как видим, ряд элементов северокавказской историографии 1920-х гг., периода исторических обоснований роспуска Горской АССР и установления за счет земельных угодий «народа-помещика» – кабардинцев, автономных округов¹⁶, вытесняется под натиском идеологемы «дружбы народов». Вместе с тем методологические ос-

¹⁵ Баландин Д. Н., Викторов И. Г., Тусиков М. М., Шкерин М. Р. Северная Осетия. Политико-экономический очерк Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1939. С. 1–4.

¹⁶ В ходе национально-государственного размежевания из Горской АССР были выделены автономные округа (преобразованные затем в автономные области): Кабардинский (1 сентября 1921), Карачаевский (12 января 1922), Чеченский (30 ноября 1922), Балкарский (16 января 1922). Декретом ВЦИК от 7 июля 1924 г. Горская АССР была упразднена, и на ее территории были созданы Северо-Осетинская, Чеченская и Ингушская автономные области, Сунженский казачий округ (с правами губернского исполкома), город Владикавказ как самостоятельная единица, непосредственно подчиненная ВЦИК РСФСР.

нования трактовки российско-горских отношений XVI–XIX вв. остаются неизменными, в духе теории М. Н. Покровского.

Сборник «Северная Осетия», вопреки ожиданиям местного обкома, не получил поддержки высшего партийного руководства. Более того, был высказан ряд существенных замечаний. В связи с этим в начале 1940 г. Г. А. Кокиев получает приглашение Северо-Осетинского НИИ возглавить научную и организационную работу по написанию «Истории Северной Осетии с древнейших времен до настоящего времени» и переезжает в Орджоникидзе. Приняв это предложение, Кокиев фактически поставил под удар историографическое сообщество республики, в том числе и себя самого. Уже весной 1941 г. в газете «Социалистическая Осетия» была напечатана статья Н. Погребенко «Темные дела профессора Кокиева», серьезно дискредитировавшая ученого. Кокиев обвинялся в том, что он «в 1919–1920 гг. путался с белогвардейцами», «участвовал в белогвардейских газетках», «пытался фальсифицировать историю, вызвать распрю между народами братских социалистических областей Северного Кавказа, нагло клеветал на кабардинский народ, утверждая, что в бедственном положении осетин в прошлом были повинны... кабардинцы»¹⁷. Погребенко призывал читателей «дать преступной деятельности “профессора” Кокиева настоящую оценку, назвать его настоящим именем»¹⁸. Кокиев, как только ему стало известно о публикации Погребенко, спешно возвращается в Москву.

Вторая мировая война принесла с собой существенные изменения в содержании идеологии советского патриотизма – обострилась потребность в общегосударственном единении. По консолидированному мнению высшего партийно-государственного аппарата, единение народов СССР могли обеспечить традиционные идеи, понятия и ценности, разделяемые большинством населения. Отсюда неизбежный отход от идей вульгарного марксизма и Коммунистического Интернационала 1920-х гг. и возвращение к стереотипам имперского сознания, к руссоцентристской идеологии¹⁹. Предполагалось, что история, перекликающаяся с подъемом патриотической риторики в печати, захватит общественное воображение и будет стимулировать единообразное чувство национальной идентичности, чего не удалось

¹⁷ Погребенко Н. Темные дела профессора Кокиева // Социалистическая Осетия. 12.04.1941.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Анисимов Е. В. Исторические корни имперского мышления. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html> (дата обращения: 20.10.2015).

осуществить пролетарской интернационалистической идеологии предыдущего десятилетия²⁰.

Дореволюционная история страны трактовалась теперь как непрерывно крепнущая между русским и другими народами России, а Российская империя изображалась уже не тюрьмой народов, а центром, в котором выплавлялось их единство и складывалась революционная перспектива²¹. Предметом национальной гордости становятся бывшие классовые враги – монархи. В частности, именно во время войны стал особенно заметно развиваться культ Ивана Грозного²². Прежний классовый подход к истории России заменяется ее идеализацией и возвеличиванием, внешняя политика русского государства XVI–XIX вв. оправдывается. Неизбежными издержками такого идеологического поворота явился рост интереса интеллигенции национальных меньшинств к средневековой истории, реабилитация выдающихся представителей военно-политической элиты народов России.

Перелом в ходе войны с новой силой возобновил идеологическое наступление сталинского государства на общество: примерно с конца 1943 – начала 1944 г. разжигание нерусского национализма и игнорирование векового содружества нерусских народов с великим русским народом стало жестко пресекаться. По мнению идеологического аппарата ЦК ВКП(б), подъем местных патриотических чувств, выдвижение исторических фигур, прославившихся в борьбе с Россией, могли стимулировать антирусские настроения, сепаратизм. Историографические сообщества национальных меньшинств РСФСР оказались в крайне сложной идеологической обстановке: творческое преломление руссоцентристского понимания советского патриотизма к местным условиям²³ следовало проводить в опасной близости от рокового обвинения в национализме. Советская историография все более и более приобретает характер политико-пропагандистской литературы²⁴.

Весной 1944 г. в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) подготовили служебную записку «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работах некоторых советских историков». В ней

²⁰ Tillet L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapell Hill, 1969.

²¹ Верт Н. История советского государства. М., 1992. С. 340–341.

²² Perrie M. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. N. Y., 2002.

²³ Браденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. С. 564.

²⁴ Урбан П. К. Смена тенденций в советской историографии. Институт по изучению СССР. Исследования и материалы. Серия 1. Вып. 44. Мюнхен, 1959. С. 11.

впервые предельно четко дана оценка методологии М. Н. Покровского, устоявшейся в советской исторической науке в 1930-е гг., – «буржуазный национализм», категорически отвергается идеологема «абсолютного зла» в отношении присоединения нерусских народов к России и выдвигается новая: «добровольное присоединение» к России. Соответственно, все историографические наработки в отношении «сознательного и добровольного вхождения Грузии и Украины» (памятные еще по указаниям Правительственной комиссии по конкурсу на учебник истории СССР²⁵) безальтернативно переносились к истории других народов СССР. Идеологическое обоснование новой волне репрессий было обеспечено, и по стране развернулась кампания против местного национализма.

9 августа 1944 г. ЦК ВКП(б) вынес постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»²⁶, где говорилось о «серьезных ошибках идеологического характера» в исторической науке, литературе и искусстве Татарской АССР: «Предложить Татарскому обкому ВКП(б) организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории... Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков»²⁷.

27 января 1945 г. последовало постановление «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации»²⁸, основное содержание которого сводилось к требованию преодоления «идеализации феодально-патриархального прошлого башкир»²⁹ и требованию «правдиво отображать историю башкирского народа, его лучшие национальные традиции, совместную с русским народом борьбу против царизма и иноземных поработителей...»³⁰

В Мордовской АССР, в результате проверки Мордовского НИИ в декабре 1944 – марте 1945 г., были выявлены «серьезные извращения

²⁵ Сборник руководящих материалов о школе. М., 1952; Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. Вып. 1. М.; Л., 1947. С. 184–186.

²⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 15 т. М., 1983–1990. Т. 7. С. 513–520.

²⁷ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 514.

²⁸ Там же. С. 515.

²⁹ Там же. С. 540.

³⁰ Там же. С. 542.

националистического порядка»³¹. В частности: «Переход Мордовии под господство русского государства историками Мордовии рисуется как сплошная разорительная колонизация мордовского народа. Господство Московского государства отождествляется с татарским игом. Опричнину рассматривают не как исторически необходимое средство в борьбе с реакционной частью боярства за укрепление многонационального русского государства, а как реакционное явление в истории русского государства»³².

В январе 1945 г. в Марийской АССР партийная инспекция выявила засилье «реакционной националистической трактовки в произведениях ряда марийских писателей, драматургов и художников», полное отсутствие «пропаганды исторической дружбы, связывающей марийский и русский народы»³³.

Практически в каждой советской республике местная интеллигенция вовлекалась в расширявшуюся идеологическую кампанию. Особенно трагично переход к новой идеологии происходил в советском кавказоведении. С одной стороны, депортации ряда горских народов Северного Кавказа, сопровождавшиеся тотальным вымарыванием памяти об истории и культуре репрессированных народов, неминуемо привели к предельному упрощению исторического прошлого региона³⁴. С другой – идеологизация, политизация и прямая фальсификация прошлого становится беспрецедентной в масштабах всей исторической политики позднесталинского государства.

В июле 1947 г. в СОАССР возобновилась работа над обобщающей историей осетинского народа. Редколлегию издания вновь предложили возглавить Г. А. Кокиеву, к тому времени трудившемуся в Институте этнографии АН СССР. Историк, сообразуясь с содержанием идеологических и пропагандистских кампаний послевоенного времени, безуспешно пытается примирить их с компонентами официальной идеологии 1930-х гг.

В случае Кабарды, правда, это частично удастся. В ряде публикаций по истории русско-кабардинских отношений середины XVI в. Г. А. Кокиев блестяще вписывает Темгрюка Идарова в сталинистский миф об Иване IV Грозном. Идаров – верный союзник царя-государ-

³¹ РГАПСИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 254. Л. 222.

³² Там же.

³³ Там же. Д. 311. Л. 27.

³⁴ Подробнее см.: Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006; Рахаев Дж. Я. Власть, историографическое сообщество и социальная память о депортации: опыт преодоления прошлого в балкарской и карачаевской историографии // *Caucasus Survey*. Vol. 2. № 1–2. November 2014. P. 14–26.

ственников в борьбе с султанской Турцией, стремящейся поработить народы Кавказа. В наиболее концентрированном виде указанные постулаты отражены в статье «Роль Темрюка Идарова в сближении Кабарды с Московским государством»: «Кабардинский удельный князь Темрюк Идарович принадлежит к числу тех немногих кабардинских князей, которые в истории Кабарды сыграли выдающуюся положительную роль. С именем этого крупнейшего для своего времени политического деятеля связана... инициатива организации вооруженной борьбы против крымско-турецких захватчиков, политического объединения Кабарды на базе ликвидации феодальной раздробленности и установления тесных связей с Московским государством»³⁵.

Однако дальнейшая мутация сталинистской идеологии руссоцентризма вошла в непримиримое противоречие с советскими историографическими практиками национальных республик. В частности, летом 1948 г., в столице КАССР, г. Нальчик, на III научной сессии КНИИ разгорелась ожесточенная дискуссия об уровне развития средневекового кабардинского общества, развязанная научным сотрудником КНИИ А. В. Мамонтовой. Последняя предложила отказаться от утвердившегося к тому времени в советском кавказоведении взгляда на Кабарду как на классовое, феодальное общество, поскольку, уровень развития кабардинских средневековых княжеств был патриархально-родовым. Подобная интерпретация не нашла поддержки среди участников сессии, но особенно непримиримую позицию подобным новациям высказал Г. А. Кокиев. В заключительном слове Мамонтова признала ошибочными некоторые из своих положений и отказалась от них. Дискуссия закончилась торжеством концепции Кокиева, т. к. все выступавшие по существу оппонировали Мамонтовой, рассматривая социально-экономический строй Кабарды как феодальный, основные черты которого сложились еще задолго до русского завоевания³⁶.

В случае с «Историей Северной Осетии...» авторский коллектив во главе с Г. А. Кокиевым вопреки всем попыткам не сумел преодолеть методологического тупика. В 1949 г. авторы рукописей ряда глав по дореволюционному прошлому осетин – Г. А. Кокиев, В. И. Абаев, Б. В. Скитский, В. С. Гальцев и др. подверглись жесткой критике. Их обвинили в идеализации феодально-патриархального прошлого осетинского народа, опасном отрыве истории осетин от истории русского народа и других народов Кавказа и т. п.

³⁵ Кокиев Г. А. Роль Темрюка Идарова в сближении Кабарды с Московским государством // Кабардинская правда. 09.08.1947.

³⁶ Архив КБНИИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 50. Л. 13, 14.

В рамках нового исторического поворота совершенно ошибочной и политически вредной выглядела трактовка ряда важнейших вопросов истории осетин. Характеристика крестьянских выступлений конца XVIII – первой трети XIX в., ранее характеризующаяся как «высшая точка национально-освободительной войны против царского самодержавия»³⁷, как борьба «прогрессивная и антиколониальная», теперь оценивались как реакционно-националистические, антирусские выступления части осетинских феодалов, руководимые ирано-турецкими правителями и ставившие своей целью отторжение Осетии от России. Особую сложность ситуации придавало то обстоятельство, что в советском кавказоведении 1920–1940-х гг. оценка характера этих движений непосредственно связывалась с «вооруженным завоеванием Северного Кавказа, в том числе и Осетии, царизмом»³⁸. По существу, наблюдался возврат к имперской идеологии о «добровольном присоединении» горских обществ Осетии к России, широко бытовавшей в русском кавказоведении XIX в. Судьба главного редактора издания была предопределена.

Формальным поводом к началу преследования Г. А. Кокиева послужила написанная им научно-популярная биография осетинского этнографа С. А. Туккаева³⁹. 2 апреля 1949 г. в газете «Социалистическая Осетия» вышла статья К. Егорова (псевдоним К. Гагкаева) с резкой критикой брошюры Кокиева⁴⁰. Последний обвинялся в «извращении истории Кавказа и популяризации пронемецких буржуазных этнографов»⁴¹. Уже 14 апреля 1949 г. с подачи североосетинского обкома ВКП(б) в СОНИИ прошло заседание Ученого совета, посвященное его брошюре. Видные североосетинские историки – Б. В. Скитский и М. С. Тотоев выступили в защиту ученого, историк был оправдан. Однако по иронии судьбы, в этот же день – 14 апреля, Г. А. Кокиева арестовали в Москве. Положение арестованного се-

³⁷ См., напр.: Гальцев В. С. К вопросу об освобождении крестьян в Северной Осетии в 1867 году // Социалистическая Осетия. 1939. № 96; Он же. Кавказская линия и терское казачество к началу XIX столетия. Орджоникидзе, 1940. С. 90–118; Материалы по истории осетинского народа: Сб. документов по истории завоевания Осетии русским царизмом / подгот. В. С. Гальцевым. Орджоникидзе, 1942. Т. 2.

³⁸ Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия II-го Северокавказского педагогического института. Орджоникидзе, 1932; Он же. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // Известия СОНИИ. Т. XII. Орджоникидзе, 1947; Он же. Хрестоматия по истории Осетии. Дзауджикау, 1949. Т. 1.

³⁹ Кокиев Г. А. Этнограф осетинского народа С. Туккаев. Дзауджикау, 1949.

⁴⁰ Егоров К. Порочная книга // Социалистическая Осетия. 2.04.1949.

⁴¹ ЦГА ИПД РСО–А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л. 28.

рьезно осложнялось активной антисоветской позицией его ученика А. Г. Авторханова.

Г. А. Кокиеву предъявлялось обвинение в антисоветской деятельности, «подрывной работе, направленной на развал социалистической науки», «протаскивании антинаучных и политически вредных взглядов о высоком уровне развития феодализма в Кабарде с целью вызвать рост буржуазно-националистических настроений в республиках Северного Кавказа». 22 февраля 1950 г. постановлением особого совещания при МГБ СССР Кокиев был приговорен к 8 годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовом лагере «за антисоветскую агитацию и незаконное хранение оружия».

В августе 1949 г. бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) приняло постановление «О политической ошибке, допущенной Ученым советом СОНИИ на заседании 14 апреля 1949 г.», в котором предлагалось ряд лиц, уличенных в «восхвалении книжки Кокиева», «за притупление большевистской бдительности, за допущение грубой политической ошибки» привлечь к партийной ответственности. В сентябре 1949 г. по инициативе Северо-Осетинского обкома ВКП(б) прошло расширенное заседание Ученого совета СОНИИ с единственной повесткой дня: дело Г. А. Кокиева.

Идейное наследие Кокиева систематически вытравлялось из советского кавказоведения как «фальсификатора истории» и врага марксизма-ленинизма. В начале 1950 г. IV сессия КНИИ прошла со специальной целью осудить труды Кокиева. В докладе директора КНИИ А. Т. Бичоева «За марксистско-ленинское освещение истории кабардинского народа», открывавшем сессию, указывалось:

«История кабардинского народа может быть изучена в свете учения Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина только в результате разгрома грубых исторических и политических извращений в освещении кабардинского народа, допущенных Кокиевым, длительное время безнаказанно сочинявшем клеветнические положения о прошлом и настоящем нашего народа.

Кокиев утверждал, что к моменту Великой Октябрьской революции в Кабарде имелись частнокапиталистические отношения, что к Октябрю 1917 г. в Кабарде существовал капитализм, что в Кабарде задолго до ее колонизации царизмом сложился и существовал феодализм с элементами разложения...

Из четких и ясных указаний вождя (И. В. Сталина. – Д. Р.) видно, что до Великой Октябрьской социалистической революции Кабарда по уровню своего развития не ушла «дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта».

Вопреки этим классическим указаниям тов. Сталина Кокиев пытался протаскивать враждебные теории о развитии в предреформенной Кабарде феодализме и сложившемся капитализме накануне

Октября. Этим самым Кокиев принижал значение Великой Октябрьской социалистической революции и помощи великого русского народа, обеспечивших кабардинскому народу в короткий срок, минуя стадию капитализма, создать свою государственность, развить культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию, и построить социалистическое общество»⁴².

Подобные доклады прозвучали со стороны ведущих кавказоведов страны: В. П. Крикунова, Н. Ф. Яковлева, Н. А. Смирнова, Г. Ф. Турчанинова, Е. И. Крупнова, Е. Н. Студенецкой, Е. Дж. Налоевой и др.

Дело Г. А. Кокиева не осталось без последствий для местной историографии. Травле подвергся близкий друг ученого, единомышленник Б. В. Скитский. По решению Северо-Осетинского обкома ВКП(б) от 27 мая 1950 г. опубликованная Скитским в предыдущем году «Хрестоматия по истории Осетии» была признана «тенденциозной». По мнению партийных органов, она «идеализировала патриархально-феодальные отношения», «преувеличивала» значение нартского эпоса как исторического источника, «протаскивала идею» о якобы существовавшем «золотом веке» в истории осетин⁴³. Тираж «Хрестоматии» был уничтожен. Ученый был вынужден досрочно выйти на пенсию, а весной 1953 г. вовсе покинуть республику. В мае 1951 г. первый кабардинский историк-медиевист Е. Дж. Налоева была арестована за антисоветскую деятельность и осуждена на 8 лет лагерей.

К середине 1950-х гг. идеологема «добровольного присоединения» окончательно утвердилась в советском кавказоведении, а после – в массовом историческом сознании. В 1955 г. Г. А. Кокиев скончался в одном из лагерей ГУЛАГа. Последовавшая посмертная реабилитация сняла с него все обвинения, и научное наследие ученого вновь оказалось востребованным в советском патриотическом нарративе.

В середине 50-х годов XX в. партийное руководство республики и РСФСР пришло к мнению о необходимости всенародного празднования добровольного вхождения Кабарды в состав России. Историческим дискуссиям о датировке этого события положил конец надвигающийся 40-й юбилей Октябрьской революции, и в 1957 г. в городах и селах Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республики прошла череда праздничных мероприятий. В 1957 г. в городах и селах республик Северного Кавказа были организованы торжества, посвященные 400-летию добровольного присоединения КБАССР и КЧАССР к России. В 1982 г., уже гораздо

⁴² Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–3.

⁴³ ЦГА ИПД РСФСР–А. Ф. Оп. 6. Д. 713. Л. 45.

скромнее, республика отметила 425-летие этого события. Новый, советский образ Идарова, казалось, был прочно закреплен в общественном сознании, однако роспуск СССР выявил иллюзорность подобных представлений.

В начале 90-х годов XX в., в условиях демократизации общественной жизни и формирования федералистских начал, местное историческое сообщество, откликаясь на заказ республиканского руководства, выдвинуло новую мифологию о военно-политическом союзе Кабарды и России. В этой трактовке категорически отвергалась формулировка о «добровольном вхождении» и предлагалась следующая интерпретация событий: Россия и Кабарда – два равноправных субъекта международных отношений, заключивших в лице Ивана IV и Темгрюка Идарова взаимовыгодный договор.

С приходом к власти президента РФ В. В. Путина, взявшего курс на укрепление вертикали власти, республиканские власти коренным образом пересмотрели устоявшуюся было трактовку событий. В 2007 г. широко отметили... 450-летие добровольного вхождения Кабарды в состав России. Юбилей «добровольных вхождений» вновь стали отмечать в Адыгее, Башкирии и Карачаево-Черкесии.

Г. А. Янковская

«ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА» СОВЕТСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

В 2014 г. во время реставрационных работ в одном из павильонов Выставки достижений народного хозяйства в Москве были обнаружены два гигантских экземпляра художественной продукции, созданной в годы позднего сталинизма. Находки были найдены в центральном павильоне выставочного комплекса, строительство которого велось после окончания войны, а открытие состоялось в 1954 г. Первая находка – гигантский горельеф Е. Вучетича «Советскому народу – знаменосцу мира – слава» (1954 г.). Общая площадь скульптурного объекта составляет 100 кв. м. У второй находки масштаб чуть меньше – 74 кв. м. Но и речь в данном случае идет не о скульптуре, а о гигантской картине размером 6,75 на 11 м, законченной в 1953 г. На картине, выполненной бригадой художников под руководством А. Герасимова, изображены делегаты II Всесоюзного съезда колхозников и ударников труда 11–17 февраля 1935 г., именно они обратились к ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой организовать в 1937 г. в Москве Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Экспозиционная история найденных работ складывалась неудачно. В 1956 г., в связи с развенчанием культа личности Сталина, в работе Е. Вучетича на знамени был замазан профиль «вождя народов». В конце 1960-х гг. оба произведения были скрыты от публики как несоответствующие новым требованиям советской эстетики¹.

Пресса дала обнаруженным артефактам послевоенного времени однозначно высокую оценку: «легендарный горельеф великого скульптора», «шедевр соцреализма великого художника»². Еще 10 лет назад подобный пафосный лексикон «величия» для описания

¹ В ходе благоустройства ВДНХ обнаружен масштабный горельеф Евгения Вучетича. URL: <http://tass.ru/kultura/1266773>

² На ВДНХ обнаружена самая масштабная из известных ранее работ Александра Герасимова. URL: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/52895/>

произведений официального пропагандистского искусства был бы чем-то экзотическим, периферийным, им не пользовались в публикациях центральной прессы и государственных медиа. Безусловно, феномен советского монументального искусства требует переосмысления и критической рефлексии, а не огульного отрицания³. Но стремительная некритическая реабилитация всего «советского», произошедшая в последнее десятилетие в российском обществе, сделала апологию изобразительного искусства эпохи сталинизма обычным делом. Вместе с «позитивным» языком описания изоискусства эпохи сталинизма из публичной сферы вытесняется информация о том, что современники Е. Вучетича и А. Герасимова (и художники и «обычные зрители») к творчеству такого рода относились скептически, художественная критика на протяжении нескольких десятилетий считала искусство такого рода деволуцией культуры. И совсем в тень уходит проблематика «правил игры», тех практик художественной жизни, в контексте которых появление столь специфического искусства, как находки лета 2014 г., становится возможным.

Обе работы и оба художника эмблематичны для советского изобразительного искусства не только первого послевоенного десятилетия, но и в целом для художественной культуры периода сталинизма, для культа Сталина в визуальных искусствах и официозного варианта «социалистического реализма»⁴. В современной историографии существует несколько теоретических подходов к интерпретации этого крайне эклектичного и неоднозначного явления.

В политическом измерении искусство соцреализма рассматривается современными исследователями как визуальное средство политической мобилизации, инструмент индоктринации населения в условиях авторитарных / тоталитарных режимов⁵. В эстетическом плане соцреализм нередко анализируется в системе координат нормативной «классицизирующей» эстетики⁶. Для других исследователей соцреализм – это, в первую очередь, репрезентация

³ Яркий пример нового аналитического подхода к этому явлению см.: Силина М. М. История и идеология: монументально-декоративный рельеф 1920–1930-х гг. в СССР. М., 2014.

⁴ О визуальном культе советских вождей см.: Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010; Колоскова Т. Г., Киташова О. В. Миф о любимом вожде (Из истории художественных коллекций Музея В. И. Ленина). М., 2014.

⁵ Далее из обширного списка отечественной и зарубежной литературы с различными подходами к интерпретации феномена официального советского искусства привожу лишь наиболее программные публикации: Голомшток И. Тоталитарное искусство. М., 1994.

⁶ Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. Б. м., 2000.

социалистической утопии, система символического производства отсутствующей реальности в соответствии с ключевой формулой соцреализма, утвержденной на первом съезде советских писателей: показывать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой она должна была бы быть⁷.

Институциональный подход, в рамках которого рассматриваются вопросы послевоенной художественной жизни в этой статье, позволяет увидеть в искусстве эпохи сталинизма другие характеристики: сложно организованную институциональную систему, в которой формальные и неформальные институты и практики функционировали по правилам игры на рынке государственного планового символического художественного производства⁸.

Советская институциональная модель изоискусства формируется в 1930-е гг., меняется в годы войны и окончательно складывается именно в период позднего сталинизма. В этой системе правил художественной жизни экономическая составляющая играла чрезвычайно важную роль, которая, к сожалению, редко учитывается в исследованиях по истории художественной культуры. Специфические хозяйственно-производственные основы системы советского искусства, вопреки идеологическим декларациям, цензурным и иным формам контроля и регулирования творческих процессов, порождали и олигархическую иерархию, на вершине которой находились такие представители художественной элиты, как Е. Вучетич или А. Герасимов, и различные формы «серой» экономической активности советских художников.

«Теневые» практики стали неотъемлемой частью планово-распределительной экономики мира искусств с самых первых страниц ее истории. Первые элементы этой экономической модели появляются в 1930 г., когда принимается постэповская программа государственного финансирования искусства⁹. Нормой становится обязательное ежегодное резервирование в бюджетах государства, союзных республик, Наркомпроса и профсоюзов сумм, предназначенных для закупки художественных произведений, осуществляются другие меры, направленные на бюджетное финансирование искусства. Этот курс

⁷ Добренко Е. Политэкономика соцреализма. М., б. г.; Traumfabrik kommunismus. Dream Factory communism. The Visual Cultures of the Stalin Era / ed. by B. Groys, M. Hollein, Frankfurt am Main, 2004.

⁸ Guldberg J. Socialist Realism as Institutional Practice: Observations on the Interpretation of the Works of Art of the Stalin Period // The Culture of the Stalin Period. London, 1990. P. 149–177.

⁹ Постановление СНК СССР «О мерах к созданию благоприятных условий работы художников» // СЗ СССР 1930 г. № 21, ст. 237.

и стал основой для заключения стратегического союза творческого сообщества с художественной политикой советского государства.

Пилотной площадкой для обкатки экономической модели советского искусства стал «Всекохудожник» – Всероссийский союз кооперативных товариществ работников изобразительного искусства¹⁰. Экономическая схема, лежащая в основе его деятельности, заключалась в том, что искусство «высокое» содержалось за счет искусства для «широкого потребителя»¹¹. Иначе говоря, нерентабельная работа станковых живописцев, монументалистов, графиков оплачивалась из денег, заработанных на декоративно-прикладном искусстве, копиях, изопроблаге.

«Всекохудожник» – первая всесоюзная сеть художественно-производственных организаций в истории советского искусства, она возникла до Союза советских художников. В 1941 г. в ее систему входило 42 товарищества только на территории РСФСР, в 1953 г. – уже 67¹². С созданием в 1939 г. Оргкомитета Союза советских художников, а в 1940 г. – Художественного фонда СССР, фактически появились организации, которые полностью дублировали функции кооперативов. В 1943–1953 гг. дизайн институтов советского изобразительного искусства продолжает меняться. В 1943 г. был учрежден «Роскульптор» – кооператив московских скульпторов, который сыграет ключевую роль в создании массовой садово-парковой скульптуры, монументов и памятников послевоенного времени. С 1945 г. ежегодной нормой становятся всесоюзные художественные выставки в Москве, передвижные художественные выставки, путешествующие по всей территории страны. Постепенно снимаются ограничения, принятые в годы войны, на передвижения людей, на уличный пленер в городах. В 1947 г. создается Академия художеств СССР, тем самым завершается реставрация классицистской модели художественной жизни и творческого образования. С другой стороны, в 1947 г. должен был состояться, но так и не был созван учредительный съезд Союза советских художников. В итоге в Советском Союзе продолжала суще-

¹⁰ Образован как промысловое кредитное товарищество «Художник» в 1928 г., реорганизован в 1932 г. во Всероссийский кооперативный союз работников изобразительных искусств «Всекохудожник». Первоначально находился в ведении Всекопромсовета, в 1935 г. передан в ведение Наркомпроб РСФСР, с 1940 г. – СНК РСФСР, а затем Совет министров РСФСР. Ликвидирован в июле 1953 г. с передачей функций Художественному фонду СССР.

¹¹ Так, в 1937 г. вывесочные работы составили в Калининском товариществе – 72,7 %, в Пензенском – 68,45 %, Сталинградском – 57 %, Казанском – 64,8 %, Челябинском – 59,9 % (РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 186. Л. 58).

¹² РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 1. Д. 102. Л. 50–50 об.; Ф. 2907. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–6.

ствовать разветвленная сеть союзов художников, действовавших без легитимных оснований.

Важным рубежом стал 1948 г.: тогда решением Совмина РСФСР от 15 июля 1948 г. была отменена авансовая контрактация художников, в художественные советы всех художественных кооперативов вводятся представители советских и партийных организаций. Усилился идеологический диктат и контроль над всеми сферами гуманитарного знания и творческих профессий. Однако, несмотря на межгрупповые конфликты, на критику со стороны власти и скандалы, связанные в том числе и с нечистоплотным экономическим поведением многих представителей советской арт-элиты¹³, специальных идеологических кампаний в отношении мира изобразительного искусства не проводилось. В 1952 г. прекратил свое существование Главрепертком – важнейшее цензурное ведомство в сфере зрелищ и визуальных искусств.

В этих меняющихся правилах игры, пережив чистки и репрессии 1936–1937 гг., «Всекохудожник» год за годом терял экономическую свободу, кредит доверия со стороны властей, превращался в источник раздражения и объект резкой критики, пик которой пришелся именно на послевоенный период.

Причин тому несколько. Тотальная война привела к тому, что многие художественные организации прекратили работу, оказались на оккупированных территориях, до 1943 г. связи с локальными отделениями не поддерживались, многие документы того времени утрачены. Когда ситуация стабилизировалась, выяснилось, что состав художников-кооператоров депрофессионализировался: к 1943 г. на фронт или в эвакуацию с художественных производств ушло 70 % художников, 90 % квалифицированных рабочих. Их место заняли люди, ранее никак не связанные с творчеством: домохозяйки, молодежь без профессии, пришедшие с фронта инвалиды. Некачественный художественный ширпотреб военного и послевоенного времени очень часто – дело рук тех, кто пришел в кооперативы выживать, а не заниматься искусством. Именно такая художественная продукция, не имеющая ничего общего с официальной риторикой о преобразующей силе искусства советской эпохи, заполонила прилавки рынков, художественных салонов, места жительства советского человека в годы позднего сталинизма. Об этом, в частности, шла речь в докладной записке отдела художественной литературы и искусства «О состоянии дела издания массовой художественной продукции», направленной 27 мая 1952 г. члену Политбюро ЦК ВКП(б) Г. М. Ма-

¹³ Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е гг. М., 1999.

ленкову. Сама записка была ответом на «многочисленные сигналы», поступавшие в Центральный комитет партии с мест о крайне низком уровне массовой художественной продукции. В документе указывалось: «В магазинах трудно купить по доступной цене хорошую картину, настольную скульптуру, а также цветные репродукции лучших произведений русских советских художников, открытки художественные и фотоальбомы. Население вынуждено приобретать на рынке халтурную продукцию, изготовляющуюся, как правило, частниками, всякого рода дельцами и проходимцами, не имеющими никакого отношения к искусству. На рынках продаются уродливые лубочные антихудожественные коврики, картинки, статуэтки, фотокарточки и прочая продукция с буржуазно-мещанской тематикой, граничащей с порнографией. На ковриках намалеваны целующиеся «амуры», скучающие девы у прудов с лебедями, беседки, лодочки, голубки с письмами в клювах, а также фотокарточки с сердцами, пронзенными стрелами. Из-за отсутствия доброкачественной массовой художественной продукции эта макулатура в большом количестве расходится среди массового покупателя, нанося большой вред делу воспитания эстетических вкусов у советских людей»¹⁴.

В тот же год на исходе позднего сталинизма широкую огласку получило «дело Ошского городского дома культуры». Речь шла о действовавшей при этом Доме культуры художественной мастерской по массовому выпуску трафаретным способом портретов членов Политбюро ЦК ВКП(б), маршалов Советского Союза и Героев Социалистического Труда. Мастерская выпускала продукцию очень низкого качества, которая распространялись по завышенным расценкам с помощью специальных уполномоченных в колхозах республик Средней Азии. Из 2 млн рублей, вырученных от реализации продукции, 600 тыс. было распределено под видом зарплаты, комиссионных, командировочных и других выплат. Этот случай разбирался в ЦК Компартии Киргизии, многим партийным функционерам вынесли выговор, кое-кого сняли с работы. Виновные были отданы под суд (директор Дома культуры получил 20 лет исправительно-трудовых работ)¹⁵. По мнению П. Обухова, уполномоченного Совмина СССР по охране военных и государственных тайн в печати, озвученному в докладной записке на имя другого высшего партийного функционера М. А. Суслова 8 сентября 1952 г., такого рода экономическая активность стала возможной только потому, что на протяжении многих лет действовали «всевозможные художественные мастерские при различных организациях, никакого отношения к изоискусству не

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 376. Л. 119–124.

¹⁵ Там же. Л. 86–89.

имеющие»¹⁶. Итогом «дела Ошского дома культуры» стало инструктивное ужесточение цензорского контроля произведений искусства со стороны Главлита.

Еще одной болевой точкой в послевоенной истории «Всекохудожника» и всего мира искусств был вопрос восстановления «материальной базы», пострадавшей в 1941–1945 гг. Потери происходили не только в результате военных действий. Последствия тяжелого военного времени сказывались на всей художественной системе, в том числе и в тыловых областях. Несколько штрихов к этой ситуации: в 1941 г. в связи с войной было прекращено издание журнала «Юный художник», во многих городах закрылись мастерские, галереи, региональные музеи; здания, промплощадки, техника, склады, материалы творческих организаций были отданы под нужды эвакуированных предприятий и местной промышленности.

В послевоенный период потребовалось много усилий, чтобы изъятые у творческих организаций имущество им вернуть. Так московская скульптурная фабрика «Всекохудожника» была передана со всеми своими производственными помещениями и мастерскими художников Наркомату минометного вооружения. Это решение, понятное во время войны, после ее окончания вызывало у художников протест. Им пришлось обращаться к самым высшим инстанциям, чтобы вернуть себе единственную скульптурную базу в Москве¹⁷. Наиболее влиятельный художник того времени А. Герасимов, пользуясь своими патрон-клиентскими связями с К. Ворошиловым¹⁸, 6 августа 1946 г. обратился к нему с просьбой принять меры «по улучшению положения на изофронте»¹⁹: возобновить строительство городка художников, вернуть переданные во время войны здания, расширить выставочные площади, созвать в 1947 г. съезд советских художников. Это ходатайство 14 ноября 1946 г. поддержал начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров, лично обратившийся к А. А. Жданову с просьбой помочь художникам с «материальной базой изобразительного искусства и затруднениями в деле подготовки кадров художников»²⁰.

Масштаб и тяжесть социально-экономических проблем, с которыми столкнулось послевоенное советское общество, был столь всеохватным, что улучшение ситуации в изобразительном искусстве,

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 376. Л. 92.

¹⁷ Там же. Оп. 125. Д. 391. Л. 31.

¹⁸ Янковская Г. А. Патрон-клиентские отношения в практиках управления советским искусством эпохи сталинизма // *Ars Administrandi*. 2014. № 2. С. 26–33.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 401. Л. 34, 35–37.

²⁰ Там же. Л. 14–17.

конечно, не могло стать приоритетной задачей. Улучшение ситуации происходило очень медленно. Долгое время не возобновлялось строительство городка художников на Масловке в Москве, не могло вернуться в свое здание художественное училище в Свердловске, художники г. Молотова (Пермь) так и не дождались открытия художественного магазина-салона. В Омске старейший в Сибири художественный музей изобразительных искусств вынужден был хранить фонды живописи и графики (с работами Репина, Серова, Левитана, Рембрандта, Рубенса) в неблагоустроенном сыром помещении, пораженном грибком. Долго не возобновляло работу Омское художественное училище, закрытое в годы войны, мастерские «Омскхудожника» располагались в одной комнате, общей для живописцев, вывесочников и столяров²¹. И такая картина типична для большинства региональных художественных организаций первого послевоенного десятилетия.

Постоянным сюжетом для критики (и «сверху», со стороны власти, и «снизу», от лица самих художников) было то, что многие художественные кооперативы с 1941 г. вынужденно перешли на производство продукции военного или совсем нехудожественного назначения (шили парашюты, делали костыли, лопаты, упаковочные ящики, схемы для вышивок, санитарные халаты и т. д.). Ситуация стабилизировалась со второй половины 1943 г. Столичные и многие региональные кооперативы возобновили массовое производство скульптуры, живописи, графики, декоративных предметов. Но вернулись они к этой деятельности в новых социально-экономических и идеологических обстоятельствах.

В условиях неразберихи военного времени была утрачена бухгалтерская отчетность, разрушены традиционные логистические связи. Появлялись предпосылки для экономической инициативы, самостоятельности, «менеджерских» навыков и экономических импровизаций.

На основе сохранившихся документов «Всекохудожника», Художественного фонда, Комитета по делам искусств СССР и других инстанций выявляются следующие приемы «теневой» активности, ухода от официальной отчетности и получения нелегальных доходов советскими художниками.

Так, выпускаемая предприятиями Художественного фонда продукция была освобождена от обложения всеми государственными налогами и сборами, неудивительно, что на предприятиях Худфонда было развито производство предметов ширпотреба и выполнение несвойственных творческим организациям работ (отделения Худфон-

²¹ Там же. Д. 391. Л. 81–82.

да производили запонки, косынки, трафареты, выкройки, бантики, браслеты, табуретки и т. д.). Непрофильное производство порой составляло до 70 %, что позволяло производить большие накопления²².

Художественные кооперативы закупали материалы у частных, а не через государственные структуры, что было запрещено. Немало документальных свидетельств тому, как художники (в том числе и самых высоких рангов) многократно получали повторную оплату за ранее уже оплаченные произведения, заключали множество договоров одновременно, привлекали как подрядчики других специалистов и скульпторов, т. е. выступали «частными предпринимателями». Именно такую оценку Комиссия госконтроля СССР, проверявшая Художественный фонд, дала тому факту, что признанный скульптор М. Томский в 1950–1951 гг. только с тремя выявленными организациями заключил двадцать пять договоров на сумму 1259,9 тыс. руб., а Е. Вучетич только с Росскульпторгом – три договора на 1267 тыс. руб.²³ Проверка зафиксировала случаи двойной оплаты авторам за одни и те же скульптурные модели (знаменитому скульптору С. Д. Меркурову было переплачено 40 000 руб.). Эта же проверка обнаружила, что уже многократно упомянутый А. Герасимов для музея искусств в Румынии повысил расценку за авторское повторение своей картины «Сталин и Ворошилов на прогулке в Кремле» с 35 000 до 65 000 руб.²⁴ Сплошь и рядом художники искусственно завышали размеры и другие характеристики, удорожавшие художественное произведение²⁵. Не вызывает сомнений, что гигантские работы, обнаруженные в центральном павильоне ВДНХ в 2014 г., создавались с учетом принципа «аршинных расценок», когда произведение искусства оценивалось тем выше, чем крупнее были его размеры и чем больше деталей и фигур присутствовало в изображении.

Выполнялись такие произведения «бригадным» способом. Приписки «мертвых душ» в бригадах, работавших над монументальными произведениями, также выходили за рамки легальных практик художественной жизни. Спектр «теневых» способов выживания на ограниченном государственным регулированием и цензурой арт-рынке был очень широк. Художники, вопреки запретам, занимались частными заказами, при расчетах и договорах с художественными организациями подменяли один тип изображения другим (вместо тематической картины отчитывались за авансовый договор пейза-

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 376. Л. 53.

²³ Там же. Л. 53–54.

²⁴ Там же. Оп. 33. Д. 335. Л. 32.

²⁵ Подробнее см.: Янковская Г. А. Искусство, деньги и политика. Советский художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007.

жем, который по нормативным расценкам, принятым в СССР, оценивался значительно ниже). Некоторые художники – члены партии платили членские взносы не с реальных, а с фиктивных доходов. Как было сказано в справке о результатах обследования Ставропольского и Кисловодского отделений «Всекохудожника» от 6 апреля 1948 г., «политическая бдительность коммунистов была усилена большими заработками»²⁶.

Большие соблазны для «левых» доходов возникали в процессе изготовления «эталонов» для массового копирования художественных произведений. Массовое плановое производство копий изобразительного искусства – маркер художественной среды позднего сталинизма. Именно копии должны были превратить искусство в общедоступный потребительский товар. Копиям отводилась ключевая роль в проектах по «смычке» искусства и народа. В СССР копии произведений живописи, скульптуры, графики стали неотъемлемым элементом публичного и частного пространства. О масштабах этой деятельности можно судить по следующим цифрам: с 1941 по 1945 г. самое крупное и самое профессиональное по составу Московское товарищество художников выпустило творческой продукции на 30 млн руб., а копий и репродукций – на 50 млн²⁷.

Подводя итог, необходимо отметить, что столь обширный список «экономических инициатив», проявленных художественными организациями и отдельными художниками в годы позднего сталинизма с целью обойти правила и нормы советской системы художественного производства, частота обнаруженных документальных свидетельств на данную тему, говорят о распространенности «теневых» практик в художественной жизни того времени. Такая вольница, ставшая возможной в послевоенный период, не могла продолжаться долго. Недовольство «торгашеским духом», царящим в товариществах²⁸, параллелизм в деятельности с другими художественными организациями стали важнейшими основаниями (наряду с другими) для ликвидации «Всекохудожника» в 1953 г.

Со временем под негласным запретом оказался и парадный монументализм работ А. Герасимова и Е. Вучетича, порожденный специфической институциональной средой и политическим контекстом позднего сталинизма. Возвращение созданных ими образов, визуального языка, политической символики в публичное пространство современной России должно сопровождаться экспертной и гражданской дискуссией.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 7. Л. 20.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 208. Л. 76–80.

²⁸ Там же. Оп. 7. Д. 18. Л. 17.

Д. Н. Ряпусова

ПОЛИТИКА «МАЛОКАРТИНЬЯ» В СИСТЕМЕ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА: ПРЕДПОСЫЛКИ, СОДЕРЖАНИЕ, ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Противоречивость периода позднего сталинизма получила явное отражение в развитии отечественной культуры. Кино как «зеркало» эпохи не только содержательно, но и институционально испытало, вобрало и запечатлело тот неповторимый дух времени. Через выстраивание и осмысление событийной канвы вокруг этого отдельно взятого фрагмента ушедшей реальности можно приблизиться к пониманию сущности обозначенного периода.

Эпоха «малокартинья» – очередной виток развития советского кинематографа, который пришелся на конец 1940 – начало 1950-х гг. и характеризовался стремительным сокращением объемов кинопроизводства².

Первые попытки интерпретации причин и последствий фактического свертывания отрасли были предприняты еще в годы хрущевской «оттепели». Тогда же возник и сам термин «малокартинье»³. Вместе с тем вплоть до 1990-х гг. исследователи, указывая на хитросплетение целого комплекса организационных, идеологических и творческих противоречий, постигших «важнейшее из искусств» в послевоенные годы, воздерживались от открытой критики линии партии в области литературы и искусства. Лишь на современном этапе стали появляться работы с более взвешенной и аргументированной

¹ Работа выполнена в рамках гранта президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (проект: НШ-3422.2014.6).

² О динамике производства отечественных полнометражных художественных фильмов в 1940–1956 гг. см.: Ряпусова Д. Н. «Что сегодня покажет нам товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики // Вестник Пермского университета. Серия История. Вып. 1 (21). Пермь, 2013. С. 185–196.

³ Искусство миллионов. Советское кино. 1917–1957. М., 1958. С. 429, 440; Очерки истории советского кино: в 3 т. / под ред. Ю. С. Калашникова и др. М., 1961. Т. 3. С. 15–16.

оценкой развития киносферы периода позднего сталинизма⁴. В немалой степени этому способствовало расширение архивного доступа и издание тематических сборников⁵. Так, у пытливого исследователя появилась возможность проследить «процесс рождения документа, сделавшего эпоху» в истории советского кино, – на шумевшего и широко растиражированного постановления ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. «О кинофильме “Большая жизнь”»⁶.

События, последовавшие за обнародованием этого и ряда других известных постановлений по идеологическим вопросам, требуют более пристального рассмотрения.

Период «малокартинья» подготавливался в обстановке нарастающего недовольства партии и правительства качеством отечественной кинопродукции. Установка Министерства кинематографии СССР на создание большого количества произведений (до 80–100 полнометражных игровых фильмов в год уже к концу четвертой пятилетки)⁷ была признана неправильной в постановлении Совета министров СССР от 14 июня 1948 г. «О планах производства художественных, документальных и видовых фильмов на 1948 г.»⁸. В официальной трактовке сложившаяся ситуация объяснялась тем, что «погоня» за цифрами привела к привлечению малоопытных режиссеров, в результате чего резко снизился идейный и художественный уровень картин. Одновременно неуклонно росли расходы государства на кинопроизводство, которые не окупались ввиду слабой посещаемости кинотеатров зрителями. Выдвигалось требование «решительного повышения качества выпускаемых фильмов» путем привлечения к их постановке «лучших режиссерских и актерских сил»⁹.

Подобная практика была не нова. Отдавать предпочтение людям с известными признанными фамилиями стали уже в годы Великой Отечественной войны. Еще 15 мая 1944 г. вышло постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О производстве киножурналов и документальных

⁴ Громов Е. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 370–382; Зоркая Н. М. История советского кино. СПб., 2006. С. 292; История отечественного кино / под ред. Л. М. Будяк. М., 2005. С. 342–360; и др.

⁵ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999; Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы / сост. К. М. Андерсон, Л. В. Максименков, Л. П. Кошелева и др. М., 2005; и др.

⁶ Кремлевский кинотеатр... С. 9, 723–737, 747–767.

⁷ Большаков И. Новые задачи советской кинематографии // Советское искусство. 31.05.1946.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 4. Д. 61. Л. 41; Выше качество советских кинофильмов // Советское искусство. 3.06.1948.

⁹ Там же. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 2128. Л. 1.

фильмов», в котором указывалось на крайне отрицательную тенденцию перепоручения создания киножурналов «второстепенным мало-квалифицированным работникам». Здесь же выдвигалось требование привлечь к этой ответственной деятельности в первую очередь крупных режиссеров документальных и художественных фильмов¹⁰.

Руководитель сценарной студии М. В. Большинцов с горечью вспоминал о результатах объявленного в конце 1943 г. конкурса на комедийный киносценарий. Тогда все внимание оказалось приковано к «литературным тузам», а талантливые работы малоизвестных писателей попросту не принимались в расчет. Ставка на знаменитостей, искусственно созданное ограничение авторского круга и тематики, по мнению киноведа Р. Н. Юренева, и привели в итоге к политике «малокартинья»¹¹.

Данная точка зрения меж тем не дает понимания, почему именно известные корифеи литературы и искусства стали объектами грубой критики в ходе развернутой вскоре после войны идеологической кампании. В киносфере отмеченная тенденция, по-видимому, была связана отнюдь не с «легкомысленностью и безответственностью» авторов (среди которых назывались видные советские режиссеры – С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, Г. Козинцев и Л. Трауберг), а с искренней уверенностью последних в необходимости дать зрителю, уставшему от войны, как можно больше развлекательных, менее идейно нагруженных картин, способных помочь отвлечься и отдохнуть от тягот жизненных реалий. Вместе с тем, вероятно, существовал запрос киноаудитории и на глубокий, правдивый показ жизни во всем многообразии ее проявлений. Пожалуй, в этом и состояло основное несоответствие ожиданий советского руководства, требовавшего постановки новых «глубокоидейных» произведений, содержанию значительной части первых послевоенных фильмов. В верхах возобладало мнение, что цели и задачи развития киноотрасли теперь оказываются не менее грандиозными, чем в годину суровых испытаний, поскольку должны соизмеряться с масштабностью восстановительно-хозяйственных задач, стоящих перед государством. Любое отклонение от этой выверенной линии могло быть расценено как «идеологический брак».

Безусловно, сказывались и личные ожидания и предпочтения И. В. Сталина, как это было со второй серией «Ивана Грозного»¹²,

¹⁰ Кремлевский кинотеатр... С. 710–711.

¹¹ Юренев Р. Советская кинокомедия. М., 1964. С. 389–390.

¹² Выступая в августе 1946 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о кинофильме «Большая жизнь», И. В. Сталин назвал этот фильм «омерзительной штукой» и обвинил режиссера в совершенном отвлечении от истории. Во время личной беседы,

а также его опасения по поводу идеологической «распушенности» художественной интеллигенции, в которой Сталин видел одного из главных противников режима, – нужно было ввести ее в обозримые рамки¹³.

В очередной попытке «решительно» поднять идейно-художественный уровень кинокартин выдвигался тезис, допускавший существование искусства, создающего лишь выдающиеся произведения. Самый главный «кинокритик» страны неоднократно высказывал мысль о том, что только длительная творческая работа позволяет подготовить «хорошие» картины, подтверждая эту идею примерами выдающихся представителей различных искусств, таких как Чарльз Спенсер Чаплин или Илья Ефимович Репин. Последний, как подчеркивал Сталин, одиннадцать лет создавал «Запорожцев»¹⁴. Давая указания по исправлению второй серии фильма «Иван Грозный», «кремлевский цензор» акцентировал внимание С. М. Эйзенштейна на необходимость сделать картину «скульптурно», даже если на это уйдет 3 года, и добавил: «Вообще мы сейчас должны поднимать качество. Пусть будет меньше картин, но более высокого качества»¹⁵. Формула была дана.

Как известно, неизменно соблюдалось правило «рецензирования» готовых кинокартин лично Сталиным. Здесь уместно вспомнить ситуацию вокруг фильма М. И. Ромма «Человек № 217», который был завершен в конце 1944 г. и еще до выхода на широкий экран получил признание в кругах кинематографистов. Более того, его выдвинули на присуждение Сталинской премии. Однако, по свидетельству заслуженной артистки РСФСР Е. А. Кузьминой (сыгравшей в фильме одну из главных ролей), судьба кинопроизведения оказалась под угрозой – по истечении пяти месяцев после окончания съемок «Человек № 217» не был выпущен в прокат, т. к. картину не просмотрел Сталин¹⁶.

Понимая кино как искусство сугубо государственное, лидер страны считал совершенно необходимым программировать фильмы, закладывая в них свою волю. Личное участие в редактировании сценариев давало Сталину возможность ощутить себя режиссером жизни.

состоявшейся в феврале 1947 г., он дал С. М. Эйзенштейну подробные указания по исправлению картины (см.: Марьямов Г. Б. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 84–92; Власть и художественная интеллигенция... С. 582–583, 612–619).

¹³ Громов Е. Указ. соч. С. 370.

¹⁴ Власть и художественная интеллигенция... С. 582, 618.

¹⁵ Там же. С. 618.

¹⁶ См.: История советской политической цензуры: Документы и комментарии / сост. З. К. Водопьянова, Т. В. Домрачева, Е. Л. Луначарский и др. М., 1997. С. 504–505.

В то же время в просмотрах новых кинокартин он видел отнюдь не развлечение, а в первую очередь долг руководителя государства. Все более или менее крупные новые фильмы (художественные, документальные, научно-популярные) привозились министром кинематографии в Кремль, где в небольшом зале организовывались коллективные просмотры для узкого круга лиц. Помимо «Хозяина», на них, как правило, присутствовали члены Политбюро. По окончании просмотра и обсуждения фильма Иосиф Виссарионович выносил свое заключение, зачастую содержащее, помимо однозначной, неоспоримой оценки произведения, указания по исправлению неудачных моментов. И. Г. Большаков усердно фиксировал озвученные замечания и доводил их до авторов фильмов. По воспоминаниям С. Аллилуевой, устраивать «разнос» практически каждому новому фильму после войны стало привычным делом. Если уже по нескольким кадрам Сталин видел, что картина «не подходит», он просто вставал и уходил, не дожидаясь конца просмотра. Только после процедуры «кремлевской приемки» кинокартины начинали шествие по экранам страны¹⁷. В кинематографической среде существовала даже точка зрения, объясняющая необходимость ограничений кинопроизводства отсутствием у «властителя дум» возможности самостоятельно просматривать и оценивать большое количество фильмов¹⁸.

Перетасовка и ощутимое сокращение планов выпуска кинопродукции предпринимались в общесоюзном масштабе. Впечатляющими выглядят данные о сценариях, «списанных в убыток». В 1948 г. их число достигло 327. Размер гонораров, выплаченных за эти невостребованные работы, составил 7,4 млн руб.¹⁹ Параллельно с перекройкой темпланов осуществлялась производственная реорганизация и ликвидация ряда кинопредприятий. Так, Ташкентская и Рижская киностудии были объединены с местными студиями кинохроники, а на базе Свердловской студии игрового кино организована киностудия научно-популярных фильмов²⁰.

На судьбе уральской кинофабрики стоит остановиться подробнее, поскольку происходившее с ней наглядно отражает основные черты сталинской кинополитики. В феврале 1947 г. в союзном министерстве состоялось совещание по вопросам тематики сценарных заказов, на котором было принято решение лишить студию художественных фильмов, расположенную в Свердловске, самостоятельно-

¹⁷ Марьямов Г. Указ. соч. С. 9–14; Громов Е. Указ. соч. С. 182–213, 369.

¹⁸ Юренев Р. Н. Краткая история киноискусства. М., 1997. С. 101–102.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 26. Д. 26а. Л. 9, 36.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 4. Д. 61. Л. 42–43; Ф. 2456. Оп. 1. Д. 2128. Л. 7–8.

сти при заключении договоров с авторами²¹. «Расчистка» сценарного портфеля студии от работ «сомнительных авторов» и укрепление связей с писательским активом не исправили ситуацию. Спустя год Коллегия Министерства кинематографии СССР признала, что в работе киностудии недостаточно представлена местная тематика, а ее директор Я. М. Блиох получил выговор от И. Г. Большакова за допущение «ненормальной» ситуации, когда руководство направляет съемочную экспедицию в Москву, имея «свою студию с готовыми декорациями»²².

Итак, по новому союзному плану, утвержденному Министерством кинематографии на 1948 г., постановкой будущих «киношедевров» должны были заниматься исключительно ведущие режиссеры страны. Выпуск художественных фильмов на Урале стали рассматривать как слишком дорогое и не оправданное удовольствие, поскольку качество кинопродукции Свердловской студии оценивалось как крайне слабое²³. В итоге чрезмерное административное вмешательство и однобокая политическая оценка деятельности студии послужили основанием для свертывания производства игровых фильмов в регионе. Появившись в экстремальных условиях войны, молодая кинофабрика не смогла в полной мере реализовать свой потенциал в исследуемый период.

Лозунг «Лучше меньше, да лучше!» основывался на идее: если брать лишь масштабные темы, поручать их только маститым и проверенным мастерам, осуществлять повседневный контроль за их деятельностью, то можно добиться производства исключительно эпохальных картин²⁴. Его ошибочность, очевидная для большинства представителей творческой интеллигенции, уже в скором времени стала явной для самих инициаторов «эксперимента».

С началом реализации «новой» программы прекратился естественный процесс профессионального выдвижения молодежи, нарушилась связь киноискусства с литературой. Не имея возможности реализовать постановку сценариев, многие писатели и драматурги перестали работать для кино. В то же время некоторые сценаристы и режиссеры вынужденно брались за «предлагаемую» работу вопреки своим творческим устремлениям, что отрицательно сказывалось на ее результатах.

Последствия данной политики оказались в буквальном смысле разрушительными: творческая деградация кадров кинемато-

²¹ ЦДООСО. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.

²² Там же. Д. 26. Л. 13, 18.

²³ Там же. Л. 51.

²⁴ Юренев Р. Смешное на экране. М., 1964. С. 14.

графии, уход из профессии сотен специалистов (монтажеров, осветителей, костюмеров, декораторов и т. п., которых годами готовили на практике, т. к. не существовало соответствующих среднеспециальных учебных заведений); апогей «сценарного кризиса», непреодолимый в течение ряда последующих лет; замедление развития производственно-технической базы кинематографии²⁵. Все это напрямую сказывалось на качестве кинообслуживания населения и в итоге наносило большой урон экономике киноиндустрии, делало ее обузой финансовой системы государства²⁶.

Помимо этих чрезвычайно важных внешних проявлений, политика «малокартинья» наложила неизгладимый отпечаток на процессе кинотворчества. Во-первых, в условиях сокращения количества фильмов неизбежно возникала перегруженность картин материалом, т. к. перед автором каждого произведения ставилась задача отразить как можно больше жизненных проблем. Во-вторых, первое обстоятельство усиливалось существованием чрезмерного тематического крена в сторону создания исторических и биографических картин (нацеленных, прежде всего, на дидактическое поучение, назидательность)²⁷. На их постановку тратились основные производственно-технические и материальные ресурсы киностудий, привлекались известные литераторы и крупные режиссеры, тогда как тема современности оставалась на заднем плане. О необходимости ее разработки говорили и писали много²⁸, однако ситуация кардинально не менялась. Отягчающим обстоятельством в данном случае являлось непреложное требование соответствовать злобе дня, выдерживать максимальную актуальность и едва ли не газетную оперативность. В некотором смысле пресс тотального цензурирования в меньшей степени давил на создателей историко-биографических фильмов.

В-третьих, в конце 1940 – начале 1950-х гг. в кино наиболее явно проявилось влияние культа личности Сталина, выразившееся в одностороннем, необъективном показе образа вождя, гипертрофированном преподнесении заслуг выдающихся персонажей прошлого и недооценке роли народа в отражаемых событиях. От-

²⁵ Очерки истории советского кино... С. 16; Искусство миллионов... С. 429; Калистратов Ю. А. Вопросы экономики советской кинематографии: Дис. ... д. э. н. М., 1956. С. 104; Нашельский А. Ю., Столярова Т. А. Экономика, организация, планирование киносети и кинопроката. М., 1964. С. 13.

²⁶ См. об этом подробнее: Ряпусова Д. Н. Указ. соч.

²⁷ Юренев Р. Н. Краткая история киноискусства... С. 106.

²⁸ См.: Советское кино в 1947 году // Советское искусство. 1948. 6 марта; Советское киноискусство в 1948 году и ближайшие задачи советской кинематографии // Там же. 26.02.1949; Боевые задачи советского кино // Там же. 23.04.1949; В Министерстве кинематографии СССР // Там же. 05.08.1950; и др.

меченная тенденция отчетливо прослеживается в фильмах «Клятва», «Падение Берлина», «Незабываемый 1919-й» М. Чиаурели, «Сталинградская битва» В. Петрова, «Третий удар» И. Савченко. В-четвертых, в кинопроизведениях на современную тему получила распространение практика сглаживания жизненных противоречий и трудностей. Авторы стремились уходить от реальных конфликтов и четко следовать сталинской формуле: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Замалчивались, не придавались огласке недостатки существующей системы, создавалась иллюзия всеобщего мира и благоденствия, царившего среди граждан. Ярким тому примером служат картины И. Пырьева «Кубанские казаки» и Б. Барнета «Щедрое лето», где жизнь колхозной деревни показана лишь с парадной стороны; фильм Ю. Райзмана «Кавалер Золотой Звезды», преисполненный искусственной легкости и ретуши²⁹.

Ориентиром в работе редакторского аппарата выступала «теория бесконфликтности». Развивая воззрения Сталина, который не терпел изображения недостатков, отрицательных персонажей и острых конфликтов в фильмах о современности, идеолог сталинского курса Жданов обосновал идею бесконфликтности. Аргументы при этом выдвигались следующие: с уничтожением в стране советов антагонистических классов исчезла и сама почва для возникновения значительных конфликтов между советскими людьми. Развитие происходило в ходе борьбы хорошего с лучшим, тогда как драматический конфликт мог присутствовать лишь в киносценариях о столкновении мира социализма с миром капитализма³⁰.

В начале 1950-х гг. губительность политики «малокартинья» стала столь явственно проступать сквозь ширму внешнего благополучия, что руководству пришлось признать наличие серьезной проблемы в системе кинопроизводства. Все чаще со страниц газет и общественных трибун раздавались голоса, требовавшие увеличить число отечественных фильмов³¹. С 1951 г., когда был достигнут рекордно низкий количественный уровень кинопроизводства за всю историю советского кино (менее десятка игровых картин суммарно по киностудиям страны), официальная пресса начала критику теории «бесконфликтности», инициировала дискуссии о снижении кинематографического мастерства и важности творческих поисков. Открытое заявление о неблагополучии в литературе и искусстве прозвучало в октябре

²⁹ Очерки истории советского кино... С. 24; История отечественного кино... С. 354–355.

³⁰ См.: Искусство миллионов... С. 430–431; Юренев Р. Смешное на экране... С. 14.

³¹ Мы хотим видеть отечественные кинофильмы // Уральский рабочий. 05.03.1949; Больше выпускать художественных фильмов // Советское искусство. 24.01.1953; и др.

1952 г. на XIX съезде КПСС, где было принято решение об увеличении производства фильмов³².

В директивах по очередному пятилетнему плану развития народного хозяйства предусматривалось добиться к 1955 г. выпуска 120 фильмов. Здесь же было произнесено требование «смело показывать жизненные противоречия и конфликты, уметь пользоваться оружием критики как одним из действенных средств воспитания», но при этом подчеркивалось, что в искусстве следует отражать лишь типичные факты – не те, «что часто встречаются в жизни», а именно выражающие «сущность данного социально-исторического явления»³³. С высоких трибун вновь звучали двусмысленные формулировки, и трактовать их можно было по-разному. Вместе с тем курс на выход из тупика «малокартинья» был взят.

По указанию сверху начался «решительный поворот» к морально-бытовой тематике, взоры кинематографистов устремились к семейно-частной жизни, которая уже традиционно оставалась за кадром, либо проникала на экран крайне дозированно. В этом отношении показателен фильм В. Пудовкина «Возвращение Василия Бортникова» (1953 г.). Наметившийся здесь интерес к личной жизни, внутреннему миру и сложным переживаниям героев, был развит в целой плеяде последующих кинокартин³⁴.

Таким образом, именно внутри рассматриваемого периода следует искать истоки «оттепельного» кино с его выраженной личностной проблематикой, укорененностью экзистенциалистских идей. Почему же этот поворот стал возможен? Как случилось, что в условиях жесткой идеологической цензуры и, по сути, полицейского гнета происходило складывание предпосылок для последующей трансформации ценностных и смысловых ориентиров кинодеятелей, воплотившихся, в частности, в таких уникальных произведениях, как «Летят журавли», «Баллада о солдате»?

Возможно ли было подобное в отсутствии внутренней готовности к изменениям со стороны самих создателей кинотекстов, когда решающую роль играет лишь прямое следование воле власть предержащих, госзаказ? Представляется, что нет. Согласно концепции Дж. Хьюэй-коу, Э. Тюдора и Д. Прокопа, «эстетический прорыв» в виде новой специфической картины мира может явиться следствием макросоциальных сдвигов (вызванных войной, революцией, экономическими потрясениями), которые словно по «короткому замыканию» находят выражение в кинотворчестве. Впрочем, потенции «прорыва» могут

³² Зоркая Н. М. Указ. соч. С. 291–294.

³³ История отечественного кино... С. 356–357, 359.

³⁴ Там же. С. 357–358; Зоркая Н. М. Указ. соч. С. 294.

не реализоваться, если политический климат общества окажется не органичен идеологией зарождающегося художественного направления, или же будут отсутствовать творческие кадры, способные ухватить и воплотить веяния вызревающей «киноволны»³⁵.

Пережив войну, советская интеллигенция обрела бесценный жизненный опыт, а вместе с ним и обостренное видение и чувствование экзистенциальных потребностей людей, находящихся в экстремальных условиях. Но, как было показано выше, «инженеры человеческих душ» оказались грубо одернuty сталинским руководством, имевшим на кино свои особые виды. Лед тронулся, когда последовали идеологические послабления, на студии пришли новые режиссерские и актерские кадры. В результате то, что отторгалось и задвигалось на задворки ввиду декларируемой незначительности, вновь было вызвано к жизни, обрело актуальность в кинотворчестве и получило ожидаемый отклик у аудитории.

Итак, сокрушительные удары по искусству и интеллигенции, нанесенные постановлениями ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг., усиленные последующими мероприятиями партии и правительства, привели в финале сталинской эры к тягчайшему застою во многих областях культуры. К сожалению, кино в этом отношении не являлось счастливым исключением. Открытым остается вопрос: способно ли было государство в условиях послевоенного восстановления обеспечить нужды широкомасштабного производства фильмов? Нельзя ли списать львиную долю трудностей, постигших «важнейшее из искусств» в период позднего сталинизма, на вполне обоснованное действие режима жесткой экономии финансовых средств? Ведь стоимость производства одной (по меркам руководства, отнюдь не «шедевральной») полнометражной художественной картины Свердловской киностудии тогда варьировалась в пределах 5–7 млн руб.³⁶ В 4 млн 700 тыс. руб. обошлась государству вторая серия «Большой жизни», и те деньги, по мнению Сталина, «пропали» зря³⁷. Что значили эти миллионные суммы для страны, пережившей войну, и куда приоритетно могли быть перераспределены? По сообщению И. Г. Большакова, на подъем и расширение *всего* кинематографического хозяйства *в течение* послевоенной пятилетки правительство ассигновало более 500 млн руб.³⁸ Простой арифметический подсчет позволяет сделать

³⁵ См.: Социология и кинематограф / под общ. ред. М. И. Жабского. М., 2012. С. 37–38.

³⁶ ГАСО. Ф. Р-2258. Оп. 1. Д. 17. Л. 3, 23–23 об.; РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 1402. Л. 9, 10.

³⁷ Кремлевский кинотеатр... С. 752, 761.

³⁸ Большаков И. Г. Указ. соч.

вывод, что грандиозные планы руководства киноотрасли относительно сотни полнометражных игровых фильмов в год к концу четвертой пятилетки не входили в бюджетные сметы государства.

С определенной уверенностью можно еще раз указать на имевший место узел организационно-финансовых, творческих и идеологических проблем в развитии киноотрасли тех лет. И вместе с тем с известной долей допущения выделить в этом комплексе идеологический фактор как определяющий. Вряд ли можно предположить, что руководство страны, стремительно наращивая военную мощь государства в условиях развертывания холодной войны, *так* недооценивало значимость идейно-психологического оружия и столь недалеко-видно (исходя из чисто финансовых соображений) сэкономило на его производстве. К тому же схожие «кризисные» явления наблюдались в развитии литературы, музыки и театра, где на создание «культурного продукта» отнюдь не всегда требовались внушительные суммы. При отсутствии (или несущественности) иных сдерживающих факторов, да еще и в ситуации кризиса самого массового из искусств, они могли бы достичь апогея своего развития. Но этого не произошло.

Сокращая производство фильмов, руководство страны в итоге ставило под удар собственную идеологию, ведь кино выступало чрезвычайно действенным средством формирования и переделки сознания человека. В момент, когда с ощутимой силой раскручивался маховик противостояния двух систем, странным образом был запущен механизм разрушительного действия. В отсутствии достаточного для удовлетворения нужд населения количества отечественных кинокартин (содержательно выверенных и санкционированных сверху) на советский экран лавинообразным потоком хлынули «трофейные» фильмы, проповедовавшие «буржуазные» ценности, прежде всего, дух индивидуализма. В этом и раскрывается одно из значимых противоречий периода позднего сталинизма.

**IV. МОБИЛИЗАЦИОННАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ.
ВОССТАНОВЛЕНИЕ И СТИМУЛЫ
РАЗВИТИЯ**

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ КОЛХОЗОВ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР УСЛОВИЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1940-е гг.

Под условиями жизни понимается социальное положение и социальный статус определенной группы населения, определяемых комплексом факторов в конкретной исторической обстановке.

В 1940-е гг. на условия жизни крестьянства влияли различные причины и обстоятельства. Прежде всего, рост плановых заданий по поставкам сельскохозяйственной продукции государству, увеличение сбора по старым налогам и введение новых налогов. Все это происходило в условиях резкого сокращения потребительского рынка. Для колхозников фонды на промышленные и продовольственные товары выделялись в последнюю очередь. Еще в условиях предвоенного кризиса снабжения с 1 декабря 1939 г. правительство запретило продажу муки, а затем и печеного хлеба в сельской местности. Были урезаны рыночные фонды, направляемые в село. Торговля в сельской местности велась через систему потребкооперации в обмен на заготовки сельскохозяйственной продукции. Однако предельно ограниченные возможности приусадебного хозяйства в 1940-е гг., а главное, отсутствие товаров у потребкооперации не позволяли обеспечивать сельское население товарами по установленным нормам. При этом удаленность многих населенных пунктов Восточной Сибири от транспортных коммуникаций и городов крайне затрудняла возможность удовлетворять потребности, прежде всего, в промышленных товарах через городские рынки. Этим пользовались различного рода «перекупщики». То есть колхозники, не имея возможности продать продукцию личного подсобного хозяйства на рынках, уступали значительную часть цены в ущерб себе.

Одновременно произошло повышение обязательного минимума трудодней и ужесточение мер наказания за их невыполнение. Само по себе увеличение обязательного минимума не являлось каким-то критически недостижимым пределом, но для части колхозников, особенно женщин, имевших малолетних детей, это создавало немалые

проблемы. За невыполнение же обязательного минимума предусматривалось наказание исправительно-трудовыми работами в колхозах сроком на шесть месяцев с удержанием до 25 % трудодней в пользу колхозов. А если невыполнение квалифицировалось как «факты саботажа», то колхозники признавались потерявшими права колхозников, лишались приусадебных участков.

При этом трудовые ресурсы деревни жестко регулировались. Колхозники восполняли рабочую силу городов, широко привлекались на лесозаготовки, ремонт железнодорожного полотна, различные строительные работы, неявка или дезертирство с которых сурово карались. Более свободному перемещению крестьян препятствовало отсутствие у колхозного населения паспортов и пенсионного обеспечения. Формальным правом давать колхознику разрешение на выход из колхоза и переезд в другую местность обладали общие собрания колхозников, но фактически оно принадлежало председателю колхоза.

Все вышеотмеченные обстоятельства и факторы усугублялись ослаблением производительных сил деревни, что было связано с мобилизацией в армию наиболее дееспособной части колхозников, а также техники и значительной части основной тягловой силы деревни — лошадей. Это влекло за собой снижение урожайности, сборов зерновых, сокращение поголовья скота, а следовательно, и той части продукции, которая распределялась по трудодням.

Из всех перечисленных факторов наибольшее влияние на социальное положение крестьян оказывали отсутствие нормированного распределения и налоги, которыми облагались колхозы и личное хозяйство колхозников. Анализ системы распределения производимой колхозами продукции, а также налогов, которыми облагалось крестьянство, позволяет объективно и всесторонне оценить социальное положение данной группы населения. Достаток колхозников определялся тем реальным продуктом, который оставался в хозяйстве для распределения на трудодни. Объемы этого продукта, а также выплачиваемый по итогам года денежный эквивалент определялся теми повинностями (налогами), которыми было обложено крестьянство. Именно поэтому внимательное прочтение налоговых обязательств позволяет говорить о реальном срезе условий жизни крестьянства.

Постановления руководящих органов власти как в годы войны, так и после подчеркивали, что улучшать свое положение колхозники могут только за счет доходов, получаемых в своем хозяйстве и только после выполнения всех обязательств, имеющих общенародное значение.

До 1940 г. обязательные поставки зерна и некоторых других культур исчислялись в зависимости от плана сева данной культуры. С апреля 1940 г.¹ обязательные поставки начисляются с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозом. В годы войны в силу сокращения трудовых ресурсов значительная часть земель ушла под залежи (в некоторых колхозах не засеивали половину земель), но обязательные поставки начислялись и с них.

В 1947 г. в размер пашни включили и огороды². При этом для колхозов, не обслуживаемых МТС, нормы обязательных поставок зерна и риса устанавливались на 25 % выше.

Кроме государственного плана, обкомы и райкомы партии доводили «твердое задание» на сверхплановую сдачу, которое нередко превышало плановое.

В случае невыполнения в срок обязательных поставок, на колхоз налагался денежный штраф в размере стоимости не сданной в срок продукции по государственным закупочным ценам, а должностные лица могли и часто привлекались к уголовной ответственности.

После выполнения обязательных поставок государству, колхозы должны были расплатиться за работу с МТС в соответствии с заключенным договором, имеющим силу закона. Причем сельскохозяйственную продукцию, причитающуюся за работы МТС, колхоз также был обязан доставить своими транспортными средствами и за свой счет. Если колхоз не рассчитывался с МТС за выполненные работы, то на колхоз налагался денежный штраф в размере половины стоимости несданной части натуроплаты.

Дальше колхоз должен был выполнить свои обязательства по договорам, заключаемым государственными заготовительными организациями или производственными предприятиями с колхозами (договор контрактации). Сила закона по договорам контрактации была придана постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1935 г.³ Договоры контрактации были выгодны колхозам, но поскольку ресурсы колхозов были предельно ограничены, данная форма контрактации сколько-нибудь широкого распространения в Восточной Сибири не получила.

С апреля 1943 г. получила развитие еще одна форма контрактации: заключение договоров непосредственно с самими колхозниками. Прежде всего, это имело отношение к приобретению у них крупнорогатого скота. Но данные выплаты и зачеты могли осуществ-

¹ Известия. 08.04.1940.

² Правда. 28.02.1947.

³ Известия. 27.09.1935; см. также: Известия. 12.06.1942.

вляться только после выполнения колхозом обязательств по сдаче зерна государству.

После выполнения обязательств перед государством МТС, по договорам контрактации колхозы из натуральных доходов, полученных от растениеводства, обязаны были создать семенной и фуражный фонды. Фуражный фонд создавался в размерах, обеспечивающих полную годовую потребность общественного скота колхоза в кормах.

Кроме семенного и фуражного фонда, колхозам требовалось создавать ежегодно возобновляемые семенной и фуражный страховые фонды. Семенной страховой фонд создавался в размере от 10 до 15 % годовой потребности в семенах и подлежал обязательному ежегодному возобновлению. Страховой фуражный фонд создавался на случай неурожая для страховки от бескормицы за счет кормовых ресурсов, остающихся в колхозе после выполнения обязательств перед государством и образования основного фуражного фонда. Так же, как и семенной, страховой фонд должен был создаваться в размере 10–15 % годовой потребности в кормах, а с мая 1941 г. – страховые запасы грубых кормов (сена, соломы) должны были составлять до 23–30 % годовой потребности⁴.

Наряду с этими фондами колхозы были обязаны иметь продовольственный страховой фонд (с 1 августа 1940 г.) (не менее 2 % валового сбора продовольственных культур),⁵ а также фонд помощи нетрудоспособным колхозникам, нуждающимся семьям военнослужащих и на содержание детских яслей и сирот (не должен был превышать 2 % валовой продукции колхоза).

Только после того, как колхоз выполнил свои обязательства перед государством – возвратил государству полученные натуральные ссуды, внес натуроплату МТС, создал общественные натуральные фонды и выделил необходимую часть продукции для продажи государству или на рынок, оставшуюся часть урожая и продуктов животноводства, можно было распределять между членами колхоза по трудодням.

Кроме натуральной продукции, колхозы могли иметь и денежные средства. Денежный доход колхоза складывался из средств, получаемых за сданные государству по обязательным поставкам и в порядке контрактации. При этом колхозная продукция изымалась по государственным заготовительным ценам, по сути, бесплатно. Килограмм сдаваемого зерна стоил 7–8 коп., картофеля – 3 коп., голова

⁴ Известия. 06.06.1941.

⁵ Известия. 01.08.1940.

крупного рогатого скота оценивалась в среднем в 53 руб., свинья – от 31 до 48 руб., голова овцы или козы – от 8 до 11 руб.⁶ На городских рынках Восточной Сибири цены на эту продукцию были в сотни раз выше. Например, стоимость килограмма муки в 1947 г. повышалась до 65 руб., картофеля – до 28 руб., корова дойная стоила в пределах 10–13 тыс. руб. коза – 1,2–1,3 тыс. руб.⁷ Именно в силу этого большую часть своей продукции колхозы отдавали бесплатно, за символическую цену. Это имитация оплаты за взятую у колхозов продукцию. На весь денежный доход, полученный по трудодням на душу колхозного населения в Бурят-Монгольской АССР за 1943–1944 гг., можно было купить на городском рынке пять – семь килограммов хлеба или два-три килограмма мяса⁸.

Колхоз из полученных денежных средств обязан был выплатить государству установленные законом налоги. Закон о подоходном налоге с колхозов был принят 1 марта 1941 г. С доходов от продажи продуктов в порядке контрактации и госзакупок, а также с доходов от продукции, используемой на внутрихозяйственные нужды колхозов, налог устанавливался в размере 4 % с облагаемого дохода (с 1949 г. – 6 %), с остального дохода колхоза – в размере 8 %. В случае неуплаты налога в установленном порядке неуплаченные суммы налога списывались с текущих счетов колхозов. Не включались в состав облагаемого дохода колхоза суммы, полученные от сдачи государству продукции по обязательным поставкам, фураж, расходуемый на корм скоту колхозных ферм, денежные суммы за оплату работы МТС⁹. С этого же времени, в случаях неуплаты подоходного налога в установленные сроки, неуплаченные суммы налога по решению суда списывались с текущего счета колхоза. За просрочку платежа по налогу взыскивается пеня в размере 0,05 % за каждый день просрочки¹⁰.

Колхоз также за счет своих денежных средств оплачивал страховые платежи. На основании закона от 4 апреля 1940 г. обязательному окладному страхованию в колхозах подлежали строения, инвентарь, оборудование, транспортные средства, продукция, сырье и материа-

⁶ Анисков В. Т. О бедной деревне замолвите слово. 1941–1945 гг. Социальная жертвенность и судьба крестьянства. Вологда, 1996. С. 49.

⁷ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 712. Л. 49, 54, 60.

⁸ Базаржапов В. Б. Торговля и материальное обеспечение крестьян // Ратный и трудовой подвиг народа Бурятии. Улан-Удэ, 1995. С. 47.

⁹ Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. М., 1948. С. 191–195.

¹⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. № 34.

лы; посеvy сельскохозяйственных культур; крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи в возрасте от шести месяцев; лошади, в возрасте от одного года и племенной молодняк лошадей, ловецкие суда¹¹. Не внесенные колхозом в срок страховые платежи обращались в недоимку по обязательному страхованию, на которую колхозам за каждый день просрочки начислялась пеня в размере 0,05 %. Госстрах же возмещал убытки только в том случае, если колхоз содержал застрахованное имущество и посеvy в строгом соответствии с противопожарными, агрономическими и ветеринарными правилами. Причем в случае гибели или повреждения застрахованного имущества колхозы должны были сообщить не позднее одних суток. Поскольку получить выплаты от госстраха было практически невозможно, как в колхозах, так и в ЛПХ скот пускали на убой в случае заболевания, не стремясь вылечить.

Рассчитавшись с государством, колхозы, как правило, оставались не только без средств, но еще и числились должниками у него. Чтобы как-то выжить, хозяйства брали у государства кредит и, как следствие, росла их ссудная задолженность. На следующий год с нового урожая в первую очередь погашались имеющаяся задолженность по обязательным поставкам перед государством и государственные ссуды. Причем колхозам начислялось дополнительно к оплате 10 % к объему взятой ссуды, которые они должны были выплачивать поставками натуральной продукции.

После этих выплат делались необходимые расходы на текущие производственные нужды и административно-хозяйственные расходы (не более 2 % полученных за год денежных доходов). Одновременно для обеспечения расходов на восстановление и расширение основных средств колхоз должен был пополнять свой неделимый фонд (13–15 % денежных доходов колхоза).

Размер отчислений в культурный фонд колхоза определялся в зависимости от возможностей колхоза. Из средств культурного фонда колхоз мог производить расходы на подготовку колхозных кадров, на организацию детских яслей и детских площадок, на устройство радио, на выпуск газет, журналов и другой литературы для клуба колхоза и т. п.

Только после всех перечисленных выплат оставшиеся денежные доходы подлежали распределению в конце хозяйственного года среди членов колхоза. Распределение денежных доходов среди колхозников производилось так же, как и распределение натураль-

¹¹ Там же. 1940. № 12.

ных доходов, т. е. по выработанным трудодням. Распределение денежных средств колхозом подлежало утверждению на исполкоме райсовета.

Устав разрешал до окончательного распределения денежных доходов выдавать колхозникам денежный аванс в течение года в размере не более 50 % причитающейся за работы суммы. Новый порядок авансирования был определен в 1950 г. Согласно постановлению Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении уборки урожая и заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1950 г.» колхозам разрешалось авансировать членов артели до выполнения плана заготовок зерном, картофелем и овощами в размере 15 % от фактически сданного (зачтенного) на государственные заготовительные пункты в счет обязательных поставок, натуроплаты за работы МТС и возврата ссуд¹².

Кроме системы обязательных поставок и отчислений средств колхозов на различные внутрихозяйственные нужды, крестьянство обязано было выплачивать и другие разнообразные налоги.

На протяжении 1940-х гг. неоднократно повышался сельскохозяйственный налог. В июне 1943 г. он был повышен с 137 до 694 руб. В результате все платежи колхозника государству повышались до 18 % его валового денежного дохода, тогда как в 1942 г. они равнялись 9 %. Сельскохозяйственный налог вновь повысился после денежной реформы 1947 г. В 1948 г. были отменены льготы по нему многим хозяйствам, в том числе и многодетным, хозяйствам престарелых единоличников. Для престарелых колхозников они сокращались на 50 %. Если в 1940 г. сумма налогов на средний колхозный двор (одна корова, две овцы, одна свинья, 15 соток под картофель, пять соток – под овощи) составляла 112 руб., то к 1951 г., если не учитывать различных льготников, реальный сбор достигал порой 1,5 тыс. руб. Именно о такой сумме идет речь в документах, в которых упоминаются обращения и жалобы колхозников по данному налогу¹³.

При выполнении обязательств по сельскохозяйственному налогу разрешалось заменять поставки одних продуктов другими или уплачивать их стоимость по государственным розничным ценам. Розничные цены превышали заготовительные. Например, в 1950 г. молоко сдавалось государству по 25 коп. за литр, а в государственной розничной торговле оно реализовывалось по цене 2 руб. 70 коп.,

¹² Известия. 15.06.1950.

¹³ Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). Иркутск, 2000. С. 113.

мясо сдавалось по 14 коп. за килограмм, а в магазинах стоило 11 руб. 40 коп. Помимо денежного сельскохозяйственного налога, крестьянский двор облагался натуральным государственным налогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и др. Средняя норма поставок в середине 1940-х гг. на один колхозный двор составляла 280–300 л молока, 50–100 штук яиц, 40 кг мяса. Годовая норма обязательных поставок мяса в живом весе с колхозного двора в Бурят-Монгольской АССР колебалась от 46 до 60 кг, а по единоличным хозяйствам – с 92 до 120 кг¹⁴. Поставки взимались независимо от наличия скота и птицы. Если колхозник не держал животных, он обязан был любыми путями приобрести эти продукты (купить на рынке, занять, заработать и т. д.) и сдать государству. Таким образом, для многих колхозников полученное за трудодни не покрывало расходов по тем налогам, которыми облагался крестьянский двор.

К тому же колхозное крестьянство, как и все сельские жители, подлежало самообложению. Средства, изымаемые по самообложению, расходовались на школьное строительство в сельской местности, на культурные и бытовые нужды деревни. В начале года все сельские жители вносили в среднем по 20 руб.

Существовал еще так называемый гарнцевый сбор. Он взимался с колхозников в натуральной форме через мельницы и мукомольные предприятия за помол зерна всех культур или за переработку его в крупу. Однако стремясь сохранить зерно, колхозники мололи его дома примитивными домашними мельницами, избегая таким образом натуральной оплаты по гарнцевому сбору. Поступления от этого налога не превышали в среднем 25 % планируемого сбора.

Как и все граждане страны, крестьяне в первой половине 1940-х гг. облагались военным налогом, средние выплаты по которому составляли около 500 руб. за год. В 1941 г. был введен налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Летом 1944 г. в этот налог были внесены изменения. Для колхозников и единоличников, не имеющих детей, сумма сбора повышалась со 100 до 150 руб., с имеющих одного ребенка взималось 50 руб., двух детей – 25 руб.

В целом за годы войны доля налогового обложения сельского населения увеличилась в 5 раз, а в расчете на один колхозный двор, не имевший льгот, – в 6 раз¹⁵.

Крестьянство широко привлекалось к участию в укреплении финансовой мощи страны (денежно-вещевые лотереи, государственные

¹⁴ НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3946. Л. 142, 143.

¹⁵ Новейшая история России. XX век. Т. 2. С. 178.

займы). Общая сумма налогов, сборов и расходов на приобретение облигаций составляла в среднем с каждого хозяйственного двора по России уже в 1945 г. 33 % расходной части их бюджета.

Так же, как и другие слои населения, крестьянство принимало активное участие в сборе теплых вещей, различных продовольственных подарков для фронта, помощи эвакуированному населению, переселенцам, освобожденным районам, участвовало в различных благотворительных акциях.

Какие последствия это имело для социального положения крестьянства?

Сведение к минимуму материальной мотивации неизбежно сопровождается укреплением централизации управления с одновременной опорой на внутренние материальные и трудовые ресурсы колхозов. Нельзя не согласиться с В. Т. Анисковым, когда он пишет, что в годы войны «был осуществлен строжайший (можно сказать крайний) организационный централизм...»¹⁶. Однако и в послевоенный период мало что изменилось.

Сведение практически к нулю материальной мотивации сопровождалось переориентацией на другие стимулы и мотивы трудовой деятельности, прежде всего идеологического, морального характера. В свою очередь это влекло создание соответствующих институтов и механизмов активизации (планирование, соцсоревнования, агитация и др.), направленных на вовлечение работников в трудовой процесс, что сопровождалось ростом районной бюрократии. Поэтому не случайно к концу 1940-х гг. в каждом районе имелись десятки различных «отделов» и контор, официально отвечающих за тот или иной участок «идеологической», «массово-политической», «оборонно-массовой» работы. Согласно справке Иркутского областного управления ЦСУ, в среднем по каждому району на начало 1950 г. имелось 90 различных отделов, агентств уполномоченных и пр., в которых работало свыше 540 человек¹⁷. Содержание разросшейся прослойки «руководящих кадров» районного звена ложилось на плечи колхозников, сопровождалось ростом разнообразных теневых поборов. Это неизбежно влекло изъятие части произведенной в колхозах продукции, уменьшая и без этого скудную долю, предназначенной для распределения по трудодням.

Кроме того, разобраться колхознику в существующей системе сборов и налогов было совсем не просто, так же как и в сроках их

¹⁶ Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993. С. 197–198.

¹⁷ Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). С. 81.

погашения. Военный налог выплачивался три раза в течение года, сельскохозяйственный – четыре. Налоги выплачивались не только в разные сроки, но и разными долями, что также создавало основу для различного рода злоупотреблений.

Начисление трудодней должно было производиться в соответствии с квалификацией колхозника, в зависимости от степени важности, сложности и трудности работы. Однако типичной на протяжении 1940-х гг. являлась практика распределения доходов между членами колхоза только по количеству затраченных трудодней без учета результатов труда. Четких критериев для начисления трудодней не существовало, и начисляться они могли за что угодно. Установить по количеству трудодней результаты работы, ее объемы не представляется возможным. Трудодень просто не с чем сопоставить. Проблема заключалась еще и в трудности учета трудодней. Книжки по ним отмечались от случая к случаю, а часто не велись вообще.

Фактически в 1940-е гг. в большинстве колхозов Восточной Сибири преобладала уравниловка в распределении, выделение хлебных пайков по количеству работающих в семье. Значение трудодней в оплате «по труду» натуральной продукцией было минимальным. Уже в годы войны количество трудодней на одного работающего увеличилось в 1,5 и более раз, а выплаты по ним сократились в 4–6 раз. Когда в 1945 г. была предпринята попытка рассчитать фонд потребления хлебных продуктов сельскохозяйственного населения, оказалось, что вообще не имеется методики определения бюджета среднедушевого потребления. Подобный учет просто не велся¹⁸.

Таким образом, в 1940-е гг. основной упор делался на изъятие производимой продукции. Государство стремилось изъять из деревни не только прибавочный, но и значительную часть необходимого продукта.

Среднестатистические данные лишь отчасти раскрывают истинное положение крестьянства. Согласно им, потребление на душу личного колхозного населения в 1950 г. оставалось, в основном, на уровне 1940 г., кроме хлеба, потребление которого снизилось на 13 %, а также мяса и рыбы (снижение на 4 %). Основным продуктом питания являлся картофель (рост в 2,67 раза). Из картофеля пекли и хлеб, добавляя в него немного муки для склеивания. Такой хлеб был практически лишен белка. В целом же оплата по трудодням выглядела весьма пестро в любой области и районе региона¹⁹. В среднем, как пишет Ю. В. Арутюнян, крестьянин в годы войны получал «меньше

¹⁸ ГАНИИО. Ф. 273. Оп. 2. Д. 100. Л. 65.

¹⁹ Там же. Ф. 127. Оп. 27. Д. 43. Л. 151–152.

200 г зерна и около 100 г картофеля в день – это стакан зерна и одна картофелина. Кроме того, выдавалось немного овощей, а мясо, масло, молоко практически не распределялись, если не считать расходов на общественное питание»²⁰. Денежная оплата в условиях военной инфляции имела символическое значение.

Крестьянство выживало за счет личного приусадебного участка. Не случайно за годы войны не сократились, а даже несколько подросли как размеры приусадебных участков, так и поголовье скота на них.

Система распределения доходов колхозов сложилась в результате мобилизационного варианта развития. В мобилизационной экономике приоритетное развитие и государственную поддержку получают стратегические отрасли, обеспечивающие наращивание военной мощи. Они же в перспективе становятся основой развития гражданских отраслей. Однако в этот период сокращение выпуска предметов потребительского назначения и сведение практически к нулю материальных стимулов обуславливает возрастание роли новых факторов мотивации труда. Чрезвычайная ситуация объективно обусловила преобладание моральных стимулов над материальными, но с другой стороны, формировала и новые нормы трудового поведения, основанные на общественных ценностях и высоком уровне ответственности работников.

С «экономической точки зрения» хозяйственное действие должно быть мотивировано интересом и опираться на свободу выбора модели поведения человека. Однако переносить данный «политико-экономический» тезис на мобилизационную экономику не представляется возможным. Здесь экономикой движет не интерес неких свободных индивидов, а цели, определяемые политической системой и направляемые на достижение победы. В такой конкретно-исторической ситуации интерес неизбежно замещается принуждением, выполнением «обязательств». Мотивация, следовательно, основана на принуждении и активизации морального фактора. При этом речь идет о внеэкономическом принуждении, подкрепляемом идеологическим контролем.

В 1940-е гг. у государства не было средств, чтобы приобретать сельскохозяйственную продукцию и сырье на основе эквивалентного обмена. Но отказаться от этого курса – означало обречь страну на неминуемое поражение в войне, в гонке вооружений и закреплении своего влияния на контролируемом пространстве. Поэтому не произошло облегчения налогового бремени и в послевоенный период. Обострение международной обстановки, необходимость укрепления

²⁰ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 341.

позиций в Восточной Европе и других странах требовали не меньшей мобилизации ресурсов, чем в предвоенный период. Интересы сохранения российской государственности не оставляли других вариантов. В жертву приносились, прежде всего, интересы крестьянства. Длительное осуществление данной политики не только негативно влияло на мотивацию колхозного труда, но и порождало комплекс проблем, имевших самые серьезные социально-политические последствия для страны.

М. Н. Сутрун

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СТАЛИНСКОЙ МОДЕЛИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА)

Одной из основных особенностей советского тоталитаризма была его сверхцентрализация. Ни одна цивилизация, ни одно государство за всю мировую историю не знало такой высокой степени концентрации политической и экономической власти в руках узкого круга людей, как в советском государстве. Выявление степени централизации власти в истории советского государства позволяет проследить *самые общие закономерности* и даже в *самых общих чертах* предсказывать дальнейшее развитие государственной системы. Данные закономерности лежат в плоскости противопоставления личности и власти, демократии и автократии.

В упомянутом противопоставлении в истории советского государства в разные периоды достаточно отчетливо можно проследить либо усиление *централизации* (которое предполагает сужение коллегиальности принятия решений, подчинение центру соподчиненных органов во всех сферах функционирования общества, усиление контроля, а следовательно, усиление бюрократизации, распространение командных методов руководства), либо ее ослабление и *децентрализация*. При этом наблюдаются противоположные упомянутым черты: расширение коллегиальности, разделение властей, ослабление контроля со стороны Центра, а значит, и сокращение бюрократического аппарата и числа чиновников (дебюрократизация), отход от командных методов руководства.

В зависимости от колебаний от централизованной к децентрализованной модели в развитии советского общества наблюдается как распределение, так и перенос значимости существующих важнейших рычагов управления обществом, рычагов влияния на активность населения, таких как пропаганда, фобии («синдром Берии / страха» — Г. Попов), научные методы управления, вовлечение граждан в кампании и организации. Подобными рычагами государство направляло активность населения на решение главных (как правило, одной глобальной) задач, стоявших в тот или иной период (победа в войне, вос-

становление народного хозяйства, индустриализация, коллективизация, etc).

Изучение истории уникальной советской сверхцентрализованной системы позволяет проследить как ее недостатки, так и преимущества. К числу достоинств следует отнести умение системы быстро концентрироваться и в кратчайшие сроки мобилизовать ресурсы для решения одной чрезвычайной задачи (например, на победу в Гражданской или Великой Отечественной войнах). Но в централизации кроются и ее внутренние недостатки: она не способна функционировать продолжительное время в мирных условиях, предполагающих решение гораздо более сложных, комплексных задач. Поэтому даже в мирных условиях советская система объективно заинтересована в поддержании напряженности, «мобилизационной готовности», а следовательно, в поисках врагов как внутри страны, так и за рубежом.

* * *

Данные обстоятельства во многом объясняют особенности функционирования советской системы, ее экономики в послевоенный период, в частности, в 1945–1953 гг. При этом жесткая централизация системы в центре предполагала точное ее копирование на местах. Потому особенности развития системы отчетливо прослеживаются на региональном уровне, в частности, на материалах выделяемой историками и экономистами «экономической зоны» Европейского Севера России, включающей в себя территории Карельской и Коми республик, а также Архангельской и Мурманской областей. Несомненно, эти процессы имели и свои характерные особенности, определяемые географическими, природно-климатическими и историко-демографическими условиями Севера, природными ресурсами.

В данной «экономической зоне» сосредоточены 65 % запасов нефти Российской Федерации, 81 % газа, 63 % угля, 90 % никеля, 67 % леса, 87 % рыбы, 80 % апатитов, основные запасы алмазов и золота. На их освоение и сориентированы основные отрасли хозяйства Севера. По крайней мере, в первое послевоенное десятилетие в Мурманской области половину валовой продукции давала рыбная промышленность, а треть – добыча и переработка полезных ископаемых, в первую очередь никеля, меди, железа и апатитов. Свыше 80 % валовой продукции Коми АССР в эти годы приходилось на долю промышленности главным образом угольной, лесной и нефтегазовой. В Карельской АССР около 75 % валовой продукции промышленности составляла продукция тяжелой индустрии, а Архангельская область на 70 % обеспечивала производство экспортных пиломатериалов. Если к этой лесопроодукции добавить производство пиломатериалов в Карелии и Коми АССР, то получится, что регионы Европейского

Севера производили больше половины использованных в СССР древесины и пиломатериалов¹. Обеспечению функционирования этих отраслей были подчинены многочисленные мелкие и средние предприятия машиностроения. Особняком среди них стояли судостроительные заводы оборонного ведомства, в первую очередь заводы № 402 и № 893 в Молотовске (с 1957 г. – Северодвинск).

За годы войны страна потеряла до четверти всех богатств. Серьезный урон был нанесен и экономике североευропейского региона главным образом его западным областям. По данным специальной Чрезвычайной госкомиссии, он составил свыше 2 млрд руб. Только в лесной индустрии Карелии было разрушено 1129 зданий и сооружений². Поэтому при планировании четвертого пятилетнего плана на 1946–1950 гг. партийно-правительственное руководство поставило перед обществом задачу «восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти уровень этот в значительных размерах»³. Причем в основу директив на пятилетку была положена сформулированная А. Н. Вознесенским концепция «продолжения индустриализации». Не случайно уже в директивах предполагалось направить в тяжелую промышленность 88 % капиталовложений и только 12 % – в «группу Б», т. е. в легкую и пищевую промышленность, что мало отличало подобное соотношение от капиталовложений военных лет (93 % к 7 %) ⁴. Причем только на создание атомной бомбы из бюджета было направлено около 9 % средств – чуть меньше, чем в «группу Б». Следовательно, уже при планировании предполагалось в первую очередь восстанавливать и наращивать тяжелую промышленность, оборонную мощь страны в ущерб производству продукции для людей, их жизненного обеспечения.

Перекус в планировании распределения средств бюджета усугубляли объективные трудности конверсии, засуха 1946 г., недалекая внешняя политика сталинского руководства, приведшая к изоляции и к потере обещанных кредитов из-за рубежа. Во многом вследствие указанных обстоятельств только по официальным данным валовая продукция промышленности в 1946 г. за год по стране сократилась на 15 %. В отдельных отраслях промышленности Европейского Севера – и того больше. К примеру, валовое производство лесопиления по

¹ Северо-Запад РСФСР: Экономико-географическая характеристика. М., 1964. С. 520; Сухарев М. И. Европейский Север России (1946–1961 гг.). Мурманск, 1997. С. 32–33.

² Сухарев М. И. Указ. соч. С. 34.

³ Законы и постановления Верховного Совета СССР. Первая сессия (12–19 марта 1946 г.). М., 1946. С. 19.

⁴ История социалистической экономики в семи томах. Т. 5. М., 1978. С. 55.

тресту «Северолес», объединявшему практически все лесопильное производство Архангельской области, за первый послевоенный год сократилось на 34 %⁵, а на предприятиях целлюлозно-бумажной продукции – более чем на четверть⁶.

Возникшие проблемы вызвали к жизни необходимость трансформации системы для адаптации ее к новым условиям. Хотя многие лидеры и некоторые советские экономисты ратовали за дальнейшее усиление централизации даже после войны⁷. По сравнению с военным временем, в котором жестко централизованная тоталитарная модель действовала под предельно простым, а следовательно, доходчивым лозунгом «Все – для фронта!», в новых условиях система вынуждена была трансформироваться: призыв «восстановить народное хозяйство» предполагал более комплексный подход и более сложную организацию управления с вынужденным расширением самостоятельности хозяйствующих субъектов – т. е. децентрализацию.

Трудно сказать, сознавало ли это руководство или действовало по наитию и ситуации, но уже в годы войны оно пошло на расширение коллегиальности в руководстве: с 1944 г. вернулось к созыву сессий Верховного Совета, к восстановлению работы Советов на региональном уровне. В августе 1945 г. был упразднен высший чрезвычайный орган власти – Государственный комитет обороны. А годом ранее подобные чрезвычайные региональные органы, – ГОКО, были упразднены в приграничных, в том числе и северных областях. Функции планирования в экономике полностью перешли к Государственной плановой комиссии (Госплан), которая в продолжение децентрализации с декабря 1947 г. была разделена на Госплан (комитет), Госснаб и Гостехнику. Постановления 1946–1947 гг. осудили прямое вмешательство партийных органов в деятельность промышленных предприятий, что способствовало разделению функций партийных и хозяйственных органов. Снизился партийный контроль над предприятиями. Хоть и незначительно, но расширилась самостоятельность руководителей министерств, управлений и отдельных предприятий. Часть предприятия, в том числе и на Севере, перешла из союзного в республиканское подчинение, министерствам было разрешено самостоятельно менять структуру и штаты аппарата. С 1 июля 1946 г.

⁵ Если в 1945 г. «Северолес» произвел продукции лесопиления на 38 160 тыс. руб., то в 1946 г. – только на 25 441 тыс. (Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ)). Ф. 7644. Оп. 1. Д. 81. Л. 77.

⁶ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 8513. Оп. 1. Д. 671. Л. 14, 19, 45, 59, 62, 63, 65; Д. 1136. Л. 2.

⁷ См., напр.: Анисимов Н. И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М., 1951.

директора заводов получили право создавать хоть и небольшие, но свои собственные фонды, формировавшиеся за счет снижения себестоимости продукции и составлявшие от этого показателя 2–4 %.

Складывавшаяся объективно тенденция к децентрализации обусловила сокращение аппарата и число управленцев (дебюрократизация). За 1945–1953 гг. всего по стране численность только общесоюзных наркоматов / министерств сократилось с 54 до 25⁸. Более чем вдвое сократилось и число чиновников. Хотя управленческий аппарат продолжал оставаться огромным. На его содержание в четвертой пятилетке было заложено 4 % (!) государственного бюджета, что потребовало введения в 1946 г. регламентации привилегий в аппарате – принятия своего рода сталинской «Табели о рангах». К началу 1950-х гг. на каждых шестерых рабочих в народном хозяйстве страны приходился один управленец⁹. Подобные тенденции наблюдаются и на Европейском Севере. На треть возросший за годы войны партийно-государственный аппарат северных областей был сокращен к 1953 г. на 20 %, однако продолжал по численности на 11 % превышать довоенный уровень¹⁰.

Относительная децентрализация и дебюрократизация в новых условиях сопровождалась переходом от военных к относительно более «мягким» – «административно-командным методам» руководства всеми сферами жизни, в том числе и экономикой. Данное обстоятельство нашло отражение в таких доступных фиксации чертах, как сокращение в 2–3 раза отчетности, бумаготворчества (в сельском хозяйстве – в 8 раз за годы четвертой пятилетки), отказу от казарменного положения на наиболее важных мобилизационных предприятиях.

Даже при общей тенденции к децентрализации аппарат продолжал использовать проверенные временем рычаги воздействия на «производственную активность населения»¹¹. Основными среди них оставались *внеэкономические* (социалистическое соревнование и «синдром страха») и *экономические* (соответствующие новым условиям методы управления, включая «хозрасчет», новые технологии, капиталовложения) *методы руководства*. Однако в новых, мирных условиях параллельно с децентрализацией управления происходи-

⁸ Коржихина Т. П. История государственных учреждений СССР. М., 1986. С. 192–200.

⁹ Там же. С. 178.

¹⁰ Бондаренко С. Я. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России в 1940 – начале 1950-х гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей): Автореф. дис. ... к. и. н. Вологда, 2004. С. 17.

¹¹ В российской политологической литературе принято выделять три вида активности населения, соответствующих основным сферам функционирования общества: производственную или трудовую, политическую и самостоятельную, художественную.

ло и смещение акцентов степени воздействия на население этих рычагов. В отличие от военных лет в послевоенные годы наблюдается усиление экономических рычагов в ущерб внеэкономическим, часто именуемым в советской литературе моральными. В условиях наступившего мира чрезвычайные военные законы объективно вытеснялись конституционными нормами жизни, а силовые методы управления, оправданные чрезвычайными обстоятельствами, вынужденно уступали экономическим.

Одной из внеэкономических «поощрительных» форм управления активностью в советском хозяйстве являлось «социалистическое соревнование». В годы войны оно в своем развитии достигло апогея. По нашим подсчетам, война породила 10 новых форм социалистического соревнования с вовлечением в них до 90 % работавших. В послевоенную пятилетку – лишь три. При этом в соревнование было вовлечено не более 80 % работников. Большинство форм соревнования, инициированные партийно-профсоюзными органами в центре, были автоматически перенесены и на северные регионы.

С отказом от чрезвычайных «военно-полевых» норм управления и возвращением к конституционным снижается и «синдром страха», «синдром Берии». Впрочем, его снижение было весьма относительным. Новые кампании «по поиску внутренних врагов» и сопровождавшие их «дела» («космополитов», «ленинградцев», «авиационников», а за ними и – «лесопильщиков», «рыбников», «угольщиков», «нефтяников») продолжали поддерживать высокую напряженность в обществе, усиливая комплекс вины гражданина перед государством, а стало быть, нагнетая страх за малейшую провинность, в том числе, за нарушение производственной дисциплины, невыполнение производственных планов (что могло быть расценено как саботаж). «Синдром страха» нагнетался и обилием заключенных и спецпоселенцев, в первую очередь в слабозаселенных районах, включая северные окраины. Правда, если в целом по стране за 1940–1953 гг. численность заключенных ГУЛАГа почти удвоилась с 1,3 млн до 2,5 млн человек, то на Севере их число сократилось главным образом за счет ликвидации $\frac{3}{4}$ лагерей и перевода заключенных на, как полагало советское руководство, более важные стройки народного хозяйства¹². Кроме того, труд убывших лагерников с лихвой компенсировался возросшим на Севере числом спецпереселенцев и военнопленных¹³.

¹² Из семи лагерей (со 118 тыс. заключенных), находившихся на территории Архангельской области в 1941 г., в 1950 г. осталось лишь два, в которых содержалось 22 тыс. человек (Упадышев Н. В. Заключенные исправительно-трудовых лагерей в Архангельской области в 1937–1953 гг. Архангельск, 2001. С. 31).

¹³ Через лагеря и спецгоспитали Архангельской и Вологодской областей прошло свыше 85 тыс. иностранных военнопленных (Кузьминых А. Л. Положение иностран-

«Синдром страха» во внутренней политике в изолированной советской тоталитарной системе искусно дополнялся подобным синдромом в политике внешней. В конце войны и послевоенный период СССР оказался перед альтернативой: либо принять западные кредиты, войти в мировую экономику, но отступить от социалистических принципов, либо сохранить принципы социализма, изолировавшись от внешнего мира, взять курс на поддержание высокой степени централизации и мобилизационной готовности. И поскольку И. Сталин выбрал второе, то объективно он не мог не быть заинтересован в развязывании холодной войны и поддержании «синдрома страха» внутри страны инструментами внешней политики. Данный фактор во многом обусловил продолжение после войны курса на индустриализацию, стержнем которого, по сути, было укрепление оборонного комплекса.

Наряду с внеэкономическими, моральными стимулами, советское руководство вынуждено было изыскивать новые приемы экономического воздействия на активность населения, равно как и дополнительные капиталовложения для восстановительных работ. По мнению Кремля, росту производительности труда в рамках социалистической системы хозяйствования должна была способствовать единая система премирования, введенная в августе 1946 г., попытки «ликвидации уравниловки», предпринятые в апреле 1948 г., распространение «внутризаводского хозрасчета». Безусловно, новые методы хозяйствования способствовали росту производительности и частично создавали дополнительные средства для развития производства и накоплений в бюджет. Но не менее значительную роль в решении задач пятилетки сыграли колоссальные инвестиции и материальные средства, полученные как из внутренних, так и внешних источников. К последним, несомненно, следует отнести репарации, объем которых составил от \$15 млрд до \$20 млрд. Только поставки сырья, готовой продукции из Германии с учетом труда военнопленных оценивались в \$11 млрд¹⁴. За 1945–1947 гг. в СССР было вывезено около 1 млн вагонов различного оборудования с 4786 немецких и японских предприятий, в том числе с 655 предприятий военной промышленности¹⁵. На Европейском Севере основной поток репараций направлялся в машиностроение и, в частности, в судостроение. Головным заводом по приему

ных военнопленных на Европейском Севере, 1939–1949 гг. (на материалах Вологодской и Архангельской областей). Автореф. дис. ... к. и. н. С. 16).

¹⁴ Болдырев Р. Ю. Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945–1949 гг.): экономический аспект. Автореф. дис. ... к. и. н. Архангельск, 2004. С. 14.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 2. Л. 45–116.

и распределению техники для судостроительной промышленности страны являлся молотовский завод № 402. Во многом благодаря данным обстоятельствам он стал вскоре крупнейшим предприятием отрасли, причем не только в СССР, но и за рубежом.

Весьма важной для восстановления разрушенного войной хозяйства стала помощь, полученная в военные годы по ленд-лизу. Общий объем поставок СССР союзниками в эти годы составил \$13,3 млрд¹⁶. Причем большая их часть поступила в конце войны и уже предназначалась не для ведения войны, а скорее – для восстановления народного хозяйства. По условиям последнего, Четвертого Протокола в 1944–1945 гг. военные поставки в СССР составили лишь 9 % объема. Остальное место в тоннаже (91 %) занимали «невоенные грузы», среди которых почти треть составляли транспортные средства – 280 тыс. автомобилей, 1869 локомотивов, свыше 11 тыс. вагонов, – более 20 – продовольствие, 8 % – промышленные изделия, среди которых 23,5 тыс. станков, 1526 кранов и экскаваторов, 212 тыс. тонн энергетического оборудования, включая турбины для разрушенного Днепрогэса¹⁷. Номенклатура индустриального оборудования насчитывала тысячи наименований: от подшипников до металлургических станков. Американский инженер, посетивший в конце 1945 г. Сталинградский тракторный завод, обнаружил, что половина всех машин и оборудования на предприятии была американского производства, поставленного по ленд-лизу. Наряду с партиями отдельных машин и механизмов союзники поставили СССР несколько производственно-технологических линий и даже целые заводы: нефтеперерабатывающие, шинные, автосборочные, консервные¹⁸. Все это оборудование осталось в Советском Союзе по завершении войны и было использовано для восстановления и развития хозяйства страны. Причем с ленд-лизомским оборудованием и механизмами в СССР пришли

¹⁶ В эту сумму вошли поставки из США на \$11,360 млрд из Великобритании на \$1,693 млрд (420 млн фунтов стерлингов) и Канады на \$200 млн (U. S. Congressional Record, 82nd Congress, 1st Session, 1951, XCVII, Part 9. P. 12472; Munting R. Lend-lease and Soviet War Effort // Journal of Contemporary History. Vol. 19 (1984). P. 496; Balawyder A. Canada in the Uneasy War Alliance // Canadian-Soviet Relations, 1939–1980. Oakville, 1981. P. 7). В качестве «обратного ленд-лиза» при этом обычно называется сумма в \$2,1 млн, что в 2,5 раза меньше, чем получил СССР помощи по линии Красного Креста (Documents of American Foreign Relations. Vol. 7. Princeton, 1947. P. 159; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы в двух томах. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. С. 137).

¹⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 438. Л. 10, 16, 21; Кравченко Г. С. Военная экономика СССР 1941–1945. М., 1963. С. 350; История социалистической экономики в семи томах. Т. 5. М., 1978. С. 268; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 438. Л. 8–11, 13–14; Journal of Contemporary History. 1984. Vol. 19. P. 505.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 438. Л. 5, 13; РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 326. Л. 9.

новые технологии, которые, наряду с заимствованными в рамках репараций германскими и японскими технологиями, дали мощный толчок развитию советской индустрии. Наряду с самым современным оборудованием, Советскому Союзу в конце 1945 г. удалось получить сравнительно небольшой, но крайне важный в тех условиях американский кредит на \$241 млн. Впрочем, если бы ни бездарная политика Кремля, этот кредит мог бы составить \$6 млрд (sick!).

Наряду с внешними, советское руководство широко использовало и внутренние источники пополнения бюджета: упомянутые выше механизмы стимулирования, а также дополнительные налоги, государственные займы, лотереи. Удельный вес средств от подписки на займы в доходе бюджета в годы четвертой пятилетки составил 5,8 %¹⁹. Одновременно росли цены на продовольствие, взлетели вверх сельхозналоги, разоряя большую часть населения страны. Цены на продукты в сентябре 1946 г. возросли в 2–2,5 раза. В следующем году на 30 % был увеличен и сельхозналог, который к концу пятилетки с учетом всех повышений вырос дополнительно в 3,5 раза²⁰.

Наряду с ростом налогов, решающими для выполнения плана пятилетки стали две денежно-финансовые реформы, проведенные практически одновременно на рубеже 1947 и 1948 гг., – именно когда выполнение плана в промышленности оказалось под угрозой срыва. Обе реформы были направлены на изъятие средств у населения и более всего затронули интересы жителей северных регионов.

Первая из реформ, проведенная в один день с отменой карточной системы – 12 декабря 1947 г., – хорошо известна. При замене денег и выплат по облигациям госзаймов государство по разным подсчетам изъяло у населения по разным оценкам средств на сумму от 50 до 70 млрд руб. При введении новых денег больше всего пострадали жители удаленных районов и те, чьи сбережения превышали сумму в 3 тыс. руб. Именно северяне, проживавшие в слабозаселенных местностях и имевшие значительную северную надбавку, пострадали от реформы более всего. В то же время данная реформа способствовала восстановлению товарно-денежных отношений, что, несомненно, стимулировало товарооборот и дополнительные поступления в бюджет.

Менее заметно, но с гораздо более ощутимым эффектом была проведена вторая реформа – реформа оптовых цен 1948 г., приведшая к перекачке средств в промышленность и ликвидации дотаций в индустрию. Согласно решению правительства с 1 декабря 1949 г.

¹⁹ История социалистической экономики в семи томах. Т. 5. М., 1978. С. 159.

²⁰ Зима В. Ф. Тупики аграрной политики (1945–1953) // СССР и холодная война. М., 1995. С. 156.

цены на промышленную продукцию были увеличены в среднем по стране в 1,5 раза, при замораживании и даже снижении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. В результате уже в этом году размер государственных дотаций в промышленность снизился с 35,3 млрд до 2,9 млрд руб. По сути, в условиях жестко централизованной, директивно-распределительной экономической модели только в 1949 г. более 30 млрд руб. были переведены из сельского хозяйства в индустрию²¹. Процесс перекачки средств в промышленность был продолжен и в последующие годы.

Названные обстоятельства во многом определили выполнение плана в тяжелой индустрии при его невыполнении в легкой, пищевой промышленности, в аграрном секторе и торговле.

Таблица 1

Выполнение послевоенного пятилетнего плана на 1946–1950 гг.²²

	1940 г.	План	Отчет
Промышленность, в том числе по группе «Б»	100 %	148 %	173,0 %
хлопчатобумажные ткани	100 %	119 %	99,0 %
шерстяные ткани	100 %	132 %	130,0 %
кожаная обувь	100 %	114 %	96,0 %
Сельское хозяйство	100 %	127 %	99,8 %
Товарооборот	100 %	128 %	110,0 %

Руководству страны таким образом удалось добиться выполнения плана в тяжелой промышленности, но... за счет снижения материального положения населения. С этим трудно смириться еще и потому, что около 40 % продукции тяжелой промышленности была продукция военного производства, т. е. обеспечивала грандиозную сталинскую программу авиастроения, танкостроения до 1970 г., «10-летний план военного судостроения», создания ракет и атомной бомбы²³. Данное обстоятельство заставило ряд исследователей усомниться в том, что в послевоенные годы СССР восстанавливал народное хозяйство, скорее он создавал основы современного военно-промышленного комплекса²⁴.

²¹ Зима В. Ф. Тупики аграрной политики (1945–1953) // СССР и холодная война. С. 26–27.

²² Сообщение Госплана СССР и ЦСУ СССР «Об итогах выполнения четвертого (послевоенного) пятилетнего плана на 1946–1950 гг.», М., 1951. С. 3–20.

²³ Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (Вторая половина 40 – начало 60-х годов). М., 2000. С. 27.

²⁴ Лельчук В. С., Молодцыгин М. А. Послевоенная конверсия // СССР и холодная война. М., 1995. С. 141.

Отмеченные тенденции весьма отчетливо прослеживаются и в экономике Европейского Севера. По своей значимости и объему валовой продукции доля тяжелой промышленности в ней в послевоенные годы возросла в среднем с 40 до 65 %. Наибольший прирост валовой продукции в «группе А» в эти годы дала топливная промышленность Коми АССР. Если в 1940 г. доля добычи и переработки угля и углеводородов в общей структуре промышленности республики составляла 4,6 %, в 1945 г. – 22,9 %, то к 1955 г. она возросла до 50,5 %²⁵. Здесь в годы войны и, особенно в послевоенные годы, началась интенсивная разработка новых Печорского угольного и Ухтинского нефтяных и газовых месторождений.

Доля тяжелой промышленности возросла и в структуре Архангельской области. С закладкой на стапелях 402-го завода трех линкоров и эсминцев в этот район начались огромные финансовые вливания. Они возросли с 50 млн руб. в 1945 г. до 100 млн на следующий год и до 150 млн руб. в 1947 г. На эти деньги предполагалось построить 8 эсминцев и один линкор²⁶. Если принять во внимание, что валовая продукция всех лесозаводов крупнейшего в отрасли и на Севере треста «Северолес» за эти три года составила лишь 105,6 млн руб., то для обеспечения этой программы тресту пришлось бы работать в течение 9 лет²⁷. Гипотетически тресту пришлось бы работать еще 10 лет, чтобы обеспечить начавшееся в 1946 г. в Молотовске строительство еще одного крупнейшего завода № 893 («Звездочка»).

Значительно увеличилось значение тяжелой промышленности в Карелии и особенно в Мурманской области. В Карелии – в связи с восстановлением Надвоицкого алюминиевого завода, а в Мурманской области – с наращиванием военного производства и продукции цветной металлургии. Еще в военные годы был восстановлен и вышел на проектную мощность мончегорский комбинат «Североникель», а с присоединением финляндской Печенгской области, а с ней и крупнейшего комбината в Колосийоки («Печенганикель»), производство никеля удвоилось. Насколько значимо было приобретение этого комбината для СССР говорит тот факт, что 90 % никеля, необходимого для производства танков в Третьем рейхе, поступало из Колосийоки. Мощности северной цветной металлургии увеличил и введенный в строй в 1951 г. Кандалакшский алюминиевый завод. Бурное количественное (в 8 раз по числу «плавсредств») и качественное (появление

²⁵ Сухарев М. И. Указ. соч. С. 39.

²⁶ Балова М. С., Лизунов П. В. Развитие военного кораблестроения на Русском Севере в начале холодной войны // Холодная война в Арктике / отв. ред. М. Н. Супрун. Архангельск, 2009 (в печати).

²⁷ РГАЭ. Ф. 7644. Оп. 1. Д. 81. Л. 77.

британской и американской техники, включая линкор и крейсер) наращивание Северного военно-морского флота за годы войны привело к необходимости создания малых и средних судоремонтных заводов и мастерских для обслуживания кораблей. Такие же заводы, обслуживавшие растущий торговый и рыболовный флот, стали быстро развиваться в означенные годы.

О приоритетах, которые отдавало советское правительство в восстановлении экономики, говорят и цифры выполнения 4-го пятилетнего плана в промышленности Европейского Севера. Безусловно лидирующей среди остальных отраслей была добыча углеводородов. За пятилетку добыча нефти увеличилась в 7,4 раза, газа – в 2,3²⁸. На втором месте по значимости и успехам была цветная металлургия. По выплавке никеля и меди северные металлурги завершили пятилетку на год раньше – к 1949 г.²⁹ Успешно справилась с заданиями пятилетнего плана угольная промышленность Севера. Уже в 1949 г. план по добыче угля ею был выполнен на 105 %; химическая и целлюлозно-бумажная промышленность выполнила план в среднем на 104 %³⁰.

Можно предположить, что вполне успешно справились с заданиями военные кораблестроители. Правда, в связи с изменившимися обстоятельствами был подкорректирован «10-летний план кораблестроения». На создание суперлинкоров (водоизмещением от 65 000 тонн) средств явно не хватало. Поэтому судостроители Молотовска переключились на постройку крейсеров и эскадренных миноносцев. За 1946–1953 гг. они заложили два крейсера и сдали флоту 18 эсминцев «проекта 30-бис»³¹.

Нетрудно заметить, что большая часть отмеченных выше отраслей либо непосредственно, либо опосредованно работали на укрепление военного комплекса страны. В этом смысле, т. е. об укреплении оборонного комплекса лесной индустрией Европейского Севера, можно сказать весьма условно. Даже в военные годы, предполагавшие тотальный переход на производства продукции для фронта, лесопильные заводы производили не более 10 % продукции, предназначенной непосредственно для фронта (самолетные детали, лыжи, ящики для

²⁸ Нефть и газ Коми АССР. Сыктывкар, 1979. С. 259–260.

²⁹ Сухарев М. И. Указ. соч. С. 64–65.

³⁰ Там же. С. 59, 68; РГАЭ. Ф. 8513. Оп. 1. Д. 671. Л. 14, 19, 45, 59, 62, 63, 65; Д. 1266. Л. 9, 11, 14, 15.

³¹ Северное машиностроительное предприятие // Поморская энциклопедия. Т. 3. Впрочем, можно предположить, что в деятельности завода № 402 (Севмашпредприятия) имели место серьезные сбои: в 1949 г. директор этого завода С. А. Боголюбов был приговорен к смертной казни, замененной 25 годами каторжных работ (Северодвинск: испытание на прочность: Очерки, воспоминания, исследования. Северодвинск, 1998. С. 339).

снарядов). Не случайно в годы войны лесная отрасль потеряла более трети своих мощностей. Впрочем, и по ее окончании лесопромышленный комплекс еще долго вынужден был выходить из кризиса. Если в 1940 г. вывоз древесины по всем четырем регионам Европейского Севера составил 34,2 млн кубометров, то в 1950 г. едва достиг 29,6 млн (86,5 %)³². Пятилетний план в этой отрасли был провален.

Крайне медленно по сравнению с отраслями «группы А» восстанавливалась легкая и пищевая промышленность. Исключение составляла лишь рыбная индустрия. Неурожай 1946 г. и последовавший за ним голод, равно как прекращение ленд-лизских поставок, обеспечивавших в конце войны продовольствием ежегодно до 15 млн человек, потребовали освоения дополнительных продовольственных, в том числе и морских биоресурсов Европейского Севера. С 1944 г. началось добровольно-принудительное заселение побережья северных морей для расширения прибрежного лова, большинство военных тральщикова и охотников были переоборудованы в рыболовецкие траулеры, повсеместно развернулось строительство малых деревянных рыболовецких судов, для рыбоперерабатывающих предприятий было заказано за рубежом новейшее оборудование. В результате уже в 1947 г. вылов рыбы в Северном бассейне на 10 % превзошел довоенный уровень, в 1950 г. – на 20 %, составив почти 2,3 млн тонн³³.

Недостаток сырья и финансирования пагубно сказывались на работе предприятий легкой и пищевой отраслей, коммунального хозяйства и гражданского строительства, что не могло не сказаться на материально-бытовом положении северян. По-прежнему в дефиците оставались самые необходимые в быту предметы и продовольствие. Зарплата колхозников (если ее платили) в 1948 г. составляла от 5 до 10 руб. в месяц. А банка крабов в магазине – 54 копейки. Строительство жилья велось крайне медленно. В 1947 г. в Карелии жилой фонд составлял лишь 67 % от уровня 1940 г., в Мурманской – чуть более 30 %³⁴.

Но ни одна отрасль не пострадала так сильно в послевоенные годы, как сельское хозяйство. Сталинский курс на ускоренную индустриализацию за счет сельского населения (составлявшего 65 % населения страны) привел поначалу к тяжелейшему кризису 1946–1947 гг., а

³² Посчитано по: Народное хозяйство Карельской АССР. Петрозаводск, 1972. С. 27; Архангельская область в цифрах. Архангельск, 1967. С. 25; Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. Мурманск, 1967. С. 40; Коми АССР к 50-летию Советской власти. Сыктывкар, 1967. С. 28.

³³ Посчитано по: Архангельская область в цифрах. Архангельск, 1967. С. 26; Рыбная промышленность Мурманской области. Мурманск, 1965. С. 57; Карельская АССР за 50 лет. Петрозаводск, 1967. С. 44–45.

³⁴ Сухарев М. И. Указ. соч. С. 99.

впоследствии – к затянувшейся стагнации в сельскохозяйственном производстве. Государство, душа налогами сельскохозяйственного производителя, практически даром оптом забирала продукцию колхозов, продавая ее в розницу по ценам в 15–20 раз дороже³⁵. При этом в продолжение политики закрепления крестьянства в колхозах ему по-прежнему не выдавали паспорта. Единственным способом бежать из деревни были мобилизации («оргнаборы») на учебу или для работы в промышленности. Этой возможностью сельское население пользовалось максимально, о чем свидетельствуют изменения в социальной структуре населения Европейского Севера. Если в 1945 г. в сельских районах проживало около 65 % населения, то к 1950 г. уже около 50 %, а в 1959 г., спустя два года после разрешения свободного передвижения колхозников по стране – 32,5 %³⁶.

Таким образом, в условиях перехода к мирной жизни тоталитарная система, достигшая в военные годы высшей степени централизации, объективно вынуждена была децентрализоваться для решения более комплексной задачи: восстановить народное хозяйство. Впрочем, уже в директивах развития экономики руководство страны, следуя концепции индустриализации, на первый план ставило восстановление тяжелой индустрии и укрепление оборонного комплекса. Но и в ходе решения данной задачи система вынуждена была объективно сместить акценты воздействия на активность населения с внеэкономических («моральных») на экономические. Между тем в рамках социалистического хозяйствования поиски «реального хозрасчета» успехом не увенчались, и государство вынуждено было прибегнуть к уже проверенным способам пополнения бюджета: изъятию денег у населения, а при возможности – и получение средств из внешних источников. В результате планы по восстановлению тяжелой промышленности были выполнены и даже перевыполнены. СССР восстановил тяжелую индустрию, а на ее основе создал атомную бомбу и средства ее доставки – ракеты и стратегическую авиацию, десятки тысяч танков, продолжил реализацию колоссальной по своим масштабам кораблестроительной программы. Но все это было сделано за счет уровня жизни собственных граждан, и в первую очередь трех четвертей населения страны, проживавших на селе.

³⁵ Государство закупало у колхозников молоко по 2,8 коп. за литр, а в розничной торговле оно продавалось по 22 коп.; пшеницу закупало по 1 коп. за килограмм, а продавало пшеничную муку по 31 коп., рожь – по 0,6 коп., а ржаная мука в магазинах стоила 25 коп. (Труд. 22.11.1987).

³⁶ Подсчитано по: Народное хозяйство Карельской АССР. Петрозаводск, 1972. С. 8; Архангельская область в цифрах. Архангельск, 1967. С. 8; Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. Мурманск, 1967. С. 19; Коми АССР к 50-летию Советской власти. Сыктывкар, 1967. С. 8.

Европейский Север как дальняя, но весьма богатая ресурсами провинция советской империи, как и положено в жестко централизованных государствах, во всех своих тенденциях развития и механизмах управления обществом повторял метрополию. Правда, с некоторыми особенностями, обусловленными спецификой географического положения, ресурсов и расположенных здесь предприятий. Поэтому результаты политики индустриализации здесь проявились наиболее ярко. С более быстрыми, чем в целом по стране, темпами промышленного производства шло и более заметное отставание сельского хозяйства, сопровождавшееся дальнейшим расслоением населения. Последователи Сталина после его смерти попытались адаптировать систему к новым условиям, но без особого успеха.

В. А. Ильиных

ЛИЧНОЕ ПРИУСАДЕБНОЕ ХОЗЯЙСТВО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В 1945–1953 гг.: ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, ДИНАМИКА

Неотъемлемой составляющей аграрного строя сталинского социализма были личные приусадебные хозяйства (ЛПХ). Появившись на исторической арене с началом массовой коллективизации, ЛПХ колхозников представляли собой своеобразный социально-экономический рудимент индивидуального крестьянского хозяйства. Несмотря на мизерные размеры, они являлись для владельцев основным источником существования, а потому не были подсобными¹. Кроме того, значительная часть ресурсов ЛПХ расходовалась на покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед режимом. Владение приусадебным участком было обусловлено членством в колхозе. У крестьянина, вышедшего или исключенного из колхоза, его должны были отобрать. Личное хозяйство также могли вести сельские рабочие и служащие, и жители городов.

Размеры приусадебного хозяйства крестьян, превратившихся в 1930-е гг. в колхозников, определялись не столько их желанием и возможностями, сколько государством. В коммунах начального этапа коллективизации, где «обобществлялась» даже домашняя птица, оно часто сводилось лишь к небольшому огороду. В сельхозартелях, на устав которых, в конечном счете, перешли все колхозы, их членам дозволялось иметь еще и минимальное количество крупного и мелкого рогатого скота, свиней. В связи с тем что большая часть ранее принадлежавшего крестьянам скота была либо уничтожена, либо сдана в колхозы, многие колхозные семьи не имели не только коров, но и вообще никакого скота. После массового голода 1931–1933 гг., чтобы не допустить его повторения, руководители государства приняли ре-

¹ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920–1980-е годы / Ильиных В. А., Карпунина И. Б., Мелентьева А. П., Бадалян Т. М. Новосибирск, 2001. С. 58, 71.

шение укрепить ЛПХ. Местные власти обязывались ликвидировать их «бескоровность», оказав колхозникам помощь в приобретении и выращивании молодняка. Колхозам следовало организовать продажу скота своим членам. В 1935 г. был принят новый Примерный устав сельхозартели, в котором предусматривались более высокие предельные нормы личного хозяйства, чем в старом². Увеличение нормативных размеров приусадебных хозяйств в сочетании с дополнительным наделением земель и помощью в приобретении крупного рогатого и мелкого скота дало положительный эффект. Посевные площади и поголовье скота в ЛПХ существенно увеличились. При этом темпы наращивания производства в личном секторе сельской экономики были выше, чем в так называемом общественном³.

В конце 1930-х гг. государственная политика по отношению к ЛПХ изменилась. Лидеры режима пришли к убеждению, что одной из причин низких темпов развития «общественного» хозяйства является отвлечение значительных трудовых ресурсов в личный сектор экономики. В связи с этим в конце 1938 г. началась кампания по ограничению размеров ЛПХ. Превышающие нормативные размеры Устава сельхозартели «излишки» земли и скота подлежали конфискации. Колхозники принуждались «добровольно» продавать свой скот на колхозные фермы. Резко увеличилась налоговая нагрузка на приусадебное хозяйство⁴.

Советское руководство достигло целей, которые ставило перед собой. В личном секторе сельской экономики начался спад, особенно существенный в животноводстве⁵. В итоге сельские жители вошли в Великую Отечественную войну с ослабленным приусадебным хозяйством. В начальный период войны давление на ЛПХ продолжало увеличиваться. Выросло налогообложение. Был введен военный налог. Существенно возросла роль платежей, относимых к категории добровольных. Основными из них являлись государственные займы. В 1941–1942 гг. в большинстве регионов страны, включая Сибирь, широкое распространение получила практика «добровольного» заку-

² Политика раскрестьянивания в Сибири: Документально-монографическое издание / под ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 147, 149.

³ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: Документально-монографическое издание / под ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2011. С. 543, 544, 550.

⁴ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 151–152.

⁵ Аграрная политика советского государства... С. 571–572.

па личного скота для укомплектования обескровленных мясопоставками колхозных ферм⁶.

Вследствие сокращения размеров личного хозяйства в деревне усилился голод, грозящий перейти в голодомор. Чтобы исправить ситуацию, центр осудил практику изъятия скота у колхозников и, более того, потребовал в кратчайшие сроки ликвидировать бескоровность и бесскотность колхозных семей. Вновь достаточно широко стала применяться практика продажи или даже передачи колхозных сельскохозяйственных животных членам сельхозартелей, тем более что сохранность скота в их хозяйствах была на порядок выше, чем на страдающих от бескормицы «общественных» фермах. В итоге в 1943 г. поголовье скота в личном секторе сельской экономики стабилизировалось, а в 1944–1945 гг. выросло. Выросли и посевы. Власти старались не замечать превышения уставных норм.

В первые послевоенные годы государственная политика по отношению к ЛПХ сельских жителей существенно не изменилась. В 1946 г. были снижены размеры уплачиваемого их владельцами сельхозналога и перестал взиматься самый крупный из подушных налогов – военный⁷. Власти по-прежнему делали ставку на развитие личного сектора животноводства. Ему отводилась значительная роль в восстановлении этой отрасли сельского хозяйства. С повестки дня не снималась задача ликвидации бесскотности и бескоровности личных подворий. В четвертом пятилетнем плане предусматривались конкретные меры по оказанию государственной помощи колхозникам в обзаведении скотом⁸.

В то же время требования соблюдения норм колхозного устава по содержанию скота и землепользованию оставались незыблемыми. Более того, уже осенью 1946 г. в соответствии с постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 г. началась кампания по экспроприации у колхозников «излишков» приусадебных земель. Местным органам предлагалось немедленно исправить те немногие, допущенные во время войны с их негласного ведома, факты превышения уставных норм землеполь-

⁶ Ильиных В. А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920 – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 62–64; Очерки истории крестьянского двора... С. 62.

⁷ Ильиных В. А. Налогово-податное обложение... С. 66.

⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1968. Т. 3. С. 272–277.

зования и вернуть сельхозартелям «разбазаренные» земли⁹. Впрочем, общая площадь выявленных у селян сверхнормативных земель оказалась незначительной, и их изъятие на величину приусадебного посева существенно не повлияло. В 1945 – первой половине 1946 г. продолжилось начатое в 1944 г. увеличение посевных площадей и поголовья скота в личном секторе сельской экономики¹⁰.

Темпы восстановления личного сектора сельской экономики были выше, чем колхозно-совхозного. Продуктивного скота (кроме овец) в личном пользовании находилось больше, чем в «общественном». В начале 1948 г. в целом по СССР удельный вес ЛПХ в общем поголовье крупного рогатого скота (КРС) составлял 59 %, коров 80 %, свиней – 60 %, овец – 28 %, коз – 58 %. На подворьях колхозников Новосибирской области в начале 1948 г. коров содержалось в 1,9 раза больше, чем на колхозных фермах. Крупного рогатого скота у колхозников было на 7 % меньше, чем в колхозах, а мелкого скота – на 28 %¹¹. Причем продуктивность ЛПХ существенно превосходила продуктивность колхозных ферм, переживающих жесточайший кризис.

И вновь одной из основных причин кризиса «общественного» животноводства, как и крайне низких темпов развития колхозного производства в целом, было названо отвлечение значительных трудовых ресурсов в ЛПХ. В связи с этим государственная политика по отношению к личным хозяйствам, начиная с 1948 г., существенно изменилась. 2 июня этого года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни»¹². Причем под подлежащими выселению «тунеядцами» имелись в виду в первую очередь колхозники, занятые преимущественно в своем личном хозяйстве и не выполнявшие в связи с этим обязательного минимума трудодней. Масштабы репрессий в рамках исполнения данного указа были незначительными. В Новосибирской области на 15 сентября 1948 г. в ссылку отправили 619 чел., вместе с которыми выехало 150 членов их семей¹³. Однако в данном случае режим ставил своей целью не столько расправиться с миллионами колхозников, не выполнявших

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 8. С. 55–61.

¹⁰ Очерки истории крестьянского двора... С. 62, 66, 69.

¹¹ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960. С. 264; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 2414. Л. 18, 19.

¹² Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 38.

¹³ ГАО. Ф. Р-1020. Оп. 5. Д. 11. Л. 20.

обязательного минимума трудодней, сколько, запугав их и остальных членов колхозов перспективой высылки, заставить трудиться с большей отдачей.

Основным методом давления на ЛПХ стало увеличивающееся налогообложение. В марте 1948 г. Совет министров СССР заменил сто процентную скидку с исчисленной суммы налога для семей военнослужащих и партизан, погибших или пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны, пятидесятипроцентной. В июле 1948 г. существенно повышались ставки сельхозналога и одновременно сокращался контингент лиц, которым могли предоставляться льготы по его уплате¹⁴. В 1948 г. в результате этих нововведений в Алтайском крае удельный вес хозяйств колхозников, имевших льготы по сельхозналогу, сократился с 31 до 18 %, его сумма в расчете на один двор с облагаемыми доходами увеличилась с 377 до 561 руб. (на одно ЛПХ рабочих и служащих – с 227 до 329 руб.), а общая сумма налога, предъявленная к уплате колхозникам, выросла более чем в 1,5 раза¹⁵.

18 апреля 1949 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли как отдельное постановление «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949–1951 гг.)»¹⁶. В нем ставилась задача в кратчайшие сроки добиться того, чтобы колхозное и совхозное животноводство стало преобладающим как по удельному весу, так и по производству продукции. Наибольшего прироста «общественного» стада надлежало добиться в тех районах, в которых «социалистический сектор» особенно отставал от личного. В числе этих районов значилась и Западная Сибирь. В качестве одного из источников пополнения колхозного поголовья в плане называлось личное хозяйство колхозников. Однако на деле ЛПХ превратилось в основной источник роста поголовья колхозных ферм. В 1948–1949 гг. для этих целей у колхозников Алтая «приобрели» более 200 тыс. голов КРС¹⁷. В первую очередь изымался молодняк. Но в тех районах, где по Уставу дозволялось иметь до двух коров, отбиралась одна из них.

¹⁴ Ильиных В. А. Налогово-податное обложение... С. 66–67.

¹⁵ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 11232. Б/л; Д. 1146. Л. 324; Политика раскрестьяничания в Сибири: Документально-монографическое издание / под ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг. С. 92.

¹⁶ Правда. 19.04.1949.

¹⁷ Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950. М., 1978. С. 251–252; ЦХАФАК. Ф. Р-718. Оп. 18. Д. 1913. Л. 5; Д. 1917. Л. 34.

Растущее «общественное» поголовье обеспечивалось кормами за счет сокращения кормообеспечения личных хозяйств. В аналитических справках Алтайского крайстатуправления сообщалось, что в 1948 г. в крае были предотвращены «факты массового, самовольного сенокошения колхозниками для своего скота»; в 1949 г. «в целях обеспечения грубыми кормами общественного животноводства не разрешалось колхозникам самостоятельно заготавливать сено на колхозных землях»; в 1950 г. в связи с невыполнением государственного плана заготовки кормов их выдача на трудодни «проводилась в незначительных размерах»¹⁸.

Усиление налогового пресса, «закупки» скота у колхозников, имевшие принудительный характер, минимизация помощи их личным хозяйствам со стороны правлений колхозов, хроническая бескормица приводили к снижению поголовья скота в ЛПХ. В Новосибирской области и Алтайском крае к концу 1950 г. по сравнению с началом 1948 г. поголовье сократилось по КРС на 17,5 %, по коровам – на 16,2 %, по овцам и козам – на 39,2 %, и лишь количество свиней увеличилось на 20,4 %. Давление на личный сектор сельского хозяйства привело и к некоторому сокращению размеров приусадебного посева колхозных дворов¹⁹. Соответственно убавлялась и налогооблагаемая база. Так, в Алтайском крае средняя вмененная доходность колхозного двора в 1949 г. по сравнению с 1948 г. снизилась с 4324 до 4131 руб., а сумма предъявленного ему сельхозналога – с 561 до 520 руб. В то же время увеличилась недоимочность сельских жителей²⁰.

Для компенсации потерь сталинский режим пошел на дальнейшее утяжеление налогового пресса. В 1950 г. увеличились нормы вмененной доходности приусадебного земледелия, а также ставки обложения хозяйств с годовым доходом свыше 4 тыс. руб. В Новосибирской области в этом году под данную категорию подходило 57 % колхозных дворов, уплачивавших налог. В 1951 г. Президиум Верховного Совета утвердил новые, более высокие, ставки для всех категорий плательщиков. Кроме того, с 20 до 50 % была увеличена надбавка к сумме исчисленного налога для семей колхозников, в состав которых входили трудоспособные члены, не являвшиеся членами колхозов или исключенные из них и не имевшие иной постоянной работы²¹.

В начале сентября того же года корректировке подверглись ранее действующие правила отнесения ЛПХ рабочих и служащих к катего-

¹⁸ ЦХАФАК. Ф. Р-718. Оп. 18. Д. 1913. Л. 24, 25; Д. 1917. Л. 32, 34; Д. 1920. Л. 43.

¹⁹ Очерки истории крестьянского двора... С. 65–66, 69.

²⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3. С. 93.

²¹ Ильиных В. А. Налогово-податное обложение... С. 68.

рии единоличных хозяйств. С этого времени сельхозналогом так же, как единоличники, т. е. по удвоенным ставкам, стали облагаться те семьи, которые имели более одной коровы, одной головы молодняка КРС, одной свиньи старше 6 месяцев и трех овец или коз старше года с приплодом, а при отсутствии свиньи – более пяти голов овец или коз с приплодом. Подобные хозяйства, также по нормам единоличников, стали привлекаться к уплате соответствующих натуральных налогов (сдача мяса, кожсырья и молока). Ранее к единоличным хозяйствам приравнивались только те дворы рабочих и служащих, которые имели количество скота, превышающее предусмотренную Уставом сельхозартели норму для колхозников данного района²².

В 1952 г. произошло очередное существенное сокращение (в Новосибирской области – на 20 %) числа дворов, имевших права на налоговые льготы, и вводилась надбавка к налогу «на прочие доходы», под которыми подразумевались ранее необлагаемые домашняя птица и молодняк скота. Ранее освобожденные от взимания сельхозналога учителя, врачи, зоотехники, агрономы и другие сельские специалисты стали привлекаться к его уплате, если их облагаемые доходы от личного хозяйства превышали 3 тыс. руб. в год. Так же, как единоличные (удвоение ставок), стали облагаться хозяйства рабочих и служащих, размер земельного участка которых превышал законодательно установленные нормы²³. Данное нововведение привело к многократному увеличению числа хозяйств, приравненных к единоличным. В 1951 г. в Алтайском крае к таковым причислили 2472 ЛПХ, в Новосибирской области – 780, в 1952 г. – соответственно 10 978 и 7967 ЛПХ²⁴.

В начале 1950-х гг. общая площадь приусадебного посева в Сибири сократилась на 13,5 %, посадки картофеля – на 10,8 %, овощей – на 12,1 %. Продолжался интенсивный сброс стада в ЛПХ колхозников. В Западной Сибири на их подворьях за 1950–1953 гг. КРС стало меньше на 18,7 %, коров – на 14,9 %, овец и коз – на 35 %, в Восточной Сибири – соответственно на 6,0, 6,1 и 5,7 %. Началось сокращение числа сельскохозяйственных животных, принадлежавших рабочим и служащим²⁵. Снижение количественных параметров индивидуального сектора сельхозпроизводства было связано также с уменьшением численности колхозных дворов. Из-за тяжелых условий жизни в деревне ее жители всеми мерами стремились перебраться в город.

²² Ильиных В. А. Налогово-податное обложение... С. 68–69, 77.

²³ Очерки истории крестьянского двора... С. 68; Ильиных В. А. Налогово-податное обложение... С. 69.

²⁴ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3. С. 94.

²⁵ Посевные площади СССР: Стат. сб. М., 1957. Т. 2. С. 210–211; Сельское хозяйство Сибири в XX в.: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 124.

В Западной Сибири с 1948 по 1953 г. количество семей колхозников уменьшилось с 964 тыс. до 833 тыс. (на 13 %), в Восточной Сибири – с 377 тыс. до 354 тыс. (на 6 %) ²⁶.

Сокращению размеров и количества личных хозяйств сельских жителей вело к убыванию налогооблагаемой базы. В Алтайском крае размеры сельскохозяйственного налога в начале 1950-х гг. продолжали снижаться. В 1950 г. его сумма в расчете на один облагаемый колхозный двор составляла 504 руб., в 1951 г. – 458 руб., в 1952 г. – 446 руб. В Новосибирской области, а также в Тюменской, Омской, Томской, Кемеровской, Иркутской областях и Красноярском крае обложение в 1952 г. уступало результатам 1948 г. В СССР в целом предъявленный к уплате сельхозналог в 1948 г. составлял 10,3 млрд руб., в 1949 г. – 8,6 млрд, в 1950 г. – 8,8 млрд, в 1951 г. – 8,8 млрд, в 1952 г. – 10,0 млрд руб. ²⁷

В целом в начале 1950-х гг. ЛПХ колхозников по ряду параметров оказалось отброшенным до уровня середины и даже начала 1930-х гг. Одновременно с сокращением размеров личных хозяйств произошло падение рыночных цен на сельхозпродукты, которое было связано с отменой карточной системы и неоднократным снижением государственных цен. При этом существенные потери в доходах от личного хозяйства за счет колхозов не компенсировались. Натуральная и денежная оплата труда в них оставалась минимальной. Вместе с тем доля ЛПХ как источника получения картофеля, овощей, мясопродуктов и молока даже несколько увеличилась. Уровень жизни колхозного крестьянства оставался крайне низким и уступал довоенному, тоже, кстати, весьма невысокому. Однако И. В. Сталин так не считал. В начале 1953 г. он предложил повысить налоги на колхозы и личные хозяйства сельских жителей на 40 млрд руб., поскольку «крестьяне живут богато» ²⁸.

Подневольный и практически бесплатный труд полуголодных колхозников не мог быть производительным, и сельскохозяйственное производство в стране и в регионе топталось на месте. Все большему числу представителей партийно-государственной верхушки становилось ясно, что дальнейшее развитие сельского хозяйства на старых принципах невозможно. С тем чтобы двинуть его вперед, необходимы были перемены, в том числе в отношении к личному хозяйству сельских жителей. Эти перемены начались после смерти И. В. Сталина.

²⁶ Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992. С. 63.

²⁷ Ильиных В. А. Налогово-податное обложение... С. 70.

²⁸ Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 52.

Т. Б. Бердникова

СТАЛИНСКИЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ЗАЙМЫ: ДИРЕКТИВЫ И ЖИЗНЬ

После Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. народное хозяйство СССР нуждалось в восстановлении и развитии. Стране нужны были средства для перехода к мирной жизни, восстановления разрушенных войной городов и сел, заводов и фабрик, машинно-тракторных станций и ферм, железных дорог и мостов, электростанций и транспорта. Партия и правительство приняли ряд директив о 14 государственных займах восстановления и развития народного хозяйства. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. № 4004 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» регламентировало проведение конверсии непогашенных облигаций выигрышного займа 1938 г. на облигации 3 % выигрышного займа декабря 1947 г. и обращающихся облигаций одиннадцати выпусков государственных внутренних займов четвертого года второй пятилетки, укрепления обороны, третьей пятилетки, военных, восстановления и развития народного хозяйства СССР (кроме выпуска 1947 г.) на облигации 2 % внутреннего займа января 1948 г. Совет Министров СССР издавал постановления о выпуске каждого государственного займа, которыми утверждались цели займа, даты начала подписки, объемы и условия выпусков, разрабатываемые Министерством финансов СССР.

Решения партии и правительства были обязательны для исполнения, а уклонение от их выполнения и невыполнения плана подписки на государственные внутренние займы каралось по партийной и комсомольской линии от выговоров до исключения из комсомола и партии. В административном плане все руководители несли личную ответственность за своевременное проведение информационно-агитационной работы и организацию активного участия всех членов трудовых коллективов в подписке на облигации государственных займов.

Размещение государственных займов не только укрепляло бюджет за счет двадцатилетнего низкопроцентного кредита, но и способствовало сбалансированности уменьшаемого за счет изъятия у населения значительного объема денег потребительского спроса и ограниченного предложения продовольственных и промышленных товаров в 1945–1953 гг.

К сталинским послевоенным займам относятся пять займов восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1946–1950 гг., три займа развития народного хозяйства СССР в 1951–1953 гг. (табл. 1), два конверсионных займа 1947 и 1948 гг. (табл. 2). Выпуск займов развития народного хозяйства СССР был продолжен после смерти И. В. Сталина в 1954 г. (17,8 млрд руб.), 1955 г. (34,7 млрд руб.), 1956 г. (34,3 млрд руб.) и 1957 г. (12 млрд руб.). Условия выпуска целевых займов восстановления и развития народного хозяйства СССР были примерно одинаковыми (табл. 1, 2).

В рамках деноминационной денежной реформы 1947 г. были выпущены на срок в 20 лет конверсионные государственные внутренние выигрышные займы в декабре 1947 г. и январе 1948 г. (табл. 2).

Выпуск *конверсионных займов* преследовал цель замены ранее выпущенных займов новыми с увеличением сроков погашения облигаций и снижение заемных процентов.

Государственный 3 % внутренний выигрышный заем декабря 1947 г. был предназначен для конверсии займа 1938 г. Государственный 2 % заем 1948 г., выпущенный при проведении *конверсии займов* в связи с денежной реформой 1947 г., состоял из двух выпусков – выигрышного и процентного. Облигации выигрышного выпуска были предназначены для населения, а процентного – для колхозов и кооперативных организаций. Проведение очередных тиражей выигрышей и тиражей погашения, а также оплата очередных купонов по облигациям государственных займов, подлежащих конверсии, было отложено до августа 1948 г. При этом второй государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР выпуска 1 октября 1947 г. не конвертировался. Подписчики на указанный заем могли продолжать оплату подписки на прежних основаниях и получали на всю сумму взносов облигации этого займа по их номинальной стоимости после окончания оплаты подписки.

Условия государственных займов восстановления и развития народного хозяйства СССР 1946–1953 гг.¹

	Восстановления и развития народного хозяйства СССР			Развития народного хозяйства СССР	
	Первый 1946 г. Второй 1947 г., Третий 1948 г.	Четвер- тый 1949 г.	Пятый 1950 г.	1951 г., 1952 г.	1953 г.
Номинал в руб. (достоинство)	500, 200*, 100, 50, 25, 10	500, 200, 100, 25	500, 200, 100, 50, 25, 10	500, 200, 100, 50, 25, 10	500, 200, 100, 50, 25, 10
Разряды	По 100 млн руб.				
Серии	20 000 серий в каждом разряде с 00 001 по 20 000				
Годовой доход, %	4	4	4	4	3
Доля выигрышей за 20 лет	35 % всех облигаций	$\frac{1}{3}$ выпуска	35 % всех облигаций		
Размер выигры- ша на облигацию в 100 руб.	25 000, 10 000, 5000, 1000, 500, 200 ¹	50 000, 25 000, 10 000, 5000, 1000, 500, 200	25 000, 10 000, 5000, 1000, 500, 200	25 000, 10 000, 5000, 1000, 500, 200	10 000, 5000, 1000, 500, 200
Тиражи	Всего 40 по 2 в год				
Всего выигрышей на разряд	350 000	330 000	350 000	350 000	350 000
Выигрышей на разряд, тыс. руб.	90 072	89 056	90 072	90 072	79 912
Фонд выкупа не выигравших об- лигаций, тыс. руб.	70 000	67 000	70 000	70 000	65 000
Сумма выпуска, млрд. руб.	1946 г. – 22,0 1947 г. – 22,9 1948 г. – 23,0	24,4	37,6	1951 г. – 34,8 1952 г. – 37,9	15,9
Размещение	Только среди населения				
Налоги	Облигации и выигрыши по ним освобождены от налогообложения				

¹ Составлено и рассчитано автором на основании: Ивонин Ю. Н., Гоголин Ю. А. Каталог облигаций государственных внутренних займов СССР. М.: Финансы и статистика, 1990; Теремов В. Н. Каталог облигаций и обязательств внутренних государственных и целевых займов и обязательств РСФСР и СССР (1921–1991). Саранск, 2010. Облигации достоинством в 500 и 200 руб. состоят соответственно из 5 или 2 сторублевых облигаций одной серии с пятью или двумя номерами и дают право на 5 или 2 выигрыша, которые одновременно падают на каждый из номеров, обозначенных на облигации. Облигации достоинством 50, 25 и 10 руб. являются частями сторублевых облигаций и дают право на соответствующую долю ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{10}$) выигрыша, выпавшего на сторублевую облигацию. Выигравшие облигации погашаются без начисления процентов и исключаются из следующих тиражей.

* Включая нарицательную стоимость облигации.

Условия выпуска государственных внутренних выигрышных займов²

	Государственный 3 % внутренний выигрышный заем декабрь 1947 г.		Государственный 2 % внутренний заем, январь 1948 г.	
	Выигрышный выпуск	Конверсионный выпуск	Конверсионный выпуск	Выигрышный выпуск
Номинал в руб. (достоинство), курс обмена	200, 100	По соотношению 5 руб. в облигациях 1938 г. на 1 руб. в облигациях 1947 г. облигаций 1938 г.	50 коп. за 25 руб., 1 руб. за 50 руб., 2 руб. за 100 руб., 4 руб. за 200 руб., 20 руб. за 1000 руб. конвертируемых облигаций*	25, 50, 100, 200, 1000
Годовой доход %	3 %		2 %	
Разряды	1 млрд руб. по 100 000 серий		500 млн руб. по 50 000 серий	
	С 1 по 10 в декабре 1947 г.** Только за наличный расчет	С 11 по 14 в обмен на облигации выигрышного займа 1938 г. и за наличный расчет	В обмен на 3 руб. в облигациях займов, выпущенных до 1947 г., кроме займа 1938 г. на 1 руб. займа 1948 г.	—
Сумма выпуска, млрд руб.	Нет данных	—	—	35,5

Тиражи выигрышей облигаций проводились публично в строгом соответствии с утвержденным графиком и публикацией репортажей о ходе проведения тиража. Например, популярный журнал «Огонек» в 1952 г. разместил фоторепортаж о проведении девятого тиража второго государственного займа, в котором было разыграно 1 966 500 выигрышей на общую сумму 524 млн руб. Журнал рассказал читателям, что на сцене зрительного зала Карагандинского дворца культуры горняков установлены привезенные из Москвы четыре застекленных вращающихся барабана. Эти барабаны используются для выбора слу-

² Составлено автором: Ивонин Ю. Н., Гоголин Ю. А. Каталог облигаций государственных внутренних займов СССР, Теремов В. П. Каталог облигаций и обязательств внутренних государственных и целевых займов и обязательств РСФСР и СССР (1921–1991), Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. № 4004 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»/Источник: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам Т. 3. 1941–1952 гг. М., 1968. С. 460–467.

* Обмен производился с 3 мая 1948 г. по 1 августа 1948 г.

** Дополнительно разряды с 15 по 20 в январе 1961 г. Один разряд – 100 млн руб. Второй выпуск 1961 г. номиналом 20 и 10 руб. облигаций в обращение не поступал.

чайным образом суммы и количества выигрышей из первого барабана, серии из второго и третьего барабана номеров выигравших облигаций из четвертого барабана, которые заносятся членами тиражной комиссии в таблицу выигрышей. Тиражная комиссия включала двух представителей Минфина СССР (Москва) и 30 человек представителей местных советских и общественных организаций (Караганда). Возглавлял комиссию заместитель председателя исполкома Карагандинского областного Совета депутатов трудящихся. Комиссия контролировала проведение тиража и составляла таблицу выигрышей. По окончании тиража члены комиссии подписали таблицу выигрышей и по телеграфу передали в Москву для публикации во всех газетах. Присутствующим в зале обладателям выигравших облигаций сразу были выплачены выигрыши. Их общая сумма составила 11 тыс. руб. По этому тиражу в 1951 г. выплачено 5 млрд руб., в 1952 г. – около 7 млрд руб. выигрышей³.

Сводные таблицы выигрышей для сберегательных касс публиковались специальными выпусками⁴.

Бланки облигаций сталинских послевоенных займов были многоцветными, с 1949 г., кроме 1950 г., – сюжетно-композиционными, отражающими целевое назначение займов. На обороте бланков печатались условия займов.

1948 г.

1949 г.

³ Как проводится тираж займа // Огонек. 1952. № 4. С. 31.

⁴ См.: Зверев А. Г. Государственные займы и вклады в сберегательные кассы. Госфиниздат, 1957. Официальная сводная таблица выигрышей: Государственного 2 % займа 1948 г., Второго государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР, Третьего государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР. М.: Гознак, 1952; Официальная сводная таблица тиражей по государственным займам развития народного хозяйства СССР (Выпуска 1951, 1952, 1953, 1954, 1955 гг.). М.: Финансы и статистика, 1981.

1951 г.

1952 г.

Послевоенные сталинские займы широко пропагандировались, включая собрания в трудовых коллективах, информационные статьи в газетах, журналах и выпуск агитационных плакатов, наибольшие тиражи которых осуществило издательство «Госфиниздат» с привлечением известных художников⁵. Например, художник-плакатист Шеберстов Николай Александрович (1917–1978) создавал плакаты-картины.

Заслуженный художник РСФСР (1964), лауреат сталинских премий (1946, 1949) Корецкий Виктор Борисович (1909–1998) применял метод фотомонтажа с использованием образов известных актеров кино.

Художники-плакатисты Березовский Б. (1910–1977) и Мухин Б. (1888–1970) изображали передовиков производства как активных участников подписки.

Газеты и журналы советского периода писали об едином всенародном подъеме выполнения директив партии и правительства по восстановлению и развитию народного хозяйства СССР в годы четвертой и пятой пятилеток, перевыполнении планов подписки на послевоенные государственные займы. Конкретные условия выполнения директив периода позднего сталинизма, тяготы послевоенной

⁵ См.: Корецкий В. Б. Заметки плакатиста. М.: Советский художник, 1958; Официальный сайт Региональной общественной организации художников «Товарищество плакатистов» и секции плаката Региональной общественной организации «Московский союз художников». URL: <http://plakat-msh.ru> (дата обращения: 28.01.2015).

МЫ ВСЕХ НА ЗАЁМ ПОДПИСАТЬСЯ ЗОВЁМ!

**ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЗАЁМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА С. С. С. Р.**

1947 г.

**ВЗАЙМЫ ГОСУДАРСТВУ МЫ ДЕНЬГИ ДАЁМ —
РАСЦВЕТУ ХОЗЯЙСТВА
ПОМОЖЕТ ЗАЁМ!**

1948 г.

**РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ! НОВЫЙ ЗАЁМ СДЕЛАЕТ НАШУ СТРАНУ
ЕЩЕ БОЛЕЕ БОГАТОЙ И МОГУЧЕЙ!**

1949 г.

жизни, реальность «выжимания» подписки на сталинские послевоенные займы оставались за скобками победных реляций.

Необходимо отметить, что принудительные займы не были новинкой для советской России. Декрет СНК СССР от 4 сентября 1923 г. предусматривал принудительный порядок реализации первого государственного 6 % выигрышного займа среди имущих слоев населения (подрядчиков, комиссионеров, поставщиков и других лиц, имеющих

1950 г.

1951 г.

1953 г.

высокие доходы), т. к. «участие их в подписке на заем не соответствовует тем средствам, которые сосредоточены у них на руках»⁶.

Займы после Великой Отечественной войны размещались в условиях послевоенной разрухи, когда многим людям не хватало еды и денег, чтобы ее купить. Историк В. Ф. Зима писал, что заем 1946 г. «проводился накануне голода в 1946 г. и по сути дела ускорил его пришествие, т. к. забрал большое количество денег у населения. Второй заем (1947 г.) усилил воздействие бедствия, т. к. был реализован в самый разгар голода... Сберкассы и банки не соглашались прини-

⁶ См.: Миркин Я. М. Ценные бумаги и фондовый рынок. Профессиональный курс в Финансовой академии при Правительстве РФ. М.: Перспектива, 1995. С. 211.

мать у населения облигации займов в обмен на деньги. Обобранные и оставленные без всякой помощи люди стали обращаться во все инстанции вплоть до правительства с просьбами вернуть деньги, взятые у них государством займы при размещении займов... Лишь единицы добивались разрешения получить деньги за облигации»⁷.

В целом послевоенные займы играли конфискационную роль, т. к. изымали в зависимости от региона, места работы и силы воздействия политических убеждений начальства, меры сознательности заемщика от 5 до 20 % годовой заработной платы и воспринимались как своеобразный налог. В среднем подписка на государственные займы составляла в 1940 г. 85 % от среднемесячной советской заработной платы, в 1950 г. – 117 %.

Подписку на займы, наряду со сбором налоговых и страховых платежей, курировали налоговые агенты районных финансовых отделов. По свидетельству Рябченко П. Ф., в 1947 г. «ежемесячно приходил финагент, который знал и число начисленных трудодней, и заработок мамы за месяц в рублях и копейках, какая сумма лежит на сберкнижке и даже на какую сумму в счет натурального налога было сдано за каждый месяц кур и молока... финагент всегда знал, на какую сумму мама «хочет» подписаться на облигации очередного займа и как эта сумма раскладывается по месяцам года. Финагент имел изумительно красивую для села форму одежды, но его прихода всегда ожидали со страхом»⁸.

М. А. Безнин и О. М. Вербицкая, изучая доходы и расходы крестьянских семей в послевоенный период, рассматривали подписку на займы как дополнительные обязательные денежные повинности⁹.

После открытия архивных фондов стали известны случаи саботажа подписки на послевоенные займы. Заведующий отделом партинформации Управления по проверке парторганов ЦК ВКП(б) И. Поздняк 4 мая 1948 г. в информационной сводке «О ходе подписки на Третий государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР», например, сообщал: «Шофер Мосакадемстроя т. Логвиненко, недавно принятый в члены ВКП(б), наотрез отказался от подписки на заем, заявив: “Подписываться не буду. Раньше, при карточной системе, я масла не ел, а теперь я хочу его кушать”. После больших уговоров т. Логвиненко подписался на 200 рублей, при заработке в 700 рублей... На фабрике им. Петра Алексеева члены пар-

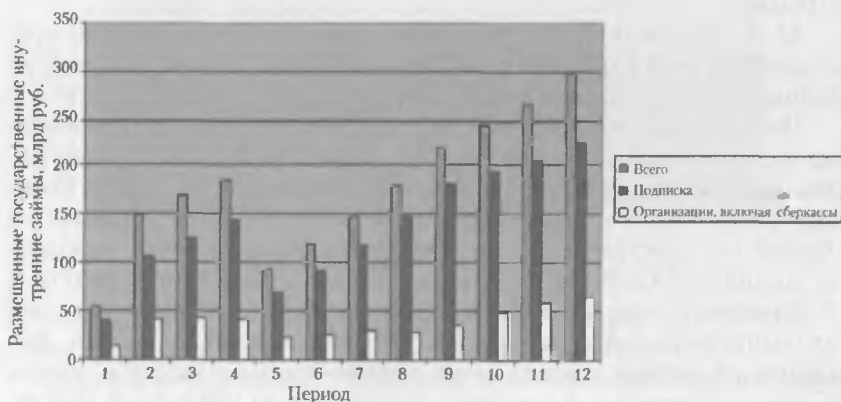
⁷ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 46–50.

⁸ Рябченко П. Ф. Денежные займы в нашей жизни // Мир денег. Март–апрель 2001. URL: <http://bonistikaweb.ru> (дата обращения: 28.01.2015).

⁹ Вербицкая О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву: середина 1940 – начало 60-х гг. М., 1992; Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965. М.; Вологда, 1991.

тии набойщик Бурцев и помощник мастера т. Климатичский не подписались на заем, причем Климатичский был выделен организатором по подписке на заем. Рабочий т. Жижин, член ВЛКСМ, отказался от подписки. Когда ему сказали, что комсомольцы не должны отставать, Жижин ответил: “Я могу отдать комсомольский билет”... В селе Маличи Пружанского района Брестской области во время собрания крестьян по поводу нового займа возникло одновременно три пожара... В Жабинковском районе этой же области на хуторах Мельнички были обстреляны из автомата начальник РО МГБ т. Малайчиков и группа с ним оперативных работников, направленных на село для участия в проведении займа... В Шевченковском районе Львовской области были расклеены листовки с призывом саботировать подписку на заем»¹⁰.

Негативное отношение населения к принудительным послевоенным займам стало одним из сигналов неустойчивости сталинской системы. Однако убеждения и принуждение сделали свое дело. Объемы заимствований государства у населения в анализируемый период возросли в 1953 г. по сравнению с 1946 г. в 1,72 раза при росте государственного внутреннего долга в 1,67 раза и сокращении долга по внутренним займам организациям, включая сберкассы на 17 % (рис. 1, табл. 3).

Период: 1941 г. (1), 1946 г. (2), 1947 г. (3), 1948 г. (4), 1949 г. (5), 1950 г. (6), 1951 г. (7), 1952 г. (8), 1953 г. (9), 1954 г. (10), 1955 г. (11), 1956 г. (12)

Рис. 1. Динамика структуры размещения государственных внутренних займов СССР в 1941–1956 гг.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 901. Л. 203–209 // Сб. документов Советская жизнь 1945–1953 / сост. Т. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2003. С. 535–539.

Динамика государственного долга СССР по внутренним займам, млрд руб.¹¹

Годы	Доходная часть исполненного государственного бюджета, всего	Государственный долг СССР по внутренним займам				Удельный вес долга СССР по внутренним займам к доходам госбюджета, %	
		Всего	В том числе			Всего	В т. ч. населению
			Подписки населения	Свободное обращение	Приобретено организациями, включая сберкассы		
1941	177,0	54,2	39,1	0,9	14,2	30,6	22,6
1946	325,4	149,4	106,4	1,0	42,0	45,9	33,0
1947	386,2	168,7	124,7	1,4	42,6	43,7	32,7
1948	410,5	185,6	143,4	0,3	41,9	45,2	35,0
1949	437,0	92,6	69,5	0,6	22,5	21,2	16,0
1950	422,8	118,3	92,0	1,1	25,2	28,0	22,0
1951	470,3	148,0	116,8	1,7	29,5	31,5	25,2
1952	497,7	178,8	147,5	2,3	29,0	35,9	30,1
1953	542,8	218,5	180,7	2,8	35,0	40,3	33,8
1954	558,6	245,9	193,4	3,6	48,9	44,0	35,3
1955	564,3	267,9	204,3	4,6	59,0	47,5	37,0
1956	592,7	299,4	228,3	5,7	65,4	50,5	39,5

Размер государственного долга СССР по внутренним займам за этот период возрос с 149,4 в 1946 г. до 218,5 млрд руб. в 1953 г. Задолженность государства по займам населению увеличилась с 107,4 до 185,5 млрд руб. Удельный вес долга населению по внутренним государственным займам за 1946–1953 гг. в целом вырос с 33 до 33,8 % по отношению к доходной части государственного бюджета страны при общем сокращении доли государственного долга СССР по внутренним займам в этот период с 45,9 до 40,3 % в структуре доходной части государственного бюджета. Доля государственного долга СССР по внутренним займам населению по отношению к общей сумме государственного долга СССР по внутренним займам составляла в 1946 г. – 71,9 %, 1947 г. – 74,7 %, 1948 г. – 77,4 %, 1949 г. – 75,7 %,

¹¹ Составлено и рассчитано автором по: Отчеты Министерства финансов об исполнении государственного бюджета СССР (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 186; Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1739. Л. 1–22; Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1184. Л. 111–118; Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 181–182) // Советская жизнь. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2003; Закон о государственном бюджете СССР на 1954 г. и исполнении государственного бюджета СССР за 1952 г. // Правда. 27.04.1954; Зверев А. Г. Государственный бюджет СССР на 1956 год // Плановое хозяйство 1956. № 1. С. 3–25; Зверев А. Г. О государственном бюджете СССР на 1956 год и об исполнении государственного бюджета СССР за 1954 год. М.: Госполитиздат, 1956.

1950 г. – 78,7 %, 1951 г. – 80,1 %, 1952 г. – 83,8 %, 1953 г. – 84,0 %, т. е. устойчиво возрастала.

Уменьшение государственного долга СССР по внутренним займам в абсолютном и относительном значении в 1949 г. произошло в результате конверсии задолженности по государственным займам в ходе деноминационной денежной реформы 1947 г.

Министр финансов СССР А. Н. Косыгин в записке И. В. Сталину «Об итогах конверсии государственных займов» 29 сентября 1948 г. писал «Надо полагать, что значительная часть не предъявленных к обмену облигаций погибла. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что после окончания обмена в финансовые органы поступает сравнительно небольшое число заявлений от лиц, которые по тем или иным причинам не смогли обменять облигации в установленный срок. Из общей суммы экономии в платежах за 8 лет в 54,6 млрд руб. – 20,7 млрд руб. является экономией от снижения процента по займам, а 33,9 млрд руб. от сокращения платежей по погашению займов»¹². При этом А. Н. Косыгин не указывает причины гибели облигаций, которыми были их утраты в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и конфискации при арестах во время репрессий.

Конверсия займов, выполненная в рамках денежной реформы 1947 г., уменьшила общий объем задолженности государства по размещенным внутренним займам населению на 59,1 % и в 2,45 раза по сравнению с суммой займов ко времени проведения обмена, а в целом на 53,9 % и в 2,17 раза, соответственно (табл. 4).

Таблица 4

Результаты проведения обмена облигаций по реформе 1947 г., в млрд руб.¹³

	На 01.01. 1941 г.	Ко времени про- ведения обмена	На 01.09. 1948 г.
1. Всего займы, размещенные среди населения	40,0	152,0	62,1
в том числе:			
Займы, размещенные по подписке	39,1	150,0	61,6
Свободно обращающиеся займы	0,9	2,0	0,5
2. Колхозы и кооперативные организации	1,3	9,3	2,8
3. Государственные предприятия и учреждения, всего	12,9	26,6	21,6
Общая сумма государственного долга	54,2	187,9	86,5

¹² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2532. Л. 220–229; Записка министра финансов СССР А. Н. Косыгина И. В. Сталину «Об итогах конверсии государственных займов» 29 сентября 1948 г. // Советская жизнь 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2003.

¹³ Там же. С. 539–544.

Население не предъявило к обмену облигаций на сумму 89,9 млрд руб., что составило 88,7 % из общей суммы непредъявленных к обмену облигаций и 71,3 % от государственного долга 1947 г. по внутренним займам, размещенным среди населения.

В 1946–1953 гг. удельный вес государственных внутренних займов населения в структуре доходов государственного бюджета СССР падал, а в структуре расходов – рос (табл. 5), что было государству невыгодно.

Таблица 5

Динамика доли внутренних государственных займов в структуре государственного бюджета СССР в 1940–1955 гг.¹⁴

	1940	1946	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Доходы	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Займы, всего	6,33	7,59	7,33	7,87	8,38	5,63	4,87	6,52
В т. ч. подписка	5,00	6,33	6,25	6,93	7,29	3,21	3,01	5,35
Расходы	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
В т. ч. по займам	2,80	5,30	5,10	6,8	8,70	11,70	12,70	14,80

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 19 апреля 1957 г. «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза» прекратило дальнейший выпуск государственных внутренних займов и проведение выигрышных тиражей, откладывало погашение ранее выпущенных займов на 20 лет. Фактически погашение этих займов было завершено к концу 1991 г. без учета падения покупательной способности денег. Получив по сталинским послевоенным займам взаймы в среднем заработную плату рабочего за 15 месяцев, государство в итоге вернуло сумевшим сохранить облигации за долгие десятилетия ожидания сумму, едва достаточную для месячного безбедного существования.

Замораживание погашения облигаций послевоенных займов на 20 и более лет явилось одной из причин малой активности населения на постсоветском приватизационном рынке¹⁵.

¹⁴ Составлено и рассчитано автором по: Статистическая таблица ЦСУ СССР «Государственный бюджет СССР в 1940, 1946, 1950–1955 гг.» (РГAE. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 181–182) // Советская жизнь 1945–1953.

¹⁵ См. подробнее: Бердникова Т. Б. Рынок ценных бумаг: прошлое, настоящее, будущее. М.: ИНФРА-М, 2011, 2013, 2015.

А. В. Захарченко

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ГУЛАГ НА «ВЕЛИКИХ СТРОЙКАХ КОММУНИЗМА» В ПОВОЛЖЬЕ, 1948–1953 гг.

Одним из ключевых направлений в экономической деятельности органов внутренних дел в послевоенном СССР являлось осуществление масштабных индустриальных проектов по строительству гидротехнических сооружений, названных советской пропагандой «сталинскими стройками коммунизма»¹. Большинство из них располагалось в Поволжье (строительство Волго-Донского канала, Сталинградской и Куйбышевской ГЭС). Развертывание профильных лагерных управлений свидетельствовало о новом этапе хозяйственной активности ГУЛАГа в регионе.

«Великие стройки коммунизма» в Поволжье рассматривались сталинским руководством как очередной шаг к освоению водных ресурсов региона с целью решения целого комплекса экономических задач. Разрабатывая в послевоенные годы проекты строительства гидроузлов, сталинское руководство стремилось завершить реализацию идеи о создании глубоководных внутренних судоходных путей, соединяющих Белое и Балтийское моря с Азовским, Черным и Каспийским морями². Целесообразность передачи в лагерную систему «великих строек» в Поволжье, объяснялась, по мнению руководителей МВД, несколькими факторами: опытом, который ГУЛАГ приобрел еще 1930-е гг. на возведении Беломоро-Балтийского канала, канала Москва – Волга; наличием профильных структур и квалифицированных кадров, прежде всего в проектных организациях Гидропроекта МВД; традиционным для лагерной системы мобильным

¹ К «великим стройкам коммунизма» сталинское руководство относило такие гидротехнические объекты, как Волго-Донской водный путь, Сталинградская и Куйбышевская ГЭС, Главный Туркменский канал, Каховская ГЭС на Днепре, Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы.

² История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: Собр. документов: в 7 т. Т. 3: Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. С. 465.

ресурсом – рабочей силой из числа осужденных в местах лишения свободы (заклученные). Все эти обоснования в 1948 г. приводились министром внутренних дел С. Н. Кругловым и начальником Гидропроекта МВД С. Я. Жуком в ходе предварительных согласований в правительстве проектирования и строительства первой «великой стройки коммунизма» – Волго-Донского канала³.

Предпосылки «великих строек» с участием ГУЛАГа были заложены еще во второй половине 1930 – начале 1940-х гг. Помимо каналов Москва – Волга, Беломоро-Балтийского, силами заключенных строились несколько крупнейших ГЭС. В том числе в районе Верхней и Средней Волги (Куйбышевский, Рыбинский и Угличский гидроузлы)⁴. Но данные проекты оказались исключительно дорогостоящими, реализация их ожидалась в длительной перспективе, что в совокупности с нараставшей угрозой войны стало фактором, повлиявшим на консервацию этих объектов в первой половине 1940-х гг.⁵

В связи с этим правильнее говорить о том, что ГУЛАГ имел опыт сооружения крупных гидротехнических объектов, но опыт этот нельзя назвать удачным.

Название «великие стройки коммунизма» объекты лагерной экономики получили за их масштаб. Общий объем капитальных работ по таким объектам в Поволжье оценивался в 22 624 млн руб.⁶ Куйбышевская ГЭС проектировалась как самая мощная в мире. Немногим уступавшая ей Сталинградская ГЭС, согласно проекту, должна была производить $\frac{1}{5}$ всей электроэнергии, вырабатываемой в СССР до начала войны⁷. На обслуживание этих крупнейших объектов ГУЛАГа были завязаны десятки министерств и ведомств и тысячи предприятий⁸. Результаты работы лагерей на «великих стройках» в Поволжье говорят о том, что попытка досрочно, «штурмом» завершить работы по каналу и ГЭС в целом потерпела неудачу и обернулась дополнительными затратами. Установленный правительством период работ

³ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / ред. А. Н. Яковлев; сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Моруков. М.: Материк, 2005. С. 125–127.

⁴ Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: Собр. документов и фотографий / отв. ред. О. В. Хлевнюк; отв. сост. О. В. Лавинская, Ю. Г. Орлова; сост. Д. Н. Нохотович, Н. Д. Писарева, С. В. Соменова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 52.

⁵ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 гг. С. 103.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 1155. Л. 7, 10, 15.

⁷ Цит. по: Бурдин Е. А. Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. М.: РОССПЭН, 2011. С. 31.

⁸ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 35. Д. 267. Л. 30–39; Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 9. Д. 18. Л. 3–8.

по строительству Волго-Донского канала (1948–1953), Сталинградской (1950–1956) и Куйбышевской (1950–1955) ГЭС так и не был выполнен. Если Волго-Донской канал после неоднократного пересмотра сроков завершили в 1952 г., то гидроэлектростанции ввели в действие на 3–5 лет позже первоначально запланированного срока.

Для проведения массовых строительных работ на гидротехнических объектах в Поволжье в системе МВД в короткие сроки формируются крупные лагерно-производственные комплексы. Согласно выработанным принципам структурной организации хозяйственных управлений органов внутренних дел, конкретный производственный комбинат (Куйбышевгидрострой, Сталинградгидрострой, Волгодонстрой) распоряжался рабочей силой лагерных подразделений, которые компактно примыкали к производственным площадкам.

После выхода постановления правительства о строительстве Волго-Донского канала было сформировано специальное строительное управление Волгодонстрой, в составе которого к 25 сентября 1948 г. действовало восемь строительных районов с лагерями (Донской, Калачевский, Цимлянский и т. д.).

Согласно приказу МВД от 11 марта 1948 г. непосредственные работы по сооружению Волго-Донского водного пути возлагались на вновь созданное Управление строительства Волго-Донского соединительного канала (УС ВДСК, Волгодонстрой), находившееся в ведомственном подчинении Главгидростроя МВД СССР. В январе 1949 г. в связи с расширением географии строительства, ростом хозяйственных структур Волгодонстроя из его состава было образовано три управления. Управление Волго-Донского соединительного канала (УВДСК), в состав которого включался Калачевский ИТЛ, начальник генерал-майор А. В. Шамарин. Управление строительства и ИТЛ Цимлянского гидроузла, начальник генерал-майор А. П. Горшков и Управление ИТЛ и строительства оросительных сооружений, начальник полковник В. П. Соколов⁹.

Структура Волгодонстроя приобрела законченный вид с приказом по управлению от 27 мая 1949 г., когда производственные и лагерные подразделения были объединены. В ноябре этого же года Волго-Донское и Цимлянское управления подчиняются вновь созданному Главному управлению гидротехнического строительства Волго-Дон-

⁹ Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2001. № 7. С. 104–105, 109. В соответствии с территориальными рамками исследования, основное внимание мы уделим Управлению ВДСК, производственная деятельность которого распространялась на Нижнее Поволжье (Сталинградскую область).

ского пути (ГВДС МВД СССР, Главгидроволгодонстрой)¹⁰ под руководством генерал-лейтенанта Я. Д. Раппопорта.

6 октября 1949 г. приказом министра внутренних дел С. Н. Круглова создавался новый лагерно-производственный комплекс – Управление ИТЛ и Строительства Куйбышевской ГЭС (Куйбышевгидрострой) во главе с генерал-майором И. В. Комзиным, которому подчинялось Управление Кунеевского исправительно-трудового лагеря.

О создании управления лагерем при строительстве Сталинградской ГЭС было объявлено приказом МВД от 17 августа 1950 г. 9 сентября лагерь получил название Ахтубинский ИТЛ¹¹. Он входил как структурное подразделение в состав Сталинградгидростроя (начальник Ф. Г. Логинов), строительного комбината, специализировавшегося на возведении гидротехнических сооружений¹².

Опыт участия ГУЛАГа в «великих стройках коммунизма» свидетельствует о традиционных проблемах командной экономики, сопровождавших ее с периода первых пятилеток и проявившихся также и в годы позднего сталинизма: неритмичность, авральный характер работ; несоответствие планов и директив правительства организационным, кадровым, материально-техническим возможностям исполнителей (конкретных лагерей истроек); снижение качества строительства; отсутствие готовой финансово-сметной документации.

Волго-Донской канал рассматривался как показательный объект «великихстроек», планировавшийся к окончанию в сжатые сроки. Работы по каналу с самого начала приобрели авральный характер. Уже в мае 1949 г. сроки завершения строительства канала были сокращены на два года с 1953 г. до 1951 г. Объем капиталовложений существенно увеличился с 75 млн руб. в 1948 г. до 797 млн руб. 1949 г. и 924,4 млн руб. в 1952 г.¹³ Строительные работы велись форсированными темпами. В 1948 г. Волгодонстрой получил вторую премию Совета министров СССР во всесоюзном соцсоревновании. Однако это был только общий показатель. Партийные инстанции сообщали в Москву о том, что программа не выполняется по культурно-бытовым учреждениям, подсобным производствам, дорожному строительству¹⁴. За высокими результатами по сдаче готовых объектов

¹⁰ Сталинские стройки ГУЛАГа. С. 106.

¹¹ Цит. по: Глухова Е. М. Вольнонаемные и заключенные на строительстве Сталинградской ГЭС. Волгоград: Волгоградское научн. изд-во, 2008. С. 61.

¹² ГАВО. Ф. Р-6018. Оп. 3. Д. 133. Л. 23; Глухова Е. М. Вольнонаемные и заключенные на строительстве Сталинградской ГЭС. С. 61.

¹³ ГАВО. Ф. Р-6018. Оп. 3. Д. 188. Л. 3.

¹⁴ ЦДНВО. Ф. 9153. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 12.

скрывались проблемы качества выполненных работ и степень их готовности. Судить об этом можно по оценкам комиссий по приему в эксплуатацию сооружений. Например, из 1113 принятых в 1950 г. от Управления строительства Волго-Донского канала объектов 65 % были сданы на «удовлетворительно», 34 % на «хорошо» и только 1 % на «отлично». В 1951 г. на завершающем этапе производственный план менялся 5 раз, что отразилось на масштабах строительства¹⁵. После того как правительственным постановлением сроки строительства Волго-Донского канала были сдвинуты на лето 1952 г., любые отклонения от напряженного графика воспринимались как серьезная угроза реализации амбициозного проекта. Он для верности был подкреплен сообязательствами, данными коллективом Волгодонстроя Сталину. Такие обращения оформлялись как инициатива партийно-хозяйственного актива организации, но в действительности являлись продуктом работы политотдела и руководства лагерно-строительных управлений¹⁶.

На фоне Волго-Донского канала работы по Куйбышевской и Сталинградской ГЭС носили подготовительный характер. Основные усилия МВД были сконцентрированы на проектно-изыскательских работах, вспомогательных производствах, дорогах, энергетическом хозяйстве, социально-бытовых объектах.

Практика, согласно которой первоначально принятые цифры по капиталовложениям пересматривались, была довольно распространенной. Уже в августе 1951 г. все годовые ассигнования Сталинградгидростроя в размере 125 млн руб. оказались исчерпанными¹⁷. В итоге на строительстве Сталинградской ГЭС в течение 1951 г. было освоено 217 млн руб.¹⁸ Установленная Госпланом сумма капиталовложений по Куйбышевскому гидроузлу в 1951 г. также не была окончательной. Скорректированный вариант давал цифру в 443 млн руб. Однако МВД в начале 1952 г. рапортовало о том, что план в 1951 г. перевыполнен на 106 %¹⁹.

Пример с почти двукратным превышением капитальных вложений по Сталинградгидрострою был следствием финансирования строительства фактически без четко проработанной сметной документации. Во многом такую позицию правительственных инстанций

¹⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 98. Д. 896. Л. 4.

¹⁶ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 33. Д. 280. Л. 25–27.

¹⁷ Заключенные на стройках коммунизма. С. 142.

¹⁸ ГАВО. Ф. Р-6497. Оп. 9. Д. 228. Л. 13.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 1120. Л. 9.

объясняла боязнь «омертвления фондов» в незавершенных объектах, которые, по тем или иным причинам, МВД мог законсервировать.

В 1949–1953 гг. лагеря «великих строек коммунизма» в массовом порядке пополнялись подневольным «контингентом» и вольнонаемными работниками. С мая 1949 г. по октябрь 1951 г. трудовые ресурсы подневольной рабочей силы на строительстве Волго-Донского водного пути возросли в 3,2 раза, достигнув 81 000 чел²⁰. С 1 января 1952 г. по 15 марта 1953 г. население Кунеевлага увеличилось в 1,8 раза до 45 744 человек²¹. Лагерное население Ахтубинского ИТЛ за период с 1 января 1950 по 1 января 1953 г. увеличилось в 5,2 раза до 26 044 человек²².

Всего в лагерях на гидростройках в Поволжье (Кунеевский, Ахтубинский, Калачевский ИТЛ) в начале 1952 г. работало около 100 000 заключенных. Поскольку производственно-хозяйственные структуры МВД периодически получали право оставлять на своих объектах освобождавшихся узников, численность вольнонаемных на гулаговских стройках неуклонно увеличивалась. Это дает основание говорить об определенных структурных сдвигах в составе рабочей силы на объектах МВД. Если в начальный период строительства Сталинградской ГЭС из всех работников заключенные составляли 49 %, то в 1952 г. – 43,7 %²³. В Куйбышевгидрострое на 1 января 1951 г. на производстве работало 93 % заключенных, на 1 января 1952 г. – 80 %. В 1953 г. в среднем за год этот показатель составил 67 %²⁴.

По составу узников поволжских лагерей можно говорить о стремлении руководства МВД максимально ограничить численность группы так называемых «контрреволюционеров»²⁵ и осужденных за тяжкие уголовные преступления. Их численность колебалась в пределах 10 %. В то время как, например, северные лагеря служили местом ссылки и изоляции «уголовного» элемента.

Небольшие группы «опасного контингента» изолировались в зонах особого режима. Однако проблемы трудовой дисциплины и обеспечение режимных условий вынуждали руководство лагерно-производственных комплексов отказываться от таких осужденных.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 1155. Л. 9.

²¹ Там же. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 565. Л. 46; Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 1120. Л. 34.

²² Там же. Д. 493. Л. 12–13, 16, 158; Бурдин Е. А. Волжский каскад ГЭС. С. 346.

²³ По данным Е. М. Глухой, с 1951 по 1952 г. количество вольнонаемных работников на Сталинградской ГЭС возросло с 9181 до 24 188 чел.; Глухова А. М. Вольнонаемные и заключенные на строительстве Сталинградской ГЭС. С. 17.

²⁴ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 1120. Л. 34.

²⁵ В эту группу входили осужденные по статье 58–1, 58–2, 58–4, 58–10, 58–14 – за шпионаж, контрреволюционную агитацию, контрреволюционный саботаж (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 457. Л. 8).

По сути это означало признание того, что механизм перевоспитания или, говоря гуглаговским языком, «перековки» не работал. Например, начальник Куйбышевгидростроя И. Комзин в письме министру внутренних дел С. Круглову в сентябре 1951 г. просил запретить содержание на строительстве Куйбышевского гидроузла «контингента строгого режима» в количестве 1000 человек, поскольку карьер, где они работали, «оснащался дорогостоящим и технически сложным оборудованием»²⁶. Таким образом, принцип исполнения наказаний, составлявший стрежень любой пенитенциарной системы, в сталинском ГУЛАГе не сочетался с производственными задачами. С требованиями технического прогресса репрессивная система была несовместима.

Многочисленные факты использования имевших высокую квалификацию заключенных на подсобных работах, свидетельствовали не только о переизбытке заключенных в ГУЛАГе²⁷, но и указывали на невостребованность их трудовых навыков карательной системой, больше ориентированной на ручной труд, который легче контролировать. Сталкиваясь на практике с реалиями лагерной экономики, представители низовых производственных подразделений просили руководство лагерей более профессионально подходить к кадровой политике, по возможности заменяя труд заключенных вольнонаемными специалистами и рабочими. Характерный эпизод произошел в Сталинградгидрострое, когда начальник одного из лагерных отделений просил руководителя управления прислать вместо 1000 заключенных, прибывающих новыми этапами на строительство, 15 человек квалифицированных каменщиков для полного укомплектования трех бригад, работающих на строительстве жилых домов²⁸.

Результаты распределения рабочей силы в системе МВД дают основания говорить о том, что в итоге послевоенный ГУЛАГ как любое хозяйственное ведомство нуждался в квалифицированных кадрах, особенно в строительной индустрии. При этом МВД втягивалось в конкуренцию за вольнонаемные трудовые ресурсы с другими министерствами²⁹. Однако проблема заключалась в том, что привлечение вольнонаемных кадров закономерно подрывало мобилизационные преимущества, присущие лагерной системе. И квалифицированных

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-8359. Оп. 1. Д. 7. Л. 162.

²⁷ На это периодически обращали внимание руководители лагерей на строительстве Волго-Донского канала (ГАВО. Ф. Р-6018. Оп. 3. Д. 133. Л. 23).

²⁸ ГАВО. Ф. Р-6497. Оп. 1. Д. 20. Л. 160, 161.

²⁹ Подробнее см.: Захарченко А. В. Заключенные и военнопленные как объект ведомственной «конкуренции» в экономике СССР (1945–1953) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 103–110.

специалистов, и разнорабочих МВД не могло использовать по своему усмотрению, «перебрасывая» с объекта на объект. Об этом руководители МВД говорили достаточно откровенно. Инженер Куйбышевгидростроя Н. Ф. Шапошников, выступая на второй партконференции строительства в декабре 1951 г., отмечал: «Нужно правильно использовать всех заключенных специалистов, так как у нас нет возможности принимать вольнонаемный состав. Мы не можем принимать ни одного человека, если не дадим ему жилплощади»³⁰.

Очевидно, что вовлечение лагерной системы в производственные процессы приводило к изменениям, ускорившим распад ГУЛАГа, который не мог превратиться в простую хозяйственную организацию и при этом сохранять карательную сущность в неизменном виде. Скепсис в отношении подневольного труда периодически звучал на низовом уровне лагерного аппарата. На собрании партактива Сталинградгидростроя в 1951 г. один из сотрудников заметил: «Вместо того чтобы завозить 300–400 человек, чтобы правильно использовать этот контингент, туда завозят 600–700 человек. Ясно, где мог работать один, туда ставят пять человек. О производительности труда не может быть и речи»³¹.

Реализовывать производственные функции руководство лагерей могло только в ущерб другой задаче ГУЛАГа – изоляции осужденных. По словам начальника политотдела Волгодонстроя, выступавшего на первой партконференции строительства, в 1948 г. требования режима и изоляции в лагерях не соблюдались: «Имеется большое количество нарушений порядка, проявление групповых бандитских действий, совершение групповых побегов. Бандитствующий элемент терроризирует остальных заключенных. Особо опасный элемент не изолирован. Отсутствует контроль за расконвоированными заключенными, которые имеют контакт с местным населением, расхищают вещевое довольствие, имеют нелегальную переписку»³². Иллюстрацией того, что в лагерях соблюдение условий режима и изоляции не сочетались с хозяйственными задачами служит тот факт, что на Волгодонстрое требовалось держать расконвоированными более 7000 заключенных. При этом в лагерной администрации признавали, что не имеют возможности обеспечить должный контроль над ними. Начальники районов и участков были загружены текущими делами, связанными со строительством, поэтому не могли уделять внимание

³⁰ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 6567. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.

³¹ ЦДНИВО. Ф. 9442. Оп. 1. Д. 4. Л. 123.

³² Там же. Ф. 9153. Оп. 1. Д. 5. Л. 20, 22; Ф. Р-6018. Оп. 3. Д. 2. Л. 17.

лагерям³³. Согласно докладу начальника политотдела Сталинградгидростроя МВД по итогам 1952 г., только в третьем квартале было зафиксировано 1795 нарушений лагерного режима, три организованных неповиновения заключенных лагерной администрации и массовые беспорядки, сопровождавшиеся человеческими жертвами³⁴. Специалисты производственного сектора МВД явно тяготились своим положением, которое вынуждало их иметь дело с заключенными. Это ставило их в менее благоприятные условия, чем инженерно-технических руководителей гражданских организаций вне системы ГУЛАГа. Многие осознавали бесперспективность применения метода трудового перевоспитания рецидивистов, недоумевая по поводу того, в чем смысл их пребывания в производственных лагерях³⁵. На первой партконференции Сталинградгидростроя в феврале 1951 г. начальник лагерного участка сетовал на тупиковую ситуацию с трудовой дисциплиной заключенных: «ОЛП-2 (отдельный лагерный пункт. – А. З.) заслал ко мне много уголовного преступного элемента. Если мне не помогут убрать преступный элемент, то выстроенный изолятор не поможет. Я должен сказать, что эта сила помогает не нам, она помогает Черчиллю и Трумэну»³⁶. На одном из совещаний руководитель Главгидроволгодонстроя Я. Д. Раппопорт так отреагировал на жалобы инженеров в отношении заключенных: «Вы привыкли работать с военнопленными, ни охраны, ни забот с обмундированием, питанием у вас не было. По известным вам причинам этот контингент был заменен на обычный, который работает на наших стройках, на заключенных. И вы растерялись. Вы сами “взвыли” к партактиву, что вам прислали бандитствующий элемент. Но где же тогда он должен находиться, как не в лагере? У нас не институт благородных девиц, не детский сад, а лагерь, которым вы призваны командовать. Нельзя забывать, что вы – начальники лагерей и в то же время вы – строители, поэтому свои обязанности начальника лагеря передавать не имеете права»³⁷.

Подведем итоги. Содержание ведомственных документов недвусмысленно свидетельствует о том, что последующий стремительный

³³ Письмо начальника Волгодонстроя Шикторова министру внутренних дел С. Н. Круглову в марте 1952 г. // ГАВО. Ф. Р-6018. Оп. 3. Д. 207. 24–25.

³⁴ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 42. Д. 104. Л. 62.

³⁵ Например, некоторые начальники лагерных пунктов Ахтубинского ИТЛ на партсобраниях критиковали политику в сфере трудового перевоспитания заключенных, полагая, что в отношении уголовных элементов она лишена каких-либо перспектив (ЦДНИВО. Ф. 9442. Д. 93. Л. 49).

³⁶ ЦДНИВО. Ф. 9442. Оп. 1. Д. 4. Л. 57.

³⁷ Там же. Ф. 9153. Оп. 1. Д. 56. Л. 28–29.

крах лагерной экономики после смерти Сталина был обусловлен противоречиями карательной системы. Карательно-репрессивная функция входила в столкновение с принципом трудового перевоспитания заключенных. Функция обеспечения режима отторгала экономическую функцию, которая подрывала режимные требования к лагерной системе. Сам ГУЛАГ был не в состоянии выполнять хозяйственные задачи имеющимися средствами. Его мобилизационные преимущества оборачивались в свою противоположность. Апогей лагерной системы совпал с кризисом, выйти из которого в том виде, в котором ее создал сталинский режим, было невозможно. Анализ многочисленных стенограмм выступлений представителей лагерного аппарата «великих строек коммунизма» показывает, что на низовом уровне уже сформировалось довольно устойчивое убеждение в отсутствии каких-либо преимуществ рабского труда. Разумеется, осознание это зачастую ограничивалось локальными рамками конкретного лагерного управления и не доходило до открытого протеста. Однако апатия и пессимизм лагерного и инженерно-технического персонала, недовольного существующим положением, выливались в такие скрытые формы, как падение трудовой дисциплины, качества управления, производительности труда и т. д.

Роль ГУЛАГа в «великих сталинских стройках» не стоит переоценивать. В итоге, исключая Волго-Донской канал, лагерные структуры приняли участие только в подготовительных работах на объектах Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Уже весной 1953 г. основной объем капиталовложений осваивался гражданскими министерствами, в распоряжение которых перешло большинство производственных структур «империи ГУЛАГа».

Л. Н. Лазарева

**СССР – ВЕЛИКОБРИТАНИЯ:
НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ШАНС
СОТРУДНИЧЕСТВА.
(О МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ
СОВЕЩАНИИ В МОСКВЕ 3–12 АПРЕЛЯ 1952 г.)**

Сегодня в свете событий, разворачивающихся на наших глазах, исследование документов периода позднего сталинизма приобретает особую актуальность. Понять «болевые» точки современности, зачастую невозможно, не обратившись к их истокам, ко времени формирования «биполярного» мирового порядка. Да и активным попыткам переписать историю, сделав ее более удобной для тех, у кого перестала действовать прививка против нацизма, можно противопоставить только «не политизированный» анализ фактического материала. В этом контексте особый интерес вызывает публикация документов Московского международного экономического совещания, которая дает возможность уточнять как традиционные оценки внешнеполитической доктрины позднего сталинизма, так и ее влияния на следующие периоды советской истории.

Документы Международного экономического совещания исследовались М. А. Липкиным¹ в контексте истории создания Евросоюза. Ю. Н. Жуков² рассматривал его материалы через призму борьбы за власть «политических наследников» Сталина. И. А. Хормач³ при анализе советско-итальянских отношений 1940–1950 гг. уделила внимание и Московскому совещанию 1952 г. Интересна оценка В. Ю. Катонова, который видит в Совещании попытку Москвы формировать общий «недолларовый» рынок социалистических и развивающих-

¹ Липкии М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940 – середина 1960-х годов: Дис. ... д. и. н. М., 2012.

² Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 556.

³ Хормач И. А. СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40 – первая половина 60-х гг. М., 2005. С. 330–341.

ся стран с целью создания альтернативы политике «финансового интернационала»⁴.

На базе фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) идет работа над научно-издательским проектом «Документы современной истории: Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1950–1953 гг.: Документы и материалы», которую возглавляет руководитель Центра документальных публикаций РГАСПИ, доктор исторических наук, профессор, Валерий Васильевич Журавлев. Московское международное экономическое совещание 1952 г. анализируется в контексте воплощения теоретических взглядов позднего сталинского руководства в реальном экономическом развитии страны. В рамках проводимого исследования вышел ряд публикаций. В их числе и по материалам Совещания⁵.

Период позднего сталинизма характеризуется обострением международных отношений. Вступление СССР в «ядерный клуб» привело к усилению конфронтации с США, претендовавших на роль мирового военно-силового лидера. В Европе стремление Москвы создать геополитический заслон из стран с дружественными режимами усилило недоверие к Кремлю.

Доктрину внешней политики Великобритании емко сформулировал Уинстон Черчилль: три частично перекрывающие друг друга окружности: «особые отношения» с США, лидерство среди государств Содружества наций, роль главной западноевропейской державы. В то же время интеграция стран Западной Европы вредила британскому Содружеству наций. США не были заинтересованы в успехе «стерлинговой зоны», но нуждались в сильной Британии для противовеса влиянию СССР на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье.

Суть позиции Великобритании в отношении СССР можно свести к необходимости ориентации Лондона на союз с Вашингтоном в интересах противодействия коммунистической угрозе. Усиление Советского Союза, приводившее к столкновению с интересами Лондона, беспокоило британскую правящую элиту, выбравшую из двух зол, распространение на Ближнем и Среднем Востоке политического и экономического влияния США.

⁴ Катаонов В. Ю. Бретон-Вудс: ключевое событие новейшей финансовой истории. М.: Издательский дом «Кислород», 2014. С. 137.

⁵ Журавлев В. В., Лазарева Л. Н. СССР – Великобритания: неиспользованная альтернатива экономического сотрудничества: Документы РГАСПИ о Московском международном экономическом совещании. 1951–1952 гг. // Исторический архив. 2015. № 1. С. 107–123. Продолжение в: Исторический архив. 2015. № 3.

К тому же консерваторы, сменив лейбористов, сохранили преемственность экономического курса. Доктрина «государства всеобщего благоденствия» диктовала большие расходы на социальную политику. Правительство Великобритании было заинтересованно в получении американских кредитов.

Решение геополитических задач создавало в СССР дополнительную нагрузку на экономику, входя в противоречие с необходимостью повысить жизненный уровень населения. И именно это обстоятельство ставило перед советским правительством задачу корректировки выбранного курса – «на пределе сил» долго развиваться невозможно.

Вопреки политическим соображениям, Англия и СССР, будучи традиционными торговыми партнерами, по-прежнему, нуждались во взаимовыгодном экономическом сотрудничестве. В начале 1930-х гг. из Англии в СССР направлялось до 80 % всех металлообрабатывающих станков и до 70 % рубовых машин и рудничного оборудования⁶. Даже в условиях, когда к 1950 г. торговля СССР с капиталистическими странами сильно сократилась⁷, из Великобритании продолжало поступать оборудование. Так, в 1948 г. размер его импорта составил 48 млн руб., а в 1950 г. – 106 млн рублей⁸.

Для Соединенного Королевства торговля с Советским Союзом имела не меньшее значение. В предвоенные годы из СССР поступало до 20 % импорта зерновых, около 40 % импорта леса и 14 % импорта нефтепродуктов⁹. Но даже в условиях падения мирового товарооборота с СССР в 1950 г. за счет закупок в Советском Союзе были покрыты треть английского импорта кормового зерна и четверть импорта пиломатериалов¹⁰.

В таких сложных условиях в Кремле было решено «прощупать» возможность прорыва торговой блокады. Международное экономическое совещание выступило в роли «предтечи» хрущевской «оттепели»: впервые советская сторона заявляла о том, что существование различных социально-экономических систем не может служить причиной, препятствующей развитию широких экономических отношений¹¹.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 791. Л. 12.

⁷ Сократилась вдвое даже по сравнению с 1948 г. (РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 59. Л. 11).

⁸ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 59. Л. 46.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 791. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Там же. Д. 521. Л. 97.

Современники оценивали Московское международное экономическое совещание как часть сталинской политики дальнего прицела¹². Под заголовком «Советское торговое наступление» в редакционной статье, опубликованной в газете «New York Times», резюмируется, что «во всех уголках земного шара появляются признаки, свидетельствующие о советском торговом наступлении»¹³. Согласны были с этим и британские аналитики. В конфиденциальном приложении к английскому еженедельнику «Экономист» – «The Foreign Report» в качестве пунктов плана «наступления» Москвы под экономическими лозунгами они выделяли: германский вопрос, нейтралитет, расширение торговых связей со всем миром. В эту же цепочку они ставили предложение Кремля присоединиться к Советскому Союзу для содействия развитию азиатских стран, предоставляя оборудование и техническую помощь в обмен на сырьевые материалы. Настоящей целью, по их мнению, являлось привлечение интереса промышленных кругов¹⁴. В случае успеха Кремль, опираясь на бизнес, смог бы добиться ослабления или отмены ограничений, наложенных на торговлю «с коммунистическим миром» – вторили им американцы¹⁵. «Для Англии единственная возможность избежать экономической катастрофы зависит от того, удастся ли нам вновь укрепить дружбу между Востоком и Западом», – выражал мнение бизнес кругов Великобритании журнал «New Central European observer»¹⁶.

Правда, иностранные аналитики, не питали иллюзий и указывали на непростое экономическое положение Советского Союза, которое усугубляла торговая блокада, создавая дополнительные трудности. Тот же «The Foreign Report» писал: «Под влиянием четырех факторов: а) производство вооружения; б) наличие крупных армий; в) усиленной индустриализации за счет сельского хозяйства и г) ограничений экспорта с Запада, советская зона может меньше экспортировать в обмен на промышленное оборудование, и сама Россия должна покрывать все увеличивающиеся прорывы в снабжении своих сателлитов»¹⁷. Этими проблемами объясняли они появление в Кремле «рьяных бивенистов».

Тем не менее стратегические интересы Кремля и бизнес-сообщества Соединенного Королевства совпадали. Поэтому в реализации инициативы Москвы английские предприниматели могли стать со-

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 522. Л. 118–122

¹³ Там же. Д. 791. Л. 10.

¹⁴ Там же. Д. 522. Л. 118.

¹⁵ Там же. Д. 791. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 22.

¹⁷ Там же. Д. 522. Л. 122.

юзниками. И не могли не получить одну из главных ролей в предстоящей игре.

Исходя из обозначенных целей, делая ставку на бизнес сообщество, советская сторона подчеркивала, что Совещание созывается не правительственными органами. Приглашения поступали от Международного инициативного комитета, в состав которого были включены и представители деловых кругов. Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б), занимавшаяся подготовкой Совещания, планировала пригласить из капиталистических стран 120–150 человек экономистов, ученых, статистиков, инженеров, профсоюзных деятелей, 150–180 человек промышленников, торговцев, финансистов. Причем в их числе должны быть предприниматели и от тяжелой индустрии¹⁸.

Необходимо уточнить, что концепция Международного экономического совещания корректировалась Кремлем по ходу его подготовки. Позиция британских деловых кругов оказала огромное влияние на вектор изменений. Англичане последовательно, иногда даже жестко, выступали за прагматичное решение вопросов бизнеса вместо полемики о преимуществах и недостатках различных социально-экономических систем.

Проведение Совещания было анонсировано в феврале 1951 г. в Берлине на сессии Всемирного совета мира. Но очень быстро выяснилось, что многие бизнесмены по политическим мотивам не желали принимать приглашение к участию в конференции от этой организации, опасаясь к тому же, что мероприятие будет сведено к «осуждению политики войн и экономической дискриминации». Советский делегат на заседании комиссии по подготовке Совещания¹⁹, которое проходило в Праге с 27 по 29 июня 1951 г., К. В. Островитянов²⁰ сообщал в ЦК ВКП(б) о том, что особенно плохо обстояли дела в Англии. Приглашение в Москву принимали только лица или уже связанные с движением борьбы за мир, или недостаточно влиятельные²¹. Там же, на заседании в Праге, англичане настаивали на участии в Совещании советских хозяйственных организаций, подчеркивая, что положительное решение этого вопроса очень важно для Великобритании.

Кремлю пришлось снизить пропагандистскую составляющую. Был создан Международный инициативный комитет по подготовке

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 59. Л. 69.

¹⁹ На первом этапе подготовки в документах используется название «экономическая конференция».

²⁰ Островитянов Константин Васильевич (1892–1969) – экономист, академик (1953), вице-президент (1953–1962) АН СССР. Сфера научных интересов: политэкономия социализма и капитализма.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 521. Л. 2.

конференции, который опирался на Национальные подготовительные комитеты²². Дальнейшая работа шла уже от его имени. Вопрос об участии в конференции хозяйственных организаций СССР был решен положительно, вопреки первоначальной установке на то, что «было бы неправильно свести работу конференции к дискуссии по чисто коммерческим вопросам и создать у представителей деловых кругов иллюзию, что конференция закончится заключением торговых договоров»²³.

В качестве делегата Англии в Инициативном комитете была сразу же предложена кандидатура Джоан Робинсон²⁴ – профессора Кембриджского университета, известного ученого-экономиста. При этом Британский национальный комитет, рекомендуя ее для участия в Инициативном комитете, просил не публиковать в печати имени своего представителя, опасаясь преследования²⁵. Несмотря на возможные последствия, Робинсон сразу же дала свое согласие²⁶.

Группируясь с делегатами других капиталистических стран, англичане продолжали оставаться на занятой ими изначально позиции, оказывая давление на СССР. В отчете М. В. Нестерова²⁷, К. В. Островитянова, В. Н. Ничкова²⁸ о заседании Инициативного комитета в Копенгагене²⁹, идет речь о том, что представители капиталистических стран предъявили Москве свои требования³⁰: Совещание не должно носить политического характера, быть связано с движением за мир, касаться политических разногласий, вопрос о превосходстве одного

²² Обсуждение создания Международного инициативного комитета проходило на заседании Международной экономической комиссии в Праге 27–29 июня 1951 г. Сразу же в Международный инициативный комитет вошли представители Франции, Англии, Польши, СССР, Италии и Среднего Востока. В дальнейшем его состав был расширен (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 521. Л. 2).

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 521. Л. 4.

²⁴ Робинсон Джоан Вайолет (1903–1983) – английский экономист и общественный деятель, сторонник кейнсианского и посткейнсианского направления в экономической науке, выступала за мирное сосуществование двух систем.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 521. Л. 36.

²⁶ В дальнейшем в составе Инициативного комитета приняли участие британские бизнесмены Х. Уолстон – член руководства Союза фермеров и Брауне – промышленник (РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 137. Д. 521. Л. 36–37).

²⁷ Нестеров Михаил Васильевич (1892–1971) – председатель Торговой палаты СССР (1944–1969).

²⁸ Ничков Влас Никифорович (1902–1972) – во время Московского экономического совещания – председатель Всесоюзного объединения «Экспортлес».

²⁹ Заседание проходило с 27 по 29 октября 1951 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 521. Л. 166–172).

³⁰ С такими требованиями выступили Сови (Франция), Робинсон (Англия), Стеве (Италия), Буржуа, Браун (Англия) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 521. Л. 166).

социального строя над другим не должен обсуждаться на Совещании. Кроме того, возможность участвовать в нем необходимо предоставить всем желающим независимо от их политических взглядов³¹. Развернулась дискуссия и по поводу повестки для Совещания. Советские представители, объединившись с делегациями стран народной демократии Китая и Индии, настаивали на осуждении гонки вооружения. В результате возникла угроза отказа от участия в Инициативном комитете представителей Англии – Робинсон и Браун и Франции – Сови. Они мотивировали свое решение тем, что в их странах такие формулировки будут восприняты как пропаганда борьбы за мир, что оттолкнет от участия в Совещании промышленников и экономистов. Пришлось в коммюнике ограничиться лишь указанием на то, что «все возрастающее ухудшение международных экономических отношений ставит под угрозу условия жизни народов многих стран»³². Зато представители капиталистических стран единодушно высказались за создание на Совещании рабочих групп для обсуждения «отдельных экономических проблем»³³. Советские представители, вернувшись из Копенгагена, резюмировали: «Нам представляется, что Совещание не может ограничиться принятием обращения с самыми общими положениями относительно расширения экономических связей между странами и улучшения условий жизни людей»³⁴. Они считали необходимым разработать конкретную программу о расширении международной торговли. Причем, кроме разработки общей программы, еще и подготовить конкретные предложения по странам.

Таким образом, инициатива Кремля, в «новом издании», становилась интересна бизнес – сообществу и получала шансы на успех. Несмотря на непростую обстановку на заседании в Копенгагене, в отчете советских делегатов было отмечено, что из частных переговоров они сделали вывод: «Значительные круги экономистов, промышленников, торговцев, кооператоров и профсоюзных деятелей проявляют интерес к Международному экономическому совещанию в Москве»³⁵.

По мере активации пропаганды Совещания и усиления интереса к советским инициативам, раздражение официальных кругов на Западе нарастало. Отсюда стремление создать условия, побуждающие заинтересованных лиц благоразумно отказаться от визита в Москву. Яркой иллюстрацией давления на возможных делегатов в Великобритании может служить получение генеральными секретарями проф-

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 521. Л. 167.

³² Там же. Л. 168.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 171.

³⁵ Там же. Л. 170.

союзов секретной инструкции, в которой настоятельно рекомендовалось бойкотировать Совещание³⁶. Впрочем, давление, в различных формах, оказывалось в большинстве капиталистических стран³⁷.

Итак, в Москве сформировалось четкое понимание того, что реализация поставленных задач возможна только в случае присутствия на Совещании публики, имеющей достаточный вес в Западном мире, чтобы повлиять на решения своих правительств. Но также стало ясно и то, что «перетянуть» бизнес-сообщество на свою сторону можно только заинтересовав его конкретными предложениями. Поэтому в Кремле сочли возможным обещать «удовлетворить существенную часть импортной потребности западноевропейских стран в ряде важных их экономике товаров»³⁸. Причем, помимо промышленных изделий, предлагалось поставлять в значительных количествах кормовое зерно, лесоматериалы, руды, удобрения, нефтепродукты, продовольственные товары. Взамен СССР рассчитывал получить оборудование, транспортные средства, промышленное сырье. Но учитывая заинтересованность европейских предпринимателей и промышленников в реализации потребительских товаров, в Кремле были готовы пойти и на их закупку³⁹.

Надо отметить, что усилия, предпринятые Внешнеполитической комиссией ЦК ВКП(б) по формированию «нужного» контингента на Совещании, впечатляют своим масштабом. Опираясь на связи ВЦСПС, Министерства внешней торговли, Центросоюза и других подобных организаций, формировались списки «представителей некоторых фирм капиталистических стран, из числа которых можно было бы выбрать лиц, приглашаемых на экономическую конференцию»⁴⁰. Анализировались сведения о возможных кандидатах, по мере получения отказов посылались приглашения аналогичным фирмам⁴¹. И такое внимание было уделено этой части подготовки Совещания не случайно. Успех инициатив Кремля во многом решался именно на этой стадии.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 792. Л. 1–3. Копия записи беседы 3-го секретаря Посольства СССР в Лондоне А. И. Романова с генеральным секретарем профсоюза химиков Б. Эдвардсом 18 января 1952 г.

³⁷ В Италии «неохотно» выдавали паспорта, в Бельгии угрожали отказом в предоставлении сырья или денег на его покупку, шла «разоблачительная» кампания в прессе, во Франции, Бельгии, Голландии – угрожали тем, что, посетив Совещание в Москве, делегаты больше не получат визы в США и т. д. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 790. Л. 350).

³⁸ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 59. Л. 13.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 790. Л. 1–53.

⁴¹ Там же. Л. 63.

В результате проделанной работы в Москву приехали делегаты, в большинстве не скрывавшие своего противоамериканского образа мыслей, причем недовольных именно «экономическим нажимом американцев в отдельных странах»⁴². По политическим взглядам это были члены коммунистических партий, социал-демократы «разных оттенков», либералы, консерваторы и «даже реакционеры»⁴³. Но лидировали все-таки либералы и консерваторы. В «Докладе о проезде участников из-за границы на московское экономическое совещание»⁴⁴ резюмируется: «Можно ожидать, что большинство делегатов будет по своему возвращении докладывать объективно, поскольку они вообще будут, по местным соображениям, что-либо говорить»⁴⁵. Любопытный штрих, зафиксированный в документе: как правило, делегаты знакомились друг с другом только при прилете в Прагу, тогда как англичане сделали это только уже перед отъездом в Москву⁴⁶.

Английская делегация состояла из 29 членов: 14 бизнесменов, 10 ученых и политических деятелей, 5 представителей профсоюзов. Приехали в Москву даже пять депутатов палаты общин⁴⁷. Правда, они подчеркивали, что делают это неофициально.

Анализ состава делегации Великобритании очень ярко и четко показывает разнонаправленность ожиданий основной массы приехавших бизнесменов и советского правительства. Да, Москва смогла заинтересовать представителей бизнеса. Например, Совещание посетил «очень антикоммунистически настроенный по своей идеологии»⁴⁸, член английского парламента Дрейсон⁴⁹. Но приехал он потому, что очень хотел найти новые рынки сбыта для текстильной промышленности Ланкашира. В то же время, по отзывам того же Дрейсона, в составе их делегации было только два, действительно крупных, дельца⁵⁰. Откликнулись на инициативы Кремля и не побоялись приехать в Москву, в первую очередь, бизнесмены, которые предлагали ткани, кожаную обувь, готовую одежду и другие подобные товары. Совет-

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 790. Л. 352.

⁴³ Там же. Л. 351.

⁴⁴ Там же. Л. 349–357.

⁴⁵ Там же. Л. 351.

⁴⁶ Там же. Л. 350.

⁴⁷ Там же. Л. 93.

⁴⁸ Так охарактеризован Дрейсон в «Интервью Вильфреда Мея о его поездке на Международное Экономическое Совещание американскому журналу «Коммершиэл энд Файнэншл Кроникл» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 754. Л. 84–98).

⁴⁹ Драйсон Джордж – представитель деловых кругов Великобритании, во время Московского экономического совещания был владельцем текстильной фабрики, членом парламента – консерватором.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 754. Л. 2–6.

ский Союз мог пойти на такие закупки только в качестве «принудительного ассортимента». Москва надеялась экспортировать из Англии товары, относимые США к разряду «стратегических». Спорить с Вашингтоном правительство Соединенного Королевства на данном этапе было не готово.

Надо отметить, что настрой англичан, приехавших в Москву, был по-прежнему прагматичным и жестким. Его выразил лорд Джон Бойд Оорр, возглавлявший делегацию: «Я особенно заинтересован в торговле между Востоком и Западом, несмотря на “железный занавес”... Не спорьте слишком много о мелочах, добивайтесь конкретных результатов, которые привели бы к расширению торговли...»⁵¹ Можно констатировать, опираясь на свидетельство пражских таможенников, что их взгляды совпадали с настроением большинства. Преобладающая часть делегатов преследовала те же цели: «осуществлять интересы своих собственных предприятий (поиск рынков сбыта, источников покупок, представительства и пр.)»⁵².

На 10 апреля 1952 г. в списке участников Международного экономического совещания значился 471 человек из 50 стран, из них 339 человек были делегатами из 38 капиталистических стран⁵³. Проходило Совещание с 3 по 12 апреля 1952 г. Кроме пленарных заседаний, шла работа в трех секциях: по развитию международной торговли, международного сотрудничества для решения социальных проблем, секции слаборазвитых стран.

В своем выступлении председатель Торговой палаты М. В. Нестеров подтвердил готовность Москвы к расширению связей с торговыми и промышленными кругами других стран. При этом с высокой трибуны прозвучало, что различия в экономических системах, не должны стать «препятствием для развития сотрудничества между странами»⁵⁴. Затем Нестеров подчеркнул, что была проведена серьезная работа по выявлению возможностей увеличения торговли советских хозяйственных организаций со странами Западной Европы, Америки, Юго-Восточной Азии, Среднего Востока, Африки и Австралии. В итоге в СССР пришли к выводу, что возможен общий товарооборот с этими странами в течение ближайших 2–3 лет в 30–40 млрд руб. или от 10 до 15 млрд руб. в год⁵⁵. Далее в докладе председателя Торговой палаты были даны конкретные предложения для каждой, участвующей в Совещании, страны. Для англичан

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 755. Л. 44.

⁵² Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 790. Л. 350.

⁵³ Там же. Л. 92.

⁵⁴ Там же. Л. 33.

⁵⁵ Там же. Л. 36.

была сформулирована перспектива доведения товарооборота до максимального объема довоенного времени⁵⁶. Кроме того, Москва пообещала даже расширить торговлю «не только за счет обычных для англо-советской торговли товаров, но и за счет закупки советскими импортными организациями тканей, пряностей, сельдей и др.»⁵⁷.

Надо отметить, что выступление Нестерова произвело большое впечатление на англичан, внушив промышленникам Великобритании большие надежды. Лорд Бойд-Орр послал в Лондон на имя члена парламента консерватора Эрролла телеграмму с требованием немедленно направить в Москву представителей английской текстильной промышленности, чтобы они могли начать переговоры с китайской делегацией о поставках в Китай английских текстильных товаров⁵⁸. И он был не одинок. На имя правительственных инстанций Англии было послано даже несколько подобных телеграмм, содержавших призывы изменить отношения к Совещанию⁵⁹. В английской печати было опубликовано заявление четырех лейбористских членов английского парламента: «Мы уверены, что это Совещание является серьезной и реалистической попыткой расширить мировую торговлю. Это не пропаганда и не политика. Достоинно сожаления, что здесь не присутствует больше наших видных промышленников»⁶⁰. Представитель фирмы «Гаррисон Лимитед» Стобарт в беседе с советскими представителями делился планами: члены парламента по возвращении в Лондон намерены внести запрос в парламента и потребовать объяснения причин отрицательного отношения английского правительства к Международному экономическому совещанию⁶¹.

Английские делегаты активно принимали участие в работе Совещания. Их предложения отличались конкретностью и в целом были направлены на увеличение торгового оборота⁶².

Но, конечно, успех Совещания для англичан, по-прежнему, зависел от того, сколько сделок удастся заключить⁶³. И тут сыграли противоречия между желаемым и возможным. План заключения торговых сделок многократно корректировался. В вариант от 16 апреля 1952 г.

⁵⁶ Максимальным товарооборот с Англией был в 1937 г. и составлял около 2,5 млрд руб. в ценах 1952 г. (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 752. Л. 38).

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 752. Л. 38.

⁵⁸ Там же. Л. 3–4.

⁵⁹ Там же. Д. 753. Л. 32.

⁶⁰ Там же. Д. 752. Л. 3–4.

⁶¹ Там же. Д. 753. Л. 32.

⁶² Там же. Л. 13.

⁶³ Там же. Оп. 137. Д. 757. Л. 33.

были внесены исправления в соответствии с указаниями И. В. Сталина. СССР ограничился продажей английской фирме, осуществлявшей поставки бункерного топлива советским судам за границей, 30 тыс. тонн мазута и 20 тыс. тонн дизельного топлива, исключив «все закупки товаров в Англии, равно как и продажи товаров в Англию» из плана⁶⁴.

Тут необходимо уточнение: программа коммерческих сделок разрабатывалась СССР, учитывая возможности стран – СЭВ и Китая. Уже 8 апреля 1952 г. руководитель китайской делегации Нан-Хань-чен подчеркивал, что развернулась большая работа по заключению торговых сделок, в том числе и с английскими фирмами. Причем исходя из политических соображений, они шли даже на закупки, не представляющие срочной необходимости для Китая⁶⁵. Поэтому нельзя говорить и о том, что Совещание обмануло ожидания англичан. В Москве начались переговоры, а к июлю 1952 г. их обсуждение или переходило в завершающую стадию, или даже уже были подписаны договоры с Китайской торгово-экспортной компанией, с Румынией, ГДР и Болгарией⁶⁶.

Итогом работы Совещания стали три документа: Коммюнике об итогах работы, Обращение к Генеральной ассамблее ООН, Резолюция об образовании Комитета содействия развитию торговли между странами.

Если экономические итоги Совещания составили переговоры и сделки, заключенные благодаря его работе, то основным политическим итогом, давшим возможность Москве продолжать выбранную линию, было принятое участниками решение обратиться к Генеральной ассамблее ООН с предложением: «В ближайшее время созвать межправительственное совещание по вопросам международной тор-

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 60. Л. 121–123.

⁶⁵ Там же. Оп. 2. Д. 752. Л. 61.

⁶⁶ К июлю 1952 г. Британский торговый комитет вел переговоры или уже подписал с Китайской экспортно-импортной компанией договоры о продаже текстиля на 1 700 000 английских фунтов. С рядом британских фирм были заключены контракты на поставку товаров в счет общего соглашения на сумму 3 000 000 английских фунтов, предварительно обусловленную на Совещании. Сумма закупок Соединенного Королевства сельскохозяйственной продукции у Китая составила 7 100 000 английских фунтов. Была подписана и значительная часть соглашений, заключенных Соединенным Королевством в Москве с Румынией. По ним предусматривалась поставка Великобританией стального проката, строительного и дорожно-строительного оборудования, станков, шахтных локомотивов, электрических машин, силового и телефонного кабеля, научных и промышленных лабораторных аппаратов и приборов, текстиля, продукции химической отрасли. В Румынии англичане покупали зерно, продукты, фураж, марганцевую руду, нефтепродукты (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 791. Л. 254–257).

говли с участием представителей деловых кругов, профессиональных союзов и других общественных организаций»⁶⁷.

Кроме того, участники сочли необходимым провести еще одно Международное экономическое совещание, работа которого должна быть основана на тех же принципах, что и московского.

Хотели делегаты продолжить и «обмен информацией в отношении экспортных и импортных возможностей различных стран»⁶⁸.

Реализация данных решений возлагалась на вновь созданный Комитет содействия развитию торговли между странами. В числе приоритетных направлений его деятельности значилось: вручение Обращения к Генеральной ассамблее ООН, создание национальных комитетов, подготовка следующего Международного совещания и издание материалов московского. В Комитет вошли представители тридцати стран. От Англии были предложены Д. Робинсон, Д. Пери, лорд Бойд-Орр⁶⁹.

Но уже в июле Советский Союз потерял интерес к работе Комитета, советские представители перестали принимать участие в его деятельности и в сентябре 1952 г. реализацию идеи «мирного сосуществования» сочли преждевременной⁷⁰. В Кремле победили изоляционные настроения.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 753. Л. 76.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Лорд Бойд-Орр сразу отказался по личным обстоятельствам от участия в работе Комитета.

⁷⁰ Постановление ЦК ВКП(б) поставило точку в этой истории, утвердив текст телеграммы председателю Бюро Комитета Р. Шамбейрону. «Теперь было бы безусловно нежелательно, чтобы в международных кругах создавалось впечатление, будто страны народной демократии и СССР проявляют особую заинтересованность в расширении торговли с капиталистическими странами» (РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 134. Д. 754. Л. 149).

V. КОНФЕССИИ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

М. И. Одинцов

ВЕРОИСПОВЕДНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1943–1953 гг.

Великая Отечественная война потребовала мобилизации не только организационных, финансовых, материальных ресурсов, но и ресурсов моральных, духовных, патриотических. Для партийно-советского руководства еще со времен Всесоюзной переписи 1937 г. не было секретом, что значительная часть населения Советского Союза относилась к категории верующих, а в условиях военных, как известно, мало кто не обращается к небу в поисках защиты и спасения! Существенным потенциалом влияния на эту категорию граждан могли быть действовавшие в стране религиозные организации и духовенство различных конфессий¹.

Собственно, с первых дней войны начинает меняться ситуация: открываются храмы и молитвенные дома, разрешаются общецерковные сборы средств и внекультовая деятельность; не чинятся препятствия массовым богослужениям и церемониям; расширяется издательская деятельность церквей; признаются де-факто религиозные центры, и им разрешается устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями. Даже функционеры Союза воинствующих безбожников, поначалу славшие в Москву панические сообщения о «реакционной деятельности духовенства и сект», вскоре включаются в общую патриотическую работу, помогая верующим и духовенству в организации денежных и иных сборов в фонд обороны страны. В лекционной работе уходит в прошлое антирелигиозная тематика, уступая место сообщениям о патриотической деятельности религиозных объединений и верующих, об отношении фашистов к религиям народов Советского Союза, о положении религий и церквей в странах-союзниках. Одновременно на страницах официальной прессы (партийной и советской) появляются статьи о патриотической деятельности Православной и других церквей. В кинохронику, показываемую на

¹ См.: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.). М., 2005.

фронте и в тылу, включаются кадры церковных служб, обращения к бойцам Красной армии духовенства, крестные ходы, встречи верующими и духовенством с иконами советских солдат-освободителей.

К концу 1941 – началу 1942 г. отчетливо проявилась политическая значимость религиозного вопроса как для ситуации на оккупированной немцами территории, так и для внутривнутриполитической обстановки в Советском Союзе. Она сконцентрировалась вокруг наиболее болевой проблемы – отношения немецких оккупационных властей и советского государства к самой крупной религиозной организации – Русской православной церкви, члены которой оказались разделенными фронтом, и от политической позиции которых во многом зависел исход войны.

Вслед за обращением митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) к православной пастве, прозвучавшем в первый же день войны, свою патриотическую позицию выразили и другие религиозные центры: Обновленческая православная церковь, Грузинская православная церковь, Армянская апостольская церковь, лидеры мусульманских, иудейских, буддийских, протестантских организаций. Чувство патриотизма оказалось сильнее прошлых горьких обид. Обращаясь к верующим, духовные лидеры призывали их достойно выполнить свой религиозный и гражданский долг, осуждая изменников и предателей.

Думается, что именно это было главным и этим объясняется то, что советское государство пошло навстречу религиозным организациям, предоставляя им все большую степень свободы и разнообразия культовой и внекультовой деятельности, допуская духовенство в армию и привлекая к участию в деятельности государственных и общественных организаций.

Существовал и внешнеполитический фон, на котором происходили подвижки в вероисповедной политике государства. Имеется в виду стремление стран-союзниц формирующейся антигитлеровской коалиции показать, что среди ценностей, которые защищаются и отстаиваются в начавшейся войне, – ценности религиозной свободы. И в США, и в Великобритании, и в других странах правительства должны были учитывать настроение верующей части населения, а оно в начале войны было не в пользу СССР, который воспринимался как страна, где нет и не может быть, в силу присущей ей коммунистической идеологии, свободы религии. Отсюда настойчивость, с которой союзники призывали руководителей советского государства сделать шаги навстречу верующим и религиозным организациям. Замечу, что интерес к религиозным ценностям как к ценностям общественно значимым, стремление опереться на массовые религиозные организации были свойственны всем странам в условиях Второй мировой войны. Намерение советского руководства пойти этим же

путем, безусловно, восприняты были положительно. Можно говорить, что к концу 1942 г. перелом в настроениях верующих масс за пределами СССР к войне советского народа, к политике советского государства свершился.

На мой взгляд, внешнеполитический фактор не был определяющим, но он, безусловно, оказал воздействие на Сталина и его окружение: В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, В. Н. Меркулова. Думаю, что именно кто-то из этих сподвижников вождя весной–летом 1943 г. мог быть первым, кто предложил развивать в конструктивном направлении отношения с религиозными организациями, сформировать специальный правительственный орган «по делам религий»; и, наконец, провести встречу Сталина с православными иерархами.

В течение сентября–октября 1943 г. предположения материализовались и, прежде всего, в создании Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР². Хотя Сталин первую пару лет непосредственно обращался к религиозным проблемам, давал личные санкции на те или иные действия, но основная практическая работа пала на плечи Молотова – заместителя председателя союзного Совнаркома и наркома иностранных дел. Однако предполагать, что и он днями и ночами только и делал, что думал о практическом наполнении нового курса правительства в религиозном вопросе, было бы странным. В логике тогдашней бюрократической машины, да еще в условиях войны, обязанность думать и разрабатывать, предлагать и отстаивать ложилась непосредственно на руководителей союзных ведомств, в нашем случае – на председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова. И Сталин, и Молотов считали для себя достаточным, что приняли политическое решение по изменению религиозного курса, а уж далее, будьте добры, предлагайте и реализуйте... т. Г. Г. Карпов. Знакомство с документами Совета, а их опубликовано значительное количество, показывает, что почти все, что мы сегодня характеризуем как положительное в государственно-церковных отношениях военного и послевоенного, вплоть до 1953 г., времени, есть не что иное, как предложения Карпова, изложенные им в докладах, записках, отчетах, письмах и нашедшие поддержку у руководства страны. Этот человек оказался в нужный час и в нужном месте, с уровнем профессиональных, гражданских и человеческих качеств, необходимым для нового дела. Трудно было ожидать, что он, как и вся тогдашняя партийно-государственная элита воспитанный

² См.: Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб., 2013.

на борьбе и войне «с религиями, попами и церквями», сможет выйти за рамки усвоенного. Но он смог и поступал не как все! Вот почему нам интересна эта фигура, и мы не должны размениваться на огульную критику, отрицание и умаление его вклада в конструктивный диалог государства и Русской церкви, в возрождение русского православия на просторах СССР.

Урегулирование отношений государства с Русской православной церковью оказало благотворное воздействие и на позицию государства в отношении иных церквей и религиозных объединений. В мае 1944 г. Совнарком принял постановление об организации еще одного государственного органа – Совета по делам религиозных культов, в ведение которого передавались «связи» со всеми другими, кроме православных, религиозными организациями. Председателем Совета был утвержден И. В. Полянский, также выходец из спецслужб. В программе заявлен доклад о Совете, поэтому только отмечу, что масштабы его в сопоставлении с работой Совета Карпова, конечно, менее значительны. Но это ни в коей мере не умаляет того факта, что Совету во многом удалось снять напряженность между государством и неправославными культами, добиться защиты интересов верующих и религиозных объединений.

Было бы неверным не упомянуть еще один орган «по делам религий» – Совет по делам Армяно-григорианской церкви³, созданный Совнаркомом СССР в октябре 1943 г. при СНК Армянской ССР. Вот здесь не приходится спорить – основным мотивом создания был именно внешнеполитический фактор. За пределами СССР присутствовала исторически сложившаяся, большая, достаточно богатая и влиятельная армянская диаспора в странах Европы, Ближнего Востока, Северной и Южной Америки. На Совет возлагалась обязанность обеспечивать связь «между правительством Армянской ССР и католикосом всех армян по вопросам Эчмиадзина, требующим разрешения правительства Армянской ССР». Поскольку в тот момент избранного католикоса не было, его функции исполнял архиепископ Георг (Геворг) Чеорекчян. Упоминание этого имени оправдано хотя бы тем, что он был вторым религиозным деятелем, которого принял Сталин (апрель 1945 г.), и который из его уст и рук принял разрешение на проведение Собора для избрания католикоса всех армян, на возрождение Армянской церкви. И именно он через два месяца в Эчмиадзине на Соборе Армянской церкви был избран патриархом-католикосом и принял имя Георг VI.

³ Ныне – Армянская апостольская церковь.

Если структурировать во временном измерении государственную вероисповедную политику советского государства, то нет сомнений, что десятилетие, с 1943 по 1953 г., это особый цельный период. На протяжении десятилетия импульс, данный в 1943–1944 гг., сохранял свою силу, обеспечивая религиозное возрождение в Советском Союзе. Сошлюсь просто на статистику:

Годы	Всего	В том числе	
		православных	иных
1945	около 11 000	10 243	около 500
1946	более 16 000	10 547	около 5500
1947	более 20 000	13 813	около 6200
1948	20 459	14 189	6270
1949	19 774	14 329	5445
1950	19 503	14 274	5229
1951	19 013	13 867	5146
1952	18 864	13 740	6124
1953	18 591	13 509	5082

Пик статистического максимума пришелся на 1948 г. В последующие годы на территории СССР не открывались церкви и молитвенные дома всех религиозных направлений, хотя в центральные и местные органы власти поступали многочисленные обращения верующих. Одновременно под различными предлогами, по нарастающей: от десятков до тысяч, закрывались храмы, мечети и другие культовые здания. Такая политика запустила другое статистически ощутимое явление: последовательный рост в большинстве советских республик числа фактически действующих, но юридически не признаваемых религиозных объединений.

Назвать можно и некоторые другие факты, осложнявшие послевоенную ситуацию в религиозной сфере. Ужесточенный в 1948 г. паспортный режим и введение системы режимных областей оказались удобным инструментом для избавления от неугодных своей активностью священников. Органы МВД, МГБ составляли списки нежелательных фигур. Православное духовенство было охвачено новой волной репрессий. Хотя аресты не носили тотального характера, как в 1930-е гг., но затронули преимущественно тех священнослужителей, которые ранее уже отбыли наказание за «антисоветскую пропаганду и агитацию» или «скрытую контрреволюцию». В мае 1948 г. началась перепись членов церковных советов на территории всей страны, что давало возможность выявления среди церковного актива лиц «не внушающих доверия».

Что же Советы «по делам религий»? Они протестовали против массового закрытия церквей и молитвенных зданий; осуждали проявляемое при этом административное рвение властей и спецслужб; поддерживали ходатайства религиозных центров по вопросам более щадящего налогообложения духовенства, свечных заводов и мастерских, правил пользования землей монастырями. Как пример, в ноябре 1948 г. Карпов напрямую обращается к И. Сталину с письмом. Он приводит аргументы в пользу открытия церквей, ибо только это, по его мнению, может предотвратить расширение «нелегальной церковной деятельности», возглавляемой, как правило, «враждебными церковными элементами», и сократить количество «недовольных» среди верующей части населения»⁴. Нельзя не поразиться настойчивости председателя Совета в отстаивании своей позиции, граничащей с безрассудством, т. к. он уже знал о решении Политбюро, отменяющем мартовское распоряжение СМ СССР об открытии 18 церквей и 10 молитвенных домов в различных регионах страны⁵. Очевидно, в данном случае он поступал скорее как представитель органов госбезопасности, которым свойственно оперировать именно подобного рода аргументами.

Что же произошло, в чем причина торможения?

Рискуя начать с внешнеполитического аспекта. Холодная война после известной Фултонской речи У. Черчилля (1946) стала реальностью: мир раскололся на две противоборствующие системы. Во главе одной – США, второй – СССР. Обе стороны в равной мере учитывали возможности религиозных организаций, во-первых, в защите своих внутри- и внешнеполитических целей, и, во-вторых, в контрпропаганде на международной арене. Активными «проводниками» идеологии, мировоззрения и ценностей западного мира были Ватикан, Англиканская церковь, Евангелическая церковь Германии и др., которые, подчас осознанно, вторгались и в сферу большой политики. Что говорить, и для светских, и для церковных структур тема религиозных свобод в СССР казалась заведомо беспроигрышной. «Естественным» союзником советского государства становилась, прежде всего, Русская православная церковь, хотя и иные религиозные ор-

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 291. Л. 244.

⁵ Формальным поводом такого решения было то, что оно подписано К. Е. Ворошиловым. Политбюро указало Ворошилову «на то, что он поступил неправильно, подписав распоряжения Совета Министров СССР об открытии церквей и молитвенных домов в ряде населенных пунктов, так как такого рода распоряжения должны утверждаться Советом Министров СССР» (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 273).

ганизации «допускались» правительством к участию во внешнеполитической деятельности государства.

Присутствие религиозного аспекта в противостоянии двух миров – тема вполне самодостаточная. Потому просто примеры точек столкновения.

Советское руководство выступало за послевоенное политическое обустройство Европы «без Ватикана». США, Великобритания допустить этого не желали, всячески поддерживая Ватикан и как субъект европейской политики, и как субъект религиозного обустройства Европы, и как возможность проникновения в СССР через католические и униатские объединения. В ответ – акции «наказания» Ватикана: наступление на католицизм в Прибалтике, разгром Греко-католической церкви в Западной Украине и странах народной демократии (Польша, Румыния, Чехословакия), «воссоединение» униатов с Русской православной церковью, объединение православных церквей и призыв ко всем христианским организациям изолировать Ватикан.

Активная работа д-ра В. А. Виссерт-Хуфта по созданию Всемирного совета церквей (ВСЦ) вполне укладывалась в противодействие Московской патриархии сплотить вокруг себя, через всемирную конференцию, христианский мир. И если западный мир всячески поддерживал ВСЦ, то за спиной Московской патриархии – Советский Союз и страны народной демократии.

Или еще... Германия и США благожелательно, материально и организационно относились к Русской православной церкви за рубежом, надеясь на то, что ее действия наносят удар по внешнеполитическим актам Русской православной церкви по «собираанию» под свою юрисдикцию всех ранее ушедших от Москвы православных обществ. Понятно, что Москва делала все, чтобы обеспечить проникновение своего влияния через православные общества на закрытые в политическом смысле для нее территории. Отсюда эпоха длительного противостояния Московской патриархии и зарубежной церкви.

Названные примеры одновременно являются направлениями в деятельности обоих Советов, т. е. вероисповедной политики советского государства.

В выявлении причин приостановки в конструктивном развитии государственно-церковных отношений обратимся к внутриполитической ситуации в стране. Надеждам на послевоенные перемены к лучшему не суждено было сбыться. Вместо этого – ужесточение репрессий против «космополитизма», «антипатриотов», «инакомыслия» и «инакомыслящих», против всех, кто не мог довольствоваться официальными идеологическими постулатами. На этом фоне вскоре громко зазвучали голоса тех, кто расценивал потепление государственно-церковных отношений в военный период как явление

«вредное» и призывал к «закручиванию гаек» и «наступлению» на религию.

«Церковники» и «религиозники» вновь становились удобной мишенью для обвинения их в проведении «антисоветской», «вражеской» агитации и деятельности. В разряд «гонимых» попадали лютеране, иудеи, католики, но особенно доставалось «сектантам», под которым, прежде всего, понимались объединения евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов, Свидетелей Иеговы. Первый удар был нанесен в 1951 г. в отношении Свидетелей Иеговы, подвергшихся массовым высылкам в Сибирь и Среднюю Азию⁶.

Изменения произошли и «над» советами. В марте 1946 г. обязанность кураторства деятельности советов переходит к К. Е. Ворошилову. Он же в феврале 1947 г. становится председателем Бюро по культуре и здравоохранению, на которое было возложено руководство советами. В течение 1947–1949 гг. Карпов и Полянский, неоднократно приходя на прием к своему «куратору», говорили, что им все чаще приходится сталкиваться с распространенным среди партийных и советских руководителей мнением о «ненужности» и даже «вредности» работы советов. Ворошилов, хотя и относился одинаково хорошо к Карпову и Полянскому и считал их деятельность полезной, нужной как минимум еще на 20–30 лет, выступать против намечающейся линии на «борьбу с религией» не решался. Отсюда его «рекомендации» сдержанно относиться к регистрации новых обществ и строительству культовых зданий; отказ поддерживать предложения председателей по образованию всесоюзных центров у мусульман, иудеев, старообрядцев.

В результате год от года число зарегистрированных религиозных объединений сокращалось. Если на начало 1948 г. учтены были 20 459 обществ, то на начало 1953 г. – 18 591. Тогда как число незарегистрированных объединений продолжало расти. Например, в 1950 г. их насчитывалось свыше двух тысяч: мусульмане (647 групп), католики, иудеи, старообрядцы (184), евангельские христиане-баптисты (841), пятидесятники (свыше 500).

Нет сомнений, что оба председателя отлично понимали, что ситуация менялась не к лучшему в результате появления на поле государственно-церковных отношений нового игрока – правящей партии. Своим идеологическим структурам она ставила задачи – погасить критический настрой в обществе, выработать формы и методы противостояния западной пропаганде в условиях разгорающейся холодной

⁶ См.: Одинцов М. И. Совет министров постановляет: «Выселить навечно!» М., 2002.

войны, «оживить» антирелигиозную пропаганду и всяческую борьбу с религией.

Деятельность советов попала в поле внимания партии. Начали с Совета по делам Русской православной церкви, желая выяснить, как он «помогает» партии в противостоянии религии и церквям. В начале 1947 г. в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сложилось мнение: совет не совсем правильно понимает свои задачи и в этом отношении его следует поправить. Вопрос о работе совета был вынесен на Секретариат ЦК ВКП(б). Секретариат (28 октября 1947 г.) признал, что в документах совета наличествуют «политически неправильные и ошибочные положения». В частности, совет преувеличивает состояние религиозности населения и степень лояльности православного духовенства к власти. По существу, совету высказано было политическое недоверие и выражено сомнение в целесообразности его существования.

Приходится лишь в очередной раз поражаться устойчивости Карпова. В эти же самые дни, в октябре 1947 г., он вошел в ЦК и Совмин с предложением провести в СССР летом 1948 г. Совещание глав автокефальных церквей, приурочив его к празднованию 500-летия автокефалии Русской православной церкви. На совещание (июль 1948 г.) прибыли главы или их представители от 11 из 13 автокефальных православных церквей, что свидетельствовало о высокой степени сплоченности православного мира вокруг Русской церкви и поддержке общего курса против Ватикана и ВСЦ.

Но властям, как представляется, не хватало «мирового триумфа» – объединения всех православных церквей вокруг Московской патриархии и перенесения центра всемирного православия в Москву с присвоением патриарху Московскому и всея Руси титула Вселенского. Это стало обстоятельством, определившим исключение религиозной сферы из числа приоритетных интересов государственной власти, привело к охлаждению отношений государства с Русской православной церковью, что в итоге положило конец поступательному развитию государственно-церковных отношений в Советском Союзе.

Вот этим «зазором» между государством и религиозными организациями и поспешила воспользоваться правящая партия. Идеологическая организация имеет в запасе и идеологические способы борьбы с неполюбившимся ей явлением. ЦК партии уже сформулировал свой взгляд на мировоззренческую ситуацию в обществе. Для него налицо – «активизация церковников» при «полном бездействии партийных организаций в антирелигиозной пропаганде». И с тем, и с другим следовало вести борьбу, и в ней должны активно участвовать Советы «по делам религий».

С осени 1948 г. в недрах Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) под руководством секретаря ЦК М. А. Суслова готовится проект постановления ЦК партии «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний». Осознавая, чем это грозило, Карпов 5 ноября 1948 г. пишет докладную записку Сталину. Он протестует против «антирелигиозной работы», которая носит антицерковный характер и сопровождается политическими выпадами против духовенства; предупреждает, что «не время искусственно ухудшать отношения между церковью и государством, возбуждая недовольство верующих масс». Более того, призывает не препятствовать обрядовой, издательской, учебной и другой деятельности православной церкви, которая лояльна к государству и «патриотическая работа» которой не может быть сброшена со счета. Карпов просил укрепить совет, повысить его престиж и служебно-правовое положение сотрудников совета и его уполномоченных. Председатель вновь выдвинул идею объединения Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов и создания на этой основе Совета по делам религиозных объединений. Вызванному в отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Карпову указали на «нецелесообразность» и «несвоевременность» всех его предложений.

Между тем проект «антирелигиозного постановления» в начале 1949 г. был готов и ждал утверждения Политбюро. В нем было выражено однозначно негативное отношение к деятельности советов и их уполномоченных на местах. Они обвинялись в содействии «церковникам», тогда как линия их поведения должна заключаться во всемерной поддержке борьбы с «оживлением деятельности церковников». Предложены были и конкретные меры: ликвидация института уполномоченных совета по всей стране, выговор Г. Г. Карпову «за грубое нарушение директив партии и правительства об отношении к церкви и превышение предоставленных прав».

Отдел пропаганды будто ждал удобного момента, чтобы проект стал постановлением Секретариата. И он нашелся. В «Правде» от 19 февраля 1949 г. публикуется фельетон «Саратовская купель» о традиционном праздновании Крещения в Саратове, на берегах Волги, с освящением воды и купанием в проруби. Шумиха в партийных органах и в печати поднялась знатная. Все было представлено как нарушение советских законов, как «экспансия мракобесия», как «попустительство религиозникам» со стороны местных властей и областного уполномоченного совета, да и совета в целом.

Карпов предпринял попытку переломить ситуацию. Поздно вечером 24 февраля 1949 г. он был принят Сталиным в присутствии членов Политбюро: Н. А. Булганина, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова, Л. П. Берии, Н. А. Вознесенского, А. И. Микояна, В. М. Молотова, А. Н. Косыгина. Мы не знаем, что произошло

за закрытыми дверями, но последующие события показали, что разворачивающейся антирелигиозной истерии заслон поставлен не был. Более того, спустя три дня на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) был заслушан вопрос «О недостатках в работе Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР». В проекте постановления Карпову вменялись «грехи», суть которых сводилась к следующему: совет превышает свои полномочия, давая местным органам власти противозаконные распоряжения, ориентирующие на широкое проведение крестных ходов, молебнов, крещенских водосвятных и иных обрядов; совет «срачивается с организацией церковников и высшим духовенством»; уполномоченные совета видят свое главное назначение в обеспечении всемерной активизации церковных организаций; все вместе взятое наносит прямой ущерб задачам коммунистического воспитания трудящихся. Постановляющая часть гласила: «За грубое нарушение директив коммунистической партии и советского государства по вопросам религии и церкви и превышение предоставленных прав председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР т. Карпову объявить выговор». Другим пунктом «ликвидировался» институт уполномоченных по всей стране.

С февраля 1948 г. по май 1949 г. решалась судьба Карпова и совета в целом. Можно предполагать, что не все в высших эшелонах партии «желали крови». Проект решения Оргбюро ЦК от 28 февраля так и остался проектом. Вместо него был подготовлен новый проект – «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника “крещения” в г. Саратове», куда перекочевали некоторые из «претензий» к Карпову, и который был показан Сталину. Тот «добро» не дал, о чем свидетельствует сделанная красным карандашом на проекте рукой М. А. Суслова надпись: «Решение не принималось. Вопрос был т. Маленковым лично доложен т. Сталину». Запущенная в ход машина устрашения и расправы была остановлена. По всей видимости, в период разработки политических «Ленинградского дела», «дела Госплана» Сталин не посчитал столь актуальным и своевременным «запускать» «дело Совета по делам Русской православной церкви». Все же ЦК партии, чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, в июле 1950 г. рассмотрел на Секретариате вопрос «О работе Совета по делам Русской православной церкви с кадрами Уполномоченных» и обязал совет «укрепить кадры Уполномоченных». Но это решение было уже скорее на руку Карпову, который смог в ходе выполнения постановления ЦК избавиться от наиболее одиозных уполномоченных.

«Антисоветская кампания», организованная отделом пропаганды и агитации ЦК партии в 1947–1950 гг., свидетельствовала о том, что контроль за деятельностью Совета по делам Русской православной

церкви вышел из зоны ответственности государственных органов власти и перешел в орбиту влияния идеологических структур ЦК ВКП(б).

Стремясь стабилизировать ситуацию в государственно-церковных отношениях, Карпов ищет то, что могло бы объединить интересы государства и церкви. В 1951 г. такой темой стало участие Русской церкви в движении сторонников мира. Никто церковь к этому не принуждал, никто ее никуда не заталкивал – все это домыслы. Патриарх Алексий и митрополит Николай (Ярушевич) сами выступили с такой инициативой, выражающей гражданскую позицию верующих и духовенства, и просили Карпова содействовать положительному отношению к ней правительства. Карпову удалось этого добиться, а это в свою очередь потянуло за собой положительное отношение и к другим проблемам церкви: пополнение епископата; сохранение числа приходского духовенства; оживление деятельности епархиальных управлений; возобновление практики посвящения в духовный сан мирян; возвращение ранее уволенных за штат священнослужителей. Самым громким мероприятием по этой линии, поддержанным обоими советами, стала Конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР (май 1952 г.).

Вообще, мы мало знаем о внутренней «кухне» советов. Подчас очень поверхностно и поспешно судим о людях, которые там работали; с позиции дня сегодняшнего; забываем, что они жили и действовали в иных, чем сегодня, обстоятельствах, и оценку их деятельности надо давать с учетом той идеологической, социально-политической и правовой реальности, в которой они существовали.

В начале 1950-х гг. жизнь советов, казалось, вошла в прежнюю колею. Небольшие коллективы жили жизнью подобных им организаций того времени – вместе отмечали государственные праздники, выезжали за город, участвовали в художественной самодеятельности, сажали картошку на выделенных участках земли, организовывали соцсоревнование и товарищеские матчи по шахматам и волейболу. Активно работали кружки политучебы и по изучению биографии И. В. Сталина. На профсоюзных собраниях обсуждались проблемы укрепления трудовой дисциплины; предъявлялись руководству претензии – выделить комнату для Красного уголка, выделить спецодежду для дежурных, сделать форточку в спецчасти и т. д. Стали заметно чаще проводиться совместные мероприятия обоих советов: совещания и семинары уполномоченных, объединенные заседания руководства для решения вопросов, представляющих обоюдный интерес. Появились такие формы работы, как межведомственные консультативные совещания с участием представителей советов, министерств юстиции и госбезопасности РСФСР, Генпрокуратуры СССР, Верховного суда СССР.

Время от времени выявляемые в архивах материалы убеждают, что в аппарате совета сталкивались разные точки зрения на политику государства в отношении религиозных объединений. К примеру, в ноябре 1952 г. И. В. Полянский пишет конфиденциальное письмо секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову: «Некоторые ответственные работники, вплоть до члена Совета, начали добиваться резкого изменения тактики в отношении религиозных центров. Конкретно этими работниками выдвигаются предложения: активно вмешиваться во внутреннюю жизнь религиозных центров вплоть до запрещения им рассылать своим верующим обращения, связанные с проведением религиозных праздников; лишить центры права планирования доходов и расходов денежных средств, собираемых в мечетях, костелах, церквях и т. п. молитвенных зданиях; заставить центры дать указание о сокращении количества религиозных праздников; взять курс на закрытие католической духовной семинарии; не позволять представителям религиозных центров выезжать в подчиненные им мечети, костелы, церкви; и т. п. предложения, имеющие своим назначением не вызванное ущемление этих центров». Полянский четко заявляет свою позицию: не вести политику искусственного «ограничения и ликвидации» религиозных центров; не превращать Совет в «государственный орган борьбы с религией», избегать вмешательства во внутреннюю жизнь религиозных центров и организаций.

И партийные идеологи, и Советы, и руководство Московской патриархии и других религиозных организаций – все понимали, что продолжительность достаточно «спокойных» государственно-церковных отношений начала 1950-х гг. будет всецело зависеть от продолжительности жизни одного человека – И. В. Сталина. Но... март 1953 г. наступил, и вся страна оказалась на пороге нового времени.

* * *

После смерти Сталина наступила ситуации неопределенного настоящего и неизвестного будущего советов. Карпов и Полянский сохраняли верность идеям конкордата 1943–1944 гг. и желали их конструктивного развития, вплоть до отмены постановления 1929 г. и принятия нового законодательного акта, регулирующего деятельность религиозных объединений; возобновления регистрации религиозных объединений.

Но в сферах партийно-государственных, от которых только и зависела судьба государственно-церковных отношений, происходили процессы, неподвластные Карпову и Полянскому. Возглавлявшие союзное правительство Г. М. Маленков (1953–1955) и Н. А. Булганин (1955–1958) не вникали в государственно-церковные отношения, не считая их первостепенной проблемой внутренней политики

государства. Они, в отличие от Сталина и Молотова, осознанно отдавали инициативу в формировании церковной политики партийным инстанциям и выражали готовность выполнять их указания.

Перестройка в вероисповедной политике: от прежнего «конкордата» к партийно-идеологическому диктату на содержание, сущность и направленность вероисповедной политики продолжалась в течение последующих пяти лет. Советам удавалось удерживать религиозную статистику, а значит, и ситуацию на местах, взаимоотношения верующих и власти в более или менее стабильном состоянии. Если на начало 1953 г. насчитывалось 18 591 объединение, то на начало 1958 г. — 18 564. Можно сказать, что 1958 г. замкнул начавшийся в 1943 г. период нормализации и стабилизации государственно-церковных отношений. Последующие годы, вплоть до 1965 г., будут связаны с политикой партии и государства, возглавляемых Н. С. Хрущевым, когда все положительное, что было достигнуто в предшествующий период, получит критическую переоценку, будет расценено как отступление от «ленинской вероисповедной политики», как проявление «сталинизма», с которыми необходимо бороться.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КИРГИЗСКОЙ ССР

Тема репрессий против граждан собственного государства вызывала и вызывает устойчивый интерес не только потому, что это касается огромного количества людей, но также неразрывно связано с судьбами этих людей, чьи имена являются важной составляющей в воссоздании и сохранении социальной памяти. Наше государство пытается очиститься от совершенных им ранее преступлений, выраженных в форме закона о реабилитации, который восстановил историческую справедливость и честные имена десятков тысяч репрессированных граждан.

Среди республиканских публикаций по вопросам сталинских репрессий и реабилитации репрессированных труды Ю. Абдрахманова¹, Р. Хелимской², Д. Ш. Кызаевой, Т. Д. Доценко, С. И. Бегалиева³, С. В. Плоских⁴, Д. Д. Джунушалиева⁵, П. И. Дятленко⁶ и др.

Источниками по вопросам репрессий против граждан Кыргызстана в данной статье являются делопроизводственные и следственные документы государственных (ЦГА ПД КР) и ведомственных (ГСНБ КР, ВС КР) архивов.

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину / авт. вступ. ст. Д. Д. Джунушалиев, И. Е. Семенов. Фрунзе, 1991; Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена) / под ред. К. К. Каракеева, В. М. Плоских. Бишкек, 1991.

² Хелимская Р. Тайна Чон-Таша. Бишкек, 1994.

³ Кызаева Д. Ш., Доценко Т. Д., Бегалиев С. И. Архивные документы свидетельствуют: Депортированные народы в Кыргызстане. Бишкек, 1995.

⁴ Плоских С. В. Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана. Историко-социолингвистическое наследие Е. Поливанова и К. Тыныстановы. Бишкек, 2001; Ее же. Репрессированная культура Кыргызстана (малоизученные страницы истории) / отв. ред. А. Ч. Какеев. Бишкек, 2002.

⁵ Джунушалиев Д. Д. Время созидания и трагедий. 20–30-е годы XX века / отв. ред. К. К. Каракеев. Бишкек, 2003.

⁶ Дятленко П. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.) URL: <http://literatura.kg/articles/?aid=1308>

С репрессиями тесно связан процесс реабилитации жертв политических репрессий в республике, который продолжался в течение 45 лет (1954–1999 гг.) и который сегодня полностью завершен. Было реабилитировано около 40 тыс. осужденных по политическим обвинениям граждан (за исключением лиц, совершивших тяжкие уголовные преступления или причастных к проведению политических репрессий). Быстрее проходила реабилитация политических деятелей и коммунистов, медленнее – бывших белогвардейцев, советских военнопленных, верующих и духовенства⁷.

В Киргизской ССР репрессии в значительных масштабах начались еще в конце 20-х годов, а во второй половине 30-х годов аресты приняли массовый характер. Большую роль в этом сыграл Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов, в том числе и верующих. Была утверждена дата начала операции (10 августа 1937 г.) и количество лиц, подлежащих репрессиям:

	Первая категория	Вторая категория	ВСЕГО
Киргизская ССР	250	500	750

Все репрессируемые: кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбивались на две категории: подлежащие немедленному аресту и в дальнейшем – расстрелу. И подлежащие аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет. Разreshалось уменьшение цифр, а также перевод репрессированных лиц из первой категории – во вторую и, наоборот⁸.

В конце января 1938 г. постановление ЦК ВКП(б) утвердило дополнительные лимиты на количество репрессированных по приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г.

Киргизская ССР 500 чел. по 1 категории⁹

Таким образом, запланировано было репрессировать 1 250 чел., но сколько пострадало на самом деле – неизвестно. В республике было

⁷ Там же.

⁸ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза С.С.Р. № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов. URL: <http://www.memo.ru/history/document/0447.htm>

⁹ Постановление ЦК ВКП(б) об утверждении дополнительных лимитов на репрессии по приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. 31 января 1938 г. URL: <http://istmat.info/node/35316>

четыре тюрьмы, в которых содержались задержанные, – во Фрунзе, Оше, Караколе и Нарыне, а сколько было расстреляно – вообще неизвестно. В Мемориальном комплексе жертвам репрессий «Ата-Бейит» («Кладбище отцов») в сел. Чон-Таш Чуйской области (в 30 км от столицы – гор. Бишкек), захоронены тела 137 кыргызстанцев 19 национальностей. Жертвы чон-ташского расстрела представляли широкий этнический спектр: киргизы, русские, дунгане, уйгуры, немцы, украинцы и др.¹⁰ Среди них были представители различных конфессий: мусульмане, христиане, буддисты, иудеи.

В 1996–1997 гг. Государственный совет национальной безопасности республики сделал попытку ознакомить общественность с материалами по репрессивной политике государства и издал два сборника: «Восстанавливаем историческую справедливость» (вып. 1 и 2, готовился 3-й выпуск, который так и не увидел свет).

Сборники позволяют нам полностью узнать лишь фамилию, имя, отчество, место рождения, год ареста и все... В обоих сборниках указано 8249 человек, а также география рождения репрессированных (760 населенных пунктов).

Возможно стало определить возраст репрессированных. Оказалось, что среди них 60 % составляют представители старшего поколения, родившиеся во второй половине XIX в. И это понятно: ведь именно эта категория репрессированных являлась носителями «старорежимного» образа жизни и религиозного мировоззрения.

Дата рождения арестованного	Вторая половина XIX в.	Начало XX в.	1910-е гг.	1920-е гг.	1930-е гг.
	1875 (60 %)	723 (23 %)	415 (13 %)	124 (4 %)	11 (0,4 %)

Следующим вопросом стало выявление «лика» репрессий.

Годы ареста	1920-е гг.	30-е годы XX в.		1940-е гг.	1950-е гг.
		1930–1936 гг.	1937–1939 гг.		
	84 (3 %)	766 (24 %)	785 (25 %)	1395 (44 %)	118 (4 %)
		1530 (49 %)			
Всего: 31 482*					

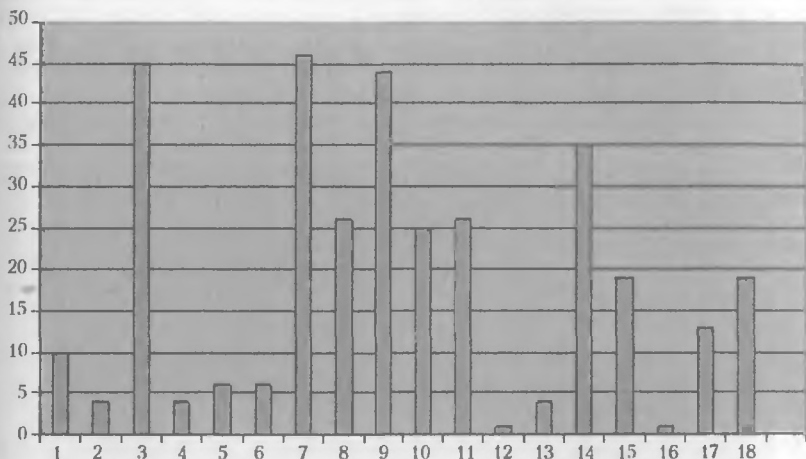
¹⁰ Кэтрин Оуэн. Мемориал Ата-Бейит: Кыргызстан закрывает возможность диалога с советским прошлым. URL: <http://www.cogita.ru/pamyat/istoricheskaya-politika/memorial-ata-beiit-kyrgyzstan-zakryvaet-vozmozhnost-dialoga-s-sovetskim-proshlym>

* Восстанавливаем историческую справедливость. Вып. 1. Бишкек: Учкун, 1996; Вып. 2. Бишкек: Учкун, 1997.

Данные свидетельствуют, что в 30-е годы количество арестованных составляет 49 %, а в 40-е годы – 44 %. Данные таблицы подтверждают, что пик арестов приходился на 30–40-е годы XX в.

На первой гистограмме представлены данные о религиозных организациях в Киргизской ССР, выявленные по делам реабилитированных в 50–90-е годы XX в.

Гистограмма 1

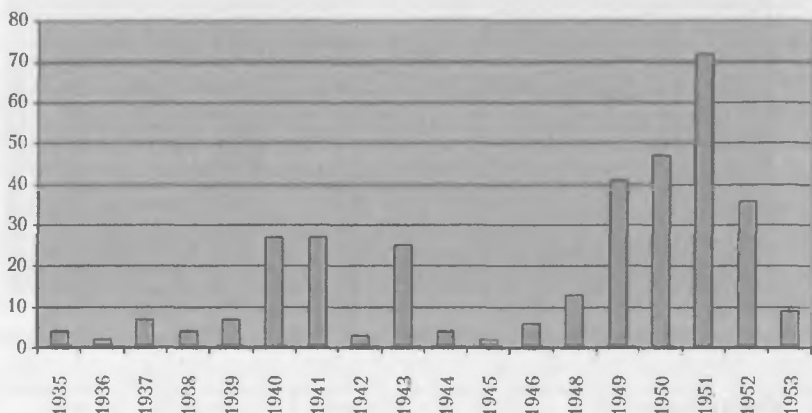
Среди них:

1. Православные
2. Старообрядцы
3. Истинно-православная церковь
4. Последователи Ильи-крестителя
5. Секта хлыстов
6. Секта хлыстов Старого Израиля
7. Ислам
8. Баптисты
9. Адвентисты седьмого дня
10. Пятидесятники
11. Меннониты
12. Мормоны
13. Евангелисты
14. Свидетели Иеговы
15. Субботники
16. Балтийско-Евангельский блок
17. Адвентисты-реформисты верного остатка
18. Религиозные убеждения

Причем большее количество репрессированных последователей приходится на истинно Православную церковь, Ислам, адвентистов седьмого дня, свидетелей Иеговы. Вторыми по количеству репрессированных стали баптисты, пятидесятники, меннониты, субботники, адвентисты-реформисты верного остатка и просто пострадавшие за религиозные убеждения. В основном – представители протестантских организаций. Православные христиане также преследовались, но большая их часть была уничтожена еще в послереволюционный период, в 20-е и 30-е годы.

Вторая гистограмма позволяет нам увидеть динамику репрессий в республике.

Гистограмма 2

За 1935–1953 гг. было арестовано 334 человека. Причем рост репрессий приходится на 1949–1952 гг., а пик – на 1951 г., что было связано с новым «закручиванием гаек» государством в послевоенный период против послаблений военного времени.

И хотя Православие и Ислам в годы Великой Отечественной войны сделали все возможное, а иногда и невозможное, чтобы поддержать воюющую страну и советский народ, тем не менее они продолжали преследоваться государством¹¹.

¹¹ Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Постановления Президиума по уголовным делам (1954 г.) за 1949 г. Д. 14–34. Л. 40–42; Д. 14–62. Л. 93–96; Д. 14–66. Л. 100–103; Там же. За 1950 г. Д. 14–35. Л. 49–51; Там же. За 1951 г. Д. 14–26. Л. 52–59; Д. 14–67. Л. 81–89; Там же. За 1952 г. Д. 14–21. Л. 26–28; Д. 14–36. Л. 67–69; Д. 14–80. Л. 117–121; Там же. За 1953 г. Д. 14–6. Л. 3–5. Архив ВС КР. Постановления Президиума Верховного суда по всем областям (1955 г.) за 1941 г. Д. 14–129. Л. 215–220; Там же. За 1948 г. Д. 14–17. Л. 37–40; Там же. За 1949 г. Д. 14–5. Л. 10–13; Д. 14–

19. Л. 41–42; Д. 14–22. Л. 46–50; Д. 14–84а. Л. 76–79; Д. 14–69. Л. 150–152; Д. 14–83. Л. 176–179; Д. 14–135. Л. 238–239; Там же. За 1950 г. Д. 14–11. Л. 25–28; Д. 14–23. Л. 51–54; Д. 14–51. Л. 115–120; Д. 14–95. Л. 196–199; Д. 14–134. Л. 234–237; Там же. За 1951 г. Д. 14–3. Л. 7–9; Д. 14–35. Л. 80–81; Там же. За 1952 г. Д. 14–24. Л. 55–66; Д. 14–59. Л. 135–143; Д. 14–73. Л. 159–162; Д. 14–121. Л. 205–210; Там же. За 1953 г. Д. 14–1. Л. 1–4; Д. 14–33. Л. 73–75; Д. 14–203. Л. 192–197. Архив ВС КР. Постановления Президиума Верховного суда Киргизской ССР (1956 г.). За 1941 г. Д. 14–86. Л. 202–213; Там же. За 1943 г. Д. 14–11. Л. 1–10; Д. 14–35. Л. 95–99. Архив ВС КР. Постановления Президиума Верховного суда по контрреволюционным делам (по всем областям) (1957 г.). За 1937 г. Д. 14–67. Л. 175–180. Архив ВС КР. Постановления Президиума Верховного суда республики по контрреволюционным делам (1961 г.). За 1936 г. Д. 14–13. Л. 6–9. Архив ВС КР. Постановления Президиума Верховного суда Киргизской ССР по контрреволюционным делам (1964 г.). За 1941 г. Д. 14–17. Л. 87–91; Там же. За 1952 г. Д. 14–13. Л. 72–77. Архив ВС КР. Постановления Президиума Верховного суда Киргизской ССР по контрреволюционным делам (1966 г.). За 1941 г. Д. 14–1. Л. 5–8; Там же. За 1949 г. Д. 14–11. Л. 43–46; Там же. За 1950 г. Д. 14–14. Л. 3–4. Архив ВС КР. Постановления Президиума Верховного Суда Киргизской ССР по контрреволюционным делам (1969 г.). За 1940 г. Д. 4. Л. 8–12. Архив ВС КР. Постановления Президиума Верховного суда Киргизской ССР по контрреволюционным делам (1975 г.). Оп. 3. За 1943. Д. 12–16. Л. 17–24. Архив ВС КР. Постановления Пленума и Президиума Верховного суда за 1989 г. Оп. 3; Там же. За 1936 г. Д. 9а–575. Л. 131–132; Там же. За 1937 г. Д. 9а–548. Л. 187–188. Архив ВС КР. Постановления Пленума и Президиума Верховного суда Киргизской ССР по контрреволюционным делам (1989 г.). Оп. 1т; За 1940 г. Д. 9а–90. Л. 23–25; Д. 9а–239. Л. 141–143; Там же. За 1945 г. Д. 9а–75. Л. 16–18; Там же. За 1946 г. Д. 9а–98. Л. 41–44; Там же. За 1948 г. Д. 11а–19. Л. 67–69; Там же. За 1949 г. Д. 11–26. Л. 61–63; Д. 11–13. Л. 4–6; Там же. За 1951 г. Д. 11–41. Л. 101–104. Архив ВС КР. Постановления Пленума, Президиума Верховного суда Киргизской ССР (1989 г.). Оп. 2т; Там же. За 1952 г. Д. 11а–66. Л. 5–6; Д. 11а–70. Л. 75–76. Архив ВС КР. Постановления Пленума Верховного суда Киргизской ССР по контрреволюционным делам (1990 г.). Т. 1; Там же. За 1950 г. Д. 11а–78. Л. 2–3. Архив ВС КР. Постановления Президиума Пленума Верховного суда (1990 г.). За 1939 г. Д. 9а–383. Л. 143–144; Там же. За 1942 г. Д. 9а–894. Л. 30–31; Там же. За 1948 г. Д. 11а–19. Л. 248–150; Д. 9а–1049. Л. 162–163; Д. 9а–1050. Л. 165–166; Там же. За 1949 г. Д. 11а–31. Л. 273–274; Там же. За 1950 г. Д. 11а–35. Л. 285–287; Там же. За 1951 г. Д. 11а–38. Л. 292–293; Там же. За 1953 г. Д. 11а–26. Л. 263–264. Архив ВС КР. Постановления Верховного суда Киргизской ССР (1990 г.). Т. 4. Оп. 9а–579–785; Там же. За 1939 г. Д. 9а–732. Л. 268–269 об; Там же. За 1941 г. Д. 9а–721. Л. 236–238; Там же. За 1944 г. Д. 9а–745. Л. 294–297. Архив ВС КР. Постановления Президиума и Пленума Верховного суда (1990 г.). Т. 3 Оп. 9а–394–577; Там же. За 1935 г. Д. 9а–480. Л. 84–85; Там же. За 1937 г. Д. 9а–393. Л. 1–2; Там же. За 1950 г. Д. 9а–478. Л. 80–81; Д. 9а–552. Л. 206–207. Архив ВС КР. Постановления Пленума и Президиума (1990 г.). Т. 5; Там же. За 1941 г. Д. 9а–862. Л. 166–167. Архив ВС КР. Постановления Пленума и Президиума (1990 г.). Т. 1; Там же. За 1940 г. Д. 9а–03. Л. 1–3; Там же. За 1941 г. Д. 9а–60. Л. 9–110; Там же. За 1949 г. Д. 9а–07. Л. 11–12; Д. 9а–113. Л. 206–209; Д. 11а–7689. Л. 349–351; Там же. За 1950 г. 9а–16; Д. 11а–09. Л. 341–344; Там же. За 1953 г. Д. 9а–292. Л. 329–329 об. Архив ВС КР. Определения по контрреволюционным делам (1990 г.). Т. 1; Там же. За 1941 г. Д. 5а–161. Л. 58–59; Д. 5а–690. Л. 230–231. Архив ВС КР. Определения Коллегии по контрреволюционным делам за 1991 г. Т. 1; Там же. За 1939 г. Д. 5а–19. Л. 18–18 об.; Там же. За 1942 г. Д. 5а–45. Л. 56–56 об.; Д. 5а–45. Л. 56–56 об.; Там же. За 1943 г. Д. 5а–64. Л. 62. Архив ВС КР. Постановления по контрреволю-

Анализ архивных материалов позволил нам сделать вывод о том, что репрессивные действия государства катком прошли по населению бывшего СССР, причем этническая и конфессиональная принадлежность не брались в расчет. Необходимо отметить, что из репрессированных по религиозным мотивам к расстрелу были приговорены несколько человек, а остальные к большим срокам заключения (25 лет). В процессе реабилитации все осужденные были признаны невиновными.

Общее число реабилитированных граждан почти совпадает с числом репрессированных по политическим мотивам граждан. Государство и сегодня не предоставляет возможности исследователям изучать и обнародовать сведения о подлинном количестве репрессированных, местах лишения свободы и захоронений казненных в годы сталинских репрессий граждан.

люционным делам Президиума и Пленума 1991 г. Т. 1; Там же. За 1937 г. Д. 9а-100. Л. 109-109 об.; Там же. За 1943 г. Д. 9а-137. Л. 129-129 об. Архив ВС КР. Постановления Пленума и Президиума по контрреволюционным делам 1991 г. Т. 2; Там же. За 1941 г. Д. 9а-360. Л. 172-172 об.; Там же. За 1948 г. Д. 9а-350. Л. 171-171 об.; Там же. За 1950 г. Д. 11-021. Л. 46-47; Там же. За 1952 г. Д. 11а-30. Л. 114-114 об. Архив ВС КР. Определения Коллегии по контрреволюционным делам за 1991 г. Т. II; Там же. За 1938 г. Д. 6а-174. Л. 55; Д. 5а-208. Л. 82. Архив ВС КР. Определение Коллегии по контрреволюционным делам за 1992 г. Т. I; Там же. За 1938 г. Д. 5а-10. Л. 9-10; Там же. За 1940 г. Д. 5а-21. Л. 26-27. Архив ВС КР. Постановления Пленума и Президиума по контрреволюционным делам за 1992 г. Т. I; Там же. За 1938 г. Д. 9а-05. Л. 6-7; Там же. За 1940 г. Д. 9а-42. Л. 41-42 об.; Там же. За 1941 г. Д. 9а-041. Л. 35-35 об.; Д. 9а-176. Л. 111-112; Там же. За 1949 г. Д. 11а-009. Л. 24-24 об.; Д. 11а-06. Л. 27-28. Архив ВС КР. Копии Постановлений Президиума Верховного суда по реабилитации (1995-1996-1997-1998-1999) за 1943 г. Д. 9а-34. Л. 11-12. Архив ВС КР. Определения Судебной коллегии по репрессированным делам за 1994 г. За 1941 г. Д. 5а-81. Л. 120-121.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕПИСКОПАТ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПРОВИНЦИИ: МЕЖДУ ВЕРОЙ И ВЛАСТЬЮ¹

Православие в послевоенной России остается сравнительно слабоизученной областью общественной жизни. Довоенный период представляется в историографии временем острого конфликта власти и церковных структур, длившимся с различной интенсивностью вплоть до пика Большого террора². При этом советской агитацией намеренно лепился образ врага-священника³. Содержание же внутрицерковной жизни военного и послевоенного времени как в историографии, так и в общественном восприятии представлено довольно смутными образами. Очевидно, что системообразующими для жизнедеятельности церковных структур оставались отношения с государственной властью. И здесь, как и прежде, ключевой фигурой, определявшей потенциал этих отношений, оставался епархиальный архиерей⁴.

В свете историографии проблемы особый интерес представляют два аспекта. Во-первых, характеристика (коллективный портрет) православного епископата послевоенного времени (ясно, что в послевоенный период изменилась практика замещения епископских

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-31-001249a2 и темплана Минобрнауки России, проект № 3063 (СмоЛГУ).

² Шкаровский М. В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 2010; Фирсов С. Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: Очерки истории. М., 2014.

³ Леонтьева Т. Г. Конструирование образа врага как предпосылка массовых репрессий духовенства (на материалах Калининской области, 1930-е годы) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 350–361; Леонтьева Т. Г. Образ православного священника в советской прессе: 1937 год // Вестник русского христианского движения. Париж, 2010. № 197. С. 140–150.

⁴ Каиль М. В. Провинциальные архиастыри России: служение в 1917 – середине 1920-х годов // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. 2013. № 2. С. 15–25; Каиль М. В. Архиепископ Филипп (Ставицкий): биография и память о православном лидере в истории церкви XX века // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 203–222.

кафедр и среда, формирующая епископат). Во-вторых, система взаимоотношений епископов как акторов, представляющих интересы всего церковного общества (православного мира), с государственными структурами и чиновниками, администрирующими церковную сферу от лица партии и государства. Здесь, прежде всего, имеются в виду советы по делам религиозных культов и делам РПЦ при СНК СССР и региональные уполномоченные советов, во взаимодействии с которыми и протекала вся церковно-административная работа архиереев.

Основным источником информации по обозначенному кругу вопросов являются материалы фонда Совета по делам РПЦ при СНК (ГА РФ. Ф. 6991), а именно информационные отчеты региональных уполномоченных совета, персональные дела и характеристики епархиальных архиереев, их переписка с советом и перлюстрация корреспонденции епископата и Московской патриархии, также хранящаяся в делах совета.

Наиболее полную и достоверную картину положения православного епископата в послевоенный период дают материалы личных дел владык в фондах Совета, их перлюстрированная переписка. И наиболее рельефно картина происходившего предстает при обращении к биографиям конкретных архиереев. Обратимся к примеру трех иерархов-ровесников (1883–1884 гг. рождения), в разное время пребывавших на Смоленской кафедре и ряде других кафедр Русской православной церкви.

Известно, что в послевоенной церкви оставались единицы архиереев дореволюционной хиротонии. К числу таковых относился и архиепископ Астраханский Филипп (Ставицкий). Он был архипастырем с одной из самых долгих архиерейских судеб в своем поколении.

Положение иерарха в церковной среде также было особым – в той сложной послевоенной обстановке, характеризовавшейся явным дефицитом архиерейских и священнических кадров, он дважды отказался от назначения на новую кафедру (в ноябре 1943 г. назначен архиепископом Иркутским, но в епархию не поехал, опираясь на многочисленные ходатайства своей астраханской паствы; в 1947 г. не принял назначение, предложенное накануне лично патриархом, на Херсонскую и Одесскую кафедру с последованием митрополичьего сана). Всякий раз следовали ходатайства верующих и, редкий случай, Священный Синод менял свое решение⁵.

С июня 1944 г. архиепископу Астраханскому Филиппу было поручено также управление Сталинградской епархией. При этом сами сталинградцы, свидетельствуя о своей любви и уважении к архипа-

⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 119. Л. 9–13.

стырю, ходатайствовали о назначении отдельного епископа, обязуясь даже содержать его⁶. С этого времени архиепископ находился под постоянным наблюдением уполномоченного Совета по делам РПЦ по Сталинградской области – в делах совета оформилось довольно информативное дело, характеризующее послевоенный период служения владыки.

Об отношении самого иерарха к назначениям известно из перлюстрации его письма к одному из ближайших помощников патриарха Сергия: «О себе, что могу сказать? После той глубокой обиды, которая была нанесена мне первоначальным назначением в Иркутск – при имевшихся тогда свободных кафедрах, быть может, более подходящих для меня во многих отношениях, – сейчас я, конечно, утешаюсь и умиляюсь трогательной любовью ко мне паствы и ее усердием к молитве и слушанию слова Божия... А внешние условия жизни, как бы ни были они прекрасны, никогда меня не интересовали и сейчас совершенно не интересуют. Мне – благодарю Бога моего, всегда и везде было хорошо, – даже там, где другим казалось очень плохо»⁷. В том же письме архиепископ делится своими взглядами на ключевые вопросы управления церковью – подталкивал своего адресата активнее участвовать в делах патриарха, которого, не бывало для иерарха, называет «дедушкой». Он критикует работу Синода, в котором сам присутствовал на осенней сессии 1943 г. Резкой критики архиепископа удостаивается и практика принятия в общение обновленцев (при этом сам Филипп, как следует из документов патриарха Тихона, в 1923 г. уклонялся в обновленчество⁸, о чем позднее, видимо, предпочитал не вспоминать): «Мы с такими распростертыми объятиями бросились принимать их, как будто и в самом деле эти кающиеся блудные сыны – великое для церкви сокровище». Таково же отношение к новым архиерейским хиротониям: «Мы почти буквально хватаем сейчас за полы и тащим в архиереи всякого мало-мальски подходящего к этому по внешним данным. Вдовый священник – давай его сюда; полуграмотный архимандрит – тоже. И совершенно почти не разбираемся, что представляют из себя эти кандидаты в отношении умственного и морального развития и духовного содержания»⁹.

Сам же архипастырь не был избавлен ни от обоснованной критики, ни от наветов. В 1946 г. к уполномоченному по делам РПЦ Сталинградской области обратился соискатель священнического места, в котором архиепископ ему дважды отказал, мотивируя это отсут-

⁶ Там же. Л. 21.

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 321.

⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 119. Л. 17 об.

ствием личного знакомства, и в то же время лично не принимая прибывшего из другой области кандидата¹⁰. В следующем году архиепископ учредил «взнос в сумме 3000 рублей на приобретение легковой машины для его высокопреосвященства» (т. е. себя), чему воспротивился церковный совет Покровского молитвенного дома (храма не было, и община только начала существовать!), просивший сократить означенную сумму вдвое¹¹.

Ранее архиепископ вынужден был давать отповедь на навет о его частной жизни – в Московскую патриархию поступило письмо с обличением архиерея в сожительстве с помощницей по хозяйству (немалая часть подобных наветов была немотивированной, хотя имеющиеся материалы никак не позволяют оценить подобную информацию)¹².

В работе архиепископа в составе Синода в 1943, 1945–1946 гг. можно отметить одну заметную черту – консерватизм, стремление приостановить нововведения. Он явил себя противником массового крещения взрослого населения (ситуация возникла естественно в послевоенное время и на пике всплеска религиозной жизни в 1943 г.)¹³. В ту же сессию Синода в июле 1945 г. архиепископ предложил «увековечить память павших *вождей и воинов* в Великую Отечественную войну». В формулировке Филиппа обращает на себя внимание упоминание «вождей», так и не вошедшее в текст панихиды совершенной по всей России в день Усекновения главы Иоанна Предтечи 1945 г.¹⁴ Сам архиепископ не чурался обращения к высшей власти. Так, несколько ранее, в 1944 г., на страницах «Правды» было опубликовано письмо владыки к И. В. Сталину о пожертвовании 175 тыс. руб. на нужды армии и ответ-благодарность Сталина (такой факт публичного общения главы государства с церковным иерархом был едва ли не единичным). При этом в отстаивании своей позиции архиепископ Филипп действовал без оглядки на синодальную или политическую конъюнктуру. И нередко его позиция одерживала верх.

Примечательна по содержанию и настроению одна из общественно значимых проповедей архиепископа Филиппа, произнесенная им за патриаршим богослужением в кафедральном Елоховском соборе в день памяти всех святых в земле Российской, просиявших 8 июля 1945 г. Здравницы, как тогда казалось, примирившемся с церковью И. В. Сталину соседствовали в церковной проповеди с прославлени-

¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 119. Л. 24.

¹¹ Там же. Л. 25.

¹² Там же. Л. 15–17.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 34а. Л. 14.

¹⁴ Там же. Л. 20 об.

ем русских святых и формулами идеализации «богоносного русского народа»: Не так давно наш великий вождь и мудрый глава нашего государства И. В. Сталин на приеме в Кремле тех славных полководцев, воинское искусство которых и любовь к Родине дали нам такую блестящую историческую победу над жесточайшим врагом человечества, в заключение этого приема возгласит здравицу за русский народ, сказавши, что в одержанной нами победе среди всех других народов нашей великой страны русский народ имел преимущественное значение, что мы одержали победу, благодаря «его стойкости, ясности ума и терпению... Но, говоря о величии русского народа, нельзя умолчать того, что особенно ярко говорит о его величии и духовной красоте. Это – тот народ, который дал праведников, подвижников, великих святых, тех, кого мы называем “земными ангелами и небесными человеками”, тех, о которых, говоря обычным языком, следует сказать, что это были самые светлые, самые прекрасные личности; это были люди по своему нравственному облику идеальные, это – богатыри духа»¹⁵. Соседство вынужденных политически выверенных оборотов и традиционного нравоучительного контекста проповеди как нельзя лучше отражает переломный характер эпохи и положение архипастырей той поры.

Служение же владыки на родной для него кафедре продолжалось до декабря 1952 г., когда он скончался во время визита в Москву. Он продолжал играть видную роль в рядах высшей иерархии, принимая участие в праздновании 500-летия автокефалии Русской церкви и объединив в конце жизни под своей властью еще и Саратовскую кафедру.

Но епископские кадры дореволюционного поставления, равные по опыту служения архиепископу Филиппу, в послевоенной России можно было перечесть буквально на пальцах одной руки. Из кого же формировался послевоенный епископат, когда на освобожденных территориях, церковная жизнь которых была восстановлена в оккупации и где были учреждены органы церковного управления (ряд сотрудничавших с оккупантами епископов, кстати, предпочли уйти с оккупантами – примером здесь может служить судьба оккупационного епископа Смоленского Стефана (Севбо) требовалось укомплектовывать органы церковного управления новыми кадрами? В определенной степени нельзя не признать справедливость оценок архиепископа Филиппа – во епископы поставлялись хоть сколь угодно соответствовавшие канону вдовые клирики, нередко и с обновленческим прошлым. В назначении непосредственно участвовал

¹⁵ Журнал Московской патриархии (ЖМП). 1945. № 8. С. 53.

Совет по делам РПЦ, взаимодействуя при этом с органами МГБ (свидетельства чего сохранились и в персональных делах епископов). К числу таких типичных новопоставленных епископов относился и первый послевоенный Смоленский епископ Сергей (Смирнов). С 1910 г. он был в священстве, но перед войной, в 1939 г., вышел за штат (причины чего остаются неясными). Собственноручно написанная новонареченным епископом автобиография свидетельствует о синкретизме сознания, надо полагать, целого поколения его собратьев по епископству. В анкете значится, что в 1883 г. он родился в «Ленинграде» и является «сыном диакона Института Гражданских Инженеров». Причем приводился современный адрес местонахождения учреждения (Ленинград, Международный пр.). Окончил полный курс Санкт-Петербургской духовной академии в 1908 г., два года служил учителем, затем служил священником в нескольких уездах. Отдельно отмечена в анкете работа членом Комитета Красного Креста. С 1919 по 1939 г. прослужил священником на одном приходе в Волосовском уезде, овдовел, ушел за штат и поселился у детей в Малой Вишере. При немецком наступлении эвакуировался в Иркутск, где служил библиотекарем при Иркутском университете, в 1944 г. из эвакуации назначен на сельский приход в Калининской области¹⁶. Спустя несколько месяцев (в ноябре 1944 г.) последовал синодальный указ о назначении на Смоленскую кафедру¹⁷.

В отношениях с региональным уполномоченным совета епископ Сергей отличался податливостью. Уполномоченный свидетельствовал о личных пороках епископа (морфинист), сопутствовавших слабому его здоровью. В одном из отчетов Сергей удостоился такой характеристики от своего светского «куратора»: «Управляющий епархией мало интересуется церковной жизнью своей епархии, церквей не посещает вследствие слабого здоровья, однако там, где хорошо встречают – он, несмотря на слабое свое здоровье, делает выезды и на довольно приличные расстояния». Епархиальный секретарь протоиерей Валентин (Поликарпов) также обвинял епископа «в бездеятельности и алчности, называя его ограниченным человеком»¹⁸. Сохранившиеся в делах совета пастырские воззвания Сергея действительно характеризуют его как посредственного проповедника. Несмотря на наличие полного священнического образования, Сергей никогда не затрагивал в проповеди Евангельские сюжеты¹⁹.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 108. Л. 3–5.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 204. Л. 7–9.

¹⁹ Там же. Л. 30–34.

А его заискивание перед уполномоченным (отчитывался о проведенных советах и беседах с благочинными, передавая протоколы рабочих заседаний, даже несмотря на нежелание уполномоченного с ними знакомиться) вызывали только раздражение и презрение со стороны последнего. Многочисленные конфликты в приходах, немалое число жалоб и обращений в совет свидетельствуют о весьма слабых административных способностях епископа, несшего свое высокое церковное послушание в силу своих возможностей. За 10 лет служения на кафедре он не сумел решить значимых епархиальных проблем и, вероятно, был весьма удобен своим кураторам от государства и наличием пороков и слабостями характера. В 1947–1953 гг. уполномоченные неоднократно прямо влияли на кадровую политику епископа, не позволяя ему делать назначения неблагонадежных священников (особенно пребывавших из других епархий и регионов)²⁰, что также ярко характеризует как характер внутрицерковной жизни эпохи, так и специфику государственно-церковных отношений, отраженных во взаимоотношениях епископа и уполномоченного Совета по делам РПЦ.

Документы внутрицерковного делопроизводства также рисуют довольно безрадостную картину духовной жизни. Так, в январе 1947 г. благочиннический совет Смоленской епархии так характеризовал священнические штаты: «Обзор состава духовенства Смоленской епархии обращает на себя внимание со стороны недостаточности образовательного ценза... а также оставляет желать лучшего в смысле улучшения чтения, пения, выразительного служения, т. е. всего того, что составляет церковное благочиние»²¹. В связи с чем предлагалось «по отношению к безнадежным элементам просить Владыку принять архипастьрские меры воздействия; для подтягивания отстающих немедленно провести краткосрочные курсы»²². С типичными представлениями о епархиальной жизни диссонирует ряд постановлений отцов благочинных: «Оградить церковный ящик от расхищения с какой бы то ни было стороны... Обеспечение духовенства во многом зависит от них самих, принимая во внимание истовое совершение Богослужений в храме и треб по домам прихожан – привлекает массы верующих – небрежное и поспешное совершение Богослужений и вымогательство отталкивает верующих. Через что и сокращается доходность»²³. На фоне этих проблем ярко выглядит единственная

²⁰ Там же. Л. 1–5; Д. 349. Л. 1–5.

²¹ Там же. Д. 204. Л. 35.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 35 об.

инициатива епископа – привести к единообразию молитвенное поминоение «о благополучии Родины»²⁴.

Еще один яркий пример архипастырской натуры той эпохи дает нам биография протоиерея, с 1959 г. епископа Смоленского Иннокентия (Сокаля). Ровесник архиепископа Филиппа в сане протоиерея Иоанн Сокаль долгие годы выполнял церковно-дипломатическое служение в Иерусалиме, Белграде (с 1921 по 1950 г.). При этом отличался патриотизмом и, выполнив миссию по присоединению к Московской патриархии приходов Югославии, благочинным которых являлся по указу патриарха с 1945 г., более двух лет настойчиво добивался возвращения с семьей на родину. Вернувшись в СССР, он служил ректором Минской, затем Одесской духовной семинарии, в 1957 г. получил назначение настоятелем кафедрального собора в Смоленске, где после смерти жены принял монашество и был возведен во епископы с поручением управления Смоленской епархией²⁵. В центре пристального внимания Совета по делам РПЦ протоиерей Иоанн находился с 1945 г.: его донесения патриарху, демонстрирующие безусловный талант дипломата, владение представлениями о сферах влияния в церковных делах и высших политических эшелонах Югославии перлюстрировались и откладывались в делах совета. Именно как ценного осведомителя его и не стремились возвращать в СССР. Вопрос о возможности его въезда в Союз решался на высшем уровне – лично председателем Совета по делам РПЦ Г. Г. Карповым и по ходатайству патриарха перед правительством²⁶.

С этим пониманием значимости дипломатических способностей протоиерея резко диссонирует восприятие его деятельности в качестве епархиального архиерея. Уполномоченный по Смоленской епархии оценивал его как вялого и безынициативного, нерешительного архипастыря. Возможно, в начале 1960-х гг. свою роль сыграл и преклонный возраст епископа Иннокентия, но, представляется, такая формальная оценка опытного церковного дипломата (предпочитавшего играть в епархии роль мягкого, забывчивого, податливого на просьбы и пожелания уполномоченного «дедушки») являлась результатом невысокой компетентности регионального уполномоченного²⁷.

Вообще же вопрос о том, с кем приходилось иметь дело (в качестве представителей государственной власти в сфере религиозной политики) епархиальным архиереям, заслуживает особого внимания. В рассматриваемый период с 1944 по 1953 г. в одной Смоленской

²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 204. Л. 36.

²⁵ Там же. Оп. 7. Д. 149. Л. 4–4 об.

²⁶ Там же. Л. 22.

²⁷ Там же. Л. 6, 26–29.

области сменилось два уполномоченных совета (Н. Митин, Г. Галинский). К сожалению, доступа к их персональным делам нет и характеристику уполномоченных возможно подготовить лишь на основе их общения с административным центром – центральным аппаратом совета и вверенным духовенством на местах. Первый уполномоченный не раз попадал под шквал критики со стороны совета, в Смоленск в 1948 г. с обстоятельной ревизией выезжал член совета Г. Т. Уткин, составивший обстоятельный рапорт о деятельности уполномоченного. В вину (с формулировкой «недоработки») уполномоченному вменялось «непонимание политического момента», слабый контроль за персональным составом поставляемых в духовенство²⁸. В 1946–1948 гг. число священников сравнительно быстро росло. Каждая кандидатура нуждалась перед утверждением в сборе обстоятельного досье. В переписке с советом, общении с епископом, просителями, многочисленных инспекционных поездках по епархии и ответах на письменные и устные обращения клириков и проходили «труды и дни» региональных уполномоченных.

Нередко звучит тезис о том, что уполномоченный воспринимался как гонитель церкви и ее враг. Материалы совета демонстрируют скорее обратную тенденцию: к нему обращаются как к советскому функционеру, способному повлиять на разрешение сложных служебных и бытовых вопросов. Священники обращались к уполномоченному с просьбой о восстановлении / приеме на работу в советские учреждения своих родственников, о поступлении в учебные заведения детей. Иные клирики воспринимали его как арбитра, способного изменить неудобное мнение правящего архиерея. Многие из поступавших в клир в 1945–1953 гг. имели весьма сомнительное, и не только обновленческое, прошлое и конфликтовали за места и положение, выходя далеко за пределы христианской этики. Нередко и безбожники-уполномоченные в своих квартальных отчетах в совет давали по сути нравственные (и как раз с христианских позиций) оценки поступков как клириков, так и епископов.

Линии же взаимодействия архиастырей с уполномоченными сводились к необходимости согласования с последними всех назначений на места и перемещений в штатах, приобретения любого имущества, выделения и предоставления молитвенных зданий, богослужебного имущества. Постоянным камнем преткновения был налоговый вопрос. Зависимость от уполномоченного побуждала епископов приспособляться как в переговорной практике, так и в проповедничестве (в ряде епархий тексты епископских и соборных

²⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 349. Л. 41–43.

проповедей утверждались уполномоченным – в Смоленской епархии такой практики не было и уполномоченные всячески подчеркивали свое невмешательство во внутрицерковную жизнь).

Созданный государством институт совета и его уполномоченных самым существенным образом повлиял на духовную атмосферу церковной жизни позднесталинской эпохи, утвердив принципы контроля государства за епископскими и священническими кадрами, минимизировал полноту церковной автономии и в целом привил в церковном администрировании массу бюрократических, формальных, а зачастую и лицемерных практик. При этом обладавшие высоким внутрицерковным и социальным статусом архиереи в буквальном смысле находились в постоянном выборе между укладом веры и требованием светской власти, что определило облик, возможности пастырско-миссионерского служения послевоенных поколений епископата и священства Русской православной церкви.

И. А. Курляндский

ПОЛИТИКА СТАЛИНСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ОТКРЫТИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В СССР В 1943–1953 гг.

Известны катастрофические последствия политики советских властей в 1930-е гг. в отношении православных церквей. Что касается Русской православной церкви, то к 1941 г. у нее оставалось всего 3372 действующих храмов, из которых на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг., было 3350¹. Так, в РСФСР из формально существующих 950 православных общин реально действовало только 100 храмов в крупных городах².

В годы Великой Отечественной войны церковное возрождение шло снизу, от народа. Власти приходилось считаться с тем, что тысячи церквей были самочинно открыты на оккупированных территориях. Гитлеровцы этому не препятствовали, а верующим передавались ранее отобранные у них в 1930-е гг. церковные здания, занятые под советские учреждения, клубы, склады и т. д. Председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов в докладной записке В. М. Молотову от 5 октября 1944 г. сообщил: «Всего за время оккупации было открыто церквей примерно 6500, или 73,7 % к общему числу церквей, зарегистрированных на 1 августа с. г.»³

После заключенного так называемого конкордата с РПЦ правительство взяло под жесткий контроль процесс открытия церквей. Сталин на встрече с митрополитами в 1943 г. говорил, что власть не будет чинить препятствий открытию⁴. Молотов на встрече с Карпо-

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов. М., 2009. С. 7, 8.

² Одинцов М. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и религиозные организации в СССР / Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 407.

³ Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 134.

⁴ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 199.

вым высказался за то, чтобы этот процесс сдерживать⁵. 28 ноября 1943 г. вышло постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей». Согласно этому документу, вводился сложный порядок открытия храмов. Прерогативой отказа религиозным организациям в открытии церквей наделялись местные органы власти – обл(край) исполкомы Советов и Совнаркомы союзных и автономных республик. Те же ходатайства верующих, которые ими были поддержаны, подлежали после предварительного рассмотрения в Совете по делам РПЦ (и одобрения им) утверждению в СНК СССР⁶. Такие условия были призваны минимизировать открытие церквей в Советском Союзе, положить жесткие пределы церковному возрождению. По наблюдению историка Д.В. Поспеловского, «вся процедура была такова, что закрыть храм или отказать в его открытии было просто и быстро, а открыть крайне хлопотно, сложно и длительно»⁷. Тем не менее постановлением СНК 22 августа 1945 г. требовалось удовлетворять ходатайства верующих об открытии церквей в церковных зданиях, если они сохраняли церковный вид, были никем не заняты и раньше не закрывались. Совнаркомы и облисполкомы должны были содействовать ремонту церковных зданий⁸. Постановлениями СНК 1944 и 1946 гг. запрещалось закрытие церквей, молитвенных домов православной и других конфессий без согласия соответствующих светов (по делам РПЦ, по культам)⁹. Что касается православных церквей и молитвенных домов других конфессий, открытых на оккупированных территориях, то, согласно записке Карпова Молотову октября 1944 г., было принято решение воздержаться от их закрытия. В тех случаях, если там были ранее советские государственные и общественные учреждения, и если это не бывшие церковные здания, то при их изъятии верующим, согласно постановлению СНК 1 декабря 1944 г., давался месячный срок для поиска себе других помещений¹⁰. После войны значительная часть открытых в годы оккупации храмов была под разными предлогами отобрана (а аренды себе верующие не

⁵ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 120.

⁶ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 263–265.

⁷ Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 195.

⁸ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 474–475.

⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 11. Л. 48, 49.

¹⁰ Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 138, 139.

находили), часть закрылась из-за нехватки священников. Из 7547 таких храмов к концу 1947 г. осталось действующими не более 1300¹¹.

Своеобразная ситуация сложилась вокруг права на строительство церквей самими верующими. Строительство новых храмов РПЦ властью не разрешалось. Что касается молитвенных зданий других конфессий, то постановление СНК СССР от 28 января 1946 г., напротив, разрешало такое строительство, но с оговоркой «в особых случаях»¹², что подчеркивало исключительный характер этого позволения, которое не должно было превратиться в правило.

Как шел сам процесс открытия церквей в последние военные и первые послевоенные годы? К марту 1944 г. распоряжением СНК были открыты только 29 церквей. По данным Совета по делам РПЦ, в 1944 г., по всему Союзу из 6402 ходатайств верующих об открытии церквей было удовлетворено всего 207, в 1945 г. из 6025 таких ходатайств было удовлетворено 509¹³. Согласно другому отчету Карпова, по данным на 1 июля 1945 г., «из всех, поступивших на 1 июля с. г. 5770 ходатайств об открытии церквей (не считая повторных), рассмотрено и удовлетворено Советом по представлениям обл(край)исполкомов 414 ходатайств, отклонено на местах 3850 и находится на рассмотрении 1506 заявлений. Чаще всего обл(край)исполкомы отклонения мотивируют занятостью церковных зданий под склады, наличием в 10–15 километрах действующих церквей или же ветхостью церковных зданий и необходимостью их капитального ремонта, непосильного для верующих»¹⁴. Данные с мест за этот период дают ту же картину. В Казахстане в первом квартале 1945 г. было подано 21 ходатайство об открытии церквей, удовлетворено 4, в Горьковской области за 1943–1944 гг. местные органы рассмотрели 137 таких заявлений, из них отклонили 123, и это при том, что в области было 22 действующих храма при 1101 недействующих. В Красноярске в 1943–1944 гг. было открыто только два храма. В многомиллионных городах разрешали только по нескольку церквей. И т. д. Отказы давались верующим согласно директиве Совета по делам РПЦ в виде краткой справки без мотивировки¹⁵. Всего к 1 июля 1945 г. в СССР насчитывалось 10 243 действующие церкви и молитвенных дома РПЦ¹⁶. Церкви открывались постановлениями СНК по спискам, представленным главой Совета по делам РПЦ Карповым. Так, 28 ян-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 2; Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 83.

¹² АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 11. Л. 48, 49.

¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 452. Л. 85.

¹⁴ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 480.

¹⁵ Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 194, 195.

¹⁶ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной Войны... С. 477.

варя 1946 г. Сталин и Чаадаев подписали такое постановление правительства, санкционирующее открытие в разных областях СССР 67 объектов (63 церкви и 4 молитвенных дома РПЦ). В перечне Карпова можно увидеть географические аспекты этих сталинских милостей. Так, две церкви были открыты в Горьковской области, две в Мордовии, три в Ивановской, четыре в Курской областях, одна в Узбекистане и т. д.¹⁷ То есть открыто было церковей мало и везде понемногу.

По данным отчета Совета по делам РПЦ от 27 августа 1946 г., пик открытия церковей пришелся на 1944 и 1945 гг. (соответственно открылось 3760 и 3360). А за первую половину 1946 г. открылось 992 церкви. Но это уменьшение не было связано с упадком религиозности, а являлось результатом запретительной деятельности советских органов. Решение вопросов об открытии церковей было прерогативой местных органов власти, которые в большинстве случаев выдавали отказы, и Совет по делам РПЦ не вмешивался в их деятельность. Так, по данным того же отчета, в первую половину 1946 г. верующими было подано 8092 ходатайств об открытии церковей, из них 6268 было отклонено, не рассмотрено 832, разрешено 992, что составило всего 12,25 % от общего числа ходатайств¹⁸.

Общий итог такой политики был подведен Карповым в его справке Сталину в 1948 г.: «В результате изучения и рассмотрения этих ходатайств Советом в 1944–1947 гг., с одобрения правительством СССР, разрешено открыть 1270 церковей, по которым имелось 4576 ходатайств, или 22,7 % к общему числу ходатайств. Отклонено по разным причинам 15 567 (76,3 %) ходатайств об открытии 4418 церковей...»¹⁹

Приведенные выше цифры показывают политическую тенденцию минимизировать возросшую в годы войны религиозную активность населения. Об этом сказал и куратор церковной политики от Политбюро ЦК ВКП(б) Ворошилов на встрече с Карповым 7 августа 1948 г.: «Церквей в СССР много, но это не значит, что открывать их больше нельзя и не будем. *Мы должны меньше открывать, регулировать*, но, конечно, неправильно отклонять все ходатайства верующих»²⁰. Смысл сказанного ясен: отклоняйте и дальше большинство ходатайств верующих; чем меньше вы открываете церковей, тем лучше. Но «все отклонять» – неправильно, считал Ворошилов. Эта осторожность соратника по Политбюро, похоже, не имела воздействия на диктатора, т. к. в духе той же антицерковной линии по указанию Сталина – через пять лет после встречи с митрополитами –

¹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 11. Л. 50–52.

¹⁸ Там же. Л. 32, 33, 35.

¹⁹ Там же. Д. 6. Л. 6.

²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 286. Л. 18.

в 1948 г. практика открытия православных церквей и молитвенных домов других религий была полностью прекращена. На принятие этого решения, думается, повлияли и информационные материалы Министерства государственной безопасности. Так, в докладной записке Сталину от 25 июня 1948 г. министр МГБ В. С. Абакумов, обосновывая необходимость более жесткого курса по отношению к церковникам, указывал и на ситуацию с храмами: «Церковники и сектанты в первую очередь стремятся использовать легальные возможности для расширения религиозной деятельности, открытия новых храмов и молитвенных домов. ...В настоящее время в Совете по делам Русской Православной Церкви и Совете по делам религиозных культов при Совете Министров СССР находится свыше 1000 заявлений об открытии новых молитвенных домов, церквей и мечетей»²¹. Также сказывались присылаемые Сталину информационные сводки Г. Г. Карпова. Так, в донесении диктатору от 2 июля 1948 г. Карпов, комментируя факт существенного снижения числа ходатайств об открытии церквей в 1947 г. по сравнению с 1944 г. (с 6629 до 3072, т. е. более чем в два раза), отметил особую активность в подаче таких заявлений в ряде областей РСФСР, или сам Сталин (или его секретарь Поскребышев, чтобы обратить внимание вождя) отчеркнул этот текст Карпова красным карандашом на полях²². Такие факты локальной концентрации церковной активности верующих в ряде всего лишь нескольких областей РСФСР, видимо, укрепляли Сталина в представлении о незначительном в целом весе церковного фактора в духовной жизни советского послевоенного общества, что показывало успех его осторожной, продуманной антирелигиозной политики. Тем спокойнее для диктатора было провести полную отмену открытия церквей в СССР – каких-то массовых волнений населения в связи с этим ждать не приходилось. Карпов продолжал: «Из этих областей и в данное время в Совет поступают ходатайства и приезжают делегации верующих. В упомянутых областях, особенно Рязанской и Горьковской, распространено массовое совершение религиозных обрядов в домах верующих, которые совершают не зарегистрированные священники (дальнейший выделенный текст отчеркнут на полях Сталиным. – И. К.) и всякого рода проходимцы. Так, например, в Рязанской области зарегистрированных церквей и молитвенных домов 85, а так называемых нелегальных (не зарегистрированных) молитвенных домов православного исповедания исчисляется 175»²³. Подобные непо-

²¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 14. Л. 62, 63.

²² Там же. Д. 6. Л. 5.

²³ Там же. Л. 6.

рядки, с точки зрения Сталина и его чиновников, вероятно, требовали исправления.

28 октября 1948 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О распоряжениях Совета министров СССР об открытии церквей и молитвенных зданий». Оно гласило: «1) Указать т. Ворошилову, что он поступил неправильно, подписав распоряжение Совета министров СССР об открытии церквей и монастырей в ряде мест, т. к. такие распоряжения должны утверждаться Советом министров СССР (имелось в виду, что они должны были быть подписаны председателем Совета министров СССР И. В. Сталиным; но очевидно, что подписывать такие распоряжения *без устного согласия Сталина* послушный воле вождя К. Е. Ворошилов не стал бы. Видимо, перед нами одна из сталинских провокаций. – И. К.). 2) Отменить подписанные т. Ворошиловым распоряжение Совета министров от 27 марта сего г. за № 3506-рс (об открытии мечети в г. Саратове. – И. К.), и распоряжения от 10 августа с. г. за №№ 11364-рс (об открытии молитвенных зданий разных религий. – И. К.) и 11365-рс (об открытии православных церквей. – И. К.)». Документ подписали по традиции члены Политбюро. На нем же помета зав. Особым сектором ЦК А. Н. Поскребышева: «*т. Сталин согласен*»²⁴.

Документы АП РФ содержат перечни открытых и закрытых этих разными постановлениями 1948 г. православных церквей и молитвенных домов иных конфессий.

Можно сказать, что это скорбные списки. Необходимо понимать, что за каждым таким открытием молитвенного дома или православного храма стояли просьбы сотен, а то и тысяч верующих, – массовое закрытие по сталинскому приказу в октябре 1948 г., таким образом, растаптывало их надежды. Всего было закрыто 60 ранее разрешенных и открытых церквей и молитвенных домов. Помимо православных (28 закрытых зданий), наиболее сильно пострадали верующие мусульманской религии – 19 мечетей. Затем, в порядке убывания, шли старообрядцы (10 церквей и молитвенных домов), армянская церковь (2 церкви) и иудеи (1 синагога)²⁵.

Упомянутые церкви, молитвенные дома и мечеть были закрыты, но это постановление значило больше, потому что после его принятия с октября 1948 г. при Сталине не было открыто ни одной церкви, что отмечают и публикаторы постановления в сборнике документов²⁶. Замечу, что то же касалось и молитвенных домов других конфессий.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1516. Л. 196. Оpubл. в сб. док: Политбюро ЦК и Совет министров СССР. 1945–1953 гг. М., 2002. С. 273.

²⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 11. Л. 67, 68.

²⁶ Политбюро ЦК и Совет министров СССР. 1945–1953 гг. С. 273.

То есть с этого времени до конца сталинского правления *отклонялось сто процентов ходатайств верующих*. Понятно, что без решения Сталина такой существенной перемены в политике по отношению к открытию церквей и молитвенных домов произойти не могло.

После «поворота» 1948 г. ускорилось закрытие открытых в годы войны и подтвержденных ранее советским правительством церквей на бывших оккупированных территориях. Об итогах этой работы рассказывается в докладе Совета по делам РПЦ Сталину 24 ноября 1949 г.: «Всего на временно оккупированной территории было занято под молитвенные цели 1701 такое общественное здание, из которых в настоящее время... 1150 зданий, или 67,6 % уже изъято и возвращено государственным и общественным организациям. Из них: в УССР – 1025 из 1445; в БССР – 39 из 65, в РСФСР и других республиках – 86 из 191»²⁷. Карпов передавал в том же докладе слова местного священника: «В деревне Еремино *открыто говорят, что немецкие власти открыли немецкие церкви, а сейчас большевики закрывают*. Я удивляюсь, что местная власть закрывает церковь, ведь этим они озлобляют население против советской власти... Возможно, что Москва об этом не знает»²⁸.

Но Москва все знала и поощряла эти явления. В сентябре 1949 г. одно из таких отображений открытой в годы оккупации церкви (Касперовского собора) снова под заводской клуб спровоцировало массовое выступление женщин в Николаевске Украинской ССР, о чем Карпов и Хрущев потом докладывали Сталину. *Волнение* прошло, а церковь снова стала клубом²⁹. По данным доклада Карпова Сталину от 19 февраля 1951 г., число православных храмов за 1950 г. уменьшилось еще на 410 единиц. «Из них в Украинской ССР на 247, в РСФСР – на 106, в БССР – на 29, в Молдавской ССР – на 16 и т. д.»³⁰

По докладной записке Карпова Сталину от 29 февраля 1952 г., за 1951 г. количество храмов РПЦ уменьшилось еще на 177 единиц³¹. Притом Карпов отмечал: «Если церкви в городах и рабочих поселках не испытывают недостатка в служителях культа, то в сельской местности на 11 762 церкви и молитвенных дома насчитывается всего 8614 священников, или свыше трех тысяч церквей и молитвенных домов не имеют постоянного духовенства»³².

²⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 11. Л. 80.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 72–79.

³⁰ Там же. Л. 87.

³¹ Там же. Д. 7. Л. 8.

³² Там же. Л. 12, 13.

Открытие церквей возобновилось при Хрущеве в 1955 г. в мизерных количествах. Этим случаям сопутствовали массовые закрытия храмов. Согласно информационной справке Совета по делам РПЦ 1958 г., за 1955–1956 гг. по распоряжениям Совета министров РСФСР и других союзных республик в СССР *было открыто 10 церквей* (если сравнивать со статистикой ходатайств об открытии за эти же годы, то получается 10 церквей на 3567 заявлений (1309+2258), т. е. меньше, чем 0,... процента). Документ также сообщал, что «при этом с 1952 по 1957 г. по Советскому Союзу снято с регистрации или прекращено функционирование 485 церквей и молитвенных домов, из них по РСФСР 59»³³.

Итак, получается, что единицам открытых после смерти Сталина храмов соответствовали сотни закрытых, а из них свыше ста закрытий, очевидно, приходится на последний год жизни вождя.

Непоследовательность политики сталинской власти в деле открытия церквей обусловлена самой противоречивостью так называемого нового курса 1943–1953 гг. в отношениях между государством и Церковью. Сталинская власть не рассматривала эту политику как стратегию, рассчитанную на длительную перспективу, имея в виду именно тактический поворот, вела себя осторожно и коварно по отношению к верующим. Цель безбожного общества при коммунизме сохранялась в программе партии. Отсюда переходы от некоторых вызванных событиями Великой Отечественной войны уступок Церкви и верующим к новым ограничениям, запретам и ужесточениям. Сначала наблюдается тенденция минимизировать вызванный войной процесс церковного возрождения, – в том числе с помощью отклонения большинства ходатайств верующих об открытии церквей; затем последовало частичное закрытие открытых церквей на оккупированных территориях, и наконец, 1948 г. обозначил явное похолодание в сталинской церковной политике – по решению центральной власти процесс открытия церквей и молитвенных домов в СССР до самой смерти Сталина был полностью прекращен.

³³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 9. Л. 135.

С. А. Чарный

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН В ПОЗДНЕСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД

Религиозную политику в позднесталинский период (1944–1953 гг.) можно разделить на два больших периода. Первый из них охватывает 1944–1948 гг., второй – 1948–1953 гг.

В 1943–1944 гг. «для осуществления связи» между властями и религиозными конфессиями были созданы Совет по делам РПЦ и Совет по делам «для осуществления связи между правительством СССР и руководителями религиозных объединений: армяно-григорианской, старообрядческой, католической, греко-католической, лютеранской церквей, мусульманского, иудейского, буддийского, сектантских вероисповеданий». Совет состоял из четырех отделов: Отдел по вопросам мусульманского, иудейского и буддийского вероисповеданий, Отдел по вопросам армянской, католической и лютеранской церквей, Отдел по вопросам старообрядческой и евангелической церквей, Инструкторская группа совета. Штат центрального аппарата СДРК составлял 30–40 человек¹.

Первым председателем СДРК был назначен И. Полянский (1900–1956). Как и его коллега из СДРПЦ, Г. Карпов, Полянский с конца 1920-х гг. трудился в органах НКВД по «религиозной линии», а в годы войны отвечал за деятельность «Дороги жизни» к блокадному Ленинграду. Согласно штатному расписанию, совету полагалось иметь 134 уполномоченных – 41 в РСФСР, 25 на Украине, 17 в Казахстане, по 11 в Узбекистане и Белоруссии, 7 в Туркмении, по 6 в Киргизии и Таджикистане, 3 в Грузии, 2 в Азербайджане и по 1 в остальных пяти республиках. Больше всего уполномоченных (147) насчитывалось

¹ Дупленская Е. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР: история создания, основные направления деятельности // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сб. докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2002–2004 гг. URL: <http://www.rusoir.ru/print/01/53/index.html>

в 1945–1946 гг. Уже в январе 1947 г. 36 должностей уполномоченных было сокращено, затем последовали еще сокращения, и к 1953 г. количество уполномоченных сократилось до 97². Достаточно остро стояла проблема комплектования аппарата уполномоченных СДРК на местах. По штату уполномоченным в союзных и автономных республиках подчинялись инспектор (старший инспектор для ССР) и секретарь-машинистка, в краях и областях – только секретарь-машинистка. Этого было явно недостаточно, тем более что в ряде случаев на практике даже эти штатные единицы уполномоченным не выделялись³.

Основной задачей совета, по мнению И. Полянского, было взять под контроль все религиозные общины в СССР и «неуклонно направлять деятельность религиозных культов в СССР в сторону всемерного суживания ее масштабов и влияния на окружающую среду... ограничивать деятельность религиозных объединений пределами молитвенных зданий и только отправлением культов», но не форсировать этот процесс. «Мы не пожарные и не намереваемся тушить религиозный пожар», – говорил он. Для лучшего контроля предполагалось организовать каждую конфессию в строго централизованную структуру. Полянский также требовал, чтобы его подчиненные хорошо знали особенности вероучения подконтрольных им общин, аргументируя это следующим образом: «Покуда существуют верующие, значит, будет и духовенство. А раз будет духовенство, значит нужно разбираться в частностях духовных учений»⁴. Он же указывал, что уполномоченный по делам религиозных культов не должен быть вовлечен в антирелигиозную работу, поскольку это повлечет за собой потерю авторитета среди верующих. Впрочем, здесь Полянский следовал настроениям «верхов». Курировавший религиозные вопросы К. Ворошилов, в январе 1947 г. говорил Полянскому и Карпову следующее: «Мы ошибаемся, если рассчитываем на быстрые темпы отмирания религии. Не ориентируйтесь на то, чтобы “тушить” религию – это не ваша задача; вы должны “управлять” религиозным движением с тем, чтобы уменьшить его вредоносность, употребляя для этого специфические, вам присущие, приемы»⁵.

Несмотря на эти поучения, руководство совета в первые годы часто буквально забывало про многих уполномоченных до такой степе-

² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 3. Л. 10.

³ Дупленская Е. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР...

⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 101. Л. 125.

⁵ Одинцов М. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958: Дискуссионные аспекты. М., 2003. URL: <http://www.rusoir.ru/print/02/101/index.html>

ни, что не только не вызывало их на совещания, но даже не помнило их фамилий. Кроме того, многие уполномоченные не были обеспечены необходимыми средствами передвижения, часто отвлекались местным руководством на другую работу и т. д.

При этом ряд партийных руководителей в регионах относились к доктринам И. Полянского с плохо скрываемым недоумением. Это отношение хорошо иллюстрирует анекдотическое высказывание одного из украинских партработников, обращенное к уполномоченному, которому за несколько лет работы удалось поставить под свой контроль практически все религиозные общины вверенного ему региона, выполнив тем самым свою сверхзадачу: «За что же ты хлеб советский кушаешь... хоть бы закрыл одну общину».

Вопросы открытия и закрытия религиозных общин регулировались постановлением СНК СССР от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». Это была сложная многоступенчатая процедура. Вначале инициативная группа, состоявшая не менее чем из 20 верующих, находила помещение для молитвенного дома и обращалась в горсовет с просьбой о регистрации. В том случае, если это ходатайство не вызвало возражений ни у властей, ни у госбезопасности, ни у уполномоченного по ДРК или по делам РПЦ, оно уходило в Москву. Там соответствующий совет составлял на основе таких ходатайств список, посылавшийся на утверждение в Совет министров СССР, бывший единственным учреждением, имевшим право выдавать подобные разрешения, что при его загруженности могло затягивать процедуру на достаточно долгое время.

Всего в 1943–1948 гг. было открыто 1297 православных церквей и 5788 молитвенных зданий иных конфессий⁶.

В августе 1945 г. религиозным обществам, включая и монастыри, было предоставлено право юридического лица в части аренды, строительства и покупки в собственность для церковных нужд домов, строений, транспорта и утвари; снимались ограничения на колокольный звон, местным органам власти предлагалось не препятствовать деятельности монастырей⁷.

Перечень причин, по которым Сталин в 1943 г. пошел на либерализацию религиозной политики, наиболее исчерпывающе изложил в своих работах М. Одинцов. Он полагает, что на этот «поворот» повлияли «широкая патриотическая деятельность религиозных организаций, ...стремление сузить возможности немецкой пропаганды по использованию религиозных проблем, желание снять в обществен-

⁶ Дупленская Е. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР...

⁷ Одинцов М. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг.

ных кругах стран-союзниц предубеждение в отношении церковного курса советского правительства и, наконец, намерение сплотить все антифашистские силы, включая и религиозные организации»⁸. Д. Поспеловский сужает этот список до желания советского лидера «понравиться союзникам» и «приручить» население будущей зоны влияния в Восточной Европе, показав, что в СССР свободно существует церковь⁹. О внешнеполитической направленности сталинской религиозной политики пишет и Т. Чумаченко¹⁰. Представляется вероятным, что внешнеполитические причины смены курса в отношении религии были преобладающими.

Историки, занимающиеся изучением религиозной политики советских властей, по-разному характеризовали положение религиозных конфессий в позднесталинский период. М. Одинцов оценивает положение РПЦ (и религиозных организаций вообще, за исключением «антигосударственных, антисоветских и изуверских сект») как «в целом стабильное» и характеризует период с 1943 по 1953 г. как время «религиозного возрождения в Советском Союзе», хотя отмечает, что с 1948 г. «поступательное развитие государственно-церковных отношений приостанавливается»¹¹. Т. Чумаченко также считает, что до конца 1950-х гг. религиозная политика оставалась в целом в цивилизованных рамках, несмотря на попытки развернуть борьбу с церковью в 1948–1949 гг. и 1954 г. Правда, остается непонятным, как эти «цивилизованные рамки» совмещаются с началом в 1948 г. новой волны арестов священнослужителей, о которой сообщается у исследователя¹².

Более реалистичной представляется точка зрения М. Шкаровского, который полагает, что представление о благополучном положении религиозных организаций в 1943–1958 гг. сильно преувеличено, тем более что многие обещания, данные Сталиным в 1943 г., так и не были выполнены¹³. Официальный историк РПЦ В. Цыпин скорее солидаризируется с М. Шкаровским. Хотя он и пишет, что заключенный в 1943 г. «своеобразный конкордат» «в основном» соблюдался властями, однако чуть ниже признает, что никакого договора не было, а был

⁸ Одинцов М. Государство и церковь в России, XX век. М., 1994. С. 103. Он же. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг.

⁹ Поспеловский Д. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 193.

¹⁰ Чумаченко Т. Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961. М., 1999. С. 15.

¹¹ Одинцов М. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг.

¹² Чумаченко Т. Государство, православная церковь и верующие. С. 13, 137.

¹³ Шкаровский М. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: Изд-во Крутиц. подворья, 2005. С. 9, 322.

лишь «широкий жест власти по отношению к гонимой церкви», который мог быть в любой момент отменен¹⁴.

И действительно, изменения в религиозной политике советского режима начались достаточно скоро.

После 1946 г. количество открывавшихся молитвенных зданий резко упало. Так, СДРПЦ удалось добиться открытия 185 церквей в 1947 г., и 28 в 1948 г. СДРК же в эти годы не смог получить ни одного разрешения. 25 августа 1948 г. появилось Постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках в антирелигиозной пропаганде», фактически провозгласившее отмену прежней веротерпимости, что было вполне логично в рамках общего «закручивания гаек». Это постановление было дополнено появившимся 28 октября 1948 г. распоряжением Совета министров СССР, согласно которому разрешение на открытие последних 28 церквей было аннулировано под тем предлогом, что его подписал не Сталин, а его заместитель по Совету министров К. Ворошилов. Нижестоящие чиновники, правильно поняв намек «сверху», принялись за активное «сокращение религиозной сети». Результатом этой кампании стало снятие с регистрации в 1949–1954 гг. 1237 общин различных конфессий (в том числе – 1055 православных церквей). В 1951 г. Г. Карпов, возглавлявший в 1944–1960 гг. СДРПЦ, попытался было поднять вопрос о возможном открытии 20–30 церквей в год, но его письмо по этому поводу было возвращено ему без ответа¹⁵. Вновь начинаются аресты священнослужителей различных конфессий.

М. Одинцов полагает, что смена курса в 1948 г. была вызвана двумя основными причинами: общей линией на ужесточение репрессий против всякого инакомыслия и инакомыслящих и усилением антирелигиозных стереотипов 1930-х гг. в идеологической работе¹⁶. С этой точкой зрения солидарны практически все исследователи, занимающиеся изучением религиозной политики СССР в этот период¹⁷.

Политика в отношении еврейских религиозных общин была зеркальным отражением общей политики государства в этой сфере. В первый период происходило достаточно массовое открытие новых синагог и перерегистрация старых. За 1944–1946 гг. была открыта или

¹⁴ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: синодальный и новейший периоды. (1700–2005). М., 2006. С. 464, 472.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 113. Л. 113–117; Цыпин В. История Русской Православной Церкви: синодальный и новейший периоды. (1700–2005). С. 505–506.

¹⁶ Одинцов М. Государство и церковь в России, XX век. С. 114; Он же. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг.

¹⁷ Шкаровский М. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 342, 347.

вновь зарегистрирована 181 община. Эта цифра стала максимальной за весь позднесоветский период. Но это количество было ничтожным по сравнению с прежним. Об этом говорят статистические данные о количестве недействующих синагог. Так, в Грузии на 27 действующих синагог приходилось 540 недействующих. На Украине эти цифры равнялись соответственно 40 и 800, в РСФСР – 30 и 600, в Латвии – 6 и 120, в Белоруссии – 2 и 40, и 11 и 220 – в Молдавии¹⁸.

В 1946 г. Министерство торговли СССР внесло в реестр хлебобулочных изделий мацу – ритуальный еврейский пресный хлеб, необходимый во время праздника Пасхи (Песаха), что подвело законодательную базу под ее выпечку.

По примеру других конфессий в 1944–1946 гг. велись подготовительные работы по созданию Главного раввината СССР. Однако в 1946 г. они были свернуты¹⁹. По поводу причин, по которым власти не пошли на создание единого общесоюзного центра для иудаизма, существует две точки зрения. Согласно первой из них, это решение – звено в цепочке ущемления прав советских евреев²⁰. По другой версии – при решении этого вопроса власти учли отсутствие таких институций когда-либо в прошлом, а также наличие различных субконфессиональных и субэтнических групп среди еврейского населения СССР²¹. Установить, какая из этих концепций верна, можно будет лишь после привлечения дополнительных архивных материалов по данному вопросу.

С момента начала массового открытия синагог раввины стали частью огромной советской пропагандистской машины. Например, в 1952 г. раввин Московской хоральной синагоги С. Шлифер (1888–1957), выступая на специально собранной конференции представителей всех конфессий СССР в Загорске, обвинил американскую армию в применении бактериологического оружия в Корее. Им же в 1952 г. была составлена молитва за здоровье «творца мира» И. Сталина, читавшаяся во всех синагогах. Раввином Марьиноорошинской синагоги Н. Олевским (1873–1966) были написаны не менее подобострастные молитвы «За мир» и «За Советское правительство», также официально читавшиеся в синагогах СССР. В первой из них Советское правительство именовалось «оплотом мира во всем мире». Во второй

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 30. Л. 30–32.

¹⁹ Там же. Д. 53. Л. 45.

²⁰ Baron S. *The Russian Jew under tsars and Soviets*. N. Y.; London, 1976 P. 291; Шварц С. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны. Н.-Й.: Изд. Американского еврейского рабочего комитета, 1965. С. 293.

²¹ Снопов Ю. *Московская Хоральная синагога. Евразийский еврейский ежегодник (2005–2006)*. Киев, 2006. С. 122.

говорилось: «Пусть Тот, кто вывел предков наших из Египта, благословляет, охраняет, бережет, помогает и возвеличивает Правительство СССР... и пусть Он повергнет в прах всех врагов их»²².

Общины находились под достаточно плотным контролем со стороны СДРК, хотя мнение М. Лобовской о том, что сотрудники совета постоянно стенографировали проповеди, следует считать преувеличением²³.

С 1948 г. иудаизм вновь начинает подвергаться жесткому давлению со стороны государственных и партийных органов. Началось массовое закрытие синагог, количество которых к началу 1950 г. сократилось до 151, а еще через два года равнялось 136. По наблюдениям М. Альтшуллера, в начале 1950-х гг. в отчетах уполномоченных СДРК усилилась тенденция трактовать ситуацию как «угасание иудаизма»²⁴, что, вероятно, должно было послужить обоснованием для закрытия оставшихся синагог.

Все попытки добиться регистрации новых синагог неизменно встречали отказ, и чем дальше, тем чаще он был без объяснения причин. При этом уполномоченные сопротивлялись попыткам местных органов власти решить проблему одним махом, закрыв все действующие синагоги, понимая, что слишком быстрое закрытие синагог приведет лишь к тому, что контролировать еврейское религиозное движение станет труднее. Кроме того, они также опасались стать крайними в случае, если решение о закрытии синагоги будет отменено. Свою роль играло и стремление не допустить вторжения в пределы их полномочий (поскольку стань-таки вторжения регулярными, у властей могла возникнуть мысль об упразднении самого института уполномоченных). И уполномоченные и сам СДРК обращались за поддержкой своей позиции в союзные органы власти. Так, в 1952 г. по письму председателя СДРК И. Полянского генеральному прокурору СССР было опротестовано решение Балтского городского суда о выселении еврейской общины Балты из синагоги²⁵.

Помимо закрытия синагог, вводились различные ограничения в отправлении религиозных обрядов. Запрещалось производство мацы, в 1950 г. был введен категорический запрет на строительство сукки²⁶, сохранявшийся до 1955 г. Возобновились и репрессии в от-

²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 169. Л. 137–138.

²³ Лобовская М. История Московской хоральной синагоги. М., 2006. С. 161.

²⁴ Altschuler M. The Synagogue in the Soviet Union on Passover 1953 // *Jews in Russia and Eastern Europe*. 2001. № 3. P. 61.

²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1210. Л. 26.

²⁶ Сукка – шалаш, сооружаемый рядом с синагогой во время праздника Суккот.

ношении религиозных активистов. В 1950 г. 13 руководителей самаркандской еврейской общины были осуждены на 25 лет лагерей.

Но это было вызвано не столько начавшейся «борьбой с космополитизмом», сколько общим давлением на религиозные конфессии. Как уже было отмечено, в этот же период были сняты с регистрации в общей сложности 1237 религиозных общин, многие священнослужители были репрессированы.

Но нельзя сказать, что имевшая явную антисемитскую окраску «борьба с космополитизмом» не оказала влияния на политику властей в отношении еврейских общин. Начиная с 1950 г. среди вопросов, которые должны были освещать уполномоченные в своих отчетах, появляются «националистические антисоветские проявления» на еврейских праздниках.

Возможно, среди причин, предопределивших появление этих вопросов, было представление о нелояльности верующих евреев, вызванное восторженной встречей израильского посланника Г. Меир в Московской хоральной синагоге осенью 1948 г.

Надо заметить, что некоторые зарубежные исследователи полагают, что иудаизм как таковой не подвергался гонениям в период преследований светской еврейской культуры в конце 1940 – начале 1950-х гг. Отстаивающие эту точку зрения Б. Пинкус и Ц. Гительман считают, что воздержаться от гонений на синагоги власти заставило опасение, что в этом случае верующие станут молиться исключительно в миньянах²⁷, что сделает религиозную жизнь неподконтрольной для властей. Еще одной причиной, по которой синагога была сохранена, была, по мнению Ц. Гительмана и Б. Пинкуса, необходимость ее использования в пропагандистских целях²⁸. Эта точка зрения представляется ошибочной и основывается главным образом на отсутствии у исследователей информации о закрытии синагог в 1948–1953 гг., поскольку, в отличие от предыдущей и последующей эпох, сведения об этом не публиковались в СМИ, а проникновение информации из СССР за рубеж было минимальным. Если же говорить о пропагандистских дивидендах от сохранения синагог, то можно напомнить, что подобные соображения в те же годы не остановили расправу над куда более популярными представителями светской культуры на идиш.

²⁷ Миньян – кворум из десяти взрослых мужчин, необходимый для общественного богослужения и для ряда религиозных церемоний. В обиходе под названием «миньян» подразумевалась незарегистрированная группа молящихся евреев.

²⁸ Pinks B. The jews of the Soviet Union: The history of a national minority. Cambridge, 1988. P. 207; Gitelman Z. A century of ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the present. Indianapolis: Indiana Univ. press, 2001. P. 162.

Апогея преследования верующих евреев достигли во время «дела врачей» в январе–апреле 1953 г.

В связи с этим можно отметить, что большую роль здесь сыграл региональный фактор. Еврейские общины Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, вообще не ощутили на себе влияние именно «дела врачей», спокойно молясь и отмечая праздник. Местные уполномоченные СДРК если и упоминали о еврейских общинах – то в контексте одного единственного вопроса – их молитв за здоровье Сталина в начале марта 1953 г.

Одновременно можно выделить регионы, где эта кампания в большей или меньшей степени привела к гонениям. Это бывшая «черта оседлости», Грузия, Латвия, Эстония, юг РСФСР, Москва, Ленинград и Омск. Говоря о «черте оседлости», можно предположить, что здесь огромное влияние на поведение властей оказал латентный антисемитизм, сохранявшийся в этих местах со времен Богдана Хмельницкого и получивший значительную «подпитку» за счет нацистской пропаганды во время Великой Отечественной войны. Украина отметилась и некоторыми особо оригинальными предложениями в отношении иудаизма. Так, 13 марта 1953 г. республиканский уполномоченный по ДРК П. Вильховый обратился в совет с письмом, в котором он интересовался, могут ли уполномоченные «попросить» общины снять с памятников на кладбищах и синагогах магендовиты, как «сионистические эмблемы». Как писал Вильховый, «после образования Государства Израиль эти эмблемы приобрели националистический характер... Со всем этим, по-моему, надо решительно бороться». За два дня перед этим Вильховый обратился к своим подчиненным – областным уполномоченным по ДРК с циркуляром, в котором говорилось следующее: «Неоднократно было установлено, что в большинстве своем религиозные общества иудейской веры используют националистическими элементами, которые пытаются возбудить религиозную активность верующих в своих корыстных целях». Уполномоченным предлагалось заняться знакомым по прежней работе (многие из них определенный период своей жизни служили в НКВД–МГБ) делом – выявлением «социально-политического лица» актива общин. По стопам республиканского уполномоченного шли и его подчиненные. Так, уполномоченный по Полтавской области Копейкин, посетив синагогу в Кременчуге, писал Вильховому, что последняя полна «явно сионистских знаков, совершенно необязательных для синагоги» и предлагал установить за активом общины, допустившей такой серьезный проступок, жесткое наблюдение, а затем, собрав побольше материалов, ликвидировать синагогу. Еще один уполномоченный – Распутько из Закарпатской Украины отмечал, что «еврейские религиозные общины не преодолевают стрем-

ления к буржуазному национализму и спекулятивным тенденциям среди верующих»²⁹.

Руководство Грузии во главе с А. Мгеладзе, лишь за несколько месяцев до этого получившее власть, явно стремилось угодить Сталину, оказавшись «первыми учениками» в проведении новой кампании. Что же касается остальных городов, где преследования принимали значительный характер, то в основном речь шла о стремлении местного МГБ показать себя «не хуже других».

Преследования со стороны властей выражались в трех формах – аресты активистов религиозных общин, ограничение деятельности общин и закрытие синагог со снятием общин с регистрации. В частности, в январе–марте 1953 г. были арестованы председатель правления Омской еврейской общины Э. Столяр и трое членов правления, кантор синагоги в Дзауджикау А. Станкевич, тбилисский хахам К. Д. Давидашвили и раввин Х. Купчан, одесский раввин И. Ш. Динес, кантор синагоги в Ростове-на-Дону А. Малкин, руководство Ужгородской общины и др. Наибольшего размаха аресты достигли в Грузии, где было взято под стражу несколько десятков человек. Арестованному вместе с 27 другими прихожанами по обвинению в переправе валюты в Израиль, а на самом деле за попытку подарить Израилю золотую менору от грузинских евреев, габаю (старосте) одной из тбилисских синагог Б. Вилкису выщипали всю бороду. Кутаисский раввин Х. Элуашвили был вынужден год жить на нелегальном положении. Некоторых арестовывали «за связь с иностранной разведкой». Но основным обвинением в адрес арестованных было следующее: «антисоветская агитация с использованием религиозных и националистических предрассудков». Речь шла о чтении молитв, среди которых особое раздражение вызывали слова «В будущем году в Иерусалиме» («Бе шана га баа бирушалаим»), трактуемые как призыв к эмиграции. Надо отметить, что подобные обвинения во многом повторялись в отчетах многих (в основном украинских уполномоченных по ДРК). Так, П. Вильховый в письме Совету от 6 ноября 1952 «О прохождении осенних еврейских религиозных праздников» писал: «Эти слова националистическими элементами произносятся как лозунг».

Впрочем, география подобных арестов могла легко расшириться. Например, эстонский уполномоченный по ДРК А. Киви, неожиданно вспомнивший о том, что, оказывается во времена буржуазной Эстонии большинство еврейского населения принадлежало к буржуазии (а, значит, автоматически зачислялось в разряд подозрительных), а

²⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 229. Л. 177; Д. 1041. Л. 228–232; Д. 1114. Л. 14; Д. 1220. Л. 161.

синагоги были очень богатыми³⁰, 9 февраля 1953 г. направил министру госбезопасности ЭССР Москаленко письмо-донос на еврейскую общину. В нем он сообщает, что в начале 1947 г. в Таллинн приезжал американский еврей Розенцвейг, предлагавший местной общине помочь деньгами на ремонт синагоги. «Но можно предполагать, что он мог предлагать им и “особые задания”», – заявлял Киви. К письму был приложен аккуратно составленный уполномоченным список лиц, с которыми Розенцвейг мог встречаться. Продлись кампания немного дольше – и они вполне могли пополнить собою список ее жертв. Примерно такую же бумагу, но уже адресованную в совет, составляет уполномоченный по Литве Б. Пушинис. Он рисовал совсем уж апокалипсическую картину – литовские синагоги (как официальные, так и подпольные) якобы управляются из-за рубежа сионистами – приверженцами З. Жаботинского и «Джойнтом»³¹.

Вообще, в отчетах того времени евреев чрезмерно часто связывали с незаконно нажитым богатством, что шло в русле антисемитского дискурса. То у арестованного председателя Ужгородской общины обнаружено много спрятанных дефицитных общин, то в грузинских синагогах найдены горы золота и сберкнижки на огромные суммы. Можно отметить, что этот антисемитский стереотип был наиболее прочным и, видимо, дольше всех держался в головах у упомянутых чиновников.

Если говорить об ограничении деятельности общин, то, безусловно, это наиболее сильно проявилось в вопросе о разрешении выпечки мацы. Фактически наладить выпечку смогли лишь три общины – в Москве, Житомире и Минске (последняя – в кооперативной артели и на давальческой муке). Впрочем, это число могло и вовсе упасть до нуля. В Москве власти попытались отстранить наблюдающего за правильностью выпечки человека, но затем пошли на попятную. А в Минске все едва не сорвалось, «благодаря» конкурентам – владельцам частных подпольных мацпекарен, распустивших слух, что все, кто возьмет мацу у синагоги, будут потом по специально составленному списку высланы в Сибирь. Во всех остальных местах государственные и кооперативные пекарни отказались принять у общин заказы на выпечку, а самим им изготавливать мацу запретили. На Украине все тот же П. Вильховый разослал областным уполномоченным указания всячески препятствовать централизованной выпечке мацы. При этом Вильховый обосновывал свои действия разговором с ки-

³⁰ Неизвестно, было ли это на самом деле. Но вероятнее всего, Киви воспроизвел классический антисемитский стереотип о несметных еврейских богатствах.

³¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 499. Л. 51; Д. 1344. Л. 14, 146–147. «58–10». С. 113, 116, 149, 171, 194; Восемнадцать. Иерусалим, 1989. С. 205.

евским раввином Шехтером, который якобы сказал ему, что евреи должны выпекать себе мацу в домашних условиях. Впрочем, надо отметить, что подобный запрет привел лишь к обогащению владельцев подпольных мацепекарен, продававших свой товар по цене 40 руб. за килограмм. В Тбилиси конфискованная маца, «выпеченная из муки, принесенной тысячами тбилисских евреев», была передана на корм животноводческим фермам (по другой версии – вывезена на свиноферму).

Ограничения коснулись не только мацы. 17 февраля 1953 г. инспектор СДРК П. Басис, разобрав ходатайство раввина Московской хоральной синагоги С. Шлифера об издании нового молитвенника, вынес решение – «считать ходатайство необоснованным», заявив, что Шлифер хочет издать молитвенник, дабы привлечь в синагогу верующих и пополнить свои карманы. Было запрещено приглашение канторов из других городов. На Украине было запрещено произнесение слов «В будущем году в Иерусалиме». П. Вильховый писал по этому поводу, что уже в 1949 г. киевский раввин Шехтер «почувствовав, что слова молитвы приобретают сионистский характер, и дал указание о непроизнесении». Областным уполномоченным предлагалось распространить киевский опыт на все общины. Одесский уполномоченный после ареста Димента запретил членам общины приглашать раввина из другого города, принуждая выбрать его из своей среды. Ахалцихская финансовая инспекция неожиданно направила членам исполнительного органа тамошней синагоги бумагу с категорическим приказом заплатить все сборы за последние три года. Вся проблема заключалась в том, что в 1950 г. синагога была закрыта, а община – распущена³².

Наиболее болезненным для общин стали решения о закрытии синагог, массово принимавшиеся в Грузии. Практически сразу же после того, как 13 января 1953 г. по радио было передано сообщение об аресте «врачей-отравителей», грузинская милиция провела массовые обыски и аресты в еврейских религиозных общинах на территории Грузии.

В дальнейшем как среди самих грузинских евреев, так и среди исследователей бытовало представление о том, что было закрыто около 40 синагог³³. На самом деле были опечатаны 14 синагог из 27 – синагоги цхинвальских и ахалцихских евреев в Тбилиси, синагоги в Ку-

³² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 341. Л. 75; Д. 761. Л. 3, 153; Д. 1041. Л. 188–189; Д. 1042. Л. 103; Д. 1210. Л. 158; РГАН. Ф. 5. Оп. 30. Д. 10. Л. 9, 22; Мицель М. Общины иудейского вероисповедания в Украине (Киев, Львов 1945–1981). Киев, 1998. С. 70.

³³ Gitelman Tzvi A century of ambivalence... Р. 200; Коллективное обращение грузинских верующих евреев в ЦК КПСС и Совет министров СССР // Государствен-

таиси, Кулаши, Бандза, Батуми, Поти, Сурами, да и то не сразу. Так, тбилисские синагоги были закрыты лишь 22 января распоряжением председателя СМ Грузии З. Н. Кецховели. Но и такая скоропалительность вызвала недовольство уполномоченного СДРК по Грузинской ССР Д. Шалуташвили, писавшего в Москву о незаконности действий грузинских властей, закрывавших синагоги до утверждения СДРК их же запроса на закрытие. Впрочем, затем руководство Грузии попыталось еще больше уменьшить число работающих синагог. 22 марта Шалуташвили был вызван к Кецховели, который предложил ему оставить в Тбилиси, Кутаиси и Кулаши по одной (1) работающей синагоге, вместо трех-четырех, как это было до января 1953 г. Однако Шалуташвили отказался, видимо почувствовав, что ситуация начинает меняться. Был конфискован весь молитвенный инвентарь из закрытых синагог, причем некоторые свитки Торы милиционеры якобы топтали ногами.

Кроме того, в Закарпатье местный уполномоченный в полном согласии с местными властями подготовил документы на закрытие синагог в Мукачево и Ужгороде, где к руководству будто бы пробрались буржуазные националисты-«сионисты», «скрывавшиеся за плечами зарегистрированных синагог». В феврале 1953 г. за «грубое нарушение советского законодательства» была закрыта синагога в Полтаве. В Латвии в городе Краслав местный исполком решил переселить синагогу в другое помещение, но к моменту переезда его срочно отдали кому-то другому, и синагога осталась на улице. Процесс закрытия дотянулся даже до Москвы, а точнее до Подмосковья. 4 февраля 1953 г. Ухтомский райсовет принял решение о выселении общины в подмосковной Малаховке из арендуемого ею здания с 1 марта 1953 г., ввиду нехватки в поселке жилплощади. При этом никакого другого помещения общине не предлагалось.

Впрочем, благодаря сложной многоступенчатой процедуре закрытия синагог, которая утверждалась решением Совета по делам религиозных культов, и скоротечности кампании вокруг «дела врачей», большинство процедур закрытия не было доведено до конца. К моменту освобождения «врачей-вредителей» из-под стражи и сворачивания всей кампании в начале апреля 1953 г. СДРК успел рассмотреть лишь материал на закрытие двух тбилисских синагог и утвердить его. Основанием для этого стали обнаруженные при обыске в синагогах «валютные ценности». Но если в первом случае они действительно выглядели солидно – золотые монеты царской чеканки на 1250 руб., и сберегательные книжки на 245 000 руб., то перечень «ценностей»,

найденных во второй синагоге, мог послужить основанием для ее закрытия лишь с большой натяжкой – 11 долларов и 14 прорезиненных плащей из латекса. Остальные синагоги существовали все это время в подвешенном состоянии, но избежали закрытия. Вопрос о выселении общины в Малаховке должен был рассматриваться 5 апреля 1953 г., но поскольку днем раньше было официально объявлено о прекращении «дела врачей», он так и не встал на повестку дня.

Параллельно синагоги ощутили на себе антисемитизм «улицы». В Москве всего через шесть дней после обнародования «Хроники», сообщавшей об аресте «врачей-отравителей», 19 января 1953 г., «неизвестными» были выбиты стекла в Хоральной синагоге. Затем подобные акции повторялись 3, 8 и 9 марта. При этом обращения в милицию оставались без внимания, несмотря на то что их поддерживал московский уполномоченный по ДРК С. Бешапошников. В Ленинграде распространились слухи о закрытии синагоги, аресте членов правления, о взрыве в синагоге и обнаружении на еврейском кладбище оружия, фототехники, радио, драгоценностей, подкопа к заводу «Большевик», а местные подростки 15–18 лет трижды – 23 и 30 марта и 5 апреля – забрасывали синагогу камнями. Кроме того, дважды во двор синагоги приходила некая пьяная женщина, заявлявшая, что она пришла закрывать синагогу. Подобные же нападения на синагогу произошли в Куйбышеве. Милиция также проявила удивительную пассивность³⁴.

Что же касается самих общин, то единственное, чем они ответили на гонения – это жалобы и молитвы. Жалобы были самые разнообразные – от недовольства качеством мацы, до попыток обращения в высшие органы власти с просьбой о наказании антисемитов. Как отмечали сами власти, евреи «притихли». Единственный известный случай сопротивления – сообщение о евреях Кутаиси, якобы воспрепятствовавших вывозу имущества из одной из закрытых синагог³⁵. Поскольку подтверждения в архивных документах оно не нашло, вопрос о его достоверности остается открытым.

Многие верующие не рискнули появиться в синагогах и молились на дому, и потому в первые дни Песаха 1953 г. посещение синагог было на самом низком уровне за всю их историю. Так, в Москве 30 марта 1953 г. в синагогу пришло лишь 500–600 человек, вместо полутора тысяч, посещавших ее обычно. В некоторых общинах с трудом собирался обязательный миньян (10 человек, необходимых для проведе-

³⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 341. Л. 63, 85–86, 103; Д. 477. Л. 114; Д. 742. Л. 154–155; Д. 1041. Л. 249; Д. 1114. Л. 126; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Л. 7–8; ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 23. Л. 5, 10, 17, 19, 22–27.

³⁵ Gitelman Z. Op. cit. P. 200.

ния богослужения). Исключение составлял Житомир, где синагога была уже в первые дни Песаха переполнена, в том числе и людьми, которые в других городах вряд ли решились бы в нее пойти – финансовыми работниками и другими служащими. Уполномоченные в своих отчетах объясняли низкую посещаемость тем, что праздник-де совпал с переучетом товаров из-за очередного снижения цен. И лишь во вторую очередь они называли страх верующих, проявившийся после начала «дела врачей» и волны арестов раввинов и общинных активистов. Исключение составил вышеупомянутый уполномоченный В. Распутько, который объяснил снижение посещаемости... успехами антирелигиозной пропаганды. В отчете СДРК приводились слова астраханского раввина: «Верующие боятся ходить в синагоги в связи с ситуацией в стране». Настроения верующих выразил председатель рижской еврейской общины Марцинкович, когда на требования добиваться у властей разрешения на выпечку мацы ответил: «Как я могу просить о выпечке мацы, когда сам глава местной власти выступил в газете с антисемитской статьей?»

Аресты раввинов приводили к тому, что оказывался сорванным порядок подготовки праздников. Согласно сводному отчету СДРК за первый квартал 1953 г. «в отличие от прошлых лет еврейские религиозные общества проявляют мало активности при подготовке к праздникам. Ремонт и уборка проводятся лишь в отдельных синагогах, канторов приглашают крайне редко».

Параллельно под влиянием боязни арестов началась волна отречений активистов религиозных общин от должности. Известно о подобных случаях в Симферополе, Жмеринке, Бершади. В Житомире от своих обязанностей отказался мозл. В основном раввины и члены «двадцатки» отказывались от должности под влиянием арестов религиозных активистов, не желая оказаться следующими. Подобные настроения зафиксированы в Одессе, где, по словам местного уполномоченного, после ареста раввина Димента «возникло определенное замешательство», а также в Симферополе, где только успокоительная проповедь местного раввина Богомольного, пережившего холокост в бершадском гетто, и потому, видимо, мало чего опасавшегося, слегка успокоила евреев³⁶.

Ситуация изменилась лишь после сообщения о прекращении «дела врачей», опубликованного 4 апреля 1953 г., – прямые гонения были прекращены, однако религиозным активистам, арестованным в начале 1953 г., часто приходилось ждать освобождения по несколько месяцев, а то и по 2–3 года.

³⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 477. Л. 114; Д. 1105. Л. 36, 49; Д. 1176. Л. 187; Д. 1210. Л. 119; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 10. Л. 22.

Подводя итоги можно сказать, что изначально государственная политика в отношении иудаизма в позднесталинский период в значительной степени была калькой с общей государственной политики в этом вопросе. Начало «борьбы с космополитизмом» внесло в эту политику антисемитские нотки, в полной мере проявившиеся во время «дела врачей». Однако развернувшиеся тогда преследования наглядно демонстрируют нам отсутствие единого плана репрессий в отношении иудаизма – речь шла лишь о «самодеятельности» со стороны регионального партийного руководства или чинов МГБ.

Д. В. Веденеев

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ В 1943–1946 гг. (ПО ДОКУМЕНТАМ НКГБ УССР)

К 22 июня 1941 г. религиозные конфессии в Украинской ССР (прежде всего – Русская православная церковь, РПЦ) пережили тотальный разгром репрессивными и административными методами, в отдельных индустриальных областях не осталось ни одного действующего храма РПЦ. До революции только в Киеве насчитывалось до 30 тыс. представителей духовенства и монашествующих, работало 130 православных храмов и молитвенных домов. К 1941 г. служба велась лишь в двух киевских храмах. Как отмечалось в отчете Наркомата госбезопасности (НКГБ) УССР в марте 1944 г., к началу войны в ряде областей Украины не осталось ни одного действующего храма. Священники либо публично отреклись от сана, либо «тихо отошли» и работали в народном хозяйстве. Монашествующие «разбрелись» из закрытых обителей, трудились в артелях. Однако немало из них при этом открывали домовые храмы, отправляли требы и вели богослужение¹.

Однако война, которую народы СССР вели за спасение от физического уничтожения, порабощения и стирания духовно-цивилизационных основ своего бытия, возрождение веры, понудило власть серьезно изменить отношение к Православию. «Мне довелось исповедовать и причащать одного замечательного человека, генерал-майора, фронтовика, – вспоминал наш современник-священник. – На мой вопрос, как на фронте он относился к вере, он мне сказал: “Верил... И многие верили”. Он показал мне свой нательный крестик, сделанный из латуни. На фронте солдаты-умельцы делали их из стре-

¹ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 9. Д. 74. Л. 87.

ляных гильз. С тех пор он, советский офицер, а потом и генерал, этот крестик и носил. Носил всю войну... Я приложился к его крестику из гильзы как к святыне. Не один он верил на фронте, были и другие. Вера всколыхнула самые лучшие качества русского человека»².

Восстановление Патриаршества в сентябре 1943 г., определенная либерализация и нормирование государственно-церковных отношений, признанием патриотической роли Церкви в мобилизации духовных сил народа на отпор агрессорам отразились и на деятельности в конфессионной сфере органов госбезопасности, которые в 1920–1930-х гг. играли роль главного инструмента богоборческой и репрессивной политики коммунистических властей. После судьбоносных для Православия решений о восстановлении Патриаршества, удовлетворения ряда других потребностей, насущных для восстановления растерзанной Церкви, стала меняться и атмосфера на оккупированных землях. «Различными путями, с удивительной быстротой церковники узнали о приеме председателем Совнаркома СССР тов. Сталиным делегации церковников... о состоявшемся в Москве соборе епископов, об избрании митрополита Сергия патриархом православной церкви в СССР, о широкой религиозно-патриотической деятельности Московской патриархии и о сборе церковными общинами на нужды Красной Армии», – отмечали сотрудники НКГБ УССР. На освобождаемых землях Украины активизировалась церковная деятельность, служение благодарственных молебнов, произнесение патриотических проповедей, сбор средств. К марту 1944 г. в освобожденных областях УССР действовало 2113 приходов РПЦ (более всего – в Полтавской – 326, в Киеве и области – 213), 7 мужских (до 100 насельников) и 12 женских (1020) монастырей. Со времени изгнания оккупантов на этих территориях Церковь, по неполным данным, собрала в фонд обороны 2 693 686 рублей³.

В этом отношении показательна директива от 22 июля 1944 г. № 1341/с наркома государственной безопасности Украинской ССР С. Савченко. Как отмечал глава чекистов Украины, поступают сведения о том, что в Сумской, Киевской, Ворошиловградской и других областях местные органы власти и даже сельсоветы закрывают православные церкви, отдают их под склады, клубы и колхозные конторы, что оскорбляет религиозные чувства граждан и создает почву для провокационных измышлений и слухов.

Далее указывалось, что органы госбезопасности обязаны выявлять и расследовать подобные факты, информировать о них Киев.

² Протоиерей Александр Ильяшенко. *За веру и честь народную*. URL: <http://www.pravmir.ru/za-veru-i-chest-narodnuyu/>

³ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Л. 105–106.

Предписывалось в дальнейшем не допускать закрытия церквей – разумеется, «без соответствующего разрешения вышестоящих директивных органов», а аресты православного духовенства проводить только с санкции НКГБ УССР, аресту же должна была обязательно предшествовать «компрометация того или иного лица перед массой верующих»⁴.

Наряду со смягчением (в русле общегосударственного поворота «церковной» политики) форм и методов деятельности органов НКГБ, на первый план по объективным причинам выдвигалась контрразведывательная работа в конфессионной среде на освобожденных территориях, направленная, прежде всего, на ликвидацию созданных в ней спецслужбами оккупантов агентурно-оперативных позиций и иных последствий, угрожающих безопасности воюющей страны. Уже в директиве НКВД СССР от 18 февраля 1942 г. № 64, ставившей задачи оперативной работы на освобожденной территории, указывалось на важность «выявления среди церковников и сектантов агентов германских разведывательных и контрразведывательных органов, заброшенных в тылы Советского Союза, так и оставленной ими на месте». Предписывалось изучать подрывные мероприятия гитлеровцев в религиозной сфере, проведение дознаний и арестов «служителей культа», активно сотрудничавших со спецслужбами противника и их пособниками⁵.

Следует подчеркнуть, что оккупанты действительно уделяли первостепенно внимание разведывательно-подрывной работе в религиозной среде⁶. Руководство религиозной политикой на оккупированных территориях в Третьем рейхе было поручено главе партийной канцелярии Национал-социалистической партии Германии (НСДАП). На практике на временно занятых советских территориях религиозной сферой занимались: военная администрация прифронтовой зоны (условно говоря, наиболее «лояльная» сила); Главное управление имперской безопасности (РСХА, 4-м Управлением которого было гестапо) Г. Гиммлера; рейхминистерство восточных территорий во главе с А. Розенбергом (в его ведении пребывал и рейхскомиссариат «Украина»). Розенберг испытывал крайнюю неприязнь к

⁴ Там же. Д. 75. Л. 25–26.

⁵ Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. документов и материалов. М.: РИО КГБ СССР, 1985. Т. III. С. 116–117.

⁶ Об основах деятельности рейха в религиозной сфере см., в частности: Шкаровский М. В. В области религии конечной целью идеологов нацизма было тотальное уничтожения христианской Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/1147202.html>

Московской патриархии, и стремился к созданию самостоятельных автокефальных православных Церквей, враждебных РПЦ.

Из тактических соображений оккупанты не препятствовали возрождению религиозной жизни, в основе долговременной политики по отношению к религиозным объединениям лежало их разобщение, раскол, микширование религии с политическими течениями, националистическими течениями (ересь филетеизма), поощрение сектантства, создание новых квазирелигиозных, резко враждебных христианству течений. Доходило до параллельного создания конкурирующими ведомством Розенберга и РСХА двух течений украинского язычества. Розенберг привлек к сотрудничеству санскритолога и индолога из Львовского университета Владимира Шаяна (1908–1974) с его идеями возрождения «живой староукраинской веры», «пан-арийского ренессанса». 5 ноября 1943 г. он провозгласил создание Ордена Рыцарей Бога Солнца.

В свою очередь «религиоведы» из РСХА наставляли уроженца Кировоградщины Льва Силенко (1921–2008), пленного офицера Красной армии. Став офицером СС, он был вовлечен в процесс конструирования украинского язычества и со временем стал основателем Родной Украинской национальной веры. Для «украинского неоязычества» стали присущитакие «запрограммированные» установки, как воинствующее антихристианство, расистские, ксенофобские, антисемитские, русофобские взгляды, иррационализм⁷.

Ценные исторические сведения о развитии процессов в религиозной сфере содержались в «Ориентировке о деятельности церковников на Украине в период оккупации и о положении их на освобожденной территории в настоящее время» 2-го Управления (контрразведывательного) НКГБ УССР от 11 марта 1944 г.⁸ Документ отмечал, что немцы и их союзники в первые месяцы оккупации активно поддерживали возрождение религиозной жизни и восстановление православных приходов, в частности, не брали налогов с приходов.

Одновременно, как установила советская контрразведка, германские спецслужбы целенаправленно старались вовлечь православное духовенство в сеть негласных помощников, используя их для выполнения разведывательных задач и доносительства. Подобные указания тайная политическая полиция и оккупационные власти получали лично от фюрера⁹. Насаждались деструктивные секты, в Германии и

⁷ Цибулькін В. В., Рожен Л. М., Веденєєв Д. В. Нариси з історії розвідки суб'єктів державотворення на теренах України. К.: Преса України, 2011. С. 484–485.

⁸ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Л. 87–106.

⁹ Как показывают информационные документы НКВД–НКГБ, только в ближайшем окружении иерархов автокефалов и автономистов работало 18 квалифицированных агентов советской спецслужбы.

Польше гитлеровцами открывались центры подготовки миссионеров протестантских деноминаций, фактически ведущих спецпропаганду на оккупированных территориях.

Оккупанты и их спецслужбы считали приоритетом провоцирование церковных расколов и раздувание распрей между различными течениями. Основные установки на сей счет содержались в совершенно секретной директиве руководителя канцелярии НСДАП Г. Гейдриха от 1 ноября 1941 г. «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза». Предусматривалось, не прешаствуя активизации церковного движения, одновременно не допускать его консолидации, насаждать секты. Конечной целью усилий нацистов в религиозной сфере аналитики НКГБ УССР называли «фашистскую модернизацию религии вообще».

Едва ли не основным инструментом ликвидации канонического православия стала инспирация спецслужбами оккупантов церковных расколов (в условиях Украины – насаждение противостоящих друг другу Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ), автономной православной митрополита Алексия (Громадского), автономной церкви митрополита Поликарпа (Сикорского, негласно сотрудничавшего с немецкой спецслужбой), автокефалов на Левобережье («митрополита Всея Украины» Феофила (Булдовского), сотрудничавшего с гестапо¹⁰), «дикими» приходами без определенной юрисдикции. Кроме того, гитлеровские спецслужбы и ведомство Розенберга стремились вбить клин между РПЦ и главой Православной церкви в Германии митрополитом Серафимом (Ляде)¹¹.

Крайне неблагоприятную роль сыграл в инспирации «автокефального» церковного раскола «епископ» Мстислав (Степан Скрипник, племянник и адъютант Главного атамана войск УНР Симона Петлюры)¹², ставший сотрудником одной из зондеркоманд, агентом гестапо на связи у гауптштурмфюрера Губера¹³.

По мере освобождения Украинской ССР, органы НКГБ развернули энергичную оперативную работу «по церковникам и сектантам». Соответственно, перед оперативным составом ставились задачи приобретения целевой агентуры среди православного клира, «обеспе-

¹⁰ Следственное дело № 021966 в Управлении СБУ в Харьковской области.

¹¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 90; ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Л. 102; Д. 75. Л. 98; Цыпин В. Православная Церковь на Украине в годы немецкой оккупации (1941–1944). URL: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=570>

¹² Биографию С. Скрипника подробнее см.: Смирнов А. И. Мстислав (Скрипник): громадсько-політичний і церковний діяч, 1930–1944. К.: Смолоскип, 2008.

¹³ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 492. Л. 409.

ния агентурного влияния» в епископальных управлениях и благочиниях, и, в соответствии с директивой НКГБ УССР № 610 г/б от 6 ноября 1943 г., выявления осевшей под «сенью церкви» агентуры спецслужб противника¹⁴.

Показательно, что в условиях «нового курса» Сталина в религиозной сфере арест православного духовенства (равно как и католических, лютеранских священнослужителей) теперь позволялся исключительно с санкции республиканского НКГБ и только при наличии проверенных компрометирующих материалов «об их сотрудничестве с немецко-румынскими разведкой, контрразведкой и полицейскими органами». За решетку попадали клирики, которые пошли на активное сотрудничество с принципиально христианоненавистническим и террористическим режимом «тысячелетнего рейха». Так, священник житомирского кафедрального собора О. стал резидентом СД, имел на связи агентуру, которая использовалась по линии разработки антифашистского подполья. В Луганске резидентом гестапо стал благочинный города А. (бежавший с немцами). В частности, он и ряд священников, ставших агентами гестапо, содействовали нацистам в организации угона граждан на принудительные работы в Германию¹⁵.

Глава НКГБ УССР С. Савченко в директиве № 1328/с от 22 июля 1944 г. отмечал: «По имеющимся в НКГБ УССР сведениям, на территории областей Украины существуют “дикие” приходы, нелегальные монастыри и скиты православной церкви, не подчиненные Московской патриархии и считающие себя “истинно-православной церковью” на том основании, что руководители патриархии “продались” советской власти. Указывалось, что в Харьковской области и в Донбассе распространение получили «подгорновцы», в Херсонской – «прокопиевцы», отказывающиеся от подчинения епископату РПЦ¹⁶.

Ставилась задача органам НКГБ «через проверенную агентуру» выявлять и брать на учет подобные общины, активно вести их оперативную разработку. «Не затягивая» с агентурным изучением, «катакомбные» организации ликвидировать путем ареста их руководителей (с санкции НКГБ УССР) и актива из мирян, выявлять среди них агентуру немецких спецслужб, дезертиров, активных пособников оккупантов. При этом указывалось, что церкви и молитвенные дома закрывать не следует, «принимая меры к назначению в них наших

¹⁴ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Л. 85.

¹⁵ Там же. Ф. 13. Д. 375. Л. 126, 149.

¹⁶ О «катакомбных течениях» в Украине см. подробнее: Шумило С. В. В катакомбах. Православное подполье в СССР. Конспект по истории Истинно-православной церкви в СССР. Луцк: Терен, 2011.

агентов-священников», а «дикие» приходы – компрометировать перед верующими¹⁷.

В Киеве областное Управление НКГБ (УНКГБ) ликвидировало «Администрацию УАПЦ», распространявшую свое влияние и на Полтавщину и использовавшую для маскировки при поиске не-офицтов название «Соборно-апостольская церковь». Поскольку часть клира УАПЦ активно сотрудничала с подпольем ОУН и УПА, на землях Западной Украины контрразведывательные мероприятия по УАПЦ тесно связывались с антиповстанческими. В Волынской области УНКГБ «вскрыло» созданные УАПЦ совместно с ОУН «администрацию и благочиния УАПЦ»¹⁸.

В начале 1944 г. контрразведчики ликвидировали «церковно-монархическую организацию», действовавшую под видом ставропигиального монастыря под руководством архимандрита Михаила (Костюка). Группа Костюка имела «филиалы» в Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской областях. Себя Костюк именовал «самодержцем Всероссийским» и «патриархом всея Руси». По делу арестовали 28 человек (в основном монахинь). Однако, как показало расследование, под видом монахов у Костюка скрывались активные коллаборанты, удалось разоблачить нескольких оставленных «на оседание» агентов немецких спецслужб, а заодно и завербовать «ценную агентуру по церковникам», отмечал нарком госбезопасности Украины в директиве № 520/с от 23 марта 1944 г.¹⁹ Во время оккупации М. Костюк открыто служил, зарегистрировал «ставропигиальный монастырь» в созданной оккупантами Городской управе. Как установили контрразведчики, в «монастыре» Костюка под видом иноков скрывались активные коллаборанты и агентура гитлеровских спецслужб (расстрелян 21 декабря 1944 г.).

Особое внимание чекисты обратили на катакомбную «Истинно-православную церковь» (ИПЦ), ликвидировав в рамках централизованного агентурного дела «Скит» 13 ее групп в Киевской, Сталинской, Ворошиловградской, Запорожской областях со 178 участниками (всего численность верных ИПЦ в СССР оценивалась НКГБ примерно в 500 человек)²⁰. Что же касается течения «иоаннитов», то по ним также был нанесен «оперативный удар» – в рамках централизованной разработки НКГБ СССР «Остров» ликвидировано до 30 их групп, задержано примерно 250 участников, среди них

¹⁷ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 75. Л. 11.

¹⁸ Там же. Л. 72–74.

¹⁹ Там же. Ф. 13. Д. 462. Л. 6; Ф. 9. Д. 74. Л. 84–85.

²⁰ Там же. Д. 375. Л. 121.

установлены активные пособники оккупантов, а также лица, захватывавшие православные храмы²¹.

28 января 1944 г. вышла директива НКГБ УССР № 145/с «О работе по сектантам». Подчеркивалось, что, по агентурным данным, А. Гитлер лично отдавал указания по насаждению разброда, нестроений в религиозной жизни в СССР, оккупантами стимулировалась активность вышедших из подполья сект, в среде которых энергично приобреталась агентура разведорганов абвера, гестапо, румынских спецслужб (военной разведки Сервичул Сервис и контрразведки Сигуранца). Предписывалось взять на оперативный учет, в агентурную разработку все координационные и периферийные организации, их авторитетов и пасторов, указывалось на необходимость приобрести негласных помощников среди влиятельных фигур религиозных общин, выявить всех прибывших из Германии (где открывались специальные миссионерские курсы для сект на Востоке) и Западной Украины миссионеров²².

Среди «антисектантских» мероприятий контрразведки можно назвать централизованное дело «Пророки» на пресвитерско-проповеднический актив трясун-пятидесятников, с 1930 г. существовавших на нелегальном положении и воссоздавших «Всеукраинскую коллегия епископов», открытую периферийную структуру с разрешения оккупантов (было выявлено свыше 120 общин с 4000 участниками, арестовано 30 активистов). С 1945 г. легально зарегистрировавшаяся часть баптистов приняла «пятидесятников» в свою структуру, дабы те избежали арестов. Однако не признавшие власти евангельские христиане стали фигурантами заведенного на них НКГБ в декабре 1944 г. дела «Ожившие» (на актив баптистов-нелегалов во главе с киевским пресвитером Петром Метелицей)²³.

Объектами оперативной разработки становились откровенно деструктивные секты, пользовавшиеся покровительством оккупантов. Так, УНКГБ по Житомирской области в феврале 1945 г. реализовало дело «Михайловцы» на секту «Михаила Архангела» – ее предводитель Михаил Кокитько именовал себя «белым царем», «Михаилом Архангелом», а супруга – «царицей Александрой». Они же объявили «крестовый поход» против советской власти. Винницкие чекисты по делу «Мракобесы» в январе 1945 г. ликвидировали сек-

²¹ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 375. Л. 122–123; См. также: Логінов О. Ліквідація «іоаннітського» руху в 1920–1950-х рр. на Вінничині // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2007. № 2. С. 18–38.

²² ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Л. 13–14.

²³ Там же. Ф. 13. Д. 375. Л. 128–130.

ту «еноховцев» Анастасии Васильевой, открыто называвшей немцев «ангелами-спасителями»²⁴.

Впрочем, следует учитывать (не оправдывая сотрудничество с агрессором), что сама довоенная политика властей и жестокие репрессии против Церкви создавали предпосылки для перехода ряда представителей клира (в т. ч. – временного) на сторону врага. Ряд исследователей обосновано считают сотрудничество части советских граждан с оккупантами «последним актом Гражданской войны 1917–1920». Разумеется, присутствовали и мотивы мести со стороны безвинно пострадавших в предвоенный период при форсированном построении «мобилизационного социализма». Среди разоблаченной агентуры немецких спецслужб отмечали документы госбезопасности, оказалось немало детей «репрессированных врагов народа», которых целенаправленно старались привлечь к сотрудничеству разведорганы агрессора. Существовали даже организации старшекласников, потерявших близких в жерновах «Большого террора», которые стремились поквитаться с обидчиками путем уничтожения портретов и бюстов вождей²⁵.

Что же касается участников «церковного подполья», актива различных катакомбных или псевдоправославных течений, то документы НКВД–НКГБ четко указывают на преобладание среди них раскулаченных, зажиточных крестьян, членов украинских национал-демократических партий, участников национально-государственного строительства 1917–1920 гг., антикоммунистического повстанчества 1920-х и начала 1930-х гг., для которых религиозная фронда стала одной из форм «антисоветской работы монархического характера».

Нельзя не учитывать задачи и атмосферу ожесточенного противостояния с еще несломленным противником и невиданные злодеяния, совершенные оккупантами. Уже предварительное расследование показало, что только в Киевской области агрессоры уничтожили свыше 100 тыс. мирных граждан, более 121 тыс. угнали на каторжные работы. В психиатрической больнице имени Павлова в душегубках умертвили 485 беззащитных больных, врачей, пытавшихся заступиться за несчастных.

Даже «бескровные» формы сотрудничества с врагом в таких условиях карались весьма сурово, а сами правоохранительные органы и спецслужбы не только действовали в экстремальных условиях бескомпромиссного противостояния с претендентами на мировое господство, но и только что вышли из полосы всеобщего беззакония и кровавых, сфабрикованных кампаний по борьбе с «врагами народа».

²⁴ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 375. Л. 130–131.

²⁵ Там же. Ф. 9. Д. 75. Л. 66.

Директива НКГБ УССР № 1075 от 21 июня 1944 г. предписывала вести агентурно-оперативную работу для выявления антисоветских элементов даже среди инвалидов Великой Отечественной войны!²⁶

Продолжавшаяся с 1939 г. разработка Украинской греко-католической церкви (УГКЦ), захват советскими спецслужбами соответствующих документов о сотрудничестве Ватикана и Берлина, допросы сотрудников «церковных» структур РСХА, а также активная антисоветская роль Римско-католической церкви, тесно связанной с повстанцами Западной Украины УГКЦ, заставили профильные сталинские органы развернуть наступление на указанные конфессии, апофеозом которого стала организация НКГБ–МГБ Львовского собора 1946 г. с провозглашением самороспуска УГКЦ.

Разумеется, деятельность органов госбезопасности по отношению к религиозным объединениям может быть понята только в контексте того сложного времени, драматических обстоятельств Великой Отечественной войны. По слову святейшего патриарха Кирилла, «мы должны делать разумные выводы из исторических событий. Никогда нельзя поверхностно оценивать то, что произошло в прошлом. Нужно всегда стремиться видеть руку Божию и в хорошем, и в плохом, помня, что суд Божий совершается над нами в каждый момент времени»²⁷.

Объектами агентурно-оперативной разработки (прежде всего – 4-х отделений 2-го (контрразведывательного) Управления НКГБ УССР и 2-х отделов областных Управлений НКГБ) на освобожденной территории становятся:

- православное духовенство («тихоновско-сergieвское», обновленческое и украинское автокефальное), грузинская, армянская григорианская, католическая и лютеранская церкви;
- мусульманское, буддистское, иудейское духовенство и неоязычники;
- иные религиозные течения (евангелисты, баптисты, адвентисты, старообрядцы, хлысты, молокане, толстовцы, иоанниты, пятидесятники, «истино-православные христиане», «катакомбники» и другие);
- мистические течения (теософы, антропософы, масоны, спириты).

На освобожденных территориях служебные мероприятия спецслужб «по церковной линии» направлялись на:

- розыск «организованного антисоветского подполья» среди православного духовенства канонической РПЦ;

²⁶ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 75. Л. 149.

²⁷ URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/1471642.html>

- выявление «националистического подполья» среди духовенства Украинской автокефальной православной церкви;
- розыск в религиозной среде лиц, активно сотрудничавших со спецслужбами агрессоров, завербованных ими для оседания и подрывной работы на освобожденной территории;
- приобретение оперативных источников среди «церковного и сектантского актива» для предотвращения возникновения нелояльных к власти нелегальных организаций.

В. В. Лобанов

СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СНК СССР И ЕГО РОЛЬ В ЛИКВИДАЦИИ «ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО» РАСКОЛА В 1943–1946 гг.

Спровоцированный большевистской властью в 1922 г. так называемый обновленческий раскол в Русской православной церкви длился более двух десятилетий, полностью исчерпав себя в годы Великой Отечественной войны. В рамках «нового курса» по отношению к религиозным организациям, проводником которого стал образованный в сентябре 1943 г. после известной встречи трех митрополитов РПЦ с И. В. Сталиным Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР (позже при Совмине), власть сделала окончательный выбор в пользу традиционного православия. Несмотря на постепенное угасание обновленчества во второй половине 1920-х – 1930-е гг. еще существовали обновленческие церковные структуры и приходы. С началом войны обновленчество пережило кратковременный период оживления. Однако к осени 1943 г., после избрания патриархом владыки Сергия (Страгородского), позиция государственных органов окончательно определилась. Было сочтено нецелесообразным поддерживать существование обновленческой церкви, содействуя ее распаду.

Материалы Совета по делам Русской православной церкви за период 1943–1965 гг. находятся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р–6991) и с 1992 г. постепенно вводятся в научный оборот, продолжая привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей. Несмотря на обилие публикаций по истории церковно-государственных отношений указанного периода, непосредственно изучению деятельности Совета по делам РПЦ посвящено лишь несколько значимых работ¹. Среди документов

¹ См.: Шин Донг Хёк. Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР в первое десятилетие его существования. 1943–1953 гг.: Дис. ... к. и. н. М., 2002; Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь,

фонда немало относящихся к истории обновленческого движения, существенная часть их опубликована. Наибольшее значение имеют докладные записки председателя Совета Г. Г. Карпова в вышестоящие инстанции и лично Сталину о положении в обновленческой церкви, записи бесед Карпова с патриархом Сергием (Страгородским), распоряжения на места об отношении к переходу обновленцев в юрисдикцию Московской патриархии, протоколы заседаний и планы работ Совета по делам РПЦ за 1943–1944 гг., докладные записки уполномоченных и справки инспекторов Совета о деятельности Церкви в СССР. В этом же фонде отложились журналы заседаний Синода при патриархе (1943–1944), с материалами, касающимися присоединения обновленцев к патриаршей Церкви. И, наконец, акт об уничтожении Советом в конце 1950 г. архива обновленческого Высшего церковного управления за 1922–1934 гг., доставленного с квартиры умершего в 1946 г. «митрополита» А. И. Введенского, чья смерть стала датой фактической ликвидации раскола.

Сам Совет по делам Русской православной церкви был создан постановлением Совнаркома № 993 от 14 сентября 1943 г., и до 1960 г. его возглавлял высокопоставленный сотрудник Народного комиссариата государственной безопасности Г. Г. Карпов. Согласно Положению о Совете, его главная задача состояла в том, чтобы осуществлять связь между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим решения Правительства СССР. Аппарат Совета включал, кроме председателя, – его заместителя, помощника председателя, ответственного секретаря, четырех инспекторов, референта, и обслуживающий персонал². Постановлением Совнаркома № 1392 от 18 декабря 1943 г. вводилось 89 штатных единиц на должность уполномоченного Совета по делам РПЦ, которые были укомплектованы в основном к середине 1944 г. К концу 1946 г. штат Совета на местах составлял уже 112 человек. 7 февраля 1946 г. были утверждены новая расширенная структура, штат и должностные оклады работников Совета, который согласно распоряжению СНК составлял 32 оперативных сотрудника и 21 работника хозяйственной части³.

верующие. 1941–1961. М., 1999; Ее же. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР: 1943–1965 гг.: Дис. ... д. и. н. М., 2011; Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб., 2013.

² Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. С. 24.

³ Там же. С. 28.

Уже 12 октября 1943 г. Г. Г. Карпов в докладной записке на имя И. В. Сталина отмечал растерянность среди духовенства обновленческой церкви после избрания патриархом митрополита Сергия, часть из которого выражает желание перейти в сергиевскую церковь. Другая же группа во главе с «митрополитом» А. Введенским высказывается за необходимость сохранения обновленчества. Указывалось на случаи прямого обращения обновленческих иерархов в Московскую патриархию и отказа верующих от обновленческих священников. «Совет по делам Русской православной церкви, – заключает Карпов, – ...исходя из того, что обновленческое течение сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы и, принимая во внимание патриотические позиции сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую церковь»⁴. Такой подход был одобрен, и 16 октября Советом на места было направлено информационное письмо с предписанием не препятствовать переходу обновленческого духовенства, а также групп верующих и приходов в патриаршую Церковь. При этом указывалось, что «условия приема митрополитов, епископов и священников обновленческой ориентации устанавливает патриарх Сергий и на месте его епископат»⁵.

Нужно заметить, что требования к приносящим покаяние обновленческим иерархам и духовенству были в целом достаточно мягкими. Святейшим патриархом и Священным Синодом в декабре 1943 г. были выработаны специальные правила, согласно которым обновленческие епископы, пресвитеры и диаконы должны были принести покаяние, отрекаясь от всякого общения с обновленческим течением и дав клятвенное обещание до конца жизни «оставаться верными служителями Св. Церкви». При этом покаяние могло быть и публичным. Для тех обновленческих ставленников, которые «усмотрены будут содействующими и споспешествующими воссоединению других», как «исключительное снисхождение» было предусмотрено, невзирая на патриаршее запрещение в служении от 2 апреля 1924 г., распространяющееся на всех обновленцев, – принятие в своих священных степенях. Правда, только для архиереев и священства «старого» (до запрещения) поставления и тех из них, кто обратиться с покаянием до Пасхи 1944 г. (3/16 апреля). Впрочем, вступившие в брак обновленческие архиереи, «не имеющие решимости его растор-

⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8. Опубл.: Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999. С. 84–85.

⁵ Там же. Л. 11. Опубл.: Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. С. 85.

гнуть», принимались (также до Пасхи 1944 г.) в пресвитерском сане, а второбрачные обновленческие архиереи – только в звании мирян⁶.

Перед этим, 25 ноября, в беседе с патриархом Сергием Г. Г. Карпов выразил мнение о желательности в интересах ускорения перехода обновленческого духовенства в патриаршую Церковь не предъявлять к ним при приеме жестких требований. Сергей, в принципе согласившись с таким суждением, тем не менее заметил, что не может обойти основные канонические требования, в первую очередь касающиеся женатых архиереев и духовенства вступившего во второй брак⁷.

Позицию патриарха Сергия можно проследить по ситуации с принятием в Московскую патриархию первого из обновленческих иерархов «архиепископа» Михаила (Постникова), подавшего 29 октября 1943 г. на имя патриарха соответствующую докладную записку. Резолюция святейшего Сергия от 31 октября была следующей: «К сожалению, докладная записка просителя не обнаруживает достаточной серьезности в понимании просителем своего канонического проступка, а потому и покаяние просителя недостаточно. Он уходит от обновленцев лишь потому, что многие из них оказываются безупречными в своем поведении... Основной грех обновленчества не в том, что не все его представители оказались безупречными в жизни, а в том, что обновленчество как корпорация или, выражаясь языком канонов, как самочинное сборище, откололось от Святой Церкви...» Далее патриарх предлагает просителю более тщательно обдумать, в чем же он должен покаяться⁸. Более того, данная резолюция была 2 ноября представлена Московской патриархией в Совет по делам РПЦ как «имеющая принципиальное и руководственное для епархиальных архиереев значение»⁹. Сам же Михаил (Постников), согласно его дополнению к прошению от 1 ноября, заявил, что «вполне принимает данные Святейшим Патриархом в резолюции указания: вполне осознает свой грех от пребывания в обновленчестве ~ ни на какие чины, полученные как награды, не претендует, всякое сношение с обновленчеством порывает и смиренно просит принять его в общение со Святой Православной церковью»¹⁰.

⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2а. Л. 58–59.

⁷ См. запись беседы Г. Г. Карпова с патриархом Сергием (Страгородским). 25 ноября 1943 г. (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–10). Опубл.: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. С. 297–302.

⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2а. Л. 17–18.

⁹ Там же. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 22–24.

8 декабря Священный Синод рассмотрел покаянное обращение обновленческого епископа Ярославского и Костромского Корнилия (Попова). Приведем его как весьма характерное для кающихся обновленческих иерархов, с некоторыми сокращениями: «Я, нижеподписавшийся, исповедую... мое великое согрешение: еще в 1923 году я уклонился в обновленческий раскол и вот закоснел в нем до настоящего времени. Неправду обновленчества я чувствовал, старался даже не участвовать в канонических нарушениях: второбрачных не рукополагал, в хиротониях женатых епископов не принимал участия... Тем не менее в обновленчестве я коснел, занимал архиерейские кафедры и за свою службу получил от обновленцев немалые почести: сан архиепископа, митрополита и даже патриаршее отличие – предношение креста при богослужении. Теперь я обо всем этом глубоко сожалею и искренне раскаиваюсь. Навсегда отрекаюсь от всякого общения с обновленческим сборищем, отвергаю полученные от них награды.

Клятвенно обещаюсь до последнего моего издыхания быть верным и послушным служителем Святой Патриаршей Русской Церкви, в общение с которой принять меня усердно прошу и молю...»¹¹ И Михаил (Постников), и Корнилий (Попов) были приняты в сущем сане епископа.

Таким образом, начался процесс активного возвращения обновленцев в патриаршую Церковь, наиболее интенсивно проходящий в конце 1943 – первой половине 1944 г. В декабре 1943 г. в юрисдикцию патриарха перешли почти все московские обновленческие храмы: на Ваганьковском, Пятницком, Преображенском и Калитниковском кладбищах, а также причт собора Воскресения Христова в Сокольниках, во главе с «архиепископом» Звенигородским Андреем Расторгуевым. 27 декабря был воссоединен как мирянин «епископ» Ташкентский Сергей Ларин, впрочем, довольно скоро он был возведен в епископский сан. В январе 1944 г. в сане священников были приняты «архиепископ» Тульский и Белевский Петр Турбин и «митрополит» Московский и Тульский Тихон Попов. В марте принес покаяние один из старейших обновленческих архиереев, бывший первоиерарх, митрополит Виталий (Введенский), тогда же в сане протоиерея был принят заштатный митрополит Казахстанский Михаил Орлов (вскоре нареченный во епископа Воронежского и Задонского). В апреле 1943 г. принес покаяние женатый архиепископ Алма-Атинский, викарий Ташкентской епархии Анатолий Синицын, принятый как мирянин, что завершило ликвидацию обновленчества в Средней Азии,

¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2а. Л. 36–38.

где оно имело довольно прочные позиции (так, из 10 действующих в Узбекской ССР храмов 8 было обновленческой ориентации).

По данным уполномоченных Совета по делам РПЦ, к 1 апреля 1944 г. на территории РСФСР единичные обновленческие приходы сохранялись в Ивановской, Ярославской, Орловской, Архангельской, Сталинградской, Свердловской областях, а также в Кабардино-Балкарии и Северо-Осетинской АССР. Наиболее сильным обновленчество оставалось в Ставропольском и Краснодарском краях – по несколько десятков приходов¹². По сообщению инспектора Совета по делам РПЦ Митина, 17 января 1944 г. его в здании Ставропольского крайисполкома посетил с жалобой на патриаршую Церковь обновленческий «митрополит» Василий Кожин, который, в частности, заявил, что многие тихоновские церковные советы были образованы при немцах и якобы служили молебны за Гитлера, устраивали банкеты с немецкими и румынскими офицерами, и что «это не старая Тихоновская церковь в Ярославской области, где не было немцев, а Ставропольский край, где многие священнослужители являются изменниками родины, и рост здесь... патриаршей церкви, кроме вреда, ничего не даст»¹³.

Положение обновленчества на Ставрополье весьма информативно отражает донесение от 17 июля 1944 г. уполномоченного Совета по делам РПЦ по Ставропольскому краю Н. Чудина на запрос из центра о «процессе перехода обновленческих церквей и духовенства в патриаршую ориентацию». Он выделяет четыре периода существования в крае обновленчества: первый – дооккупационный, тогда на 1 августа 1942 г. числилось 11 обновленческих действующих церквей и 3 патриарших; второй – оккупационный – с 3 августа 1942 г. по 1 февраля 1943 г., когда немцы запретили обновленчество (1 обновленческий приход, 140 патриарших); третий – послеоккупационный – с 1 февраля 1943 г. по 8 сентября 1943 г. (51 обновленческий приход, 90 патриарших); четвертый – после учреждения патриаршества – с 8 сентября 1943 г. по 1 июля 1944 г. (42 обновленческих, до 100 патриарших). Далее Чудин сообщает: «С момента моего вступления в должность уполномоченного перерегистрировано из обновленческих в патриаршую [ориентацию] 12 общин.

Есть один случай стихийного перехода из патриаршей в обновленческую ориентацию. В с. Архангельском священник патриаршей ориентации сбежал и унес с собой церковные вещи. Верующие, недо-

¹² Катаев А. М. Последние годы обновленчества в контексте государственно-церковных отношений в 1943–1945 гг. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1246> (дата обращения: 20.11.2014).

¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 87–90.

вольные этим поступком, обратились за священником не к архиепископу Антонию¹⁴, а к обновленческому митрополиту Василию, чтобы тот рукоположил им дьякон Боровлева – местного жителя. Верующие единодушно подписали списки с просьбой зарегистрировать их обновленческой общиной. Райсовет зарегистрировал их.

Есть два факта, когда переход совершился не сразу. В селе Курсавка верующие удалили священника (обновленческого. – В. Л.). <...> Пользуясь отсутствием священника, архиепископ Антоний посылает туда священника Воеводина. Возникло два списка. Один за обновленцев, другой за патриаршую ориентацию. Потом объединились и вместе со священником патриаршей ориентации решили перейти к обновленцам (вернее, остаться прежней общиной обновленческой ориентации). Но вскоре после того как митрополит не принял священника, община опять попросила зарегистрировать ее патриаршей, и она была зарегистрирована патриаршей.

В с. Нины приехал благочинный патриаршего течения Кухианидзе и стал подготавливать верующих для перехода в патриаршую ориентацию. Возникло два списка. Я препроводил оба списка райсовету разобраться на месте, учесть желание верующих. Райсовет зарегистрировал общину патриаршей ориентации. Причем следует сообщить, группа тихоновцев схватила обновленческого священника и повела топить в речку. Обновленцы выбежали с вилами и отбили священника».

Сообщает уполномоченный и о случае, когда он не перерегистровал обновленческую общину в патриаршую. Это связано с упомянутым священником Воеводиным, который будучи посланным в Невинномысск, включил в список для регистрации патриаршей общины умерших и служащих в Красной армии. «Я оставил приход обновленческим, – сообщает Чудин, – так как список Воеводина был составлен с явным нарушением советских законов.

Те общины верующих, которые выражают желание перейти в патриаршую ориентацию, немедленно перерегистрируются.

За период с сентября 1943 г. перешло в патриаршую ориентацию 20 священников»¹⁵.

В Краснодарском крае, в отличие от Ставрополя, оккупационные власти разрешали открывать обновленческие храмы, что, безусловно, способствовало укреплению там обновленчества. К 1 июля 1944 г. в

¹⁴ Имеется в виду архиепископ Антоний (Романовский), назначенный на Ставропольскую кафедру 14 сентября 1943 г.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 91–92.

этом регионе оставалось 86 действующих обновленческих церквей, в которых служили 87 священников, 3 диакона и 38 псаломщиков¹⁶.

Согласно информационному отчету уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК УССР П. Ходченко, по областям Украины, по состоянию на 1 июля 1944 г., было учтено 2 433 церкви патриаршей ориентации, 98 обновленческих и 97 автокефальных церквей. «Нужно отметить, – сообщает уполномоченный, – что среди последних двух церковных ориентаций констатируется тенденция к восстановлению с патриаршей церковью»¹⁷.

К середине 1944 г. правящими обновленческими архиереями оставались: первоиерарх – «митрополит» Александр Введенский; «епископ» Ладожский Сергей Румянцев; «митрополит» Северо-Кавказский и Ставропольский Василий Кожин; «архиепископ» Краснодарский и Кубанский Владимир Иванов; «митрополит» Свердловский и Уральский Филарет Яценко; «епископ» Рыбинский Дмитрий Лобанов; «митрополит» Архангельский Мельхиседек Николин (Николев). Еще несколько иерархов оставались на покое, часть из них уже принесли покаяние.

15 августа 1944 г. Г. Г. Карпов направил в Совнарком докладную записку о ситуации в обновленческой церкви. «В настоящее время в СССР, – докладывал председатель Совета по делам РПЦ, – осталось всего 147 обновленческих церквей, из которых в Краснодарском крае 86 церквей... и в Ставропольском крае 42 церкви.

В основном распад обновленческой церкви происходит по причине роста авторитетности духовенства патриаршей церкви среди верующих, в то время как многие из обновленческого духовенства себя скомпрометировали аморальными поступками в церкви и в быту. Скомпрометировал себя и руководитель обновленческой церкви митрополит Александр Введенский. <...> Считая, что вопрос о ликвидации обновленческой церкви вполне назрел, Совет находит возможным ускорить процесс окончательного ее распада.

С этой целью обновленческий Ставропольский митрополит Василий Кожин и Краснодарский архиепископ Владимир Иванов могут обратиться к оставшемуся обновленческому духовенству с обращением о разрыве связи с митрополитом Александром Введенским на почве его аморального поведения и с рекомендацией последовать их примеру и перейти в патриаршую церковь»¹⁸.

К документу была приложена справка на «первоиерарха обновленческих церквей в СССР митрополита Александра Введенского».

¹⁶ Катаев А. М. Указ. соч.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 109.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 137–139. Оубл.: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 85–87.

В ней, в частности, указывалось на отсутствие в настоящее время авторитета у Введенского среди обновленческого духовенства и верующих, отрицательно характеризовался его нравственный облик, подчеркивалось недовольство «первоиерарха» государственной церковной политикой, отмечалось, что «немногочисленное количество церквей обновленческой ориентации... продолжают свое существование лишь потому, что есть влияние митрополита Александра Введенского»¹⁹.

Таким образом, окончательная ликвидация обновленчества напрямую была связана с позицией оставшегося обновленческого епископата, уже прекрасно понимавшего бесперспективность пребывания в расколе. Останавливало главным образом то, что подавляющее большинство из них, по каноническим причинам, могли быть приняты в патриаршую церковь лишь как рядовые священнослужители или даже миряне.

24 июля 1944 г. в Никольском кафедральном соборе Ленинграда принес покаяние «епископ» Ладожский Сергей Румянцев. В ноябре 1944 г. обратился к патриарху Алексию I с просьбой о покаянии Краснодарский «архиепископ» Владимир Иванов, принятый 28 декабря в сане священника, а 29 декабря в Патриархию было направлено письмо от духовенства Краснодарской епархии с просьбой принять их вместе с паствой в каноническое общение²⁰. В 1944 г. принес покаяние и был принят в сане епископа Мельхиседек (Николин). И, наконец, в апреле 1945 г., в числе последних, покаялся и был принят в священническом сане «митрополит Северо-Кавказский и Ставропольский» Василий Кожин. В 1945 г. принес покаяние и «епископ» Рыбинский Дмитрий Лобанов, принятый как мирянин, но через несколько дней рукоположенный во священника. В начале 1946 г. покаялся находящийся на покое обновленческий «архиепископ» Звенигородский Сергей (Иванцов), принятый в сане иеромонаха. Следует заметить, что большинство из упомянутых обновленческих иерархов вскоре получили архиерейство и в патриаршей Церкви.

К 1946 г. единственным официально признанным обновленческим храмом был московский храм Пимена Великого. Из всего обновленческого епископата оставалось всего несколько иерархов во главе с Александром Введенским, который с 1944 г. предпринимал безуспешные попытки к воссоединению на приемлемых для него условиях, т. е. с сохранением епископского сана. В июне 1945 г. он написал письмо с просьбой о принятии в юрисдикцию Московской

¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 140–140 об. Оpubл.: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 87–88.

²⁰ Катаев А. М. Указ. соч.

патриархии новоизбранному патриарху Алексию I, которого уже начал поминать во время богослужений в Пименовском храме. Однако единственный вариант, предложенный главе обновленческой церкви, был – после покаяния быть принятым в качестве мирянина и занять место рядового сотрудника Журнала Московской патриархии. Такой вариант Введенского не устраивал, а вскоре его разбил паралич, и в июле 1946 г. он скончался вне общения с Православной церковью. В октябре 1946 г. Пименовский храм, согласно предписанию Совета по делам РПЦ, был передан Московской патриархии. Фактически, это был конец обновленчества.

Оценивая роль Совета по делам РПЦ в деле ликвидации обновленческого раскола, следует учитывать объективное положение обновленческой Церкви в указанный период. К началу войны она находилась в состоянии агонии (не меняет дела и кратковременное оживление обновленчества в 1941–1943 гг.), и окончательное преодоление этого внутрицерковного разделения было лишь делом времени. Однако прагматичный выбор власти в пользу Московской патриархии значительно ускорил крах обновленческого течения, которому просто не было оставлено места в системе органов, курирующих государственную политику в отношении религии и Церкви: Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. Не требовалось каких-то специальных, масштабных мероприятий по ликвидации обновленчества со стороны государства, достаточно было обозначить свою позицию в отношении обновленческой Церкви и дать соответствующие указания уполномоченным в регионах, чтобы ускорить ее распад. Одновременно это совпадало и с интересами Московской патриархии, которая, несмотря на определенное возрождение церковной жизни в годы войны, продолжала находиться под прессом атеистической власти, стремившейся держать под полным контролем духовную сферу. Отчасти этим можно объяснить то, что ряд показавших свою лояльность государству обновленческих иерархов, сразу или вскоре после перехода в юрисдикцию Московской патриархии, вновь заняли высокие посты в административных церковных структурах. Но анализ такого рода процессов – тема уже другого исследования...

Н. А. Белякова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕВАНГЕЛЬСКИХ (ПРОТЕСТАНТСКИХ) ВЕРУЮЩИХ В УСЛОВИЯХ РАЗВОРАЧИВАЮЩЕЙСЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ¹

«Всякий баптист есть пропагандист,
Познал истину сам, дай познать другим,
Доведи слово Господне до всякой твари»².

Предлагаемая статья ставит своей задачей рассмотреть историю повседневности евангельского сообщества, организованная жизнь которого стала активно развиваться в период Великой Отечественной войны. Обстоятельства, в которых существовали верующие, да и все советское общество, в этот период вполне обозначаются понятием «чрезвычайные»³. Безусловно, «чрезвычайность» обстоятельств и потребность адаптироваться к ним возникли не в годы войны – люди существовали в них (или прекращали свое существование) все 1920–1930-е гг. Новым явлением в период войны, особенно на оккупированных территориях, где советская машина тотального контроля была разрушена, и образовавшаяся лакуна дала возможность для организации совместной религиозной деятельности, стал всплеск религиозной жизни, который получил в конфессиональной литературе даже обозначение «религиозное возрождение». Возрождение, активизация были характерны в этот период для всех конфессий на территории СССР⁴.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Христианские церкви Восточной Европы в период холодной войны: публично-правовое положение и международная активность» № 14-01-00488а.

² Это утверждение приводит Вильховой в отчете о своей поездке в Днепрпетровск в 1950 г. (ИЦАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 12. Л. 321).

³ Это понятие использует Ш. Фицпатрик: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы; город. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008.

⁴ Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет РПЦ, 2008; Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по от-

Послевоенный период интересен для исследователей своей источниковой базой – мы имеем массив архивных документов государственного происхождения и ряд воспоминаний и интервью верующих, становление которых пришлось на 1940-е гг. Государственные документы 1940-х гг., в основном отложившиеся в недрах нового органа – Совета по делам религиозных культов и его уполномоченных, несмотря на заданную атеистическую систему координат, привлекают обилием непосредственных, живых зарисовок, пусть и весьма фрагментарных, поскольку составлялись документы часто людьми, только назначенными на новые и непривычные для них должности. Одновременно эти документы отражают представления и страхи советских обывателей в отношении отдельных деноминаций, которые они воспринимали как «секты» с присущей негативной коннотацией. Очень ценно наличие воспоминаний верующих – множество участников событий 1940-х гг. (в отличие от предыдущего поколения) прожили долгую жизнь и рискнули на написание воспоминаний. Конечно, этот жанр имеет свою специфику, связанную именно с религиозностью автора: воспоминания имеют дидактически-апологетический характер, т. е. излагаемые эпизоды из жизни должны свидетельствовать о Славе Божией и о Его присутствии в жизни рассказчика. Свидетельства о «подвиге веры» в тяжелые атеистические времена часто писались после выезда из СССР в условиях эмиграции или по крайней мере после распада социалистической системы в условиях массового кардинального пересмотра советского прошлого⁵. Одновременно в своих воспоминаниях верующие стремились подводить итоги своего жизненного пути, что неизбежно подводило их к созданию образа неутомимых борцов с системой. При чтении множества воспоминаний возникает ощущение ностальгии их авторов по советскому прошлому, когда они действовали в четко заданной системе координат. Во вступлении (правда, написанном другими лицами) к воспоминаниям пятидесятника А. Гула, на обложке которых за колючей проволокой видно пробивающееся сквозь тучи солнце, содержится следующий пассаж, под которым, наверное, подпишутся многие верующие советского периода: «В наше время мир все больше и больше погружается в аморальный образ существования... Казалось бы, все хорошо: времена гонений миновали, церкви растут и умно-

ношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. М.: Крутицкое подворье, 2003.

⁵ См.: Уварова И., Рогов К. Семидесятые: хроника культурной жизни // Россия. 1998. № 1; Seriot P. *Officialdom and Straight Talk in Socialist Europe* // *Ideology and System Change in the USSR and East Europe* / ed. M. Urban. N. Y.: St. Martin's Press, 1992. P. 205–206.

жаются, все имеют счастье и довольство, но на самом деле в народ Божий вторгается беспечие и равнодушие... В то время царил коммунизм, и ярые последователи коммунизма пытались уничтожить в христианах живую веру в Бога. Верующих подвергали насмешкам и издевательствам, отправляли в ссылки, лагеря, где их вера переносила жесточайшие испытания. Но несмотря ни на что многие христиане, пройдя этот трудный путь лишений и скорбей, путь преследований и гонений, все же сохранили верность Богу до конца...»⁶ Как мы видим, идея дуализма, жесткого противостояния государства и верующих, присутствует в этом тексте, и именно в этой парадигме рассматривает опыт жизни. Однако вопрос о том, насколько, становясь верующими, люди сознательно противопоставляли себя социалистической системе, остается открытым. Сведение их жизни к противопоставлению «подавление, насилие» – «сопротивление» упрощает многообразие жизненных стратегий. Нашей задачей в данном случае является извлечь из воспоминаний бытовые подробности, которые позволяют реконструировать повседневную жизнь верующих в эпоху позднего сталинизма.

К концу 1930-х гг. значительная часть членов евангельских общин была репрессирована, большая часть протестантских общин была снята с регистрации, и легальная религиозная жизнь в СССР практически прекратила свое существование. На фоне жесточайших репрессий конца 1930-х гг. война в воспоминаниях верующих связывалась не только с лишениями, но и новыми возможностями. Стремительное отступление советских войск, разрушение советской контрольной системы, ломка заданной системы координат привела к восстановлению ранее вытесненных или просто запрещенных сфер жизни. Новый этап разрушения привычного уклада жизни породил и всплеск эсхатологических ожиданий, способствовала поиску традиционных в культуре защитных механизмов. И. Я. Антонов, живший в деревне Липно в начале войны, вспоминал: «Когда немцы бомбили расположенный неподалеку от нас город Бологое, моих односельчан охватил ужас, все они переживали за отцов, мужей и сыновей, мобилизованных на фронт. В поисках утешения две соседки однажды обратились ко мне с просьбой почитать им Библию. Их мужей отправили на фронт. Одного из них уже убили. Женщины где-то достали Библию, но читать не умели, поэтому пришли ко мне. Кто-то сказал им, что в Библии указано, когда кончится война. Я охотно согласился почитать Библию, так как слышал, что есть такая Божественная

⁶ Ноздрин М. В., Хваль В. Ю. Вступление // Гула А. Иди за мной. Краснодар: Советская Кубань, 2005. С. 6.

книга. Женщины приходили слушать только по вечерам. А я по восемнадцать часов в сутки сидел над этой книгой...»⁷

На оккупированных территориях стихийно возобновляются (или выходит из подполья) различные формы религиозной жизни, которые не встречали возражений у оккупационных властей. Практически все воспоминания протестантов повествуют о том, как активизировалось общение верующих в период оккупации: «Когда началась война, Мелитополь был оккупирован немцами. Мирное население сильно от них страдало, неоднократно совершались публичные казни для устрашения народа. Такие “освободители от коммунизма” никому не понравились. Люди стали предрекать, что немцев отсюда скоро погонят. Однако церкви тогда повсеместно были открыты. Я покался в своих грехах именно в тот период, в 1942 году, а крещение принял в следующем, 1943 году»⁸. В Кировоградской области, согласно другому свидетельству, «то, что немцы разрешили открыть церкви и распустили ненавистные всем колхозы, было воспринято с большой радостью. Молитвенные дома быстро наполнились народом. Из-за тягот военного времени люди особенно сильно потянулись к Богу... Я, будучи подростком, стал в это время петь в хоре и даже иногда проповедовать. Святое водное крещение принял в августе 1943 года, буквально под грохот канонады приближающейся Красной армии»⁹. Восстанавливаются контакты с другими регионами, вспоминается практика 1920-х гг.: разъезды проповедников. «Откуда-то из Польши появилась христианская литература на русском языке, из города в город стали ездить проповедники, что еще совсем недавно было немыслимо»¹⁰.

К концу войны более льготный режим для верующих ощущался и на тех территориях, которые не были под оккупацией. Выросший в Алма-Ате верующий вспоминал, как верующие находили друг друга: «В конце войны ситуация в стране изменилась, Сталин дал разрешение открывать церкви, и верующие люди стали быстро находить друг друга и уже без опасения за свою жизнь собираться вместе. Помню в наш дом пришли два незнакомых брата и спросили: “Здесь дети Авраама живут?” Для неверующих людей этот вопрос был непонятен,

⁷ Антонов И. А. Мое счастье в Боге, автобиографическая повесть. Изд-во «Христианин» МСП ЕХБ, 2010.

⁸ Бегущий человек. Колесник Николай Семенович и Вера Даниловна // Подвиг веры: уникальные свидетельства о жизни христиан в СССР / сост. и ред. К. Прохоров. Омск, 2010. С. 27.

⁹ «Я принимал веру в Бога по ложке в день!» Бондаренко Василий Данилович // Подвиг веры. С. 169.

¹⁰ Там же. С. 168.

а мои родители радостно ответили: «Да, живут!» Затем состоялась прекрасная братская беседа, и мы узнали об основании евангельской церкви в нашей местности. Так, с 1944 г. я стал ходить с родителями на собрание»¹¹. Другая верующая вспоминала: «У всех верующих людей после войны было огромное желание ходить в церковь. Даже вечерние собрания посреди недели всегда активно посещались. Мы помним тогда много покаяний и крещений, церковь быстро росла»¹².

Кто был членами возрождающихся или вновь создаваемых общин? Общеизвестен факт доминирования женщин в общинах всех христианских деноминаций в СССР. Женщины, на плечах которых лежала нагрузка по выживанию и выращиванию детей в тяжелейших бытовых условиях, часто оставшиеся без мужей, выполняли в производственной сфере как традиционные женские, так и мужские функции. Согласно наблюдениям государственных чиновников, членами общин ЕХБ были преимущественно женщины пожилого или среднего возраста, безграмотные или малограмотные.

В Житомирской области после расстрела при отступлении советских войск в 1941 г. пятидесятилетнего лидера, «никого из братьев не осталось заместителем, но активную работу еще при брате Сидоре проводили сестры и надо сказать, что они были благословенные Господом как в даровании Святого Духа, так и в познании Божьей премудрости. Они проводили глубокие христианские беседы о святости и чистоте, о преданности Господу. Многие из них имели пророческое служение, в котором Бог употреблял их, открывая многие тайны церкви и возвещая будущее. Народ относился к ним с особым почитанием и уважением. И когда не стало в живых брата Сидора, то в начале на их плечи пали все тяжести труда, и особенно на двоих: Юстинку и Надю.

Одна из них была в возрасте 36 лет, а вторая 42 лет. Будучи вдовами, они посвятили свою жизнь для Господа в труде и служении народу, при этом оставили все, что имели и стали странниками, посещая общины, переходя от села к селу. И общины начали сильно умножаться...»¹³

Этот пассаж, несмотря на всю его агиографичность, передает важные для нас исторические реалии: женщины в условиях войны могли свободнее перемещаться между населенными пунктами, принимая на себя амплуа привычных для русской культуры странников.

¹¹ «Здесь дети Авраама живут?» Евстратенко Алексей Тимофеевич и Вера Николаевна // Подвиг веры. С. 191.

¹² Бегущий человек. Колесник Николай Семенович и Вера Даниловна // Подвиг веры. С. 27.

¹³ Гула А. Иди за мной. Краснодар: «Советская Кубань», 2005. С. 25.

Группа верующих евангельских женщин в Тамбовской области во время войны (фотография из архива верующего В. А. Попова)

Мы видим также, что женщины были не только «объектом» воздействия, но и принимали на себя важные учительные функции. Этот текст показывает также присутствие в евангельской среде многих нормативных представлений, особенно по вопросам распределения гендерных ролей, имеющих своими истоками православную традицию¹⁴. В частности, автор воспоминаний специально сообщает о том, что обе проповедницы были вдовами, что давало им возможность публичного церковного служения.

Верующий Г. Б. Туев из Тамбовской области вспоминал о своем детстве и детстве жены. Оба они стали верующими после того как матери привели их в баптистские общины: «Многодетная семья у них и у нас, у них было 9, у нас было 8 детей. Нашим матерям досталось особенно тяжело, потому что уже было в войну, отца не было, погиб, у нее и у нас, и нам досталась непростая жизнь. Но мать наша старалась нас привести к Богу... После, в конце войны была свобода верующих дана, до войны были репрессии, были запреты, а во время войны уже в конце дали свободу. И тут мы собирались в Донском, где мы жили, были собрания такие, ну, группами собирались. А потом в город ходили, пешком ходили из Донского туда вот километров за десять»¹⁵. Примечательно, что у обоих супругов матери-члены тамбовской об-

¹⁴ См. подробно: Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011.

¹⁵ Фрагмент из интервью с Туевым Борисом Григорьевичем. Интервью взято Н. Беляковой, Тамбов, АНРС АН/1025883/1/30. 30.04.2014.

Верующие села Рассказово Тамбовской области. 1950 г.
(фотография из Тамбовской общины ЕХБ)

щины были безграмотными и все вероучительные, богослужебные нормативные постулаты усваивали исключительно на слух.

Материалы регионального уровня показывают, что после войны бывали исключительно женские общины. На публикуемой фотографии мы видим группу женщин, собиравшихся во время войны в селе Рассказово Тамбовской области. Эта группа оказалась очень устойчивой, после войны ее число выросло, так что встал вопрос о ее регистрации государственными органами. По составу она оставалась исключительно женской. Так что уполномоченный по Тамбовской области вступил в переписку с союзными органами относительно возможности регистрации женщины в качестве служителя культа этой общины.

Многочисленность женщин в общинах привлекала внимание чиновников. Так, в обзорном отчете о религиозной жизни Украинской ССР в 1952 г. специально отмечалось, что «В отчетном квартале изучался вопрос о роли женщин в общинах евангельских христиан-баптистов. В ряде общин абсолютное большинство составляют женщины, например:

Община с. Ярмолинец, Ролинского района – всего 60 человек, женщин – 59 человек. Община с. Речки Белопольского района – все-

го 30 человек, женщин – 27 человек. Община с. Хоминцы, Глинского района – 40 чел., женщин – 40 человек». Дальше уполномоченный обращал внимание на то, что и крещение на рубеже 1940–1950-х гг. принимали преимущественно женщины.

Мы можем с уверенностью говорить о том, что абсолютное преобладание женщин было характерно для евангельских общин в масштабах всей страны. Например, в Тамбовской городской зарегистрированной общине ЕХБ в 1951 г. было 23 мужчины и 105 женщин¹⁶.

Если преобладание женщин в религиозных общинах было повсеместным, было зафиксировано государственными инстанциями и вписывается в глобальный контекст женской религиозности в модернизирующихся обществах, то заслуживающим внимания является рост молодежи в евангельских общинах, что не соответствовало советско-марксистским концептам отмирания религии как пережитка темных отсталых масс (представителями которых являлись безграмотные, измученные сельские пожилые женщины). Мы сталкиваемся с новым явлением: в общины приходят молодые женщины и мужчины, рожденные при советской власти, окончившие советские школы, которых трудно вписать в концепт отсталости или инородности. Основной массив доступных нам воспоминаний евангельских верующих написан теми, кто пришел к вере как раз в 1940-е гг. и затем занял лидирующие позиции в религиозном сообществе.

Духовные искания молодых мужчин в 1940-е гг. описаны в ряде воспоминаний и, наверное, вписываются в общий контекст изменения парадигм мышления советских людей в период войны. Интересным представляется то, что авторы воспоминаний, согласно их свидетельствам, занимали в 1940-е гг. активную социальную позицию в своей деятельности – могли быть даже комсомольскими активистами. Александр Гула, родившийся в 1924 г., бывший к началу войны комсомольцем, даже входивший в состав союза воинствующих безбожников, подробно описывает духовно-исследовательские поиски круга молодежи в селе. Его товарищи, посетившие в 1941 г. первое открытое богослужение в селе христиан веры евангельской, были поражены покаянием «самых преступных людей селения». Они рассуждали: «Раньше мы стремились путем науки, путем лекции, которые мы читали односельчанам в клубе, научить людей уважать друг друга, не делать зла, не ругаться, не драться, не пьянствовать, жить мирно, сострадая друг другу; в трудную минуту помогать друг другу. В этом есть счастье и цель жизни. Но, к сожалению, мы не увидели желаемых плодов от наших лекций. И вдруг какой-то малограмот-

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 3. Д. 18. Л. 64.

ный Петр смог увлечь этих преступных людей, о которых мы не мыслили, что их можно убедить оставить прежний образ жизни. А сейчас стало реальностью, что они покаяться перед всеми присутствовавшими и стали жить честно, уважая ближних и служа им»¹⁷. Эта группа пыталась рационально разобраться в причинах повышения благополучия нравственного и социального климата внутри евангельских сообществ.

Другой молодой человек во время службы в армии занимался медицинской помощью не только солдатам, но мирным местным жителям. Его духовные поиски активизировались в армии. Однажды он отправился обследовать больную девушку. «Возле больной сидели три девушки и пели. Когда я зашел, они замолчали. Больная на самом деле была в тяжелом состоянии, и я пообещал приготовить ей лекарство с условием, что кто-то придет и заберет его. Пока я разговаривал с больной, командир начал рассказывать девушкам анекдоты. Наблюдая за девушками, я заметил, что они совсем не такие, как все те, с кем я был знаком. Этих девушек совершенно не интересовало то, что рассказывал полупьяный военный <...> Вечером сестра больной пришла за лекарством и принесла мне две книги. Одна из них – “Жизнь Иисуса Христа”. В книгу была вложена записка: “Если Вы интересуетесь Богом, то прочитайте. Книги нужно вернуть”... Девушки, которые были у больной во время моего посещения, пожелали встретиться со мной. После большой внутренней борьбы я согласился... Мы долго беседовали. Я старался защитить свой образ жизни, утверждал, что нужно веселиться и проводить дни в свое удовольствие. А девушки говорили о преимуществе жизни с Богом. Неожиданно одна из них спросила:

– Ты много удовольствия получаешь от того, что куришь и пьешь? Твоя душа насыщается этим?

Я честно признался, что кроме вреда, еще ничего не ощущал и, несмотря на все усилия, никак не могу бросить пить и курить.

– Если поверишь в Иисуса Христа и раскаешься в своих грехах, то бросишь и пить, и курить. Бог даст тебе Духа Святого, ты станешь новым человеком...»¹⁸

Публикуемый отрывок представляется примечательным тем, что показывает модель, каким образом духовные поиски отдельных людей приобретали институциональную форму: через вступление в контакт с верующими в повседневной жизни. Это была самая распространенная форма свидетельства: заметив интересующегося человека, верующие находили возможность вступить с ним в контакт и на-

¹⁷ Гула А. Иди за мной. С. 12.

¹⁸ Антонов И. А. Мое счастье в Боге. С. 25–26.

чать вести проповедь. Верующие мужчины, обратившись, начинали активно искать правильную модель поведения в Библии, что в ряде случаев приводило их к отказу от некоторых повседневных, привычных в советском быту практик.

Конечно, проще и удобнее было проповедовать в той среде и в тех местах, куда люди приходили сами со своими духовными потребностями. Поразительный эпизод рассказал в интервью Дмитрий Чернописский (Черновицкая область) об успешном опыте своей проповеди в Карпатах сразу после окончания войны:

«Пошел я в церковь и посмотрел, какая там нищета, там половина людей изувеченных. Там СПИД, там другие больные, в общем, ползут люди, ходить не могут. Я посмотрел, ну было у меня пара рублей в кармане командировочных. Церковь закрытая, возле церкви во дворе озеро небольшое. Утром так красиво изобразилась церковь в этом озере маленьком. Я так постоял, поблагодарил Бога, что такая точность, такая красота, художественная. И в это время пришел помощник священника, ну у нас кажут дьякон. Пришел, такой ключ деревянный, сунул туда. Дверь открылась, церковь была закрыта много, полгода. А здесь храм, храм – это национальное свято православное. Я так подивился, говорю: “Господи, я хочу в этом храме говорить о тебе!” Ну, посмотрел этот дьякон направо, налево, сразу подозревал меня, что я не православный. И сказал я такое обещанье Богу “Господи, если ты дашь мне проповедовать здесь, дай мне одну душу, чтобы я мог ее иметь как свой собственный сноп в этих горах”, и подхожу к двери. Начинают заходить женщины такие обшитые, такие нарядные <в национальных костюмах>.

Смотрю, одна подошла, а я не спускаю глаз. Подошла такая доска, кресты, свечи по углам и все. Я так смотрю, она перекрестилась, ну не от сердца, вот, так смотрю. Пришла другая, более менее красивая, а там третья или четвертая прямо на колено встала и головой об пол так, что слышно на всю церковь. Я говорю, “Господи, это моя”. Там кончилось служение, они там стали базар делать национальный, я спрашиваю: “Откуда вы?” “А я из соседней деревни”. Ну, мы договорились <встретиться>, она сказала, с кем живет, как живет. И я пошел за ней в ихний дом, а они люди богобоязные, но не знали ничего о Боге, ничего, буквально ничего. Я пошел в их дом и стал им проповедовать. Вот там икона, а я им сказал, что не дай Бог пожар, эти все святые все сгорят. “Что вы, святые сгорят?” Я говорю: “Это не святые, это картон, на котором изображение”, но не верят, чтобы так. Прошло полтора месяца, на работу приходит женщина, болото такое, грязь, я на кране там, она в резиновых сапогах. И смотрит на меня, а я высоко на кране на башне, она все смотрит, смотрит, показывает, что хочет встречи. Я понял, сделал перерыв, сошел, она кажет “Мой Иван хочет вас видеть”, это муж ее. А я говорю “А что такое?” “А вы

пророк! Как вы сказали, так стало”, “Что стало?” “Вы говорили, что если пожар”: Церковь сгорела. Все что в ней, алтарь, особенно алтарь сгорел. И он смотрел своими глазами, как эта святыня горит. И это было начало...

Жена интервьюера: Зажег, зажег кто, уточни!

И: Молния! Молния, да. И кажется тот хозяин: “Своими глазами я видел, как падали иконы”, я говорю: “Господи, я бы никогда столько не покаял в этом храме”, а Господь утвердил мою просьбу. Мы стали приходить к ним 2–3 раза в год...

Ж: После того они поняли, что есть Бог, после этого они поняли, что надо покаяться и не рисункам в избе поклоняться, а поклоняться живому Богу. И покаялись. И там открылась первая церковь в этом регионе»¹⁹.

Этот поразительный рассказ о проповеди баптистов в православной церкви является далеко не единственным свидетельством прозелитизма среди верующих других деноминаций. Во-первых, конструирование протестантской евангельской идентичности обязательно шло через конфликт с православной средой, особенно через критику духовенства за его нехристианские действия. Практически во всех воспоминаниях и интервью будет содержаться нарратив о том, как непосредственный контакт с каким-нибудь православным батюшкой подорвал традиционную религиозность респондента. «В моем понимании священник был святым человеком, который служит Богу и делает людям добро. Но один случай изменил это понятие и поколебал мою детскую веру», – рассказывал баптист Антонов об алчности приходского сельского священника.

Другая протестантка рассказывала следующий эпизод о столкновении с православным священником на окраине Москвы после войны: «На пути к приемному пункту молока находилась православная церковь. Проходя мимо нее после сдачи молока с пустыми ведрами (нас было трое из нашего барака – два мальчика и я), мы заметили молодого православного священника, идущего навстречу нам. Дорожка была узкая, грунтовая. Приблизившись к нам, священник остановился, строго посмотрел и сердитым голосом промолвил: “Куда идете?”

“Домой”, – ответили мы, не понимая, в чем дело.

“Куда домой! Вы не могли пойти другой дорогой?” – молвил он.

“Мы всегда этой дорогой ходим, здесь ближе!” – ответил Толя Рубцов.

¹⁹ Фрагмент из интервью с Дмитрием Степановичем Чернописским. Интервью взято Н. А. Беляковой, Черновцы. АНРС R/128120/18. март 2012 г.

“Я сейчас покажу тебе такое, что забудешь, где твой дом. Вы что идете с пустыми ведрами навстречу! Чтоб вам было пусто, а не мне!” – рассердился молодой служитель церкви»²⁰.

Суеверия, идолопоклонство, отказ от чтения и понимания Священного Писания – вот набор типичных обвинений, исходящих из евангельской среды в адрес православной традиции. Если конфликт с православием как традиционной верой, был запрограммирован при обращении к протестантской, по терминологии самих верующих к евангельской вере, то удивительной, на первый взгляд, *представляется* конфликтность внутри протестантского сообщества. Наиболее распространенным основанием для конфликтов была работа пятидесятников, т. е. крещенных Духом Святым или духовных христиан, среди евангельских христиан и баптистов. Их проповедь действительно имела большой успех в этой среде, поскольку будучи подготовлены знанием Священного Писания, люди часто стремились к большему: зримому получению Духа Святого. У пятидесятников проповедь среди баптистов была привычным делом как в довоенный, так и в послевоенный период. Согласно откровенному, достаточно непосредственному рассказу пятидесятника более молодого поколения, в 1938 г. в Житомирской области оказался из Хмельницкой области брат Сидор «Он был из церкви, имеющей дары Духа Святого, и был крещен Святым Духом. Ему было открыто Святым Духом, чтобы он поехал в нашу местность, ибо там Бог усматривал много народа для Себя (у нас были только баптисты)... Его судили и дали три года принудительных работ и отослали в наш район. Прибывши на место, он начал посещать общину баптистов и стал беседовать с людьми. Многие доверялись Слову жизни, и Бог начал крестить их Духом Святым. Эта волна покатила по всему району, так что многие вышли из баптистов и начали собираться отдельно»²¹. Конфликтность между баптистами и пятидесятниками значительно усилилась на уровне общин в условиях насильственного объединения этих деноминаций в послевоенный период.

Социализация в евангельской общине

Любой, кто оказывался в евангельской общине, попадал в четко маркированную среду с ясно определенным кругом дозволенного и недозволенного. Четкие нормативы поведения: запрет на употребление алкоголя, курения, ведение асоциального образа жизни,

²⁰ Бычкова З. В. Мои воспоминания. Жизнь и вера. М., 2014. С. 34.

²¹ Гула А. Иди за мной. С. 23.

проповедь целомудрия и моногамии, открытое исповедание своей веры – все это принципиально выделяло верующих в социально неблагополучной среде городских поселков. Один из уполномоченных так объяснял успешность баптистской проповеди среди женщин: «Твой муж пьет, курит, ругается, ходит к другим женщинам, а нашим членам это запрещено Богом. Надо ходить в наш молитвенный дом и там все это узнаете», – это предложение было часто очень притягательно для измученных неурядицами женщин. Для людей, переживших заключение, войну, часто повторное заключение, потерявших близких, помещенных в экстремальную среду коммуналок и бараков, было огромной радостью войти в сообщество, которое не ощущало бы тяжести от его присутствия, которое не воспринимало его как лишнего человека, помеху.

Вступление в общину или взросление в ней обеспечивало наличие среды вполне полноценного общения, которая заменяла советские, часто неразвитые формы социальной и культурной интеграции. Доверие и внимание к приходящим людям – вот что привлекало людей, которые часто были изгоями, маргиналами во внешней среде. Только вышедший из заключения в воркутинских лагерях бывший зека рассказывал о том, как он получил принципиальную поддержку у верующих: «Находясь в лагере через одного приближенного брата (он выходил на работу за зону без конвоя) мы поддерживали некоторую связь с воркутинскими верующими. Он познакомился с братом Малегой, сосланным в эту местность за веру в Бога и работавшим начальником железнодорожной станции в Халмер-Ю. Вместе с братом Григорием Ивановичем Ковтун они основали Воркутинскую церковь. Брат Малегга рассказывал о нас воркутинским верующим. Через него же я заручился адресом брата, проживавшего с семьей в Воркуте, и, освободившись, в первый же день был в его доме. Его жена приветливо приняла меня: “Мы слышали о тебе, дорогой брат”.

И вот я впервые в жизни присутствую на христианском богослужении. Все, абсолютно все, для меня здесь ново, необычно и трепетно. Каким восторженным наблюдателем пополнилось Воркутинское собрание народа Божьего! Живая группа (в ней было около 60 членов церкви) искупленных Христом жила как одна семья! И меня, совсем чужого человека, о котором только слышали, все приняли как родного! Это меня удивляло и умиляло до слез... Все первое собрание я проплакал...»²²

²² Бойко Н. Е. Верю в бессмертие: Автобиографический очерк. Изд-во «Христианин» МСЦ ЕХБ, 2007. С. 32.

Горьковская община евангельских христиан баптистов. Нач. 1950-х гг.
(фотография из архива РС ЕХБ, предоставлена А. В. Синичкиным)

В этом отрывке надо обратить внимание на следующий момент: мы видим важность неформальных связей, которые завязывались между людьми не на основании блата или родственных связей, а только в силу объявления себя верующим в Иисуса Христа, и именно этот критерий становился в дальнейшем рекомендацией для социализации в сообществе верующих.

Евангельское сообщество использовало имеющиеся в советском обществе формы социальной жизни и даже понятия, которыми они обозначались: включение верующих в общину (и исключение за провинности) осуществлялось через членское собрание; публичное покаяние за грехи также имело параллель в партийной культуре. Самые массовые сборища – съезды – баптистов и пятидесятников происходили два раза в год на советские праздники – майские и октябрьские. На бытовом уровне это было связано с тем, что у всех были выходные в эти дни, однако название верующими своих сборов маевками является показательным. Современники неоднократно фиксировали схожесть мелодий молитвенных гимнов с революционными песнями. Иногда специально верующие пели христианские тексты на мелодии советских песен. Можно было бы и дальше продолжить эти параллели, но нам важно в данном случае зафиксировать тот факт, что в евангельской среде использовались имеющиеся

формы социального взаимодействия, которые наполнялись новым содержанием²³.

Во всех евангельских общинах создавались хоры, пение в которых предполагало участие в репетициях – спевках. В евангельско-баптистских общинах создавались музыкальные ансамбли, которые не только играли на молитвенных собраниях в своих общинах, но и разъезжали по маленьким группам в округе. В общем художественная составляющая была близка к творчеству советской самодеятельности более позднего периода. В условиях острого дефицита религиозной литературы особую важность приобретало чтение вслух Священного Писания и проповедь на библейские сюжеты. Молодые часто конспектировали проповеди старших авторитетов. Распространение в среде религиозных текстов также было важным направлением взаимодействия.

Богослужение в евангельских общинах было понятно и доступно любому приходящему человеку, и любой мог включиться в них. Как уже отмечалось выше, важную роль в нем играло совместное пение. Мелодичные гимны (в основном они ведут свое начало из 1920-х гг.), хотя в каждом регионе были свои любимые песнопения, легко запоминались, восполняли потребность в утраченном совместном действии. Безграмотные старушки, которых было немало среди членов общин, пели наизусть многие псалмы и гимны; и возникновение единой песенной культуры на пространстве всего Советского Союза стало важным маркером идентичности этих групп. В условиях жесткого дефицита религиозных текстов каждый грамотный верующий стремился завести свой собственный молитвенник / песенник, которым пользовался на богослужениях. «Молодежь специально делала из тетрадей себе гусли, и в них переписывала псалмы, которые пели. Потом мы научились переплетному делу и делали специальные сборники, которые вмещали около 1000 псалмов. Писали псалмы все печатными буквами, ходили по селам и купали старые Библии и Евангелия, и вновь делали переплеты. В простые тетради переписывали стихотворения и рассказы», – рассказывал о деятельности молодежи в пятидесятнической общине в годы войны А. Гула²⁴.

В пятидесятнических общинах ключевую роль на богослужениях играло говорение на других языках и пророчества, которые безусловно выполняли регулятивные функции в общине – через пророчества.

²³ В дальнейшем, возможно, стоит рассуждать о том, насколько названные формы были собственно советскими или имели в своей основе традиционную русскую культуру. См. о покаяниях: Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: ЕУСПб., Летний сад, 2002.

²⁴ Гула А. Иди за мной. С. 20.

Абаканская община ЕХБ. Конец 1940 – начало 1950-х гг.
(фотография из архива РС ЕХБ, предоставлена А. В. Синичкиным)

Пророчества могли направлять дальнейшие действия общины – смену места проживания, активизации или прекращения проповеди, обличения отдельных членов.

Взаимопомощь и взаимовыручка членов общины, помощь бедным, похороны одиноких стариков – вот тот далеко не полный спектр социальных практик, применяемых членами общины. «В послевоенное время наши собрания отличались особой сердечностью, духом взаимопомощи, мы много молились, держали посты. После богослужения люди не разбегались сразу по домам, как сегодня, а еще долго общались друг с другом. Мы всегда знали, у кого какие радости и горести, кто нуждается в наших молитвах и какой-то особой помощи», – вспоминала с ностальгией верующая²⁵. Этот идеал общежития или коллектива был мечтой многих советских людей и вылился в настоячивое оформление советских коллективов.

Важнейшим направлением активности создавшихся групп была работа с молодежью. Молодежь – подростки и дети в послевоенный период – множество сирот, безотцовщина, нищета и неблагополучие способствовали росту преступности, беспризорности, хулиганству и бандитизму в молодежной среде. Интересно, что четко формулировалась необходимость (что вызывало возмущение представителей советских органов власти и фиксировалось ими) работы с молодежью. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по УССР

²⁵ «Ты – мой отец, а не Сталин». Михайловы Андрей Александрович и Нина Ивановна // Подвиг веры. С. 355.

Вильховой в 1947 г. отмечал усилившуюся «за последнее время работу ЕХБ среди лиц молодого возраста, учащейся молодежи и детей. Характерным в этом отношении является выступление на совещании пресвитеров ЕХБ в Сумской области, пресвитера Дубовика, который сказал: «Молодежь наша в бога не верует, пьянствует, безобразничает... А мы мало сделали, чтобы ее спасти...»²⁶ Далее рассказывалось, что «в селе Недобауцы, Хотинского района, Черновицкой области, весной 1946 г. общиной ЕХБ был проведен большой праздник молодежи, на котором присутствовало до 500 человек, приехавших из разных районов и даже областей УССР. Среди них были и дети школьного возраста. После торжественного богослужения и проповедей (причем все это исполнялось молодежью), во дворе молитвенного дома был проведен концерт, в котором выступал хор, оркестр, солисты-певцы и декламаторы. В заключение для всех участников слета был устроен общий обед. Такой же праздник был устроен и в селе Козыряны, той же Черновицкой области»²⁷. В дальнейшем успешность молодежной работы привела к появлению в евангельской среде отдельного молодежного движения – «бапсомола», баптистской молодежи.

Присутствие евангельских практик в повседневной жизни советского населения было характерно не только для присоединенных в ходе войны территорий, но и для центральной России. Так, в Тамбовской области было зафиксировано к началу 1950-х гг. несколько стабильных евангельских групп: «В Пальневском сельсовете, деревне Харино... регулярно, один раз в неделю незаконно собиралась на моления группа евангельских христиан баптистов в составе 7 человек... Возглавляет эту группу жена кандидата в члены ВКП(б) Покидова Игната Игнатьевича, Евдокия Федоровна Покидова. Сборы происходили в домах Назаровой Прасковьи Дмитриевны и Луновой Прасковьи Павловны. По рассказам Покидовой Е. Ф., группа возникла в 1941 году под воздействием агитации и влиянием группы баптистов села Лебяжье, Добровского района Рязанской области. Покидова рассказала, что преломление хлеба в их группе не проводится, так как его некому проводить. Однако верующие и сейчас иногда посещают группу евангельских христиан баптистов села Лебяжье Добровского района Рязанской области.

Деятельность данной группы может успешно развиваться, ее влияние расти, потому что со стороны сельского Совета, парторганизации нет никаких административных мер предупреждения, так и мер

²⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4556. Л. 121.

²⁷ Там же.

по организации политико-массовой, культурно-просветительской работы»²⁸.

Неустроенность быта, особенно культурной и социальной части повседневности в селах и рабочих поселках, могла резко контрастировать с социальной и культурной работой общин. Интересно, что в описаниях уполномоченных, очень тревожащихся активизацией баптистов, обязательно подчеркивалось, что молитвенный дом, где играл оркестр, пели хором, проповедовали, был единственным местом для проведения досуга, особенно в сельской местности. Они считали, что именно дефицитом культурно-просветительской работы, избытителен и домов культуры, самодеятельности и т. п. объясняется высокая посещаемость молитвенных собраний.

Саморепрезентация евангельских верующих в светском окружении

Евангельские верующие своим поведением отличались от окружения, и эта инаковость могла вызывать как интерес, так и раздражение. Пожалуй, самым распространенным маркером было отношение к сквернословию. Практически во всех воспоминаниях верующих мужчин содержатся нарративы о том, что они не разрешали употреблять коллегам по работе бранные слова в своем присутствии, и тем вынуждены были объяснять, чем плохо сквернословие. Другим маркером был отказ от употребления сигарет и алкоголя. Иногда верующие молились перед едой в общественных местах.

Честность и надежность в бытовых вопросах, качественность выполняемой работы также обращала на себя внимание окружающих и местные власти часто доверяли охранять, например, колхозное имущество верующим, зная, что они не будут красть. Описывая первые послевоенные годы своего детства, дочка пресвитера Московской общины ЕХБ, рассказывала следующее: «Мне запомнилось, как к нам приходили соседи из других бараков, чтобы купить детям молока. Но наша семья была большой, поэтому приходилось отказывать. Тогда мама говорила: “К сожалению, корова дает немного молока, семья большая, дети маленькие, не осталось. Пойдите к Рубцовым или к Бавевым, у них семьи меньше и дети старше, может у них будет”. – “Ой нет, у них молоко не то: как вода, синее, – слышалось в ответ. – Они, наверное, разбавляют для продажи, а вы нет. Почему?”

И тут мама, как всегда начинала говорить о вере в Бога, о Его заповедях, о том, что в Библии сказано, что “всякая неправда есть грех”.

²⁸ ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 2. Д. 19. Л. 82–84.

Что “неверные весы – мерзость перед Господом”, поэтому молоко мы не разбавляем, хотя жирность у него высокая; и напротив: “делая добро, не унываем”, “Бог есть любовь” и нам заповедал любить людей и т. д.

Мама не отпускала ни одного человека, чтобы не сказать ему о Христе, о вере, о вечной жизни после земной»²⁹, – такими словами заканчивала этот эпизод Бычкова. Эта дама, ставшая одной из первых женщин вследствие положения ее супруга во ВСЕХБ, вспоминала, как утомляла ее в детстве активность ее родителей: «На городке “Моссовет” образовалась группка верующих из 12 семей. Дети некоторых из них, наши ровесники – живы и сейчас... Часто в нашей небольшой коммунальной квартирке из двух комнат собирались друзья, и мы проводили собрания; пели, молились, папа говорил что-либо из Священного Писания (когда был дома) и руководил пением. Все это происходило негромко, чтобы не потревожить соседей. После этого мама обязательно всех угостит чаем и к чаю – “что Бог послал”.

Я в такие минуты “роптала” и говорила маме, что не нужно никого угощать, что все живут по соседству, все молодые; что мне нужно делать уроки, а вместо этого мне приходится мыть посуду и убирать со стола...»³⁰

Распространенность такого рода свидетельств в быту очевидна, она могла привлечь внимание властей тогда, когда такой активностью отличались женщины, приближенные к власти: «По имеющимся у меня сведениям, – писал с возмущением уполномоченный СДРК по Тамбовской области, – жена председателя Ал. Борковского сельсовета тов. Морщинина является активной верующей баптистской, которая якобы вне стен зарегистрированного молитвенного дома собирает молитвенные собрания в других домах.

Сообщая Вам об этом, я полагаю, что надо проверить этот факт и очевидно надлежит сделать соответствующее внушение тов. Морщину. Так, ведь, можно дойти до того, что жена Предсовета может всюду выступать в качестве проповедника баптизма и вербовать в общину евангельских христиан баптистов вне стен зарегистрированного дома, на улице, на работе и т. д., что в корне запрещается»³¹.

Кроме личной проповеди, в послевоенный период в евангельском сообществе практиковались формы массовых богослужений, которые ставили задачей через массовость и музыкальность обратить на себя внимание внешних людей. Такими праздниками за пределами

²⁹ Бычкова З. В. Мои воспоминания. С. 34–35.

³⁰ Там же. С. 35.

³¹ ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 3с. Д. 5. Л. 101.

Праздник жатвы в Центральной церкви ЕХБ (МО ЕХБ). 1940-е гг. (фотография из архива РС ЕХБ, предоставлена А. В. Сипичкиным)

молитвенного дома были крещения, свадьбы, похороны, праздники жатвы.

Массовые крещения под открытым небом были нормой в годы войны и первое послевоенное время. Об этом свидетельствуют как воспоминания участников, так и государственные документы. Пятидесятник М. Ф. Власенко, рассказывая о подъеме движения в конце войны на Брянщине, описывал его так: «Когда совершалось водное крещение, весь народ поместной церкви шел на берег реки и из других церквей, приходило очень много, особенно молодежи. И миру приходило очень много, желали посмотреть, что это такое. На берегу реки совершалось Богослужение. Братья-сельчане, по бедности своей препоясанные конским кнутом по бедрам, проповедовали пришедшим посмотреть водное крещение, покаяние и веру в Бога. Объясняли, что это крещение нужно для спасения каждому человеку. До ста душ, а иногда и больше принимали водное крещение. В одном из таких служений одна неверующая женщина, сердца которой коснулся Дух Святой, пошла в воду, чтобы и ей заключить завет с Господом через водное крещение...»³²

³² Власенко М. Ф. Жизнь и служение. Краснодар, 2014. С. 12–13.

Массовые крещения под открытым небом могли провести даже в республиканском центре. Уполномоченный по Украинской ССР с возмущением сообщал, что: «В г. Киеве в 1945 г. общины ЕХБ крестили 40 человек, причем Уполномоченный Совета рекомендовал провести крещение на другой стороне Днепра, вдали от населенных пунктов и проезжих дорог. Однако руководство общин нарушило это указание и провело крещение в центральной части Днепра, в людном месте, что привлекло до 2000 любопытных».

На свадьбы съезжались обязательно верующие из соседних регионов, устраивался праздник с пением гимнов и игрой оркестров, ставился большой шатер обычно на участке одного из родителей новобрачных, что привлекало внимание окружающих. Похороны также обычно превращались в публичное наполненное проповедью и молитвами действие – верующие выносили гроб на улицу, говорили над ним проповеди, после этого умершего с пением гимнов провожали на кладбище.

Праздник жатвы имел не только миссионерский, но и социальный характер – на него звали нуждающихся – вдов, сирот, стариков. «Осенью, после сбора урожая, общины ЕХБ устраивают так называемые “праздники жатвы”. Эти праздники (с бесплатным угощением посторонних) используются также в пропагандистских целях. В Львовской области в 1945 и 1946 гг. почти все общины после уборки хлебов провели праздник жатвы, на который приглашали “людей бедных, сирот и вдов”», – писал в Москву уполномоченный СДРК по Украинской ССР П. А. Вильховой³³. Формат проведения таких праздников, организуемых с ориентацией на внешнее окружение, сложился в ходе войны и послевоенный период. Они хорошо вписывались в советскую повседневность и закрепились в качестве устойчивых практик в евангельской среде³⁴.

Проведенное исследование показывает, что религиозные поиски людей, ставших евангельскими верующими, могли стимулироваться внешними чрезвычайными обстоятельствами, но происходили / развивались в каком-то удивительном пространстве. Мы видим, как на оставшихся фрагментах традиционной религиозности успешно закрепляется вероучение деноминации, в которой богословская составляющая сведена к минимуму, а форма проведения богослужения имеет простой вид привычных для культуры «собраний». В качестве метадискурса выступает Библия, однако значительная часть

³³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4556. Л. 124.

³⁴ См.: Белякова Н. А. Коллективные практики типичной общины евангельских христиан-баптистов в позднем СССР // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 283–294.

верующих, в силу своей неграмотности, знакомилась с вероучением изустно. Подчеркнутая доктринальная простота, принципиальный отказ от сложных обрядов и ритуалов, строгость и четкость норматива поведения, коллективизм членов общины, обилие устных нарративов позволяют в какой-то степени говорить о тенденции к формированию новой *lived religion*, использовавшей присутствовавшие в повседневности формы, но наполнявшей их новым религиозным содержанием. Заполнение жизни членов общины определенным ритмом и осмысленной активностью обеспечивало занятость свободного времени интересными и полезными делами (особенно в городах, где были крепкие общины). Взаимопомощь и поддержка создавали альтернативное пространство для формирования полноценной субкультуры. Религиозные практики евангельских общин успешно вписывались в советские условия перманентных дефицитов и смогли заполнить многие ниши повседневности обычного человека.

«НЕ ОНИ УСТУПИЛИ, А С НИМИ СОГЛАСИЛИСЬ»: ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ-БАПТИСТЫ И ПЯТИДЕСЯТНИКИ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ¹

По сравнению с ситуацией предвоенного периода религиозная политика государства начинает меняться. Уже в конце войны ряд конфессий и деноминаций получили возможность легитимировать свою деятельность. При этом верующие оставались под пристальным наблюдением государства, выступая объектом наблюдений, разработок и спецопераций. Тогда же советское государство предприняло попытку объединить все протестантские деноминации в единую организацию – Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ). Участники не были заинтересованы в таком объединении и пошли на этот шаг вынужденно, под давлением государства. Наиболее спорным и болезненным оказалось вхождение в ВСЕХБ пятидесятнических церквей. Исторически конкурирующие за верующих протестантские течения должны были каким-то образом договариваться, чтобы существовать в одной организации. Трудности такого воссоединения заключались, прежде всего, в догматических разногласиях, а также в том, что пятидесятники воспринимали баптистов как своих потенциальных единомыслителей. Проблематика объединения и последующей судьбы пятидесятнических церквей в составе объединенного союза интересует не только ученых², но и самих верующих³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00488 «Христианские церкви Восточной Европы в период Холодной войны: публично-правовое положение и международная активность».

² Никольская Т. К. Августовское соглашение и позиции пятидесятников в 40–50-х гг. XX в. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 124–133; Одинцов М. И. «Вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой...» История Пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. СПб., 2012. С. 282–376.

³ Достаточно подробно изложена точка зрения пятидесятников в: Франчук В. И. Просила Россия дождя у Господа. Т. 3. Киев, 2003; Усач Н., Ткаченко В. Выбор пути. К истории пятидесятнического движения. Кн. 2. Винница, 2009. Баптист-

Для советских пятидесятников участие во ВСЕХБ преследовало несколько целей. Прежде всего, это было способом легализации своей деятельности. Кроме того, возможность проповедовать в объединенных (баптистских) общинах могла способствовать появлению новых «крещеных Духом».

Ранее предпринимались попытки создать и зарегистрировать самостоятельный пятидесятнический союз, но они были unsuccessful⁴. В 1945 г. по поручению днепропетровской общины в Москву приехал епископ Д. И. Пономарчук: «Здесь я не получил согласия от Совета по делам религиозных культов на утверждение нашего Союза, и мне ясно ответили, что Союз хве (хев) зарегистрирован не будет. Тогда встал вопрос о возможности единства со ВСЕХБ»⁵. В историографии сложилось мнение, что на невозможность регистрации самостоятельного союза повлияла не только религиозная практика глоссолалии, считавшаяся «вредной для здоровья», но и общественный изоляционизм пятидесятников, более выраженный, чем у евангельских христиан-баптистов⁶. Кроме этих причин, могла быть еще одна – власти предпочитали иметь только одну организацию, в зоне ответственности которой находились внутренние вопросы всех протестантских деноминаций.

Подготовительная работа по объединению велась достаточно длительное время как со стороны государства, так и между договаривающимися сторонами. Изначально для объединения необходимо было прийти к доктринальному компромиссу. Баптистам и пятидесятникам нужно было выработать общее мнение не только в отношении дальнейшего существования и управления общинами, но при обсуждении догматических вопросов, таких как (не)регулярность проведения обряда омовения ног, (не)обязательность крещения духом Свя-

ские историки высказывали свое видение сложившейся ситуации. См., напр.: Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917–1967). Ч. 2. СПб., 2001. С. 181–190; История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 404–408; Мицкевич А. И. История евангельских христиан-баптистов. М., 2007. С. 302–318; Слободяник В. А. Очерки по истории пятидесятничества (с комментариями). Ирпень, 2000. С. 93–113.

⁴ Еще одна проблема в регистрации пятидесятнического союза заключалась в существовании двух направлений: христиане евангельской веры (ХЕВ, т. н. воронаевцы) и христиане веры евангельской (ХВЕ, т. н. шмидтовцы). Имея общие догматические и теологические представления, у них был разный генезис и территория распространения в СССР и некоторые отличия в обрядовой практике. При подписании Августовского соглашения необходимо было согласие лидеров обоих направлений.

⁵ Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов... С. 182.

⁶ Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. М., 2009. С. 139; см. также: Дьяченко О. В. Пятидесятничество в Беларуси. Могилев, 2003. С. 39.

тым, (не)желательность громкой молитвы на «языках». «Вначале было много суждений, потому что вопросы были щекотливые. Трудно было сначала договориться о таком едином документе, который мог объединить ту и другую сторону»⁷. Какие вопросы были наиболее щекотливыми, по мнению ВСЕХБ? Так, к августу 1945 г. «перед нами стояли четыре вопроса, которые нас до известной степени разделяли: 1) наименование, 2) обычай возложения рук на крещаемых, 3) дар иных языков и 4) обычай омовения ног»⁸. Участники тех событий вспоминают, что легче было достигнуть взаимопонимания с теми пятидесятниками, которые не практиковали омовения ног, так же как и баптисты⁹. Существовало понимание, что проблемы с глоссолальной речью, как характерным признаком пятидесятников, могли разрешиться, в лучшем случае, с течением времени. Кроме того, важным был организационный вопрос о сохранении статуса пятидесятнических служителей после объединения. И существовала еще одна, вероятно обсуждаемая, но публично не заявляемая проблема – отношение к воинской службе¹⁰.

Государству были безразличны вопросы вероисповедного характера. Более того, не существовало понимания, что именно различия в вероучении могут привести к разобщению союза. К примеру, П. А. Вильховой (уполномоченный СДРК по УССР) после беседы с пятидесятническими епископами указывал в своем отчете: «В процессе беседы с епископатом ХЕВ было установлено, что особо серьезных догматических расхождений между вероучением секты ХЕВ и ЕХБ нет»¹¹. Руководство Совета по делам религиозных культов (СДРК) полагало, что «среди рядовых верующих секты пятидесятников имеется тяга к баптистам, а этому препятствуют только сами руководители». Соответственно нужно вести работу с рядовыми верующими, «заставляя их переходить на сторону евангельских христиан и баптистов»¹². На деле же реальная ситуация была прямо

⁷ Цит. по: Мицкевич А. И. Указ. соч. С. 303.

⁸ Углубление единства в наших рядах // Братский вестник. 1946. № 4. С. 15–16.

⁹ История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 233; об этом же см.: Мицкевич А. И. Указ. соч. С. 303. В данном случае имеются в виду ХЕВ (шмидтовцы), которые не принимали омовения ног перед каждым причастием (хлебопреломлением).

¹⁰ Пятидесятники были последовательными противниками военной службы, в общинах ЕХБ служить или не служить решал каждый для себя самостоятельно. Хотя официально декларировалось, что баптисты не отказываются от службы в армии. Позднее, пятидесятники также признали, что служба в армии – личное дело верующего, но, фактически, если пятидесятник принимал присягу, его могли отлучить от церкви.

¹¹ Цит. по: Франчук В. И. Просила Россия дождя у Господа. Т. 3. С. 125.

¹² Там же.

противоположной: как раз простые верующие и не хотели ни с кем объединяться, тогда как религиозные лидеры согласились пойти на этот шаг.

В результате переговоров в августе 1945 г. было подписано Августовское соглашение, по которому пятидесятники присоединялись к союзу евангельских христиан-баптистов на условиях отказа от публичной молитвы на «иных языках» (т. е. глоссолалии) и обряда омовения ног перед причастием. В свою очередь евангельские христиане-баптисты признавали крещение духом Святым. Пятидесятнические служители сохраняли свои звания, в которые они были рукоположены до объединения¹³. Со стороны пятидесятников соглашение подписали представители ХЕВ: Д. И. Пономарчук, А. И. Бидаш; и ХВЕ: И. К. Панько, С. И. Вашкевич.

Пятидесятнические лидеры восприняли условия соглашения как победу: «не они уступили, а с ними согласились»¹⁴. Интересно, что подписавшие соглашение Д. Пономарчук и А. И. Бидаш представляли будущее объединение следующим образом: «Некоторые члены ХЕВ перестанут молиться Духом и говорить иными языками, а некоторые члены ЕХиБ поймут, уверуют и получают такую благодать»¹⁵.

Верующие видели как преимущества, так и недостатки такого существования. Пятидесятники писали: «И те, и другие хорошо понимали, что такое объединение – это “брак” не совсем по любви. Однако о “любви” в этом смысле их никто не спрашивал. Не то время было. Оставалось только одно – договариваться...»¹⁶ С ними соглашались и баптисты: «Чтобы Союз ЕХБ мог существовать, пришлось согласиться на объединение с ХВЕ на определенное время»¹⁷.

Казалось бы, в подобном объединении «пострадавшей» стороной выступают пятидесятники. Именно им пришлось отказаться от спорных моментов религиозных практик (глоссолалии и омовения ног) во время совместных богослужений с баптистами. Это действительно так. Но необходимо учитывать, что обязательность обряда омовения ног была важна прежде всего для воронаевцев (хев), тогда как шмидтовцы (хве) это не практиковали. Поэтому не всем пятидесятникам пришлось отказываться от особенностей своего богослужения.

¹³ Хотя говорить о полном принятии пятидесятнической структуры в системе ВСЕХБ не следует. Сохранились должности пресвитера и дьякона, но вместо епископа появляется звание / должность старшего пресвитера. Однако же епископы ХВЕ, получившие должности в ВСЕХБ, старшими пресвитерами не становились.

¹⁴ Цит. по: Одинцов М. И. Указ. соч. С. 378.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Франчук В. И. Просила Россия дождя у Господа. Т. 2. Киев, 2002. С. 364.

¹⁷ Слободяник В. А. Указ. соч. С. 94.

А кроме того, повторимся, что соглашаясь на вхождение во ВСЕХБ, пятидесятники преследовали собственные цели. Разумеется, необходимость такого шага объяснялась тем, что церкви, официально зарегистрированные в СДРК, получали свободу проведения богослужений, а незарегистрированные религиозные группы продолжали преследоваться властями. При этом вероятность создания отдельного пятидесятнического союза или регистрация религиозных общин как самостоятельных была незначительной. Таким образом, согласившись на регистрацию общин в составе ВСЕХБ, епископы ХВЕ и ХЕВ обезопасили, насколько это было возможно, верующих от преследований со стороны властей и светского общества.

Стоит учитывать, что также существовала потенциальная возможность привлечения новых верующих из числа баптистов. Об этом заявляли и сами пятидесятнические лидеры Г. Г. Панурко и А. И. Бидаш: «Многие евангельские христиане и баптисты под влиянием “более одухотворенных” пятидесятников тоже скоро станут “молиться духом” и говорить “иными языками”»¹⁸. Разумеется, деятели ВСЕХБ понимали возникавшие трудности с включением пятидесятников в баптистские общины. Более того, внутри общин также высказывались опасения, что пятидесятники начнут «устанавливать свои порядки и дробить нашу единую спаянную семью»¹⁹. Но открыто эти проблемы не обсуждались.

Со стороны руководителей общин и самих верующих была избрана следующая тактика поведения. В некоторых случаях старались игнорировать процесс объединения. Уполномоченными СДРК отмечалось, что даже старшие пресвитеры ВСЕХБ занимались «вопросами слияния» нерегулярно, не проводя разъяснительной работы с пятидесятниками, не агитируя их к вхождению в ВСЕХБ отдельными общинами или объединению с общинами баптистов²⁰. В других общинах местные пресвитеры могли прямо выступать против объединения, после чего они отстранялись от руководящих должностей²¹.

В свою очередь на уровне отдельных общин пятидесятники могли либо сразу отказываться от союза с евангельскими христианами-баптистами, либо соглашались на вхождение, а потом могли действовать по обстоятельствам, т. е. соблюдать или не соблюдать предложенные правила. Для обоснования выжидательной позиции могли выдвигаться разные аргументы. Наиболее распространенный из них – неприятие епископов, подписавших соглашение, в качестве своих

¹⁸ Цит. по: Одинцов М. И. Указ. соч. С. 300.

¹⁹ Цит. по: Мицкевич А. И. Указ. соч. С. 305.

²⁰ Франчук В. И. Просила Россия дождя у Господа. Т. 3. С. 163.

²¹ Одинцов М. И. Указ. соч. С. 306.

представителей. В некоторых регионах страны пресвитеры не спешили с активными действиями из-за отсутствия полной информации о происходивших в Москве событиях: «Мы еще посмотрим, как выйдет, мы еще должны побеседовать с братьями, которые присутствовали на совещании в Москве»²². Те, кто отказывался от объединения, зачастую аргументировали свой отказ тем, что «дух Святой будет побуждать нас молиться по-своему, а баптисты тогда разбегутся»²³. Также присутствовало убеждение в том, что религиозные убеждения пятидесятников «более высокие и искренние» и потому лучше совсем прекратить свою деятельность, чем идти на компромиссы²⁴.

Бывали также случаи, когда уже после объединения пресвитеры продолжали сохранять все особенности пятидесятнического богослужения. Например, в г. Кемерово в 1946 г. помощником пресвитера был избран пятидесятник В. Е. Нужный, который в молитвенном доме ЕХБ проводил отдельные богослужения для своих единоверцев, на которых практиковалась глоссолалия²⁵. О подобных же случаях сохранилась информация в «Братском вестнике». К примеру, «местные общины состоят из братьев и сестер, бывших пятидесятников. <...> До нашего посещения тут были известные отклонения в порядке совершения богослужественных собраний»²⁶ или «Пребывая среди детей Божиих в Алма-Ате, Фрунзе и Ташкенте, мы постарались устранить один общий для всех трех мест недостаток, а именно: хоровые, шумные молитвы в собраниях, нарушающие благоговение и лишаящие возможности слышать молящегося и участвовать в его молитве»²⁷.

Поведение на совместных богослужениях стало большой проблемой для руководителей баптистского союза, поэтому в публичных отчетах старших пресвитеров упоминается «необходимость дальнейшего ведения воспитательной работы среди пятидесятников с целью полного исключения незнакомых языков на всяких общественных богослужественных и молитвенных собраниях и устранения разных пророческих предсказаний и толкований, видений и сновидений»²⁸. Более того, в 1946 г. было опубликовано открытое письмо Д. И. По-

²² Франчук В. И. Указ. соч. Т. 3. С. 149–150.

²³ Цит. по: Одинцов М. И. Указ. соч. С. 304.

²⁴ Соскец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск, 2003. С. 226.

²⁵ Шиллер В. В. Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце XIX–XX вв.: Дис. ... к. и. н. Кемерово, 2004. С. 139.

²⁶ Из отчетов старших пресвитеров // Братский вестник. 1947. № 4. С. 54.

²⁷ Братский вестник. 1947. № 6. URL: http://www.mbchurch.ru/publications/brotherly_journal/114/1629/

²⁸ Сообщение о работе старшего пресвитера ЕХБ в Прибалтике Н. А. Левинданто // Братский вестник. 1948. № 3. С. 52.

номарчука и И. К. Панько, в котором они обращались к своим единомышленникам с просьбой строго соблюдать условия соглашения. В противном случае несогласные будут исключаться из членов церкви. Позднее Панько пришлось объяснять свой поступок тем, что в противном случае СДРК мог бы принять решение о запрете деятельности пятидесятников²⁹.

В целом пятидесятнические общины разделились на две группы. Первая включала в себя общины признавшие соглашение и вошедшие в общины ЕХБ на условиях Августовского соглашения; а также общины, хотя и вошедшие в ВСЕХБ, но сохранившие насколько возможно собственное богослужение. И вторая – отказались признать Августовское соглашение и остались на нелегальном / незарегистрированном положении³⁰.

Как выстраивались отношения внутри объединенных общин? Информации о мирном сосуществовании представителей разных деноминаций почти нет. Точнее она присутствует в публичных документах. Например, в «Братском вестнике» провозглашалось: «Совершившееся объединение является величайшим достижением в жизни наших братьев и сестер. И наша задача теперь – от решений о единстве перейти к такой практике в духовном служении, чтобы единение в наших рядах углубилось настолько, чтобы мы не могли больше различать, кто евангельский христианин, кто баптист и кто христианин евангельской веры»³¹. Но в действительности до единства было еще далеко. Надо признать, что положение пятидесятников в церквях, где преобладали баптисты, было незавидным. Пятидесятническое меньшинство чувствовало себя ущемленным. И этому были причины. Руководителями зарегистрированных общин чаще всего были баптисты, которые жестко критиковали пятидесятнические взгляды. Поэтому, как отмечают исследователи, на молитвенных собраниях присутствовало напряжение, иногда переходящее и во враждебные отношения³². Пятидесятники рассказывали о нарушениях Августовского соглашения: «Служителей отстраняли от служения, ущемляли совесть верующих, подвергали критике и насмешкам их вероученческие взгляды»³³.

²⁹ Дьяченко О. В. Указ. соч. С. 43.

³⁰ Никольская Т. К. Августовское соглашение и позиции пятидесятников... С. 126. Никольская пишет о трех группах, но различия между первой и второй невелики, что позволяет их объединять.

³¹ Углубление единства в наших рядах // Братский вестник. 1946. № 4. С. 16.

³² Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибиря в 1940–1960-е годы. Томск, 2008. С. 242.

³³ Франчук В. И. Указ. соч. Т. 3. С. 225.

Нужно отметить, что и пятидесятники были небезгрешны, тоже нарушая соглашение и ведя активную работу среди баптистов, «перетягивая» их на свою сторону. Например, подобные факты зафиксированы в обзоре СДРК о религиозной ситуации в СССР за 1949 г.: «Под влиянием “пророков”, “пророчиц” с их “видениями”, “откровениями” и “пророчествами” многие члены ЕХБ выходят из общины (“уйти от греха”) и присоединяются к пятидесятникам»³⁴. Об этом же писали пресвитеры ВСЕХБ в своем журнале: «Вокруг общины есть также *крайние пятидесятники во главе с очень ретивой пророчицей* (выделено мною. – В. К.), но, слава Богу, они не влияют на общину во вред ей. ...Вокруг есть *вредные религиозные волки* (выделено мною. – В. К.), которые ходят по селам и вредят верующим»³⁵.

Одновременно с этим, и те и другие апеллировали к руководству ВСЕХБ. Например, пятидесятники жаловались, что их за молитвы «на языках» называли «бесноватыми», «заблуждающимися», «получившими силу не от бога»; также их, получивших духовное крещение, отлучали от церкви³⁶. А баптисты в свою очередь жаловались, что пятидесятники стараются устанавливать свои порядки в церквях³⁷. ВСЕХБ в ответ рассылало «уведомительные» письма с напоминанием строго соблюдать пункты Августовского соглашения³⁸. Нужно сказать, что и местные чиновники пользовались противоречиями между евангельскими христианами-баптистами и пятидесятниками, привлекая на свою сторону служителей Союза ЕХБ и используя их в борьбе с религиозным подпольем.

Итак, сразу же после подписания соглашения в объединенных общинах начались трения и проблемы. Хотя до этого неоднократно отмечались случаи совместных молитвенных собраний верующих разных евангельских деноминаций не только баптистов, но и меннонитов, лютеран, пятидесятников и прочих³⁹. Можно констатировать,

³⁴ Цит. по: Одинцов М. И. Указ. соч. С. 392.

³⁵ Из отчетов наших старших пресвитеров // Братский вестник. 1953. № 1. С. 31.

³⁶ См., напр.: Послание представителей христиан веры евангельской к руководству ВСЕХБ о нарушении Августовского соглашения в объединенных общинах // Одинцов М. И. Указ. соч. С. 388–391; см. также: Глушаев А. Л. «Объединились по Духу Святому...»: пятидесятники Пермского Прикамья (конец 1940–1950-е годы) // Протестантизм в современной России. Вклад в развитие общества, религии, истории и культуры. Мат. Рос. науч.-практ. конф., посвященной 495-летию Реформации. Пермь, 2012. С. 46–52; Франчук В. И. Указ. соч. Т. 3. С. 252–254.

³⁷ См., напр.: Горбатов А. В. Указ. соч. С. 242–243.

³⁸ См., напр.: Всем общинам евангельских христиан-баптистов в СССР // Братский вестник. 1953. № 1. С. 9.

³⁹ Глушаев А. Л. «Вот так возникает прошлое»: предисловие к публикуемым воспоминаниям // Вестник Пермского государственного института искусства и культу-

что Августовское соглашение сразу после подписания сотряс первый кризис, уже в 1946 г. начался массовый выход пятидесятников из зарегистрированных общин. Некоторые верующие выходили из-за не сложившихся отношений в общине, других отлучали за неприятие баптистских практик во время богослужений. Обоснованием правоты своих действий для пятидесятников служило восприятие баптистов как вероотступников за сотрудничество с «безбожным» государством.

Одновременно с выходом из ВСЕХБ пятидесятники не оставляли попыток регистрации самостоятельного союза. В 1948 г. в Днепро-дзержинске, на Украине, состоялся объединительный съезд незарегистрированных пятидесятников, т. е. тех, кто не состоял или вышел из состава ВСЕХБ. На съезде было составлено заявление руководству ЕХБ и правительству, где было сказано: «Мы, христиане веры евангельской, можем быть только отдельным союзом ХВЕ, по нашему вероучению». Позже все участники съезда были арестованы и освобождены только в середине 1950-х гг. В 1956 г. на Украине был создан неофициальный союз, который объединил не регистрирующихся пятидесятников СССР, так называемый Киевский епископат.

Непреодолимые догматические и обрядовые разногласия не позволили сотрудничать баптистским и пятидесятническим общинам. Более того, такое искусственное объединение было постоянным источником конфликтов на низовом и более высоком уровнях. Многие пятидесятники к середине 1950-х гг. прошли эволюцию от согласия с идеей единства до серьезного разочарования в ней или отрицания ее. Но поскольку процесс среди разрозненных групп развивался в глубоком подполье, он до определенного момента оставался внешне незаметным⁴⁰. Ситуация резко изменилась в середине 1950-х гг., когда началось массовое освобождение из лагерей политзаключенных. Практически единственным положительным следствием Августовского соглашения для пятидесятников стала легализация и регистрация общин, вошедших во ВСЕХБ. При этом вопросы структуризации внутри деноминации так и не были разрешены. При этом действие Августовского соглашения продолжалось до 1989 г., когда пятидесятники официально вышли из состава Совета.

ры. 2010. № 9. С. 94–98; Глушаев А., Ключева В. «Новые» меннониты Урала и Сибири: генезис и трансформация этноконфессиональных сообществ в 1940–1960-е годы // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2014. № 4 (32). С. 280–293.

⁴⁰ Никольская Т. К. Августовское соглашение и позиции пятидесятников... С. 132.

А. Ф. Степанов

КАЗАНСКАЯ ЕПАРХИЯ И МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ В 1944–1952 гг. (ПО ОТЧЕТАМ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РПЦ ПО ТАТАРСКОЙ АССР)

Новый курс советских властей по отношению к Русской православной церкви и другим конфессиям, сложившийся постепенно после начала Великой Отечественной войны, стал приобретать вполне законные формы после разрешения Сталина в сентябре 1943 г. на восстановление патриаршества. Регистрировались храмы и священнослужители, вдовствующие кафедры стали получать правящих епископов.

Действовавшая на территории Татарской АССР Казанская епархия была разгромлена в годы Большого террора 1937–1938 гг. Еще в 1938–1939 гг. за отсутствием правящего архиерея кандидаты на священнические места должны были ездить в Москву за получением разрешения на свободные места. Но в последующие годы в связи с массовым закрытием церквей и такой способ назначения отпал сам собой. Летом 1939 г. после закрытия в Казани последнего кафедрального Петропавловского собора вся религиозная православная жизнь сосредоточилась в церкви Ярославских чудотворцев при Арском кладбище, по сути – большой часовне, в 1934–1938 гг. по воле властей принадлежавшей обновленцам. До 1942–1943 гг. она оставалась единственным действующим православным храмом в ТАССР, когда в формально не закрытой маленькой деревянной кладбищенской церкви г. Мензелинска разрешили проводить службы, прерванные в 1940 г.

С прибытием вновь назначенного правящего архиепископа Андрея (Комарова) в ноябре 1942 г. Казанская епархия была восстановлена, но вплоть до отъезда архиепископа Андрея в декабре 1943 г. в Москву, а затем на Днепропетровскую кафедру ни одной закрытой церкви в Татарии открыть не удалось – местные и республиканские власти категорически этому противились. Лишь 17 ноября 1944 г. было получено разрешение на открытие кладбищенской церкви в г. Чистополе (в 1930-е гг. принадлежала обновленцам). «Прорыв» произошел в 1945 г., когда было получено разрешение на открытие

10 церквей. Еще два храма было разрешено открыть в конце 1946 г., в том числе вторую церковь в Казани – Николо-Низскую, ставшую кафедральным собором (открылась 22 марта 1947 г.). Таким образом, решительный сдвиг в церковной жизни Казанской епархии произошел в 1944–1945 гг., когда ею временно управлял епископ Ульяновский и Мелекесский Иларий (Ильин), так в Казани и не побывавший, а поставлявший священников из г. Ульяновска и затем из г. Чебоксары, куда он был перемещен в декабре 1945 г. После назначения в Казань в феврале 1946 г. епископа Гермогена (бывший обновленческий «архиепископ» Василий Кожин) число действующих храмов Казанской епархии достигло 15 и оставалось неизменным до периода хрущевских гонений, когда в 1960–1962 гг. было закрыто два действующих храма в селах Тюрясево и Тавели. Отметим, что открывшиеся храмы не покрывали всю республику: в прежде значительных религиозных центрах, имевших женские монастыри, – в г. Бугульме и г. Елабуге ни одной церкви открыть так и не разрешили, причем весь юго-восток Татарской Республики остался без единого православного храма.

В те же 1945–1947 гг. было открыто два молебных дома старообрядцев Белокриницкой иерархии и беспоповцев, два евангельских христиан-баптистов, иудейский молебный дом (закрытый в 1953 г.), а также 16 мечетей: в 1945 г. – 3, в 1946 г. – 2 и в 1947 г. – 11, причем пять мечетей были зарегистрированы как уже действующие. После этого до 1967 г. в Татарской АССР не было открыто ни одного храма или молебного дома какой-либо конфессии¹.

Причина кроется в сугубо отрицательном отношении местных властей к религии, церкви и верующим. Открытие храмов в середине 1940-х гг. власти ТАССР однозначно трактовали как *вынужденную уступку* в годы Великой Отечественной войны, а отсутствие специальной партийной директивы по данному вопросу – как основание для торможения дела с открытием храмов, а затем и полного его прекращения. Это определило и довольно напряженные отношения между уполномоченными обоих Советов – по делам РПЦ и других религиозных культов и руководством Татарского обкома ВКП(б), закончившееся снятием обоих уполномоченных с должности с выговорами по партийной линии в 1949 г. Притом что оба чиновника не были пришлыми «варягами», а были представителями республиканской советской номенклатуры, знавшими «правила игры». Уполномоченным Совета по делам РПЦ в Татарской Республике был Ф. Ф. Горбачев, 1897 г. р., из крестьян-батраков, член ВКП(б) с марта 1920 г., с высшим экономическим образованием; с июня 1920 г. – на

¹ Ибрагимов Р. Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань, 2005. С. 172–175.

партсовработе. В ТАССР он успел поработать инструктором и врио зав. отд. школ и вузов ТатОК ВКП(б) (04.1936–08.1938), начальником Управления кинофикации при СНК ТАССР (10.1938–06.1940), директором Казанского юридического института (06.1940–07.1942), освобожден ЦК ВКП(б) «как не обеспечивший руководства институтом»; заместителем наркома торговли ТАССР и начальником контрольно-учетного бюро продовольственных и промтоварных карточек (22/29.08.1942–03.1944). Решением ТатОК ВКП(б) 10.02.1944 Горбачев был утвержден уполномоченным Совета по делам РПЦ; снят решением ТатОК ВКП(б) от 13.08.1949². Его коллега – уполномоченный Совета по делам религиозных культов по ТАССР Х. С. Багаев, 1896 г. р., член ВКП(б), с высшим экономическим образованием, также имел стаж партийно-советской работы, в том числе был директором Антирелигиозного республиканского музея, а с 27.12.1944 по 5.10.1949 работал уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СНК ТАССР³.

В чем же состояла деятельность уполномоченного по делам Русской православной церкви в регионе и как проявлялась его власть, заставившая несколько позже патриарха Московского и всея Руси Алексия I признать, что *«правлящим в епархии по церковным канонам считается архиерей. Но архиерей не управляет, а архиерействует, а уполномоченный управляет»*⁴.

В исследовании этого вопроса нам помогут документы уполномоченного Совета по делам РПЦ за 1946–1952 гг., сохранившиеся в казанских архивах, которые могут рассматриваться и как основной источник по истории Казанской епархии, поскольку ее архив до 1938 г. сгинул в недрах НКВД, а после восстановления епархии в 1942 г. новый архив был уничтожен самими сотрудниками канцелярии Казанской епархии в начале 60-х годов после ареста и осуждения правящего епископа Иова (Кресовича).

По данным уполномоченного СДРПЦ по ТАССР (январь 1947 г.), всего за период 1944, 1945 и 1946 гг. поступило 251 заявление об открытии церквей и молельных домов из 100 населенных пунктов республики. В 1947–1948 гг. подобных ходатайств стало меньше – 65 и 52 соответственно, в 1949 г. – 21, в 1950 г. – 19 и в 1951 г. всего 8. По нашим подсчетам, из населенных пунктов, где до закрытия дей-

² Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 61 л. Д. 253. Л. 294, 320.

³ Там же. Д. 199. Л. 268.

⁴ Цит. по: Панков Г. Д. О политике Советского государства в отношении к Русской православной церкви на рубеже 50–60-х годов // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. II. М., 1993. С. 226.

ствовавали приходы Московского патриархата, было подано 68,37 % заявок, из обновленческих – 12,2 %, неизвестно – 19,4 %. Большинство ходатайств – 201 (80 %) по разным поводам бюрократического характера было отклонено, а из 50, принятых Горбачевым к рассмотрению, 37 (14,3 % от общего числа и 74 % от рассмотренных) были отклонены Совмином ТАССР по отрицательному заключению самого уполномоченного, было же удовлетворено только 13 или менее 5,18 % ходатайств⁵. Отметим, что по СССР было удовлетворено на август 1946 г. 12,25 % ходатайств или более чем вдвое. И это при том, что на 01.06.1946 в РСФСР в целом действовало только 8 % церквей и МД по сравнению с 1916 г., а в Татарской АССР – всего 2,06 % (14 из 680)⁶.

Наличный фактический материал не позволяет дать исчерпывающее объяснение, почему то или иное ходатайство об открытии православного храма принималось или не принималось к рассмотрению и каковы были критерии (если они были) положительного заключения и были ли они неизменными в 1944–1948 гг. Очевидно только, что сопротивление местных и республиканских властей было очень сильным. В информационной записке Совета по делам РПЦ, Сталину от 27.08.1946 Г. Г. Карпов отмечал, что «помимо разрешенных к открытию церквей и молитвенных домов, значительные группы верующих удовлетворяют свои религиозные потребности через незарегистрированных священников, бродячих монахов и других лиц, зачастую не имеющих никакого отношения к церкви. Совершение церковных служб и обрядов такими лицами имеет довольно широкое распространение... В отдельных случаях местные советские органы мирятся с такой формой обслуживания религиозных потребностей населения, *лишь бы не открывать церковь* (выделено мною. – А. С.)». Карпов признавал, что со стороны советских органов и работников на местах отмечается «усиление противодействия попыткам верующих добиться открытия церкви в форме административного воздействия на заявителей, дачи неправильных материалов в облисполком о состоянии церковных зданий, о заявителях и т. д.»⁷

Уполномоченный СДРПЦ Ф. Горбачев жаловался в Москву, что он оказался «в исключительно затруднительном положении», что 1-й секретарь Татарского обкома ВКП(б) Муратов дал распоряжение председателю СМ ТАССР Шарафееву не рассматривать заключения обоих уполномоченных Советов по делам религии об от-

⁵ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-128. Оп. 13. Д. 295. Л. 6–6 об., 8–12; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 2347. Л. 58.

⁶ Исторический архив. 1994. № 4. С. 105, 102.

⁷ Там же. С. 104, 107.

крытии храмов до их рассмотрения на бюро ТатОК ВКП(б), но на май 1946 г. (и позднее) не провел через бюро ОК ни одного вопроса, связанного с открытием молитвенных зданий. Более того, Муратов указал обоим уполномоченным, что официально открывать мечети и церкви не следует, чтобы «этим не способствовать росту религии», «этим увлекаться не будем и до сих пор не было указаний (из Центра. — А. С.) на неправильное действие», а уполномоченному Совета по делам религиозных культов при СМ ТАССР Багаеву даже пригрозил исключением из партии⁸. Должностные полномочия требовали от уполномоченных легализации служителей культа, исполнявших свои обязанности, не будучи зарегистрированными, разумеется, с целью установления за ними более действенного контроля. Напрасно уполномоченный СДРПЦ по ТАССР Горбачев и сменивший его на этом посту в январе 1950 г. Н. Н. Ключков писали записки в высшие инстанции о полулегальной деятельности заштатных священнослужителей и разных самосвятов в г. Бугульме и г. Елабуге, Верхнеуслонском, Куйбышевском и других районах ТАССР⁹, дело с открытием новых храмов не сдвигалось с мертвой точки задолго до поворота в религиозной политике Сталина в 1948 г. Не помогло даже прямое обращение к руководству Татарской республики председателя СДРПЦ Карпова, отмечавшего, что «проводимая в Татарской АССР линия задержки и торможения открытия церквей приводит к самым нежелательным последствиям, т. е. к росту подпольной церкви с антисоветски настроенным духовенством, которое оказывает свое влияние на верующих граждан»¹⁰.

Своими настойчивыми просьбами уполномоченные обоих Советов испортили отношения с обкомом партии, и в 1949 г. наступил час расплаты. Поводом к снятию Ф. Горбачева послужило неразрешенное собрание и шествие в ночь с 7 на 8 июля 1949 г., когда верующие из Казани и близлежащих селений попытались организовать крестный ход из с. Семиозерка (там до 1928 г. располагался мужской монастырь) в Казань, но были остановлены милицией, разрешившей отправиться с иконами в город *на машине* 20–25 представителям. Уполномоченный СДРПЦ по ТАССР Горбачев бюро ТатОК ВКП(б) 13.08.1949 был снят с работы с занесением партвыговора в учетную карточку «за непринятие мер к предотвращению массового собрания верующих и их шествия с иконами в гор. Казань, за несообщение о готовящемся сборе обкому ВКП(б), за допущенные серьезные ошибки

⁸ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 13. Д. 360. Л. 43; Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 2. Л. 40–40 об.

⁹ Там же. Д. 325. Л. 5 об. — 6; Д. 382. Л. 8–10; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 2347. Л. 114–116; 50–52 и др.

¹⁰ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 13. Д. 285. Л. 46.

при проведении в жизнь директив партии и правительства по отношению церкви»¹¹. Та же участь постигла уполномоченного Совета по делам религиозных культов по ТАССР Хабиба Багаева. Постановлением бюро ТатОК ВКП(б) от 5 октября 1949 г. он был снят с должности с партвыговором с занесением в учетную карточку, поскольку «не обеспечил проведение в жизнь политики партии в отношении религии, в ряде случаев при решении конкретных вопросов занимал непартийную позицию и своими неправильными действиями по существу создавал благоприятную обстановку для активизации деятельности церковников, по существу смыкался с церковниками и превратился в их ходатая перед советскими органами»¹². Сменивший Горбачева Н. Ключков также был снят со своей должности осенью 1952 г., но по директиве из Москвы, видимо, по сокращению штатов. Его полномочия по совместительству перешли к уполномоченному Совета по делам религиозных культов по ТАССР Сафину.

Тем не менее есть основания считать, что все уполномоченные свои обязанности по контролю за религиозной деятельностью в ТАССР исполняли исправно. Важнейшей из их функций был контроль за священнослужителями. Судя по докладным, он был полным и всесторонним. Довольно быстро уполномоченные обзавелись сетью информаторов из партийно-советского актива на местах, членов двадцаток и самих священнослужителей и располагали обширной информацией о жизни епархии. Об этом свидетельствуют довольно подробные докладные записки о проведении христианских праздников не только в Казани, но и в сельских приходах с указанием примерной численности участников, происшествий и т. д. На периодических встречах с правящими архиереями, руководителями епархиального совета и рядовыми священниками уполномоченные с помощью своих «рекомендаций» умело и настойчиво проводили курс партии и правительства. Так, в отчете за 1-й квартал 1947 г. Ф. Горбачев сообщил, что открытие нового кафедрального собора Казанской епархии – Николо-Низской церкви, планировалось в воскресный день 23 марта 1947 г. «В целях избежания скопления большого количества народа» епископ Гермоген «выразил готовность» перенести освящение церкви на рабочий день 22 марта. На праздник по данным уполномоченного собралось 13–15 тыс. человек, запрудив одну из центральных улиц Казани, а доход церкви за день составил более 60 тыс. руб. Чтобы «не повлиять» на исполнение верующими своих гражданских обязанностей в день выборов в Верховные сове-

¹¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 1729. Л. 83–84; Оп. 61л. Д. 253. Л. 320–321. Партвыговор снят 28.04.1951.

¹² Там же. Оп. 61л. Д. 199. Л. 269.

ты союзных и автономных республик 9 февраля 1947 г. епископ Гермоген самостоятельно «поставил вопрос» о возможности назначить церковные службы в этот день на более поздние часы дня. Предложение епископа «получило одобрение». Тогда же казанское духовенство захотело отпраздновать годовщину пребывания еп. Гермогена на Казанской кафедре и посоветовалось об этом с уполномоченным СДРПЦ. В беседе с представителями духовенства Ф. Горбачев указал «относительно намерений пышного проведения годовщины с богатыми преподношениями подарков», что в материалах, публикуемых Журналом Московской патриархии, «одобряется скромность проведения подобного рода торжеств»¹³. Итак, уполномоченный Совета по делам РПЦ разъясняет духовенству позицию Московской патриархии!

В отчете уполномоченного за 2-й квартал 1948 г. отмечалось, что церковные советы и священнослужители сельских приходов «оказывают бесспорное влияние на верующих и укрепляют позиции церкви в глазах населения», участвуя в полевых работах в колхозе, одалживая денежные средства правлениям колхозов на проведение хозяйственных мероприятий и выполнение госповинностей. Так, настоятель и совет церкви села Ново-Мордово Куйбышевского района ТАССР в период осенне-зимних дровозаготовок внесли 1000 руб. в сельский совет на расходы в связи с посылкой колхозников на заготовку дров. Председатель сельского совета, налоговый агент часто прибегали к заимствованию денег у священника Лизунова. Во время уборочной кампании 1947 г. Лизунов из состава верующих старух составил бригаду в 15–20 человек для участия на уборочных работах, причем сам принял в них участие: убрали серпами 6 гектар. А настоятель церкви села Большое Фролово Буинского района Зороастров систематически сам вместе с женой и дочерью принимал участие в полевых работах, причем от вознаграждения отказывался. Протоиерей Зороастров часто выступал перед верующими с проповедями об их гражданском долге, особенно в напряженное время полевых работ; призывал детей, посещающих церковь, к достойному нравственному поведению, трудолюбию и уважению старших. Правление колхоза пользовалось взаимобразно денежной помощью прихода на свои хозяйственные нужды. По инициативе Зороастрова за счет средств прихода в селе Большое Фролово восстанавливали памятник из мрамора в честь погибших воинов Великой Отечественной войны. Протоиерей Зороастров по приглашению правления колхоза участвовал в торжественных празднествах колхоза. «Из приведенных примеров

¹³ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 13. Д. 295. Л. 16, 17, 18 об.

видно, – заключал уполномоченный, – что названные служители культа очень сильно вошли в общественный быт колхоза и верующих, – правильно ли будет найти предлог для постановки вопроса перед архиереем о их перемещении в другие приходы»¹⁴.

Предложение было одобрено и проведено в жизнь: отличившиеся священнослужители, кстати, оба бывшие обновленцы, были перемещены... на более удобные места: протоиерей Зороастров был перемещен в приход с. Гари недалеко от спутника Казани г. Зеленодольска (доход церкви с. Гари за 1947 г. был выше дохода большефроловской почти на 60 %) и назначен благочинным епархии. Иван Лизунов был перемещен 1-м священником в кладбищенскую церковь г. Чистополя, чей доход в том же 1947 г. был на 71 % выше дохода новомордовской церкви¹⁵.

Что же представляло из себя казанское духовенство? В 70 районах Татарской АССР на 01.04.1947 действовало всего 15 церквей, из них две в г. Казани, в которых служили: правящий епископ, 27 священников, 4 диакона, 3 псаломщика. Дяконы и псаломщики служили только в городах Казани и Чистополе. Из священников были посвящены в сан до 1918 г. – 15 (55,6 %); в 1918–1930 гг. – 9; в 1930–1941 гг. – 3; и один священник 1912 г. р., священник кладбищенской церкви г. Казани был посвящен в сан после 1945 г. Епископ Гермоген и 21 священник были старше 55 лет, еще шесть были в возрасте от 41 года до 55 лет включительно, один – в возрасте 35 лет. Высшее академическое образование имели двое, богословское среднее – 18 пастырей (66,7 %), светское среднее – трое, высшего светского образования не имел никто. Низшее образование имели пять священнослужителей. На 01.01.1952 ситуация по существу не изменилась. Из 35 зарегистрированных священнослужителей, кроме правящего архиепископа, было 29 священников (в городах – 15, в сельской местности – 14 священников) и пять диаконов – все в городах. Из городских священников по-прежнему лишь один был в возрасте до 40 лет; в возрасте от 41 до 55 лет – три человека; старше 55 лет – 17 человек. Среди сельских – соответственно 3 и 11 священников. Всего по Казанской епархии: до 40 лет – один человек; с 41 до 55 лет включительно – шесть человек; 28 (80 %) священнослужителей были старше 55 лет. Наивысший уровень квалификации имели казанские священники: двое имели высшее богословское образование и четверо – среднее духовное образование¹⁶.

¹⁴ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 13. Д. 325. Л. 25–26.

¹⁵ Там же. Д. 414. Л. 56.

¹⁶ ЦГА ИИД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 2347. Л. 112; НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 13. Д. 414. Л. 100; Д. 482. Л. 11.

Напрашивается сравнение с общесоюзной ситуацией. На 01.07.1946 в целом по СССР 77,9 % из действующих священников были старше 50 лет. Высшее академическое образование имели 3,2 %, духовное среднее – 34,86 %, среднее светское – 36, 2 % (наивысшая доля), светское ниже и среднее – 56,9 %, высшее светское – 4,96 % пастырей. Из священников были посвящены в сан до 1918 г. – 45,6 % (в Казанской епархии – 55,6 %); в 1918–1941 гг. – 24,1 % (в Казанской епархии – 44,4 %) ¹⁷. Таким образом, действующее духовенство казанской епархии имело большой стаж служения и было более образованным, чем в целом по стране, возрастной же состав был одинаковым. В нашем распоряжении нет данных о количестве бывших обновленцев среди священства в целом по стране, а в Казанской епархии среди действующего духовенства их было шесть. И это при том, что за штатом находилась еще 50–60 священников.

Приведем еще два примера, свидетельствующих о правоте известного архиерея Ермогена (Голубева), который в 1962 г. в письме на имя Н. С. Хрущева констатировал: «На сегодняшний день фактически управляющим епархией является не архиерей, а уполномоченный; архиерей же является у него как бы старшим благочинным... Теперь архиерей не имеет права самостоятельного назначения на приход, а только представляет своего кандидата уполномоченному, от усмотрения которого всецело зависят вопросы назначения или отказа в нем» ¹⁸.

В Великий вторник 4 апреля 1950 г. в Казани скончался престарелый тяжело болевший архиепископ Иустин (Мальцев). Назначенный временно управляющим Казанской епархией архиепископ Горьковский и Арзамасский Корнилий (Попов) решил оживить религиозную жизнь кадровыми перестановками. Так, он назначил 2-го священника Казанско-Богородицкой церкви пригородного села Азино (Царицыно) И. И. Альжева настоятелем той же церкви. Однако уполномоченный СДРПЦ Н. Клочков это решение не утвердил и «договорился» с членами епархиального управления о его переводе рядовым священником или настоятелем в другой приход. И. И. Альжев был направлен настоятелем в с. Биляр-Озеро Октябрьского района. Альжев заартачился и был отчислен за штат и снят уполномоченным с регистрации ¹⁹. Мотивы поступка Альжева понятны: переезд в дальний приход на юге республики, как казалось, «на лебеду» его

¹⁷ Исторический архив. 1994. № 4. С. 109.

¹⁸ Цит. по: Панков Г. Д. О политике Советского государства в отношении к Русской православной церкви на рубеже 50–60-х годов // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. II. М., 1993. С. 226.

¹⁹ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 13. Д. 382. Л. 26, 66.

не радовал. Позднее он все-таки уехал служить в с. Билляр-Озеро, зажиточное чувашское село. Нас в данном случае интересует другое: в трагические 1930-е гг. власти часто не регистрировали направленного в конкретный приход священнослужителя, не объясняя мотивов своих действий, но они *не подбирали* священников. Положение изменилось после легализации РПЦ на условиях власти. Наличный «кадровый вопрос» характеризует еще один пример из отчета уполномоченного Ключкова, отмечавшего, что «все принципиальные вопросы, встречавшиеся в моей работе, я согласовывал с ОК ВКП(б), Советом министров и МГБ и только после этого их разрешал»²⁰. Во время одного из посещений уполномоченного СДРПЦ председатель епархиального совета Тогашевский и секретарь Евтропов информировали его «о нездоровых отношениях между священником Троицким и настоятелем Чистопольской церкви Лизуновым и в очень осторожной форме сообщили, что [правлящий архиепископ] Сергей почему-то ориентируется больше на лиц, скомпрометировавших себя или имеющих нехорошее прошлое, как например: снятый с регистрации бывш[ий] дьякон Страдаев, судимый по 58 ст. [УК], священник Троицкий и др.»²¹. Итак, клирики обсуждают с чиновником-атеистом своего архиерея и осуждают его – что может красноречивее характеризовать ситуацию?!

В докладной записке Карпова – Сталину от 08.09.1950 «О переменах в церковной жизни» признавалось, что Совет в 1948–1950 гг. проводил через *«церковный центр»* мероприятия «по ликвидации нежелательных форм воздействия церкви на население и *через своих уполномоченных – по известному ограничению деятельности церкви* (выделено мною. – А. С.)»²². В результате по его соображениям религиозность населения и влияние церкви с 1947 г. неуклонно снижалась, количество церквей и священнослужителей неизменно сокращалось. Свою лепту в это внесли и иные, ставшие совсем ручными, представители духовенства и мирян-церковников.

²⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 2347. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 35–35 об. В имеющихся документах нет сведений об осуждении Страдаева по ст. 58 УК («контрреволюционная деятельность»).

²² Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 668.

СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПРИ СНК СССР: КОМПЕТЕНЦИЯ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Советский Союз являлся многонациональным и многоконфессиональным государством. Несмотря на антирелигиозную пропаганду и агитацию, а также стремление партийных лидеров к «освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков»¹, большинство советских граждан были верующими². На протяжении всей истории Советского Союза существовали государственные органы, проводившие в жизнь религиозную политику государства. В разные периоды, в зависимости от обстоятельств, их функции менялись.

1943 год является переломным в истории государственно-конфессиональных отношений. Именно тогда было восстановлено патриаршество и создан Совет по делам Русской православной церкви (РПЦ), который регулировал государственно-церковные отношения. Его деятельность оказала влияние на позицию государства в отношении иных церквей и религиозных объединений, а также на создание нового государственного органа для взаимодействия с неправославными конфессиями – Совета по делам религиозных культов при СНК СССР.

Изначально председатель Совета по делам РПЦ Карпов Г. Г. не считал необходимым создавать отдельный орган для связи с религиозными объединениями, он предлагал расширить сферу деятельность возглавляемого им Совета. Однако правительство приняло иное решение. 19 мая 1944 г. постановлением Совнаркома СССР был образован Совет по делам религиозных культов при СНК СССР для осуществления связи между правительством СССР и руководителями религиозных объединений: армяно-григорианской, ста-

¹ О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды // Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1968. С. 716–717.

² См.: Правда. 15.06.1929.

рообрядческой, католической, греко-католической, лютеранской церквей, мусульманского, иудейского, буддийского, сектантских вероисповеданий³.

Председателем Совета изначально был назначен Зайцев К. А., но он так и не приступил к своим обязанностям. 6 июня 1944 г. председателем Совета был утвержден Полянский И. В., являвшийся, как и Карпов, сотрудником НКВД.

Совет состоял из четырех отделов: отдел по вопросам мусульманского, иудейского и буддийского вероисповеданий (заведующий Л. А. Приходько); отдел по вопросам армянской, католической и лютеранской церквей (заведующий И. Н. Карпов); отдел по вопросам старообрядческой и евангелической церквей (заведующий Н. В. Кольцов) – задачи отделов общение с представителями конфессий.

Инструкторская группа Совета (заведующий Г. Ф. Фролов) занималась подготовкой инструктивных и циркулярных писем, информативных материалов, обработкой статистических данных, планированием инструктивных совещаний уполномоченных и контролем над деятельностью уполномоченных на местах. Аппарат Совета состоял из председателя, заместителя, двух членов и ответственного секретаря.

В соответствии с Положением на Совет по делам религиозных культов при Совнаркомех СССР возлагалось: а) предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых управлениями или руководителями названных религиозных культов и требующих разрешения Правительства СССР; б) разработка проектов законодательных актов и постановлений по вопросам этих религиозных культов, а также инструкций и других указаний по их применению и вынесение их на рассмотрение Совнаркома СССР; в) наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на всей территории СССР законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к религиозным культам; г) представление Совнаркому СССР заключений по вопросам этих религиозных культов; д) своевременное информирование Правительства СССР о состоянии религиозных культов в СССР, их положении и деятельности на местах; е) общий учет церквей, молитвенных зданий, составление статистических сводок по данным, представляемым Совету местными советскими органами⁴. Основной целью деятельности Совета, как говорил сам Полянский,

³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 229. Л. 173–174.

было «осуществление связи между правительством СССР и руководителями религиозных объединений»⁵.

Несмотря на то что религиозная политика государства в 1943 г. резко изменилась, никаких изменений в задачах Совета по сравнению с Комиссией по вопросам религиозных культов, функционирующей в годы «воинствующего безбожия» (1929–1938 гг.), не было. Так, Комиссия занималась разработкой и предварительным рассмотрением проектов законодательных актов и постановлений по религиозным вопросам; рассматривала жалобы на «неправильные действия ЦИКов АССР, краевых и областных исполкомов по вопросам, связанным с отправлением культов»⁶.

Это же касается и взаимоотношения Совета по вопросам религиозных культов с государственными учреждениями. Как и при ранее существовавших органах по регулированию государственно-церковных отношений, все центральные учреждения и ведомства СССР обязаны были согласовывать с Советом проводимые ими мероприятия, связанные с вопросами, относящимися к религиозным культам, и предоставлять Совету необходимые материалы (отчеты, сводки, статистику).

Всю деятельность Совет проводил через своих уполномоченных, которые имелись при совнаркомах союзных и автономных республик, при краевых и областных исполкомах. Основной их задачей, как отмечал сам Полянский, являлось осуществление связи между местными органами советской власти и местными руководителями религиозных объединений. На них же «возлагалось принятие заявлений, просьб, ходатайств как от верующих, так и от служителей религиозного культа»⁷.

В 1944 г. штат уполномоченных Совета был определен в 134 единицы, распределение по республикам произошло следующим образом: РСФСР – 41; Украина – 25; Казахстан – 17; Узбекистан – 11; Белоруссия – 11; Туркменистан – 7; Киргизия – 6; Таджикистан – 6; Грузия – 3; Азербайджан – 2; Армения, Латвия, Литва, Молдавия, Эстония – по 1⁸.

⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 498. Л. 35.

⁶ Постановление Президиума ВЦИК РСФСР «Об утверждении Положения о Постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов» от 30 мая 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1931 г. № 27. Л. 248–249.

⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 498. Л. 38.

⁸ См.: Дупленская Е. Н. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР: история создания, основные направления деятельности // Свобода Совести в России: исторический и современный аспекты. М., 2004. С. 606.

Кроме этого, уполномоченный должен был иметь свой аппарат, состоящий из уполномоченного инспектора и секретаря-машиниста. Однако на практике уполномоченному часто приходилось выполнять всю работу в одиночку. Полянскому от уполномоченных приходили жалобы на несоответствие объема работ реальным возможностям. Так, например, уполномоченный по Латвийской ССР Шешкен В. Я. писал о том, что доля православных в республике составляла 9 %, а всех остальных – 90 %, в связи с этим три человека не справлялись с решением поставленных перед уполномоченными задач⁹. Кроме ведения учета молитвенных зданий, регистрации религиозных организаций и их исполнительных органов, разбора жалоб верующих и духовенства, уполномоченный был обязан представлять в Совет информационный отчет ежеквартально. На сегодняшний день данные отчеты являются одним из ценных источников описания государственно-конфессиональных отношений и религиозной жизни в СССР.

Также стоит отметить, что сам штат уполномоченных формировался с большими трудностями. Обычно уполномоченного выбирали из исполнительных комитетов. Многие отказывались идти на эту должность и заниматься решением религиозных проблем в силу своих атеистических убеждений. Часто представители исполнительного комитета не понимали, зачем им вообще нужен уполномоченный, т. к. были уверены в отсутствии в их области какой-либо религиозной жизни.

Полянский же постоянно повторял, что именно от уполномоченного зависит, как верующие будут относиться к Совету, но часто аппарат Совета сам подводил уполномоченных на местах. Материалы и инструкции центрального аппарата до уполномоченных доходили с большим опозданием, а их обращения в Совет иногда оставались без ответа.

Кроме этого, на местном уровне возникали проблемы с НКВД. Так как Наркомат не информировал Совет и уполномоченных о своих действиях в отношении конкретных священнослужителей, это вызывало немало проблем в решении вопросов о регистрации религиозных обществ и служителей культа.

Деятельность Совета по делам религиозных культов требует особого внимания. Несмотря на то что в 1943 г. начался новый этап советской государственной вероисповедной политики, «религиозного возрождения» как такового не произошло. Совет регистрировал и

⁹ См.: Дупленская Е. Н. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР: история создания, основные направления деятельности // *Свобода Совесть в России: исторический и современный аспекты*. М., 2004. С. 606.

благосклонно относился к мусульманам, иудеям и евангельским христианам-баптистам. В «приоритете» находились именно этнические вероисповедания, носители которых нуждались в сплочении для победы в Великой Отечественной войне. Евангельские христиане-баптисты заслужили благосклонность власти в связи со своей патриотической позицией и большой помощью в фонд обороны Советского Союза¹⁰.

Настороженное отношение у Совета было к Римско-католической, Греко-католической и Лютеранской церквям. Чрезвычайно жесткую позицию Совет сохранял по отношению к «сектам», таким как: адвентисты, апокалипсисты, духоборы, малеванцы, методисты, молокане, краснодраконовцы, новый Израиль, пятидесятники, сатанисты, Свидетели Иеговы, скопцы, хлысты и др., – считая их не религиозными, а антигосударственными и антисоветскими политическими организациями. В связи с этим Совет не считал возможным ставить вопрос об их регистрации.

Несмотря на утверждение Полянского, что главной работой Совета является не открытие молитвенных зданий, а наблюдение за религиозными обществами и регулирование их деятельности¹¹, регистрация религиозных организаций в первые годы существования Совета стояла на первом месте, т. к. без регистрации религиозное общество не могло официально существовать, пользоваться молитвенным зданием и «услугами» священнослужителя. Однако на практике количество незарегистрированных религиозных обществ намного превышало количество зарегистрированных. Это было связано как с нежеланием уполномоченных регистрировать «сомнительные», на их взгляд, религиозные организации, так и самих религиозных обществ, которые после повсеместной антирелигиозной пропаганды 1930-х гг. не могли поверить в изменение вероисповедной политики государства. Кроме этого, представители местной власти часто намеренно создавали препятствия для регистрации, считая, что это умерит желание религиозных обществ продолжать свою деятельность.

Регистрация занимала около шести месяцев. Обществу отводилось два месяца со дня получения указаний на поиск помещения и оформление арендного договора. Обязательно регистрировались и руководители религиозных объединений. Кроме того, община за три

¹⁰ Подробнее о помощи верующих Красной армии см.: Кочетова А. С. «Каждый патриот обязан внести свою лепту в общее дело победы». Письма духовенства и верующих Сталину о перечислении денежных средств в фонд обороны Советского Союза // Родина. № 11. 2014. С. 120–123.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 498. Л. 40.

месяца должна была найти себе священнослужителя, если ей это не удавалось, общину распускали.

К 25 июля 1945 г. было учтено всего 40 % действующих молитвенных зданий, зарегистрировано из них 55 %. В марте 1948 г. регистрация обществ прекратилась.

Кроме регистрации общин, Совет и сам Полянский уделяли внимание созданию религиозно-административных центров, с которыми в дальнейшем и планировали взаимодействовать.

В связи с этим Совет провел большую подготовительную работу для проведения Собора Армянской церкви, на котором Георг Чеорекчян был избран католикосом всех армян Георгом VI. В 1943–1944 гг. было образовано три духовных управления мусульман: Средней Азии и Казахстана (в Ташкенте), Северного Кавказа (в Буйнакске), Закавказья (в Баку). Также на Всесоюзном совещании христиан и баптистов был официально создан объединенный центр евангельских христиан и баптистов (ЕХБ), существовавших ранее самостоятельно. После к нему присоединились христиане веры евангельской (пятидесятники)¹². Возобновилась деятельность Всесоюзного совета адвентистов седьмого дня. Также создавались необходимые предпосылки для образования религиозных центров у буддистов, иудеев, старообрядцев-беспоповцев, лютеран и т. д.

Кроме этого, Совет организовывал паломничество для советских мусульманских делегаций. Благодаря деятельности Совета Правительство СССР в феврале 1945 г. разрешило предоставлять отсрочки от призыва по мобилизации для служителей культов Армяно-григорианской, Старообрядческой, Католической, Греко-католической, Лютеранской, Адвентистской, других протестантских церквей, а также мусульманских и иудейских объединений.

На сегодняшний день в отечественной историографии большое количество споров по поводу деятельности Совета по делам религиозных культов, по-разному оценивается его деятельность. Не стоит отвергать опыт советского периода нашей страны, в том числе и в построении взаимоотношений между государством и религиозными центрами. Обращение к опыту Совета по делам религиозных культов при СНК СССР поможет избежать многих ошибок и просчетов в регулировании государственно-конфессиональных отношений на современном этапе истории России.

¹² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 498. Л. 48.

А. Л. Глушаев

«СОБИРАЕТСЯ СОБРАНИЕ В ЭТОМ... КАК БАРАК»: ПРОТЕСТАНТСКИЕ БАРАЧНЫЕ ОБЩИНЫ МОЛотовСКОЙ (ПЕРМСКОЙ) ОБЛАСТИ¹ НА ИСХОДЕ СТАЛИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Введение

В историографии протестантских деноминаций СССР (баптистов, меннонитов, пятидесятников, адвентистов) послевоенное десятилетие сталинского периода представлено как ключевой этап в эволюции евангельских общин².

Действительно, образование в 1944 г. официального союза евангельских христиан и баптистов (с 1946 г. – ВСЕХБ) и его деятельность в послевоенный период были следствием как религиозной политики государства, так и открывшейся возможности вполне легально собираться верующим на молитвенных собраниях. Политика сталинского руководства в вопросах религии была прагматичной и инструментальной, но она не могла не учитывать стихийного оживления религиозных движений и проявления религиозных настроений советских граждан³.

Открывшаяся историческая возможность позволила вновь оформиться евангельским общинам, почти распавшимся во время репрессий 1930–1940-х гг. Как замечает М. И. Одинцов, прежде всего это

¹ Административные границы Пермской области были определены в 1938 г. С 1940 по 1957 г. областной город носил название Молотов.

² Отметим, что уже советские авторы подчеркивали значение этого периода в формировании позднепротестантских церквей в советском обществе. См.: Лялина Г. С. Баптизм: иллюзии и реальность. М., 1977. С. 11. Об этом же писали зарубежные исследователи. См.: Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М., 1995. С. 59–70.

³ «Активизация религиозных настроений и религиозной жизни продолжалась в послевоенные годы, в ряде регионов страны этот процесс был даже более массовым, чем во время войны» (Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 34).

проявилось в динамике зарегистрированных религиозных объединений⁴. За три года, с 1945 по 1948 г., в СССР было зарегистрировано около 2 тыс. церквей евангельских христиан-баптистов⁵.

В то же время за «генеральными цифрами» отчетов скрывался тот факт, что большинство общин баптистов, не говоря уже о представителях иных течений протестантизма (пятидесятниках, немецкоязычных меннонитах), оставались за рамками советского правового поля. В октябре 1946 г. группа евангельских христиан г. Молотова, не менее 40 человек, обратилась к уполномоченному Совета по делам религиозных культов (СДРК) с заявлением о регистрации общины⁶. Однако прошло еще 10 лет, пока поместная церковь евангельских христиан-баптистов получила «вождевленную» регистрацию. И на тот период община ЕХБ г. Молотова стала единственной в регионе, которая проводила свои собрания легально в молитвенном доме. Деятельность остальных протестантских групп области чаще всего протекала скрытно и рассматривалась представителями власти как незаконная.

Итак, определим *предмет* нашего исследования. Речь пойдет о способах организации и условиях существования групп баптистов и немецкоязычных меннонитов во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. В качестве основы возьмем один из уральских регионов – Молотовскую (Пермскую) область.

Корпус источников, сосредоточенный в Пермских архивах, очертил территориальные рамки исследования. Однако сюжеты религиозной жизни эпохи, обнаруженные в местных документах, встречаются у современных историков Урала и Сибири⁷, а также в автобиографических очерках членов баптистских общин, собранных и изданных в последнее время. Данное обстоятельство позволяет предположить, что генезис небольших протестантских общин Молотовской области повторяет сценарии становления и развития баптистских и меннонитских групп в регионах за Уралом и в Сибири⁸.

⁴ Одинцов М. И. «Вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой...» История пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. СПб., 2012. С. 310.

⁵ Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. II: 1917–1967. СПб., 2001. С. 180.

⁶ Заявление [рукопись]. 15.10.1946 // ГАПК. Ф. Р-1205. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

⁷ См., напр.: Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск, 2008; Ключева В. П. Религиозная активность населения Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2009. № 9. С. 95–101; Мотрович В. П., Радостева Ю. А. Меннониты в Свердловской области в 1940–1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург, 2003. С. 168–175.

⁸ Это предположение на примере общин меннонитов доказывается в совместной работе В. П. Ключевой и А. Л. Глушаева (Глушаев А., Ключева В. «Новые» меннониты

Благодаря этому, автор избавлен от повторения известных положений: о роли спецконтингента, особенно о роли советских немцев в генезисе протестантских общин в восточных регионах страны⁹. Предлагается сосредоточить внимание на иных аспектах жизни евангельских верующих в советском социуме в период позднего сталинизма.

Барак как Церковь

В памяти старшего поколения верующих, членов современных общин евангельских христиан-баптистов, особенно тех, кто стал посещать молитвенные собрания во второй половине 1940-х гг., сохранились отчетливые образы-воспоминания об условиях и обстоятельствах проведения первых собраний. В качестве примера приведем фрагмент из автобиографического очерка Н. А. Крекера, авторитетного проповедника и служителя МСЦ ЕХБ¹⁰.

«В мае 1946 года меня из тайги перевели в материальный отдел управления комбината. К этому времени в Соликамск привезли много семей немцев, которые, оказавшись в 1941 году под оккупацией, были вывезены с Украины в Германию на строительство военного завода. Их поселили в Соликамске в двухэтажных бараках.

Узнав о том, что многие из этих немцев собираются по воскресеньям на богослужения, я и еще трое трудармейцев одним летним утром пешком пошли в Соликамск на это собрание. Большая комната (примерно шесть на семь метров) была заполнена людьми, среди которых было много молодежи и детей»¹¹.

Механизмы памяти почти точно фиксируют время, место, обстоятельства молитвенных собраний. Здесь как в аннотации, можно выделить ключевые слова: *Соликамск, бараки, немцы, трудармейцы*.

Урала и Сибири: генезис и трансформация этноконфессиональных сообществ в 1940–1960-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2014. № 4. С. 280–298).

⁹ См.: Бушмаков А. В. Немецкие религиозные объединения в Прикамье. 1947–1980 // Немцы в Прикамье. XX век: Сб. документов: в 2 т. Т. 1. Архивные документы. Кн. 2. Пермь, 2006. С. 223–225; Горбатов А. В. Государство и религиозные организации... С. 47–59; Ключева В. П. Немцы Тюменской области: сохранение национальной идентичности через религию (кон. 1940 – начало 1960-х гг.) // Разрушение и возрождение в истории Германии и России. Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 7. Томск, 2010. С. 465–476.

¹⁰ Международный союз церквей евангельских христиан-баптистов (МСЦ ЕХБ) является правопреемником Совета церквей ЕХБ (СЦ ЕХБ), церковной организации «отделившихся» баптистов, движения оппозиционного по отношению к ВСЕХБ.

¹¹ Крекер Н. А. Насыщенный милостью: Автобиографический очерк // Вестник истины. 2014. № 2. С. 36.

Аналогичный сюжет встречаем в сообщении 1947 г. из Соликамского ГК ВКП(б):

«[В] новом поселке Магниевого завода в бараке № 54 <...> собираются репатриированные немцы, преимущественно в воскресенье в 9–12 час. дня и читают “божественную книгу”. <...> гражданка Клейн читает, а один старичок <...> разъясняет присутствующим [прочитанное] (он является руководителем)»¹².

Барачные общины – метафора, предложенная В. Заватски для описания немецкоязычных меннонитских и баптистских групп возникших в послевоенные годы¹³, удачно передает специфику подобных религиозных объединений. Их можно было наблюдать в регионах страны, сценарий развития которых был близок пермскому варианту. Так, пятидесятник из Перми, в прошлом заключенный воркутинских лагерей, вспоминал о молитвенных собраниях в пригородных поселках Воркуты:

«Собирается собрание в этом... как барак, комнаты уже поделали...»¹⁴

Надо заметить, что жизнь в барачных анклавах промышленных центров Молотовской области в послевоенные годы не была уделом только немцев-спецпоселенцев или отдельных групп маргиналов. В Кизеловском угольном бассейне в 1947 г. жилищный фонд мог предоставить одному человеку менее 2,5 кв. метров жилой площади. Около 2000 человек проживали в общежитиях с двойными нарами¹⁵.

На областном совещании 1947 г. прокурор области Д. Н. Куляпин, который не был человеком впечатлительным, поделился своими наблюдениями от посещения Александровского машиностроительного завода:

«...Большая часть рабочих, больше тысячи [человек] проживают в бараках каркасного типа, которые в 39 году были списаны на слом как негодные. ...Плотность необычайна, 1,4 метра на человека. Дверей нет, окна не застеклены, воду не подают, к уборным нельзя подойти, не закрыв глаза. Ужаснейшая картина. Сотни крыс, и люди по очереди бьют этих крыс»¹⁶.

¹² Письмо заведующего отделом пропаганды и агитации Соликамского ГК ВКП(б) И. И. Котельникова начальнику Соликамского городского отдела МГБ о деятельности местной секты меннонитов. 16 июня 1947 г. // Немцы в Прикамье. XX век. Т. 1. Кн. 2. С. 226.

¹³ Заватски В. Евангелическое движение в СССР. С. 72.

¹⁴ Бабушкин Н. И., 1928 г. р. Авторизованное интервью. 01–02.05.2004 // Информация представлена А. Чернышовым. Личный архив автора.

¹⁵ Стенограмма областного совещания по жилищно-коммунальному строительству. 18.04.1947 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 599. Л. 9.

¹⁶ Там же. Л. 206.

Молотов, областной город, на этом фоне почти не выделялся. Увеличение жилищного фонда, при двукратном росте городского населения в 1940 – начале 1950-х гг., на 90 % происходило за счет строительства одно- и двухэтажных бараков¹⁷. К середине 1950-х гг. областной центр оставался мало приспособленным «для нормально-го человеческого проживания»¹⁸.

Иными словами, состояние городов и рабочих поселков Молотовской области, их социальное пространство *очень* отличались от пропагандистских картинок «социалистического города-сада», представляя в действительности конгломераты неблагоустроенных и «захламленных поселков»¹⁹.

Предмет особых размышлений – барачный образ жизни как явление советской раннегородской культуры. Коммунальный быт барака – это жизнь в общих местах²⁰. Это пространство, в котором почти невозможно обустроиться частным образом, оно максимально деприватизировано. Здесь все на виду, здесь всякое «слово слышат, всякий жест – увидят, что предоставляет безграничные возможности для политизации этого пространства и держит его обитателей в постоянно отмобилизованном состоянии»²¹.

Однако не только власть контролирует это пространство, но и жильцы, реализуя свои стратегии выживания, выстраивают систему взаимного наблюдения и круговой поруки, осваивают властные функции. Красными уголками в рабочих общежитиях ведают сторожи, они отвечают за портреты и лозунги. В кизеловском общежитии 159-а назначенный агитатором молодой рабочий старается быть незаметным, «живущие с ним даже не знают, что он агитатор», но ответили, «что с ними беседует Иван Матвеевич, расконвоированный», который подчинил себе все общежитие²².

Коллективное или, вернее сказать, принудительно коллективизированное пространство обживается с помощью порядков, усвоенных в прошлой жизни. У кого-то это опыт лагерей, кто-то приехал с «багажом» крестьянской культуры. Фрагменты прежней, довоенной го-

¹⁷ Стаценко А. Компрос в зеркале десятилетия // Ретроспектива. Пермский историко-архивный журнал. 2007. № 1. С. 54.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Качество жилищного строительства и причины низкого качества строительства. Начало 1949 (установлено по другим документам) // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 510. Л. 69.

²⁰ Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 159–211.

²¹ Казанков А. И. Самая тихая контрреволюция, или как Ле Корбузе развалил СССР // 1956: Незамеченный термидор: Очерки провинциального быта. Пермь, 2012. С. 203.

²² Справка. 31.08.1948 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 474. Л. 52.

родской культуры оказались размытыми в этом водовороте событий. Поэтому нет ничего удивительного, что структура барачной жизни приводила и к возобновлению старых религиозных практик ухода от внешнего мира, когда мир воспринимался религиозным сознанием как «последние дни»²³. В среде спецпоселенцев эти процессы происходили интенсивно, чему способствовала политика социальной и этнической сегрегации целых категорий населения.

С мест сообщали, что в поселке Яйва Александровского района «в бараке, где проживают выселенные немцы, еженедельно собираются верующие и занимаются чткой библии, евангелия и пением псалмов. <...> Группа насчитывает до 20 верующих обоого пола»²⁴.

По сохранившимся воспоминаниям, в послевоенные годы в рабочем поселке Ераничи г. Молотова сложилась немецкоязычная община баптистов, с которой очень близко общались евангельские верующие из русскоязычной группы. В воскресные дни проводили общие молитвенные собрания. В длинный коридор «немецкого» барака выставляли скамьи и табуреты, на которых рассаживались верующие. Те, кто имел право проповедовать, говорили и читали «слово Божие», все вместе пели псалмы (фото № 1)²⁵.

Много позже, в начале 1960 г., уполномоченный СД РК В. В. Беляев, описывая коммунальный быт немецкоязычных меннонитов, отмечал:

«При посещении квартир немцев, проживающих в п. Рабочий городок г. Соликамска, выяснилась следующая картина. Из всех людей, немцев, с которыми нам пришлось разговаривать по месту жительства (около 10 квартир), проживающих в бараках, все оказались связанными в той или иной степени с религиозными сектами. Радио нет, лекций там не бывает, агитаторы не посещают эти бараки, в квартирах “призывы” из Евангелия, вышитые на ковриках, на полотенцах, в рамках и т. д. следующего содержания:

- “Бог есть любовь”
- “Я и мой дом будем служить Господу”
- “Самые лучшие минуты я нашел с Господом” и т. д.»²⁶

²³ Лейбович О. Л. Предисловие // Немцы в Прикамье. XX век. Т. 1. Кн. 1. С. 20.

²⁴ Информационный отчет уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР по Молотовской области за 1 квартал 1951 года // ГАПК. Ф. р-1204. Оп. 2. Д. 2. Л. 110.

²⁵ Интервью с Т-вым В. М., пресвитером церкви МСЦ ЕХБ г. Перми. 12.12.2014 // Личный архив автора.

²⁶ Справка, составленная уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по пермской области В. В. Беляевым для лектора Пермского обкома КПСС Л. В. Вшивкова, о работе, проведенной в г. Соликамске по исполнению зако-

Фото № 1. Поселок Ераничи, г. Молотов, 1954 г.

Сфотографированы участники свадьбы И. Янца, члена немецкой общины баптистов. Молодые люди в военной форме, русские и украинцы, посещали молитвенные собрания и впоследствии совершили обряд водного крещения. Второй ряд, крайний слева – Г. М. Меликов, неформальный лидер и проповедник Молотовской общины ЕХБ.
(Архив Пермской церкви МСЦ ЕХБ)

Иными словами, евангельское обетование – «...И на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее...» (Матф. 16:18) – превратилось в действенный мотив религиозного поведения. Здесь не имело значения то, что *Церковь* разворачивалась в пространстве бараков.

Итак, свидетельства архивных документов 1940–1950-х гг. и воспоминания евангельских верующих, как видим, часто связывают протестантские общины со специфичной средой рабочих поселков

нодательства о религиозных культах. 31 мая 1960 г. // Немцы в Прикамье. Т. 1. Кн. 2. С. 253.

промышленных центров Молотовской области. Застроенные преимущественно бараками и населенные разными категориями советских граждан, поселковые пространства обживаются, «присваиваются» через целый ряд практик, в частности, через *совместные религиозные практики*.

Проповедники барачных общин

Традиция позднего протестантского вероисповедания, закрепившая право каждого прошедшего обряд крещения проповедовать слово Божие, не требовала наличия профессионального корпуса священнослужителей. Умеющие читать мужчины, а часто и женщины, при определенных обстоятельствах вполне могли взять на себя обязанность вести религиозные собрания. По данным областного уполномоченного Н. Г. Музлова, заведомо неполным, инициаторами молитвенных собраний баптистов были люди разных возрастов, с невысоким социальным статусом. Упомянутую выше барачную общину в поселке Яйва, пригороде Александровска, возглавляли молодые мужчины, немцы – Э. Фейхо, завхоз неполной средней школы, и Р. Садовский, грузчик домостроительного комбината. В пригороде Красновишерска группой евангельских христиан-баптистов, включавшей спецпоселенцев с Украины, руководили пожилые верующие – Митракова Е. Ф. и Черепанов И. С.²⁷

С другой стороны, в том же Красновишерске во второй половине 1940-х гг. складывается немецкоязычная община меннонитов, проповедником которой был Г. П. Фот, на тот момент *Älteste*, старейшина церковных меннонитов²⁸. Но в большинстве случаев инициаторами религиозных собраний были рядовые члены общин. Как отмечал уполномоченный СДРК, «обычно молитвенные собрания приурочиваются к большим религиозным праздникам, к поминкам по умершим, организуются под видом посещения гостей, для чтения “слова божьего” или по другим причинам и со временем принимают систематический характер»²⁹.

Специфической чертой барачных общин было то, что они функционировали, говоря современным языком, как социальные сети. В Березниках, крупном промышленном центре Молотовской области, община евангельских христиан-баптистов в начале 1950-х гг.

²⁷ Информационный отчет уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР по Молотовской области за I квартал 1951 г. 19.04.1951 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 2. Л. 110; Там же. Л. 124.

²⁸ О Г. П. Фоте см.: Глушаев А. Л., Ключева В. П. «Новые» меннониты...

²⁹ Кандюрина – Мустафину. 13.03.1951 // ГАПК. Ф. Р-1351. Оп. 2. Д. 14. Л. 30.

объединяла более 130 человек. Однако в действительности это были русскоязычные и немецкоязычные группы. Верующие собирались по 10–15 человек и проводили молитвенные собрания «на квартирах» (на языке времени так назывались комнаты в бараках рабочих поселков)³⁰.

В этих условиях протестантские проповедники или допущенные к проповеди активные верующие отличались повышенной мобильностью, которая помогала поддерживать связь между группами в пределах поселковых агломераций уральских городов и между общинами городов.

Однако коллективизированное пространство таило и свою опасность. Усиление политического надзора, как это происходило в 1947–1949 гг., делало уязвимыми религиозных активистов, т. к. протестантские общины не имели механизмов самозащиты. Выявленная в 1947 г. группа немецкоязычных меннонитов в г. Соликамске, о которой сообщалось в донесении, приведенном выше, была впоследствии рассеяна и деморализована арестами проповедников. Верующим инкриминировали использование религиозных убеждений в борьбе с советской властью.

В целом же большая часть руководителей баптистских общин и все проповедники меннонитов на территории Молотовской области были депортированными из разных регионов СССР либо репатриантами из Германии.

В этом смысле показательна траектория судьбы пресвитера Г. Ф. Назарука³¹. Родившись в 1896 г. на Украине, Г. Ф. Назарук еще молодым человеком эмигрировал в США. Там он закончил библейскую семинарию и в 1924 г. вернулся на родную землю. В г. Остроге, к тому времени входившем в состав Польши, он возглавил местную баптистскую церковь. Трудно сказать, как повлияли на судьбу Назарука аннексия Советским Союзом в 1939 г. территорий Западной Украины, начало Второй мировой войны и трагедия холокоста, когда еврейская община г. Острога была уничтожена полностью, но известно, что в 1944 г. он был арестован советскими спецслужбами и приговорен к 10 годам лагерей. В 1950 г. Назарук был переведен на положение спецпоселенца и направлен на работу в г. Кизел Молотов-

³⁰ Информационный отчет уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР по Молотовской области за III квартал 1952 года // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 2. Л. 223.

³¹ Данные о Назаруке Г. Ф. см.: Информационный отчет о работе уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Молотовском облисполкоме за 1 полугодие 1956 года. 18.07.1956 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 7. Л. 5.

Фото № 2. Первый ряд, слева направо: Назарук Г. Ф. – пресвитер общины ЕХБ г. Кизела; Шлендер Р. К. – пресвитер общины ЕХБ г. Березники. Второй ряд, слева направо: неизвестный; Самохвалов И. С. – проповедник ЕХБ г. Губахи. 1955–1956 гг. (Личный архив автора)

ской области³². Работал кочегаром в жилищно-коммунальном отделе угольной шахты. Видимо, с этого момента в кизеловском шахтерском поселке складывается протестантская община, которая объединяет евангельских верующих.

Деятельная фигура Г. Ф. Назарука проявила себя в середине 1950-х гг., т. е. с наступлением хрущевской «оттепели», когда он, обладая авторитетом и специальной богословской подготовкой, был выбран местными баптистскими общинами старшим пресвитером по области (фото № 2).

Таким образом, генезис протестантских общин в Молотовской области в послевоенные годы был обусловлен, помимо общих социальных и политических факторов, каким-то особым религиозным энтузиазмом действующих лиц, способностью проповедников моби-

³² Это известная практика досрочного освобождения работоспособных заключенных, которая применялась в послевоенное время для пополнения трудовых ресурсов в угледобывающих районах СССР. См. Фельцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / пер. с англ. А. Л. Раскина. М., 2011. С. 43.

лизовать единоверцев. Эти люди не могли и вряд ли хотели встраиваться в сложившиеся социальные иерархии позднего сталинского времени, они оставляли за собой возможность (о праве и речи не было) конструирования горизонтальных межличностных связей. По мере вынужденного обживания новых мест, проповедники приспосабливали наличные фрагменты социальной жизни и конструировали порядок общинной жизни.

Заключение

Во второй половине 1940-х гг. барачные общины баптистов и меннонитов, наряду с религиозными группами православных, старообрядцев, мусульман, своеобразно *фрагментировали* социальное пространство рабочих поселков в городах Молотовской области. Организационная структура общин подчас была не заметна внешнему наблюдателю. Как писал уполномоченный Н. Г. Музлов о евангельских верующих Молотова и Березников, «они упорно отрицают факты проведения молений, указывают, что собираются в “гости”»³³.

Из-за отсутствия надежных документальных свидетельств нельзя уверенно сказать, сколько групп баптистов или немецкоязычных меннонитов сформировалось в послевоенное десятилетие на территории Молотовской области.

Более поздние документы говорят следующее: по данным за 1958 г. на территории Пермской области действовали 28–29 баптистских групп, объединявших более 1200 верующих, в том числе 15 групп были полностью немецкими (около 900 человек). В тех же населенных пунктах, где «граждан немецкой национальности» было сравнительно немного, они входили «в религиозные объединения евангельских христиан-баптистов вместе с гражданами других национальностей <...>», русскими и украинцами³⁴.

Меннониты были представлены 5–6 группами в разных городах области и объединяли несколько сот верующих³⁵. Часть немецко-

³³ Информационный отчет уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР по Молотовской области за IV квартал 1950 г. // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 2. Л. 94.

³⁴ Докладная записка о деятельности религиозных групп верующих граждан немецкой национальности Пермской области. 26.06.1958 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 7. Л. 173.

³⁵ Докладные записки уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Молотовской области В. В. Беляева Совету по делам религиозных культов при СМ СССР о деятельности религиозных групп меннонитов на территории области. 6 апреля – 23 мая 1957 г. // Немцы в Прикамье. XX век. Т. 1. Кн. 2. С. 226–223.

язычных меннонитов (братские меннониты) проводили молитвенные собрания вместе с баптистами.

Однако не только количественные показатели являются объективными характеристиками социальной истории. Изучение истории протестантских меньшинств позволяет увидеть несколько иное изменение советской действительности.

Вынужденно обживая среду барачных поселков, люди использовали культурные нормы и практики, которыми владели. В этом случае совместные религиозные практики, реконструируемые по моделям из «прошлой жизни», становились одним из способов преодоления социальной разобщенности. Вероятно, в сложившихся обстоятельствах, конфессиональная оболочка воспринималась как наиболее безобидная форма социальной и этнической консолидации³⁶. Иначе говоря, протестантские барачные общины в рамках советской повседневности 1940–1950-х гг., выполняя эскапистскую функцию, предлагали «коллективное прибежище» (С. Бойм), форму ненавязанной коммунальности³⁷ для дискриминируемых категорий населения. В Молотовской области в послевоенные годы это были, прежде всего, советские немцы и, отчасти, украинцы, высланные с территорий Западной Украины.

Таким образом, на исходе сталинского времени, в границах большого советского социума, жестко скрепленного вертикалью власти, формировались локальные пространства, своеобразные социальные ниши, внутри которых складывались поля межличностных отношений, освященные «новой» религиозной традицией.

³⁶ Бушмаков А. В. Немецкие религиозные объединения в Прикамье. 1947–1980 // Немцы в Прикамье. XX век. Т. 1. Кн. 2. С. 224.

³⁷ Бойм С. Общие места... С. 188.

VI. РЕПРЕССИИ. ЦЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ

Ш. Д. Батырбаева

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕПРЕССИВНЫЕ КАМПАНИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ В СЕРЕДИНЕ XX в.: БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ

В ходе кампании против космополитизма и буржуазного национализма в литературе и искусстве, в Кыргызстане в 1949–1950 гг. были арестованы ученые-филологи Т. Саманчин, З. Бектенов, Т. Байджиев, изучавшие фольклор и кыргызскую литературу досоветского периода. Сегодня исследование истории репрессий позднего сталинизма в Кыргызстане в основном связывается с именами этих ученых, при этом основное внимание акцентируется на репрессиях в конце 40 – начале 50-х годов XX в., хотя гонения, которым подвергалась практически вся творческая и научная интеллигенция, начались после окончания Великой Отечественной войны. Для того чтобы понять истоки и особенности идеологических и репрессивных кампаний в Кыргызстане позднего сталинизма, пик которых пришелся на 1949–1950-е гг., следует исходить из послевоенной ситуации.

Идеологическая борьба за формирование общественного сознания советского человека после Великой Отечественной войны стала актуальной задачей, вызванной сменой политической и международной обстановки. В таких условиях не оправдалась надежда интеллигенции, прежде всего научной и творческой, на либерализацию общественной жизни, ослабление жесткого партийно-государственного контроля. Послевоенные идеологические и репрессивные кампании в Кыргызстане, не имея реальной основы, явились частью всесоюзного плана борьбы с «низкопоклонством перед Западом», против пропаганды буржуазной идеологии и «безродных космополитов» согласно постановлениям ЦК ВКП(б) СССР 1946–1948 гг., т. к. в республике в 20–30-е годы, в ходе социалистических преобразований был совершен небывалый прорыв, в годы Великой Отечественной войны на волне небывалого патриотизма общество еще больше сплотилось. Гордость за свою великую страну, победившую фашизм, отражалась в творчестве интеллигенции, убежденной и беззаветно верной идеалам коммунизма. Кроме этого, для критического осмысления ошибок советского руководства, допущенных в довоенные и военные годы, не

было сильных личностей, т. к. в 30-е годы XX в. многие представители только что зародившейся интеллигенции Кыргызстана в ходе массовых репрессий были уничтожены, репрессированы или запуганы¹.

После окончания войны в Кыргызстане, как и по всей стране, началась повсеместная проверка деятельности культурных научно-образовательных, просветительских учреждений, издательств. Ревизии подвергались уже ранее одобренные и опубликованные работы, в которых освещались вопросы истории культуры кыргызского народа и колонизации края Российской империи и начальных социалистических преобразований. Бюро ЦК КП(б) Киргизии 4 января 1947 г. постановило: «В связи с тем, что книга “Очерки киргизской литературы” Богдановой, Джакишева, Саманчина и Рахматуллина, выпущенная Киргосиздатом в 1943 году, содержит ряд ошибочных положений в освещении киргизской литературы, создать комиссию... Поручить комиссии в месячный срок представить в ЦК КП(б) Киргизии заключение и свои предложения о книге “Очерки киргизской литературы”»². В дальнейшем объектом критики в основном стала деятельность Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Кыргызского филиала Академии наук СССР, т. к. институт являлся «тем центром республики, на сотрудников которого возложена почетная задача разрабатывать и правильно освещать вопросы языка, истории и литературы киргизского народа»³.

Директор института С. Ильясов, отмечая, что с момента издания исторических постановлений ЦК ВКП(б) и доклада тов. Жданова, внесших полную ясность в идейные вопросы и давших боевую программу для дальнейшей идеологической работы, прошел уже год, признал, что «самой главной ошибкой, допущенной сотрудниками Института, является то, что до постановления ЦК ВКП(б) у некоторых наших историков и литераторов существовала неправильная тенденция освещения исторических событий и исторических личностей в фольклоре и произведениях дореволюционных акынов только с положительной стороны, скрывая их отрицательные стороны. Иначе говоря, попытка превращения феодалов (феодалных поэтов)

¹ Дятленко П. И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.). Бишкек, 2010; Курманов З. К. Национальная интеллигенция 20–30-х годов: вклад в возрождение государственности кыргызского народа и борьбу с тоталитарно-авторитарным режимом. Бишкек, 2005; Плоских С. В. Репрессированная культура Кыргызстана (малоизученные страницы истории). Бишкек, 2002; Хелимская Е. И. Тайна Чон Таша. Бишкек, 1994.

² ЦГА ПД КР. Ф. 56. ЦК Коммунистической партии Киргизской ССР. Оп. 4. Д. 613. Л. 9.

³ Там же. Д. 632. Л. 58.

в революционных демократов»⁴. Ильясов, ссылаясь на то, что «в постановлениях ЦК ВКП(б) от 26 августа указывается на величайший вред подмены принципиальных отношений приятельскими»⁵, подверг критике работы ведущих специалистов по истории, культуре и этнографии Кыргызстана – А. Н. Бернштама, Б. Джемгерчинова, С. М. Абрамзона. Для полной ликвидации недостатков и ошибок в истории и литературе киргизского народа он предложил мероприятия из 6 пунктов – увеличить количество аспирантов, докторантов, привлечь консультантов, создать условия для всех сотрудников, в 5-м пункте – просмотреть, внести исправления и переиздать те работы, в которых обнаружены ошибки, в 6-м – предоставить полную самостоятельность институтам КиргФАН СССР⁶.

В отличие от доклада директора Института ИЯЛИ С. Ильясова, в справке, составленной зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Киргизии А. Исаевым для Бюро ЦК, был представлен более детальный и жесткий анализ работ ученых. Так, приведенное А. Н. Бернштамом сравнение стремлений Ормон хана объединить киргизские племена во второй половине XIX в. с политикой Ивана IV по созданию русского централизованного государства («как бы повторение в миниатюре века Ивана Грозного»⁷), послужили обвинением его в восхвалении и идеализации киргизских патриархально-феодальных ханов.

Историка Б. Джемгерчинова обвиняли в неправильной формулировке названия статьи «Киргизы в эпоху Ормон-хана», ибо советская наука не занимается историей ханов, а изучает историю народа, а также – в неправильной трактовке процесса вхождения в состав России территории Северного Кыргызстана, т. к. для Киргизии было характерно не завоевание, а присоединение⁸.

Зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Киргизии А. Исаев критиковал этнографа С. М. Абрамзона за игнорирование положений Ленина о существовании в дореволюционном классовом обществе двух культур – господствующего класса и народной и прогрессивной, утверждая, что «великая русская культура внедрялась в Киргизии передовыми представителями русского народа, а не царскими сатрапами и колонизаторами»⁹.

⁴ ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4 Д. 632. Л. 61.

⁵ Там же. Л. 67.

⁶ Там же. Л. 71.

⁷ Там же. Л. 45.

⁸ Там же. Л. 46.

⁹ Там же. Л. 47.

Далее в справке подвергся жесткой критике первый кандидат филологический наук в республике Т. Саманчин как автор раздела о кыргызской литературе дореволюционного периода, считавший царскую колонизацию основной причиной возникновения в устном творчестве акынов-сказителей направления «Зар Замана» (эпохи страданий), и что «злом всего народного страдания явилась только Россия». А. Исаев считал это самой главной политической ошибкой Т. Саманчина в исследовании литературы XIX в., откуда вытекают и остальные его ошибки¹⁰.

Критика в этом плане была необоснованной, т. к. исследования истории и литературы дореволюционного периода Кыргызстана проводились в соответствии с идеологией советского государства довоенного периода. Об этом свидетельствует письмо писателя К. Маликова первому секретарю ЦК ВКП(б) Н. С. Боголюбову: «Я это по-настоящему понял только в 1946–1947 гг., когда это новое положение не о завоевании, а о присоединении Северной Киргизии к России уже было обнародовано. Наука очень быстро идет вперед и, не зная об этом новом положении и взгляде на явления истории, я не смог избежать некоторых неправильных толкований вопросов истории в моей книге, если подходить к ней с точки зрения последних установок нашей политической науки»¹¹.

Для устранения озвученных ошибок были составлены списки 22-х уже опубликованных работ, утверждены планы и тематика работы Бюро ЦК ВКП(б) Киргизии¹², принят ряд административных мер, в том числе смена руководства ИЯЛИ.

В этом же направлении была проведена ревизия работы Киргизского государственного издательства. Практически во всех опубликованных работах выявляли разного рода неверные идеологические и методические ошибки, как например отсутствие портрета Сталина и государственного гимна Советского Союза в конце учебника. При этом следует отметить, что в ходе такой тотальной ревизии выявлялись и недопустимые ошибки, невыполнение заявленных тем, нарушение графика издания принятых работ. Выявлялись действительно идеологически неверные грубейшие ошибки, например, механический перевод и издание в 1947 г. учебника проф. Шестакова «История СССР» для 3 и 4 классов (издания 1940 г.), где отсутствовал целый раздел «Великая Отечественная война», а вместо этого фиксировалось, что «СССР и Германия – два крупнейших государства в Евро-

¹⁰ Там же. Л. 49.

¹¹ Там же. Д. 668. Л. 71.

¹² Там же. Д. 659. Л. 34–45.

пе. Заключение договоров между ними о ненападении еще более способствует СССР в успешном проведении своей мирной политики»¹³.

В дальнейшем, после образования государства Израиль в мае 1948 г., усиливается борьба с влиянием Запада и космополитизмом. Политика усиления репрессивных механизмов по Союзу требовала дальнейшего закручивания гаек и проводившаяся в республиках борьба (в мягкой форме) с инакомыслием, формальное признание ошибок стала недостаточной. Как было указано на заседании ЦК КП(б), «в КирФАНе не развернута большевистская критика и самокритика, что не позволяет своевременно вскрывать и устранять серьезные недостатки в работе президиума, институтов и секторов»¹⁴.

Естественно, в такой обстановке ЦК ВКП(б) Киргизии привлекал отдельных членов парторганизации ИЯЛИ для активизации работы по борьбе с инакомыслящими, так как его руководство, в целом защищая коллектив, с 1946 г. ограничивалось формальной отпиской. В этом плане представляет интерес докладная первому секретарю ЦК ВКП(б) Киргизии Н. С. Боголюбову от 16 августа 1948 г. от члена партбюро ИЯЛИ А. Минжилкиева. Судя по содержанию докладной, ему был поручен сбор информации для последующего принятия решений по реализации постановлений ЦК ВКП(б) СССР. Об этом свидетельствуют строки из докладной: «Николай Семенович! Я по возможности изложил то, что рассказал Вам. Ввиду того что объем получается большой и громадный – старался привести факты такие, которые, по моему взгляду, основные и важные, а также примеры из книг»¹⁵.

Автор докладной, информируя о существовании в ИЯЛИ группы ученых (Шукуров Д. Ш. – зам. пред. президиума КирФАНа СССР, Соронбаев К. С. – директор ИЯЛИ, Саманчин Т. С. – зав. сектором литературы ИЯЛИ КирФАН, Тайгургенов – сотрудник сектора литературы ИЯЛИ, Джакишев У. Дж. – нач. управления искусств при Совете министров Киргизской ССР, Орозалиев К. Дж. – секретарь ЦК КП(б) Киргизии по агитации и пропаганде, Байждиев Т. – зав. сектором эпоса Манас ИЯЛИ, Бектенов З. – научный сотрудник сектора литературы ИЯЛИ, Карасаев Х. – научный сотрудник сектора языка ИЯЛИ, Токомбаев А. – пред. союза советских писателей Киргизии)¹⁶, занимающих руководящие и ответственные посты и связанных родовыми отношениями, обвинял их в распространении буржуазно-националистической идеологии среди населения и стрем-

¹³ ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 633. Л. 61.

¹⁴ Там же. Д. 632. Л. 63.

¹⁵ Там же. Л. 97.

¹⁶ Там же. Д. 674. Л. 69.

лении воспрепятствовать вскрытию всех ошибок, имеющих место в истории, киргизской литературе, фольклоре и искусстве. А. Минжилкиев сделал подробный анализ работ ведущих историков и филологов на 28 машинописных страницах, а выявленные им факты систематизировал следующим образом:

1. В извращении советского патриотизма.
2. В идеализации далекого прошлого киргизского народа.
3. В показе только с отрицательной стороны присоединения Киргизии к России, игнорируя прогрессивную роль этого факта.
4. В игнорировании роли компартии и советской власти в установлении советской власти в Киргизии.
5. В распространении песен против коллективного ведения сельского хозяйства и индустриализации народного хозяйства и республики вообще.
6. В клевете советского офицера и на непрочности дружбы (союза) народностей СССР.
7. В призыве киргизского и казахского народов к объединению и присоединению их под властью Бакдоолота в Кашгарии¹⁷.

А. Минжилкиев информировал, что сотрудники ИЯЛИ некиргизской национальности (Юдахин, Абрамзон, Кутарева, Зима, Батманов, Самарин и др.) с целью получить материальную, моральную и политическую поддержку от руководства института допускают грубые политические ошибки, ибо они сами не свободны от этой идеологии, к тому же не знают языка и традиций киргизского народа¹⁸.

Осуждая руководство, отдельным пунктом он указывал: «Ни одной книги, которые содержат политические и идеологические ошибки, не исправлено, не заменено»¹⁹. Далее Минжилкиев обвиняет К. Орозалиева в том, что он, как секретарь ЦК КП(б) Киргизии, не контролирует, не следит, не исправляет ошибки, имеющиеся в киргизской литературе и фольклоре²⁰. Он, Орозалиев, наоборот, требует, чтобы не печатали статьи, критикующие работу или продукцию ИЯЛИ КирФАН СССР²¹. Здесь становится понятным, почему в Кыргызстане до 1949 г. на страницах печати не было столь резкой критики в адрес научной и творческой интеллигенции, а в последующем начинается активная публичная критика. Об этом свидетельствуют заключительные слова в докладной: «Прошу по вышеизложенному вопросу принять меры и прошу учесть, чтобы вышеуказанные лица, о

¹⁷ Там же. Л. 70.

¹⁸ Там же. Л. 84.

¹⁹ Там же. Л. 88.

²⁰ Там же. Л. 90.

²¹ Там же. Л. 91–92.

которых идет речь, пока не знали меня, ибо я боюсь, чтобы они в моей работе не мешали и не вредили»²².

Именно эта обширная докладная по запросу Н. С. Боголюбова, составленная в ноябре, скорее всего и стала основой для обсуждения работы ИЯЛИ на двух заседаниях Бюро ЦК ВКП(б) Киргизии²³. Она же, видимо, в дальнейшем легла в основу выступления А. А. Фадеева о том, что в трудах кыргызского литератора Т. Саманчина, посвященных творчеству дореволюционного акына Молдо Кылыча, прослеживаются националистические тенденции, после которого Союз писателей Кыргызстана начал активно обсуждать работы Саманчина. С этого момента секретарь ЦК КП Киргизии Орозалиев вынужден был реагировать и принимать конкретные меры, поэтому бытующее среди отдельных интеллигентов мнение об инициировании им гонений на ученых не соответствует действительности.

Дальнейшая активизация репрессий в Кыргызстане связана с именем В. М. Жирмунского, изучавшего устное народное творчество кыргызского народа, книга которого «Введение в изучение эпоса «Манас»» была издана ИЯЛИ в 1948 г. В феврале 1949 г. вместе с другими всемирно известными ленинградскими филологами он был обвинен в создании тайной «антипатриотической группы». В результате вышеизложенных событий в республике усилились гонения на тех, с кем он сотрудничал в исследовании эпического наследия «Манас», в частности, на редактора его книги Т. Саманчина.

На пике борьбы с космополитизмом критика перешла на само содержание эпоса, хотя в 1948 г. на Бюро ЦК Киргизии издание «Манаса» было одобрено и утверждено, и не было высказано ни одного негативного мнения. И дальнейшие репрессии были связаны в основном с эпосом «Манас». Критике подверглись А. Н. Бернштам, С. М. Абрамзон²⁴. Несмотря на публичное покаяние, были арестованы и осуждены трое ученых-литераторов – Т. Саманчин (17 ноября 1949 г.), Т. Байджиев (10 января 1950 г.), З. Бектенов (май 1950 г.), обвиненные в умышленном идеализировании и восхвалении реакционных акынов XIX – начала XX в. 5 августа 1950 г. Особое совещание при Министерстве государственной безопасности СССР приговорило Саманчина без указания статьи к 10 годам лишения свободы, Бектенова – «за участие в антисоветской националистической группе и враждебной работе на идеологическом фронте» и Байджиева – «за

²² ЦГА ЦД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 674. Л. 97.

²³ Там же. Л. 29–30.

²⁴ Самарин Г. Против буржуазного космополитизма в манасоведении // Советская Киргизия. 05.04.1949; До конца вытравить проявления безродного космополитизма и буржуазного национализма в литературе и искусстве // Там же.

участие в антисоветской националистической группе и контрреволюционной агитации» также к 10 годам лишения свободы по ст. 58–10 ч. 2 и 58–11 УК РСФСР. Байджиев скончался 2 февраля 1952 г. в Песчаном ИТЛ Карагандинской области Казахской ССР²⁵.

Главным образом активизация массовых политических репрессий приобрела форму борьбы с «феодално-байскими пережитками», пантюкистскими, националистическими и буржуазно-космополитическими взглядами, пик которой пришелся на 1949–1950 гг. В процессе этой кампании ревизии подвергались научные и художественные труды, посвященные дореволюционному культурному наследию кыргызского народа. Самим репрессиям предшествовала активная информационно-идеологическая кампания. В атмосфере всеобщего страха после репрессий 1937–1938 гг. находились практически все, кому были предъявлены обвинения, они признавались во всех предъявленных им мнимых идеологических ошибках и выступали с вынужденными публичными покаяниями. Репрессии проявились в виде строгих партийных взысканий, смещений с должностей научных руководителей, привлечении некоторых из них к административной ответственности.

В целом в ходе этой волны репрессий, в отличие от массовых репрессий 1937–1938 гг., гонению подверглись литераторы, писатели, ученые и деятели искусства. Это объясняется тем, что после победы в Великой Отечественной войне сталинская авторитарная модель была уже расшатана, а в национальных республиках данное явление сопровождалось пробуждением национального самосознания.

²⁵ Дятленко П. И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.). Бишкек, 2010. С. 142, 144, 145.

С. И. Быкова

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕТОДОВ СОВЕТСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ 1930 – НАЧАЛА 1950-х гг.: БИОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС

«30 мая 1949 г. арестован Нижнетагильским гор[одским] отделом МГБ Чубаров Григорий Александрович. Следствием установлено, что в 1926 г., проживая в г. Нижнем Тагиле и разделяя контрреволюционные взгляды троцкистов, демонстративно подал заявление о выходе из рядов ВКП(б)...» – такими словами начиналось обвинительное заключение, передаваемое на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР «для решения вопроса о направлении Чубарова Г. А. в ссылку на спецпоселение»¹. Аналогичные тексты содержались в тысячах следственных дел 1948–1949 гг., обрекая на новые трагедии людей, осужденных по политическим статьям в 1935–1939 гг. и уже отбывших наказание, – их привлекали к ответственности по прежним обвинениям и отправляли в ссылку. Составители сборников документов «История сталинского ГУЛАГа» назвали данную категорию репрессированных «повторники»². Однако большинство исследователей, изучающих историю советской репрессивной политики в послевоенный период, не акцентируют внимание на данном аспекте проблемы, отмечая другие сходные черты с событиями второй половины 1930-х гг.

В частности, Моше Левин, анализируя ситуацию в СССР после 1945 г. и новую волну репрессий, обратил внимание на доклад секретаря ЦК ВКП(б) А. Кузнецова, сделанный им 29 сентября 1947 г. Отметив, что докладчик в качестве «полезного напоминания» цитировал ключевые документы 1930-х гг. (секретные письма 1935 г., постанов-

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААО СО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 56222. Л. 57–58.

² История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. сост. И. А. Зюзина. М., 2004. С. 85–86.

ления о проверке партийных билетов, циркуляры о борьбе против «троцкистско-зиновьевского террористического блока», речи Сталина о бдительности на заседаниях Пленумов ЦК в 1937–1938 гг.), ученый сделал вывод: «Все эти документы или предшествовали, или следовали за развязыванием волн террора против населения и кадров. Тень этой темной эпохи обдуманно вызвали из небытия...»

М. Левин утверждает, что провозглашенная на данном заседании «новая линия – продолжение методов великих репрессий». Эти репрессии отличались, по его мнению, лишь масштабами – они не достигли показателей 1936–1939 гг., но «зверства» и разрушительные последствия были также беспрецедентны³. Леонид Люкс, немецкий историк, анализируя письмо ЦК ВКП(б) от 13 июля 1951 г., отметил, что оно не было случайным – Сталин планировал повторение сценария 1936–1938 гг.⁴ Нидерландский ученый Нэнси Адлер, напомнив о том, что Евгения Гинзбург называла 1949 г. «родным братом 1937 года», приводит трагическую статистику нового этапа репрессий: за 1948–1953 гг. специальными отделами МГБ в бессрочную ссылку в самые гибельные местности Советского Союза были отправлены 37 591 человек и по решениям ОСО – 20 267 человек⁵.

Составители сборников документов «История сталинского ГУЛАГа» указывают характерные черты репрессивной политики в 1945–1953 гг. Во-первых, в послевоенные годы спецпоселения и лагеря ГУЛАГа достигли наивысшего расцвета. В марте 1953 г. в лагерях содержалось 2,5 млн заключенных и 2,75 млн спецпоселенцев. Во-вторых, по сравнению с 1930-ми гг. уменьшилось количество приговоров, выносимых Особым совещанием и военными трибуналами: количество осужденных не превышало 100 тыс. человек в год, а в 1951–1952 гг. их стало менее 50 тыс. в год (по сравнению с 250 тыс., осуждаемых ежегодно в 1930-е гг.). Однако с 1947 г. удлинились сроки наказания – с этого года количество осужденных на сроки от 5 до 10 лет увеличилось в пять раз по сравнению с предыдущим годом.

В 1948 г. появились новые чрезвычайные меры, которые привели к увеличению численности заключенных и спецпоселенцев. Появились и «двойные виды» наказаний (лагерь плюс ссылка или лишение в правах сроком на 10 лет). Такого рода формы наказаний выносились осужденным по статье 58 УК, отбывшим свой срок, а также

³ Левин М. Советский век. М., 2008. С. 231–233.

⁴ Люкс Л. История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина. М., 2009. С. 365.

⁵ Адлер Н. Трудное возвращение. Судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы / пер. с англ. С. Я. Крушельницкой. М., 2005. С. 33, 82–83.

«особо опасным государственным преступникам». Указ Президиума Верховного Совета от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» – на Колыму, в Красноярский край, северные районы Новосибирской области и отдаленные районы Казахстана – требовал «обязать МВД СССР всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп, и лиц, представляющих опасность по своим связям и враждебной деятельности, – по истечении срока наказания направлять... в ссылку на поселение под надзор органов МГБ». В пункте 2 указ имел обратную силу и распространялся на тех, кто успел освободиться из лагерей в интервале между окончанием войны и выходом указа. Только за осень–зиму 1948 г. 22 тыс. человек попали под действие данного указа: власть желала сохранить пристальное наблюдение за «антисоветскими элементами» и без формального осуждения увеличила срок наказания ранее осужденным по 58 статье до 10 лет⁶.

В докладной записке министра ГБ СССР В. С. Абакумова от 19 октября 1949 г. под грифом «Совершенно секретно» содержались статистические данные о выполнении указов: «Разыскано органами МГБ и арестовано из числа освобожденных из мест заключения после окончания Великой Отечественной войны 11 408 чел. Среди арестованных и направленных в ссылку на поселение: шпионов – 3848 чел.; националистов – 3191; троцкистов – 3156.. Работа по выявлению и ссылке на поселение в отдаленные местности СССР особо важных государственных преступников продолжается»⁷.

Одним из репрессированных «троцкистов» оказался и Г. А. Чубаров: судьба этого человека свидетельствует о трагедии романтиков социализма – людей, искренне веривших в возможность реализации нового, основанного на справедливости, социального устройства⁸.

⁶ История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 82, 570.

⁷ Там же. С. 571.

⁸ М. Рожанский считает возможным использовать альтернативный термин «советский идеалист». См.: Рожанский М. Разномыслие в условиях добровольной несвободы: поколение советских идеалистов // Разномыслие в СССР и России (1945–2008) / под общ. ред. Б. М. Фирсова. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. С. 180–206. Проблема идентичности и идентификации репрессированных сохраняет актуальность и рассматривается учеными (в частности: Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / пер. с англ. И. Давидян. М., 2011. С. 59–63; Быкова С. И. Советский патриот как враг народа: проблема личностной и официально заданной идентичности // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 77–94).

Как правило, большинство из них являлись участниками Гражданской войны — служили в Красной армии или в партизанских отрядах. Их характерной чертой было чувство личной ответственности за настоящее и будущее. Романтики активно боролись с существующими недостатками, открыто критиковали ошибки власти, выступали против несправедливости, обмана. Стремясь исправить «искажения», они выступали на собраниях, предлагая способы решения проблем. В результате напряженного осмысления идеала и реальности очень часто возникала новая версия социализма, воспринимавшаяся властью как большая опасность и приводившая к репрессивным мерам в отношении «соавторов».

Григорий Чубаров (1899 г. р.), рабочий Нижнетагильского металлургического завода им. В. Куйбышева, первый раз был арестован в 1936 г. Беспартийному слесарю листопрокатного цеха вменялись в вину осуждение политики ВКП(б) и троцкистская контрреволюционная деятельность, начало которой относилось к 1926 г. В постановлении об обыске отмечалось наличие «документов и других вещественных данных, доказывающих его принадлежность к контрреволюционной троцкистской группе». При обыске 3 октября 1936 г. были изъяты личное заявление Г. А. Чубарова от 1 августа 1926 г. о добровольном выходе из ВКП(б) и его дневник. Уже на допросе 4 октября следователь предъявляет арестованному цитаты из его дневника, обвиняя в критическом отношении к политике партии, «явной поддержке оппозиции Зиновьева и Каменева». В протоколах допросов 5, 8, 17 октября и 3, 17, 20 ноября воспроизводились другие дневниковые записи, пояснения и подтверждения которых следователь требовал от арестованного. По приговору Особого совещания при НКВД СССР от 2 февраля 1937 г. Чубаров был осужден на пять лет исправительных работ и отправлен в УхтПечлаг⁹.

Однако история имела печальное продолжение: после освобождения из лагеря в 1944 г. (поскольку в военное время оставался там «до особого распоряжения») он работал по вольному найму забойщиком на угольных шахтах Печеры до 1946 г. и после возвращения в Нижний Тагил по просьбе директора НТМЗ слесарем, в 1949 г. был вновь арестован и отправлен в ссылку в Красноярский край. Только в 1954 г. Г. А. Чубаров был освобожден из ссылки со снятием всех ограничений. Тем не менее его ходатайство о снятии необоснованного обвинения, поданное на имя председателя Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова в 1955 г., было отклонено. Чубаров был реабилитирован только в 1989 г.¹⁰

⁹ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 56222. Л. 54.

¹⁰ Там же. Л. 57; Д. 56223. Л. 3, 59, 63.

Следует подчеркнуть, что Григорий был потомственным рабочим – его дед и отец всю жизнь работали забойщиками в медных рудниках и горе Высокой. В тринадцать лет он сам пришел на производство, в 1916–1918 гг. работал молотобойцем на Нижнетагильском металлургическом заводе. Во время революции добровольно вступил, как и отец, в Красную гвардию, а в годы Гражданской войны – в Красную армию. После окончания боевых действий служил на границе до 1924 г. Вернувшись домой, работал слесарем на НТМЗ до ареста в 1936 г.

Учитывая неравнодушное отношение к людям, Г. А. Чубарова избирают («единогласно») в профсоюзный комитет, он принимает участие («делегатом с решающим голосом») в работе районной конференции металлистов. Однако продолжающиеся в течение трех недель заседания на разных пленумах и конференциях вызывают у него только чувство усталости – нет ни одной записи о важных решениях этих заседаний. В других записях Григорий описал свои наблюдения о перевыборах в городской совет: «В большинстве избиратели не являются на собрания... Смотрят [на них] как на отбывание повинности. Если и придут, то сидят и молчат, и спрашивают, скоро ли кончится». Тем не менее собрания о пересмотре норм «проходят бурно, настроение нервное». В один из дней на заводе произошло «что-то вроде забастовки». В апреле 1926 г., несмотря на то, что его снова избрали членом месткома, записывает в дневнике печальные наблюдения о ситуации: «В жизни партии дело идет к худшему. Просчет с хлебозаготовками настолько расстроил жизнь хозяйства, что теперь дело дошло до падения курса рубля, вздорожания цен на рынке при том же уровне зарплаты. Настроение рабочих ухудшается». Размышления о бытовых проблемах, о ситуации на производстве становятся причиной подавленного настроения и намерения выйти из партии.

30 июля он подробно описывает раскол в партии, снова отмечает, что «главная сила советской власти – рабочие разочарованы в политике». Накануне девятой годовщины Октябрьской революции «мы только говорим о нищете, да постепенно шаг за шагом сдаем свои позиции, “выхолащиваем” коммунизм...», Цитирование Н. Устрялова свидетельствует о начитанности Григория.

На содержание текстов дневника и заявления Г. А. Чубарова, ставших причиной обвинения и двукратного лишения свободы, следует обратить особое внимание. Дневник отражает повседневную жизнь советских людей в 1925–1926 гг. в городах и селах, ситуацию на предприятиях и учреждениях, изменение настроений коммунистов и перипетии семейных отношений. Самыми ценными являются записи размышлений о политических событиях в СССР, о тревогах и надежде на лучшую жизнь. Все фразы, показавшиеся следователю подозрительными, подчеркнуты красным карандашом. Например: «После

внимательного прочтения материалов дискуссии нахожу неправильным осуждение оппозиции Зиновьева, Каменева и Сокольниковых»; «Чем больше читаю Ленина, тем больше убеждаюсь, что мы теперь не совсем по его заветам идем»; «Большое впечатление произвело сообщение из газеты «Рабочий» о провале потолка в здании милиции. Значит, не только построить новое, но и отобранное сохранить не сумели»¹¹.

В заявлении о добровольном выходе из ВКП(б) Григорий объяснил причины: «Побывав во многих местах С.С.С.Р., наблюдая, соприкасаясь, работая в различных организациях, проживая порядочное время среди рабочих и крестьян, состоя в партии с 1919 г., к данному времени я убедился, что таким путем, какой диктует партия в данное время, мы развивать хозяйство и вместе с этим улучшать материальное положение рабочих и крестьян не можем». Как боец Красной армии он отметил: «Когда мы шли защищать Советскую власть, нам говорили, что капитализм – это строй, где рабочим и крестьянам живется плохо. Теперь же мы и этого уровня достигнуть не можем». Григорий высказал мнение о других сферах политики ВКП(б): «Национализировали фабрики, заводы, дома – в результате в большинстве они рушатся... Крестьянское хозяйство развивается медленно – коллективные формы не прививаются, а крестьяне в большинстве недовольны существующим порядком. Малейшее проведение в жизнь демократии показывает, что влияние партии не так велико, как многие думают». Осознавая важность своего решения, Григорий подчеркнул, что «в более опасные для советской власти и партии моменты не дорожил своей жизнью».

Появившуюся в газете «Рабочий» статью о его выходе из партии Григорий называет необыкновенной историей: «В Р[айонном] К[омитете], по-видимому, таких заявлений не одно, а потому главные решили дискредитировать меня через газету, нагородили целую груду нелепостей и думают это использовать для остановки выхода из партии». Григорий записывает, что его поступок удивил многих, «меня же... на первых порах радует. Чувствую себя свободнее, в разговорах более открыт, могу говорить откровенности». Выход из партии совпал с рождением сына – «с момента выхода из партии почему-то гляжу смелее в будущее». Григорий с удовлетворением записал, что «среди населения и рабочих, в частности, по моему адресу много хороших отзывов». Уверенный в правильности своего поступка, он вступил в борьбу с редакцией газеты «Рабочий», в статье которой содержались клевета не только о нем, но и о всей семье. Григорий

¹¹ В цитатах из дневника расставлены некоторые отсутствовавшие знаки препинания.

категорически отверг характеристику своей семьи как мелких буржуа, указав, что дед имел 50-летний стаж работы, отец работал 30 лет горнорабочим, дядя – 15 лет. Кроме того, отец, дядя и сам Григорий добровольно служили в Красной гвардии и Красной армии. На все пропагандистские обвинения он ответил аргументировано. В частности, отвергая «утверждение» авторов статьи, что «Чубаров – прохвост, спекулирующий на интересах рабочего класса», Григорий привел данные о размере заработной платы рабочих Нижнетагильского завода: средний заработок составил 40 руб. 30 коп. (71, 86 % от довоенного уровня)¹².

Принципиальность позиции простили в 1926 г., но вспомнили об этом через десять лет и осудили.

13 января 1949 г. был арестован за антисоветскую деятельность Игнатьев Александр Павлович (1899 г. р.), житель г. Нижнего Тагила, токарь. В постановлении на арест дословно повторяются фразы, использованные в аналогичном документе 1936 г., – об участии в контрреволюционной троцкистской группировке, о систематической пропаганде, направленной на дискредитацию руководителей ВКП(б), о клевете на советскую действительность. В обвинительном заключении указывалось, что после осуждения в 1936 г. А. П. Игнатьев отбыл срок наказания и в 1947 г. вернулся на прежнее место жительства; поскольку он «достаточно изобличается материалами архивно-следственного дела», «за принадлежность к троцкистской организации отправить в ссылку на поселение». Последним документом в деле 1949 г. является наряд на этапирование заключенного Игнатьева в г. Красноярск¹³.

Как и другие «повторники», А. П. Игнатьев первый раз был арестован в 1936 г. и осужден на пять лет ИТЛ по обвинению в связи с активными троцкистами и распространении «платформы 83-х» в 1927 г., клевете на «Генеральную линию Партии». Вместе с ним по делу проходил И. Д. Алексеев (1884/98 г. р.), мастер по механическому оборудованию Уральского вагонзавода. В качестве обвинений указывалось, что являясь коммунистами, оба скрыли «свою троцкистскую деятельность» при чистке рядов ВКП(б) в 1929 г.

Если анализировать биографические данные и показания свидетелей, содержащиеся в документах дела, то можно сделать вывод о самостоятельной, ответственной позиции этих мужчин, бывших в годы Гражданской войны красными партизанами: искренне надеясь на возможность созидания социализма и демократии, они не могли принять несправедливость, активно стремились реализовать рево-

¹² ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 56223. Л. 57/4.

¹³ Там же. Д. 25587. Т. 2. Л. 62, 65.

люционные идеалы. В частности, в 1928–1929 гг. выступили против кандидатов, рекомендованных партийной ячейкой для избрания в профорганы, предложили альтернативных кандидатов во время выборов в городской совет, при обсуждении вопроса о повышении норм выработки обратили внимание на трудности в обеспечении рабочих продуктами питания («Надо сначала накормить рабочего, а потом спрашивать»), критиковали мероприятия по реализации государственных займов.

Если обратить внимание на хронологию событий жизни А. П. Игнатьева, превратно интерпретированных следователями, то получится весьма интересная линия: в 1936 г. его обвиняли за слова и действия 1927–1929 гг.; в 1949 г., приговаривая к ссылке, повторяли обвинения 1936 г. Следует иметь в виду, что подобные истории оказались типичными.

Н. Адлер, не используя термина «повторники», в своей монографии приводит несколько трагических примеров. Основываясь на материалах воспоминаний и интервью, исследователь показывает жизнь ссыльных, полную унижений, безнадежности, одиночества. Чувства большинства «повторников» выразил один из них: «В лагере было лучше, чем в ссылке»¹⁴.

Примером трагической судьбы советского патриота, искренне преданного идеалам социализма, является жизненный путь Эсфирь Ефимовны Фукс. Она родилась в 1901 г. в г. Луганске, в 1918 г. вступила в партию, в годы Гражданской войны служила в Красной армии. Во время этих бурных событий познакомилась с Иосифом Фуксом, являвшимся в 1920 г. председателем революционного комитета в Новороссийске. В 1925 г. Эсфирь окончила Московский медицинский институт, работала в медицинских учреждениях многих городов – в Харькове, Луганске (Ворошиловграде), Артемовске... Муж был активным коммунистом, занимал разные партийные должности. Родившимся детям Эсфирь и Иосиф дали имена, выражавшие их уважение к советским политическим лидерам: сына назвали Владилен (сокращение от «Владимир Ильич Ленин»); дочь – Сталиной. Родители воспитывали детей как патриотов, понимающих особую роль советского государства в мировой истории. В 1937 г. семья жила в Харькове, Иосиф работал заведующим промышленно-транспортным отделом Харьковского обкома ВКП(б) и являлся членом бюро областного комитета ВКП(б); Эсфирь занимала должность ассистента Харьковского мединститута. Несмотря на добросовестное служение советскому государству и партии, в 1937 г. сначала был арестован

¹⁴ Адлер Н. Трудное возвращение. С. 77–79, 83–87.

Иосиф, а потом Эсфирь как жена изменника Родины была приговорена на восемь лет ИТЛ. Наказание отбывала до 1945 г. – сначала в Темниковском лагере, затем – в Ивдельлаге. Дети сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Владилен погиб 29 декабря 1942 г. Несмотря на окончание срока заключения, Эсфирь не получила разрешения жить с дочерью в Казахстане, в г. Уральске. Оставшись в Ивделе, она работала врачом. В декабре 1952 г. Э. И. Фукс находилась в Свердловске на курсах повышения квалификации по специальности «Электрокардиография». Оставаясь равнодушным человеком, считая необходимым обратить внимание власти на существующие недостатки, порочащие социализм, она написала письмо в центральную газету «Правда». В письме Эсфирь Иосифовна задавала вопросы, почему через двадцать пять лет после революции в жизни людей так много трудностей; почему в советском государстве, провозгласившем интернационализм и национальное равенство, сохранилась дискриминация и гонения против евреев... 12 марта 1953 г. Э. И. Фукс была арестована. Свердловский областной суд, признав письмо «клеветническим, антисоветским, националистическим», 23 мая 1953 г. приговорил ее к 25 годам лишения свободы с конфискацией имущества¹⁵. Эсфирь Иосифовна неоднократно обращалась с жалобами в высшие судебные инстанции, и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР 30 ноября 1954 г. изменила приговор, определив в качестве наказания 10 лет лишения свободы. Только лишь 23 октября 1959 г. Верховный суд СССР принял постановление об отмене приговора «за отсутствием состава преступления в действиях Э. И. Фукс».

Таким образом, репрессии второй половины 1940 – начала 1950-х гг. сохранили важнейшую характеристику политических процессов 1930-х гг. – преследование и изоляция людей, сохранивших самостоятельность суждений, стремившихся реализовать революционные идеалы. Кроме того, среди повторно репрессированных оказалось много бывших красных партизан, с оружием в руках отстаивавших советскую власть в годы Гражданской войны и осуждавших антинародную политику И. Сталина не только в конце 1920–1930-х гг., но и в послевоенное время.

¹⁵ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29317. Л. 127, 136–136 об.

С. А. Красильников

УСТОЙЧИВОСТЬ ФЕНОМЕНА «ВРЕДИТЕЛЬСТВА» В ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ: «КРАСНОЯРСКОЕ ДЕЛО» ГЕОЛОГОВ 1949 г.

Феномен «вредительства» традиционно играл важную системообразующую роль в большевистской охранительной политике. Первоначально возникнув как ответная реакция на антибольшевистский протест непролетарских групп общества (средних городских слоев) против утверждения нового режима («саботаж»), в дальнейшем «вредительство» получило правовую и социально-политическую легитимацию для осуществления репрессий против так называемой экономической контрреволюции. Свой завершенный, «классический» вид «вредительство» как «форма классовой борьбы» против советского строя приобрело в ходе серии квазисудебных политических процессов над группами инженерной и научно-технической интеллигенции на рубеже 1920–1930-х гг. (Шахтинский и др. процессы). Своего рода кульминацией применения «вредительства» в репрессивной практике стал Большой террор, разыгравшийся после решений Февральско-мартовского (1937) Пленума ЦК ВКП(б), где «вредительство» получило максимально широкую трактовку, и в нем обвинялся широкий круг лиц – от наркомов до рядовых служащих. Последовавшая экстремальная эпоха Второй мировой войны радикально изменила структуру репрессий, сохранив, однако, их «контрреволюционное» ядро. Послевоенные реалии возродили, хотя и в ослабленном виде, данный феномен в качестве инструмента государственного давления и как угрозу применения к определенным группам социума, номенклатуры и интеллигенции прежде всего. Одним из проявлений этого стало «Красноярское дело» 1949 г. по обвинению ряда крупных отечественных геологов во «вредительстве» и других «преступлениях». Настоящая статья имеет целью изучить влияние данной репрессивной акции на жизнедеятельность группы томских профессоров, осужденных по данному делу, особое внимание мы уделим механизмам поведения той части научной корпорации, которая поддерживала усилия родственников в освобождении репрессированных ученых.

Термин «вредительство» в нашей публикации применяется в завышенном виде, тем самым подчеркивается невозможность его использования в качестве объективно отражавшего реальность сталинского времени, равно как и аналогичные этому термины, использовавшиеся в репрессивном законодательстве и практике – «контрреволюционная деятельность», «антисоветская агитация», «шпионаж» и другие как в силу их квазиправового характера, так и квазиправового применения.

Юридическая квалификация преступлений, трактовавшихся в дальнейшем как «вредительство», вошла в практику вместе с принятием в 1926 г. новой редакции Уголовного кодекса РСФСР п. 7 ст. 58-й (уточненной в июне 1927 г.) и без прямого определения данного понятия, но в увязке с понятием «промышленный саботаж»: «58–7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, то есть промышленный саботаж: наказание аналогично статье 58–2»¹.

Доктринальное обоснование причин, форм проявления, опасностей и «живучести» «вредительства» принадлежит И. В. Сталину, который начиная с весны 1928 г. связывал его происхождение с неизбежностью «обострения классовой борьбы». В частности, в выступлении на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. он изложил свою рефлексию по данному вопросу, назвав распространение «вредительства» в среде старой технической интеллигенции не только «заразной» болезнью, но и своего рода модой: «Одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между Советской властью и вредителями»². Тогда же он сформулировал политику большевистского руководства в отношении данной группы – «политику *разгрома* активных вредителей, *расслоения* нейтральных и *привлечения* лояльных» и высказался об их дальнейших судьбах: «Это не значит, что у нас нет больше вредителей. Вредители есть и будут, пока у нас есть классы, пока име-

¹ СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.

² Сталин И. В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. ОГИЗ, 1939. С. 342.

ется капиталистическое окружение. Но... активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы, и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье»³.

В большевистской политике феномен «вредительства» выполнял ряд функций, среди которых, помимо названных выше доктринальной и репрессивной, имело место его прагматическое использование как в «агитпропе», так и в экономике. За доктринальной оболочкой «вскрытия» и «преодоления» «многоликого вредительства» скрывалась вполне рациональная, прагматическая функция – *принудительно-мобилизационного использования интеллектуального труда репрессированных специалистов различных профессий*. Массовые кампании «выявления вредителей» с последующими массовыми арестами послужили возникновению закрытых / особых конструкторских и технических бюро, в которых применялись знания и квалификация осужденных профессионалов в различных областях (в частности, теневую сторону каждого из крупных «вредительских» процессов раннесталинского периода составляли до тысячи и более лишенных свободы специалистов, работавших после осуждения в ОТБ). Формирование сети монопрофильных ОТБ приходится на начало 1930-х гг. (около 20 в 1931 г.). Первоначально создаваемые бюро находились в монопольном подчинении ЭКУ ОГПУ, к 1932 г. было достигнуто межведомственное соглашение о передаче части заключенных специалистов в другие наркоматы⁴.

О месте «вредительства» в репрессивной практике в разные периоды сталинской эпохи можно судить только отчасти, поскольку осуждение по ст. 58–7 нередко сопровождалось и обвинениями по другим пунктам этой статьи. Используя ту неполную и фрагментарную статистику, которая приводится в работе О. Б. Мозохина, тем не менее можно установить следующее: в 1928 г. по ст. 58–7 осуждено 1,8 тыс. человек, или около 5 % от общей массы осужденных по ст. 58, в 1930 г. – 7,3 тыс., или 3 %; в 1931 г. по ст. 58–7, –9, –14 осуждено 17,8 тыс., или 7,2 % (среди осужденных в 1931 г. было 2 тыс. ИТР и 438 научных работников (НР)); в 1937 г. по ст. 58–7 осуждено 67 тыс., или 7 %, в 1949 г. – 908 человек, или 1,5 % (в т. ч. 616 профессоров и преподавателей (ППС) вузов и НР); в 1950 г. по ст. 58–7, –14 осужден 681 человек, или 1,6 % от осужденных по ст. 58 (в т. ч. 391 ППС вузов и НР)⁵.

³ Там же. С. 343, 344.

⁴ См.: Лубянка. Сталини и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 287–288.

⁵ Мозохин О. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 280, 289, 296, 336, 405, 408, 419, 422.

Из данных статистики следует, что на «входе» в сталинскую эпоху «вредительство» получило распространение, первоначально проецируясь на группы «служилой интеллигенции», однако уже с начала 1930-х гг. имела место тенденция расширения репрессивной практики по соответствующим пунктам ст. 58 на другие социальные strаты, достигнув апогея в 1937 г. В то же время в конце 1940 – начале 1950-х гг. объектом обвинений во «вредительстве» вновь становятся корпоративные группы управленцев и специалистов. Сказанное свидетельствует о том, что запущенная еще в конце 1920-х гг. стигматизация старой интеллигенции в виде образа «спеца-вредителя» сохранялась на протяжении всего сталинского периода. В послевоенные годы традиция кампаний по «вскрытию вредительства» в различных сферах экономики, науки и техники «рутинизировалась», оставаясь органичной частью интеллигентофобии (И-фобии).

В восприятии Сталина «шахтинский синдром» (1928) представлялся сочетанием образа «спеца-вредителя» с образом «коммуниста-управленца», ставшего объектом «вредительского» манипулирования⁶. 20 лет спустя, в 1949 г., Сталин продолжал мыслить теми же устойчивыми стереотипами. Об этом свидетельствует фрагмент его выступления 30 марта 1949 г. на заседании Политбюро, где рассматривался вопрос о состоянии геологических разведок в Красноярском крае в конспективной записи главного редактора газеты «Правда» П. Н. Поспелова, опубликованной историком науки А. Блохом: «Где сейчас главная опасность? В честных дураках и слепцах. От таких честных людей, но слепых, может погибнуть наша страна... Разве медведь (из крыловской басни) не был честным? Честные люди, но слепые дураки, отдают практическое руководство в руки григорьевых, эдельштейнов, колчаковцев. Кто эти резолюции (что в Красноярском крае ничего нет) писал? Они? Нет, их рукой враги руководили. Почему все эти дела рассказывает корреспондент, а не чекист? Без комиссии не обойтись»⁷.

Упомянутое заседание Политбюро явилось поворотным моментом в возникновении так называемого Красноярского дела, или «вредительства в геологии», повлекшего за собой групповые аресты в среде ученых-геологов (около 30 чел.) и вобравшего в себя классические черты соединения сталинского агитпропа с прагматикой использования труда репрессированных крупных ученых-геологов по специальности (в геологических управлениях Енисейстроя, Норильска,

⁶ Сталин И. В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сочинения. М.: ГИЗ, 1949. Т. 11. С. 58–59.

⁷ URL: uralgold.ru/tidings/700 Источник: poisknews. Опубликовано: 05.10.2012.

Дальстроя, входивших в систему ГУЛАГ МВД СССР). В немногочисленных публикациях, посвященных истории пресловутого «дела», достаточно рельефно вскрыта злобная роль в инициировании исследований и арестов геологов корреспондента «Правды» Анастасии Шестаковой, сумевшей при поддержке П. Н. Поспелова дискредитировать профессиональную деятельность ряда крупнейших геологов страны, изучавших в разные годы полезные ископаемые Восточной Сибири и якобы скрывших наличие запасов здесь ценнейших руд, в т. ч. урановых. Здесь же приведены биографические данные о судьбах репрессированных ученых⁸.

Реконструкция событий, связанных с «Красноярским делом», требует весьма значительных усилий, что осложняется невозможностью доступа к архивно-следственным делам (АСД) арестованных, а также к документации тех ОТБ, где отбывали заключение геологи. Поэтому мы воспользовались доступными источниками, хранящимися в личном фонде выдающегося ученого, геолога Владимира Афанасьевича Обручева, чтобы на основе выявленной в нем переписки проследить один из аспектов этой драматической темы: показать усилия родных и коллег группы репрессированных томских ученых по их освобождению⁹. Датировка переписки ряда сибирских геологов с академиком В. А. Обручевым охватывает более длительный период, еще с 1920-х гг., однако особый интерес представляют письма жен осужденных геологов Обручеву, его ответные письма, а также письма геологов академику после освобождения из лагерей весной 1954 г. Безусловной исторической ценностью обладает переписка, которую вел Обручев с носителями власти (К. Е. Ворошиловым и др.) в 1953–1954 гг., ходатайствуя о пересмотре дел, находившихся в местах заключения геологов. Женские письма полифункциональны, в них не только содержится информация о положении и состоянии осужденных мужей в лагерях и сведения о реагировании томской геологической корпорации на осуждение профессоров, но и описана координация совместных с Обручевым усилий по пересмотру обвинительных приговоров, активизировавшихся после ареста и расстрела Л. П. Берии.

Согласно данным, собранным исследователями о «Красноярском деле», в Томске и Новосибирске арестам подверглись девять ученых, в т. ч. шесть профессоров, ведущих преподавателей Томского универ-

⁸ См.: Репрессированные геологи: Биографические материалы. М.; СПб., 1995; Некос В. В., Грек А. Г., Совлук В. И. Красноярское дело. URL: library.iem.ac.ru/spb2002/Chapter_2.DOC

⁹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 642. Оп. 3. Д. 265; Ф. 642. Оп. 4. Д. 250, 296, 1035, 1081, 1082.

ситета и Индустриально-политехнического института. Как отмечала в письме к В. А. Обручеву от 18 мая 1949 г. Т. А. Хахлова, жена одного из профессоров, «геологический факультет [университета] остался без профессоров»¹⁰. Ниже приводятся краткие сведения об их научно-педагогической деятельности на момент ареста. Объединяло всех то, что каждый из них несколько десятков лет работал по изучению недр Сибири. Что же касается причин для ареста именно этих ученых, то, предположительно, МГБ руководствовалось тем фактом, что они служили по мобилизации в войсках антибольшевистских режимов на территории Сибири и подпадали под определение «колчаковцы» (см. выше высказывание Сталина на заседании Политбюро от 30 марта 1949 г. о «вредителях»).

Баженов Иван Кузьмич; на момент ареста – декан геологического факультета ТГУ, зав. кафедрой минералогии, один из первооткрывателей группы месторождений нефелиновых пород в Красноярском крае в конце 1930-х гг. Один из руководителей геологической части Южно-Енисейской комплексной экспедиции СОПС АН СССР (1947). В 1948 г. Ученым советом ТГУ начата процедура выдвижения его на Сталинскую премию, однако из-за ареста ученого в Комитет по премиям направлена не была. Возможный повод для ареста – служба рядовым по мобилизации в колчаковской армии в 1919 г.

Булынников Александр Яковлевич; на момент ареста – зав. кафедрой петрографии ТГУ (с 1938 г.). Крупнейший специалист по золоторудным месторождениям Западной Сибири (оценка акад. Обручева, официального оппонента при защите докторской диссертации, март 1941 г.). Возможный повод для ареста – служба сапером инженерного дивизиона по мобилизации в колчаковской армии в 1919 г.

Кучин Михаил Иванович; на момент ареста – зав. кафедрой грунтоведения и гидрогеологии ТГУ (с 1939 г.). Крупнейший специалист в области гидрогеологии Сибири. Возможный повод для ареста – подпоручик военного времени (1917), служба в аппарате Министерства труда колчаковского правительства (1918–1919).

Сперанский Борис Федорович; участник революционного движения, отбывал 10-летний срок в каторжных тюрьмах. В 1923 г. окончил горный факультет Томского технологического института. Профессор ТГУ (по совместительству). На момент ареста – ст. научный сотрудник Горно-геологического института ЗСФ АН СССР (Новосибирск). Руководил работой по составлению первой обзорной геологической карты Западной Сибири. В 1948 г. защитил докторскую диссертацию. В связи с 25-летием профессиональной деятельности награжден орденом Ленина (1948), Залсибгеологоуправлением

¹⁰ АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 1082. Л. 1–2.

учреждена именная премия за лучшую работу по геологии Западной Сибири (1948).

Хахлов Венедикт Андреевич; на момент ареста – зав. кафедрой палеонтологии ТГУ (с 1934 г.). Крупнейший специалист в области палеонтологии Сибири. Возможный повод для ареста – подпоручик военного времени (1917), служба в Сибирском инженерном дивизионе (1918–1919).

Шахов Феликс Николаевич; на момент ареста – декан геологоразведочного факультета Томского индустриального института (с 1939 г.). Один из крупнейших специалистов по месторождениям цветных и редких металлов в Сибири. Награжден орденом Ленина (1944), Трудового Красного Знамени (1946) Возможный повод для ареста – подпоручик военного времени (1917), служба начальником саперной команды (1918–1919)¹¹.

Примечательно, что хотя томские профессора длительное время числились в списках «бывших белых офицеров и военных чиновников», регулярно составлявшихся в довоенное время в вузах, никто из них не подвергался ранее арестам. Что же касается переехавшего в Новосибирск и работавшего там в академическом институте Б. Ф. Сперанского, то, напротив, он имел героическое революционное прошлое и состоял членом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Арест и длившееся около года следствие в Москве, завершившееся вынесением 28 октября 1950 г. Особым совещанием при МГБ СССР приговора к длительным срокам заключения в лагерях, имели целью добиться от арестованных признательных показаний. Позднее А. Я. Булытников в письме родным из мест заключения так описывал свое состояние: «Когда нас арестовали и увозили из Томска, то каждый из нас рассчитывал и ожидал, что недоразумение с арестом в Москве разрешится, и мы возвратимся к прежней деятельности. Надежда была разбита следствием. Не только я, но и... другие оклеветали себя, и все это привело к печальному результату. Я неоднократно спрашивал, когда мне будет предоставлен защитник. “Я – ваш следователь и ваш защитник” – был ответ»¹².

После приговора им предстояло отбывать громадные сроки в лагерях Дальстроя, Енисейстроя, Норильска. И. К. Баженов, приговоренный к 25 годам в ИТЛ, отбывал срок на Колыме; работал по специальности, в т. ч. по разработке урановых месторождений. Б. Ф. Сперанский, приговоренный к 25 годам в ИТЛ, также отбывал срок на Колыме; работал по специальности, занимаясь картографи-

¹¹ Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2: 1917–1945. С. 37–43, 66–70, 254–259, 395–398, 451–458, 484–487.

¹² АРАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 265. Л. 16–16 об.

рованием территории Магаданской области. Отбывал заключение на Колыме и Ф. Н. Шахов, приговоренный к 15 годам в ИТЛ; работал в научно-методическом отделе Северо-Восточного геологического управления (Магадан) по проблемам золотоносности. Двое отбывали свой срок в системе Енисейстроя: А. Я. Булытников (15 лет в ИТЛ) работал в геологическом отделе ОТБ-1 (Красноярск), участвовал в открытии месторождений золота, флюоритов, выполнил ряд крупных петрографических работ; инженер-гидролог М. И. Кучин (15 лет в ИТЛ) работал в ОТБ-1 по специальности. В. А. Хахлов (10 лет в ИТЛ) срок отбывал в Норильсклаге; с января 1951 г. работал в Геологическом управлении (подсчет угольных запасов Кайерканского месторождения), где основал палеонтологическую лабораторию.

Находясь в тяжелейших условиях лагерного заключения, но отчасти адаптировавшись к условиям своего существования, заключенные начинали тяжелую и «вязкую» борьбу за пересмотр приговора. Основной бюрократической препоной к возможному пересмотру их «дел» являлись сделанные ими в ходе следствия «признательные показания», что явствовало из письма В. А. Хахлова жене, датированного 10 ноября 1952 г.: «22 октября я написал пространную жалобу в Президиум Верховного Совета СССР, где изложил все то, что я **ВЫНУЖДЕН** был подписать во время следствия. Для опровержения всего подписанного я выставил в качестве свидетелей около 50 человек лиц, которые должны подтвердить высказанные мной заключения в моей жалобе. Параллельно с этим я подал заявление в партийную организацию [Томского] Университета с просьбой дать в Верховный Совет данные, которые подтверждают мое заявление в Верховный Совет. Все это послано через лагерь и соответствующие инстанции. Лагерь дал соответствующую характеристику моей работы. Справся в Университете, получили ли они мое заявление. Правда, все это идет очень медленно и возможно дойдет через несколько месяцев. Я их не прошу дать характеристику моей работы за 30 лет, а прошу только сказать правду. За поисками правды я и обратился к ним»¹³. Кроме того, мотивированность протеста зависела от возможности оспорить сам приговор, однако, как писал тот же Хахлов жене, «необходимо получить, наконец, обвинительное заключение, чтобы хоть знать, за что я сижу, и тогда по всем пунктам фактического материала через партийную организацию Университета будем просить пересмотреть дело»¹⁴.

В своем письме В. А. Обручеву, предположительно относящемся к началу 1953 г., Т. А. Хахлова описывает достаточно тяжелую

¹³ АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 1082. Л. 3.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 265. Л. 7.

атмосферу, в которой оказывались родственники и ученики репрессированных ученых, боровшихся за их научную репутацию и, соответственно, за освобождение: «Среди его учеников нашлись, конечно, такие, которых вынудили лягнуть В[енедикта] А[ндреевича]. Не все пошли на это. Все ученики В. А. честно везли и везут Университет, но все же солидарность слаба...»¹⁵

Решающие события, повлекшие за собой пересмотр приговора Особого совещания МГБ в отношении осужденных геологов, были связаны с последовавшим после смерти Сталина падением Л. Берии в 1953 г. Остававшимся ранее без внимания ходатайствам влиятельных ученых за своих учеников был дан ход. В фонде академика Обручева отложился значительный корпус документов¹⁶, датированных концом 1953 – серединой 1954 г., содержащих подготовительные материалы, черновые варианты, машинописные экземпляры и отпуски писем на имя членов высшего руководства страны (К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова) и в Главную военную прокуратуру с ходатайствами Обручева о пересмотре дел в отношении более десятка репрессированных геологов, среди которых были и осужденные по «Красноярскому делу». Здесь же сохранилась и часть переписки академика с родственниками геологов для получения более точных сведений о заслугах ученых и т. д. В. А. Обручев, которому незадолго до этого исполнилось 90 лет, в переписке с государственными лидерами стремился с максимальной полнотой использовать свой заслуженный статус патриарха отечественной геологической науки. В частности, сохранилось три черновых варианта его обращения к Ворошилову, пока не был найден оптимальный, отрывок из которого приводится ниже: «Пользуясь Вашим любезным посещением меня для вручения высокой правительственной награды за многолетнюю службу, я предоставляю ходатайство о трех известных мне геологах, исследователях Сибири, с просьбой о пересмотре их дел и смягчении их участи (Н. Н. Урванцев, И. К. Баженов, А. Я. Булынников. – С. К.) [...] Все три указанных в этом заявлении геолога известны мне лично по своим научным трудам и вполне заслуживают полной амнистии и возвращения к свободному труду на пользу Родине. 8 февраля 1954 г.»¹⁷

Ходатайства Обручева, безусловно, сыграли свою роль в том, что решениями Главной военной коллегии Верховного суда СССР от 31 марта и 10 апреля 1954 г. ранее вынесенные в отношении геологов приговоры были отменены, а «дела» прекращены «за отсутствием в них состава преступления». И. К. Баженов был восстановлен 7 мая

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 1082. Л. 4.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 265. Л. 1–47.

¹⁷ Там же. Л. 20.

1954 г. на работе в ТГУ в должности зав. кафедрой минералогии и кристаллографии, где проработал до 1973 г. А. Я. Булынников был восстановлен 2 июня 1954 г. на работе в ТГУ в должности зав. кафедрой петрографии, где проработал до 1972 г. (последние 5 лет – профессор-консультант). В. А. Хахлов был восстановлен 10 мая 1954 г. на работе в ТГУ в должности зав. кафедрой палеонтологии, где проработал до 1972 г. Другие репрессированные геологи также по возвращении из заключения были восстановлены в своих должностях, где работали до ареста. Однако репрессии не прошли бесследно: через два года после освобождения скончался Б. Ф. Сперанский, ставший в течение своей жизни жертвой двух репрессивных режимов – царского и сталинского. В переписке с В. А. Обручевым сразу после возвращения из заключения томские геологи по-разному оценивали драматическое пятилетие в своей жизни: так, Баженов писал о желании «наверстать потерянные годы»¹⁸; более оптимистичным в своих оценках был Хахлов: «Мои года – последние пять лет – не прошли для науки бесследно. Я и в неволе жил наукой и для науки. Написал три тома большой монографии “Стратиграфия Норильского угольного бассейна”»¹⁹.

«Дело геологов» 1949 г. имеет несколько измерений. На макроуровне действовали механизмы доктринального / охранительного («вредительство было, есть и будет») и функционального (мобилизационного) типов. На среднем уровне действовали факторы ведомственного порядка – интересы карательных структур (МГБ и МВД), Агитпропа (руководство и агенты газеты «Правда»), Мингеологии, АН СССР и других производственных и научных институций. Обращаясь к событиям на микроуровне, мы на основе доступных источников реконструировали поведенческие реакции и действия внутри геологической корпорации в отношении репрессированных геологов. Выявлены три поведенческих типа – позитивный активизм (поддержка и солидарность с осужденными), конформизм, негативный активизм (соучастие или прямое участие в дискредитации осужденных). Ядро позитивного активизма формировали групповые и личностные внутрикорпоративные связи, основанные на длительных профессиональных контактах и репутационной компоненте. Наиболее действенной оказывалась триада: близкие / жены репрессированного – ученики – научный лидер корпорации. СЛОВО академика Владимира Афанасьевича Обручева не могло предотвратить «Красноярского дела», но имело важное значение в ускорении пересмотра приговора МГБ и освобождении осужденных.

¹⁸ АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 250. Л. 18–18 об.

¹⁹ Там же. Д. 1081. Л. 1–2 об.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И УСИЛЕНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Окончание Великой Отечественной войны ознаменовалось обострением отношений СССР с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Речь шла об опасности возникновения новой мировой войны. Эта ситуация конфликтных отношений с европейским сообществом не была новой для советского руководства. За период правления Сталина сложился определенный стереотип в выработке курса внутренней политики, который отличался резким усилением ее репрессивной направленности в период международных осложнений.

Прослеживается тенденция, что такое развитие событий было обусловлено сочетанием внешних и внутренних факторов, которые субъективно рассматривались высшим советским руководством и приводили к трагическим последствиям для населения.

На протяжении сталинского периода правления неоднократно возникали осложнения в развитии государства, которые сопровождались неадекватной реакцией высшего руководства. В 1927–1928 гг. «военная тревога», ожидание интервенции капиталистических государств, прежде всего Великобритании, резкое обострение экономического положения из-за трудностей с хлебозаготовками привели к усилению карательной политики. По указанию И. В. Сталина председатель ОГПУ Р. В. Менжинский отдал распоряжение о проведении массовых арестов среди представителей бывших сановников, генералов и офицеров царской армии, участников белого движения. Круг репрессируемых был достаточно узок и затронул, прежде всего, слои так называемых бывших людей.

В 1937–1938 гг. подозрения Сталина о секретном сговоре между Германией и Польшей, которого в действительности не существовало, летнее мощное наступление Японии в Китае были для советского руководства предвестниками войны на два фронта. К этому добавилось и тяжелое положение внутри страны, связанное с последствиями неурожайного 1936 г., когда в некоторых регионах страны были отмечены факты людоедства. Подготовка страны к вероятной

войне привела к масштабным репрессиям 1937–1938 гг., «генеральной чистке» советского общества.

Определенный стереотип мышления, сложившийся у Сталина, самым существенным образом влиял на состояние карательной политики государства. Уже со второй половины 1930-х гг. сотрудники органов государственной безопасности использовали термин «пятая колонна». Перед отъездом в июле 1937 г. к новому месту службы в качестве начальника управления НКВД Дальневосточного края комиссар государственной безопасности Г. С. Люшков был вызван в Кремль к Сталину, который кратко проинструктировал его о конкретных задачах¹. Позднее сотрудник 3 отдела Управления государственной безопасности УНКВД по ДВК отмечал, что заместитель Люшкова рассказывал ему о «пятой колонне» в Испании. Тот, в свою очередь, получил эти сведения от начальника управления, который имел короткую аудиенцию у Сталина. Пятая колонна в СССР – это диверсионно-повстанческая контрреволюция в тылу страны. К ним относились бывшие участники белых армий, бывшие кулаки, харбинцы (советский персонал, обслуживавший Китайско-Восточную железную дорогу и вернувшийся после ее продажи в 1935 г. в СССР) и даже обиженные красные партизаны. Последняя категория представляет значительный интерес в связи с причислением ее к «пятой колонне». Участники партизанского движения, защищавшие в годы Гражданской войны советскую власть, превращались в противников и врагов этой власти. Это было связано с тем, что они, большей частью проживавшие в деревенской местности, проявляли недовольство, были настроены оппозиционно, прежде всего к проводимому руководством страны курсу в экономическом строительстве (свертывание нэпа, коллективизация, чрезмерное налогообложение и др.)².

В 1937–1938 гг. произошло и дальнейшее «теоретическое» обоснование роли и места в советском государстве представителей внутрипартийной оппозиции и небольшевистских партий. Важно отметить, что у Сталина сформировалось твердое убеждение, что представители внутрипартийной оппозиции и других политических партий являлись иностранными агентами, особенно те, кто в дореволюционное время были за границей. По итогам встреч со Сталиным нарком НКВД Н. И. Ежов прямо говорил о том, что представители оппозиционных групп внутри большевистской партии, а тем более партий меньшевиков, эсеров, анархистов не являлись политическими оппонентами, а превратились в агентов иностранных государств.

¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник / науч. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 216.

² ЦА ФСБ. Архивное следственное дело Р-4339. Т. 2.

Например, Троцкий объявлялся агентом германской разведки. Кстати, до сегодняшнего дня такая точка зрения существует и пользуется определенной популярностью.

В январе 1938 г. на совещании оперативного состава Ежов рассказывал о своих встречах со Сталиным, который «просвещал ему мозги». Фактически российская эмиграция, включая представителей различных политических партий, находясь в изгнании, получала поддержку со стороны правительств европейских государств. Логика была такая: вы против царизма и мы, вы за демократическое развитие и мы. Люди жили бедновато, их подкармливали, а потом их просили, чтобы они освещали события в России. Через 10–15 лет компартия пришла к власти, и в ней остались эти осведомители. По логике Сталина, представители иностранных государств не оставят их в покое и будут требовать новые сведения. Меншевики и эсеры за рубежом состояли якобы на службе иностранных разведок³.

Таким образом, было сформировано четкое мнение о связях оппозиционных партий и групп с иностранными разведками.

Послевоенный период также характеризовался обострением отношений с ведущими европейскими державами и США, внутренними трудностями, связанными с тяжелым экономическим положением, голодом 1947–1948 г., пик которого пришелся на февраль–август 1947 г.

Во внутренней политике послевоенного периода нам известны фальсифицированные процессы по «делу Еврейского антифашистского комитета», «Ленинградскому делу», «делу врачей», заговору в МГБ. Однако были и другие направления репрессивной политики, которые не получили достаточного освещения в исторических исследованиях. Следует выделить в послевоенный период деятельность МГБ СССР по усилению репрессий в отношении бывших представителей оппозиционных групп внутри коммунистической партии и небольшевистских партий, а также поиски иностранных агентов среди советских граждан.

В определенной мере резкому усилению репрессий в отношении бывших представителей оппозиционных партий и течений внутри компартии способствовали «подковерные» разборки между руководителями органов госбезопасности. Влияние органов госбезопасности заключалось в том, что они были одним из важнейших источников информации и являлись для Сталина существенным фактором при выработке решений.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 14. Л. 359–362.

Все началось с того, что министр госбезопасности Абакумов в мае 1947 г. доложил в спецсообщении на имя Сталина о том, что в годы Великой Отечественной войны предшествующий нарком госбезопасности В. Меркулов не уделял должного внимания борьбе с троцкистами. Сталин обратил на это внимание.

В своих спецсообщениях Абакумов указывал, что Меркулов фактически давал указания о прекращении борьбы с троцкистами и другими оппозиционными течениями, уничтожил все учетные данные. Важно отметить, что нарком госбезопасности в 1943–1944 гг. действительно ориентировал оперативный состав, прежде всего на борьбу с агентурой германских спецслужб.

В мае 1947 г. Абакумов докладывал Сталину, что если на 1 января 1941 г. на учете состояло троцкистов, зиновьевцев и правых 28 719, а вместе с эсерами с меньшевиками, эсерами и анархистами 65 899, то на 1 января 1946 г. всего 4191 человек. Причины, побудившие Абакумова направить на имя Сталина такое спецсообщение, связаны, скорее всего, с тем, чтобы представить деятельность предшественника в негативном свете. Ему было также неприятно, что многие бывшие руководящие сотрудники Наркомата государственной безопасности, работавшие с Меркуловым, были им уволены и заменены новыми кадрами, которые ранее служили в органах контрразведки «Смерш». Классическое воплощение выражения «новая метла по-новому метет».

Но Меркулов, после того как не был утвержден на должность министра МГБ, был назначен на достаточно высокий пост начальника Главного управления советским имуществом за границей, а значительное число уволенных Абакумовым сотрудников были приняты им на работу в новом ведомстве. То, что Меркулов получил такой высокий пост, возможно, связано с тем, что все основополагающие документы о реорганизации НКВД и образовании МГБ СССР подготавливал Меркулов с учетом замечаний Сталина, а также с покровительством Л. Берии, под началом которого он служил с 1920-х гг.

По указанию Сталина была создана комиссия ЦК ВКП(б), которая расследовала факты, изложенные в спецсообщениях Абакумова. Но в состав комиссии был включен Л. Берия, который постоянно продвигал Меркулова по служебной лестнице, что предопределило окончательное положительное для Меркулова решение.

Однако поток спецсообщений о троцкистах и других оппозиционерах нарастал. 20 февраля 1948 г. Абакумов докладывал Сталину об аресте 520 троцкистов, правых, меньшевиков и др.⁴ Затем он отдель-

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 279. Л. 1–25.

но сообщал об итогах работы Управления МГБ по г. Москве и Московской области за 1948 г. и половину 1949 г. Было арестовано 387 троцкистов, 24 правых, 20 меньшевиков, 27 эсеров и 10 анархистов. Большая часть арестованных якобы вела подрывную антисоветскую работу⁵.

В итоге, если в 1947 г. было арестовано 120 человек, то в течение 1948–1951 гг. почти 8,5 тыс. представителей бывших политических партий, организаций и групп, включая троцкистов, правых, меньшевиков, анархистов и участников вымышленной Трудовой крестьянской партии⁶.

Одновременно произошло резкое ужесточение условий содержания заключенных, ссыльных и высланных. Во-первых, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» по предложению Сталина 21 февраля 1948 г. было принято постановление № 418–161-сс о передаче из МВД в МГБ всей работы по административно-ссылным и высланным. Под гласный надзор, агентурное наблюдение и на оперативный учет МГБ передавались лица, направленные в ссылку и высылку по приговорам судебных органов и решениями Особых совещаний за преступления, предусмотренные ст. 58 УК РСФСР и соответствующими статьями УК союзных республик. К особо опасным были отнесены так называемые троцкисты, зиновьевцы, правые, участники антисоветских организаций и члены их семей, высланные по постановлениям органов НКВД из ряда центральных городов на основании инструкции НКВД от 15 июня 1937 г.⁷ Находившимся в ссылке и высланным, которые должны были освободиться, продляли сроки ссылки и высылки.

Одновременно 21 февраля 1948 г. принимается постановление о создании особых лагерей и особых тюрем для осужденных за контрреволюционные преступления. В этих особых лагерях и тюрьмах предусматривались более строгий режим содержания и использование преимущественно на тяжелых физических работах.

Не менее важным признаком ужесточения репрессивной политики стал резкий рост числа арестованных по обвинению в шпионской

⁵ Лубянка. Сталин и МГБ СССР март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2007. С. 268.

⁶ Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). М., 2011. С. 552, 567, 582, 596, 610, 622.

⁷ История сталинского ГУЛАГа: Собр. док.: в 7 т. Т. 1 Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М., 2004. С. 570.

деятельности в интересах, прежде всего США и Великобритании. Если в 1946 г. были арестованы по такому обвинению 63 человека, то в 1948 г. — 2983 человека. Увеличение более чем в 47 раз. В 1949–1950 гг. более чем в 30 раз превышало число арестованных в 1946 г. И только в 1953 г. произошел спад арестов. Всего за период с 1946 по 1953 г. было арестовано более 10,5 тыс. американских и английских шпионов⁸.

Учитывая, что в первые послевоенные годы в связи с усилением разведывательной деятельности во время холодной войны резко увеличилось количество заброшенных иностранными спецслужбами агентов на территорию СССР, реально можно говорить лишь о нескольких сотнях, но не тысячах.

Эти репрессии обрушились на официальных советских представителей, выезжавших за границу, советских граждан, имевших контакты с иностранцами, подавляющая часть которых к настоящему времени реабилитирована. 13 декабря 1947 г. Абакумов сообщал Сталину об аресте бывшего заместителя министра связи СССР А. Д. Фортушенко, выдающегося ученого в области радиосвязи. Он якобы состоял на службе американской разведки, поддерживал преступные отношения, в том числе с председателем федерального бюро связи США Дени и выполнял задания по обеспечению для США ведущих позиций в деле международного радиовещания и радиосвязи. В течение 1945–1947 гг. Фортушенко неоднократно выезжал на международные конференции в Англию, Францию и США.

Прибывшему в мае 1947 г. в США Фортушенко американцы оказали якобы подчеркнуто любезный прием. Он в качестве руководителя советской делегации на международной конференции по радио и электросвязи поступил на государственными интересами СССР и способствовал установлению органами связи США контроля во всех областях международного радиовещания и электросвязи, передал американской стороне секретные сведения. Министр связи СССР в своем объяснении в правительство пытался доказать, что никакой утечки государственных секретов не произошло. Однако это не помогло. Сталин, внимательно прочитавший протокол допроса Фортушенко, адресовал его членам Политбюро ЦК ВКП(б) для прочтения. В тексте протокола он подчеркнул те места, где Фортушенко «добровольно» указывает на то, что он вступил в преступную связь с американскими разведчиками⁹. В итоге он был необоснованно осужден.

С. С. Юдин хирург, академик АМН СССР был арестован 22 декабря 1948 г. В условиях развернувшейся холодной войны основа-

⁸ Мозохин О. Б. Право на репрессии... С. 529, 539, 549, 567, 579, 593, 610, 622.

⁹ АП РФ. Ф. 3, Оп. 58. Д. 257. Л. 5–6.

нием для ареста стали его встречи с представителями союзников в годы Отечественной войны. В процессе допросов сотрудники органов госбезопасности по указанию руководства пытались добиться компрометирующих показаний на маршала артиллерии Воронова, не увенчавшиеся успехом.

В октябре 1947 г. Абакумов в спецсообщении на имя Сталина поставил вопрос об аресте начальника иностранного отдела Министерства сельского хозяйства СССР Г. Н. Шлыкова. По роду своей деятельности он встречался с атташе по сельскому хозяйству посольства США Д. Бюликом, который разрабатывался и рассматривался органами госбезопасности в качестве американского разведчика. Обвинения строились на основе того, что Шлыков официально передавал семена различного рода культурных растений. По заключению МГБ переданные Шлыковым образцы семян американцам, англичанам и другим представляли большую ценность для селекционных работ в США и Канаде. Сюда включались и опытные образцы семян многолетней пшеницы, выращиваемой в научно-исследовательских сельскохозяйственных институтах и станциях, переданные 26 образцов семян полевых культур, отчет об испытании в СССР универсального препарата ДДТ по борьбе с вредителями сельского хозяйства и специально подобранная литература по лесному хозяйству и пчеловодству. В январе 1947 г. Шлыков через Министерство иностранных дел СССР переслал британскому посольству в Москве 6 кг риса краснодарского сорта и коллекции семян пшеницы для переотправки их в Южно-Африканский союз. Для усиления «вредительской» работы Шлыкова Абакумов использовал и другие факты. В архивах МГБ отложились материалы по обвинению группы сотрудников в проведении «антисоветской вредительской» работы в Академии сельскохозяйственных наук и приговоренных к расстрелу в 1937 г. В их показаниях Шлыков упоминался как участник организации, что и было отмечено министром госбезопасности в спецсообщении.

В отношении номенклатурных работников высокого ранга, как и ранее, окончательное решение принимал лично Сталин. На копии спецсообщения сохранилась запись: «Тов. Сталин разрешил арестовать Шлыкова. Передал мне об этом тов. Поскребышев по ВЧ. В. Абакумов 31.10»¹⁰.

В годы холодной войны реанимировалась проблема так называемых консульских связей, которая была характерна для 1930-х гг. Советские граждане, непосредственно общавшиеся с представителями

¹⁰ Лубянка. Сталин и МГБ СССР... С. 69.

иностранных государств находились под постоянным контролем со стороны МГБ СССР.

Например, А. Н. Беляев русский редактор издающегося посольством США в Москве журнала «Америка», который ранее был литературным секретарем К. Симонова и Л. Кассиля, из-за своей объективной оценки политического режима в СССР стал объектом разработки органов госбезопасности. Среди различных компрометирующих материалов отмечались его взгляды о политической системе, сложившейся в СССР. Вся власть в СССР, по его мнению, принадлежала не Советам депутатов трудящихся, а партийным органам. Выборы являются пустой формальностью, поскольку заранее были определены кандидатуры для голосования. Никакой демократии в СССР не существовало, поскольку весь руководящий советский и партийный аппарат назначался сверху. Главная задача следственных органов заключалась в доказательстве его шпионских связей, которые и были «доказаны».

По показаниям бывшего начальника иностранного отдела Министерства сельского хозяйства СССР Г. Н. Шлыкова был арестован Ф. И. Бендер бывший переводчик и сотрудник для поручений посольства США в Москве, который якобы оказывал содействие сотрудникам посольства в сборе секретных сведений об экономике и состоянии сельского хозяйства страны.

Был арестован и репрессирован бывший редактор-переводчик Совинформбюро Я. Я. Гуральский, который имел якобы близкие отношения с корреспондентом английской газеты «Дейли геральд» в Москве Д. Эвансом, привлечшим его к шпионской работе в пользу английской разведки. Эванс работал в СССР с 1944 г., прибыл по приглашению Издательства иностранной литературы и только во второй половине 1940-х гг. стал изучаться органами госбезопасности в качестве английского разведчика.

Только в 2001 г. последней из участников сфальсифицированного дела была реабилитирована И. В. Матусис, секретарь-переводчик американского консульства во Владивостоке. В ходе повторного расследования была подтверждена недостоверность практически всех доказательств, на основании которых она была привлечена к уголовной ответственности, в том числе и передача ею в американское представительство сведений, якобы составлявших военную и государственную тайну. В 1943 г. Матусис якобы получила в американском посольстве в Москве лично от военно-морского атташе США контр-адмирала Дункана задание разведать состояние военно-морских сил Дальнего Востока, ледокольного флота, Северного морского пути, пропускной способности и технической оснащенности портов, судостроительных заводов, а также железных и шоссейных дорог.

По делу было арестовано 11 американских «шпионов», выданных Матусис, в том числе командир тяжелого монитора 7-го военно-морского флота Эрлих, капитан теплохода «Иркутск» Альварес, заместитель начальника агентства Инфлота во Владивостоке Корабенкова, заместитель начальника порта в Петропавловске-на-Камчатке Бухаткин и др., которые сознались в шпионской связи с американцами и подтвердили показания Матусис¹¹.

В послевоенные годы в результате маниакальной подозрительности Сталин инициировал аресты своих родственников. Органы государственной безопасности добились показаний о том, что иностранным разведкам передавались подробные сведения о состоянии здоровья, поведении и других личных подробностях жизни вождя СССР. По данному делу были арестованы А. С. Аллилуева, Е. А. Аллилуева, Н. В. Молочников, Э. С. Хрулева-Горелик, которые были реабилитированы в 1954–1955 гг.

Резкое увеличение количества арестованных, незаконно обвиненных в «шпионской» деятельности также являлось показателем ужесточения карательной политики советским руководством в послевоенные годы.

¹¹ Лубянка. Сталин и МГБ СССР... С. 56, 67, 77, 97, 188, 244.

АРМЯНЕ-РЕПАТРИАНТЫ КАК ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА ТЕРРОРА В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР

В ноябре 1945 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и советское правительство положительно решили вопрос о въезде в СССР зарубежных армян – бывших беженцев из Западной Армении от турецкого геноцида, а также их потомков. Москва предложила диаспоре решение «армянского вопроса» путем приема в стране полумиллиона человек при условии возвращения Турцией западных армянских территорий и самофинансирования репатриации, что вызвало широкий резонанс в армянской диаспоре и обеспечило массовое переселение. Однако уже осенью 1948 г. по приказу Сталина репатриацию спешно свернули. В целом в течение 1946–1949 гг. в Советскую Армению из 12 стран Ближнего Востока, Европы и Америки приехало 96 тыс. зарубежных армян, что усугубило экономическую ситуацию в республике. Нереализованные ожидания на возвращение в Западную (турецкую) Армению и стремительное обнищание переселенцев резко снизили уровень патриотизма и «восторга» советскими реалиями, что проявилось в росте антисоветских и реиммиграционных настроений. Реакцией на них стали репрессии.

По подсчетам армянского исследователя Арменака Манукяна, который проанализировал статистику репрессий в отношении армянского населения, осуществленных судебными и следственными органами, а также Особым совещанием, следует, что в 1947–1952 гг. в республике за контрреволюционные преступления было осуждено 2225 чел., в т. ч. в 1947 г. – 432 чел., в 1948 г. – 530, в 1949 г. – 642, в 1950 г. – 314, в 1951 г. – 229, в 1952 – 78 чел. К расстрелу были приговорены 4 человека, 25 и 10-летние сроки получили по 298 чел. Необходимо заметить, что в СССР высшая мера наказания в 1948–1949 гг. не применялась, поскольку действовал майский 1947 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни», предусматривающей замену расстрела на 25 лет ИТЛ. Смертную казнь вернули уже в январе 1950 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам...». Приведенная исследователем динамика

политических репрессий показывает, что их пик в республике пришелся на 1947–1949 гг. Манукян особо отмечает, что репатрианты из числа зарубежных армян попали в волну послевоенных репрессий и депортацию 1949 г. на основании обвинений в принадлежности к дашнакской партии, в антисоветских настроениях и попытках нелегальной эмиграции¹. Несмотря на доступ к архивам КГБ Армянской ССР, исследователю тем не менее не удалось установить в полном объеме масштаб политических преследований и репрессий в отношении репатриантов, добровольно въехавших после войны в советскую Армению.

Изучение политических репрессий в отношении данной демографической группы в настоящей статье основано на анализе базы данных, сформированной из однородных архивных источниках (учетных списков репрессированных и высланных, а также решений комиссии Прокуратуры – МВД – КГБ Армянской ССР по пересмотру дел репрессированных и ссыльных)², а также директивных решений центральной и республиканской власти. Обработка персональных данных по заданным параметрам позволила не только скорректировать статистику репрессий, но и уточнить механизм и специфику позднесталинского террора. В дальнейшем изучение репрессивной политики будет дополнено анализом учетных и архивно-следственных дел (дел на выселение семьи и дел спецпоселенцев, следственных и надзорных дел). Нами предпринята попытка систематизировать репрессивные кампании в отношении репатриантов из числа зарубежных армян, изучить причины, масштабы и факторы превентивных репрессий 1947–1952 гг., когда на фоне начавшейся «холодной войны», шпиономании, обвинений в антисоветизме и «измене родине» реэмигранты стали мишенью для политических преследований, реализованных в формате лишения свободы и принудительных отселений, проведенных судебным, внесудебным и административным порядком.

Рассчитывая на скорое решение территориального вопроса, власти Армении расселили 32,5 тыс. репатриантов (из 50,7 тыс., прибыв-

¹ Манукян А. Политические репрессии в Армении 1920–1953 гг. Ереван, 1999. С. 221 (на арм. яз.).

² На государственное хранение в Национальный архив Республики Армения (НА РА) поступили и продолжают передаваться от Государственного управления национальной безопасности РА прекращенные архивно-следственные дела (АСД) и журналы учета лиц по прекращенным делам. Сводные картотеки МВД и МГБ Армянской ССР по прекращенным делам на хранение не поступали. В настоящее время переданы на хранение личные дела по 18 спискам. Базы данных составлены на основании протоколов комиссии Прокуратуры – МВД – КГБ Армянской ССР (НА РА. Ф. 116. Оп. 5. Д. 43–76, 116–119) и материалов списков.

ших в июле–октябре в 1946 г. из Ирана, Сирии, Ливана, Болгарии, Румынии и Греции) в пограничной с Турцией долине р. Аракс³. Напомним, что значительные территории Армении, да и сама столица Ереван, находились в непосредственной близости к государственной границе. Статус пограничных имели 11 (почти треть) районов республики и город Ленинакан. В СССР приграничной считалась полоса шириной 22 км (с выделением 5-километровых особых зон); территории, расположенные на расстоянии до 100 км от границы, имели особый статус.

Первые попытки нелегального перехода репатриантами границы в пределах Армянского пограничного округа были зафиксированы уже в августе 1946 г., увеличилось число нелегалов и на границе с Ираном. В 1947 г. в связи с осложнением оперативной обстановки армяно-турецкий участок границы был признан «неблагополучным». По данным пограничных войск МВД, за 1947 г. на границе с Турцией задержали 359 нарушителей, 328 из которых оказались репатриантами. Эмиграционные настроения фиксировались не только в пограничье, но и во внутренних районах республики. Количество выявленных только в 1947 г. «реиммиграционно настроенных и готовящихся к побегу за границу армян-репатриантов» составило 968 чел.⁴

В докладах высшему руководству страны министр МВД СССР С. Н. Круглов неоднократно обращался к ситуации в приграничных с Турцией районах. Только в докладах, отложившихся в «Особой папке» Сталина, упоминается десяток случаев попыток бегства репатриантов-армян «за кордон» и почти четыре десятка фигурантов этих дел. МВД признавало, что большинство нарушителей границы из числа репатриантов составляют лица, недовольные жизнью в СССР не столько по политическим, сколько по экономическим мотивам. Заместитель министра МВД СССР А. Н. Аполлонов, характеризуя эмиграционные настроения среди репатриантов в Армении, в своих докладных записках наряду с предложениями по ужесточению режима указывал на многочисленные случаи обнищания, недоедания и даже голода среди переселенцев, упоминая, в частности, одно из приграничных сел, где буквально каждая семья репатриантов потеряла от голода ребенка⁵. В качестве превентивных мер ведомство предлагало как репрессивно-административные меры (ужесточение пограничного режима, наказания за побег, выборочное отселение от границы в глубинные районы республики), так и экономические (оказание экстренной гуманитарной помощи населению приграничья) и иные

³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 169. Л. 72.

⁴ Там же. Д. 199. Л. 90.

⁵ Там же. Л. 378–383.

меры, направленные на оседание и интеграцию переселенцев, которые «сократили бы отрицательные эмиграционные настроения и попытки нелегального ухода за границу»⁶.

В середине мая 1947 г. на закрытом заседании бюро ЦК КП Армении принимается решение не расселять репатриантов в 5-километровой приграничной полосе. В июне 1948 г. МВД СССР потребовало вообще запретить реэмигрантам проживание в пограничной полосе и столицах всех союзных республик, оставив, однако, республиканским МВД право в «исключительных» случаях вселять и прописывать этот контингент, при условии спецучета реэмигрантов и членов их семей, прибывших в страну. В случае с Арменией, принявшей к этому времени уже более 86 тыс. зарубежных армян, треть из которых вселили непосредственно в приграничье, выполнение данных решений, одно из которых получило ранг постановления союзного правительства, оказывалось просто невозможным⁷. В приграничной зоне, на расстоянии 5 км от границы, находилось 153 поселения десяти районов республики, где были расселены репатрианты⁸. Республиканские власти осознавали, что только репрессивными мерами и депортациями невозможно стабилизировать ситуацию в приграничье, поэтому республиканское правительство наряду с отселением принимает экстренные (!) меры по улучшению уровня жизни репатриантов-армян в пограничных районах Армянской ССР.

В 1947–1949 гг. в Армянской ССР была проведена кампания «по переселению реиммиграционно настроенных армян, прибывших из зарубежных стран, из пограничных в глубинные районы» республики. В рамках кампании в формате административной высылки было проведено десять отселений, санкционированных постановлениями республиканского правительства с грифами «секретно» и «совершенно секретно» на основании ходатайств МГБ Армянской ССР и Управления пограничных войск Армянского округа. Списки с установочными данными, «компроматом» и итоговой резолюцией «выселить в целях предотвращения ухода за границу» составлялись в МВД и МГБ Армянской ССР. Под «реиммиграционным настроением» понимался широкий спектр явных или потенциальных намерений: недовольство приездом в советскую Армению, антисоветские высказывания, ожидание скорой войны, высказанные намерения уйти за границу в одиночку или группой, саботаж, тунеядство, распродажа личных вещей, скупка золота и «отлучка» членов семьи в неизвестном направлении.

⁶ Там же. Л. 383.

⁷ Там же. Д. 204. Л. 72–74.

⁸ ИА РА. Ф. 362. Оп. 12. Д. 1. Л. 4–5.

С середины 1948 г. в связи с ужесточением режима проживания репатриантов резолюции об отселении подписывали лично секретарь ЦК КП(б) Армении Г. А. Арутюнов, заместитель МВД СССР генерал-полковник А. Н. Аполлонов и заместитель начальника пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенант Г. А. Петров. Формально за переселение отвечало республиканское Переселенческое управление совместно с местной исполнительной властью, однако сами операции проводили силовики при содействии местного совпартактива. Подготовка и проведение отселения осуществлялись в кратчайшие сроки, подготовительный этап занимал не больше 10 дней, а непосредственно выселение – один-два дня.

Административные выселения репатриантов затронули в первую очередь Лениканан, приграничные села Агинского, Арташатского, Вединского и Октемберянского районов. Самое крупное отселение (164 семьи) было проведено 9–10 июня 1947 г., но пик кампании пришелся на весну 1948 г. Отсылали, как правило, целыми семьями, но высока была и доля одиноких молодых мужчин. В период с 1946 г. до сентября 1948 г. было выселено 474 семьи⁹, еще 90 семей – до конца 1949 г. Общий масштаб административной высылки из приграничья может быть оценен в 2 тыс. чел., что в 3 раза меньше, чем предлагало МВД Армянской ССР. Для некоторых репатриантов принудительное отселение от границы стало первой карательной мерой в череде репрессий.

На основании составленной базы данных (БД) осужденных по политическим обвинениям и ссыльных¹⁰, сформированной на основе списков прекращенных дел и протоколов за 1954–1956 гг. комиссии Прокуратуры – МВД – КГБ Армянской ССР по пересмотру дел осужденных и ссыльных, следует, что за 1947–1952 гг. в республике было осуждено 276 репатриантов. Судебной коллегией Верховного суда Армянской ССР было осуждено 140 чел., военным трибуналом – 136 чел. (в республике «политических» осуждали исключительно республиканские органы). От репрессий сильнее пострадали жители городов; треть всех арестованных репатриантов проживала в столице республики. Почти каждый девятый получил срок от 6 до 10 лет; 180 чел. – 10 лет ИТЛ, на 25 лет был осужден 21 человек. Статьями, устанавливающими ответственность за «контрреволюционную деятельность» в УК Армянской ССР в редакции 1927 г., были

⁹ НА РА. Ф. 362. Оп. 12. Д. 4. Л. 27.

¹⁰ Базы данных (БД) автору статьи предоставлены Сатеник Фарамазян. На данный момент обработаны все протоколы Республиканской комиссии Прокуратуры – МВД – КГБ Армянской ССР. Послевоенные репатрианты выявлены в 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9 и 10 списках. Работа над БД продолжается.

58, а также 61, 63, 66, 67, 68 и 69, которые конкретизировали печально знаменитую «58-ю статью». Собственно по 58-й статье было осуждено 120 репатриантов. Максимальное количество осуждений репатрианты получили по следующим комбинациям «политических» статей УК АрмССР: ст. 67 (пропаганда и агитация; а также отдельные контрреволюционные преступления) – 91 чел.; ст. 58а (измена Родине) – 77 чел.; ст. 67 и 68 – 26 чел.; ст. 58а и 67 – 13 чел. Динамика осужденных по годам (в двух случаях данных нет): 1947 г. – 11 чел., 1948 г. – 47, 1949 г. – 119, 1950 г. – 33, 1951 г. – 37, 1952 г. – 19, 1953 г. – 8 чел. Видно, что пики репрессий пришлось на 1949 г. и 1951 г., тогда же доля бывших репатриантов в общей массе репрессированных возросла с 6 и 10 до 18,5 и 16 % соответственно.

Что касается побегов или «побеговых (реиммиграционных) намерений», предусмотренных ст. 109 УК АрмССР (выезд или въезд в СССР без разрешения властей), каравшихся заключением в лагерь от 1 года до 3 лет, которые широко инкриминировались репатриантам, то на практике таких приговоров было мало, в основном в 1947 – первой половине 1948 г. Есть свидетельства, что МГБ Армянской ССР широко практиковало вызовы непосредственно в органы, где фигурантов после «строгого предупреждения» отпускали, при повторных попытках бегства – судили. Бывали случаи, когда подсудимого освобождали в зале суда «за недоказание» преступления, но впоследствии семья тем не менее все равно отправлялась в ссылку¹¹. С лета 1948 г. побеги стали в основном переквалифицировать по 58а (измена Родине), зачастую без уточнения «бегство за кордон» или с уточнением «попытка к измене Родине – нелегальное бегство и ведение антисоветской деятельности». При задержании на территории Туркменской, Азербайджанской и Грузинской ССР перебежчикам инкриминировались соответствующие статьи УК этих республик, которые после этапирования подсудимого в Армению переквалифицировались в статьи УК Армянской ССР. Все осужденные или привлекавшиеся к уголовной ответственности как «перебежчики» находились на оперативном учете и были сняты с такового по приказу МВД СССР и КГБ от 3 апреля 1954 г.¹² Все репатрианты, осужденные на срок более 3 лет, отбывали наказание в отделенных местностях СССР.

В конце 1940-х гг. Армению захлестнула очередная волна борьбы с буржуазным национализмом, что наиболее ярко проявилось в мощной антидашнакской кампании. Как результат, репатриантам широко инкриминировались связи с дашнакской партией, что предо-

¹¹ НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 1378.

¹² Там же. Оп. 9. Д. 15. Л. 36.

пределило «выявление» среди репатриантов членов партии, «агентов мировой буржуазии», английских, американских и французских «шпионов», осужденных в основном по 58, 67 и 61 (оказание помощи международной буржуазии... и «находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественных групп и организаций в осуществлении враждебной деятельности против Союза ССР»). Накануне репатриации в СССР многие репатрианты публично заявили о разрыве с партией, что не помешало осудить их как «дашнаков».

Крупной репрессивной акцией в отношении репатриантов стала депортация. Массовая высылка из Армянской ССР имела место 14 июня 1949 г. На основании секретного постановления Совета министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214–856сс и приказа МВД СССР от 2 июня 1949 г. № 00525 в отношении ряда народов, проживающих в советских республиках Кавказа и Причерноморья, были проведены локальные принудительные переселения (чекистско-войсковая операция «Волна»). Основанием к высылке 3017 семей «дашнаков» на спецпоселение в Алтайский край стали решения Особого совещания при МГБ СССР, принятые спустя полгода после депортации в феврале 1950 г. В категории «выселенных навечно» оказалось более 17 тыс. армян, более 13 тыс. из которых были высланы с территории Армении. В качестве основания к высылке в 1949 г. лиц армянской национальности стали «связи в прошлом и настоящем» с дашнакской партией. В структуре контингента оказались «националисты», «легионеры» и репатрианты; долю последних мы и попытаемся определить.

Отчетная статистика МВД Армянской ССР утверждает, что за принадлежность к партии Дашнакцутюн было сослано 350 семей репатриантов (1454 чел.)¹³. Согласно анализу протоколов Республиканской комиссии по освобождению через нее прошли документы на 353 семьи (из которых 34 квалифицировались как одиночки). Общее число лиц, числившихся в ссылке в Алтайском крае в составе семей репатриантов, составило 1516 чел. При этом на основе анализа базы данных установлено, что лишь 6 чел. отбыли в ссылку «добровольно» и только один не был выслан в связи с «отсутствием по месту жительства». На момент ссылки главы девяти семей, среди них одна женщина, были осуждены в 1948 – начале 1949 г. судебными (СК ВС, трибуналы) и внесудебными органами (Особое совещание) и находились в лагерях (Норильлаг, Карлаг, Воркутлаг). За исключением двух случаев, сроки осуждения превышали 7 лет, и главы семей не успели воссоединиться с семьей на спецпоселении после отбытия на-

¹³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 247.

казания. Два главы семей, осужденных на 7 лет, после отбытия наказания были сосланы не к семьям на Алтай, а в Воркуту, где один и скончался. Таким образом, количество сосланных могло составлять 1506 чел. Разница в цифрах (1456 и 1506 чел.) может указывать на смертность в период ссылки, подтверждением этому служит тот факт, что в самих протоколах отмечаются около 30 смертей за период жизни на спецпоселении. Доля репатриантов в структуре «дашнакского» контингента превысила 11,5 %.

Дашнакский контингент из числа репатриантов отличало и то, что в его структуре доминировали мужчины. Средний состав семьи составлял 4,3 чел., количество детей до 16 лет, отправленных с родителями в ссылку, доходило до 40 %, притом что после въезда в СССР отмечается крайне низкая рождаемость в среде репатриантов. В ссылку выехали два десятка младенцев, рожденных в 1949 г., и десяток стариков, которым было за 80 лет. Депортация затронула население всех районов республики. Половина высланных репатриантов проживала в городской местности; каждая четвертая из высланных семей была из Еревана. По странам репатриации семьи высленцев распределись следующим образом: выходцы из Ливана – 88, Сирии – 79, Ирана – 83, Греции – 34, Египта – 29, Румынии – 20, Болгарии – 7, Палестины – 6, Франции – 5, Ирака – 1. Абсолютное большинство депортированных составили лица, въехавшие в 1946–1947 гг. из стран Ближнего Востока.

Массовое освобождение армян-репатриантов из ссылки происходило в 1955–1956 гг. Решением Республиканской комиссии 249 семей были сняты с учета спецпоселения на том основании, что перед репатриацией в Советский Союз они подали декларации о разрыве с партией Дашнакцутюн, а после прибытия в СССР «никакой вражеской работы не производили»¹⁴. По запросу МВД в начале 1955 г. МГБ Армянской ССР подготовило список таких лиц (скорее всего, аналогичный список использовался органами и ранее, но в противоположных целях). Несмотря на наличие данных о непричастности к антисоветской деятельности и об отсутствии связей с партией Дашнакцутюн, никаких дополнительных следственных действий в ходе массового освобождения из лагерей и ссылки не проводилось, репрессивные решения судебных и внесудебных инстанций в основном были оставлены в силе. Освобождение не привело к реабилитации.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что масштаб репрессий в отношении армян-репатриантов достиг 4 % от численности переселенческой группы. «Много» это или

¹⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 900. С. 57.

«мало» – вопрос, с нашей точки зрения, неправомерный. Репрессии носили преимущественно превентивный и выборочный характер, что должно было способствовать «ускоренному» формированию у основной массы репатриантов советской идентичности и полной интеграции в советский социум. Вместе с тем репрессии существенно подорвали среди репатриантов веру в правильность сделанного ими выбора в пользу возвращения в СССР.

VII. В НЕВОЛЕ. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ССЫЛКИ И ПЛЕНА

Л. Н. Дьяченко

ПРОЦЕССЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РЕТРОСПЕКЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВА. КАВКАЗСКИЕ НАРОДЫ, ДЕПОРТИРОВАННЫЕ В 1940-е гг. В КИРГИЗСТАН

В условиях современной общественной практики особую актуальность приобретает анализ социальных изменений в обществе в переломные исторические периоды, из которых особо значимым с точки зрения непосредственных результатов и долговременных последствий является насильственное переселение – депортация народов, адаптации депортированных народов в новых условиях, их трудовой и культурный вклад в экономику регионов проживания, в частности на территории Киргизской ССР.

В 1943–1944 гг. карачаевцами, балкарцами, чеченцами и ингушами, депортированными с Северного Кавказа, в Киргизии были сформированы места компактного проживания. Этнические сообщества нетитульного населения, являющиеся потомками депортированных народов Северного Кавказа, и в настоящее время выделяются и на территории современного Кыргызстана, образовав десятки внутренних «диаспор» по типу «родина» – «место изгнания». С распадом СССР и образованием на его месте 15 независимых стран эти внутренние диаспоры приобрели официальный международный статус, что имеет для этих народов как отрицательные, так и положительные стороны. Положительным аспектом, в частности в современном Кыргызстане, является то, что эти диаспоры получили возможность самовыражения, интегрируясь в социально-экономическое и культурно-территориальное пространство своей новой родины. В то же время очевидно, что сегодня необходимы взвешенные и исторически оправданные межгосударственные решения экономического и политического свойства в сфере жизнеобеспечения диаспор – потомков депортированных кавказских народов, оказавшихся вне своей исторической родины.

В 2014 г. исполнилось 70 лет с того времени, когда в 1943–1944 гг. в районы Сибири и Средней Азии, в том числе и на территорию со-

временного Кыргызстана были депортированы народы Северного Кавказа – карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы. Нельзя отрицать, что суровые условия военного положения требовали чрезвычайных мер, однако депортация, насильственное переселение целых народов как элемент классовой борьбы и наказания, несомненно, была одной из самых значительных составляющих репрессивного аппарата советского государства. На сегодняшний день в силу нового исторического осмысления советского прошлого и объективной оценки периода массовых репрессий возникла историческая потребность во всестороннем анализе проблемы.

Насильственное переселение групп населения из числа кавказских народов, к примеру из Дагестана на земли Киргизии, началось еще в 1930-е гг. Несколько сотен тысяч человек были депортированы с Северного Кавказа в Киргизскую ССР в годы Великой Отечественной войны. Первые семьи депортированных кавказских народов на землю Киргизии начали прибывать в конце 1943 г. Относительно спецконтингента переселенцев с Северного Кавказа на территории Киргизской ССР имеется справка Наркомата внутренних дел республики от 18 августа 1944 г. (с грифом «Совершенно секретно»)¹, в которой зафиксировано: всего расселенных в Киргизской ССР спецпереселенцев, переселенных с Северного Кавказа, 30 629 семей или 124 583 человека, из них по национальному составу: чеченцев – 20 510 семей, 84 273 чел., ингушей – 151 семья, 494 чел., балкарцев – 4178 семей, 16 516 чел., карачаевцев – 5790 семей, 23 300 чел., в том числе мужчин – 26 576 чел., женщин – 34 896 чел., детей до 16-летнего возраста – 63 111 чел., которые расселены в следующих областях: Фрунзенская – 11 551 семья, 45 987 чел.; Таласская – 3858 семей, 15 088 чел.; Ошская – 8161 семья, 34 640 чел.; Джалал-Абадская – 6331 семья, 26 127 чел.; Иссык-Кульская – 720 семей; 2742 человек.

Российские и кыргызстанские историки приступили к изучению вопросов депортации лишь с конца 80-х годов XX в. В настоящее время – время открытости архивов, исследованию проблемы в Киргизии помогают информационно насыщенные источники справочно-аналитического, директивно-распорядительного и нормативного характера, представляющие различные уровни властной вертикали от колхоза, сельсовета или района до центральных контрольно-ревизионных служб.

Предоставляется возможность изучения документов, которые хронологически относятся к периоду начала депортации народов Кавказа, их первичной адаптации в Киргизской ССР, с последующи-

¹ ЦГА КР Ф. 350. Оп. 17. Д. 212. Л. 45. Подлинник.

ми этапами реабилитации, т. е. это период с октября 1943 г. до начала 90-х годов XX в., что подтверждается самой характеристикой документов, начиная с выписки постановления Совнаркома СССР «О расселении спецпереселенцев с Северного Кавказа в Казахской и Киргизской ССР...»² и заканчивая обобщающей справкой «Об усилении агитационных мероприятий ЦК Компартии Киргизии среди крымских татар, турков-месхетинцев и других народов и национальностей, проживающих в республике»³.

Документы свидетельствуют о том, с какой разницей проходила депортация и первичная адаптация переселенцев в южных и северных районах Кыргызстана, какие субъективные факторы влияли на адаптацию и ассимиляцию переселенцев в различных районах Кыргызстана, какие организационные мероприятия проводились органами власти: «Обязать райисполкомы и райкомы КП(б) Киргизии Фрунзенской области создать районные тройки. Возложить на них обязанности по проведению всех необходимых мероприятий для принятия и расселения спецпереселенцев»⁴.

Так, к примеру, «было принято решение о выделении дополнительной нормы хлеба... Настроение у переселенцев хорошее, они довольны, как их приняли... и уже на деле показывают, что они будут честно и добросовестно работать»⁵ и прямая противоположность: «Среди переселенцев развита спекуляция, заметно увеличилось количество краж скота... строительство домов задерживается, т. к. областные организации не получили материалов для этой цели»⁶.

С другой стороны, не безынтересен тот факт, когда руководителями колхозов, совхозов и производственных предприятий дается характеристика труда депортированных с первичным анализом бытовых особенностей явно с политизированной окраской: «органам НКГБ надо немедленно пресечь со стороны переселенцев чеченцев дебош с проявлениями, что "будем резать"... Нужно в качестве руководителей ими направлять коммунистов чеченцев»⁷, или «...я с такими врагами еще не собирался работать, пусть с ними работают особые отряды НКВД»⁸. Данные документы иллюстрируют в большинстве

² Депортированные народы Кавказа в Кыргызстане: Сб. документов и материалов / сост. Т. О. Доценко, Л. Н. Дьяченко, Л. А. Карымсакова, Д. Д. Кызаева; под ред. В. М. Плоских и М. К. Имаева, Бишкек, 2010. С. 14–16.

³ ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 272. Д. 7. Л. 8–9.

⁴ ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17с. Д. 92. Л. 296–267.

⁵ ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 445. Л. 77–79.

⁶ Там же. Л. 17–19.

⁷ ЦГА КР. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 167. Л. 13–16 об.

⁸ ЦГА ПД КР. Ф. 406. Оп. 2. Д. 198. Л. 39–42.

своим стереотип «врагов народа», который сложился по отношению к переселенцам еще задолго до того, как они прибыли на места расселения.

По прибытии представители депортированных народов распределялись по районам республики согласно заранее утвержденному плану⁹. При региональном распределении абсолютно не учитывались родственные связи, в результате чего многие семьи оказались разьединенными. «Далеко не везде спецпереселенцам со стороны местной администрации оказывался теплый прием, плохие условия жизни спецпереселенцев используются враждебно настроенными элементами... медобслуживание поставлено крайне плохо... истощенными лежат 73 человека... эти колхозы на день проверки не имеют никаких продуктов питания для спецпереселенцев»¹⁰, что вело к массовой гибели среди депортированных, особенно в первый год после переселения.

Необходимо подчеркнуть, что депортация населения наносила ущерб стране, в первую очередь экономике районов прежнего обитания переселяемых народов, их культуре, традициям. Прерывались устоявшиеся экономические и культурные связи между народами-соседями, деформировалось национальное сознание масс. Был заметно подорван авторитет государственной власти.

Условия жизни спецпереселенцев в местах переселения также были ужасающими. Большинство из них жили в землянках, непригодных к зимним условиям бараках и складах, помещениях для скота. Лишь небольшая часть депортированных была подселена в дома местных сельских жителей, что приводило к большой скученности и усилению вражды.

По инструкции НКВД, спецпереселенцы должны были обеспечиваться жильем из расчета три квадратных метра на человека. На самом деле на спецпереселенца в среднем приходился один квадратный метр.

Типичным примером расселения на территории Средней Азии депортированных народов является пример Киргизской ССР, где прибывших поселенцев, как правило, расселяли по колхозам и совхозам в колхозные поселки и утепленные палатки. Спецконтингенту предоставлялась возможность построить собственные глинобитные дома из местных материалов, тем самым предполагалось обеспечить индивидуальное жилье каждой семье, а также выдавался кредит нуждающимся в жилье в размере 5000 руб. сроком до семи лет.

⁹ Там же. Ф. 350. Оп. 17с. Д. 160. Л. 76–79.

¹⁰ ЦГА КР. Ф. 1445. Оп. 2с. Д. 34. Л. 13–20.

Документальные источники свидетельствуют о том, что депортированному населению должны были возмещать натурой за оставленный ими скот, птицу и зерно в размере «25 % в 1944 г., остальное возместить в течение 1944–1945 гг. Обеспечить трудоустройство. Мобилизовать автомобильный и гужевой транспорт для перевозки спецпереселенцев и их имущества от железнодорожной станции до места расселения»¹¹. Однако за редким исключением это не было сделано. Голод был постоянным спутником переселенцев. Принимаемые решения о выделении стройматериалов, одежды и обуви, продуктов питания выполнялись лишь частично. «Переселенческое Управление при СНК Киргизской ССР, а также областные и районные советские органы крайне неудовлетворительно руководят и занимаются вопросами хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев, нет необходимой помощи переселенцам по удовлетворению их нужд»¹².

Разумеется, анализируя все вышеизложенное, надо понимать, что в то время, когда вся экономика страны работала на войну, руководители на местах зачастую старались за счет переселенцев, которых они вполне искренне считали врагами народа, поправить материальное положение хозяйств и предприятий, которыми они руководили.

Здесь очередной раз мы наблюдаем торжество советской идеологии, ставящей общественные интересы выше индивидуальных: в самом деле, что стоит жизнь пары семей поселенцев по сравнению с судьбой целого колхоза, работающего на оборону страны. Поэтому в процессе обустройства переселенцев подобные нарушения носили повсеместный и массовый характер по республике в целом. Местные органы власти недооценили всей серьезности и политической важности работы со спецпереселенцами, не занялись по-настоящему вопросами их хозяйственного и трудового устройства, вследствие чего «семьи спецпереселенцев в большинстве районов находятся в очень тяжелых условиях, особенно в связи с наступлением холодов»¹³.

Советское руководство при депортациях преследовало и такие цели, как: хозяйственное освоение отдаленных малообжитых районов; получение дешевой рабочей силы для сельскохозяйственного освоения целинных земель. Поэтому план расселения предусматривал и использование труда депортированных. Выбор места и характер работы определялись органами ОГПУ. Было объявлено, что во всех районах поселения спецпереселенцам будет обеспечена работа: зимой – на производственных участках, летом – на сельскохозяйственных работах.

¹¹ ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17с. Д. 76. Л. 139–140. Зав. копия.

¹² Там же. Д. 180. Л. 247–250.

¹³ Там же. Д. 164. Л. 55–57. Зав. копия.

Поселенцы обязаны были точно соблюдать все постановления и указания местной администрации. Но на деле, особенно в районах удаленной коммуникации, на эти постановления смотрели сквозь пальцы как сами депортированные, так и местная администрация. «В результате такого нерадивого отношения к спецпереселенцам со стороны председателей советов и председателей колхозов спецпереселенцы не закрепляются на местах, а переходят в другие колхозы»¹⁴.

В архивных документах имеются подтверждения многочисленных фактов отношения к депортированным как к людям второго сорта, ущемления их гражданских прав, дискриминации, моральных и физических унижений. С местным населением депортированные народы зачастую держались изолированно и замкнуто, но между собой взаимоотношения характеризовались солидарностью и взаимной поддержкой.

Депортированным народам официально не было запрещено говорить на родном языке. Но местное население, и в особенности чиновники, относилось с подозрением и недоброжелательно к тем, кто говорил не на русском языке. Чеченцы, ингуши и балкарцы игнорировали это и преимущественно разговаривали на своем языке. Во время подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в 1945 г. было разрешено проводить пропагандистскую работу среди народов Северного Кавказа на родном языке, т. к. многие из них совершенно не знали русского. На момент депортации сотрудники Отдела спецпоселений МВД СССР и его отделений на местах выясняли образовательный уровень спецпоселенцев. Они фиксировали, что в 1944 г. среди взрослого населения, депортированного с Северного Кавказа, было 59,9 % неграмотных. Эти данные опровергали утверждения официальной советской пропаганды о том, что Советский Союз будто бы является страной почти всеобщей грамотности. Следует отметить, что удельный вес неграмотных в составе взрослого населения депортированных народов был неодинаков: ингуши – 65,0, чеченцы – 63,1, турки-мешетинцы – 62,0, балкарцы – 46,0, карачаевцы – 45,0 % неграмотных¹⁵. Было принято решение: «Обязать исполкомы областных, районных и городских Советов депутатов трудящихся и Министерство просвещения Киргизской ССР провести до 10 августа 1952 г. точный учет детей спецпоселенцев школьного возраста, принять меры к полному охвату и закреплению их обучением в школах, организовать систематическую работу среди всех поселенцев-родите-

¹⁴ № 51 Докладная записка инструктора агитации и пропаганды Фрунзенского обкома КП(б) о результатах проверки хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев в Ворошиловском районе 10.02.1945 г.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 4–5.

лей по разъяснению закона о всеобщем обязательном обучении детей и об их ответственности за невыполнение этого закона»¹⁶. В результате этого со времени депортации и до редупортации грамотность среди населения существенно возросла.

Несмотря на тяжелые испытания, недоверие властей, ограничения в гражданских правах и унижение, депортированные народы были полны патриотизма в тяжелое для страны время и полностью разделяли горе и трудности всего советского народа.

* * *

Очевидно, что объективная информация об общих страницах истории, в частности вопросов депортации, в СМИ государств СНГ, позволит избежать многих межэтнических трагедий современности. Ведь что бы ни говорили о наших средствах массовой информации, все равно любой гражданин доверяет тому, что говорит радио, показывает телевидение, пишет газета.

Достоверность, историческая правда в публикациях различных СМИ о том, как это было, как в нынешний Кыргызстан попали представители кавказских этносов, как сложились их судьбы, каков их вклад в социально-экономическое развитие нынешнего Кыргызстана, является важнейшей составляющей функционирования современного гражданского общества, обеспечивающей бесперебойное межэтническое взаимодействие экономических, интеллектуальных, правовых, образовательных ресурсов как внутри государства, так и за его пределами.

Возвращаясь к далеким 1940-м гг., можем отметить, что депортированные в Киргизию представители северокавказских народов являлись, в основном, носителями сельскохозяйственной культуры и поэтому на первом этапе своего пребывания в Киргизии внесли заметный вклад в развитие аграрного сектора республики. Впоследствии они принимали не менее активное участие также в индустриальном развитии территории.

После завершения процесса редупортации, начатого советским государством с 1954 г., и с учетом миграционного оттока последних десятилетий, общая численность представителей народов Северного Кавказа в нынешнем Кыргызстане составляет около 12 тыс. человек. Сосредоточены они, большей частью, в равнинных областях республики – Чуйской, Иссык-Кульской и г. Бишкек.

В настоящее время представители северокавказских диаспор являются активными участниками процессов экономического и обще-

¹⁶ ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 22 с. Д. 5. Л. 492–494.

ственного развития страны, вносят существенный вклад в развитие различных видов бизнеса, создание рабочих мест, налаживание экономического и культурного сотрудничества с субъектами Российской Федерации, являющимися их исторической родиной.

Одновременно кавказские диаспоры сохраняют традиционную приверженность к сохранению собственной этнической культуры, языка и исторической памяти. Не случайно все основные народы Северного Кавказа создали в Кыргызстане свои общественные объединения, которые осуществляют этнокультурную деятельность. К таким объединениям относятся Международная ассоциация «Ата-Джурт» (карачаевцы), Общественная организация «Минги-Тау» (балкарцы и кабардинцы), Культурный центр «Барт» (чеченцы), Общественная организация «Вайнах» (ингуши), Ассоциация «Садака» (народы Дагестана).

Данные общественные объединения осуществляют большую работу по сохранению, пропаганде родного языка и культуры, развивают традиционное хореографическое искусство, активно участвуют в общественной жизни республики. Не случайно все названные объединения включены в число членов Ассамблеи народа Кыргызстана.

Таким образом, на сегодняшний день есть все основания говорить о существовании в Киргизии устойчивых этнических групп населения, принадлежащих к этносам Северного Кавказа, и о заметной роли этих групп в жизни страны.

В то же время для современного информационного общества большое значение имеет не только сама активность тех или иных социальных или этнических групп, но и уровень информированности об этой активности широких слоев населения. Ведущую роль в таком информировании общества играют средства массовой информации.

Характеризуя в целом информационную сферу, можно отметить, что Кыргызская Республика имеет достаточно высокие показатели развития средств массовой информации. По различным данным в республике зарегистрировано около 1,5 тыс. СМИ, включая 400 печатных, которые пока пользуются наибольшим спросом среди населения. К изданиям, имеющим наибольшие тиражи, можно отнести газеты «Вечерний Бишкек», «Слово Кыргызстана», «Моя столица – новости», «Дело №», «Общественный рейтинг», «Деловой Кыргызстан», «Кыргыз Туусу» и др.

Большая часть этих информационных ресурсов выходит в столице республики г. Бишкеке. В региональном разрезе насчитывается около 70 печатных СМИ – районных, городских и областных – с тиражами от 1 до 4 тыс. экземпляров.

С учетом наличия всего семи областей, плотность информационного покрытия наблюдается достаточно высокая, даже если сделать

поправку на тот факт, что значительная часть из зарегистрированных СМИ в реальности не действует.

Анализируя контент этого достаточно обширного поля кыргызстанских СМИ, относящийся к вопросам социально-экономического и этнокультурного развития диаспор северокавказских народов, можно обозначить ряд наиболее явных тенденций.

Думается, не будет большим преувеличением утверждение, что в кыргызстанских СМИ тема северокавказских народов рассматривается в первую очередь с точки зрения их этнокультурного своеобразия. Например, достаточно много выходит публикаций о различных праздниках и концертных программах, подготовленных организациями этих диаспор¹⁷, особое внимание, разумеется, привлекает такое уникальное явление, как танец лезгинка¹⁸.

С одной стороны, нет ничего удивительного, что яркая, самобытная традиционная культура народов Кавказа, как магнит, притягивает пишущее и снимающее сообщество. Красочная «картинка», яркое отличие от основного культурного фона страны, придают этим элементам кавказской культуры определенный флер экзотичности, которая должна привлечь читателей и зрителей этих СМИ.

Однако это имеет и свою негативную сторону. В настоящее время, в том числе – благодаря СМИ, происходит «фольклоризация» представлений о народах Северного Кавказа, проживающих в Кыргызстане. Такое однобокое освещение темы целой группы народов невольно приводит к искаженному восприятию их роли и места в современной действительности.

Так, практически не находит освещения тема истории депортаций кавказских народов в Киргизию и их вклада в развитие экономики республики. При этом упомянутый вклад был весьма ощутимым в период 1940–1950-х гг. и продолжается до настоящего времени. Пока еще есть ветераны, которые могли бы поделиться воспоминаниями о том сложном периоде истории, о перипетиях человеческих судеб, необходимо воспользоваться этим шансом, чтобы общество из пер-

¹⁷ Венок кавказских мелодий // Слово Кыргызстана. № 4 (22855). 16.01.2013; В Бишкеке пройдет концерт «Поет и танцует Кавказ». URL: <http://www.kyrtag.kg/?q=ru/news/14982>; Къууанч дает концерт! URL: <http://rus.kg/news/obshetvo/4514-kuuanch-daet-koncert.html>; В Бишкеке пройдет тематический концерт «Мелодии и ритмы народов Северного Кавказа». URL: <http://1.kg.akipress.org/news:17981> и др.

¹⁸ Лезгинка – танец без границ // Слово Кыргызстана. № 63 (22776). 19.06.2012; Лезгинка – танец длиною в жизнь // Сайт «Радио Азаттык». URL: <http://rus.azattyk.org/media/soundslide/24614169.html>; Конкурсная лезгинка. URL: <http://www.comment.kg/culture/item/567-konkursnaja-lezginka-video-foto.html?pop=1&tmpl=comment&print=1>; В Бишкеке пройдет Международный фестиваль «Лезгинка – танец длиною в жизнь». URL: <http://www.knews.kg/ru/culture/17305/> и др.

вых уст больше узнало о прошлом, включая его мрачные моменты и примеры истинной дружбы народов, когда кыргызстанцы помогали депортированным выжить в тот сложный период.

Здесь уместно вспомнить выражение «не знающий истории, не имеет будущего». Дабы избежать ошибок прошлого, необходимо шире информировать общество об известных исторических событиях.

Сегодня все мы – свидетели развития партнерских, дружеских российско-киргизских отношений. Наши страны имеют огромный потенциал двустороннего сотрудничества. Договорно-правовую базу отношений России и Кыргызстана составляют более ста двадцати двусторонних межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений. Фундамент межгосударственных отношений будет укрепляться и благодаря достоверным, исторически правдивым публикациям различных СМИ и России, и Кыргызстана.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕПОРТАЦИИ 1949 г.

В 1948 г. на фоне обострения международной обстановки и внутренних проблем послевоенного периода было принято решение об усилении карательно-репрессивной политики по отношению к различным слоям общества. Рефлексии по поводу причин этого отражены в научной литературе. В частности, И. Джуха считает, что в событиях 1949 г. переплелись интересы партийно-хозяйственной верхушки Грузии, личные интересы И. Сталина и его геополитические замыслы. На фоне советско-греческих отношений и реального соотношения сил между СССР и его союзниками по Второй мировой войне, Сталин искусно разобрался со «своими» греками¹, выселив их с территории Грузии, Азербайджана и Черноморского побережья России и Украины постановлениями ЦК ВКП(б) от 17 и 29 мая как «политически неблагонадежных».

На территории Южно-Казахстанской, Джамбулской, Кзыл-Ординской, Талды-Курганской и Алма-Атинской областей Казахстана в июне и июле было принято и расселено «8911 семей, 37 108 чел. выселенцев-греков, в т. ч.: мужчин – 10 975, женщин – 12 640 и детей до 16 лет – 13 493»². Меньше всего греков в 1949 г. попало в Алма-Атинскую обл. Сюда доставили депортированных из Одесской и Измаилской областей.

Инцаки Александр, депортированный из-под Одессы, вспоминал: «С нами ехал директор Одесского треста столовых и ресторанов, член партии, то ли с 1916 г., то ли с 1917 г. Он подъехал к поезду на трофейной немецкой машине с патрулировавшим его солдатом. По дороге рассказывал нам историю партии, выводы разделов декларировал наизусть. В эшелоне находились артисты Одесской оперетты,

¹ Джуха И. Три поражения Сталина в Греции. URL: http://www.greek-martirolog.ru>gm_conf/gm_confkrdog.php (дата обращения: 08.09.14).

² АП РК (Архив Президента Республики Казахстан). Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 67–75.

врачи, учителя, преподаватели университета – все они были греки, направленные в Казахстан для выращивания табака»³.

Их привезли на станцию Алма-Ата 1, затем 314 семей (603 чел.) отправили на машинах в Чиликский р-н. Для хозяйственного устройства и трудового использования 254 семьи (448 чел.) направили в табаксовхоз, 60 семей (155 чел.) – в колхозы. В числе принятых в области оказалось 60 добровольцев. 38 взрослых и 28 детей (преимущественно от смешанных браков) приехали на воссоединение со своими родными⁴.

В. П. Николау с матушкой, жительниц хутора Рапатыево, выделившегося из «одного из самых крупных греческих поселений в Российской империи» – колонии Малый Буялык на Одессине⁵, депортировали, инкриминировав им иностранное подданство. Ее супруга – Бурназаки Н. С. и дочь Анну не тронули как советских граждан. Таким образом, операция 1949 г. была крайне жестокой по отношению именно к институту семьи. Сталинский режим, подвергая внутрисемейному соблазну предательства, попытался разрушить традиционно крепкие родственные узы потомков греческих колонистов.

Документы, подтверждающие иногражданство, в семье Николау–Бурназаки не сохранились. Однако в архиве Одесской обл. уже в ХХI в. удалось получить ксерокопию «Вида на жительство для иностранца» греческого гражданина Николау П. Ф. – отца и мужа депортируемых. Документ был изъят при его аресте в 1938 г. Тогда мужчины рода Николау, обвиненные в неприятии коллективизации и связи с Греческой миссией в Москве, спустя 1,5–2 месяца после ареста были признаны виновными. Одних – расстреляли, других приговорили к длительным срокам заключения в ИТЛ.

Затем случилась война. Женщины почти три года находились под румынской оккупацией. Выживали за счет подсобного хозяйства. Уберегли своих детей от угона в Германию. «10 апреля 1944 г. пришли советские войска. Всех парней хутора забрали в трудармию. Мы с братом Леонидом работали на восстановлении трассы Одесса – Тирасполь, затем в Подмоскowie – на ст. Железнодорожная», – вспоминал Александр Инцаки. Не успев оправиться от бурных событий первой половины ХХ в., часть греческих семей Рапатыево были вторично репрессированы – их депортировали, совершенно забыв, что

³ Запись с респондентом состоялась в январе 2005 г., г. Алматы.

⁴ Там же; Джуха И. Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. С. 430.

⁵ Калмакан Н. А. Малобуялыкские греки. 200 лет на Одессине. Одесса: Друк, 2002. С. 234.

в свое время при заселении Причерноморья иностранными колонистами последним гарантировались самоуправление, компактные поселения, свобода вероисповедания и другие льготы.

«Наших насильно отправляли со станции Березовка. Отец вспоминал, как по вечерам на разоренном хуторе ревела некормленная скотина. Оставшиеся пытались продать ее за мыло или чай. В Казахстане жили в табак-сараях, разгородившись сумками. После работы строили землянки, мастерили мебель, – рассказывал Инцаки Анатолий, один из тех, кто последовал за близкими вместе со своей мамой-украинкой. – Не реализованных коров перевели в колбасу – мясо в чане заливали шкварками и долго томили. На дорогу ушло около недели. Домашний скорб и запасы впрок продукты несколько облегчили положение близких»⁶.

Значительное количество семей спецпереселенцев испытывали крайнюю нужду в продовольствии. Они не располагали личными запасами продуктов и не имели возможности приобрести их на месте. Выдаваемые колхозами авансы в счет трудовой смягчали нужду лишь в незначительной мере.

Прибывших на станцию Алма-Ата 1 пропустили через баню и санпропускники, привили против брюшного тифа. Вторичную санобработку и медосмотр провели специалисты фельдшерского пункта табаксовхоза и врачебного участка с. Малыбай Чиликского р-на. Дополнительно привили против оспы и желудочно-кишечных заболеваний, обследовали на малярию. Спецпереселенцы находились на 2-недельном карантине. Медобслуживание осуществлялось в общем порядке, так же, как и всего населения районов области⁷. В первые дни медицинское обслуживание было организовано неудовлетворительно: ощущался недостаток врачей, медикаментов. Например, в Кировском р-не Южно-Казахстанской обл. было зарегистрировано 26 больных дизентерией и 18 – корью. В этой же области 24 чел. скончались от кишечных-желудочных заболеваний. Позже облздравотдел направил в районы расселения 26 врачей и 42 фельдшера.

По данным МВД КазССР на 26 сентября 1949 г., как неудовлетворительное характеризовалось и жилищно-бытовое устройство. В собственных домах проживало 554 чел., в ведомственных – 2480, в порядке временного уплотнения у местного населения – 9463. Более 17 тыс. чел. разместили в палатках, сараях, клубах и других помещениях, непригодных к проживанию в зимних условиях.

В декабре 1949 г. в информации в ЦК ВКП(б) руководство Казахстана предлагало: «Обратить внимание на сложившееся тяжелое

⁶ Запись с респондентом состоялась в июле 2012 г., г. Алматы.

⁷ АП РК. Ф. 8. Оп. 13. Д. 199. Л. 138.

материальное положение вновь прибывших в Казахстан выселенцев-греков, которые при переселении не получили возможности реализовать имеющееся у них движимое и недвижимое имущество и оказать им помощь продовольствием и предметами вещевого довольствия».

В качестве недочетов в обслуживании греков отмечалась низкая доходчивость агитационно-массовой и политической работы как для лиц, не знающих ни казахского, ни русского языков. С этим предположением нельзя согласиться полностью, т. к., судя по автобиографиям украинских греков, отложившимся в АП РК, и воспоминаниям греков, депортированных из Одессы, большинство из них владело только русским языком. Одесса всегда отличалась космополитизмом, и языком межгосударственного общения в Российской империи служил русский, на котором говорили практически все колонисты края – не только греки, но болгары, немцы, евреи и др.

Депортированные в Казахстан греки в массе своей простые труженики, привыкли к работе на земле в качестве хозяев – единоличников. Для них неприемлема была та или иная регламентация жизни и деятельности. Факт того, что греческий этнос не утратил национального самосознания, культуры, религии, обычаев и языка за 400 лет турецкого владычества, является серьезным доводом в пользу неприятия греками положения подчинения и их стойкого стремления к независимости. Людей в считанные часы выселили из собственных домов, отобрали нажитое имущество, переместили в иную среду, заставили работать, не обеспечив толком ни жильем, ни продуктами питания, еще при этом они вынуждены были ежедневно регистрироваться, словно преступники, не ведающие, в чем их вина. Естественно, совершенно раскрестьяненные к тому периоду греки попытались вырваться из колхозов и спрятаться от госструктур, растворившись в городах Казахстана.

Данному процессу способствовала, во-первых, начавшая меняться политика в отношении выселенных. Обращаясь к Сталину, советско-партийные органы Казахстана отмечали, что эксперимент по перевоспитанию бывших кулаков удался. Так, например, по Карагандинской обл. из 25 колхозов, состоящих из спецпереселенцев, 22 колхоза являлись миллионерами. Политические настроения бывших кулаков, за исключением незначительной антисоветски настроенной части, также были положительными, и госорганы сочли возможным ходатайствовать об освобождении этого контингента. МВД СССР 7 октября 1947 г. был издан приказ, по которому с «бывших кулаков из спецпоселений» снимались все ограничения и выдавались паспорта на общих основаниях. В приказе назывались регионы, в числе которых фигурировал и Казахстан, в котором проживало на тот пе-

риод 40 340 семей (122 434 чел.), вселенных в республику в 1929–1936 гг.⁸

Во-вторых, в августе–сентябре 1949 г. МВД СССР наметило провести массовое воссоединение разрозненных семей спецпереселенцев. Несмотря на то что заявление о воссоединении семьи должно было пройти огромный бюрократический путь по коридорам МГБ, и не было никакой гарантии, что оно удостоится положительного решения⁹, многие греки достаточно быстро перебрались как в Алма-Ату, так и другие областные центры – Джамбул, Чимкент, Кызыл-Орду.

По документам АП РК видно, что в Чиликский р-н Алма-Атинской обл. прибыло 50 чел. с высшим и средним образованием – инженеры, врачи, педагоги, техники. Специалистам разрешили въехать в Алма-Ату, несколько позже аналогичный допуск получили еще восемь спецпереселенцев из других районов области. Рапатьяевцы, не имевшие образования, подтянулись в Алма-Ату в порядке соединения с прибывшими в добровольную ссылку семьями, вероятнее всего в числе 33 спецпоселенцев-греков, вселившимися в административный центр по распоряжению начальника УМВД Алма-Атинской обл. Таким образом, в столице проживало чуть более 90 греков. В областных центрах из греков, прибывших с Черноморского побережья в 1949–1950 гг., смогли устроиться 572 семьи 2075 чел. и спецпоселенцы других национальностей.

Женщинам Николау, освобожденным от физического труда в силу преклонного возраста, приезд родственников дал возможность перебраться в Алма-Ату на соединение с семьей, что также явствует о послаблении режима спецпоселений. Однако вопрос с советским гражданством для них так и не был решен. Среди документов семьи сохранилось заявление Бурназаки Н. С., из которого следует, что несмотря на брак, зарегистрированный им с В. П. Стоилаки 18 ноября 1926 г., при паспортизации в 30-х годах паспорт Варваре Петровне выдан был на девичью фамилию – Николау. Вероятно, это был «Вид на жительство для иностранцев», как и у ее отца. Впоследствии этот документ стал для женщин семьи Николау косвенной причиной депортации. Варвара Петровна сменила паспорт лишь в мае 1964 г., оформившись на общую со вторым мужем фамилию – Бурназаки и став гражданкой СССР. А вот ее мать – Александра Иосифовна, скончавшаяся в 1962 г., вероятно, так и осталась греческой подданной.

⁸ АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 49–52.

⁹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 84.

В июле 1953 г. МВД СССР представил на имя председателя Совмина СССР Г. М. Маленкова предложения по снятию с учета ряда категорий спецпоселенцев, таких как иностранные поданные, выселенные в 1937 г. и в годы войны. Были предложения и по некоторым другим лицам, подвергшимся репрессиям. Временно предполагалось оставить на спецпоселении депортированные народы и другие категории общей численностью 1 046 503 чел. Предложение было одобрено. В 1954 г. появились первые законодательные документы. Затем в 1956 г. один за другим последовали Указы Президиума Верховного Совета о снятии ограничений: 17 января сняли со спецпоселения поляков, выселенных в 1936 г., 17 марта – калмыков, 27 марта – греков, болгар и армян, 18 апреля – крымских татар, балкарцев, турков-месхетинцев, курдов и хемшилов, 16 июля – чеченцев, ингушей, карачаевцев¹⁰.

Освобождённым из-под надзора МВД, однако, не разрешалось возвращаться в места прежнего жительства. Местные власти «развернули среди греческих семей – советских граждан массово-разъяснительную работу, имея в виду необходимость закрепления их на постоянное жительство в тех областях, где они проживают в настоящее время, создав им соответствующие жилищные и культурно-бытовые условия, а также обеспечив трудоразрешение всех семей греческих переселенцев»¹¹.

Обустройство в городе проходило легче. С работой проблем не было. Младшая дочь Варвары Петровны – выпускница Одесской фельдшерско-акушерской школы, в декабре 1949 г. была принята лаборантом санэпидстанции Алма-Атинского сельского р-на. Вскоре вышла замуж за грека, приехавшего в Казахстан, как и она вслед за депортированной семьей. Ее муж, Александр Чиликов, выпускник Сухумского пединститута, впоследствии получил еще два высших образования, работал начальником отдела капитального строительства в республиканском спорткомитете. Их сын стал врачом. К 1954 г. Бурназаки–Николау смогли поднять дом – помощи от государства не ждали, строили рапатыевской диаспорой.

Из старожилов к 2012 г. в Рапатыево оставались только 80-летняя Галина Бурлаченко-Тумбруаки с сыном. По ее мнению, невзирая ни на какие коллизии, энергия бурлила на хуторе до депортации 1949 г. «Из 25–30 домов забрали людей из 11. Пустующие дома в 1950 г. за-

¹⁰ Там же. С. 90–92.

¹¹ Постановление ЦК Компартии Казахстана и Совета министров КазССР «О трудоустройстве и массово-разъяснительной работе среди советских граждан греческой национальности, проживающих на территории Казахской ССР» от 12 ноября 1955 г. (АП РК. Ф. 708. Оп. 28. Д. 134. Л. 47).

няли такие же лишенцы, как наши, высланные с Польши до Львова, затем сюда. Семей 12 заселили, все – украинцы. Работали дружно: сначала в колхозе, потом в совхозе “Первомайский”, который объединил три села – Олышанку, Мещанку и Рапатыево. В 1947 г. из-за неурождения был голод, позже в 1952 г. зерно полилось морем, жизнь стала налаживаться... В 2010 г. совхоз развалился»¹², – рассказывала нам Галина в своем домике с нехитрой обстановкой, напоминающей декорации к старым советским фильмам.

Невольно закрадывается мысль, что в Алматы судьба депортированных греков сложилась благополучнее, что наблюдаемая реальность несколько не состыковывается с устоявшимися в исторической литературе выводами. Исследователи предполагают, что «депортированные народы выпали из процесса нормального цивилизованного развития, было прервано развитие их культуры... Депортация обрекла людей на низкий жизненный уровень, снизила, и в частности, вообще прекратила получение образования на уровне элементарной грамотности»¹³.

Более точно режим депортаций охарактеризовала ученый Гучинова Э.-Б., отметив, что за драмой вынужденного перемещения могут стоять и позитивные процессы приобретения нового опыта. Приобретение же знания о травме, в свою очередь, может послужить моральной терапией и способствует реабилитационному процессу¹⁴.

Так случилось, что потомки рапатыевских ссыльных до сих пор не знают истинных причин депортации. В данной репрессивной политике сталинского режима приоритетной была отнюдь не экономическая необходимость в дешевой рабочей силе для ГУЛАГа. Исполнители должны были понимать, что возраст контингента, выселяемого из Рапатыево, не окупит государству даже минимальные затраты, пошедшие на их депортацию. Не предполагалось и лоббирование интересов определенной группы соратников подобно грузинскому варианту, т. к. климат и земля данной местности оказались не самыми благоприятными для земледелия. Вероятнее всего, выселяемые в тот год были вновь репрессированы по социальному признаку, как ранее раскулаченные главы их семейств.

¹² Запись с респондентом состоялась в августе 2012 г., х. Рапатыево, Одесская обл., Украина.

¹³ История депортированных народов Казахстана (1937–1956 гг.). Алматы, 2008. С. 162.

¹⁴ Гучинова Э.-Б. «Я высланная. Ты – без ноги». Депортация калмыков (1943–1956): гендерный взгляд. URL: <http://www.elzabair.ru/cntnt/!menu/stati/deportaciya.html> (дата обращения: 03.01.2015).

Трудный и противоречивый путь прошла деревня в 20–40-е годы. Для крестьянства это было время сложных социально-экономических и демографических изменений, крушения многих идеологических мифов. В конце 40-х – начале 50-х годов наметился кризис всей колхозно-совхозной системы, генетически связанный с общим кризисом сталинской модели социализма в послевоенное время. Коллективизация в своем конечном итоге привела ранее экономически активного и мотивированного хозяйствующего субъекта – крестьянскую семью Николау – к отчуждению от средств производства и результатов труда, вследствие чего, по мнению режима, можно было как угодно эксплуатировать «вечно строптивного пахаря». Сталин фари-сейски утверждал, что коллективизация проводилась для того, чтобы «жить стало лучше, жить стало веселее». Но настоящий ее смысл как в 1930-е, так и в 1940-е гг. заключался в удобном и эффективном для государства способе изъятия сельскохозяйственного продукта и «перекачки» его в промышленность¹⁵.

Вопреки ударам судьбы греки, вырванные из привычной среды обитания, смогли состояться в Казахстане. Благодаря их трудолю-бии и стрессоустойчивости большинство выселенцев Рапатьево, по меркам советского времени, достигли высокого жизненного уров-ня, получили образование – если не дети, то внуки. За десятилетия пребывания в Казахстане влились в полиэтническое население ре-спублики и стали частью его народа. Некоторые из потомков хуто-рян вернулись на малую родину и живут в близлежащих селах и в г. Одессе, другие уехали в дальнее зарубежье.

Семья Николау, как и многие другие, сталинским режимом под-верглась комплексной репрессии¹⁶. Точку в этом деле можно было бы поставить четверть века назад. В июле 1989 г. в следственные дела были подшиты заключения, что все расстрелянные и репрессирован-ные Николау попадают под действие ст. 1 Указа Президиума Верхов-ного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 1930–1940-х и начале 1950-х гг.» Но они не были реабилитированы, т. к. на запрос о родственниках в адресное бюро г. Одессы пришел отрицательный ответ – «Адресат не значится».

¹⁵ Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни. URL: http://www.you1917-91.narod.ru/ivanov_raskresnyanivanie.html (дата обращения: 23.01.15); Абылхожин Ж. Б. К вопро-су о некоторых методологических проблемах отечественной истории // История Казахстана: новый взгляд (Сб. материалов методологических семинаров Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2012–2013 гг.). Алматы: Елтаным, 2014. С. 1.

¹⁶ Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД; Материк, 2005. С. 5.

В рамках Всеукраинской государственной программы «Реабилитированные историей» в XXI в. выпущены книги с алфавитными списками репрессированных сограждан и указанием мест депортации спецпереселенцев. И сегодня любому человеку не составит труда разыскать утерянных по вине госорганов граждан. К делам, отложившимся в фонде «Спецпоселенцы» (№ 7) архива ГУ МВД Одесской области, исследователей не допускают по-прежнему.

Может быть потому, что в них содержатся ответы на некоторые «щекотливые» вопросы. К этой мысли подталкивает содержание следственных дел за 1937–1938 гг., в которых отложились жалобы и запросы встревоженных жен и матерей на имя прокурора СССР о пересмотре дел в порядке надзора. Приговоры большинства арестованных приводились к исполнению без предъявления обвинений, семьи о содеянном беззаконии не извещались. Спецзаписка министра внутренних дел КазССР И. Долгих подтверждает робкие догадки: «Почти с первых дней прибытия в Казахстан новых контингентов греков, они индивидуально и коллективно, официально и анонимно начали обращаться в союзные и республиканские правительственные органы со всевозможными жалобами и просьбами». Возможно, что истинная причина депортации части греков в 1949 г. – переброска беспокойного «контингента» из ведения одной территориальной структуры органов внутренних дел в другую, осуществленная по принципу «пусть соседи занимаются тем, чем нам заниматься не досуг». И другая причина чисто местечковая, когда органы ОГПУ–НКВД–КГБ–МВД подстраховывали себя от ответственности за незаконные деяния.

«ХОТЬ ВОЛКОМ ВОЙ НА УРАЛЬСКУЮ ЛУНУ»: СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ-ТРУДАРМЕЙЦЫ – ЧУВСТВА И ДИСКУРСЫ

9 мая 1945 г. Богословский алюминиевый завод (БАЗ) дал первый металл, который уже на следующий день городская газета назвала «алюминием победы»¹, львиную долю строителей завода составляли советские немцы-трудармейцы². Был ли у них шанс разделить радость завоеванной победы, и какой вообще была окружавшая их эмоциональная атмосфера? Попытаемся ответить на этот вопрос, сосредоточившись на уральских материалах, главным образом севера Свердловской области, где вокруг строительства БАЗа в конце 1944 г. был образован г. Краснотурьинск, расположенный в десятке километров от г. Карпинска и в 35 км – от г. Серова. Теоретико-методологической основой служит оптика социального конструирования и дискурс-анализа (Н. Фэркло).

Отчаяние и надежды трудармейцев существовали во взаимодействии с чувствами окружающих их людей, функционируя как устойчиво воспроизводимая социальная конструкция – аффективный порядок. Чувства наполняют действия, представляя как социальные практики, связанные с отношениями власти и социальностью, в терминах Л. Абу-Лагольд и К. Лутц³, которые распространили фуклдианское понимание дискурса на объяснение социальной конструкции эмоций. В достаточно интенсивных исследованиях истории советских немцев аффективный порядок остается недостающим звеном⁴. Если верно, что нормативные чувства концентрируются в

¹ Выдан алюминий Победы // Заря Урала. 10.05.45. № 7.

² См.: Кириллов В. М. Богословский ИТЛ и строительство алюминиевого завода // Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946. Т. 1. М., 2008. С. 30.

³ Lutz C. A. & Abu-Lughod L. (eds.) Language and the politics of emotion. Studies in emotion and social interaction. N. Y., 1990. P. 10–11. Цит. по: Reddy W. The Navigation of Feeling. Cambridge, 2001. P. 42–43.

⁴ Обстоятельный анализ этих изысканий предпринят в: Кириллов В. М. Историко-графические проблемы репрессивной политики против советских немцев в отечествен-

официальных ритуалах, которые их выражают и внедряют⁵, то переживание победы в момент рождения ритуала ее празднования играет особую роль как для утверждения солидарности причастных, так и отверженности изгоев.

Можно ли считать немцев-трудармейцев изгоями? Отрицая наличие целенаправленной кампании по созданию культа врага, С. Л. Разинков приводит тем не менее примеры «проявлений национальной нетерпимости» по отношению к трудармейцам Тагиллага. 9 мая 1945 г. население встретило возгласами: «А, фашисты, мы вас все-таки доби́ли»⁶. О подобном разрыве социального пространства – исключении трудармейцев из числа причастных к победе, но уже на административном уровне, пишет работавший на строительстве Челябинского металлургического завода В. Э. Квиринг: «Культисты сумели, нашли способ приглушить в нас даже радость победы над общим врагом: нас не выпустили из лагеря в День победы! Хуже того, усилили караул! Уму не постижимо такое решение»⁷. Спустя десятилетия Квиринга не покидает возмущение: как и все советские граждане, трудармейцы работали на победу над «общим врагом» и теперь, он не говорит «украли», но все же в них «приглушили» заслуженную радость.

День победы, таким образом, оказывается не конечным, но рубежным пунктом между двумя волнами унижений. Именно это чувство, испытываемое и причиняемое, является стержнем аффективного порядка трудармии до момента ее расформирования в 1946 г. В. Квиринг говорит об «аморальности» содержания трудармейцев, которые оказались еще более бесправными, чем заключенные, это его слова вынесены в заглавие: «Выйдешь иногда ночью из душного барака, посмотришь вокруг и хоть волком вой на уральскую луну» (Л. 80). «Моральная несправедливость» – лейтмотив эмоциональной напря-

ной исторической науке // Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942–1946. Т. 4. М.; Н. Тагил, 2014. С. 256–305. Об аффективном режиме: Веселкова Н. Немцы-трудармейцы: аффективный режим между травмой и рессентиментом // Образы власти в гуманитарных исследованиях: Сб. статей. Н. Новгород, 2013. С. 226–230.

⁵ Reddy W. The Navigation of Feeling... P. 129.

⁶ Разинков С. Л. Условия жизни и труда трудармейцев // Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. Т. 1. М., 2008. С. 59.

⁷ Квиринг В. Э. Автобиография. 1987 // Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 40. Л. 82 (ссылки на этот источник далее даются в тексте в скобках). Ср. с анализом других свидетельств в: Кириллов В. М. Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. М., 2011. С. 322–349.

женности, приводящей к тягостному унынию вплоть до предельной формы социальной эксклюзии – суициду: «Признаюсь, что в тяжелые минуты морального порабощения я не раз задумывался о целесообразности дальнейшего существования. Многие в трудармии сходили с ума, некоторые кончали жизнь самоубийством. Грозила такая участь и мне» (Л. 81).

Апофеозом исключения выступает ощущение стигмы, клейма, возникающего в силу принадлежности к социальной категории. В 1948 г. Доминик Гольман напишет в «Колыбельной»: «Мы запятнаны с рожденья, / С женским молоком / Мерзость, страх и униженья, / Скорбь и горечь пьем. / И советский немец каждый – / Диверсант, шпион...»⁸ Ему вторит стихотворение другого писателя из советских немцев о том, как «с клеймом предателей в трудармии водили»⁹. Ярлык оказывается действительно страшным, поскольку не сводится к формальной категоризации, но наполнен клокочущей ненавистью. Пережившая войну в Карпинске Э. Дистергефт вспоминает «тяжелые, ненавидящие взгляды местных жителей», ведь в немцах «они видели убийц своих мужей, сыновей, погибших на фронте. ...Мы были враги! Рабочий скот, который имел право только работать и умирать»¹⁰. От антифашизма к германофобии легко и охотно, как показывает В. Кригер, соскальзывали не только жители уральского городка, но и столичные «высокопоставленные интеллектуалы»¹¹. В отличие от других «наказанных» народов, только у немцев этноним оказался синонимичен «фашисту», «врагу».

После войны многие советские немцы попали в ведение спецкомендатуры. Их уже не держали за колючей проволокой и не водили строем, как в трудармии, однако новый режим был в восприятии не

⁸ Гольман Д. И. Колыбельная советской немки в сибирском изгнании. Красноярск, 1948, пер. с нем. А. В. Гольмана. Благодарю за предоставленные материалы из семейного архива Гольман, интервью и комментарии А. В. Гольмана, Е. А. Гольман.

⁹ Вормсбехер Г. Письмо первому секретарю ЦК КПСС, председателю Совета министров СССР тов. Хрущеву Н. С. 1963 г. // «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сб. научн. статей и воспоминаний. М., 2011. С. 120.

¹⁰ Дистергефт (Гронвальд) Э. П. Вспоминая пережитое // Книга памяти. Посвящ. тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980-х годов. Екатеринбург, 1994. С. 267–268. Многие воспоминания наряду с негативом содержат и добрые слова и в адрес «простых людей», и разного ранга начальников. В частности, они есть у мужа Элеоноры Павловны, упоминаемого ниже художника М. В. Дистергефта (опубликованы в той же Книге памяти), у В. Квирина (Л. 81–82 об.).

¹¹ Кригер В. Отношение лагерной администрации и вольнонаемного персонала к мобилизованному контингенту // Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. Т. 4. С. 123–124.

менее унижительным¹² именно потому, что прошел через рубикон разрушенных надежд. Как и многие другие категории советских людей, немцы оказались обмануты в своих ожиданиях лучшей жизни после победы, в их случае разочарование усугублялось этнически стигматизированной идентичностью.

Формально закрепленные контуры стигма приобрела с постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев» и постановлением «О выселенцах» от 24 ноября 1948 г. Каким образом люди восприняли закрепление их в местах поселения «навечно», демонстрируют согбенные фигуры на рисунке М. Дистергефта из его известной серии «В те годы»¹³. Опущенные плечи не означают, однако, всеобъемлющей покорности, обусловленной, как иногда полагают, неразвитой политической культурой в сочетании с привычкой «послушания». Докладная записка Краснотурьинского ГО МГБ от 07.03.49 г. «О результатах проверки ведомственной охраны предприятий промышленности» среди разного рода прегрешений приводит следующий пример: «27/X-48 г. в караульном помещении треста “Базстрой”, председатель цехового комитета охраны бросил упрек командиру караула Классену Генриху (немец), почему он, как выборный, не был на профсоюзной конференции. Классен ответил, что он не был по причине ограниченности их, немцев, в правах. Тот же Классен 15/XII-48 г. будучи вновь выбранным на профсоюзную конференцию, но на заседание не явился. Мотивируя причину неявки, он также ответил, что ему там делать нечего, так как он за Указ расписался (идет речь об указе о закреплении немцев на вечное жительство в местах их нахождения в трудармии)»¹⁴.

Командир караула «пренебрегает общественной работой» не в силу безучастности; тот факт, что его так упорно выбирают, может свидетельствовать как раз о наличии гражданской позиции, которая трактуется составителем записки как активное проявление нелояльности. Этот пятистраничный документ щедро артикулирует этноним «немцы», поясняя связь с их прежним статусом трудармейцев. Активное использование данных номинаций было типично для защищенного грифом секретности служебного дискурса и резко контрастировало

¹² См., напр.: Дистергефт (Гронвальд) Э. П. Вспоминая пережитое... С. 273; Квининг В. Э. Автобиография. Л. 82; Паэгле Н. За колючей проволокой Урала. Кн. 2. Екатеринбург, 2006. С. 109–114, 153–154.

¹³ Немцы СССР на «вечном» спецпоселении // История немцев России // RusDeutsch – информационный портал российских немцев. URL: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu01=80&hmenu0=8>

¹⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 949. Оп. 1. Д. 9а. Л. 81.

с дискурсивными практиками открытой печати, где в материалах о советских гражданах этноним «немцы» стал неназываемым.

В таких «отдаленных районах», как северный Урал, законодательно пригвожденные «на вечное жительство» немцы в значительной степени определяли структуру человеческого капитала. Краснотурьинск до сих пор иногда называют немецким городом. В 1946 г. работавшие там трудармейцы Богословлага были массово «переданы» в трест «Базстрой», немало их трудилось на ТЭЦ, заводе и транспорте – во всех основных сферах жизнеобеспечения, включая образование, спорт и культуру.

Если в ходе войны репрессивное социальное конструирование советских немцев доходило до прямой дегуманизации и отождествления с врагом, то после войны оно перешло в плоскость «борьбы с засоренностью», где немцы неизменно фигурируют в числе неблагонадежных. У «бдящих» органов отношение, в общем-то, не изменилось, к концу войны потребовалось только подтверждение соответствующей установки. В Краснотурьинске начальник ГО НКВД 20.03.45 напоминал участникам пленума ГК ВКП(б), в каком окружении они пребывают – «лагеря, военнопленных, трудмобилизованных-немцев, спецпереселенцев», указывая, что трудармейцы-немцы «прямо вносят в нашу среду вредную идеологию»¹⁵. Дискурс засоренности, как и в 30-е годы¹⁶, закономерно вырос из представлений об опасной инвазии, вносимой чуждыми элементами.

Засорение требует «очищения», именно такая номинация используется партийными протоколами для обозначения действий по «подбору, расстановке и воспитанию кадров». 6 декабря 1946 г. Краснотурьинский ГК ВКП(б) констатировал: на ТЭЦ «персонал станции оказался сильно засоренным спецпереселенцами немцами и заключенными. Выявлено работающих на ТЭЦ спецпереселенцев-немцев 54 чел. и заключенных 31 чел., 7 чел. из них работают на ответственных должностях»¹⁷. В охране треста «Базстрой» из «120 человек немцев-переселенцев» (64 %) на 01.01.48 г. – несмотря на большую работу «по очищению ведомственной охраны» от разного рода «не внушающих доверия лиц» – к 01.03.49 г. все равно оставалось 78 че-

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 7.

¹⁶ Предпосылкой послужили культивируемые уже с 20-х годов идеи исправления природы: Унакин С. Поле боя на лоне природы: от какого наследства мы отказались // Новое литературное обозрение. 2005. № 1. С. 263–300; Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 5. Л. 212.

ловек, как сообщает в упомянутой записке начальник краснотурьинской милиции¹⁸.

Под таким же прессингом находились и учреждения культуры, ярким свидетельством чего служит справка «О засоренности профсоюзных организаций Богословского Аллюминиевого завода и треста «Базстрой» от 21.09.46¹⁹. В ней указано, что в коллективе рабочих клуба треста «Базстрой» из 71 человека 44 немца (62 %), в том числе трое, включая Альфонса Доминиковича Гольмана – секретаря комсомольской организации – работают режиссерами. В оправдание документ сообщает: «Этот состав остался при переходе предприятия из министерства внутренних дел в министерство строительства тяжелой индустрии». Годом ранее секретарь Серовского ГК ВКП(б) объяснял участникам пленума Свердловского обкома, что из-за нерешенности вопроса о «культурном обслуживании» северных районов туда «вынуждены приглашать ансамбль Ивдельлага, который состоит из осужденных и половина из них по 58-й статье. Ансамбль Базстроя, который состоит из немцев-Поволжья, потому что надо как-то удовлетворять запросы трудящихся»²⁰.

В 1946 г. этот ансамбль попал под каток идеологической кампании за усиление идеологической работы в сфере искусства. 14 августа ЦК ВКП(б) обрушился на Зощенко и Ахматову, в конце сентября безыдейность, прицельно по клубу «Базстроя», ругают в «Уральском рабочем», а в начале октября волна докатилась до Краснотурьинска. Областная газета «Уральский рабочий» 15 сентября еще восторженно хвалила Краснотурьинск. В большом иллюстрированном материале, в частности, утверждалось: «Клуб Базстроя – самое активное, культурное учреждение Северного Урала»²¹. К концу месяца газета сменила позицию на противоположную, уже 25 сентября бичуя репертуар назначенного клуба, где дешевые песенки, сатирические куплеты и песни «перемешиваются с рассказами пошляка Зощенко»²². 29 сентября тему развивает уже передовая «Уральского рабочего», где также упоминается большой драматический и концертно-эстрадный ансамбль клуба «Базстроя», преподносящий зрителю «пошлый рассказ “Рагулька” подонка литературы Зощенко»²³.

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 949, Оп. 1, Д. 9а, Л. 78.

¹⁹ Там же. Оп. 4, Д. 51, Л. 57.

²⁰ Там же. Ф. 4, Оп. 40, Д. 5, Л. 89–90.

²¹ Баранов А. Строители // Уральский рабочий. 15.09.1946. № 217, С. 3.

²² Правдин М. Краснотурьинск. Аполитичность и пошлость // Уральский рабочий. 25.09.1946. № 225, С. 3.

²³ Рабочим и сельским клубам – повседневное внимание и помощь! // Уральский рабочий. 29.09.1946. № 229, С. 1. Пресса Свердловской области, как и Молотовской,

Рис. 1. Семья Гольман (май 1937 г., г. Энгельс).

Слева направо: Доминик Иосифович, Эмилия Георгиевна, Эвальд Доминикович, Виталий Доминикович, Ида Доминиковна, Альфонс Доминикович

Краснотурьинск подхватил эстафету в начале октября: «Репертуар клуба засорен слабыми и безыдейными пьесами, извращающими советскую действительность», говорится в протоколе заседания бюро ГК ВКП(б) от 08.10.1946 г.²⁴ Ключевая номинация идеологического дискурса удвоилась: «засоренность» репертуара театра резонирует с «засоренностью» кадров. Газета не сообщает имен и национальности базстроевцев, а вот горком указывает в протоколе, что «пошлые рассказы Зощенко» исполняет [А.] Гольман.

Семья Гольман: родители с пятью детьми 04.09.1941 г. по Указу о выселении из АССР немцев Поволжья от 28.08.1941 г. были отправлены эшелонам № 826, вагон № 19 из Энгельса в Красноярск²⁵. Отец семейства Доминик Иосифович, чьи стихи мы цитировали выше, — писатель и преподаватель с высшим педагогическим образованием; призванный в 1942 г. в трудовую армию в Вятлаг, в 1943 г. был активирован.

включилась в кампанию только после доклада Жданова 21.09.1946 г. в «Правде», см.: Кимерлинг А. С. Молотовское эхо идеологической кампании 1946 года: местная печать разоблачает М. Зощенко и А. Ахматову // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 3. С. 188–195.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 5. Л. 109.

²⁵ Копия алфавитной карточки, выданная УВД Саратовского облисполкома 29.05.1991 г., семейный архив Гольман.

Рис. 2. Семья Гольман (август–сентябрь 1954 г., г. Серов), фото на фоне Дворца культуры металлургов, где располагался театр

Старший сын Альфонс Доминикович (1920–1995) к моменту депортации имел за плечами русскую школу в Энгельсе и театральное училище. На семейной фотографии 1937 г. (рис. 1) удивительно молодой отец и сын выглядят как братья. Будущий исполнитель рассказов Зощенко, комсомольский активист на Базстрое, а пока 17-летний Алик, похоже, старается выглядеть старше, солидней. С началом войны он просился на фронт, но был депортирован с семьей в Красноярский край, потом в трудармию в Богословлаг. Тяжелый труд, сильнейшая дистрофия, в больнице кто-то из друзей устроил его на работу санитаром и тем спас от неминуемой смерти, по рассказу А. В. Гольмана, – «а театр был отдушиной и духовным спасением».

В семье сохранились эти сведения, но детали трудармейских и следующих за ними лет восстанавливаются с трудом – пока не удалось установить, что происходило с Альфонсом Доминиковичем после описанных нападков на клуб «Базстроя». В 1948 г. А. Д. Гольман с женой поступили в Серовский Драматический театр им. А. П. Чехова. Незадолго до этого к нему приехал младший брат Виталий (1931 г. р.). На довоенной фотографии это шестилетний мальчик с бантом, на снимке 1954 г. (рис. 2, второй справа) Виталий уже молодой сталевар, в силу возраста он миновал трудармию, сразу попав на спецпоселение. Его сын Андрей Витальевич вспоминает рассказ мамы как раз про 1954 г.: «В воздухе предчувствие перемен. Папа закончил Серовский металлургический техникум, работает подручным сталевара. Пусть со второй попытки... но становится комсомольцем, и на день пропустил посещение комендатуры. Вовремя не отметил-

ся. И получил такую порцию негатива и угроз, такое унижение, что вместе с бедами, гонениями и травлей военных и послевоенных лет сформировало достаточно замкнутый характер».

Не отличавший ранее худобой Алик на снимке 1954 г. (рис. 2) – худощавый мужчина в центре. Работник театра, он здесь в шляпе и галстук, в нижнем ряду – его жена и сын. Всем троим детям Альфонса Доминиковича при рождении была дана русская фамилия жены. Этот обычный для тех времен шаг свидетельствует, с одной стороны, о самоисключении из стигматизированного сообщества, с другой же – говорит о тактике жизнестойкости и заботы о будущем близких.

В целом для ожидавших восстановления прав после победы трудармейцев (их обнадеживало постепенное ослабление режима содержания), послевоенное закручивание гаек стало «громом среди ясного неба», усилив комплекс ressentimenta. Немцы-трудармейцы не были изгоями в смысле полной исключенности из социальной структуры, напротив, в местах их депортации и послевоенного закрепления, как на Богословском Урале, они составляли основу этой структуры. В то же время социальное конструирование на уровне дискурсивных практик и аффективного порядка делало их чуждыми: врагами во время войны и продуцентами засоренности в послевоенный период.

Переживание несправедливости находилось в центре аффективного порядка, однако было бы неверно ограничивать сводить пережитое к опыту унижений. Это был также и опыт жизнестойкости, формулу которого, пожалуй, можно выразить фразой А. В. Гольмана: «Наши родители были молоды. Они любили. Работали. Растили детей. Надеялись на лучшее».

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СИСТЕМОЙ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ (1945–1960 гг.)

В исследованиях по истории политической юстиции в СССР отмечается, что прокуроры по спецделам, надзиравшие «за работой органов госбезопасности (ОГПУ и НКВД), действовали, как правило, в интересах органов госбезопасности, покрывая... как и прокуратура в целом, совершавшиеся беззакония»¹. Подобная ситуация сохранялась весь период позднего сталинизма, поскольку централизация власти в области правосудия не привела к подрыву влияния местных руководителей на судебно-прокурорских работников². При этом в современной историографии существует направление, сторонники которого на основе нормативно-правовых документов НКВД–НКГБ доказывают наличие «права на репрессии»³, в основе этой позиции лежит представление о том, что на спецпоселении была разработана система надзора и контроля за действиями сотрудников комендатур⁴. В условиях поляризации исследовательских позиций насущной необходимостью становится проведение специальных исследований, раскрывающих общее состояние и характеристики прокурорского надзора за системой спецпоселений.

Согласно действовавшему до начала 1945 г. «Временному положению о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администра-

¹ Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. С. 304.

² Соломон П. Советская юстиция при Сталине. 2-е изд. М., 2008.

³ Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности: Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). М., 2011. С. 275; Вольхин А. И. Роль органов госбезопасности в реализации спецпоселенческой политики советского государства в 1930–1940-х гг. // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 401–403.

⁴ Белковец Л. П. Правовые аспекты национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие // Государство и право. 2006. № 5. С. 112.

ции в районах расселения спецпереселенцев» от 25 октября 1931 г. прокурорский надзор осуществлялся на основании положения о прокурорском надзоре за органами ОГПУ⁵. 13 февраля 1945 г. в развитие постановления СНК от 8 января 1945 г. появился приказ генпрокурора СССР, в соответствии с которым прокурорский надзор за деятельностью спецкомендатур осуществляли органы прокуратуры. Проверка комендатур должна была проводится один раз в квартал⁶. Обеспечить исполнение этого акта должен был приказ НКВД СССР № 376 от 14 сентября 1945 г. с объявлением инструкции «О порядке наложения взысканий на спецпереселенцев», согласованной заместителем генпрокурора СССР и в начале 1946 г. разосланной периферийным органам к исполнению⁷.

Однако, по сведениям местных органов прокуратуры (Казахская ССР, Омская, Тюменская области) за 1946–1950 гг., надзор за законностью действий комендатур организован не был. Докладывая о проделанной за 1946 г. работе, прокурор Тюменской области сообщал: «В области имеется 37 комендатур. Надзор за законностью их действий отделом (по надзору за милицией. – А. И.) не организован. За весь 1946 год ни одной проверки спецкомендатур проведено не было»⁸. Отсутствие систематического надзора подтверждают также сведения из Омской области, относящиеся к концу марта 1946 г. Работники прокуратуры РСФСР констатировали отсутствие в области «надзора за деятельностью спецкомендатур» ввиду того, что «надзором за деятельностью спецкомендатур отдел по надзору за органами милиции не занимается, потому что этот участок работы по указанию руководства Облпрокуратуры был передан в отдел по Спецделам»⁹. Из региона с наибольшим числом спецпереселенцев – Казахской ССР – в конце сентября 1949 г. сообщали: «По вопросам осуществления надзора за законностью в отношении спецпереселенцев никаких обзоров, ориентировок и разъяснений из Прокуратуры Союза ССР не поступало.

⁵ Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев (25 октября 1931 г.) // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2. М., 2006. С. 540.

⁶ Государственный исторический архив Омской области (ГИА ОО). Ф. 2164. Оп. 2. Д. 25. Л. 13–14 об.

⁷ Там же. Д. 27. Л. 11–13 об.

⁸ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1103. Оп. 6. Д. 28. Л. 123.

⁹ ГИА ОО. Ф. 2164. Оп. 3. Д. 31. Л. 85.

Не предусматривает также сведений о судебной репрессии в отношении этих контингентов государственная статистическая отчетность органов Министерства юстиции»¹⁰.

Заместитель прокурора Казахской республики отмечал, что «вопросы надзора о спецпереселенцах разделены между органами территориальной прокуратуры республики и органами военной прокуратуры войск МВД», а «значительная часть дел о к[онтр]р[еволюционных] преступлениях... совершенных спецпереселенцами, а также о преступлениях и проступках работников МВД (по отношению к репрессированным. – А. И.) находятся в ведении военной прокуратуры». Поэтому имеющиеся в распоряжении республиканской прокуратуры данные были не полными¹¹. В частности, указывалось, что среди осужденных за уголовные преступления по Казахской ССР в 1946 г. переселенцы составляли 10 % (1902 чел.), а за 1 полугодие 1949 г. – 17, 8 % (706 чел.), отдельно сообщалось о росте привлеченных к ответственности по линии МВД, однако итоговые сводные данные (учитывающие сведения военной прокуратуры, прокуратур тюрем и лагерей) отсутствовали¹².

Основным недостатком следственной работы признавалось «не изучение причин, порождающих преступные проявления (условий быта трудоустройства)»¹³, т. е. именно сведений, которые могли быть получены только при посещении отдельных районных спецкомендатур. В результате санкционирование арестов спецпереселенцев происходило лишь на основе данных, которые прокурорским работникам предоставляли коменданты, производившие первичное расследование преступлений, совершенных спецпереселенцами, причем как нетяжких (что предусматривалось п. 8 «Положения о спецкомендатурах НКВД» от 8 января 1945 г.¹⁴), так и тяжких (в том числе «контрреволюционных» и побегов с мест поселения).

Таким образом, в системе органов прокуратуры обязанности по обеспечению законности на поселении вменялись различным структурным подразделениям (отделам по спецделам, надзору за милицией, местами заключения, военной прокуратуре), но фактически в

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8131. Оп. 37. Д. 5096. Л. 208.

¹¹ Там же. Л. 209.

¹² Там же. Л. 214.

¹³ Там же.

¹⁴ Постановление СНК № 34–14 с «Об утверждении «Положения о спецкомендатурах НКВД» (от 8 января 1945 г.)» // Ссылка калмыков: как это было. Т. 1. Кн. 1. Элиста, 1993. С. 183.

1945–1950 гг. не осуществлялись, поскольку отсутствовали «ориентировки и разъяснения из Прокуратуры СССР»¹⁵.

Во второй половине 1940-х гг. задача прокуратуры заключалась в обеспечении и укреплении внешнего периметра безопасности спецпоселений. Именно поэтому в делах фонда прокуратуры СССР, относящихся к этому времени, мы находим достаточно подробные статистические данные о количестве дел на лиц, бежавших с поселений, в рамках работы отдела по надзору за органами милиции, по даче заключений о направлении этих материалов в Особое совещание при МВД СССР, а также запросов по проблемам квалификации этих действий¹⁶.

В этот период прокуроров занимают многочисленные казусы, связанные с практикой постановки на спецучет, возвращения на поселение, а также привлечения к уголовной ответственности по месту задержания спецпереселенцев. Например, запрашиваются разъяснения отдела спецпоселений МВД относительно направления на поселение калмыков, принявших христианство и считающих себя русскими. В «предложениях», разрабатываемых в центре, по практике применения указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег с мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», среди прочего «предлагалось» определять национальность граждан в соответствии с паспортными данными. Предусматривалось также сохранение за детьми выселенцев права выбора национальности (при этнически смешанных браках) по отцу или матери¹⁷. Дела о побегах членов этнически смешанных семей также квалифицировать исходя из «паспортной» национальности: дела русских квалифицировать по статье 82 УК РСФСР (три года лишения свободы, за побег), а представителей «наказанных» народов, по указу от 26 ноября 1948 г. (20 лет заключения)¹⁸.

Примечательно, что в пространных «заключениях на спецвыселенцев, бежавших с мест расселения и задержанных в пределах» областей выселения, приводится не только перечень беглецов с указанием обстоятельств их задержания, но и сотрудников МВД и прокуратуры, виновных в не привлечении их к уголовной ответственности¹⁹. Однако борьба за исполнение «буквы закона» велась прокурорскими ра-

¹⁵ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 5096. Л. 208.

¹⁶ См., напр.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 542. Л. 287–292.

¹⁷ Там же. Л. 284.

¹⁸ Там же. Л. 285.

¹⁹ Там же. Л. 106–130.

ботниками за периметром особо режимных поселений, которые оставались для них *terra incognita* – территорией, скрытой от глаз всех подразделений (отделов) надзорного ведомства.

Попытка изменить ситуацию была предпринята после передачи системы спецпоселений из МВД в МГБ, когда появилось распоряжение генерального прокурора Союза ССР от 18 сентября 1950 г. № 13/174/с «О передаче надзора за расследованием дел о спецпоселенцах в отделы по спецделам»²⁰. Год спустя увидело свет совместное «разъяснение» МГБ и Прокуратуры СССР № 13/192сс/67 «О порядке осуществления прокурорами надзора за органами МГБ в работе по ссыльным, выселенным, и спецпоселенцам» (от 4 сентября 1951 г.). На основании этих актов контроль за «законностью режима» спецпоселения был возложен на отделы по спецделам. Прокуроры получили формальное право осуществлять надзор за правильностью применения структурами МГБ административных мер (штрафы и аресты) к нарушителям режима, а органы МГБ, по требованию прокуроров по спецделам, должны были знакомить их с личными учетными делами, при необходимости выдать им справки, подтверждающие правильность содержания в ссылке, высылке и на спецпоселении²¹.

Тем не менее до второй половины 1953 г. это распоряжение не исполнялось, т. к. прокуроры не имели представления о принципах наложения взысканий на спецпереселенцев. Документы, определяющие эти правила, по-прежнему были доступны только с дополнительной санкции органов МГБ–МВД. Так, в Омской области районные и городские прокуроры получили возможность ознакомиться с инструкцией НКВД СССР «О порядке наложения административных взысканий на спецпоселенцев» от 14.09.1945 г. только в июле 1953 г. Результатом стало начало проверок исполнения «Положения о спецкомендатурах НКВД» от 8 января 1945 г. (в Тюменской области, например, было одновременно проверено 11 спецкомендатур²²) и отмена «разъяснения» МГБ и Прокуратуры от 4 сентября 1951 г., что означало возвращение к прямому исполнению подзаконных актов 1945 г.²³

Отсутствие опыта в подобной работе приводило к тому, что с мест в Москву стали стекаться копии актов обследований спецкомендатур и внутренних тюрем МВД, поэтому Прокуратура РСФСР в июле 1954 г. потребовала прекратить практику высылки всех копий актов проверок, за исключением тех случаев, когда выявлялись серьезные

²⁰ ГА РФ. Ф. 461. Оп. 12. Д. 18. Л. 199; ГИА ОО. Ф. 2164. Оп. 3. Д. 66. Л. 8–9.

²¹ ГИА ОО. Ф. 2164. Оп. 2. Д. 44. Л. 62.

²² ГАТО. Ф. 1103. Оп. 5. Д. 20. Л. 15.

²³ ГИА ОО. Ф. 2164. Оп. 3. Д. 100. Л. 13.

нарушения²⁴. С этого времени стали собираться сведения по отдельным категориям спецпереселенцев (в частности по осужденным за контрреволюционные преступления)²⁵, появляется практика контроля за исполнением отдельных постановлений правительства (постановление от 5 июня 1954 г. за № 1439–649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев»)²⁶.

При этом в 1953–1957 гг. проверки системы спецпоселений носили ограниченный (можно сказать символический) характер. В прокуратуре Омской области, где к началу 1950-х гг. находилось более 40 спецкомендатур, неизменным «рабочим заданием» являлась проверка работы 2–5 спецкомендатур в год²⁷. Причину этого можно видеть в том, что политическая обстановка после смерти Сталина оставалась неопределенной, а прокуроры республик, краев и областей в своей деятельности, до 1956 г. и XX съезда КПСС, продолжали руководствоваться установками еще «сталинского» XIX съезда партии²⁸ и проводить в жизнь решения партии «методами прокурорской работы»²⁹. Не менее важно и то, что «Положение о прокуратуре Союза ССР» (1933 г.) и «Положение о прокурорском надзоре в СССР» (1955 г.) специально оговаривали только надзор за местами заключения, о поселениях там речи не было³⁰.

В итоге обеспечение полноценного надзора за этой частью режимного пространства стало возможным только с появлением приказа генпрокурора СССР от 30 апреля 1957 г. Надзор за соблюдением законности в местах спецпоселений, а также надзор за обоснованностью выселения граждан на спецпоселение, «независимо от того, по каким основаниям и какими органами произведено выселение», был передан отделу по надзору за местами заключения и осуществлялся им до момента ликвидации спецпоселений в 1960 г.³¹

Сотрудниками этого отдела была проведена всесоюзная проверка «соблюдения социалистической законности» на спецпоселениях. Были выявлены факты незаконного зачисления на поселение и отка-

²⁴ ГА РФ. Ф. А–461. Оп. 12. Д. 24. Л. 36.

²⁵ ГИА ОО. Ф. 2164. Оп. 3. Д. 113. Л. 8.

²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 52. Л. 9–10.

²⁷ Там же. Д. 54. Л. 7, 86, 220; Д. 56. Л. 7.

²⁸ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО). Ф. 406. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 20. Л. 71.

³⁰ Положение о прокуратуре Союза ССР (17 декабря 1933) // История государства и права. Екатеринбург, 1993. С. 28–29.; Указ Президиума Верховного Совета СССР об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР (24 мая 1955 г.) // Там же. С. 123–124.

³¹ ГИА ОО. Ф. 2164. Оп. 2. Д. 64. Л. 71.

за в снятии со спецучета, задержек при рассмотрении жалоб граждан и т. д. Меры прокурорского реагирования заключались в основном в представлениях об устранении нарушений, направляемых в адрес МВД, в исключительных случаях – с требованием принятия мер дисциплинарного взыскания к нарушителям-комендантам³². Несмотря на это, акты комплексных проверок комендатур, поступившие из территориальных органов, позволяют утверждать, что именно в это время прокуроры получили необходимый доступ к первичной документации спецпоселений и возможность установления полноценного контроля и надзора.

Характеризовать содержание надзора можно двояко: с одной стороны, данная форма деятельности прокуратуры и в конце 1950-х гг. была далека от современных представлений о действующем механизме обеспечения законных прав граждан, тем не менее при осуществлении надзорных функций прокурорам в отдельных случаях удавалось добиваться снятия людей неосновательно содержащихся на спецпоселении (в частности лиц, которые подпадали под постановления правительства о снятии с учета спецпоселения или граждан, в делах которых отсутствовали необходимые для зачисления на спецучет документы), сокращения сроков рассмотрения жалоб граждан³³. С другой стороны, являясь составным звеном советской государственной машины, институт надзора обеспечивал поддержание режима спецпоселения, что выражалось в проверках комендатур на предмет привлечения спецпоселенцев к «общественно полезному труду», сообщений в вышестоящие инстанции о неисполнении комендантами своих обязанностей, в части наложения взысканий на спецпоселенцев за нарушения режима, требований к МВД союзных республик о возвращении бежавших с поселения и т. д.³⁴

На основании изложенного можно выделить три периода в истории послевоенного прокурорского надзора:

1) 1945 – первая половина 1953 г. – период «охраны внешнего периметра» спецпоселений – контроль и надзор со стороны прокуратуры за законностью соблюдения режима спецпоселения де-факто отсутствует. Институт прокурорского надзора направлен лишь на поддержание периметра безопасности, т. е. ограничение доступа спецпереселенцев к правовому пространству советского общества, путем активной поддержки усилий различных силовых ведомств по борьбе с побегами спецпоселенцев.

³² ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 3973. Л. 55–66.

³³ Там же. Л. 12–14.

³⁴ Там же. Л. 4–6, 43.

2) Вторая половина 1953 – начало 1957 г. – период «символической законности» на поселении – сотрудники периферийных органов прокуратуры получают доступ к нормативным актам НКВД/МВД и МГБ, регламентирующим права и обязанности спецпереселенцев, начинаются единичные, не системные проверки спецкомендатур.

3) Середина 1957–1960 г. – период «торжества социалистической законности» на спецпоселении – система спецпоселений входит в советское правовое пространство, после передачи надзорных функций от отдела по спецделам в отдел по надзору за местами заключения. Проводится первая комплексная всесоюзная прокурорская проверка системы спецпоселений.

Э.-Б. М. Гучинова

ЯЗЫК ТРАВМЫ В РИСУНКАХ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ О ЛАГЕРЯХ В СССР: СНИЖЕНИЕ СТАТУСА И ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

Статья посвящена визуальной памяти бывших японских военнопленных о лагерях в СССР. После рескрипта императора Сева от 15 августа 1945 г. Квантунская армия сложила оружие. Японские военнопленные оказались привезенными в СССР как рабочая сила, чаще на неосвоенные пространства Сибири. На территорию СССР было перемещено не менее 547 261 военнопленных и интернированных¹. Путем принуждения военнопленных, которое рассматривалось как репарация за участие во Второй мировой войне, в СССР продолжалось освоение собственных территорий. Репатриация японских пленников началась в 1946 г. и продолжалась до 1956 г.

Более двух тысяч бывших военнопленных Квантунской армии решились написать лагерные мемуары². Этот феномен массовых солдатских воспоминаний о жизни в лагерях страны-победительницы практически уникален в мировой мемуаристике. Многие из бывших военнопленных рисовали свою жизнь в лагере. Таких художников в Японии несколько десятков. В своем исследовании я рассматриваю творчество десяти художников, среди которых есть и признанные мастера, и любители: Казуки Я., Миязаки С., Ооути М., Такэути К., Уэцухара Ё, Ватанабэ Ё, Хисанага Ц., Сато К., Киути Н., Ёшида И.

Травматическое событие, особенно протяженное во времени и связанное с длительной депривацией человека выражается, прежде всего, в том, что рассказать о нем трудно. Но молчание или забвение не излечивает травму. Когда бывшие военнопленные решились предложить свои воспоминания публичному осмыслению, то в каждом нарративе травма говорила о себе.

¹ Карасев С. В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945–1956 гг.). Улан-Удэ, 2007. С. 35.

² Томида Т. Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945–1956 гг. // Сибирская ссылка (XIX–XX вв.): Сб. науч. ст. Иркутск, 2011. С. 594.

Язык травмы создается разными приемами, сюжетами, грамматическими конструкциями. Для языка травмы также характерно сочетание изображения с комментариями автора, которому всегда кажется, что рисунок недостаточно понятен обычному зрителю (не знавшему плена), что инфернальный лагерный опыт требует дополнительных пояснений. В этой статье я рассматриваю только два приема, характеризующих язык травмы.

Снижение статуса. Память о статусе военнопленного приводила к тому, что повествуя о травматическом прошлом, человек начинал ассоциировать себя с представителями еще более низких социальных групп, пусть в историческом прошлом или в родной культуре настоящего времени. Не ограничиваясь дискриминируемыми группами, пленные часто сравнивали свое положение с жизнью животных.

Одним из приемов понижения статуса является сравнение с неполноправными согражданами. Жизнь вопреки собственной воле в языке травмы вызывала аллюзии с теми, кто в патриархальном обществе всегда живет в зависимом состоянии – с *женщинами и детьми*. Эти сравнения встречаются у авторов в разных формах: в намеках, оговорках и в прямых сравнениях, рисунках.

Пораженная мужественность в воспоминаниях бывших японских военнопленных оборачивается сравнениями с женщиной, для патриархальной японской культуры того времени существом более низкого, чем мужчина, уровня. Бесправное, слабое существо в лагере, будто уже и не мужчина.

Шутя, врач сравнил
мою рану с п...ю,
а медсестры, смеясь, его укоряли³.

Как мы знаем, унижение, связанное с телесностью, запомнится навсегда, тем более если оно имеет дело с интимными зонами человеческого тела. Такой унижительной была процедура дезинфекции, которая включала бритье волос в паху. На рисунке Сато К. «После дезинфекции» видно, как пленные подтрунивают друг над другом, сравнивая себя с девочками.

Полотно Миязаки С. названо «Трагическая история». Слабые существа, с трудом выполняющие работы в лагере, не похожи на солдат, не похожи на мужчин. Перед нами изображены военнопленные, еще недавно они носили военную форму и оружие, но сейчас кажется, что это подростки, которым, может, 12 лет, а кому-то и меньше. Кажется,

³ Интервью с Сато. Перевод с яп. Мотидзуки Т.

что среди них есть и девочки, по фигурам трудно определить, но мы знаем, что все они – бывшие солдаты.

Изображение солдат как детей вполне отвечало доктрине тоталитарного государства как большой семьи, во главе которой стоял император, именовавший себя «отцом и матерью» в одном лице и называл своих подданных «младенцами». Этот конструкт давал «законные» права государству, персонифицированному в фигуре императора, распоряжаться жизнями своих подданных⁴.

Снисходительно как к подросткам, остановившимся в своем развитии, относились к японцам и европейцы, колониальные взгляды которых отводили европейцам место взрослого человека (умом и телом), а – азиатам место в лучшем случае подростка, которого надо поучать. Визуальным аргументом для сравнения был средний рост японского военнопленного – 159,8 см⁵.

Одним из визуальных приемов понижения статуса в языке травмы является *обнажение*. В работах многих художников мы встречаем обнаженные образы пленников. Одежда всегда считалась в Японии важнейшим показателем статуса человека в социальной иерархии. Выражающая эту идею европейская военная форма легко укоренилась в Японии, но лишенное знаков отличия нагое тело таких шансов не имело⁶. Когда бывшие пленные рисуют себя голыми, они показывают и свою асоциальность, и потерю статуса мужчины и солдата, и незащищенность в прямом и переносном смыслах.

Еще один прием в стратегии понижения статуса – сравнение с угнетенными социальными группами.

«Четвертый год проходит после окончания войны. А только СССР не отпускает пленных. Мы рабы XX в.»⁷

Признать, что принудительный массовый труд при социализме близок к рабскому, советская власть не могла. Это обвинение, сказанное вслепую, ибо пленник не знал всех масштабов ГУЛАГа, попало в яблочко. Раб, как и пленный, всегда отлучен от продуктов своего труда, он также не имеет своего голоса. Рабовладельцы, покупавшие рабов за приличные деньги, все же дорожили своим живым имуществом, в то время как лагерное начальство несло ответственность только при больших списочных потерях.

Сравнения с рабами не были случайными, они приходили в голову и экам ГУЛАГа. Сокращенное выражение «рабочая сила», ставшее термином «рабсила», неофициально многими в ГУЛАГе расшифро-

⁴ Мещеряков А. Н. Статья японцем. М., 2012. С. 406.

⁵ Левин М. Г. Этническая антропология японцев. М., 1971. С. 10.

⁶ Мещеряков А. Н. Статья японцем. С. 362.

⁷ Oouchi M. Yabure-gunka. Tokyo, 1955. С. 138. Перевод с яп. Такахаси С.

вывалось как рабская сила. Цинизм советской власти по отношению к военнопленным и заключенным в лагерях проявлялся и в формулировке *рабгужсила*, под которой подразумевалось совокупная рабочая сила заключенных и рабочего скота⁸. В связи с осуждением мировым общественным мнением рабского труда в СССР, в 1950-х гг. термин «рабсила» был запрещен цензурой⁹. Термин, может, и был запрещен, но не был запрещен рабский труд.

«Часто работа была нечеловечески трудной и решалась она так, что люди становились гужевой силой.

Зимой мы работали на лесоповале. У нас не было лошадей, и люди *тянули* вырубленные деревья на сани *сами*. Многие погибли от этой тяжелой работы»¹⁰.

Японская этика труда и общинная ответственность делали выполнение производственного задания для всей бригады важной задачей, ради которой можно стать и рабгужсилой.

«Охранникам давали по 100–300 человек, и с ними мы ходили в Малый бор за дровами за пять километров от лагеря. Японские военнопленные были очень дисциплинированными, они впрягались в тележки по 20 человек, тянули веревки и так “вели” телегу по шоссе. Когда они ехали, то всегда говорили или пели одну поговорку: десять из них говорили: “Ас-су, ас-су”, а десять других отвечали: “Ото-сан, ото-сан”. Таким образом они вели строй, везли телегу»¹¹.

Как вспоминал охранник, ему не приходилось запрягать людей как тягловую силу, участь «рабгужсилы» была практически добровольная – как единственное возможное решение проблемы.

Другим показателем низкого статуса была принадлежность к этнической группе. Расовая теория милитаристской Японии, базируясь на традиционной идеологии превосходства народа Ямато, рассматривала многие народы «недостаточно цивилизованными» и потому второсортными. Приведенное ниже сравнение с китайцами для японцев того времени говорило об откровенном понижении статуса в своих собственных глазах из-за презрительного и высокомерного отношения большинства японцев к современным им китайцам (не говоря уже о корейцах)¹².

⁸ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. С. 324.

⁹ Там же. С. 326.

¹⁰ Чернова Н. Верните самураю его меч // Новая газета. 16.01.2013.

¹¹ Сафина А. Встречи с прошлым и настоящим: Немецкие и японские военнопленные глазами жителей Елабуги. URL: <http://urokiistorii.ru/2010/17/pobeda-14> (дата обращения: 25.01.15).

¹² Мещеряков А. Н. Статья японцем. С. 332.

Среди военнопленных были распространены господствовавшие этнические стереотипы, поэтому если в текстах воспоминаний встречались упоминания о корейцах и китайцах, мы должны понимать оттенки, которые не проговаривались специально, но были фоновым знанием того времени.

«Чтобы уничтожить вшей, поменяли одежду. Но пойдешь туда, опять с нами будут вши. Мы стали похожи на *пленных*. Стали похожи на *китайцев*»¹³.

В этом сравнении с пленными также есть свой смысл. Не будучи сдавшимся солдатом в результате собственной слабости, Ё. Ватанабе не признает себя пленным по статусу. *Мы стали похожи на пленных*, значит, на тех ненастоящих солдат, что сдались на милость врага, что предпочли жалкую жизнь смелой смерти во имя императора, и потому победителям не за что их уважать.

«Я быстро кушал, но даже во время обеда я остаюсь голодный. Роске: Быстро кушай, работать надо, понимаешь, японский? Японский солдат: *Ой, холодно. Уже обед. – Мы стали как сумасшедшие. – От дыма костра мы стали черными. Стали похожи на негров*»¹⁴.

Мы стали как сумасшедшие – отсылка к сумасшедшим подчеркивает некомпетентность психически больных людей в социальном мире, какая появилась и у японских военнопленных в условиях плена, их бесправие. Несмотря на внешне здоровый вид, военнопленные, как и больные, утратили свою субъектность, они перестали быть обычными нормальными людьми.

Мы стали как живые трупы... Живые трупы – сравнение с доходягами или как их называли в нацистских концлагерях, мусульманами. Это ориенталистское слово было выбрано для названия заключенных в последней стадии ослабления независимо от их вероисповедания, апатичных, с характерной шаркающей походкой, при которой они волочили ноги. Заключенный превращался в «мусульманина» в том случае, если отбрасывал все чувства, все внутренние оговорки по отношению к собственным поступкам и приходил к состоянию, когда он мог принять все, что угодно¹⁵. Сравнение с неграми объяснимо тем, что даже после отмены рабства к середине XX в. они все еще оставались людьми низшего сорта, пригодными, по мнению белых американцев, только к физическому труду.

¹³ Watanabe Y. Ikoku-no-sora. Shiberia-yokuryu-no-enikki. 1978. P. 227. Пер. с яп. Цутому Ц.

¹⁴ Ibid. P. 263.

¹⁵ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. С. 23. URL: <http://www.litmir.me/bgr/?b=108094&p=1> (дата обращения: 25.01.15).

Сравнение с животными бывало разным: подсознательным, аллегорическим, но и прямым.

«После того как мы ушли на работу, мыши сгрызли все, что можно, включая палочки и деревянную лопатку для еды. Когда мы вернулись вечером, мы даже не стали их мыть, а ели ими *после мышей*»¹⁶.

«Когда нас привезли в лес, в нем вообще не было построек. Мы разбили палатку и на узкой площадке спали, как *селедка в бочке*»¹⁷.

Бесправие лагеря уподобляло заключенных насекомым, которых так же много, как и заключенных, тех и других легко уничтожить. Одна гравюра К. Сато так и называется: «Клопы, вши и пленные». Наличие насекомых говорило об отсутствии человеческих условий проживания, значит, о наличии скотских условий.

«После того как дожди прекратились, нам делали уколы *шприцами для лошадей*. Больно, скажу я вам. Первый раз такое испытал. На какое-то мгновение аж дыхание перехватило. Очень больно»¹⁸.

Такэути К. напрямую сравнивает статус военнопленного и животного, которого держат на откорм, чтобы заколоть на праздник. Объединяет человека и домашних животных, назначение которых принести пользу хозяину, а жизнь животного сама по себе ничего не стоит, и будет длиться ровно столько, сколько скажет хозяин. Автор подписал так: *свинья, лошадь и гусь – символические военнопленные*¹⁹.

Вслед за Такэути сравнивает свой зависимый статус пленного с тягловыми лошадьми Й. Ватанабе.

«За горой мы рубили деревья, обрабатывали бревна, пилили и построили конюшню. Нам сказали, что прибудет 100 *лошадей*. Потом мы узнали, что их привезли для транспортировки леса. Они *такие же пленные, как и мы*»²⁰.

Похожие сравнения заключенных и лошадей, которые на лесоповале тянули ту же лямку и тот же срок, приходили и к заключенным ГУЛАГа. В. Шаламов отмечал, что лошади лучше людей угадывают конец рабочего дня²¹, но все же в сравнении заключенного человека и лошади человек оказывался сильнее.

Стратегия выживания, связанная с поисками диких плодов и устройством запасов в тайнике вне лагеря, также казалась пленным похожей на повадки животных перед зимой. Может быть, это всего

¹⁶ Oouchi M. Yabure-gunka. Tokyo, 1955. С. 140.

¹⁷ Hisanaga T. Tomo-yo-nemure. Shiberia-chinkon-ka. Tokyo, 1999. Р. 32. Пер. с яп. Иноуэ К.

¹⁸ URL: <http://kiuchi.jp/ru/nobindex.htm> (дата обращения: 25.01.15).

¹⁹ Takeuchi K. Eiri-shiberia-shuyoujo. Tokyo, 1982. Р. 100. Пер. с яп. Иноуэ К.

²⁰ Watanabe Y. Ikoku-no-sora. Р. 254.

²¹ Шаламов В. Колымские рассказы. М., 2009. С. 63.

лишь самоирония, а возможно, что в экстремальной ситуации в человеке просыпается глубинная этологическая программа, и животные инстинкты начинают работать сильнее в соответствии с условиями задачи из учебника жизни.

«Речка стала большой, и началось наводнение. Все всходы унесло и наши надежды на урожай тоже. Кажется, что этой зимой мы здесь останемся. Мы планировали немного запастись продуктами потихоньку. *Как мыши.*

В горах повсюду был хороший урожай. Виноград, актинидия, грибы, шишки. Мы готовились к приближающейся зиме. Мы похожи *на медведей*, готовящихся к зимовке»²².

Военнопленные сравнивают себя с разными животными, чаще домашними, чьи повадки лучше знакомы, кто все время на глазах, и кто порой ближе, чем человек – охранник, кто играет на одном поле и нередко становится то конкурентом, то товарищем.

«Вкус одуванчиков похож на шпинат, но у нас не было соли и поэтому мы ели, как *лошади*»²³.

«Товарный вагон на 50 тонн. Нас загрузили, *как свиней*»²⁴.

«Ночью мы валились на постель как подкошенные, но жалеть себя не было сил. Мы уже ничего не чувствовали и спали как *свиньи*, ни о чем не думая»²⁵.

В отличие от домашних животных, полностью зависимых от своих хозяев, как и пленные – от лагерной администрации, птицы были существами другого сорта. Они могли преодолеть сотни километров, не зная преград: ни колючей проволоки, ни государственных границ. Они были символом свободы.

«С раннего утра в небе над лагерем летят птицы стаями по три – по пять или больше на восток. Все военнопленные смотрят на небо с завистью. Молча смотрят. Как бы я хотел иметь *перья, крылья!* Если бы я смог бы превратиться в *птицу* и улететь из этого ада в родную страну, в Японию»²⁶.

«Однажды к нам прилетел заблудившийся сокол. Еще не взрослый, заболел и не мог летать. Мы его накормили и привязали веревку к его ноге. Но на другой день он улетел, легко порвав веревки. Я позабавился ему, тому, что *птица* своей силой *смогла освободиться*. Мне стало грустно, что нет *крыльев, чтобы улететь*. Те веревки, что держали нас, не режутся так легко. Я изобразил сокола вместо сапсана,

²² Watanabe Y. Ikoiku-no-sora. P. 242.

²³ Ibid. P. 344.

²⁴ Ibid. P. 287.

²⁵ Чернова Н. Верните самураю...

²⁶ Hisanaga T. Tomo-yo-nemure. P. 80.

потому что хотел изобразить больше жизненной силы и способности к полету»²⁷.

Ассоциируя птицу с пленным и заменяя сапсана соколом, Казуки хотел придать больше силы тому заключенному, оставшемуся в лагерном прошлом, себе и своим товарищам.

Деперсонализация – также прием языка травмы. Деперсонализация здесь понимается как временная утрата человеком психологических и поведенческих особенностей, характеризующих его как личность.

В лагере люди сливаются в социальное тело, а у частей тела нет субъектности, одни только функции²⁸. Так, на рисунке Уэцухара «Техническая бригада 339 идет рубить дерево сарана»²⁹ прямым художественным приемом показан процесс деперсонализации человека. У пленных нет лица, нет индивидуальности – только номер бригады. Пленный становится рабочей функцией для властей и начинает также себя чувствовать. Вместо совокупности разных людей мы видим биомассу, коллективное тело отряда номер 339.

Особенно удавалось показать деперсонализованное лагерное Миязаки Сину. Он изображает военнопленных как безликих, бестелесных, безгласных, бесправных. На его полотне «Пленные на пересылке» мы видим большую группу тепло одетых пленных и одного советского охранника. Никто из изображенных не смотрит прямо. Они опустили голову, или только глаза или отвернулись, не говоря уже о прямом взгляде в глаза. Это люди, которые боятся, неуверенные, они боятся посмотреть в глаза реальности.

Наконец, на его полотне «Спящий пленник» под раскинувшейся одеждой мы не видим человека, под нею пустота. Снова язык травмы проявляет себя знаками отсутствия. Как будто художник хочет сказать, что пленный – это ничто, это пустое место.

Незабываемые лица пленников встают стеной перед художником, он так и назвал свою работу «Стена. Незабываемые люди». Этот номиналистский подход часто используется в коммеморативных практиках. Примерно этот же прием использует и С. Миязаки, только он не называет имена. Его язык – визуальный, он рисует лица, которые помнит. Несмотря на название, мы видим пустые места на стене и лица, чьи черты стерты или непроработаны. Так мы понимаем, что может быть опыт забываем, но не все люди помнятся, что память – нестабильная категория и что, когда говорят и даже верят в Незабываемое, в жизни многое забывают, в первую очередь травматическое.

²⁷ Kazuki Y. Shiberia-gabun-shu. Hiroshima: Chuugoku-shinbun-sha, 2004. P. 32.

²⁸ Герасимов И. В. Нулевые. Степень. Письма. М., 2009. С. 110.

²⁹ Uetsuhara // Shiberia yokuryu gaten. Maizuru, 1995. Hikiage Kinenkan. P. 29.

Я. Казуки показывает пленных как гальку в товарном вагоне, у которых лица неотличимы друг от друга. Их везут, как щебень, как строительный материал. В этой его работе в камнях, насыпанных в ящике, узнаем героев предыдущих работ – пленных, лица которых также неотличимы, как и камни друг от друга. Пленные, как и камни – строительный материал для чужого будущего. В исторических местах памяти – например, бывшем концлагере Ноейнгамме и в Бухенвальде на месте бараков по периметру фундамента огорожено пространство, в котором, как в большой клумбе, сложена галька. Очевидное сравнение гальки с узниками делает эту метафору универсальной.

Лагерь живет законами больших чисел: типовая ситуация лагеря – это общие работы, быстро превращающие заключенного в доходягу и лишаящие индивидуального опыта вместе с «индивидуализацией», «характером» и цветом глаз, которого, по словам В. Шаламова, у заключенных на Колыме нет. Сведение ценности человека и человеческого к нулю – вот неотъемлемая черта социума, заданного как принудительно мобилизованная масса³⁰.

Деперсонализация особенно видна в политических сюжетах, где изображается толпа. Мы видим не коллектив, а именно толпу, в той самой ее страшной форме – когда толпа направлена на одного на основе подозрений в идеологических разногласиях³¹.

Процесс деперсонализации японских военнопленных был начат задолго до плена, сразу после призыва в действующую армию. В армии запрещалось произносить личное местоимение «я», вместо него следовало употреблять свою фамилию и звание, т. е. именовать себя таким же образом, как и твое армейское окружение. Таким образом, человек военный как бы смотрел на себя «со стороны», что предполагало лишение его прав собственности на себя и свое тело³².

Такая деперсонализация человека в тяжелых природных условиях, практически на грани выживания позволяла ежедневно выполнять трудные работы, с некачественной едой и жильем. Прошли годы, но язык травмы сформулировал главное: это был бесчеловечный опыт.

«Совершенно истощенные от тяжелого труда мы еле плелись в лагерь. Советские солдаты подгоняли нас. Мы были, как *пустые раковины, без души*. ...Это был совершенно *бесчеловечный опыт*. Январь 1946 г.»³³

³⁰ Агамбен Дж. Что остается от Аушвица. Архив и свидетельство // Отечественные записки. 2008. № 4. С. 59.

³¹ Oouchi Mi. Yabure-gunka... С. 145.

³² Мещеряков А. Н. Статья японцем. С. 399.

³³ Yoshida I. Gashuu: Ichi-heishi-no-damoi-heno-michi. Osaka, 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Леонтьева Т. Г.</i> Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении.	6
<i>Бранденбергер Д.</i> О роли РКП(б) в «Ленинградском деле»	17
<i>Лейбович О. Л.</i> Социальные напряженности в позднюю сталинскую эпоху	25
<i>Кодин Е. В.</i> Поздний сталинизм в оценках российской политической эмиграции (на примере Мюнхенского института по изучению СССР: 1950–1972 гг.)	36
<i>Бикбов А. Т.</i> Парадоксы императивной интернационализации в 1943–1953 гг.	45
<i>Фицпатрик Ш.</i> Сталинская команда при Сталине и без него, 1952–1953 гг.	58

I. ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ

<i>Савенко Е. Н.</i> Послевоенное общество сквозь призму неподцензурных текстов (по материалам Сибири).	62
<i>Кыдыралина Ж. У.</i> Условия жизни и массовые настроения населения в послевоенное время в Казахстане	71
<i>Яковлева Г. Н.</i> Сталин и победа в Великой Отечественной войне в общественном мнении БССР во второй половине 1940-х гг.	79
<i>Васильева Н. Д.</i> Этнокультурные изменения в послевоенной повседневности народов Арктики (на примере Якутии).	91
<i>Никонова О. Ю.</i> Кризис продовольственного снабжения в послевоенном Челябинске и проблема голода в 1946–1947 гг.	99
<i>Пянкевич В. Л.</i> Дефицит товаров повседневного спроса и его преодоление в блокадном и послевоенном Ленинграде	108
<i>Круглов В. Н.</i> Кризис продовольственного снабжения в СССР и настроения населения, 1951–1955 гг.	117

<i>Лысенко О. В.</i> Город по-советски: интеллигенция как дисциплинирующая инстанция послевоенного советского общества	126
<i>Кимерлинг А. С.</i> По ту сторону лозунгов: практики приспособления к политическим кампаниям в 1945–1953 гг.	136
<i>Костяшов Ю. В.</i> Стратегии выживания послевоенного колхозного крестьянства: из истории повседневности переселенческих колхозов Калининградской области, 1946–1953 гг.	148
<i>Соколов А. С.</i> Развитие Рязанской области в послевоенное время: социально-экономический аспект	157
<i>Лаукайтис Р.</i> Советские и национальные ценности в послевоенной Литве: рычаги индоктринации общества, 1944–1953 гг.	164
<i>Чепайтене Р.</i> Политика памяти в сталинской Литве: между «советским» и «национальным»	172
<i>Кабацков А. Н.</i> Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева 1946–1953 гг.)	183

II. ПОЛИТИКА, КОНТРОЛЬ И СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

<i>Зеленов М. В.</i> Роль А. А. Жданова в реформе руководящих органов ЦК ВКП(б) и их аппарата в 1946 г.: новые источники	194
<i>Пивоваров Н. Ю.</i> Последнее сталинское бюро: структура и кадровый состав Бюро Президиума ЦК КПСС (октябрь 1952 – март 1953 г.)	207
<i>Митрохин Н. А.</i> Фронтовики и «школьники» в послевоенных вузах.	216
<i>Фокин А. А.</i> Сталинское законодательство как база для электорального процесса в позднем СССР	235
<i>Байбурин А. К.</i> Паспортный режим в военные и послевоенные годы	243
<i>Тепляков А. Г.</i> Советские дипломаты и разведчики на randevu с границей, 1945–1953 гг.	252
<i>Кондрашин В. В.</i> «Номенклатурная революция» в Пензенском обкоме ВКП(б) в послевоенный период	261
<i>Коновалов А. Б.</i> Система взаимоотношений партийной номенклатуры центра и регионов в период позднего	

сталинизма: институты, традиции, практики, 1945–1953 гг.	270
<i>Костырченко Г. В.</i> «Дело врачей» как проявление деградации сталинского режима (в свете новых документов)	280
<i>Шабалин В. В.</i> Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицейских кадров в послевоенный период (на примере Молотовской области)	293
<i>Калинина О. Н.</i> Советская номенклатура и система внутрикорпоративной охранительности в позднесталинский период (1946–1953 гг.)	304

III. ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ

<i>Журавлев В. В.</i> Сталин и экономическая дискуссия 1951 г. в СССР (к проблеме сталинского теоретического наследия)	314
<i>Тихонов В. В.</i> Идеологические кампании позднего сталинизма и советские историки	326
<i>Чубур А. А.</i> Державно-националистический этап в идеологизации советской археологии	335
<i>Михайлин В. Ю., Беляева Г. А.</i> У истоков жанра: о предпосылках появления советского «школьного кино» в позднесталинскую эпоху	348
<i>Титаренко Е. Ю.</i> Образ Донбасса в советском послевоенном кинематографе, 1945–1950 гг.	359
<i>Маслов В. Н.</i> Кампания борьбы с «низкопоклонством» и «безродными космополитами» в Калининградской области	368
<i>Рахаев Д. Я.</i> За фасадом нерушимого единства: дело Г. А. Кокиева и утверждение идеологемы «добровольного присоединения к России» в советском кавказоведении	378
<i>Янковская Г. А.</i> «Теневая экономика» советского изобразительного искусства в контексте позднего сталинизма.	394
<i>Ряпусова Д. Н.</i> Политика «малокартинья» в системе позднего сталинизма: предпосылки, содержание, последствия	404

IV. МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ И СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ

<i>Шалак А. В.</i> Распределение доходов колхозов как важнейший фактор условий жизни крестьянства Восточной Сибири в 1940-е гг.	416
--	-----

<i>Супрун М. Н.</i> Особенности развития сталинской модели в послевоенный период (на материалах Европейского Севера)	428
<i>Ильиных В. А.</i> Личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в 1945–1953 гг.: политика государственного регулирования, динамика	443
<i>Бердникова Т. Б.</i> Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь	451
<i>Захарченко А. В.</i> Послевоенный ГУЛАГ на «великих стройках коммунизма» в Поволжье, 1948–1953 гг.	464
<i>Лазарева Л. Н.</i> СССР – Великобритания: неиспользованный шанс сотрудничества. (О Международном экономическом совещании в Москве 3–12 апреля 1952 г.)	474

V. КОНФЕССИИ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Одинцов М. И.</i> Вероисповедная политика советского государства в 1943–1953 гг.	488
<i>Носова Е. В.</i> Конфессиональная политика в Киргизской ССР	502
<i>Каиль М. В.</i> Православный епископат в послевоенной провинции: между верой и властью	509
<i>Курляндский И. А.</i> Политика сталинской власти в отношении открытия православных церквей в СССР в 1943–1953 гг. ...	519
<i>Чарный С. А.</i> Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в позднесталинский период	527
<i>Веденеев Д. В.</i> Особенности оперативной деятельности органов госбезопасности в религиозной сфере на освобожденной территории Украины в 1943–1946 гг. (по документам НКГБ УССР).....	543
<i>Лобанов В. В.</i> Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР и его роль в ликвидации «обновленческого» раскола в 1943–1946 гг.	554
<i>Белякова Н. А.</i> Повседневная жизнь евангельских (протестантских) верующих в условиях разворачивающейся холодной войны	564
<i>Клюева В. П.</i> «Не они уступили, а с ними согласились»: евангельские христиане-баптисты и пятидесятники в первое послевоенное десятилетие	586
<i>Степанов А. Ф.</i> Казанская епархия и местная власть в 1944–1952 гг. (по отчетам уполномоченных Совета по делам РПЦ по Татарской АССР).....	595

<i>Кочетова А. С.</i> Совет по делам религиозных культов при СНК СССР: компетенция, организационная структура и направления деятельности.	605
<i>Глушаев А. Л.</i> «Собирается собрание в этом... как барак»: протестантские барачные общины Молотовской (Пермской) области на исходе сталинского времени.	611

VI. РЕПРЕССИИ. ЦЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ

<i>Батырбаева Ш. Д.</i> Идеологические и репрессивные кампании в Кыргызстане в середине XX в.: борьба с инакомыслием.	624
<i>Быкова С. И.</i> Проблема преемственности методов советской репрессивной политики 1930 – начала 1950-х гг.: биографический ракурс.	632
<i>Красильников С. А.</i> Устойчивость феномена «вредительства» в послевоенной репрессивной политике: «Красноярское дело» геологов 1949 г.	641
<i>Хаустов В. Н.</i> Холодная война и усиление репрессивной политики.	651
<i>Аблажей Н. Н.</i> Армяне-репатрианты как целевая группа террора в послевоенном СССР.	660

VII. В НЕВОЛЕ. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ССЫЛКИ И ПЛЕНА

<i>Дьяченко Л. Н.</i> Процессы этнокультурной интеграции: ретроспекция и перспектива. Кавказские народы, депортированные в 1940-е гг. в Киргизстан.	670
<i>Чиликова Е. В.</i> Некоторые аспекты депортации 1949 г.	680
<i>Веселкова Н. В.</i> «Хоть волком вой на уральскую луну»: советские немцы-трудармейцы – чувства и дискурсы.	689
<i>Иванов А. С.</i> Прокурорский надзор за системой спецпоселений (1945–1960 гг.)	698
<i>Гучинова Э.-Б. М.</i> Язык травмы в рисунках японских военнопленных о лагерях в СССР: снижение статуса и деперсонализация.	706

Научное издание

История сталинизма. Дебаты

**Советское государство и общество
в период позднего сталинизма.
1945–1953 гг.**

**Материалы VII Международной научной конференции.
Тверь, 4–6 декабря 2014 г.**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *М. А. Айламазян*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Н. Н. Доломанова*

ЛР № 066009 от 22.07.98. Подписано в печать 27.07.2015.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 45.

Тираж 1000 экз. Заказ № 4082.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(499)270-73-59